Дб 30 Кавказ.
Д-79

ОТЪ 1803-1806 ГОДА

ЗАКАВКАЗЬЕ

отъ 1803—1806 года.

ЗАБАВНАЯ
ОТЪ 1805 — 1806 ТОДА

РБ
30
D 79
Кавказ.
9[7]
Д-79

ЗАКАВКАЗЬЕ

ОТЪ

1803—1806

ГОДА.

Н. Дубровина.

Печатано на счетъ правительства и удостоено Совѣщательнымъ Комитетомъ Главнаго Штаба наибольшей денежной преміи въ 500 руб.

Проверено 1887 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Стран.

и въ за-
кавказски-
я просить 13
Россіи. —
—Просьба
ство Рос-
раторовъ:
ій къ Рос-
—Отправ-
оссіи. —
министра-
я страны. 1
я. — Кнор-
ъ началѣ
Сословное
каго гру-
е въ Гру-
дру I. —
заставив-
скаго. —
—Реск-
къ хановъ
. 31
оворъ съ
роговлѣ на
ымъ гор-
Мнѣніе о
андра кн.
. 63
ніе лицъ
улона кн.
ктанга и
исьмо къ
ъ силою
-Убійство
ie ея въ
ру. 79

16350.
IV

ЗАКАВКАЗЬЕ

ОТЪ

1803—1866

ГОДА.

Печатано по сообщенію Главнаго Штаба 6 Сентября 1866 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
516717 м

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I. Первыя сношенія и владычество наше на Кавказѣ и въ закавказскомъ краѣ. — Кавказская линія и сношенія съ закавказскими народами. — Грузія и ея историческая судьба. — Грузія проситъ сначала о покровительствѣ, а впослѣдствіи о подданствѣ Россіи. — Вопросъ о присоединеніи Грузіи. — Безпорядки въ странѣ. — Просьба грузинскаго царя Георгія XIII о принятіи Грузіи въ подданство Россіи. — Раздоры въ царскомъ семействѣ. — Колебаніе императоровъ: Павла I и Александра I, въ вопросѣ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. — Мнѣніе государственнаго совѣта по этому вопросу. — Отправленіе Кнорринга въ Грузію. — Присоединеніе Грузіи къ Россіи. — Манифесты императоровъ Павла и Александра. — Новое административное дѣленіе Грузіи. — Устройство внутренняго управленія страны. 1

Глава II. Открытіе въ Грузіи верховнаго русскаго правленія. — Кноррингъ и Коваленскій. — Неудовольствіе Грузинъ при самомъ началѣ открытія правленія. — Причина такого неудовольствія. — Сословное дѣленіе Грузинъ и ихъ бытъ. — Интриги и происки царскаго грузинскаго семейства и ихъ раздоры между собою. — Волненіе въ Грузіи. — Письмо кахетинскихъ князей къ императору Александру I. — Безпорядки въ устройствѣ и правленіи краемъ. — Причины заставившія императора Александра смѣнить Кнорринга и Коваленскаго. — Назначеніе кн. Циціанова главноуправляющимъ въ Грузію. — Рескриптъ императора кн. Циціанову. — Характеристика окружныхъ хановъ и владѣльцевъ. 31

Глава III. Прибытіе кн. Циціанова въ Георгіевскъ. — Договоръ съ ханами. — Цѣль договора. — Затрудненія встрѣчаемыя въ торговлѣ на Каспійскомъ морѣ. — Пособія и денежныя выдачи нѣкоторымъ горскимъ владѣльцамъ. — Предположеніе о занятіи Дербента. — Мнѣніе о томъ гр. Валеріана Зубова. — Рескрипты императора Александра кн. Циціанову. 63

Глава IV. Прибытіе кн. Циціанова въ Тифлисъ. — Отправленіе лицъ грузинскаго царскаго дома въ Россію. — Письмо царевича Іулона кн. Циціанову и отвѣтъ на него. — Отправленіе царевичей Вахтанга и Давыда. — Бѣгство изъ Тифлиса царевича Теймураза. — Письмо къ нему кн. Циціанова. — Обстоятельства вынуждаютъ отправить силою царицу Марію въ Россію. — Распоряженія къ ея вывозу. — Убійство Лазарева. — Отправленіе царицы въ Воронежъ и заключеніе ея въ монастырь. — Письмо царицы Маріи къ императору Александру. . . . 79

Стран.

Глава V. Экспедиція генералъ-маіора Гулякова въ Джаро-Бѣлоканы.—Движеніе къ броду Урдо.—Взятіе Бѣлоканъ и Чаръ.—Послѣдствія экспедиціи: принятіе Джаро-Бѣлоканцовъ въ подданство Россіи.—Построеніе при Бродѣ-Урдо „Александровскаго редута на Алазани“ . . 91

Глава VI. Необходимость и предположенія о занятіи Баку.—Тогдашнее положеніе бакинскаго хана.—Просьба его о подданствѣ. — Согласіе на то императора Александра.—Князь Циціановъ проситъ о присылкѣ въ его распоряженіе еще 2-хъ полковъ. — Отказъ бакинскаго хана отъ подписанныхъ имъ условій подданства 102

Глава VII. Происшествія послѣ смерти армянскаго патріарха Іосифа: два патріарха Даніилъ и Давыдъ.—Вмѣшательство Коваленскаго въ избраніе новаго патріарха.—Переговоры кн. Циціанова съ эриванскимъ ханомъ объ утвержденіи патріархомъ Даніила. 114

Глава VIII. Предположеніе кн. Циціанова о заведеніи въ Грузіи суконныхъ и кожевенныхъ фабрикъ. — Проектъ устройства дороги. — Мѣры къ образованію въ Грузіи. — Типографія, устроенная царемъ Ираклiемъ. — Замѣна подати сырыми произведеніями, денежною и хлѣбною. — Учрежденіе таможенныхъ заставъ. — Эпидемическая болѣзнь въ Тифлисѣ и окрестностяхъ и мѣры къ ея прекращенію. . 123

Глава IX. Мингрелія и Имеретія.—Ихъ топографическое и этнографическое описаніе. — Внутренній бытъ и характеръ народовъ ихъ населяющихъ.—Мингрельскій князь Григорій Дадіанъ ищетъ подданства Россіи.—Переговоры по этому и условія подданства. — Рескриптъ императора Александра князю Дадіану и принятіе его въ подданство. 137

Глава X. Происшествія въ Имеретіи до вступленія на престолъ Соломона II.—Бѣгство изъ Кутаиса вдовствующей царицы Анны и спасеніе ея нашими войсками.—Прибытіе ея въ С.-Петербургъ.—Просьба Анны къ императору Александру объ освобожденіи сына ея царевича Константина изъ заключенія. — Посылка Соколова въ Имеретію.—Переговоры его по этому дѣлу съ царемъ имеретинскимъ и несогласіе послѣдняго освободить царевича. — Отъѣздъ изъ С.-Петербурга въ Грузію Царицы Анны.—Порученіе князю Циціанову содѣйствовать къ освобожденію царевича. — Отправленіе Броневскаго въ Имеретію для переговоровъ по этому дѣлу. — Освобожденіе царевича Константина. 155

Глава XI. Прибытіе посла имеретинскаго царя въ С.-Петербургъ. — Просьба и условія, на которыхъ имеретинскій царь желалъ вступить въ подданство Россіи.—Двуличность царя Соломона.—Его безчеловѣчный поступокъ съ посланными отъ кн. Дадіана мингрельскаго къ кн. Циціанову.—Прерваніе переговоровъ и обратное отправленіе посланнаго въ Тифлисъ.—Предположеніе императора Александра, высказанное въ рескриптѣ, о дѣйствіяхъ нашихъ въ Закавказьи. . . 193

Глава XII. Отъѣздъ царицы Дарьи изъ Тифлиса въ Мухранъ, и ея происки. — Предложеніе кн. Циціанова царицѣ отправиться въ Россію. — Письмо грузинскаго царевича Александра и отвѣтъ на него кн. Циціанова.—Царица Дарья не желаетъ ѣхать.—Письмо ея кн. Циціанову и отправленіе царицы въ Москву. 204

Стран.

Глава XIII. Приготовленіе къ экспедиціи въ Ганжу, Эривань и Баку.—Прибытіе въ Грузію новыхъ полковъ.—Вторженіе Лезгинъ въ Карталинію, со стороны Ахалцыха.—Мѣры принятыя къ ихъ отраженію. — Вторженіе въ Грузію Лезгинъ, со стороны Дагестана. — Воззваніе къ Джарцамъ, не исполнившимъ заключенныхъ условій, и отраженіе вторгнувшихся Лезгинъ, со стороны Дагестана 211

Глава XIV. Движеніе къ Ганжѣ.—Составъ войскъ.—Переписка кн. Циціанова съ Джаватъ ханомъ ганжинскимъ.—Штурмъ Ганжинской крѣпости и покореніе ганжинскаго ханства. — Ближайшія отъ того послѣдствія: подданство самухскаго владѣльца Шеринъ-Бека. . . . 223

Глава XV. Принятіе Имеретіи въ подданство Россіи. — Отправленіе статскаго совѣтника Литвинова въ Имеретію и Мингрелію. — Происки имеретинскаго царя Соломона.—Смерть Дадіана мингрельскаго.—Прибытіе нашихъ войскъ въ Имеретію и Мингрелію. 242

Глава XVI. Предположенія правительства о пріобрѣтеніи пристани Поти.—Важность для насъ подобнаго пріобрѣтенія.—Предполагаемыя средства къ достиженію этой цѣли.—Затрудненія, встрѣчаемыя въ продовольствіи войскъ находящихся въ Имеретіи и Мингреліи. — Доставка провіанта изъ Крыму.—Неудобство этой доставки.—Крушеніе корабля Тольской Богородицы и гибель привезеннаго ею провіанта. 277

Глава XVII. Движеніе къ Эривани. — Составъ войскъ.—Эчміадзинское сраженіе.—Занятіе предмѣстья и садовъ Эривани.— Обложеніе крѣпости.—Переговоры съ эриванскимъ ханомъ.—Отраженіе атаки персидскихъ войскъ.—Подданство хана хойскаго.—Недостатокъ провіанта.—Военный совѣтъ. — Снятіе блокады и возвращеніе отряда въ Бамбаки 291

Глава XVIII. Поведеніе принятое главноуправляющимъ, относительно хановъ и горскихъ владѣтелей.—Письма кн. Циціанова къ хану Карабагскому и султану Эллисуйскому.—Безпорядки въ Грузіи, во время эриванской экспедиціи.—Возстаніе горскихъ жителей осетинъ, тіулетинцевъ и тагаурцовъ.—Дѣйствія и интриги царевичей Іулона и Парнаоза.—Взятіе въ плѣнъ царевичей Іулона и Парнаоза; отправленіе ихъ въ Россію.—Прекращеніе волненій въ Грузіи. . . . 355

Глава XIX. Движеніе Гулякова въ Джаро-Бѣлоканы.—Цѣль экспедиціи.—Бой въ Закатальскомъ ущельѣ.—Смерть Гулякова.—Отступленіе отряда къ урочищу Пейкаро.—Послѣдствія экспедиціи. . . , 374

Глава XX. Переговоры съ Келишъ-Бекомъ абхазскимъ о выдачѣ Левана наслѣдника мингрельскаго.—Посылка диваномъ турецкихъ чиновниковъ въ Мингрелію.—Свиданіе ихъ съ Литвиновымъ.—Происки имеретинскаго царя Соломона.—Устройство дѣлъ въ Имеретіи и Мингреліи.— Торжественное объявленіе грамотъ императора Александра, о принятіи этихъ областей въ подданство Россіи.—Отправленіе депутатовъ въ С. Петербургъ.—Разсмотрѣніе вопроса о правѣ владѣнія Лечгумомъ.—Устройство временнаго правленія въ Мингреліи.—Бѣгство имеретинскаго царевича Константина изъ Тифлиса въ Имеретію.—Переписка кн. Циціанова съ царемъ Соломономъ о возвращеніи царевича.—Происшествія въ Гуріи. 384

Стран.

Глава XXI. Принятіе въ подданство Россіи ханствъ карабагскаго и шекинскаго. — Переговоры по этому вопросу и условія, на которыхъ ханы вступили въ подданство. —Выгоды сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ этихъ ханствъ. —Вступленіе въ подданство Россіи Джангиръ-хана шагахскаго и Будагъ султана шурагельскаго и условія заключенныя съ ними. 404

Глава XXII. Война съ Персіею 1805 г. —Причины ея. — Фирманы Баба-Хана и грузинскаго царевича Александра. — Движеніе персидскихъ войскъ къ Араксу и переправа у мѣстечка Худо-Пири. — Мѣры принятыя кн. Циціановымъ къ отраженію Персіянъ. —Расположеніе нашихъ войскъ. —Дѣйствія Лисаневича. —Сраженіе при Жибраильскихъ садахъ. —Дѣйствіе полковника Карягина у Оскорани. — Отступленіе его сначала къ Шахъ-Булаху, а потомъ къ Мухрату. — Движеніе кн. Циціанова противу персіянъ. —Окончаніе кампаніи. . . 413

Глава XXIII. Дѣйствіе каспійской флотиліи у Гиляни. — Предположеніе и цѣль ея дѣйствій. — Появленіе флотиліи у Зинзилинскихъ береговъ. —Неудачныя дѣйствія у Ряшты и Баку. —Возвращеніе ея къ берегамъ остр. Сары, для переселенія Джангиръ-хана шагагскаго въ Грузію. —Движеніе Насвѣтаева для переселенія въ Грузію Хана хойскаго, со всѣмъ его народомъ. 436

Глава XXIV. Народное образованіе Грузинъ. — Предположеніе объ учрежденіи въ Тифлисѣ гимназіи и сформированіе коннаго грузинскаго полка. — Устройство сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній въ Закавказьѣ. —Предположенія о колонизаціи въ Мингреліи. —Запрещеніе вывоза за границу хлѣба изъ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи. — Привозъ соли изъ Россіи. —Заботы кн. Циціанова о развитіи промышленности и хлѣбопашества. — Проэктъ аптеки и ботаническаго сада въ Тифлисѣ. — Учрежденіе штурманскаго училища въ Астрахани. —Предположенія объ устройствѣ подвижнаго магазейна. —Улучшеніе быта дворянъ, и магометанскаго духовенства. —Перемѣна въ составѣ грузинскаго правительства. —Виды кн. Циціанова и его мнѣніе о способахъ управленія страною. 448

Глава XXV. Распоряженіе о занятіи Баку. —Движеніе къ Баку генерала Завалишина. —Движеніе туда же самаго главнокомандующаго. — Принятіе въ подданство Россіи ширванскаго Мустафу хана. —Переписка кн. Циціанова съ бакинскимъ ханомъ. —Гуссейнъ-Кули-ханъ соглашается сдать крѣпость на дискрецію. —Условія сдачи. —Убійство кн. Циціанова. —Краткая характеристика его дѣятельности въ Закавказьѣ. 471

Приложенія. 485

Помѣщенные въ книгѣ планы сраженій взяты съ тогдашнихъ плановъ приложенныхъ къ донесеніямъ или самаго кн. Циціанова или другихъ дѣйствовавшихъ лицъ: словомъ, не новѣйшіе, но современные описываемымъ событіямъ.

ГЛАВА I.

Первыя сношенія и владычество наше на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ. — Кавказская линія и сношенія съ закавказскими народами.—Грузія и ея историческая судьба. — Грузія проситъ сначала о покровительствѣ, а впослѣдствіи о подданствѣ Россіи. — Вопросъ о присоединіи Грузіи. — Безпорядки въ странѣ. — Просьба грузинскаго царя Георгія XIII о принятіи Грузіи въ подданство Россіи. — Раздоры въ царскомъ семействѣ. — Колебаніе Императоровъ: Павла I и Александра I, въ вопросѣ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. — Мнѣніе государственнаго совѣта по этому вопросу.—Отправленіе Кнорринга въ Грузію.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи.—Манифесты Императоровъ Павла и Александра.—Новое административное дѣленіе Грузіи.—Устройство внутренняго управленія страны.

До Петра Великаго, единственнымъ нашимъ укрѣпленіемъ, въ такъ называемомъ съ давнихъ поръ кавказскомъ краѣ, была крѣпость Тюмень (Терки), основанная еще въ царствованіе Іоанна IV Васильевича около 1559 года. Возведенная на одномъ изъ рукавовъ Терека, при впаденіи его въ Каспійское море, крѣпость эта состояла изъ деревянной стѣны съ башнями и въ ней содержался постоянный гарнизонъ.

Съ этого времени начались борьба и сношенія Россіи съ кавказскими народами, обитавшими какъ по сю сторону кавказскаго хребта горъ, такъ и за хребтомъ горъ, въ такъ называемомъ закавказскомъ краѣ, или просто *Закавказьѣ*.

Бѣдственное положеніе Грузіи, принявшей христіанство еще въ IV вѣкѣ и не имѣвшей достаточно силъ для отраженія враждебныхъ ей сосѣдей, вынуждало ее искать покровительства сильной державы. Страна эта была постояннымъ театромъ столкновеній и борьбы между многими народами, споривишими за право владѣнія сю. Покоряемая и раззоряемая по очередно: аравитянами, монголами, персіянами и турками, стремившимися силою оружія распространять исламизмъ, Грузія съумѣла сохранить свою религію и народность. Непрерывныя бѣдствія, постоянныя раззоренія составляютъ исторію Грузіи, кромѣ эпохи съ 1080 по 1201 годъ

Глава X
шекин
рыхъ
обрѣте
гиръ-х
заклю
Глава X
Баба-
скихъ
Мѣры
ложен
браил
Отсту
Движ
Глава
женіе
берег
къ б
въ Г
хойс
Глава
учре
скаг
Зака
V щен
При
мыш
сада
ни.
шев
ста
ніе
Глава
рал
Пр
пи
со
ст
За
Прило

Пом
ложенны
шихъ л

т. е. съ начала царствованія Давыда, прозваннаго возобновителемъ, и до кончины уважаемой грузинской царицы Тамары.

Въ этотъ періодъ времени (1080 — 1201) имя Иверіи (Грузіи) было грознымъ для всего Закавказья, отъ предѣловъ моря Чернаго до моря Каспійскаго. Со смертію Тамары наступила эпоха новыхъ бѣдствій и раззореній. Раздѣленіе же Грузіи въ XV столѣтіи на три царства: Картталинское, Кахетинское и Имеретинское, и на владѣнія: Мингрельское, Абхазское, Гурійское и Сванетское, еще болѣе ослабило страну. Начавшіяся между новыми владѣльцами ссоры заставляли слабѣйшихъ, для своей собственной защиты, искать чужой помощи. Въ такихъ случаяхъ они нерѣдко обращались къ Россіи, какъ къ странѣ единовѣрной, прося ея о покровительствѣ.

Вступленіе въ 1561 году въ бракъ царя Іоанна Васильевича съ Кабардинскою княжною Маріею Темрюковною, сблизило Россію еще болѣе съ тамошними народами. Въ 1582 году жители окрестности Бетшау, или пятигорскіе Черкесы, стѣсненные частыми набѣгами Татаръ, добровольно отдались подъ покровительство русскаго царя.

Вслѣдъ за тѣмъ кахетинскій царь Леонъ также просилъ помощи Россіи, предавая себя въ подданство этой державы. Сынъ его Александръ II, стѣсненный нападеніями сильнаго въ то время владѣльца въ Дагестанѣ Шамхала-Тарковскаго, въ 1586 году отправилъ посольство къ царю Феодору Іоанновичу изъявляя свою готовность принять подданство Россіи. Принявъ благосклонно пословъ грузинскихъ, царь Феодоръ Іоанновичъ отвѣтилъ Александру отправленіемъ своего посольства въ Грузію. Въ присутствіи русскаго посла, царь Александръ, съ дѣтьми своими Иракліемъ, Давыдомъ, Георгіемъ, и съ важными сановниками, присягнулъ на вѣрноподданство русскому престолу, съ обѣщаніемъ платить ежегодно въ дань матеріями грузинскаго издѣлія (1).

По полученіи этой дани царь Феодоръ Іоанновичъ снова

(1) Цари кахетинскіе дали присягу въ томъ „чтобы быть имъ со всею своею землею подъ державою россійскихъ государей и отъ Россіи не отступать ни къ которому государю, а въ знакъ подданства ежегодно присылать къ россійскому двору, цѣною противъ 50 камокъ персидскихъ золотыхъ и 10 ковровъ съ золотомъ и серебромъ, такого узорочья, какое въ ихъ Иверской землѣ дѣлается“.

отправилъ въ Грузію послами князя Семена Григорьевича Звѣнигородскаго и дьяка Антонова съ жалованною грамотою и съ „висячею золотою печатью“, обнадеживая грузинскаго царя своею помощію. Вмѣстѣ съ послами, по просьбѣ грузинъ, отправлены были поучители Троицко-Сергіевской лавры: соборный старецъ Закхей, іеромонахъ Іоасафъ, чудовскій дьяконъ Феодосій и нѣсколько соборныхъ священниковъ и иконописцовъ (1).

Принявъ въ свое подданство Грузію, русскій царь отправилъ посольство и къ персидскому Шахъ-Аббасу Великому, съ увѣдомленіемъ о вступленіи царя кахетинскаго подъ покровительство Россіи, и просилъ не обижать кахетинцовъ. Шахъ-Аббасъ согласился на присоединеніе Кахетіи къ Россіи, но просилъ, съ своей стороны, чтобы приняты были мѣры къ воспрещенію горцамъ дѣлать набѣги на персидскія области, — что и было обѣщано.

Война между Турціею и Персіею, во времена владычества Шахъ-Аббаса, на время отвлекла вниманіе ихъ отъ Грузіи. Грузинскіе владѣтели, успокоенные, хотя не надолго, отъ вторженій турокъ и персіянъ, занятыхъ войною, стали забывать о своихъ обязательствахъ къ Россіи и уклонялись отъ ея подданства. Это уклоненіе побудило царя Бориса Феодоровича Годунова, въ 1602 году, отправить новое посольство въ Грузію.

Въ 1605 году, кахетинскій царь Александръ II, передъ русскимъ посломъ Татищевымъ, вновь возобновилъ прежнюю присягу, а сынъ его Георгій „просилъ россійскихъ пословъ предложить государю Борису Феодоровичу, дабы онъ въ грузинской землѣ, избравъ одинъ городъ или два, для вящшаго укрѣпленія посадилъ бы тамъ русскихъ людей, дабы Турки и Персіяне имъ не грозили“.

Карталинскій царь Георгій Симоновичъ также присягнулъ, за себя и за сына своего Іессея, на вѣрноподданство Россіи, въ покровительство которой и передалъ всю свою карталинскую землю.

Для большаго утвержденія союза съ Грузіею, царь Борисъ просилъ въ замужество, за своего сына царевича Феодора, царевну грузинскую Елену, а Хозроя, племянника

(1) Истор. изоб. Грузіи 1802 г. стр. 22.

царя карталинскаго Георгія, предложилъ отправить въ Москву для вступленія въ бракъ съ царевною Ксеніею Борисовною, „о чемъ 10 мая 1605 года и запись учинена была при россійскихъ послахъ.“

Смерть Бориса Феодоровича и послѣдовавшіе за тѣмъ въ томъ же году политическіе перевороты въ Россіи разрушили начатые переговоры и отвлекли вниманіе ея отъ Грузіи, испытавшей новыя бѣдствія.

Шахъ-Аббасъ персидскій приказалъ отравить ядомъ Георгія карталинскаго и, узнавъ, что кахетинскій царь Александръ велъ тайную переписку съ турецкимъ дворомъ, послалъ противъ него, съ 2000 персидскаго войска, сына его царевича Константина, который былъ съ малолѣтства аманатомъ у шаха и принялъ въ Испаганѣ магометанскую вѣру.

Царевичъ Константинъ окружилъ войскомъ селеніе своего отца и брата подъ видомъ того, что слѣдуетъ для овладѣнія Шемахою. Онъ казалось былъ внимателенъ къ отцу и брату. Напрасно нашъ посолъ Татищевъ указывалъ на измѣну и просилъ не довѣрять Константину. Александръ и сынъ его Григорій не смѣли изъявить подозрѣнія и предпринять какія либо мѣры, боясь тѣмъ разгнѣвать могущественнаго шаха. Измѣна скоро открылась.

Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру, Татищевъ услыхалъ шумъ, крики и стрѣльбу во дворцѣ. Онъ послалъ туда своего толмача, который, при входѣ во дворецъ, встрѣтилъ персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями и скоро увидѣлъ двѣ отсѣченныя головы, лежавшія у ногъ Константина. То были головы его отца и брата. Исполнивъ приказаніе шаха, Константинъ, объявившій уже себя царемъ, старался успокоить нашего посла.

— Родитель мой, говорилъ онъ Татищеву, сдѣлался жертвою междоусобія сыновняго,—несчастіе весьма обыкновенное въ нашей землѣ. Самъ Александръ извелъ отца своего, убилъ и брата.—Я тоже сдѣлалъ, не знаю къ добру-ли, къ худу ли для свѣта; по крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и лучше заслужу милость Государя Русскаго.

Неистовство Константина соединило въ одно всѣхъ кахетинскихъ князей, обратившихся къ юной Кетевани, супругѣ Давыда (1), „умоляя спасти христіанское наслѣдіе ея сына

(1) Старшаго сына Александра II, умершаго не задолго передъ этимъ происшествіемъ.

отъ царя магометанина".—Слабая женщина облеклась въ доспѣхи боевые и повела грузинскую дружину противъ Константина и его персидскихъ войскъ.—Разбитый на голову, Константинъ едва спасся самъ съ тремя человѣками.—Боясь показаться шаху, онъ ушелъ къ лезгинамъ просить помощи. Константинъ обѣщалъ имъ дозволить трое сутокъ грабить Тифлисъ, но былъ встрѣченъ на берегахъ р. Алазани грузинами, разбитъ ими и самъ убитъ.

Все это происходило въ Грузіи тогда, когда турки и персіане овладѣли почти всѣмъ Закавказьемъ.—Въ половинѣ XVI столѣтія восточная часть края и южный Дагестанъ признали власть персіянъ, а вся западная часть и въ томъ числѣ Грузія перешли въ руки турокъ.—Къ тому же воинственные жители горъ Дагестана, подъ именемъ лезгинъ, поселились на восточной границѣ Кахетіи, въ округѣ Джаро-Бѣлоканскомъ, и оттуда не только предпринимали набѣги на сосѣднія земли Грузіи, но и проникали въ предѣлы Персіи и Турціи.

Господство турокъ въ Грузіи продолжалась почти до половины XVIII стол.—Послы царей Кахетинскихъ, Карталинскихъ и Имеретинскихъ являлись безпрестанно въ Москву, къ царямъ: Михаилу Федоровичу и Алексѣю Михайловичу; но могла ли Россія подать дѣйствительную помощь столь отдаленному краю, въ то время, когда сама боролась съ ближайшими сосѣдями и имѣла много заботъ внутри государства?—Не смотря на то Грузія все таки обращалась за помощію къ Россіи.

Въ 1619 г. Кахетинскій царь Теймуразъ (внукъ убитаго царя Александра II), послалъ игумена Хиротона къ царю Михаилу Федоровичу, прося его защиты и покровительства.

„Вамъ, писалъ Теймуразъ, великому государю, свои слезы и бѣдность объявляемъ, что свѣтлость наша превратилась во тьму, и солнце уже насъ не грѣетъ, и мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый учинился ночью, и таково мнѣ нынѣ учинилось, что лучше бы у матери моей утроба пересохла и азъ-бы не родился, нежели видѣть, что православная Христіанская вѣра, Иверская земля, при моихъ очахъ раззорилася, въ церквахъ имя Божіе не славится и стоятъ всѣ пусты".

Просьба Россіи за утѣсненную Грузію была уважена и Теймуразу возвращено его владѣніе.

Въ 1638 году, владѣтель Мингреліи Леонъ Дадіанъ, въ 1639 г. означенный царь Теймуразъ, а въ 1650 г. сентября 14, Имеретинскій царь Александръ присягнули на вѣрноподданство Россіи.

Въ 1680 г. Кахетинскій царь Арчилъ просилъ позволенія пріѣхать въ Москву и принять также присягу на вѣрноподданство.—Для пріема его отправленъ былъ на границу сотникъ съ 80 стрѣльцами.—По пріѣздѣ Арчила въ Терки, 20 апрѣля 1683 г., была вручена ему грамота отъ царя Алексѣя Михайловича о принятіи его въ подданство, съ дозволеніемъ остаться въ Россіи и жить въ той крѣпости.—

Со времени вступленія на престолъ Императора Петра I вліяніе Россіи на дѣла Кавказскаго края становится болѣе опредѣленнымъ и почти безпрерывнымъ.—Петръ I желалъ, вдоль западнаго берега Каспійскаго моря, черезъ Персидскія владѣнія, проложить въ Индію непосредственный торговый путь.—Для этого необходимо было, если не совсѣмъ покорить Кавказскій край, то по крайней мѣрѣ до такой степени въ немъ утвердиться, что бы оттуда уже имѣть сильное вліяніе на Персидскія провинціи прилежащія къ Каспійскому морю.— Г. Терки получилъ прочный и болѣе правильный видъ и въ 1711 году образовалось тамъ Русское поселеніе.— Потомки гребенскихъ казаковъ, бѣжавшихъ за р. Сунжу, по причинѣ участія въ донскомъ бунтѣ, произведенномъ Маріною Мнишекъ съ Заруцкимъ, стѣсненные Чеченцами и другими горскими народами, прибѣгнули къ милосердію Императора Петра I. Адмиралъ Апраксинъ, по приказанію царя, перевелъ ихъ на р. Терекъ и поселилъ въ пяти станицахъ: Новогладковской, Щедринской, Старогладковской, Кудрюковской и Червленской, гдѣ они и оставались до похода Петра Великаго въ Персію, пока по высочайшему указу (1), ихъ не подчинили Астраханскому губернатору, въ вѣденіи котораго и состоялъ г. Терки.

Предпринявъ походъ противъ Персіянъ и прибывъ съ арміею въ 1722 году къ аграханскому мысу, Петръ I приказалъ выстроить аграханскій ретраншаментъ для склада провіанта. Войска назначенныя къ походу въ Дагестанъ состояли изъ 22 тыс. пѣхоты, 9 тыс. драгунъ и кромѣ того изъ малороссійскихъ казаковъ, астраханскихъ Татаръ и Кабардин-

(1) 22 декабря 1720 г. См. П. С. З.

цовъ, бывшихъ подъ начальствомъ гвардіи поручика Кудрявцова.

По прибытіи Императора къ Сулаку, явились послы отъ многихъ горскихъ владѣтелей, въ томъ числѣ и отъ Шамхала-Тарковскаго, съ изъявленіемъ покорности и поднесеніемъ подарковъ. Войска вступили во владѣнія Шамхала дружелюбно; самъ Петръ посѣтилъ Шамхала, но далѣе, на пути къ Дербенту, войска наши были атакованы горцами, которые и были на голову разбиты русскими. Дербентъ отворилъ ворота и Императоръ былъ встрѣченъ Ханомъ-правителемъ и всѣмъ народомъ.

Оставивъ въ Дербентѣ русскій гарнизонъ Петръ возвратился въ Астрахань (1). При обратномъ своемъ слѣдованіи, для утвержденія нашего вліянія, на Шамхальскія владѣнія и на вновь покоренныя мѣста, Петръ I заложилъ на рѣкѣ Сулакѣ крѣпость св. Креста, въ 20 верстахъ выше устья рѣки, куда и перевелъ весь почти гарнизонъ изъ крѣпости Терки, оставивъ тамъ ретраншаментъ со 150 человѣками. Для усиленія гребенскаго войска и вновь построенныхъ укрѣпленій были взяты съ Дона (2) тысяча семействъ: 500 были поселены около аграханскаго ретраншамента, а 500 присоединены были къ гребенцамъ. Первыя впослѣдствіи образовали такъ называемыхъ аграханскихъ казаковъ.

Между тѣмъ въ бытность свою въ крѣпости св. Креста, Императоръ Петръ I, получивъ подкрѣпленіе изъ 40 тыс. Калмыковъ и присоединивъ еще къ нимъ тысячу Донцовъ, поручилъ походному атаману ихъ Краснощекову идти съ ними для наказанія тѣхъ горскихъ владѣтелей, кои участвовали въ нападеніи при слѣдованіи къ Дербенту. Краснощековъ съ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе Императора Петра I. На слѣдующій годъ успѣхи нашего оружія были самые блестящіе. Генералъ Матюшкинъ по сказанію современниковъ, покорилъ весь Дагестанъ (3), Апшеронскій полуостровъ, ханство Ширванское, Баку, области: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ.

Казалось, что Россія, въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ цар-

(1) Суда, шедшіе изъ Астрахани съ провіантомъ, были разбиты бурею, а потому по недостатку продовольствія, войска должны были возвратиться.

(2) Сенатскимъ указомъ 5 февраля 1724 г. См. П. С. З.

(3) Покорена была вѣроятно только приморская часть Дагестана но въ донесеніи Петру сказано: "весь Дагестанъ покорился"; такъ повторяютъ и всѣ современники.

ствованія Петра Великаго, стала твердою ногою при подошвѣ Кавказа и что покореніе приморскихъ областей Каспія, упрочивая завоеванія, подавало возможность продолжать покореніе Кавказа. Но завоеванія эти были въ сущности рановременны и отяготительны. Россія не имѣя возможности ихъ удержать за собою, вынуждена была, вслѣдствіе ганжинскаго мирнаго договора Турціи съ Томасъ Кули-Ханомъ (шахомъ Надиромъ), уступить Персіи всѣ каспійскія провинціи покоренныя Петромъ, въ томъ числѣ Дербентъ и крѣпость св. Креста. Границею обѣихъ державъ остался сѣверо-восточный рукавъ Терека,—такъ называемый старый Терекъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, по мирному трактату 1735 г., были возвращены Персіи всѣ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области и города. Астраханскіе казаки переведены на р. Терекъ и поселены около вновь устроенной Кизлярской крѣпости и образовали Кизлярское (Терское) казачье войско. Ихъ станицы: Каргалинская, Дубовская и Бороздинская, находясь въ непосредственной связи со станицами Гребенскихъ казаковъ, составили Кизлярскую линію, простирающуюся до границъ нынѣшняго Моздокскаго уѣзда, на протяженіи 150 верстъ отъ Каспійскаго моря. Такъ образовалась извѣстная въ послѣдствіи *Кавказская линія*, распространяемая и переносимая съ теченіемъ времени на болѣе удобные и выгодные пункты.

Трактатомъ 1739 г., заключеннымъ между Россіею и Портою Оттоманскою, Кабардинцы признаны независимыми и, какъ сказано было въ трактатѣ, „барьерою между обоихъ державъ“.

Такимъ образомъ съ одной стороны Персія, а съ другой Турція вытѣснили насъ изъ-за Терека и отъ береговъ р. Кубани. Бездѣйствіе же наше и быстро распространившееся религіозное ученіе мусульманъ совершенно отдалило насъ отъ горцевъ и заставило утверждаться и укрѣпляться на Кизлярской линіи.

Съ 1735 года постепенными и разновременными распоряженіями мѣстнаго начальства, линія эта была распространена на востокъ до Сладко-еричной пристани (нынѣ уничтоженной) и на западъ до г. Моздока, основаннаго въ 1763 г., отъ котораго и самая линія получила впослѣдствіи названіе *Моздокской линіи*. Въ Моздокѣ построена крѣпость, гар-

низонъ которой составленъ изъ горцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру и усиленъ вслѣдъ за тѣмъ 50-ю семействами, переселенными съ Дона.

Въ такомъ видѣ наша Кавказская линія существовала до 1777 года. Она соединялась съ Астраханью Томскимъ Шляхомъ и береговою каспійскою дорогою. Народы горскіе, прилежащіе къ Кубани, а равно и Кабарда находились въ зависимости Оттоманской Порты и Крымскаго Хана и наши границы не были ясно опредѣлены съ этой стороны.

Во время первой турецкой войны, при Императрицѣ Екатеринѣ II, горскіе народы оказывали вспомоществованіе Портѣ; въ особенности Кабардинцы вредили намъ много. Екатерина Великая, для наказанія ихъ и закубанскихъ жителей, приказала генералъ-маіору де-Медему, съ находившимися въ его распоряженіи 10 т. калмыковъ и регулярными войсками, усмирить Кабарду и начальствовать въ тамошнемъ краѣ.

Необходимость охранять границу отъ вторженія сосѣдственныхъ воинственныхъ племенъ вынудила вновь построить по Тереку рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, названныхъ вообще *Кавказскою линіею*, которая въ 1791 году и перенесена была на р. Кубань.

Въ 1792 г. полуостровъ Таманъ и все пространство отъ устьевъ Кубани до крѣпости Усть-Лабинской отдано было остаткамъ Запорожскихъ казаковъ, вѣрно служившихъ Россіи въ послѣднюю турецкую войну. Казаки эти образовали тамъ Черноморское казачье войско.

Такимъ образомъ въ концѣ XVIII стол. границу Россіи съ Кавказомъ составляла линія Кавказская, отъ устьевъ Терека до впаденія р. Лабы въ Кубань, и Черноморское казачье войско отъ этого пункта до впаденія Кубани въ Черное море.

Главное управленіе линіею сосредоточивалось первоначально въ г. Екатеринодарѣ, который въ 1786 году былъ назначенъ губернскимъ городомъ Кавказской области, составлявшей, вмѣстѣ съ областью Астраханскою, губернію Кавказскую. Въ 1790 году всѣ присутственныя мѣста перенесены были изъ Екатеринограда въ Астрахань.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, Кавказская губернія была переименована въ Астраханскую, и

начальникъ линіи имѣлъ пребываніе въ г. Наурѣ и г. Георгіевскѣ, который съ 1802 г., когда образовалась опять Кавказская губернія, назначенъ былъ губернскимъ городомъ и постояннымъ мѣстомъ пребыванія начальника линіи.

Занятая устройствомъ линіи и положившая далѣе этой черты не распространять своихъ владѣній, Россія не могла сдѣлать исключенія для Грузіи, подпавшей опять подъ власть Персіянъ. Персидскій шахъ Надиръ, побѣдою при Багдадѣ въ 1733 г., возвратилъ Персіи прежнія ея владѣнія и занялъ Грузію, гдѣ поставилъ царемъ Теймураза, бывшаго царя Кахетинскаго.

Смерть шаха Надира (1747 г.) освободила Грузію отъ зависимости Персіянъ, а также и Дагестанъ, южная часть котораго и Ширванъ распались въ это время на отдѣльныя ханства: Дербентское, Кубинское, Бакинское, Ширванское, Шекинское и Ганжинское, сдѣлавшіяся независимыми и самостоятельными.

Сбросивъ иго персидское, Грузія подверглась новымъ набѣгамъ и разореніямъ: съ востока отъ Лезгинъ и хана Аварскаго, сильнаго владѣльца въ Дагестанѣ; съ запада, — отъ Турокъ. Временно соединенныя въ одно царство при Теймуразѣ (1735) Кахетія и Карталинія отдѣлились одна отъ другой въ 1744 г., когда Теймуразъ уступилъ Кахетію сыну своему Ираклію; но это послѣднее раздѣленіе Грузіи было не продолжительно. Въ 1760 г. Теймуразъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ вскорѣ и умеръ, а Ираклій сдѣлался царемъ грузинскимъ, подъ именемъ Ираклія II.

Первые годы своего царствованія Ираклій успѣшно отражалъ набѣги враговъ и даже помогалъ Русскимъ войскамъ, которые въ 1769 г. подъ начальствомъ графа Тотлебена перешли хребетъ Кавказскихъ горъ, для дѣйствія противу Турокъ, и черезъ Грузію проникли въ Имеретію.

Кучукъ-кайнарджійскій миръ (1774) освободилъ Грузію отъ притязаній Турціи. По этому же миру Имеретія и Мингрелія были признаны независимыми, подъ управленіемъ своихъ собственныхъ владѣтелей. Русскіе войска окончивъ военныя дѣйствія, удалились изъ Грузіи и она опять осталась на жертву постоянныхъ своихъ враговъ, Персіянъ и Горцевъ, которые продолжали опустошать эту страну.

Царь Ираклій II, предвидя невозможность противустоять съ слабыми своими силами окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ врагамъ, искалъ защиты Россіи, какъ державы единовѣрной, подъ покровительство которой и былъ принятъ, по договору, заключенному въ Георгіевскѣ, 24-го іюля 1783 г.

Основанія и сущность этого договора заключались главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) Царь Карталинскій и Кахетинскій отказывался отъ всякой зависимости отъ Персіи или иной державы, а признавалъ надъ собою верховную власть и покровительство Россіи, которая съ своей стороны ручалась за цѣлость и сохраненіе владѣній царя Ираклія, не только настоящихъ, но даже и тѣхъ, которые со временемъ будутъ пріобрѣтены „и прочнымъ образомъ за нимъ утверждены“. 2) Цари, вступая наслѣдственно на царство, должны испрашивать у Всероссійскихъ Императоровъ утвержденія съ инвеституроюю въ семъ достоинствѣ и, въ присутствіи русскаго министра, приносить присягу на вѣрность „и усердіе къ Россійской Имперіи и на признаніе верховной власти и покровительства Русскихъ Императоровъ“. 3) Ираклій и его пріемники обязывались не имѣть никакихъ сношеній съ сосѣдями „безъ предварительнаго соглашенія“ съ главнымъ пограничнымъ начальникомъ и русскимъ министромъ, при нихъ аккредитованнымъ, „а когда отъ нихъ (т. е. окрестныхъ владѣтелей) пріѣдутъ посланцы или присланы будутъ письма, оныя принимая, совѣтываться съ главнымъ пограничнымъ начальникомъ и съ министромъ Его Императорскаго Величества о возвращеніи таковыхъ посланцевъ и для надлежащей ихъ владѣтелямъ отповѣди“.

Съ своей стороны Россія обѣщала царю Ираклію полную защиту, считая своими врагами и непріятелями того, кто будетъ врагомъ его и подвластныхъ ему народовъ. Постановлено сохранить наслѣдственныя права на престолъ, какъ самаго царя Ираклія, такъ и его наслѣдниковъ, предоставивъ ему, и его наслѣдникамъ, внутреннее управленіе народомъ вполнѣ независимымъ образомъ, съ воспрещеніемъ тамошнему русскому военному и гражданскому начальству вмѣшиваться въ какіе либо распоряженія.

Католикосъ, или начальствующій въ Грузіи архіепископъ, признанъ состоящимъ въ числѣ русскихъ архіереевъ

„въ восьмой степени, именно послѣ Тобольскаго“, и ему пожалованъ навсегда титулъ члена святѣйшаго синода.

Сверхъ того, секретными статьями, положено было, что царь карталинскій и кахетинскій Ираклій Теймуразовичъ помирится и будетъ жить въ дружбѣ съ имеретинскимъ царемъ Соломономъ. Россія обѣщалась ввести въ Карталинію и Кахетію два баталіона пѣхоты съ 4-мя орудіями и, въ случаѣ войны, защищать Карталинію и Кахетію отъ ея враговъ.

Обстоятельство это не могло не обратить на себя вниманія Персіянъ, привыкшихъ смотрѣть на Грузію, какъ на подвластную имъ страну, и когда обладателемъ Персіи сдѣлался Ага-Магоммедъ-ханъ, изъ фамиліи Каджаровъ, — по низверженіи въ 1786 г. фамиліи Зендовъ, — то онъ, по истребленіи въ Персіи всѣхъ своихъ враговъ, двинулся къ Грузіи, имѣя подъ ружьемъ 60 т. человѣкъ.

Ожидая нападенія Персіянъ, царь Ираклій нѣсколько разъ обращался къ командовавшему Кавказскою линіею, графу Гудовичу, съ просьбою о помощи, согласно заключенному договору. Но графъ Гудовичъ, ожидая разрѣшенія на отправленіе войскъ въ Грузію, приготовлялся только къ походу и для этого придвинулъ часть войскъ къ Моздоку. Между тѣмъ Ага-Магоммедъ-ханъ явился предъ Тифлисомъ, взялъ его и разорилъ.

Получивъ извѣстіе объ опустошеніи Тифлиса Персіянами, Императрица приказала графу Гудовичу двинуться съ войсками въ Грузію. Отправленные туда два баталіона нашихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Сырокнева, дошли до Душета (1), но узнавъ, что Ага-Магоммедъ-ханъ ушелъ въ Персію, возвратились обратно на Кавказскую линію.

Въ 1796 году открылись военныя дѣйствія противу Персіянъ. Въ короткое время войска наши заняли Кубу, Баку, Шемаху и Ганжу и къ концу года все пространство по берегу Каспійскаго моря до Куры; потомъ перешли Араксъ и расположились на Муганской степи, имѣя открытымъ путь къ Тегерану. Передовые отряды появились у Гиляни, но кончина Императрицы Екатерины II остановила успѣхи наши въ Закавказьи. Императоръ Павелъ I, по вступленіи

(1) Городъ въ уѣздѣ того же имени, лежащій неподалеку отъ р. Терека.

на престолъ, сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ возвращеніи войскъ въ свои предѣлы, и въ 1797 году войска наши вернулись на линію. Грузія опять оставлена на собственную свою защиту отъ внѣшнихъ и внутреннихъ ея враговъ, оставлена именно въ такое время, когда наиболѣе нуждалась въ помощи Россіи.

Въ послѣдніе годы своего царствованія царь Ираклій II, будучи постоянно болѣнъ, не имѣлъ ни силъ, ни средствъ водворить порядокъ, не только во внѣшнихъ своихъ дѣлахъ, но и во внутреннемъ управленіи краемъ. Казна бѣднѣла, народъ былъ обремененъ тяжкими налогами, вездѣ распространилась бѣдность, край былъ разоренъ.

Находя недостаточными доходы казны на приличное содержаніе дѣтей своихъ, Ираклій произвольно лишалъ князей и дворянъ древнихъ ихъ помѣстій и, отдавъ ихъ въ удѣлъ своимъ дѣтямъ, передалъ вмѣстѣ съ ними большую часть Грузіи ихъ своеволію. Когда же смутныя обстоятельства требовали отъ царевичей содѣйствія войсками ихъ владѣній или доходами, то они являлись постоянно ослушниками царской воли и требованій.

Заключивъ съ Россіею трактатъ (1783 г.), какъ царь, такъ и всѣ чины государства, полагаясь на новое покровительство, стали менѣе заботиться о собственной безопасности и до такой степени утратили бодрость духа, что ихъ устрашала даже молва о намѣреніи Лезгинъ или Персіянъ вторгнуться въ Грузію. Пользуясь этимъ, Аварскій ханъ обложилъ Царство Грузинское сжегодною данью въ 5 т. руб., подъ видомъ подарковъ отъ Царя грузинскаго. Ираклій полагалъ этимъ средствомъ доставить странѣ безопасность отъ набѣговъ Аварцевъ и Лезгинъ, но цѣли не достигъ, а только увеличилъ подати народа. Такимъ образомъ налоги и безъ того значительные для содержанія царскаго дома, при необходимости уплачивать новую дань, сдѣлались тяжки для народа, тѣмъ болѣе, что отъ постояннаго опустошенія края число рабочихъ рукъ не увеличивалось, а уменьшалось.

Помѣщики, обязанные въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ помогать царю, вознаграждали себя съ избыткомъ, разоряя крестьянъ, которые были доведены до того, что искали убѣжища въ чужихъ владѣніяхъ, предпочитая рабство у сосѣ-

дей притѣсненіямъ на родинѣ. Каждый Царевичь, каждая Царевна, всякій родственникъ царскій давалъ такъ называемый *баратъ* (указъ), на право взять у купца или у крестьянина лучшее изъ всего, что онъ имѣлъ.

Для отраженія внѣшнихъ враговъ Грузія не имѣла достаточно войска и царь Ираклій вынужденъ былъ содержать отъ 5 до 10 т. человѣкъ наемныхъ Лезгинъ, которые, обязавшись служить къ огражденію народной безопасности, дѣлали своеволія въ Тифлисѣ. Ознакомившись со всѣми проходами въ страну, Лезгины вводили въ нее открыто своихъ единоземцевъ, которые грабили и увлекали въ плѣнъ несчастныхъ поселянъ, и такимъ образомъ Грузія теряла ежегодно отъ 200 до 300 семействъ. Ираклій зналъ это, но не принималъ противъ того никакихъ мѣръ, опасаясь еще большихъ бѣдъ (1).

Въ такихъ обстоятельствахъ, по вступленіи на престолъ Императора Павла I, царь Ираклій II отправилъ въ С.-Петербургъ посломъ кн. Герсевана Чавчавадзева съ двумя грамотами, въ которыхъ, поздравляя Императора съ восшествіемъ на престолъ, просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ его покровительства и присылки 4 т. человѣкъ русскаго войска для защиты Грузіи и „церквей отъ разрушенія, христіанъ отъ плѣненія“ Аги-Магоммедъ-ханомъ, угрожавшимъ новымъ разореніемъ и славшимъ Ираклію свой указъ или фирманъ, „которому, по словамъ хана, вся вселенная повинуется„ (2).

Желаніе и просьбы грузинскаго Царя были исполнены. Два баталіона подъ начальствомъ подполковника Спѣшнева назначены въ Грузію.

Прибывшій въ апрѣлѣ 1797 г. въ Петербургъ кн. Герсеванъ Чавчавадзевъ просилъ: 1) Принять Грузію подъ покровительство Россіи. 2) Утвердить наслѣдникомъ престола, по назначенію самаго Ираклія, сына его отъ перваго брака Георгія „и дать царю и народу всероссійскій законъ для управленія государствомъ, дабы онымъ исторгнуть нѣкоторыя вкравшіяся издревле азіатскія несправедливости судопроизводства, служащія во вредъ и противность православному христіанскому исповѣданію“. Ираклій просилъ о принятіи его сыновей и внуковъ въ русскую службу и пожалованіи ему заимообразно „сум-

(1) Донесеніе Кнорринга Г. И. 21-го іюля 1801 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ по деп. общ. д.
(2) Письмо Ираклія Г. И. 16-го апрѣля 1797 г. Арх. М. Иност. Д.

мы какой угодно будетъ“ на содержаніе войскъ грузинскихъ. Между тѣмъ получено было извѣстіе о смерти Аги-Магомедъ-хана. Со смертію его, Императоръ Павелъ, бывшій вообще противъ присоединенія Грузіи къ Россіи, призналъ безполезнымъ имѣть войска въ Грузіи и приказалъ вывести ихъ на линію. Въ сентябрѣ 1797 г. нашихъ войскъ въ Грузіи уже не было. Царь Ираклій, лишившись опоры въ войскахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не получалъ отъ нашего правительства никакого отвѣта на свои просьбы. Медленность въ рѣшеніи просьбъ заставила кн. Герсевана Чавчавадзева обратиться съ письмомъ къ самому Императору Павлу и спросить его: угодно ли ему подтвердить прежніе трактаты? Онъ ссылался на трактатъ 1783 г., по которому положено при грузинскомъ царѣ содержать два баталіона русскихъ войскъ съ 4-мя орудіями, и какъ они были выведены, то и просилъ ихъ возвратить въ Грузію.

Ираклій не дождался рѣшенія Императора; онъ скончался 11-го января 1798 года. Съ его смертію положеніе Грузіи не только не улучшилось, но напротивъ того сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ, какъ отъ раздоровъ, происходившихъ въ многочисленной семьѣ царской (1), такъ и отъ угрожающей опасности Грузіи со стороны Персіянъ.

Сынъ Ираклія Георгій вступилъ на грузинскій престолъ подъ именемъ Георгія XIII и самъ подалъ поводъ къ семейному раздору. Онъ началъ съ того, что хотѣлъ захватить въ свои руки брата своего царевича Александра, который распускалъ слухъ, что займетъ Тифлисъ и сдѣлается царемъ Картлиніи. Александръ успѣлъ уйти въ Душетъ, а прочіе царевичи, братья Георгія, признали его царемъ, при условіи сохранить въ полной силѣ завѣщаніе покойнаго Ираклія, по которому *братья Георгія должны были быть его преемниками по старшинству рода.*

Георгій XIII просилъ мачиху свою царицу Дарью помирить его съ царевичемъ Александромъ. Дарья обѣщала исполнить просьбу, но послѣдній остался непреклоненъ и удалился въ Борчалы, а потомъ въ Имеретію. Георгій сталъ подозрѣвать царицу Дарью въ дурныхъ замыслахъ противъ него, отнялъ у нея деревни и отдалъ ихъ своей женѣ; ли-

(1) См. Родословную въ приложеніи № 1.

шилъ имѣній царевича Александра и вслѣдъ за тѣмъ сталъ притѣснять своихъ братьевъ.

Желая сохранить престолъ въ своемъ родѣ, Георгій тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, обратился съ просьбою къ Императору Павлу, прося принять его въ свое покровительство, признать его царемъ и утвердить наслѣдникомъ сына его царевича Давыда, бывшаго въ русской службѣ. Не зная ничего о завѣщаніи, оставленномъ Иракліемъ, относительно порядка престолонаслѣдія, Императоръ Павелъ призналъ Георгія царемъ, а сына его Давыда наслѣдникомъ грузинскаго престола и приказалъ отправить къ нему своего министра „со знаками императорской нашей инвеституры“, какъ сказано было въ рескриптѣ (1).

Статскій совѣтникъ Коваленскій отправленъ въ Грузію въ качествѣ полномочнаго министра и приказано генералъ-маіору Лазареву съ своимъ полкомъ двинуться въ Грузію.

26-го ноября полкъ прибылъ въ Тифлисъ и почти вмѣстѣ съ нимъ прибылъ туда же и Коваленскій. Разоренная страна, терзаемая членами царскаго дома, враждовавшими между собою, съ восторгомъ приняла русскія войска. Вскорѣ послѣ того Георгій отправилъ новое посольство въ С.-Петербургъ. Кн. Герсеванъ Чавчавадзевъ, кн. Георгій Аваловъ и кн. Еліазаръ Палавандовъ получили широкое полномочіе: „утверждать, дѣлать и подписывать къ владычествованію нашему, какъ одной издавна Россіи принадлежащей землѣ, или провинціи“ (2). Въ нотѣ, поданной министерству, послы объявили, что Царь желаетъ „предать себя и царство свое великому Всероссійскому Государю навсегда въ полную зависимость и подданство и оставаться во всѣхъ частяхъ въ повиновеніи и зависимости...“, „обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо россійскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего законнаго государя и самодержца (3)“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послы просили о присылкѣ и содержаніи въ Грузіи 6 т. постояннаго войска.

(1) Отъ 23-го августа 1798 г. М. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

(2) Перев. полной мочи, данной грузинс. царемъ 31-го декаб. 1799 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ.

(3) Перев. ноты пословъ грузинс. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ по деп. об. дѣлъ.

Императоръ Павелъ согласился на просьбы Георгія съ тѣмъ, что онъ „по смерть останется непоколебимымъ въ своей власти и ничто отъ него не отъемлется, и когда онъ согласится на утвержденное полномочными его положеніе, и пришлетъ съ тѣмъ же отсюда посланнымъ или съ кѣмъ благоугодно благодарительную грамоту, то пошлется къ нему для высочайшаго двора значущая особа, которая по желанію царя привезетъ и законы къ управленію царства и по согласію сего царя введетъ въ дѣйство...“ (1).

Согласившись на принятіе Грузіи въ подданство Россіи, наше правительство полагало, по кончинѣ Георгія, не утверждать наслѣдника на престолѣ, а утвердить его въ званіи генералъ-губернатора Грузіи, „предоставя титулъ царя; что тѣмъ удобнѣе и будетъ, сказано въ докладѣ, что царевичь Давыдъ законный и утвержденный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ наслѣдникъ грузинскаго царства находится, въ Вашей службѣ“ (2).

130487

Грузію предполагалось причислить къ числу русскихъ губерній подъ названіемъ Царства Грузинскаго; царю и родственникамъ его опредѣлить жалованье изъ доходовъ грузинскихъ. Командовавшему Кавказскою линіею, генералъ-лейтенанту Кнорррингу, предписано доставить свѣдѣніе о томъ, сколько можно отдѣлить съ линіи войскъ въ Грузію, и въ случаѣ смерти царя Георгія, объявить народу, чтобы до полученія разрѣшенія, не было приступаемо къ назначенію преемника на царство (3).

„Изъ кондицій, данныхъ отправляющемуся полномочному грузинскому, писалъ графъ Ростопчинъ Кнорррингу, усмотрите сколь подданство сіе утвердитъ благоденствіе всей Грузіи. *Государь жалуетъ имъ покровъ сей*, присоединяя къ Имперіи Россійской область, угрожаемую всѣми сосѣдними народами; тогда уже уймется и своевольство горцевъ и безпокойство владѣльцевъ береговъ Каспійскаго моря...“

Князья Аваловъ и Палавандовъ отправлены обратно въ Тифлисъ съ письмомъ управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Растопчина къ царю Георгію, въ которомъ Растопчинъ просилъ, чтобы Георгій, разсмотрѣвъ и

(1) Конфиденц. записка графа Растопчина съ грузинс. полномоч. 14-го нояб. 1800 г. Ibid.
(2) Высоч. утверж. докладъ 15-го нояб. 1800 г. Ibid.
(3) Рескриптъ Кнорррингу 15-го нояб. 1800 г. Арх. М. Вѣд. д. по ден. общ. дѣлъ

ПОГАШЕНО
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

обсудивъ содержаніе условій, на которыхъ Грузія вступаетъ въ подданство Россіи и утвердивъ ихъ, прислалъ бы съ тѣми же лицами благодарственную граммату и назвалъ бы полномочныхъ, какъ отъ себя, такъ и отъ всего царства, *послами*. „По полученіи таковаго отзыва отъ Вашего Высочества, писалъ онъ, и будетъ заключенъ здѣсь по всѣмъ прошеніямъ вашимъ, обоюдный Императорскій актъ, съ пристойнымъ торжествомъ".

Между тѣмъ здоровье Георгія становилось все хуже и хуже; въ Тифлисѣ ежеминутно ожидали его кончины. Царевичи братья его боялись того, чтобы сынъ его Давыдъ не овладѣлъ престоломъ. Съ своей стороны Давыдъ заботился о томъ, чтобы захватить власть въ свои руки. Онъ подговорилъ жителей Кахетіи, которые и подали просьбу Кнорррингу, прося его объ утвержденіи Давыда на престолѣ послѣ смерти Георгія. Больной царь, видѣвшій всѣ эти интриги и раздоры, не видѣлъ другаго спасенія для Грузіи, какъ передать ее въ полное подданство и зависимость Россіи.

Въ необходимости присоединенія Грузіи къ Россіи убѣждала наше правительство и записка о состояніи страны, доставленная гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, бывшимъ тамъ для изысканія мѣстныхъ рудъ. Записка эта была передана въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе и мнѣніе совѣта окончательно склонило императора Павла присоединить Грузію „*на вѣчныя времена*" къ Россіи, о чемъ и послѣдовалъ манифестъ отъ 18 декабря, 1800 года (1).

Генералъ Кнорррингъ, къ которому посланъ манифестъ, получилъ приказаніе публиковать его въ случаѣ смерти царя. „Но ежели жизнь царя, сказано въ рескриптѣ (2), продлится до прибытія сюда посольства грузинскаго, то вы и о публикаціи манифеста и о дальнихъ наставленіяхъ, ожидайте отсюда повелѣнія нашего."

Такимъ образомъ Грузія — центральное владѣніе нынѣшняго Закавказья — составила одну изъ губерній Россіи. — Она, граница къ сѣверу кавказскимъ хребтомъ, съ запада отъ Имеретіи отдѣлялась Хопинскою долиною и отъ Ахалцыхскаго пашалыка горами, на продолженіи отъ урочища

(1) Въ П. С. З. манифестъ этотъ означенъ 18 янв. 1801 г.; въ этотъ день онъ былъ только публикованъ. См. т. XXVI № 19721.

(2) Рескриптъ отъ 22 декабря, 1800 г. Арх. М. Внут. дѣлъ по деп. общ. дѣлъ.

Топаравана до Ахбабы. — Съ юга отъ Карскаго пашалыка она отдѣлялась рѣкою Арпачаемъ, а отъ ханства Эриванскаго озеромъ Гокча. — Къ востоку р. Джагоръ отдѣляла ее отъ ханства Ганжинскаго, а р. Алазань отъ Джаро-Бѣлоканъ (1).

Присоединенная къ Россіи Грузія заключала въ себѣ: Карталинію, Кахетію, Самхетію (состоявшую изъ Тріолеты и Борчалы), Казахи, Шамшадыль, Бамбаки и Шурагель; земли Хевсуровъ, Пшавовъ, Тушинъ и Осетинъ. — Все пространство ея не превышало 280 верстъ отъ Востока къ Западу и 300 верстъ отъ Сѣвера къ Югу; народонаселенія ея было около 160 т. душъ.

Новое положеніе Грузіи, какъ составной части Россіи, дало ей новое административное разграниченіе. — Рѣка Іора раздѣлила ее теперь на двѣ провинціи: Карталинскую и Кахетинскую. — Въ Карталиніи губернскимъ городомъ назначенъ Тифлисъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ и губернскимъ городомъ всей Грузіи; въ Кахетіи, — городъ Телау.

Въ Карталинской провинціи учреждено шесть городовъ съ округами: Тифлисъ, Душетъ, Гори, Сурамъ, Лори и Кайкулы; въ Кахетинской, — два города: Телау и Сигнахъ. — Къ этимъ городамъ приписано нѣсколько селеній, которыя и составляли округъ каждаго. Остальные же города, которыя находились въ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи, оставлены въ томъ положеніи, въ которомъ были и имѣли свое городовое управленіе.

Всею губерніею долженъ былъ управлять генералъ-губернаторъ, а каждою провинціею — вице - губернаторъ. — Главнымъ присутственнымъ мѣстомъ назначено губернское правленіе. — Правленію подчинялись провинціальныя канцеляріи, „коимъ быть въ Тифлисѣ и Телавѣ, съ раздѣленіемъ дѣлъ ихъ на два департамента: 1-ой суда и расправы, а 2-ой камеральный или казенныхъ дѣлъ. — Отъ сихъ канцелярій зависятъ уѣздные суды и земскія полиціи, коимъ быть во всѣхъ уѣздныхъ городахъ. Всѣ магистраты городовъ уѣздныхъ и ратуши городовъ безъ-уѣздныхъ вѣдаются въ ратгаузахъ, коимъ быть въ двухъ провинціальныхъ городахъ (2)“.

До полученія Кнорринтомъ этого манифеста послѣдовала кончина Царя Георгія 28 декабря 1800 года. Не смотря на

(1) См. карту Кавказа.

(2) Указъ Сенату 6 марта 1801 г. П. С. З. т. XXVI № 19770.

то Кноррингъ не рѣшился публиковать манифестъ потому, что изъ содержанія было видно, что объявленіе его должно было послѣдовать тогда, когда полномочные Грузинскіе, принявъ грамоты отъ царя и народа, о желаніи ихъ быть въ подданствѣ Россіи, возвращались бы изъ Тифлиса въ Петербургъ.

Промедленіе въ объявленіи манифеста имѣло дурныя послѣдствія для царства. Въ Грузіи продолжали враждовать царевичи между собою.—Братья покойнаго Георгія основывали свои домогательства на завѣщаніи Ираклія, а Давыдъ опирался на то, что онъ Русскимъ Императоромъ признанъ наслѣдникомъ Грузинскаго престола.—Кахетинцы обвиняя братьевъ покойнаго царя въ томъ, что они хотѣли отдать Грузію подъ власть Баба-хана (властителя Персіи), просили утвердить Давыда царемъ Грузіи.—Давыдъ приказалъ всѣмъ знатнѣйшимъ князьямъ явиться къ нему, объявилъ многимъ разные чины и должности и приказалъ брату своему царевичу Теймуразу приводить народъ къ присягѣ.—Братья же покойнаго Георгія дали знать въ г. Гори, что, по духовной царя Ираклія, слѣдуетъ царствовать старшему брату умершаго царя царевичу Іулону, и приглашали народъ присоединиться къ нимъ. Братъ Давыда, Багратъ, силою приводилъ народъ въ Кахетіи къ присягѣ Давыду, а дяди его собирали войско съ намѣреніемъ напасть на г. Гори.—Междоусобіе грозило Грузіи. Кнорринтъ рѣшился принять строгія мѣры и приказалъ Лазареву, бывшему съ своимъ полкомъ въ Тифлисѣ, въ случаѣ надобности арестовать бунтующихъ, не исключая и самихъ царевичей.

Царевичъ Давыдъ былъ назначенъ временно управлять грузинскимъ народомъ. Желая удержать въ покоѣ Карталинію и не дать усилиться партіи Іулона, Лазаревъ послалъ обвѣщеніе народу Карталинскому, въ которомъ, сообщая, что еще никто не назначенъ царемъ Грузіи, просилъ „никакимъ издаваемымъ бумагамъ, исключая исходящихъ отъ его свѣтлости наслѣдника царевича Давыда Георгіевича и отъ меня, по повелѣніямъ моего начальства объявленнымъ, не вѣрить“(1).

Между тѣмъ большая часть князей Карталинскихъ, опасаясь царевичей братьевъ царя, производившихъ всюду опустошенія, просили Лазарева прибыть къ нимъ въ крѣпость Гори для принятія отъ нихъ присяги.—Лазаревъ собирался

(1) Обвѣщеніе народу Карталинскому 26 янв. № 58.

уже отправиться туда съ войсками, когда царица Дарья супруга Ираклія II обратилась къ нему съ просьбою не ходить, обѣщаясь уговорить дѣтей своихъ прекратить ихъ происки. Лазаревъ, соглашаясь на ее просьбу, требовалъ чтобы царевичи не раззоряли народъ; неприводили его къ присягѣ; чтобы царевичь Іулонъ не подписывался на баратахъ наслѣдникомъ, и чтобы они жили въ Тифлисѣ.—Хотя царица Дарья и не согласилась на это, но движеніе Лазарева въ Гори не состоялось, такъ какъ царевичи вскорѣ послѣ того удалились въ Имеретію.

Среди этихъ происшествій, Кноррингъ получилъ вторичное приказаніе императора Павла публиковать манифестъ въ Грузіи и приступить къ устройству внутренняго тамъ управленія.

16-го и 17-го февраля 1801 г. было торжественное публикованіе манифеста въ Тифлисѣ и народъ грузинскій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ князей, извѣстныхъ своимъ грабительствомъ, съ восторгомъ принялъ это извѣстіе, надѣясь отдохнуть отъ всѣхъ волненій и раззореній, причиненныхъ странѣ.—Одновременно съ публикацією манифеста приглашались и всѣ члены царскаго дома оставить Грузію и выѣхать въ Россію.

Первыми отправившимися въ Петербургъ были братья царевича Давыда: Іоанъ, Багратъ и Михаилъ, выѣхавшіе изъ Тифлиса 9-го марта 1801 г. и 12-го мая прибывшіе въ нашу столицу.—Братья же покойнаго царя Георгія: Іулонъ, Парнаозъ и Александръ, не смотря на всѣ просьбы, не соглашались ѣхать въ Россію, и первые два жили въ Имеретіи, а послѣдній ушелъ въ Персію.—15-го марта отправился въ Россію и царевичь Міріанъ.

Не смотря на то, что манифестъ уже былъ публикованъ, раздоры въ царскомъ семействѣ все еще продолжались.—Царевичь Давыдъ приказалъ выгнать изъ деревень, принадлежащихъ царицѣ Маріи, второй супругѣ царя Георгія, ея людей, посланныхъ туда за сборомъ доходовъ.—Послѣ смерти армянскаго архіерея, тотъ же царевичь Давыдъ самовольно раздѣлилъ его имѣніе на три части: одну взялъ себѣ, другую—отдалъ одному изъ князей, а третью,—предоставилъ монастырю.—Это своеволіе или лучше сказать грабежъ до того были тягостны народу, что Грузины всякій разъ радовались, когда узнавали, что кто нибудь изъ царевичей оставлялъ Грузію и уѣзжалъ въ Россію.

„Народъ и преданные столь рады отъѣзду царевичей, доносилъ Лазаревъ, (1) что я вамъ описать не могу, и нѣкоторые почти громко кричатъ, что большая государева милость была бы послѣднихъ всѣхъ взять.....“

Царевичъ Давыдъ продолжалъ между тѣмъ свои происки. Онъ склонялъ князей и уговаривалъ ихъ, при введеніи новаго правленія, объявить, что они желаютъ имѣть его Царемъ. Въ случаѣ неудачи думалъ уйти въ горы и потому подарками ласкалъ Лезгинъ.

Положеніе Грузіи не опредѣлилось еще окончательно, когда скончался императоръ Павелъ I. Извѣстіе о смерти императора опечалило Грузинъ, полагавшихъ, что, съ перемѣною въ правленіи, могутъ быть выведены русскія войска изъ Грузіи; народъ боялся новыхъ несчастій для своей страны.

Царевичъ Давыдъ и тутъ старался воспользоваться новымъ правленіемъ и еще разъ попытать счастія. Онъ тотчасъ же послалъ письмо императору Александру I, прося утвердить его царемъ Грузіи. Вслѣдъ за тѣмъ, царица Дарья обратилась также къ императору Александру, съ разъясненіемъ правъ дѣтей ея на грузинскій престолъ и съ просьбою о пособіи ей самой. Въ Тифлисѣ, въ то же самое время, стали распускать слухи о томъ, что русскія войска оставляютъ Грузію. Прибытіе въ Грузію, въ началѣ апрѣля, баталіона гренадерскаго Тучкова 2-го полка разсѣяло ихъ и успокоило на нѣкоторое время народъ, хотя вопросъ о присоединеніи Грузіи не былъ окончательно рѣшенъ и подвергнутъ былъ новому обсужденію.

Императоръ Александръ, вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ, передалъ вопросъ о присоединеніи Грузіи на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который, въ засѣданіи 11-го апрѣля 1801 г., высказался въ пользу присоединенія, на основаніи слѣдующихъ причинъ: 1) „Несогласіе членовъ царской фамиліи (2), тотчасъ по кончинѣ царя Георгія Иракліевича обнаружившееся, грозитъ слабому царству сему пагубнымъ междуусобіемъ; 2) открытое покровительство, которое съ давняго времени Россія даруетъ сей землѣ, требуетъ, чтобы для собственнаго достоинства имперіи, царство грузинское сохранено было въ цѣлости и 3) спокойствіе гра-

(1) Изъ письма его къ Кнорринту 18 марта 1801 г. Тифлис. Арх. Канц. Нам.

(2) Реестръ протоколамъ госуд. совѣта 1801 г., Госуд. арх.

ницъ россійскихъ тѣмъ обезпечится, по вящшей удобности обуздать своевольство горскихъ народовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ полагалъ необходимымъ оставить въ Грузіи всѣ находившіяся войска и устроить тамъ временное правительство по представленію генерала Кнорринга, котораго и считали нужнымъ отправить въ Грузію для осмотра страны.

Императоръ Александръ не согласился съ мнѣніемъ государственнаго совѣта; онъ колебался еще въ разрѣшеніи этого вопроса. По мнѣнію Императора одна сила не давала никакого права, присоединить къ Имперіи страну, если сами жители ея того не желали, и потому вопросъ о присоединеніи Грузіи вторично переданъ былъ императоромъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, при чемъ генералъ-прокуроромъ Беклешевымъ заявлено было совѣту: „о крайнемъ отвращеніи Е. И. В. на принятіе царства того въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой собственности" (1).

Черезъ четыре дня послѣ перваго своего рѣшенія, совѣтъ остался и на этотъ разъ при своемъ мнѣніи въ пользу присоединенія Грузіи къ Россіи и отправленія Кнорринга, который, осмотрѣвъ страну, долженъ былъ пріѣхать въ С.-Петербургъ.

По повелѣнію Императора Александра, согласившагося на этотъ разъ съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, Кнорингъ отправился въ Грузію, гдѣ поручено ему было удостовѣриться: „*первое* (2), дѣйствительно ли внутреннее положеніе сей страны таково, что съ едиными силами своими не можетъ она не противостать властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отразить набѣги, облежащихъ ее горскихъ народовъ, ни потушить внутреннія вражды междоусобною войною ей грозящіе; что оставить ее царствомъ отдѣльнымъ и самобытнымъ, на произволъ судьбы, было бы несоотвѣтственно ни величеству Имперіи, издревле ей покровительствующей, ни нашему великодушію. — *Второе*, на собственномъ ли убѣжденіи необходимости и отечественной пользы основано было преклоненіе царства сего подъ Россійскую державу и единодушно ли всѣ высшія состоянія и народъ признали поступокъ сей себѣ во спасеніе, или увлекаемый

(1) Ibid.

(2) Рескриптъ Кнорингу 19-го апрѣля 1801 г. Тиф. Арх. Кан. Нам.

предпріимчивостью извѣстнаго рода людей, уступили они страху замысловъ и постороннимъ внушеніямъ, болѣе нежели истинному сознанію пользъ своихъ". Между тѣмъ послы грузинскаго народа, пріѣхавшіе въ Петербургъ, подали ноту, въ которой писали, что „вельможи грузинскіе, духовенство и народъ, всѣ вообще желаютъ вступить единожды на всегда въ подданство высокославной Имперіи Всероссійской, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо ея подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго государя и самодержца..." (1).

Просьба эта была оставлена безъ отвѣта, въ ожиданіи отчета генерала Кнорринга и результатовъ его поѣздки въ Грузію. Въ Тифлисѣ были собраны всѣ главные князья и ожидали пріѣзда Кнорринга, для доставленія ему свѣдѣній о странѣ. Отвѣты ихъ должны были служить главнымъ основаніемъ отчета, въ свою очередь долженствовавшаго рѣшить участь Грузіи.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ и познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Кнорингъ тотчасъ же устранилъ отъ управленія страной Царевича Давыда и устроилъ временное правительство изъ грузинскихъ князей подъ предсѣдательствомъ генерала Лазарева.

„Прибывъ въ Грузію по Высочайшему повелѣнію, объявлялъ Кнорингъ грузинскому народу (2), для исполненія дѣлъ монаршимъ довѣріемъ на меня возложенныхъ, и особенно для точнаго спознанія внутренняго земли грузинской состоянія, нашелъ я множество перемѣнъ, введенныхъ по кончинѣ блаженной памяти Царя Георгія Иракліевича, вопреки священному Е. И. В. къ Грузіи манифесту и другимъ высочайшимъ соизволеніямъ, въ рескриптахъ ко мнѣ послѣдовавшихъ, изображеннымъ.

„Иные владѣльцы лишены дарованнаго имъ царскою властію достоянія; другимъ оное умножено, новымъ назначеніемъ деревень и должностей съ доходами сопряженныхъ; нѣкоторые потеряли свои чины и заступили ихъ мѣста

(1) Переводъ ноты пос. груз. Арх. М. И. Д. 1—7, 1800—1805 № 1.
(2) Всенародное обвѣщеніе 2-го іюня 1801 г. Тиф. Арх. К. Н.

другіе, и словомъ явились такія новизны, кои, завися единственно отъ самовластія государя, нарушаютъ достоинство императорскаго о Грузіи слова, объявленнаго уже цѣлому свѣту.

„Не мѣсто здѣсь описывать подробно всѣ вкравшіеся безпорядки. Всякому изъ обывателей грузинскихъ оные извѣстны. Но имѣя долгъ соблюдать въ точности Всевысочайшую волю и упразднить по перводошедшему ко мнѣ свѣдѣнію, все повелѣніямъ Императорскаго Величества противное, въ вящшее утвержденіе права всѣхъ вообще и каждаго особенно изъ обитателей земли грузинской, объявляю имъ во всенародное извѣстіе, что до будущихъ Е. И. В. высочайшихъ предписаній имѣетъ все въ Грузіи оставаться въ томъ положеніи, каковое было при послѣднемъ часѣ кончины Его Высочества Царя Грузинскаго Георгія Иракліевича и слѣдственно всѣ сдѣланныя потомъ доселѣ властію, правъ на то не имѣвшею, перемѣны съ оглашенія сего обвѣщенія должны потерять свое существо. Дѣла сего рода разсмотрѣть и привести немедленно въ довлѣемый порядокъ возложилъ я на особыхъ чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Лазарева... Изъ общаго чиновниковъ сихъ собранія составляется грузинское правительство, имѣющее присутствіе свое въ Тифлисѣ...“

Князья Игнатій и Сереханъ Тумановы и Іоаннъ Челокаевъ назначены въ составъ грузинскаго правительства.

Царевичь Давыдъ былъ крайне недоволенъ удаленіемъ отъ правленія и всѣми силами старался теперь вредить какъ русскимъ, такъ и вновь образованному правленію. „Четыре плута и одинъ дуракъ правятъ всею здѣшнею землею, писалъ онъ къ кн. Орбельянову“ (1). Онъ жаловался на Лазарева, обвинялъ его въ своевольствѣ и въ одномъ изъ писемъ (2), самъ признавался, что взбунтовалъ Гезгинъ и уговорилъ ихъ дѣйствовать противу Грузіи.

Не долго пробылъ Кноррингъ въ Тифлисѣ. Іюня 15-го, онъ былъ уже на Кавказской линіи и собирался отправиться въ Петербургъ. По мнѣнію его внутреннее и внѣшнее положеніе Грузіи было таково, что она не могла ни проти-

(1) Четвертымъ плутомъ называлъ онъ тифлискаго оберъ-полиціймейстера Дарчи Бебутова.

(2) Къ находившемуся при Царевичахъ Николаю Оникову 5-го іюня 1801 г.

виться притязаніямъ Персіи, ни отразить набѣги сосѣдственныхъ ей горскихъ народовъ.

Донесеніе Кнорринга разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ вмѣстѣ съ докладомъ, представленнымъ Императору Александру графами Воронцовымъ и Кочубеемъ, высказывавшихъ, что присоединеніе Грузіи противно пользамъ и выгодамъ самой Россіи.

„Простая протекція, сказано между прочимъ въ протоколѣ засѣданія государственнаго совѣта 8-го августа 1801 г. (1), какую съ 1783 г. давала Россія Грузіи, вовлекла сію несчастную землю въ бездну золъ, которыми она приведена въ совершенное изнеможеніе и продолженіе оной на тѣхъ же основаніяхъ, неминуемо ввергнетъ ее въ совершенную погибель. Ежели для спасенія Грузіи держать въ ней всегда столько же войска, сколько тамъ теперь находится, отъ того послѣдуетъ Россіи знатная и вовсе безполезная издержка. Малымъ же ополченіемъ ея отъ внутреннихъ неустройствъ и отъ внѣшнихъ враговъ охранять не можно. Нужно будетъ дать ей царя, утвердя на престолѣ одного изъ Царевичей, почитающихъ имѣть на оный право. Первый Царевичь Іулонъ установленъ по завѣщанію Ираклія Теймуразовича; другой Царевичь Давыдъ по духовной сына его Георгія. Правда, что Царь Георгій нарушилъ завѣщаніе родительское, но можетъ быть подали ему Царевичи, братья его, на то причины; и сверхъ того Царевичь Давыдъ, назначенный имъ наслѣдникомъ грузинскаго царства, утвержденъ покойнымъ Императоромъ, имѣвшимъ право утвержденіе таковое дать. Итакъ избраніе между сихъ двухъ кандидатовъ, подвержено съ одной стороны противурѣчію учиненнаго уже въ пользу Царевича Давыда утвержденія, съ другой неудовольствіе народа, нарушеніемъ завѣщанія Царя Ираклія и возведеніемъ на царство князя, поведеніемъ своимъ народъ противъ себя возстановившаго. Впрочемъ Грузія ни отъ одного изъ нихъ спасенія себѣ не чаетъ и самъ Царь Георгій Иракліевичъ предъусматривая всѣ бѣдствія отъ разврата фамиліи царской для народа произойти долженствующія, инаго избавленія для него не изобрѣлъ, какъ утвердивъ его въ подданствѣ Россіи, слѣдуя видамъ родителя своего, который тоже имѣлъ намѣреніе, когда просилъ

(1) Государств. Архивъ.

черезъ посланника своего князя Чавчавадзева, въ 1795 году, позволеніе видѣться, въ Моздокѣ или въ другомъ мѣстѣ, съ командовавшимъ на Кавказской линіи генераломъ графомъ Гудовичемъ, что открывается по бумагамъ того времени. Всѣ сіи вновь открывшіяся обстоятельства не представляютъ совѣту въ присоединеніи Грузіи ни малѣйшей несправедливости, а видитъ онъ въ томъ спасеніе того края, для Россіи же существенную пользу въ надежномъ огражденіи границъ ея нынѣ отъ хищныхъ горскихъ народовъ, коихъ удобно обуздать будетъ можно, а на будущее время отъ самихъ даже Турокъ, не говоря уже о Персіянахъ, кои безъ сомнѣнія, коль скоро оставлена будетъ Грузія, на нее нападутъ и ею завладѣютъ...„

Мнѣніе, высказанное государственнымъ совѣтомъ въ пользу присоединенія Грузіи, было принято Императоромъ Александромъ съ такою рѣшимостію, что въ противномъ не могли даже убѣдить члены его неофиціальнаго комитета (1).

12-го сентября 1801 г. объявленъ былъ новый манифестъ о присоединеніи Грузіи, въ которомъ Императоръ Александръ обращался къ грузинскому народу съ слѣдующими словами: (2)

„Покровительство и верховная власть Россійской имперіи надъ царствомъ грузинскимъ всегда налагали на Монарховъ Россійскихъ и долгъ защиты. Въ 1796 году, противъ сильнаго впаденія къ вамъ Аги-Магометъ-хана, въ бозѣ почивающая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна послала часть войскъ своихъ. Столь успѣшное тогда, не токмо спасеніе царства грузинскаго, но и счастливое покореніе всѣхъ областей и народовъ отъ береговъ Каспійскаго моря до рѣкъ Куры и Аракса, ограждали васъ отъ всякихъ опасностей; оставалось токмо, внутреннимъ благоучрежденіемъ, благоденствіе ваше утвердить на вѣки. Но внезапное и скоропостижное отступленіе войскъ россійскихъ изъ Персіи, Арменіи и изъ предѣловъ вашихъ, низпровергли справедливое ожиданіе ваше. Всѣ потомъ претерпѣнныя вами бѣдствія, нашествіе невѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, раззореніе городовъ и селеній, порабощеніе и увлеченіе въ плѣнъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей вашихъ; — наконецъ раздоръ царской фамиліи и раз-

(1) См. Вѣстникъ Европы 1866 г. № 1, стр. 182.
(2) П. С. З. томъ XXVI, стр. 782 № 20007.

дѣленіе народа между разными искателями царскаго достоинства, влекли васъ въ междоусобныя брани. Окружающіе васъ хищные народы готовы были напасть на царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Соединеніемъ всѣхъ сихъ золъ не токмо народъ, но даже и имя народа грузинскаго, храбростію прежде столь славнаго во всей Азіи, истребилось бы отъ лица земли. Стоя въ безднѣ сей, неоднократно призывали вы покровительство россійское. Вступленіе войскъ нашихъ и пораженіе Омаръ-хана Аварскаго, пріостановили гибель вашу, устрашивъ всѣхъ хищниковъ, наполняющихъ горы кавказскія, и тѣхъ, кои раздираютъ область Персіи и Великой Арменіи; затихли крамолы посредѣ васъ, и всѣ вы, единодушно и торжественно, воззвали власть россійскую управлять вами непосредственно. Мы, вступя на Всероссійскій престолъ, обрѣли царство грузинское присоединенное къ Россіи, о чемъ и манифестъ въ 18 день января 1801 года изданъ уже былъ во всенародное извѣстіе. Вникая въ положеніе ваше и видя, что посредство и присутствіе войскъ россійскихъ въ Грузіи и до нынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови намъ единовѣрныхъ, и конечную гибель, уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали мы испытать еще, нѣтъ ли возможности возстановить первое правленіе подъ покровительствомъ нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и въ безопасности. Но ближайшія по сему изслѣдованія наконецъ убѣдили насъ, что разныя части народа грузинскаго, равно драгоцѣнныя намъ по человѣчеству, праведно страшатся гоненія и мести того, кто изъ искателей достоинства царскаго могъ бы достигнуть его власти. Поелику противъ всѣхъ ихъ большая часть въ народѣ столь явно себя обнаружила. Одно сомнѣніе и страхъ сихъ послѣдствій, возродивъ безпокойства, неминуемо были бы источникомъ междоусобій и кровопролитія; сверхъ того бывшее правленіе даже, и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности. Напротивъ, столь кратно вовлекало васъ въ бездну золъ, на краю коей и нынѣ вы стоите и въ которую, по всѣмъ соображеніямъ, должны вы будете низвергнуться, если мощная рука справедливой власти отъ паде-

нія сего васъ не удержитъ. Сила обстоятельствъ сихъ, общее по сему чувство ваше и гласъ грузинскаго народа преклонили насъ не оставить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великодушной защитѣ Россіи. Возбужденная надежда ваша сей разъ обманута не будетъ. Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона. А по сему, избравъ нашего генералъ-лейтенанта Кнорринга быть главноуправляющимъ посредѣ васъ, дали мы ему полныя наставленія открыть сіе правленіе, особеннымъ отъ имени нашего объявленіемъ, и привесть въ силу и дѣйствіе предначертанное отъ насъ постановленіе, къ исполненію коего пріобщая избранныхъ изъ васъ, по достоинствамъ и по общей довѣренности, уповаемъ, что вы, ввѣряясь правленію сему, несомнѣнно подъ сѣнію онаго начально спокойствіе и безопасность обрящете, а потомъ и благоденствіе и изобиліе.

„Всѣ подати съ земли вашей повелѣли мы обращать въ пользу вашу, и что за содержаніемъ правленія оставаться будетъ, употреблять на возстановленіе раззоренныхъ городовъ и селеній. Каждой пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего, при свободномъ отправленіи своей вѣры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранятъ удѣлы свои кромѣ отсутствующихъ; а симъ, годовой доходъ съ удѣловъ ихъ ежегодно производимъ будетъ деньгами, гдѣ бы они ни обрѣтались, лишь бы сохраняли долгъ присяги.

„Во взаимность сихъ великодушныхъ попеченій нашихъ, о благѣ всѣхъ и каждаго изъ васъ, мы требуемъ, чтобы вы, для утвержденія постановленной надъ вами власти, дали присягу въ вѣрности по формѣ при семъ приложенной. Духовенство, яко пастыри душевные, первые должны дать примѣръ.

„Наконецъ да познаете и вы цѣну добраго правленія, да

водворится между вами миръ, правосудіе, увѣренность какъ личная, такъ и имущественная, да пресѣкутся самоуправство и лютыя истязанія, да обратится каждой къ лучшимъ пользамъ своимъ и общественнымъ, свободно и невозбранно упражняясь въ земледѣліи, промыслахъ, торговлѣ, рукодѣліяхъ, подъ сѣнію законовъ, всѣхъ равно покровительствующихъ. Избытки и благоденствіе ваше будетъ пріятнѣйшею и единою для насъ наградою„.

Вмѣстѣ съ новымъ манифестомъ учреждено верховное грузинское правленіе, и Грузія получила новое дѣленіе. Она раздѣлена на 5 уѣздовъ, изъ коихъ три въ Карталиніи: Горійскій, Лорійскій и Душетскій и два въ Кахетіи: Телавскій и Сигнахской.

Правленіе дѣлилось на 4-е экспедиціи (1): 1-я для дѣлъ исполнительныхъ или правленія; 2-я для дѣлъ казенныхъ и экономическихъ; 3-я для дѣлъ уголовныхъ; 4-я для дѣлъ гражданскихъ. Учреждена медицинская управа. Въ каждомъ уѣздѣ учрежденъ уѣздный судъ, управа земской полиціи, съ капитаномъ-исправникомъ во главѣ. Въ городахъ назначены коменданты и въ помощь имъ полиціймейстеры или нацвалы. Первые назначены изъ русскихъ чиновниковъ, а послѣдніе изъ дворянъ грузинскихъ. Къ обитавшимъ въ Грузіи Татарамъ: казахскимъ, борчалинскимъ и бомбакскимъ, опредѣлены по одному приставу или моураву изъ грузинскихъ князей, а къ поколѣніямъ хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ одинъ на всѣхъ. Каждому моураву назначенъ помощникъ изъ русскихъ чиновниковъ. Вновь вышедшіе изъ Карабага Армяне, оставлены подъ управленіемъ своихъ меликовъ.

На обязанность верховнаго правительства возложено было производить дѣла, примѣняясь къ народному обычаю и наблюдать „чтобы пресѣчены были всякія злоупотребленія, несправедливости, угнѣтенія и изтязанія“.

---

(1) Высоч. постановленное внутреннѣе въ Грузіи правленіе П. С. З. N. XXVI.

ГЛАВА II.

Открытіе въ Грузіи верховнаго русскаго правленія. — Кнорринъ и Коваленскій. — Неудовольствіе грузинъ при самомъ началѣ открытія правленія. — Причина такого неудовольствія. — Сословное дѣленіе грузинъ и ихъ бытъ. — Интриги и происки царскаго грузинскаго семейства и ихъ раздоры между собою. — Волненія въ Грузіи. — Письмо кахетинскихъ князей къ императору Александру I. — Безпорядки въ устройствѣ и правленіи краемъ.—Причины, заставившіе императора Александра смѣнить Кнорринга и Коваленскаго.— Назначеніе кн. Циціанова главноуправляющимъ въ Грузію. — Рескриптъ императора кн. Циціанову. — Характеристика окружныхъ хановъ и владѣльцевъ.

9-го апрѣля 1802 г. генералъ-лейтенантъ Кноррингъ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Коваленскимъ и многими русскими чиновниками, сопровождая крестъ Господень св. Нины, столь священный и родной каждому Грузину, имѣли торжественный входъ въ г. Тифлисъ.

Св. Нина дѣва іерасулимская была первою просвѣтительницею Грузіи христіанскою вѣрою (1). Въ сонномъ видѣніи, какъ говоритъ преданіе, Матерь Божія вручила св. Нинѣ крестъ Господень, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ. Связавъ его собственными волосами, она отправилась разсѣевать язычество и водворять христіанство въ невѣдомой ей странѣ (2). Окончивъ земное свое поприще, св. Нина оставила Грузіи залогъ и память о себѣ,—тотъ крестъ, съ которымъ проповѣдывала у подножія Кавказа. Крестъ этотъ всегда свято сохранялся въ фамиліи грузинскихъ царей и былъ дорогъ каждому грузину. Въ дни бѣдствій Грузіи и удаленія ея царей изъ Тифлиса, при непріятельскихъ втор-

(1) О происхожденіи св. Нины существуютъ различныя мнѣнія: Руффинъ, писатель IV вѣка, говоритъ, что иверская (грузинская) нація просвѣщена вѣрою въ царствованіе Константина Великаго одною плѣнною женщиною. Въ житіи св. Нины, написанномъ на грузинскомъ языкѣ, не упоминается того, что она была плѣнницею, а говорится, что она зашла изъ Рима въ Іерусалимъ и оттуда въ Грузію для проповѣданія Христа.

(2) Подробности проповѣди св. Нины и ея жизни можно найти во многихъ сочиненіяхъ, изъ числа которыхъ мы назовемъ: „Закавказскій Вѣстникъ“ 1849 г., №№ 12 — 18, 44 и 45. „Грузія и Арменія“ изд. 1848 г., ч. I, стран. 117—133, 209—217. „Истор. изоб. Грузіи“, стран. 46 и многія другія.

женіяхъ, крестъ св. Нины сохранялся въ кафедральномъ соборѣ въ Мцхетѣ. Около 1720 года, когда Грузія была подвержена со всѣхъ сторонъ нападенію Персіянъ, крестъ унесенъ былъ въ горы, во владѣнія кн. Эристова и положенъ въ церкви дер. Ананури. Грузинскій митрополитъ Тимофей взялъ его оттуда и привезъ въ Москву къ царевичу Бакару Вахтанговичу и отдалъ его ему на сохраненіе. Грузины нѣсколько разъ просили о возвращеніи этого креста. „Повели возвратить—писалъ кн. Герсеванъ Чавчавадзевъ императору Павлу (1) — въ мое отечество крестъ Господень, принесенный туда св. Ниною и обратившій все грузинское царство отъ идолопоклонства въ православное христіанское исповѣданіе. Несчастные отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ Грузины, получа оный крестъ, паки себѣ въ даръ, тою святынею ободрятся, утверждая себя въ лестной надеждѣ, что по толикихъ козняхъ вражіихъ и злостраданіи, Божественная благодать паки на нихъ снисходитъ и слѣдствіемъ того же возмнятъ, что и ты, великій государь и обладатель царства, не оставишь ихъ своимъ покровительствомъ".

Эта просьба Грузинъ оставалась однакоже неисполненною до вступленія на престолъ императора Александра I. Въ 1801 году, внукъ Бакара, царевичъ Георгій Александровичъ, поднесъ крестъ св. Нины императору Александру, который и препроводилъ его въ Тифлисъ, какъ драгоцѣнную святыню для каждаго Грузина.

Восторгъ и радость жителей всѣхъ сословій, при встрѣчѣ священнаго залога ихъ благоденствія, былъ неподдѣльнымъ и общимъ. Трое сутокъ продолжалась стрѣльба въ городѣ, и пальба эта была по сердцу каждому. Каждый Грузинъ думалъ отдохнуть теперь отъ тревогъ, волненій и хищническихъ набѣговъ непріятелей-сосѣдей, нѣсколько столѣтій опустошавшихъ его отечество.

Въ маѣ того же года (2), объявленъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи и объ открытіи въ Тифлисѣ верховнаго грузинскаго правительства.

Вмѣстѣ съ открытіемъ правительства, лица грузинскаго царскаго дома устранялись отъ управленія краемъ и отъ

(1) Отъ 31-го декабря 1797 г. Моск. Арх. Мин. иностр. дѣлъ.
(2) 8-го мая 1802 г. П. С. З. т. XXVII, № 26,438.

всякаго вмѣшательства въ дѣла. Генералъ-лейтенантъ Кнорринъ, назначенный главнокомандующимъ въ Грузіи, съ оставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и инспекторомъ кавказской линіи и астраханскимъ губернаторомъ, лично присутствовалъ въ Тифлисѣ при объявленіи манифеста и открытіи правленія. Прибывъ въ Тифлисъ, Кнорринъ созвалъ къ себѣ знатныхъ особъ и всѣхъ жителей города; приказалъ окружить ихъ войскамъ и затѣмъ прочтенъ былъ высочайшій манифестъ, послѣ котораго начата присяга (1).

Мѣра эта и принятыя предосторожности относительно народа, который самъ просилъ и искалъ подданства Россіи, не понравились Грузинамъ, которые начали расходиться и не хотѣли присягать. Знатнѣйшіе изъ дворянъ грузинскихъ были за это, по приказанію Кнорринга, арестованы.

Генералъ-маіоръ Тучковъ посланъ къ царицѣ Маріи, вдовствующей супругѣ послѣдняго царя Георгія XIII, для отобранія отъ нея всѣхъ царскихъ регалій.—Царицы Дарья и Марія укоряли Кнорринга въ томъ, что, будучи въ Грузіи, онъ обѣщалъ имъ ходатайствовать объ утвержденіи въ царскомъ достоинствѣ того, кому по праву наслѣдства оно будетъ принадлежать.—Какъ та, такъ и другая имѣли, по ихъ мнѣнію, основаніе къ такимъ укорамъ. Царица Дарья основывалась на завѣщаніи Ираклія II, по которому долженъ былъ царствовать царевичъ Іулонъ, а царица Марія на томъ, что сынъ ея царевичъ Давыдъ, признанъ и утвержденъ императоромъ Павломъ I наслѣдникомъ грузинскаго престола. — Такимъ образомъ каждая изъ царицъ хлопотала о сохраненіи престола въ своемъ родѣ. — Кнорринъ отговорился тѣмъ, что относительно царствованія никакихъ повелѣній не имѣетъ и за тѣмъ самъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, поручивъ командованіе войсками, расположенными въ Грузіи, генералъ-маіору Лазареву, а управленіе дѣлами гражданскими дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому.

Народъ остался въ унынiи какъ отъ поступковъ Кнорринга, такъ и отъ совершенно чуждаго для него порядка веденія дѣлъ, начавшихся съ образованіемъ новаго правленія въ Грузіи.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка Грузины по сословіямъ дѣлились: на князей, дворянъ царскихъ и дворянъ

(1) Изъ писемъ къ Гересевану Чавчавадзеву. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по деп. об. д.

княжескихъ, купцовъ, мкалаковъ, домовыхъ служителей и крестьянъ.

Условіемъ для княжескаго достоинства признавалось необходимымъ имѣть не менѣе двухъ крѣпостей, церковь для погребенія членовъ семейства и нѣсколькихъ дворянъ въ зависимости; безъ этихъ условій ни кто не могъ получить княжескаго достоинства.—Первые чины военные и гражданскіе принадлежали князьямъ и были наслѣдственными въ нѣкоторыхъ родахъ.

Въ зависимости нѣкоторыхъ князей находились *азнауры* (дворяне грузинскіе), изъ которыхъ многіе были подвластны только царю и потому назывались царскими.—Азнауры были полными подданными своихъ владѣльцовъ и пользовались данною имъ землею, населенною крестьянами.

Дворяне эти не несли никакихъ повинностей, но за то и не располагали своими помѣстьями, и ежели продавали ихъ, то не иначе какъ съ разрѣшенія и только дворянамъ того князя, которому сами принадлежали.— Князь же могъ продать деревню, состоящую въ вѣденіи его азнаура, и тогда послѣдній, вмѣстѣ съ семействомъ, дѣлался свободнымъ.

Въ случаѣ войны дворяне должны были вооружаться поголовно и идти вмѣстѣ съ своими князьями; сопровождать ихъ на охотѣ, во время путешествія и исполнять при нихъ различныя должности.

Купцы дѣлились на три степени, смотря по торгу; *Амкары* или ремесленники дѣлились на цехи по роду работъ.— Всѣ вообще купцы и горожане имѣли право покупать на свое имя крестьянъ и земли, платили подати съ капиталовъ и поголовно, кромѣ дѣлающихъ оружіе и иконописцовъ, изъятыхъ по законамъ отъ налоговъ.

Въ Грузіи существовало особое сословіе, извѣстное подъ именемъ *Захури* (домовые служители).— Это было нѣчто въ родѣ нашихъ бывшихъ дворовыхъ людей, которые находились при царяхъ, князьяхъ, дворянахъ и при знатномъ духовенствѣ.

Захури сопровождали повсюду своихъ господъ и поступали въ это званіе изъ крестьянъ цѣлыми семействами по волѣ и назначенію своихъ господъ.— По принятому обычаю они не могли быть обращаемы въ первобытное состояніе, кромѣ тѣхъ, которые возведены въ это званіе самими вла-

дѣльцами.—Захури имѣли право покупать крестьянъ и владѣльцы ихъ могли возводить ихъ въ Азнауры.—Повинности ихъ были чрезвычайно различны и разнообразны.

Повинности земледѣльцовъ, или *Глеховъ* по грузински, опредѣлялись обычаями, вошедшими въ законъ, и не только помѣщики, но и цари не могли требовать того, что не введено обычаемъ; напр. платившіе подать виномъ, или десятиною съ произведеній земли, не давали ничего другаго, и нарушеніе этаго права вело къ побѣгамъ цѣлыми селеніями, а не рѣдко и къ открытому возмущенію.—Въ случаѣ войны Глехи обязаны были идти на защиту отечества, имѣя свое оружіе, одежду и лошадь.

Крестьяне, жившіе въ городахъ и занимавшіеся какимъ либо ремесломъ, платили *Махту*— окладной денежный сборъ или оброкъ, который владѣльцы налагали произвольно, смотря по промышленности рабочихъ; если же крестьяне жили въ городахъ только для поденной работы или торговли и не пользовались землею, то платили подушный сборъ: *Мами*— женатые по 1 р. 20 к., а холостые по 60 коп.

Владѣлецъ имѣлъ право взять съ крестьянина все, что хотѣлъ: деньги, оружіе, лошадь и проч. Все это бралось хотя подъ предлогомъ подарковъ, но тѣмъ не менѣе крестьяне, узнавъ о скоромъ пріѣздѣ князя, обыкновенно старались спрятать все лучшее.

Доходы помѣщиковъ отъ крестьянъ были вообще незначительны и вознаграждались платою за разборъ происходившихъ между крестьянами ссоръ и тяжебныхъ дѣлъ.—Помѣщики производили въ своихъ деревняхъ судъ и расправу или сами или черезъ своихъ повѣренныхъ по общимъ законамъ государства и по мѣстнымъ обычаямъ; царю же доносили только о важныхъ случаяхъ, какъ напр. объ убійствѣ, разбоѣ и проч. Князья имѣли право лишать зрѣнія своихъ подвластныхъ, но запрещалось имѣть темницы для заключенія преступниковъ.

Конфискованіе княжескихъ и дворянскихъ имѣній, за проступки ихъ владѣльцовъ, составляло въ Грузіи значительную часть царскихъ доходовъ.—По примѣру царей и помѣщики пользовались тѣмъ же правомъ относительно своихъ дворянъ и земледѣльцовъ.—Кромѣ того владѣльцы имѣли право продавать своихъ людей по одиночкѣ, съ зем-

лею или безъ земли, при чемъ дѣлить семейства для продажи считалось постыднымъ.

Переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому былъ запрещенъ закономъ; попадавшіеся же въ плѣнъ считались окончательно вышедшими изъ зависимости ихъ владѣльца. — Кто выкупалъ ихъ изъ неволи, тому они и принадлежали, но если крестьянинъ вносилъ самъ за себя, своему новому владѣльцу, все истраченное на выкупъ, то дѣлался свободнымъ.

Крестьяне имѣли право въ свою очередь покупать также крестьянъ и земли, но безъ письменнаго позволенія владѣльца не могли ихъ продавать.

Такимъ образомъ все сословное раздѣленіе Грузіи основано было на личномъ богатствѣ и состояніи каждаго.

Царь грузинскій считался главою правосудія и дворъ царскій былъ обыкновеннымъ мѣстомъ суда, преимущественно и почти исключительно словеснаго.—Судъ этотъ носилъ названіе *Верховнаго царева суда.* — Въ немъ обыкновенно предсѣдательствовалъ самъ царь, его наслѣдникъ, царевичи по особому назначенію, Мдиванъ-Беки (судьи) по четыре князя Карталинскихъ и Кахетинскихъ; Мдиваны или чиновники для исполненія дѣлъ и Тавалидаръ, хранитель письменныхъ дѣлъ и денегъ, взятыхъ съ подсудимыхъ.

Судъ раздѣлялся на два отдѣла: *по части гражданской*, — по всѣмъ исковымъ и тяжебнымъ дѣламъ, и *по части уголовной*,—въ которомъ разрѣшались всѣ уголовныя преступленія.

Всѣ дѣла рѣшались вообще по словесному разбирательству, весьма скоро и почти безъ всякаго письменнаго производства, но о всякомъ рѣшеніи верховнаго суда исходилъ *барат*ъ или грамота за царскою печатью, заключавшая содержаніе утвержденнаго рѣшенія.—За всякое дѣло, рѣшенное въ верховномъ судѣ, взималась установленная пошлина, изъ которой часть принадлежала царю, часть царевичамъ участвовавшимъ въ судѣ и часть остальнымъ членамъ суда.

Въ Тифлисѣ существовали, кромѣ царскаго суда, частные суды: одинъ для Карталиніи, другой для Кахетіи, въ которыхъ засѣдали Мдиванъ-Беки.—Обязанность ихъ была давать судъ низшимъ классамъ населенія, гдѣ волости, селенія и деревни управлялись Моуравами, не имѣвшими власти судебной.

Сверхъ прямой своей обязанности по суду, Мдиванъ-Беки должны были, черезъ каждые семь лѣтъ, обозрѣвать лично внутреннее состояніе царства, приводить въ извѣстность народонаселеніе по семействамъ и доставлять свѣдѣнія о народной промышленности, для соображеній правительства о соразмѣрномъ распредѣленіи повинностей—такъ какъ Мдиванъ-Беки были совѣтниками *Салтхуцеса* (государственнаго казначея).

Земское управленіе страною сосредоточивалось въ рукахъ *Моуравовъ*, и вся Грузія дѣлилась на 11 Моуравствъ.—Въ городахъ же были *Ноцвалы*, а въ послѣдствіи *Мелики* (нѣчто въ родѣ полиціймейстеровъ).

Моуравъ—собственно земскій начальникъ—управлялъ народомъ и имѣлъ свою расправу, а нѣкоторые и право суда.—Въ вѣденіи моуравовъ, для исполненія полицейскихъ обязанностей и порядка, состояли въ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ *Ноцвалы*; въ деревняхъ грузинскихъ,—*Мамасахлисы* (домоначальники) и *Кевхи* (головы); въ деревняхъ армянскихъ—*Кетхудыи*, а татарскихъ,—*Аги* или *Аголары*.

Какъ Мдиванъ-Беки, такъ и Моуравы по дѣламъ суднымъ постановляли письменное рѣшеніе и въ важныхъ случаяхъ доносили царю; всѣ же остальныя дѣла рѣшали словесно.—Моуравы не были обязаны присутствовать лично въ своихъ Моуравствахъ; они могли назначать намѣстниковъ ими самими избранныхъ изъ родственниковъ своихъ или изъ постороннихъ.

Въ Грузіи, кромѣ всѣхъ этихъ судовъ, существовалъ еще третейскій судъ, съ согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ.—Въ законахъ сказано было, что посредническій судъ имѣетъ одинаковыя права съ царскимъ судомъ, и ослушникъ оному подвергался равному взысканію, какъ ослушникъ суду царскому.

Представивъ въ самомъ сжатомъ видѣ юридическій бытъ и административное управленіе Грузіи, мы видимъ рѣзкое различіе въ бытѣ и политической жизни Грузина, противу той, которая предстояла ему со введеніемъ русскаго правленія въ краѣ.—Сложившіеся вѣками народные обычаи должны были теперь подвергнуться переработкѣ и перейти на иной путь, не знакомый народу, необразованному и грубому.—Измѣненіе народныхъ нравовъ и обычаевъ должно бы было

совершиться постепенно, исподоволь, а не просто ломкою стараго и заведеніемъ новаго порядка.—Въ этомъ и была ошибка тѣхъ, которые полагали, присоединивъ Грузію къ Россіи сдѣлать изъ ней губернію, и ввести между Грузинами управленіе, основанное на совершенно тѣхъ же началахъ, на которыхъ управлялись и прочія губерніи Россіи.—Грузины отстаивали старый порядокъ, наше правительство требовало повиновенія новому.—Отъ этаго съ самаго же начала, почти со дня объявленія манифеста, стали высказываться недоразумѣнія и народное неудовольствіе.—Жители Кахетіи хотѣли устранить русское правительство и согласились сами управлять собою.—Татары, непривычные къ военному постою, были недовольны тѣмъ, что у нихъ были расположены войска (1).—Въ самомъ Тифлисѣ были также волненія.— „Все дворянство недовольно нынѣшнимъ образомъ трактованія дѣлъ", доносилъ Лазаревъ (2).

Бывшая царская фамилія, конечно старалась воспользоваться такимъ замѣшательствомъ и броженіемъ умовъ.

Послѣ смерти послѣдняго царя Георгія XIII лица царскаго дома своими происками волновали народъ. Однимъ изъ первыхъ въ этомъ случаѣ былъ царевичъ Давыдъ. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что получилъ письма отъ братьевъ своихъ, находившихся въ Петербургѣ, что императоръ Александръ утверждаетъ его царемъ Грузіи, что онъ не хочетъ слѣдовать по пути отца своего, императора Павла, и что потому объявленіе въ Тифлисѣ перваго манифеста сдѣлано Кнорингомъ самопроизвольно. Легковѣрный народъ приходилъ въ уныніе отъ такихъ разглашеній царевича Давыда.

Генералъ Лазаревъ полагалъ необходимымъ и единственнымъ средствомъ „чтобы всю Багратіоновскую фамилію отсюда вывезти, и доколѣ, писалъ онъ, она здѣсь будетъ, безпорядкамъ не будетъ конца".

Давыдъ жаловался на Лазарева, что онъ отнимаетъ у князей деревни, а Лазаревъ доносилъ Кнорингу, что то дѣлаетъ не онъ, а временное грузинское правительство, отбирая у тѣхъ, кому самопроизвольно роздалъ царевичъ Давыдъ, и возвращая тѣмъ, которые имѣютъ на то грамоты отъ покойнаго царя.

(1) Лазаревъ Кнорингу 23 іюня 1802 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.
(2) Отъ 1 іюля 1802 г. Ibid.

Царевичи Іулонъ, Парнаозъ и Александръ, все еще находившіеся тогда въ Имеретіи, подговаривали ахалцыхскаго пашу вторгнуться въ Грузію. Лазаревъ, какъ главный начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Грузіи, и предсѣдатель временнаго правительства, долженъ былъ охранять спокойствіе страны.

Эта обязанность влекла за собою неудовольствія на него тѣхъ, которымъ было не съ руки такое спокойствіе. Однимъ изъ наиболѣе возстановленныхъ на Лазарева лицъ была вдовствующая царица Марія. Она жаловалась Кнорингу на Лазарева, обвиняя его въ томъ, что будто онъ причиною того, что она не получаетъ доходовъ съ имѣнія своего, и что отецъ ея отставленъ Лазаревымъ отъ должности. Все это оказалось на самомъ дѣлѣ несправедливымъ. Неудовольствіе заключалось въ томъ, что для содержанія ея временное грузинское правительство назналило доходы не съ того имѣнія, съ котораго она сама хотѣла получать ихъ.

Отецъ царицы кн. Циціановъ не былъ вовсе удаленъ отъ должности, а удаленъ только зять его Осланъ Орбельяновъ, управлявшій за его отсутствіемъ моуравствомъ и до того грабившій народъ, что многіе Грузины ушли въ Эривань.

Подговоры жителей продолжались по прежнему. Бывшіе въ Петербургѣ царевичи просились обратно въ Тифлисъ; ихъ не отпустили. Этимъ старались воспользоваться недоброжелатели Россіи и сторонники царскаго семейства. Кн. Орбельяновъ получилъ анонимное письмо изъ С.-Петербурга: „Если ты любопытенъ о здѣшнихъ вѣстяхъ, писалъ неизвѣтный (1), то манифестъ конечно ты уже видѣлъ, а теперь Дмитрію Орбельянову дали Сардарьство, ты же не имѣешь уже онаго. Царевичей обратно не отпускаютъ, да слышалъ я, что и тѣхъ, которые находятся у васъ, требуютъ сюда, а когда они будутъ переведены, то расположено дѣло такъ, чтобы и всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ Багратіоновыхъ перевезть сюда же, а притомъ и всѣхъ знатныхъ людей, князей, дворянъ и мужиковъ тамошнихъ хотятъ перевезть и поселить здѣсь, а здѣшнихъ казаковъ 1400 дворовъ переводятъ въ Грузію“.

(1) Переводъ письма къ кн. Орбельянову отъ 3 янв. 1802 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.

„Если хочешь знать, все сіе сдѣлано вашимъ Герсеваномъ (Чавчавадзевымъ). Ему дали генеральскій чинъ, а вы погибли. Я ѣдалъ хлѣбъ отца твоего и пишу къ тебѣ справедливо, — ваша воля! нижайшій вашъ слуга Макалакъ, а имени моего я не написалъ".

Царевичь Давыдъ, бывши въ русской службѣ, подалъ теперь въ отставку, но императоръ Александръ не согласился на его увольненіе. Не надѣясь уже на возможность наслѣдія грузинскаго престола, Давыдъ вошелъ въ сношеніе съ дядями своими, помирился съ ними и всѣ поклялись удержать царское достоинство въ родѣ Багратіоновъ. Бывшіе враги, а теперь друзья, рѣшились избрать царемъ того, кого назначитъ царица Дарья, супруга покойнаго Ираклія II. Всѣ вмѣстѣ просили они сосѣднихъ хановъ содѣйствовать ихъ замысламъ и, при посѣщеніи Грузіи Кнорринговъ, думали просить его о допущеніи кого либо изъ лицъ царской фамиліи въ составъ управленія краемъ, съ намѣреніемъ успѣшнѣе работать къ достиженію цѣли. Царевичь Александръ также помирился какъ съ братьями, такъ и съ племянникомъ и черезъ царицу Дарью завелъ съ ними переписку. Такимъ образомъ царица Дарья сдѣлалась центромъ, около котораго вертѣлись всѣ интриги. Сыновья ея приняли на себя составленіе предположеній о дѣйствіяхъ внутри Грузіи и рѣшились просить хановъ о содѣйствіи имъ войсками, а внукъ ея церевичь Давыдъ взялся приводить въ исполненіе въ Грузіи всѣ предположенія и проэкты бѣжавшихъ царевичей.

„Царица Дарья, писалъ Лазаревъ Кнорринту (1), имѣя большое вліяніе надъ всѣми умами, по прежнему своему правленію (2), всей машиной управляетъ и вездѣ обѣщаетъ милости, проситъ помощи какъ во внутри, такъ и снаружи царства, хотя всѣ предосторожности взяты, чтобы таковыя письма или подсыльщики не могли проѣзжать, но какъ имъ извѣстны всѣ дороги, никакъ за симъ усмотрѣть не можно. Царевичь Вахтангъ, живучи здѣсь (въ Тифлисѣ), весьма часто приглашаетъ къ себѣ на пиры грузинскихъ князей и старается ихъ привлечь на свою сторону, разглашая,

(1) Отъ 17 Февраля 1802 г. Тиф. Арх. К. Нам.

(2) Ираклій II въ послѣдніе годы своего царствованія за болѣзнію не принималъ участія въ дѣлахъ, которыми и руководила царица Дарья.

что когда будетъ русская губернія, то съ нея будутъ брать подушныя, рекрутъ и тому подобныя подати, сверхъ обыкновенныхъ податей; тѣмъ старается привлекать онъ къ своей сторонѣ, дѣлая сіе тайно, явно же говоритъ что ихъ домъ роззорился отъ несогласія и что нужно быть всѣмъ согласнымъ, дабы получить милость великаго государя. Царевичь Давыдъ, хотя и показываетъ большое желаніе въ апрѣлѣ ѣхать въ Петербургъ, но между тѣмъ работаетъ съ прочими союзно въ возстановленіи здѣсь царства и царя изъ фамиліи Багратіоновыхъ. Царица Марія съ своей стороны, не бывъ приглашаема въ ихъ общество, старается елико возможно огорчить приверженныхъ къ намъ, дѣлая меня во всемъ семъ инструментомъ (?) князей, тѣмъ, что подаетъ на нихъ просьбы, обывателей городскихъ стѣсненіемъ квартиръ, испрашивая освобожденія ей усердствующихъ и служащихъ, коихъ къ счастію весьма мало, ибо всѣ маленькіе царевичи имѣютъ свой дворъ каждый, а у нихъ прислужниковъ пропасть родственниковъ, и такимъ образомъ все старается, чтобы возстановить противу русскихъ, хотя къ счастію можно сказать, что въ семъ весьма мало успѣваютъ въ черни, но нѣкоторые князья, коихъ умъ въ однихъ только глазахъ, бываютъ съ нами въ согласіи, а особливо со времени полученныхъ орденовъ".

Вслѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе, что царевичъ Александръ отправилъ посланнаго къ Баба-Хану съ письмами за подписью царицы Дарьи и царевичей Іулона, Вахтанга, Александра Порнаоза и Давыда, просившихъ покровительства и войскъ. Осетины, подговоренные царевичемъ Іулономъ, дѣлали „большія неистовства" и умертвили своего моурава кн. Мочабелова. Царевичь Вахтангъ подговаривалъ, чтобы, до присяги, князья просили Кнорринга дать слово, что исполнитъ ихъ просьбы, и когда тотъ согласится, то просить себѣ царя изъ дому Багратіонова.

Ни одно изъ предположеній членовъ царской семьи не удалось: манифестъ объявленъ и въ Грузіи открыто русское правленіе. Вскорѣ, наружное согласіе, установившееся между дядями и племянникомъ, нарушилось; каждый изъ нихъ сталъ преслѣдовать личные свои интересы.

Царица Дарья, все еще желавшая воцарить старшаго изъ своихъ сыновей царевича Іулона, дѣйствовала черезъ царе-

вича Вахтанга и всѣми силами старалась поддержать неудовольствіе на русское правительство. Вахтангъ находился въ Душетѣ и, возмущая народъ, достигъ того, что прервалъ всякое сообщеніе Грузіи съ кавказскою линіею. Братья его царевичи Іулонъ и Парнаозъ, находившіеся въ Имеретіи, сообщали о скоромъ своемъ вторженіи въ Грузію съ войсками. Имеретинскій царь, подъ покровительствомъ котораго они находились, подъ предлогомъ войны своей съ Дадіаномъ мингрельскимъ, собиралъ войска и ожидалъ только сигнала для вторженія въ Грузію. Царевичь Александръ съ своей стороны работалъ въ Персіи и находился въ постоянной перепискѣ, какъ съ царицею Дарьею, такъ и со многими князьями. Царевичь Давыдъ, подъ видомъ устройства мѣднаго завода, намѣренъ былъ собрать себѣ приверженныхъ, подъ скромнымъ именемъ рабочихъ, и собирался уѣхать въ Борчалы, гдѣ будто бы онъ отыскалъ пріиски мѣдной руды.

Подговоры царевичей дѣйствовали на нѣкоторыхъ князей кахетинскихъ, изъ коихъ многіе ушли въ Эривань, къ находившемуся тамъ царевичу Александру. Кахетинцы не хотѣли повиноваться судамъ; въ Карталиніи Татары тоже намѣревались бѣжать. Тифлискіе купцы не хотѣли платить положенной на нихъ подати и заперли всѣ лавки. Правитель Грузіи, Коваленскій, своими дѣйствіями, подливалъ масло въ горящій огонь. „Занявшись дѣлами губернаторской должности въ квартирѣ своей и думая распространить власть свою въ Грузіи на всѣ части“ (1) онъ поссорился съ Лазаревымъ. Коваленскій не ходилъ въ присутствіе, а занимался на дому. Просьбъ, подлежащихъ къ подачѣ въ исполнительную экспедицію, отъ гражданъ никто не принималъ. Изъ двухъ совѣтниковъ, бывшихъ въ экспедиціи, одинъ по слабости здоровья, а другой по молодости, не бывали никогда въ присутствіи. Просители уходили безъ удовлетворенія и не знали гдѣ найти его. „Обыватели Грузіи, обращенные къ исканію правосудія, пишетъ Лофицкій, въ единой особѣ правителя, не имѣли удовольствія найтить сбывчивыми надежды свои по предметамъ законозащищенія, а потому возвращались въ домы свои съ мрачнымъ впечатлѣніемъ и съ сумненіемъ о благоденствіи, котораго ожидали отъ русскаго правительства“.

(1) Изъ записки Лофицкаго поданной импер. Александру. Арх. Глав. Штаба.

„Коротко сказать, доносилъ Лазаревъ, всѣ теперь столь же недовольны, сколько днесь желали россійскаго правленія".

Приверженныя къ намъ лица были притѣсняемы или же совращаемы. Царица Дарья нѣсколько разъ подсылала къ Сардарю князю Орбельянову, уговаривая его присоединиться къ нимъ, обѣщая ему за то награды деревнями и деньгами. Князь Орбельяновъ требовалъ отъ нея письменнаго обѣщанія, котораго однако же та не давала. Не бывавшая никогда у царевича Давыда, царица Марья стала весьма часто посѣщать его (1).

Царевичь Александръ посылалъ письма къ казахскимъ и борчалинскимъ Татарамъ съ предложеніемъ присоединиться къ нему. Татары ушли въ горы и говорили, что если у нихъ будетъ продолжаться по прежнему военный постой, то они уйдутъ изъ Грузіи. До жителей Грузіи стали между тѣмъ доходить слухи, что персидскій корпусъ, подъ командою Пиръ-Кули-хана, прибылъ къ границамъ эриванскимъ. Извѣстіе это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что къ Лазареву прибылъ посланный отъ эриванскаго хана съ просьбою войти „*въ протекцію Россіи*". Ханъ просилъ русскихъ войскъ и предлагамъ имъ, сверхъ всякой помощи и услугъ, ежегодно по 10 т. руб. Лазаревъ отправилъ посланнаго обратно съ обѣщаніемъ донести обо всемъ Кнорринту.

Царевичь Теймуразъ, находившійся тогда въ своихъ владѣніяхъ въ Сурамѣ, волновалъ народъ и князей, уговаривая ихъ не повиноваться русскимъ, которыхъ, по его словамъ, черезъ 20 дней не будетъ въ Грузіи. Въ собраніи онъ открыто говорилъ: „отецъ мой отдалъ царство Россійскому Государю, но какъ былъ глупъ, а я умнѣе его, то и нужно мнѣ владѣть имъ и всѣми крѣпостями". Въ церквахъ онъ приказывалъ поминать себя и царевича Давыда или же вовсе никого не поминать.

Желая удостовѣриться въ справедливости донесеній о дѣйствіяхъ царевича Теймураза, Лазаревъ поѣхалъ самъ въ Сурамъ, съ тѣмъ, чтобы вызвать оттуда царевича и арестовать при этомъ князя Абашидзе, главнаго его сторонника, и его сообщниковъ.

Не доѣзжая до Сурама, Лазаревъ встрѣтилъ царевича,

(1) Царевичъ Давыдъ былъ пасынокъ Царицы Маріи и до того находился въ постоянной ссорѣ съ своею мачихою.

возвращающагося въ Гори. Арестовавъ главныхъ сообщниковъ царевича, онъ оставилъ самого его въ Гори, не вызывая въ Тифлисъ.

Среди этихъ неустройствъ, положеніе Грузіи становилось еще болѣе затруднительнымъ отъ набѣговъ Лезгинъ, нападавшихъ со всѣхъ сторонъ и, гдѣ только могли, грабившихъ жителей. Дворянство грузинское, привыкшее къ своеволію и грабежамъ, было недовольно тѣмъ, что капитаны-исправники не дозволяли грабить и обирать подвластнаго имъ народа. „Мы теперь всѣ сравнены съ мужиками“, говорилъ Абашидзе Лазареву.

„Изъ князей и дворянъ здѣшнихъ, писалъ Лазаревъ Кнорингу (1), кои всѣ имѣютъ преданными имъ нѣсколько подданныхъ своихъ, осталась усердствующими самая малая часть; да изъ сихъ кажущихся, безъ сомнѣнія, найдутся и такіе, кои равно преданы намъ и противной партіи и при случаѣ пристанутъ они къ той сторонѣ, которая въ виду ихъ будетъ выгоднѣйшею. Казахи, борчалинцы и вообще татары намъ весьма не вѣрны и не упустятъ, при чаемой перемѣнѣ, явно противустать намъ, и къ коимъ также присоединится и ханъ ганжинскій, неблагонамѣреніе свое и прежде оказавшій. Я полагаю, что и эриванскій ханъ за лучшее разсудитъ пристать къ партіи ихъ, хотя теперь и кажется къ оной непричастнымъ. Стеченіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ, доходя въ умы народные, какъ уже испытано, весьма легковѣрные и потому и слабые, гораздо еще болѣе въ увеличенномъ видѣ, присоединивъ къ тому и неудовольствіе на правленіе теперешнее, медленностію рѣшенія дѣлъ, какъ они говорятъ, на себя навлекшіе, производятъ въ народѣ страхъ отъ нападенія на нихъ непріятелей; негодованіе на правительство и явный почти противу насъ ропотъ.

„Умалчивая, что все сіе происходитъ въ окружности Грузіи, донесу только, что г. Тифлисъ совершенно взволнованъ; жители онаго, по безпрестаннымъ слухамъ о сильнѣйшемъ на нихъ нападеніи и завладѣніи городомъ, соединенными со всѣхъ сторонъ силами, находятся въ великомъ страхѣ и безпокойствіи, произносятъ безпрестанно ропотъ и теряютъ совсѣмъ надежду въ защищеніяхъ своихъ нами, какъ между тѣмъ неблагонамѣренными распускаются слухи

(1) Въ рапортѣ отъ 20-го іюля 1802 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣс.

объ отступленіи нашихъ въ Россію, и о стараніи царевича Вахтанга, буде мы и здѣсь останемся, не пропустить сюда изъ Россіи, съ помощію народовъ въ горахъ живущихъ, войскъ нашихъ, въ чемъ они и твердо увѣряются".

Принимая мѣры къ успокоенію Грузіи и къ отраженію нападенія Лезгинъ, необходимо было принять мѣры и къ отраженію Персіянъ, собиравшихся по слухамъ со стороны Эривани.

Сардарь Баба-хана, Пиръ-Кули-ханъ, отправленный изъ Тегерана съ фирманомъ о собраніи войскъ адербиджанскихъ и о слѣдованіи съ ними къ Эривани, успѣлъ въ этомъ и прибылъ къ хану эриванскому, съ требованіемъ водворить у себя всѣхъ бѣжавшихъ изъ Нахичевани или заплатить 80 т. руб. За тѣмъ Пиръ-Кули-ханъ требовалъ отъ эриванскаго хана соединить свои войска съ адербиджанскими и слѣдовать въ Шушу, гдѣ, взявъ Селимъ-хана, возвести его на ханство нухинское и отсюда соединенными силами двинуться въ Грузію, пригласивъ съ собою царевича Александра и всѣхъ ему преданныхъ Грузинъ. Прибывъ съ 10 т. войскомъ къ Нахичевани, Пиръ-Кули-ханъ отправился къ Шушѣ, а оттуда, перемѣнивъ планъ дѣйствій, предполагалъ пройти въ Бѣлоканы и, соединившись тамъ съ Лезгинами, двинуться въ Кахетію, такъ какъ царевичъ Александръ, получилъ письмо отъ матери своей царицы Дарьи, просившей поспѣшить этимъ движеніемъ. Царица Дарья писала сыну, что, по малочисленности русскихъ войскъ, теперь самое благопріятное время для подобнаго вторженія. Царевичъ Александръ, кромѣ того, думалъ, вторгнувшись въ Кахетію, найти тамъ всѣхъ князей и дворянъ готовыми вспомоществовать ему въ его дѣйствіяхъ. Надежды его были отчасти основательны. 22-го іюля Коваленскій писалъ Лазареву, что получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о составленномъ въ Кахетіи „*соглашеніи и даже о подпискѣ для нарушенія общаго спокойствія и ниспроверженія существовавшаго правительства*".

Въ этихъ выраженіяхъ было много преувеличеннаго. Въ сущности дѣло было вовсе не такъ. Тутъ не было, какъ увидимъ ниже, ни заговора, ни бунта, ни подкапыванія подъ правительство, а просто недоразумѣніе. Со стороны тамошняго нашего правительства было гораздо больше обвиненій, чѣмъ доказательствъ. Нельзя было, конечно, отвергать того,

что было колебаніе умовъ, но все-таки колебаніе это было далеко отъ того, чтобы назвать его „*бунтомъ*“, какъ называлъ тогда, слишкомъ преувеличено, Коваленскій во всѣхъ своихъ донесеніяхъ.

Какъ бы то ни было, но Коваленскій отправилъ въ Телавъ совѣтника Карнѣева, для разслѣдованія дѣла, и просилъ Лазарева назначить ему конвой и предписать начальникамъ войскъ арестовать тѣхъ, на кого укажетъ Карнѣевъ. Вслѣдъ за тѣмъ Коваленскій конфисковалъ имѣнія нѣсколькихъ князей и жителей Сигнахскаго уѣзда, бѣжавшихъ къ царевичу Александру (1).

Вся суть волненія въ Кахетіи произошла отъ тамошняго исправника, объявлявшаго, что у князей будутъ отняты моуравства. Князья этому не вѣрили, тѣмъ болѣе, что между ними ходилъ слухъ, будто императоръ Александръ отправилъ въ Грузію управлявшаго ея дѣлами тайнаго совѣтника Лашкарева спросить народъ, не хочетъ ли онъ имѣть по прежнему своего царя. Пока Лашкаревъ ѣхалъ въ Грузію, по словамъ молвы, въ дѣйствительности же производились аресты, по приказанію Коваленскаго. Князья жаловались Гулякову, стоявшему съ войсками въ Телавѣ, и просили его объявить имъ, за что арестованы многія лица и „дабы могли мы просить Его Императорское Величество, ибо безъ воли его ловить не должны, да и непристойно“ (2).

Въ то же время они присягнули царевичу Іулону, какъ законному государю, и написали просьбу императору Александру, подписанную 69 князьями:

„Всемилостивѣйшій государь! Когда мы присягали на вѣрность Вашего Императорскаго Величества, тогда объявленъ былъ намъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, изображено: якобы мы донесли Высочайшему Двору, что царя не желаемъ имѣть, и будто безъ царя подошли мы подъ покровительство и верховное управленіе Вашего Императорскаго Величества. Сіе бы уподоблялось французской республикѣ! Наши цари передъ нами никакой вины не сотворили и намъ отъ нихъ не для чего отрицаться. Болѣе 1,000 лѣтъ, какъ родъ Багратіоновъ есть царственный; многіе изъ нихъ за Христа и за насъ мученіе воспрі-

(1) Отношеніе Коваленскаго Лазареву 22-го іюля 1802 г., № 51.

(2) Изъ письма кахетинскихъ князей Гулякову, 21-го іюля 1802 г.

яли и кровь свою проливали, и мы при нихъ умирали. Итакъ, отрицаніе отъ нихъ не есть наше дѣло, а выдумка обманщиковъ. Наше желаніе и просьба въ томъ состоитъ, чтобы духовное завѣщаніе, ознаменовавшагося великими подвигами на пользу отечеству, покойнаго царя Ираклія было утверждено и, по силѣ онаго, данъ бы былъ намъ царь, съ которымъ остались мы подъ Высочайшимъ покровительствомъ Вашимъ, и, по мѣрѣ силъ нашихъ, употребили бы себя на службу Вашего Величества. Сего просимъ отъ Вашего Императорскаго Величества съ колѣнопреклоненіемъ".

Въ этой просьбѣ была главнѣйшая вина кахетинскихъ князей и дворянства, но винить ихъ безусловно въ этомъ случаѣ нельзя, потому что, не имѣя прежде ни судовъ, ни судопроизводства, они, по обычаю, искони у нихъ существовавшему, со всякою малѣйшею бездѣлицею шли на рѣшеніе самаго царя. Теперь же обратиться съ этимъ имъ было не къ кому. Тогдашнее правительство Грузіи смѣшивало просьбу съ требованіемъ, назвало ее заговоромъ и потому въ своемъ дальнѣйшемъ поведеніи много повредило дѣлу. Сначала далеко не всѣ князья принимали участіе въ этомъ дѣлѣ. Многіе были противнаго мнѣнія, какъ видно изъ показанія одного изъ жителей, посланнаго въ разныя мѣста съ пригласительными письмами. „Я поѣхалъ—говоритъ онъ—въ деревню Калаури объявить тамъ о бунтѣ и письма я жителямъ отдалъ, которыя были прочтены въ публичномъ собраніи, но всей черни той деревни весьма показались онѣ противными, и потому, отдавъ назадъ мнѣ письма, сказали, что не только не покусятся на таковой бунтъ и возмущеніе, противу присяги и вѣрности Россійскому Императору, но даже и мыслить объ ономъ не хотятъ" (1).

Производившіеся въ большихъ размѣрахъ аресты заставили кахетинскихъ князей просить объ уничтоженіи этой мѣры.

„Прежде всего писали мы прошеніе къ вашему превосходительству (?)—писали они къ полковнику Соленіусу, и не получили отвѣта, подобно ему же подали къ генералу Гулякову—онъ намѣрился поймать нашихъ князей и всѣхъ оныхъ переловить, но они не дались и вмѣстѣ собрались въ Кизихѣ. Мы всѣ и кизихскіе присягнули царю Іулону,

(1) Показаніе Андрея Швили, 29-го іюля 1802 г. Т. А. К. Н.

дабы тѣмъ выполнить завѣщаніе, какое отъ царя Ираклія было; мы также сначала присягнули по усердію Его Императорскому Величеству, потомъ присягнули имѣть царемъ Іулона. По дѣлу сему мы были въ собраніи для совѣта, но подполковникъ, прибывъ съ войскомъ и артиллеріею, намѣревался ловить насъ; едва онъ симъ не ввелъ насъ въ измѣнничество до драки, однако Богъ отъ сего избавилъ и благополучно прошло. Просимъ, стоя на колѣняхъ, чтобы оный развратъ утишить и не дать насъ подъ гнѣвъ Его Императорскаго Величества и просимъ сей народъ не потерять для Государя, а мы подадимъ черезъ васъ прошеніе Государю Императору; также просимъ, которые наши братья князья безъ суда пойманы освободить и чтобы утишилъ развратъ".

Для прекращенія всѣхъ этихъ безпорядковъ рѣшено было, что генералъ Лазаревъ отправится съ отрядомъ въ Кахетію, а генералъ Тучковъ въ Душетъ, арестовать царевича Вахтанга, какъ родоначальника безпорядковъ и всѣхъ происходившихъ волненій. Только что Лазаревъ прибылъ въ Сигнахъ и потребовалъ къ себѣ князей, какъ они явились къ нему тотчасъ же, съ объявленіемъ полной покорности, преданности къ Россіи и ея правительству (1).

На вопросъ Лазарева: что было причиною къ подобнымъ безпорядкамъ? они отвѣчали: 1) распространеніе слуховъ, что князей ихъ велѣно взять въ Россію, и 2) объявленіе телавскаго уѣзднаго исправника, что моуравства ихъ будутъ уничтожены. Не зная о томъ, какую власть имѣютъ въ уѣздѣ русскіе чиновники и не понимая ихъ значенія, они просили Лазарева разъяснить имъ это и въ особенности значеніе должности исправника.

Поблагодаривъ Лазарева за разъясненіе и за то, что „я отвлекъ ихъ отъ дальнѣйшихъ подобныхъ поступковъ, къ пагубѣ ихъ служащихъ, клялись не оказывать впредь ничего сему подобнаго". Они тотчасъ же написали обо всемъ этомъ царевичу Іулону и письмо для отправленія къ нему передали Лазареву.

„Передъ симъ писали мы къ вашей свѣтлости письмо (2), объявляя въ немъ васъ царемъ, съ тѣмъ однако же, буде

(1) Рапортъ Лазарева Кнорринту 11-го августа 1802 г. Т. А. К. Н.

(2) Переводъ письма князей къ царевичу Іулону отъ 11-го августа 1802 г.

послѣдуетъ Всемилостивѣйшая Государя Императора воля принять таковое вамъ правленіе; но нынѣ узнавъ, что сіе Его Величеству противно, не дай Богъ впередъ и затѣвать подобныя дѣла, ибо приведя Его симъ въ гнѣвъ, не знаемъ, кто намъ будетъ послѣ покровитель и, какъ мы уже нарушили первую присягу Всемилостивѣйшаго Государя Императора, то исполняя Его волю, вторительно дали присягу и утвердили быть вѣрными до послѣдней капли крови. А у вашей свѣтлости просимъ въ томъ извиненія. Мы такою присягою и подпискою обязались, что всѣмъ нашимъ замысламъ быть уже никакъ невозможно, въ чемъ совершенно утвердясь даемъ вашей свѣтлости знать и подписуемся".

Пока Лазаревъ былъ въ Сигнахѣ Тучковъ привезъ въ Тифлисъ царевича Вахтанга.

Вотъ и все возмущеніе въ Кахетіи, или „соглашеніе", какъ писалъ Коваленскій, къ ниспроверженію законнаго правительства, которое не потрудилось даже разъяснить жителямъ своихъ правъ и обязанностей относительно страны, и потомъ удивлялось тому, что народъ, не привыкшій къ самоуправленію и брошенный на произволъ судьбы, желалъ стараго порядка и искалъ главы въ образѣ царя, какъ его защитника и опору. Въ томъ же, что народъ былъ брошенъ на произволъ судьбы, кажется, будетъ достаточнымъ доказательствомъ тогдашнее положеніе дѣлъ.

Кнорингу съ Коваленскимъ удалось выхлопотать себѣ право не отдавать, подобно другимъ правительственнымъ учрежденіямъ, въ своихъ дѣйствіяхъ никакого отчета правительствующему сенату и не имѣть въ правленіи прокурора (1), обязаннаго, по должности, слѣдить за правильностію дѣйствій правительственнаго мѣста. Вслѣдъ за этимъ первымъ послабленіемъ не замедлило явиться и явное злоупотребленіе. Кнорингъ ставъ во главѣ управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ устранилъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла, предоставивъ Коваленскому избрать и назначить на должности гражданскихъ чиновниковъ лицъ по своему усмотрѣнію. Коваленскій не замедлилъ укомплектовать всѣ мѣста своими родственниками. Указомъ правительствующаго

(1) Прокуроръ назначенъ только 19-го іюля 1803 г., т. е. тогда, когда открылись уже безпорядки и злоупотребленія. См. П. С. З. т. XXVII.

сената опредѣленъ былъ, напримѣръ, начальникомъ экспедиціи „казенныхъ и экономическихъ дѣлъ“ совѣтникъ астраханской казенной палаты Тарасовъ; но едва экспедиція открыла свое дѣйствіе, какъ начальникомъ ея очутился родной братъ Коваленскаго, а Тарасовъ попалъ въ экспедицію уголовныхъ дѣлъ. При образованіи правительства предполагалось въ составъ его назначить лицъ изъ дворянъ и князей грузинскихъ, „дабы на первый разъ вступили въ должности люди способнѣйшіе и отличаемые общимъ уваженіемъ и довѣренностію согражданъ своихъ“. Коваленскій успѣлъ однакоже ихъ совершенно устранить, а если и назначалъ, то такихъ, которые въ обществѣ грузинъ не пользовались уваженіемъ и „о достоинствахъ которыхъ упоминать здѣсь пристойность запрещаетъ“ (1).

„Смѣло и утвердительно полагать должно, доносилъ Соколовъ (2), что злоупотребленія созерцались правителемъ при самомъ сочиненіи постановленія нынѣшняго въ Грузіи правительства. При начертаніи постановленія, хотя, имѣлось можетъ быть въ виду основаніе на учрежденіяхъ губерній Имперіи Всероссійской, но предоставленное право главнокомандующему, купно съ правителемъ, дѣлать отмѣны въ правилахъ, по коимъ поступаютъ экспедиціи верховнаго грузинскаго правительства, каковые, по соображенію обстоятельствъ, они общенужными признаютъ, служитъ уже преткновеніемъ ко многимъ злоупотребленіямъ“.

Въ уѣздныхъ городахъ положены были коменданты изъ русскихъ чиновниковъ; ихъ назначили изъ числа военныхъ офицеровъ, и никто не зналъ круга своихъ дѣйствій и цѣли самой должности. По названію они были коменданты, а по инструкціи, имъ данной Кнорриногомъ, городничіе. Лазаревъ просилъ Кнорринга разъяснить ему, какъ должны относиться къ комендантамъ воинскіе начальники. Главнокомандующій отвѣчалъ—какъ къ городничимъ, и говорилъ, что названіе комендантовъ имъ дано изъ „причинъ политическихъ“. Коваленскій, отъ котораго они находились въ зависимости, еще болѣе запутывалъ ихъ обязанности. Тифли-

(1) Изъ записки, составленной Лофицкимъ и поданной Императору Александру. Арх. Глав. Штаба.

(2) Кн. Куракину 20-го сентября 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Соколовъ находился въ Грузіи по возвращеніи изъ Имеретіи, куда былъ посланъ по дѣлу объ освобожденіи царевича Константина. См. главу X.

скій комендантъ, родной племянникъ Коваленскаго, завѣдывалъ разбирательствомъ по вексельнымъ искамъ. Сущность назначенія этихъ должностей была на столько запутана, что главнокомандующій во многихъ случаяхъ самъ себѣ противорѣчилъ. Отъ этого произошло весьма скоро недоразумѣніе между правителемъ Грузіи и Лазаревымъ, начальникомъ войскъ, тамъ расположенныхъ.

Карскій паша прислалъ къ Лазареву своего посланца съ письмами. Коваленскій отобралъ эти письма, и тѣ, которыя были адресованы къ Лазареву, отправилъ къ нему, а остальныя оставилъ у себя. По переводѣ ихъ оказалось, что паша поручилъ своему посланному переговорить словесно съ Лазаревымъ. Когда тотъ потребовалъ къ себѣ посланнаго, то его уже не было въ Тифлисѣ,—Коваленскій отправилъ его обратно. Лазаревъ отдалъ приказъ, чтобы на гаубтвахтахъ у городскихъ воротъ, караульные справлялись у всѣхъ подобныхъ посланцевъ пріѣзжающихъ изъ-за границы, не имѣютъ ли они писемъ къ командующему войсками и въ послѣднемъ случаѣ препровождали бы ихъ къ нему. Коваленскій жаловался Кнорингу на такое распоряженіе Лазарева. Главнокомандующій, слѣпо вѣря правителю Грузіи и не разузнавъ дѣла, сообщилъ Лазареву, что всѣ пріѣзжающіе изъ-за границы должны являться комендантамъ, непосредственно подчиненнымъ Коваленскому.

Недоразумѣнія эти, между властями, вели конечно къ безпорядкамъ, злоупотребленіямъ и упущеніямъ. Во время волненій въ Кахетіи, волненій, въ которыхъ принимали дѣятельное участіе члены царскаго дома, Лазаревъ узналъ, что царица Дарья намѣрена отправить въ Эривань къ царевичу Александру 1 т. руб., кафтанъ и возмутительныя письма. Лазаревъ требовалъ задержанія посланнаго и доставленія его къ себѣ. Комендантъ ему не отвѣчалъ нѣсколько дней, и на вторичное требованіе увѣдомилъ, что тотъ посланный уѣхалъ въ Эривань по билету, выданному ему правителемъ Грузіи.

Съ открытіемъ русскаго правленія всѣ товары и жизненные припасы въ Грузіи вздорожали; курсъ золота чрезвычайно понизился, а серебра вовсе не стало. Въ этомъ недостаткѣ монеты обвиняли Коваленскаго, имѣвшаго сдѣлку съ самымъ богатымъ въ Тифлисѣ купцомъ Бегтабеговымъ. Въ

домѣ правителя открыто размѣнивалась серебреная монета, собираемая съ жителей въ казенное вѣдомство. Въ небольшой промежутокъ времени своего правленія Коваленскій успѣлъ изыскать средства, чтобы скупить всю шерсть въ Грузіи, имѣя въ виду сбыть ее съ выгодою на строившуюся въ Тифлисѣ суконную фабрику.

Всѣмъ извѣстно было, что фабрика эта строится подъ именемъ казенной, а между тѣмъ на постройку ея употребляли матеріалъ изъ стѣнъ царскаго дворца, разореннаго въ послѣднее вторженіе въ Грузію Аги-Магомедъ-хана, но принадлежащаго царевичу Давыду.

Царевичь Давыдъ жаловался на произволъ Коваленскаго, на расхищеніе его собственности, а Коваленскій приказывалъ ломать стѣны и строилъ изъ нихъ суконную фабрику.

Всѣ эти злоупотребленія не могли не возбудить неудовольствія грузинъ противу русскаго правленія. Вскорѣ неудовольствія эти еще болѣе увеличились.

Въ концѣ октября мѣсяца 1802 года, возвратился въ Грузію изъ С.-Петербурга бывшій посолъ грузинскій, князь Герсеванъ Чавчавадзевъ, имѣвшій большое вліяніе въ Грузіи. Тотчасъ по пріѣздѣ его распущенъ былъ слухъ, что онъ уполномоченъ составить новое предположеніе объ участи страны. Почти всѣ агалары казахскаго народа, находившагося прежде въ его управленіи, выѣхали къ нему на встрѣчу въ деревню Казбекъ въ сопровожденіи 200 чел. татаръ. По пріѣздѣ князя Чавчавадзева въ Тифлисъ, ни онъ, ни сопровождавшіе его князья, не явились къ правителю Грузіи Коваленскому, какъ этого требовалъ заведенный порядокъ.

Коваленскій тотчасъ же приказалъ схватить всѣхъ болѣе именитыхъ князей, за исключеніемъ самого Чавчавадзева, и посадилъ ихъ подъ арестъ, гдѣ и содержались они двое сутокъ.

Присутственныя мѣста существовали только по названію.

„Въ шестой день по пріѣздѣ моемъ сюда, писалъ князь Циціановъ министру внутреннихъ дѣлъ (1), посѣтилъ я присутственныя мѣста верховнаго грузинскаго правительства, и въ исполнительной экспедиціи не нашелъ ни од-

(1) Отношеніе гр. Кочубею 10-го февраля 1803 г. Ар. М. В. Д. Деп. Общ. Д. ч. 2.

ного изъ присутствующихъ кромѣ правящаго должность секретаря, который вмѣсто настольнаго реестра, подалъ мнѣ приватную записку съ ложнымъ показаніемъ: что правитель Грузіи прибывъ въ присутствіе 5-го числа въ 8 часовъ по полуночи, слушали и проч., когда по собственному признанію секретаря Коваленскій въ присутствіе не являлся...

„Въ казенной экспедиціи встрѣтилось такое же неустройство и совершенное бездѣйствіе, поелику всѣ дѣла по казенной части отъ предмѣстника моего, также препоручены были правителю Грузіи Коваленскому, коего домашняя канцелярія управляла, въ видѣ присутственныхъ мѣстъ, всѣми по Грузіи дѣлами, съ самовластіемъ, какого и управляющій имѣть не можетъ".

Злоупотребленіе чиновниковъ доходило до крайнихъ предѣловъ.—Общее ослабленіе и несостоятельность тамошняго правительства все болѣе и болѣе обнаруживалось.—Въ присутственныхъ мѣстахъ, грузинъ не только бранили публично, но даже били. По одному подозрѣнію ихъ хватали, связывали назадъ руки, накидывали на шею петлю и какъ уголовныхъ преступниковъ отводили пѣшкомъ за 50 верстъ и далѣе. — Чиновники и офицеры силою увозили женщинъ и дѣвицъ изъ селеній и насиловали ихъ (1). Что же мудренаго послѣ того, что лица царской фамиліи, искавшіе своего владычества въ Грузіи, пользовались этимъ временемъ, какъ самымъ удобнымъ къ приведенію въ исполненіе своихъ цѣлей и намѣреній.—Можно ли удивляться послѣ всего этаго, что грузины вѣрили ходившимъ слухамъ о слабости русскаго правительства, его непрочности, и тому, что русскіе въ самомъ непродолжительномъ времени оставятъ край?

Ко всѣмъ этимъ неурядицамъ и причинамъ народнаго негодованія, присоединялось еще и то, что въ Грузію было послано нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Каждое изъ нихъ имѣло у себя секретную инструкцію, и нерѣдко два лица имѣли инструкціи противуположныя по сущности порученія. Каждый, наблюдая другъ за другомъ и независи ни отъ кого кромѣ министерства, распоряжался самостоятельно по своему усмотрѣнію. Отъ этаго грузины въ случаѣ неудовлетворительнаго для нихъ рѣшенія дѣла однимъ лицомъ, шли къ другому и получали желаемое удовлетвореніе или разрѣше-

(1) Донесеніе Кн. Цицианова Г. И. 9 февраля 1803 г. Арх. Воен. Топ. Депо.

ніе. — Изъ всего этаго вышло то, что народъ не зналъ къ кому обратиться съ просьбою, кому можно довѣриться и кого должно считать начальникомъ, т. е. лицомъ, поставленнымъ и уполномоченнымъ отъ Русскаго правительства.

Такимъ образомъ въ самомъ началѣ далеко не было исполнено обѣщаніе Кнорринга, писавшаго грузинамъ: что на него возложена императоромъ обязанность „сохранить обывателей въ безопасности личной и имущественной и доставить всѣмъ покровъ, увѣренность и спокойствіе, правленіемъ бдительнымъ и сильнымъ, всегда готовымъ дать правосудіе обиженному, защитить невинность и въ примѣръ злымъ наказать преступника“—(1). Кнорринъ обѣщалъ дать имъ скорое и безпристрастное рѣшеніе и напоминалъ, „что прилежаніе и труды, а не происки, избыточество обывателей, а не нищета ихъ, твердая и непоколибимая надежда на благость Господню, а не отчаяніе, наконецъ не коварство, кровопролитіе, убійство, жестокости и дерзости, но простодушіе, человѣколюбіе и снисхожденіе,—добродѣтели, долженствующія отличать христіанина, суть источники спокойствія и благоденствія народовъ“ (2).

До нашего правительства стали отъ всюду доходить слухи о безпорядкахъ въ Грузіи, и о неудовольствіи народа на тамошнее правительство.—По этому императоръ Александръ призналъ необходимымъ отозвать оттуда генералъ-лейтенанта Кнорринга. — Бывшій въ то время въ государственномъ совѣтѣ экспедиторомъ по военной части генералъ князь Цицiановъ назначенъ главнокомандующимъ на Кавказѣ (3) на мѣсто Кнорринга.

„По дошедшимъ ко мнѣ жалобамъ, писалъ императоръ Александръ въ своемъ рескриптѣ князю Цицiанову (4), и неудовольствіямъ на управляющихъ въ Грузіи генералъ-лейтенанта Кнорринга и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго, призналъ я нужнымъ, причисливъ перваго къ арміи и отозвавъ послѣдняго сюда, для употребленія къ другимъ дѣламъ, возложить на васъ всѣ должности, съ знаніемъ инспектора кавказской линіи, астраханскаго военнаго гу-

(1) Объявленіе Г. Л. Кнорринга грузинамъ. См. П. С. З. Т. XXVI, № 20009.
(2) Ibid.
(3) Жизнь кн. Цицiанова М. 1823 г.
(4) Отъ 8 сентяб. 1802 г. Арх. М. Внут. дѣлъ, Ден. общ. дѣлъ, дѣла грузинск.

бернатора, управляющаго тамъ и гражданскою частію и главноуправляющаго въ Грузіи соединенные.

„Изъ сихъ обязанностей, двѣ первыя имѣютъ уже свой установленный порядокъ; ревность и усердіе ваше ручаются мнѣ, что вы удержите и сохраните его въ надлежащемъ положеніи.—Но послѣдняя, бывъ сопряжена съ новымъ устроеніемъ края, принятаго Россіею въ особенное покровительство, должна привлечь на себя особенное ваше вниманіе, въ основаніе коего примите слѣдующія замѣчанія:

1) „Предѣлы власти вамъ ввѣряемой, суть тѣже самые, въ коихъ поставленъ былъ генералъ-лейтенантъ Кноррингъ.“

2) „Въ наставленіи, данномъ ему при начальномъ устроеніи Грузіи, найдете вы не только подробныя правила о его управленіи, но и изъясненія главныхъ побужденій, руководствовавшихъ меня въ семъ дѣлѣ. Вы найдете въ нихъ, *что не разширенія власти моей и непреумноженія собственныхъ пользъ Россіи я въ семъ искалъ, но единственно желалъ успокоить народъ, мятежами внутренними и внѣшними обуреваемый, издавна Россіи преданный и древнею своею приверженностію особенное ея участіе заслуживший.*—Вы найдете, что введеніе въ немъ настоящаго порядка дѣлъ не было шагомъ къ его завладѣнію, но слѣдствіемъ того разсужденія, что удобнѣе для Россіи защищать край благоустроенный и постоянно управляемый, нежели по внезапнымъ только случаямъ, и единственно на вопль усилившихся его бѣдствій, временно приходить на помощь ему и съ большими издержками доставлять ему внѣшнимъ дѣйствіемъ минутныя мѣры поправленія, всегда готовыя разрушиться, какъ скоро сила ихъ поддерживающая оставитъ ихъ. — Я счелъ нужнымъ утвердить васъ въ сей главной мысли, дабы видѣли вы самое основаніе плана на коемъ управленіе Грузіею должно быть поставлено.“

3) „Изъ сего нетрудно вамъ будетъ самому себѣ назначить частныя правила вашего личнаго въ семъ краю поведенія. Сверхъ общей справедливости, вамъ должно народу сему дать почувствовать, что ни отдаленность его, ни трудность сношеній, не воспрепятствуютъ ему участвовать въ благости россійскаго управленія, и что никогда не будетъ онъ имѣть причинъ раскаяваться, ввѣривъ судьбу свою Россіи“.

4) „По сему правилу, вы не оставите изслѣдовать и удов-

летворить, на мѣстѣ, жалобъ разныхъ чиновъ на предмѣстника вашего. Между сими жалобами встрѣтитъ васъ вопервыхъ заключеніе карталинскихъ князей Мочабеловыхъ и Амреджибовыхъ и знатныхъ особъ изъ Кахетіи. Если къ заключенію сему не было никакого другаго повода, какъ только чтобы вынудить отъ нихъ присягу: вы сами почувствуете сколь средство сіе противно своему концу и немедленно ихъ освободите, принявъ мѣры осторожности, на тотъ только случай, еслибы люди сіи вздумали дѣлать какія-либо покушенія противъ настоящаго образа правленія".

5) „Васъ встрѣтятъ также жалобы князя Герсевана Чевчавадзева, коего предки имѣли наслѣдственное управленіе надъ кочевымъ народомъ казахскимъ. Вы не оставите уничтожить подвигъ, предмѣстникомъ вашимъ сдѣланный, къ отнятію у рода сего наслѣдственнаго его права, ежели право сіе найдется, по изслѣдованію вашему, справедливымъ, давностію утвержденнымъ и общаго порядка неиспровергающимъ".

6) „Но паче всего, вы обратите вниманіе ваше на состояніе доходовъ Грузіи и приведеніе въ извѣстность удѣловъ, членами царскаго дома владѣемыхъ. При установленіи въ семъ краю настоящаго образа правленія, я имѣлъ личное отъ генералъ-лейтенанта Кнорринга удостовѣреніе, что Грузія собственными своими доходами содержать себя можетъ. Но доселѣ о количествѣ доходовъ сихъ ничего отъ него не доставлено; а между тѣмъ, издержки по разнымъ предметамъ, день отъ дня умножаясь, возросли уже до весьма нарочитой суммы, и хотя устроеніе сего народа содѣлалось предметомъ общаго попеченія правительства, но я никакъ не желалъ бы, чтобы тяжесть управленія сего пала единственно на Россію. Съ другой стороны, нѣкоторые члены царскаго дома приносятъ жалобы, что они оставлены безъ приличныхъ имъ способовъ содержанія; опредѣлить же сіи способы, доколѣ не будутъ извѣстны удѣлы ихъ владѣній, нѣтъ возможности. Изъ сего заключите вы колико нужно имѣть о томъ, какъ наискорѣе, подробныя свѣдѣнія, дабы можно было часть сію привести въ надлежащее устройство и порядокъ. Я буду ожидать отъ васъ исполненія сего, какъ одной изъ первыхъ вашихъ обязанностей".

7) „Въ дѣлахъ предмѣстника вашего найдете вы неодно-

кратныя мои предписанія о вызовѣ членовъ царскаго дома въ Россію. Чтобы уразумѣли вы яснѣе, до какой степени мѣра сія важна, я считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя о ней подробности. Вамъ извѣстно, что внутреннія крамолы, паче нежели внѣшнія нападенія, довели царство сіе до такой слабости, въ коей нашло его россійское правительство, когда гласомъ народныхъ бѣдствій вызвано оно было ему на помощь; со введеніемъ новаго вещей порядка, крамолы сіи никакъ не замолкли, напротивъ, тѣже притязанія царицы Дарьи къ возведенію на престолъ царевича Іулона, хотя скрытно, но тѣмъ не менѣе сильно дѣйствуютъ. Я получалъ почти еженедѣльныя, отъ генералъ-Лейтенанта Кнорринга, извѣстія, что ея подстреканіями подвигнуты смежные владѣльцы къ покушеніямъ на Грузію; наконецъ на сихъ дняхъ довелъ онъ до свѣдѣнія моего, что Баба-Ханъ, господствующій нынѣ въ Персіи, объявивъ царевича Іулона царемъ грузинскимъ, отрядилъ уже и войска къ его возведенію, ищетъ усилить ихъ союзомъ съ другими пограничными Грузіи владѣльцами. Прочіе царевичи, по духу ли непостоянства, или желая воспользоваться симъ замѣшательствомъ, а можетъ быть и прельщенные пышными обѣщаніями, болѣе или менѣе сему предпріятію содѣйствуютъ. Хотя количество облегающихъ Грузію нашихъ войскъ, особливо когда и личнымъ вашимъ на положеніе ихъ воззрѣніемъ, дадите вы имъ лучшій мѣстный распорядокъ, не дозволяетъ думать чтобы покушенія сіи могли имѣть вредныя послѣдствія: тѣмъ не менѣе однако, для спокойствія сей страны, для спокойствія самыхъ войскъ нашихъ, вы чувствуете сколь нужно пресѣчь самый источникъ сихъ частей. Въ самомъ началѣ настоящаго о Грузіи расположенія они были предвидѣны, и тогда же рѣшено было вызвать всѣхъ членовъ царскаго дома въ Россію. Перемѣнчивость въ началахъ главноуправлявшаго, который, то о пользахъ ихъ ходатайствовалъ, то приносилъ на нихъ жалобы, а можетъ быть и недостатокъ извѣстной твердости, до селѣ рѣшеніе сіе оставляли не исполненнымъ. Между тѣмъ, вы изъ вышеизображеннаго сами познаете сколько сіе нужно, и потому между первѣйшими обязанностями вашими поставите принять всѣ убѣжденія, настоянія и наконецъ самое понужденіе къ

вызову всѣхъ неспокойныхъ царевичей, а особливо царицы Дарьи въ Россію. Мѣру сію считаю я главною къ успокоенію народа, при видѣ ихъ замысловъ и движеній, не престающаго колебаться въ установляемомъ для счастія ихъ порядкѣ. Сверхъ сихъ постановленій, вскорѣ получите вы и подробнѣйшее открытіе всѣхъ видовъ Россіи на сей край, дабы, соображая съ оными ваше управленіе, вы тѣмъ вѣрнѣе могли располагать пріемлемыя мѣры и, въ нужныхъ случаяхъ, изъ самой связи дѣлъ извлекать для себя надлежащія разрѣшенія. Я увѣренъ, что, убѣжденные важностію возлагаемаго на васъ служенія и руководствуясь познаніемъ правилъ моихъ на сей край и собственнымъ вашимъ благоразуміемъ, исполните вы долгъ вашъ, съ тѣмъ безпристрастіемъ и правотою, какую я въ васъ всегда предполагалъ, и находилъ".

Этотъ замѣчательный рескриптъ Императора Александра, давалъ князю Циціанову полную программу и наставленіе весьма подробное о предстоящихъ его дѣйствіяхъ на Кавказѣ.

Главноуправляющему предстояло прежде всего обратить вниманіе на Грузію. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась Грузія, князь Циціановъ долженъ былъ привести въ ясность и систему тамошнія запутанныя дѣла, уничтожить злоупотребленія, пріобрѣвшія тамъ права гражданственности, „и кроткимъ, справедливымъ, но притомъ и весьма твердымъ поведеніемъ, стараться пріобрѣсти къ правительству россійскому довѣренность" (1). Довѣренность эта была необходима и не для одной только Грузіи; она необходима была и со стороны разныхъ сосѣдственныхъ владѣній во множествѣ окружавшихъ границы Грузіи.

Для скорѣйшаго успокоенія края, и безпрепятственнаго введенія своихъ предположеній, наше правительство, какъ мы видѣли, считало необходимымъ удаленіе изъ Грузіи, хотя бы и на время, всѣхъ членовъ царской фамиліи. Правительство желало, чтобы удаленіе это было произведено безъ всякаго насилія, одними убѣжденіями, словомъ сказать, такими средствами, которыя не могли бы поколебать къ нему довѣрія, „въ тѣхъ владѣльцахъ, кои могутъ желать изыскивать покровительства Россіи". Принявъ такой об-

(1) Инструкція кн. Циціанову 26-го сент. 1802 г. Ар. М. Вн. Д. по Д. Общ. Д. книга I.

разъ поведенія, относительно Грузіи и ея бывшихъ владѣтелей, Императоръ Александръ писалъ, на этомъ основаніи, письмо къ царицѣ Дарьи, которое и долженъ былъ доставить къ ней князь Ціціановъ.

Новому главноуправляющему приказано было, прежде чѣмъ рѣшиться на какое нибудь принужденіе, употребить всѣ средства къ добровольному согласію на выѣздъ ея въ Россію.

Такимъ же точно поведеніемъ долженъ былъ руководствоваться князь Ціціановъ и относительно прочихъ лицъ грузинскаго царскаго дома, находившихся въ то время въ Грузіи.

Относительно же тѣхъ, кои оставили Грузію, какъ напримѣръ царевичи Александръ, Іулонъ и Парнаозъ, и бывшіе причиною главныхъ замѣшательствъ и безпорядковъ въ странѣ, то Императоръ Александръ считалъ необходимымъ и ихъ также вызвать въ Россію.

Взглянувъ на карту (1), не трудно видѣть то множество ханствъ и отдѣльныхъ владѣній, которыя окружали со всѣхъ сторонъ Грузію. Такъ, восточную часть Закавказья составляли въ то время: Дагестанъ и ханства: Дербентское, Кубинское, Бакинское, Шекинское, Шемахинское и Талышенское. Южную часть, — ханства: Ганжинское, Карабахское, Нахичеванское и Эриванское. Западную часть Закавказья составляли, царство Имеретинское; владѣнія: Мингрельское, Абхазское, Гурійское, признанные независимыми отъ Турціи по Кучукъ-кайнарджійскому миру 1774 г. и пашалыкъ Ахалцыхскій.

Будучи окружена буквально со всѣхъ сторонъ недоброжелателями и даже отдѣлена отъ Россіи, къ границамъ которой она не примыкала непосредственно, Грузія конечно по своему положенію уже нуждалась въ миролюбивыхъ сношеніяхъ съ своими сосѣдями. Всякое уклоненіе отъ этого влекло прямое вторженіе во внутрь страны различныхъ азіатскихъ народовъ, склонныхъ къ хищничеству и грабительствамъ и ждущихъ только къ тому удобнаго случая и перваго предлога. Всѣ эти причины заставляли наше правительство, до извѣстной степени, стараться о сохраненіи дружественныхъ отношеній съ тамошними народами. Нахо-

(1) См. приложенную карту тогдашняго раздѣленія Кавказа.

дясь почти въ постоянной ссорѣ другъ съ другомъ, многіе горскіе ханы и владѣльцы нѣсколько разъ обращались къ Россіи и просили ея покровительства, а нѣкоторые и подданства. Но всѣ эти исканія и заключаемыя съ ними условія имѣли силу только до перваго случая, представлявшаго имъ наиболѣе выгоды; тогда они уклонялись отъ покровительства Россіи, становились во враждебныя къ ней отношенія, а черезъ нѣсколько дней опять искали ея подданства. Поступая такъ относительно Россіи, ханы и владѣльцы точно также вели дѣла и между собою.

Тѣ, которые сегодня были въ открытой враждѣ между собою, завтра дѣлались друзьями и враждовали съ вчерашнимъ союзникомъ...

Не входя въ подробности поступковъ и дѣйствій горскихъ хановъ и владѣльцевъ, мы ограничимся знакомствомъ съ ними и ихъ интересами изъ слѣдующаго донесенія самого князя Цицianова къ канцлеру:

„Шихъ-Али-ханъ дербентскій и кубинскій, писалъ онъ, высокомѣренъ, надмѣненъ, предпріимчивъ, властолюбивъ, интригантъ, довольно храбръ, славолюбивъ и всѣмъ пожертвуетъ для сего послѣдняго свойства, устремляя всѣ старанія и направляя всѣ пружины къ большимъ пріобрѣтеніямъ; при всемъ томъ роскошенъ и сластолюбивъ. Цѣль его—поставить въ Ширвани ханомъ Касима съ тѣмъ, чтобы, слабостію его воспользовавшись, имѣть вліяніе на его владѣніе, посредствомъ его, такъ какъ бакинскій всегда былъ данникомъ ширванскаго, нынѣ владѣющаго Бакою, Хана сверзить и поставить ему угоднаго; также по слабости Касима отнять у него Сальянъ, яко владѣемой предъ симъ Шихъ-Али-хановымъ отцемъ, Фетъ-Али-ханомъ, а нынѣ отъ Кубинскаго владѣнія отдѣленный и присвоенный Мустафою ханомъ ширванскимъ. Связи его искреннія съ Шамхаломъ-Тарковскимъ, потому что сей простъ, не можетъ ни препятствовать его предпріятіямъ, ни сильно помотать, по мѣстному его отдаленію отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Шихъ-Али-ханъ долженъ по плану своему вести войну. Сверхъ того связь его основана на родствѣ, потому что за Мегдіемъ Шахмаломъ-Тарковскимъ его родная сестра“.

„Связи его не искреннія съ Сурхай-ханомъ Казыкумыкскимъ (здѣсь больше извѣстнымъ подъ именемъ Хамутая),

нынѣ возстановленнымъ, потому что Сурхай-ханъ есть одинъ изъ храбрѣйшихъ и сильнѣйшихъ владѣльцевъ лезгинскихъ въ Дагестанѣ, и они, ревнуя взаимно одинъ другаго силѣ и могуществу, никогда не могутъ имѣть между собою искренней связи."

„По свойствамъ же того Шихъ-Али хана, по дѣятельности его и интригамъ, полезнѣе для Россіи унижать и ослабѣвать его, давая знаки покровительства, имѣющему претензіи на Дербентъ, Агѣ-Али-Беку, или, буде можно, подъ видомъ помощи, ввести гарнизонъ въ Дербентъ, а со временемъ и отдалить его Шихъ-Али-хана, возстановя слабѣйшаго и не столь предпріимчиваго Агу-Али-Бека. Сей-же, имѣя необходимую нужду въ подпорѣ Россіи, можетъ быть полезнѣе видамъ ея".

„Гусейнъ-ханъ-бакинскій: какъ человѣкъ, онъ болѣе слабъ, легковѣренъ, удобно водимъ чиновниками своими, скорѣе трусъ, нежели храбръ и недальновиденъ, удаленъ отъ предпріимчивости и вялъ въ дѣлахъ своихъ".

„Связи его съ Мустафою-ханомъ шемахинскимъ основаны на личной и необходимой выгодѣ — не имѣя никакой собственности, кромѣ города Баки; подпора бакинскому отъ ширванскаго хана, столько нужна, сколько человѣку пища. Къ тому же нѣкогда бакинскіе были данниками ширванскихъ".

„Польза Россіи сохранить его въ достоинствѣ хана, только тогда можетъ быть дѣйствительна, когда будетъ введенъ въ Баку нашъ гарнизонъ, безъ чего онъ не можетъ служить видамъ Россіи, будучи такъ слабъ, что и помышлять о сопротивленіи другимъ ханамъ не смѣетъ, слѣдовательно и къ пониженію ихъ силы и могущества неспособенъ".

„Миръ Мустафа талышинскій ханъ: о свойствахъ его говорить нечего, для того что, сравнивъ его съ бабою, все о немъ сказано".

„Связей не имѣетъ, потому что его всѣ презираютъ и за слабѣйшаго почитаютъ".

„Польза Россіи отъ него малая, по мѣстному его положенію за Курою, въ непроходимыхъ почти горахъ, и вліянія на дѣла хановъ, на лѣвомъ берегу владѣющихъ, ни какого не имѣетъ. Между тѣмъ онъ можетъ самую малую помощь подавать нашимъ купцамъ, торгующимъ въ Рящѣ и Зензеляхъ".

„Мустафа-ханъ ширванскій (шемахинскій): храбръ, хитеръ, умѣренъ въ расходахъ и отъ того любимъ чиновниками. — Любитъ охоту, довольно славолюбивъ, предпріимчивъ и не менѣе Шихъ-Али-хана остороженъ, а въ военномъ дѣлѣ искуснѣе его".

„Связи его съ покойнымъ аварскимъ ханомъ, на ханское достоинство его возведшимъ, продолжаются и до днесь съ чиновниками молодаго хана. Также потаенныя имѣетъ съ карабагскими ханами, т. е. нахичеванскимъ Калбалы ханомъ и Джаватъ ханомъ Ганжинскимъ и ищетъ въ Баба-Ханѣ".

„Могъ бы полезенъ быть для Россіи, еслибъ въ душѣ своей, не носилъ ненависти къ ней, а также и страшась покровительствомъ оной лишиться Сальянъ.—Впрочемъ кто бы ни былъ шемахинскимъ ханомъ, но всегда нуженъ для Россіи, относительно сообщенія Грузіи съ Бакою или Каспійскимъ моремъ къ распространенію торговли".

„Сурхай-ханъ казыкумыкскій: весьма храбръ, почтенъ отъ всего Дагестана, непримиримый врагъ христіанъ, твердъ и остороженъ".

„Связи его тѣснѣйшія были съ аварскимъ ханомъ сколько по сосѣдству, столько и по взаимному почтенію, впечатлѣнному храбростію и силою обоихъ".

„Польза Россіи требуетъ, чтобъ онъ искалъ войти въ подданство, хотя бы по примѣру другихъ и надлежало пожертвовать нѣкоторою суммою, ему пожалованною, ибо, по случаю пріобрѣтенія Грузіи, для обезпеченія ея отъ набѣговъ въ облегченіе нашихъ войскъ оное мнится быть необходимымъ".

„Прочіе же, какъ аварскій ханъ и кадій табасаранскій, по юношеству ихъ, недостойны еще вниманія, а надлежитъ посредствомъ ихъ собственныхъ чиновниковъ ими управлять".

ГЛАВА III.

Прибытіе кн. Циціанова въ Георгіевскъ.—Договоръ съ ханами.—Цѣль этого договора. — Затрудненія, встрѣчаемыя въ торговлѣ на Каспійскомъ морѣ. — Пособія и денежныя выдачи нѣкоторымъ горскимъ владѣльцамъ. — Предположеніе о занятіи Дербента. — Мнѣніе о томъ гр. Валеріана Зубова. — Рескрипты императора Александра кн. Циціанову.

Выборъ князя Циціанова и назначеніе его главнокомандующимъ не были простою случайностію. Происходившіе въ Грузіи безпорядки заставили императора Александра обратить на нихъ вниманіе и поставить во главѣ тамошняго управленія такого человѣка, который бы, отличаясь административными достоинствами, вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ въ себѣ знаніе быта и характера грузинскаго народа. Такимъ являлся князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ.

По своему рожденію, принадлежа къ одной изъ извѣстныхъ грузинскихъ фамилій, князь Павелъ Дмитріевичъ былъ родственникомъ супруги послѣдняго грузинскаго царя Георгія (1). Съ назначеніемъ его, Грузія могла ожидать для себя самыхъ благихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что князь Павелъ Дмитріевичъ былъ тогда извѣстенъ и въ Россіи, какъ одинъ изъ лучшихъ ея дѣятелей.

Князья Циціановы были нѣкогда владѣтелями въ Карталиніи и родъ ихъ, считающій свое начало съ XIV вѣка, нерѣдко соединялся брачными узами съ царскимъ грузинскимъ домомъ. Одинъ изъ князей Циціановыхъ, князь Паата (Павелъ Захарьевичъ), дѣдъ князя Павла Дмитріевича, выѣхалъ въ Россію въ царствованіе императора Петра I и вступилъ въ русскую службу при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ грузинскій гусарскій полкъ капитаномъ.

Князь Павелъ Дмитріевичъ родился въ Москвѣ 8-го сентября 1754 года (2). Еще ребенкомъ, семи лѣтъ, записанъ

(1) Царь Георгій XIII былъ женатъ на княжнѣ Циціановой: Маріи.

(2) Жизнь кн. Циціанова. Москва 1823 г.—Подвиги русск. воин. въ стран. Кавказскихъ. Зубова. — Формулярный списокъ кн. Циціанова. — Военно-энциклопедическій лексиконъ т. XIII. — Записки Тучкова (рукопись). Арх. главн. шт. въ С.-Петерб.

онъ въ службу л.-гв. въ Преображенскій полкъ, и 1-го января 1772 года произведенъ въ прапорщики, въ тотъ же полкъ. Талантливость и способности свои князь Цицiановъ выказалъ съ раннихъ лѣтъ. Будучи тринадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, подъ руководствомъ своего отца, онъ перевелъ небольшую книгу „Полевой Инженеръ“, изданную въ 1775 году. Молодые годы онъ проводилъ въ занятіяхъ переводами и въ изученіи военныхъ писателей. Князь Павелъ Дмитріевичъ писалъ порядочные стихи и перевелъ, между прочимъ, съ французскаго на русскій языкъ твореніе Фоларда.

По собственному своему желанію онъ оставилъ Преображенскій полкъ и перешелъ сначала въ Тобольскій пѣхотный, а впослѣдствіи, съ производствомъ въ полковники (12-го февраля 1786), назначенъ командиромъ с.-петербургскаго Гренадерскаго полка, съ которымъ и былъ въ первомъ огнѣ, въ арміи Румянцова, въ 1788 году. Съ этого времени начинается боевая дѣятельность князя Цицiанова.

Вмѣстѣ съ Екатеринославскою арміею князь Павелъ Дмитріевичъ участвуетъ въ сраженіяхъ съ турками при р. Салчѣ и при взятіи крѣпости Бендеръ. Отсюда онъ отправленъ былъ съ своимъ полкомъ въ Польшу, гдѣ ему поручено было сформировать гренадерскій полкъ (нынѣ гренадерскій короля Фридриха Вильгельма III), съ которымъ онъ и пришелъ въ Гродно въ 1793 году.

Сентября 2-го того же года онъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, по общему росписанію генераловъ, долженъ былъ ѣхать на кавказскую линію, но императрица оставила *„своего генерала“* какъ называла она Цицiанова, при С.-Петербургскомъ полку.

Возмущеніе въ Польшѣ дало ему средства выказать свои блестящія военныя дарованія. Князь Цицiановъ двинулся къ Гродно наказалъ жителей за намѣреніе ихъ возмутиться, взялъ съ нихъ 100,000 руб. контрибуціи, не пропустилъ въ городъ непріятельскихъ партій и своими распоряженіями спасъ нашъ отрядъ, вышедшій изъ Вильно. Вслѣдъ за тѣмъ прогналъ Сапѣгу изъ Слонима и явился на приступъ Вильно.

Въ августѣ того же года, съ однимъ баталіономъ, настигъ скопище мятежниковъ подъ начальствомъ Грабовскаго, разбилъ ихъ и самого Грабовскаго взялъ въ плѣнъ.

Всѣми этими дѣйствіями князь Циціановъ составилъ себѣ столь громкое имя, что Суворовъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ просилъ: сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Циціановъ.

Въ 1796 году, по выбору самой Императрицы, князь Павелъ Дмитріевичъ отправился въ Закавказье подъ начальство графа Зубова, — который назначилъ его комендантомъ г. Баку. Замѣчательно, что въ это время онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ бакинскимъ Гусейнъ-Кули-Ханомъ, впослѣдствіи такъ вѣроломно съ нимъ поступившимъ.

Въ томъ же году кн. Циціановъ былъ назначенъ шефомъ Суздальскаго мушкетерскаго полка, а въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку, въ которой и оставался до мая 1801 г.

Императоръ Александръ I снова принялъ его на службу, въ канцелярію государственнаго совѣта экспедиторомъ по военной части, и произвелъ его въ генералъ-лейтенанты.

Таково было служебное поприще князя Циціанова, заявившаго себя человѣкомъ съ блестящими военными дарованіями, о личныхъ достоинствахъ котораго мы приводимъ подлинныя слова одного изъ его современниковъ и сослуживцевъ.

„Циціановъ, пишетъ Тучковъ, получилъ порядочное образованіе и былъ одаренъ умомъ отъ природы. По службѣ военной имѣлъ опытность, былъ честенъ и хотѣлъ иногда быть справедливымъ, но часто желаніе это было тщетнымъ. Притомъ былъ вспыльчивъ, самолюбивъ, гордъ, упрямъ и дерзокъ. Не любилъ принимать ни отъ кого совѣтовъ; мало было изъ подчиненныхъ, которые пользовались бы его хорошимъ мнѣніемъ“. Онъ любилъ подсмѣяться и съострить. Эти свойства характера его были причиною многихъ непріятностей для него въ молодости.

Разсказавъ въ кратцѣ біографію новаго главнокомандующаго, мы должны сказать, что при тогдашнемъ состояніи Грузіи и положеніи ея дѣлъ, Императоръ Александръ сдѣлалъ наилучшій выборъ въ лицѣ князя Циціанова.

По прибытіи въ Георгіевскъ, князь Циціановъ остался на нѣкоторое время на Кавказской линіи, какъ для устройства ея управленія, такъ и для окончанія дѣла по заключе-

нію дружественнаго союза съ персидскими ханами и горскими владѣльцами, послы которыхъ уже прибыли для этаго въ Георгіевскъ еще до пріѣзда туда новаго главнокомандующаго. (1)

Для поддержанія дружественнаго союза между сосѣдними Грузіи ханами, приказано было еще Кнорррингу собрать пословъ этихъ владѣльцевъ тамъ, гдѣ онъ признаетъ болѣе удобнымъ, и открыть съ ними переговоры. Цѣль этихъ переговоровъ, главнѣйшимъ образомъ, состояла въ распространеніи торговли въ Азіи вообще, и въ доставленіи Кавказской линіи и персидскимъ областямъ, „приверженнымъ“ и союзнымъ Россіи, наибольшей безопасности и тишины“ (2). „Я положилъ, писалъ Императоръ Александръ I Кнорррингу (3), установить между помянутыми ханами и горскими владѣльцами, для общаго ихъ и народовъ ихъ блага, твердый союзъ и дружеское, подъ верховнымъ моимъ покровительствомъ, согласіе“.

На этомъ основаніи, наше правительство рѣшилось предложить ханамъ и владѣльцамъ, „что буде, пользуясь защитою и покровительствомъ, подлинно желаютъ себѣ и областямъ своимъ того благоденствія, которое не иначе получить могутъ, какъ черезъ установленіе дружеской между ними связи и согласія, то чтобы для постановленія оной, условясь о времени и мѣстѣ, гдѣ о томъ бесѣдовать, сами ли пріѣхать туда пожелаютъ или черезъ полномочныхъ, чтобы прислали каждый по одной довѣренной особѣ, съ надлежащимъ отъ себя и отъ города уполномочіемъ, для обстоятельнѣйшаго о всемъ объясненія и переговора, и для положенія на мѣстѣ вообще всего того, что всѣми ими за лучшее къ тому признано будетъ“.

Извѣстивъ всѣхъ о желаніи Императора Александра, Кнорррингъ назначилъ срокъ прибытія посланниковъ 20-го сентября 1802 года, а мѣстомъ съѣзда — Георгіевскъ (4).

Успѣшному ходу торговли, которой наше правительство старалось дать правильное направленіе, препятствовали многія причины, и въ числѣ ихъ, конечно, постоянныя враждебныя отношенія, существовавшія почти безпрерывно

(1) Кн. Цицiановъ Кочубею 8-го декабря 1802 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.
(2) Изъ инструкціи Кнорррингу. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.
(3) Отъ 24-го декабря 1801 г. Ibid.
(4) Кнорррингъ кн. Куракину 9-го февр. и 6-го сентяб. 1802 г. Арх. М. И. Д.

между ханами. Отдѣльные ханы и владѣльцы, даже и находясь въ мирѣ и согласіи между собою, нисколько не заботились о безопасности того пути, по которому проходили караваны съ товарами. По дорогамъ, отъ Шеки къ Ганжѣ, отъ Бунака къ Дербенту и черезъ рѣку Самуръ изъ Кубы, караваны не могли слѣдовать отъ выѣзжавшихъ на дорогу грабителей и разбойниковъ, расхищавшихъ товары (1). Кромѣ того, торговля весьма много затруднялась неумѣренностію собираемыхъ пошлинъ, въ особенности же въ Шекѣ. Этотъ платежъ былъ тѣмъ болѣе обременителенъ для торговцевъ, что каждый владѣлецъ бралъ пошлины въ свою пользу, и притомъ сколько хотѣлъ. При доставленіи напримѣръ товаровъ изъ Баку въ Тифлисъ, эта пошлина или „*рахтаръ*“ бралась пять разъ. Наконецъ варварское обыкновеніе приморскихъ жителей, начиная отъ Ленкорана до рѣки Терека, грабить товары съ судовъ, не оставляя даже рубашки на судовыхъ служителяхъ, окончательно подрывало торговлю. Въ оправданіе такихъ поступковъ жители ссылались на дозволеніе будто бы Императора Петра I, разрѣшившаго имъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что волненіемъ при крушеніи судна бываетъ выброшено на берегъ.

Всѣ эти затрудненія и происшествія были причиною того, что генеральный консулъ нашъ въ Персіи, узнавъ о предполагаемомъ союзномъ договорѣ съ ханами и горскими владѣльцами, просилъ генерала Кнорринга внести въ договоръ обязательство, чтобы каждый владѣлецъ заботился о безопасномъ проѣздѣ каравановъ черезъ ихъ владѣнія; чтобы каждое селеніе, въ окружности котораго случится грабежъ или разбой, отвѣчало бы за это; чтобы удовлетвореніе ограбленныхъ купцовъ или извощиковъ товарныхъ, производилось немедленно „или бы самъ владѣлецъ отвѣчалъ за грабежъ и разбой, безъ всякаго прекословія, когда не приведетъ поселянъ до точнаго исполненія своей должности, охранять проѣзжающихъ и отыскивать разбойника или вора“.

Съ другой стороны представлялось необходимымъ установить взиманіе съ провозимыхъ товаровъ одинаковаго количества пошлинъ въ каждомъ главномъ областномъ горо-

(1) Изъ рапорта Скибиневскаго, бывшаго консуломъ въ Персіи, Кнорррингу 14-го окт. 1802 г. Т. А. К. Н.

дѣ,—каковыми были: Баку, Тарки, Дербентъ, Куба, Шемаха и Шека. Самыя умѣренныя пошлины брались въ Баку (1), съ владѣтелемъ котораго, какъ единственнымъ лицомъ, было заключено условіе, обязывающее хана запретить приморскимъ жителямъ грабить товары и судовые припасы въ случаѣ крушенія судна.

Къ концу сентября стали собираться послы различныхъ владѣтельныхъ особъ въ Георгіевскъ (2), договоръ съ которыми заключить выпало на долю князя Циціанова, имѣвшаго весьма невыгодное мнѣніе о договаривающихся.

„Ваше сіятельство, писалъ онъ канцлеру, изволите мнѣ приказывать, чтобы я сказалъ свой образъ мыслей о приниманіи горцевъ и персидскихъ хановъ въ подданство.

„Во исполненіе чего имѣю честь доложить со всею откровенностію и усердіемъ къ службѣ.

„Подданство вообще хановъ персидскихъ и горскихъ владѣльцевъ, есть мнимое; поелику оно не удерживаетъ ихъ отъ хищничества и притѣсненія торговли. Владѣльцы же ихъ удовлетвореніе дѣлаютъ такъ медленно, что иногда проситель больше отъ ожиданія разоряется. И такъ, чѣмъ менѣе подданства, тѣмъ менѣе оскорбленія достоинству Имперіи, когда такой владѣлецъ пустыми перепиской уповаетъ отходить отъ прямаго удовлетворенія.

„Теперь позвольте ваше сіятельство коснуться нынѣ постановляемой коаліціи федеративной, въ которой первое мѣсто занимаетъ Дербентскій ханъ Шихъ-Али. Онъ требуетъ войскъ: на что же? чтобы Мустафу сверзить съ владѣнія Шемахи и поставить Касима, который обѣщалъ ему возвратить Сальяны, гдѣ большія рыбныя ловли, приносящія 150 т. руб. сер. дохода, присвояя ихъ къ Кубинскому владѣнію, — что и истина. Но какая польза Россіи, чтобы Дербентскій ханъ былъ такъ силенъ? Онъ уже и соедине-

---

(1) Величину пошлинъ съ товаровъ смотри въ приложеніи № 2 ст. 8.

(2) Сюда прибыли чиновники: отъ Каракайдакскаго Уцмія Рустомъ-хана,—*Ахметъ-Ага*; отъ владѣльца этой области Разія, — *Озней-Бекъ* и отъ Табасаранскаго Кадіи-Рустома, — *Мухамедъ-Бекъ*. Сверхъ того получено было извѣстіе о прибытіи въ Кизляръ, на пути въ Георгіевскъ, чиновниковъ: отъ Шамхала-Тарковскаго — *Уразай-Бека*, и отъ владѣльцевъ Табасаранскихъ: Согрибъ-Бекъ-Маасума — *Нуръ-Магометъ-Бека* и отъ Махмута, — *Мумсы-Загиръ*. Бакинскій ханъ думалъ прислать тогда, когда пойдетъ судно изъ Баку въ Астрахань, такъ какъ сухопутно онъ не рѣшался послать, боясь хана Шемахинскаго. Отъ хана Талышинскаго ожидался чиновникъ изъ Астрахани. Отъ Шихъ-Али-хана Дербентскаго никто не прибылъ къ сроку, а прибылъ гораздо позже.

ніемъ Кубинскаго владѣнія съ Дербентскимъ болѣе всѣхъ значущь. Къ тому же присвояетъ къ себѣ Баку, подъ видомъ данника, хана сего города, а если онъ все сіе пріобрѣтетъ помощію россійскихъ войскъ, то, имѣя зятемъ Шамхала-Тарковскаго, можетъ въ большую заботу приводить здѣшнія войска. Сей послѣдній, т. е. Шамхалъ, такъ забылся, что имѣя 6 т. руб. жалованья проситъ еще прибавки. Впрочемъ въ Азіи политика есть, — *сила*; добродѣтель лучшая владѣльца—*храбрость*; способы,—*деньги для найма войска.*

„И такъ, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ покойнѣе (1)“.

Различнаго рода требованія и претензіи посланныхъ и довѣренныхъ лицъ затрудняли скорое заключеніе договора съ ханами на столько, что онъ могъ быть оконченъ только 26-го декабря, и то съ большими затрудненіями.

Довѣренный Дербентскаго и Кубинскаго Шихъ-Али-хана, чиновникъ его Медетъ-Бекъ, по предварительному объясненію съ главнокомандующимъ, не соглашался подписать условій вмѣстѣ съ другими, а требовалъ сначала заключенія особаго договора, по которому хану его будетъ дано войско и приличная сумма денегъ. Князь Циціановъ, удивляясь такому требованію, просилъ отъ него письменнаго увѣдомленія о причинахъ, которыя воспрещаютъ ему, въ лицѣ своего хана, войти въ дружеское постановленіе съ другими ханами и владѣльцами. Главнокомандующій ссылался на то, что предмѣстникъ его, генералъ Кноррингъ, писалъ ко всѣмъ ханамъ о цѣли присылки ихъ въ Георгіевскъ. Требуя отвѣта на другой день, князь Циціановъ въ тоже время приказалъ прочесть ему постановленіе и внушить сколько выгодъ теряетъ его ханъ, котораго онъ изъ постановленія исключитъ. Медетъ-Бекъ просилъ тогда позволенія придти къ князю Циціанову для личныхъ объясненій. Онъ извинялся и ссылался на недоразумѣніе, происшедшее отъ дурнаго перевода сообщенія, посланнаго генераломъ Кнорингомъ къ Шихъ-Али-хану. Дѣйствительно на русскомъ языкѣ было сказано: что о войскахъ будетъ трактовано послѣ постановленія; въ татарскомъ же переводѣ слова „*послѣ постановленія*“—были вовсе пропущены. Соглашаясь въ своей ошиб-

(1) Письмо кн. Циціанова гр. Воронцову 21-го декаб. 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—10, 1801—3, № 2.

кѣ, Медетъ-Бекъ не соглашался однако же подписать постановленія въ общемъ собраніи всѣхъ повѣренныхъ, ссылаясь на то, что ему не прилично, по достоинству его хана, засѣдать съ Дагестанскими горскихъ владѣтелей повѣренными. Тогда, по совѣту главнокомандующаго, онъ сказался больнымъ и подписалъ постановленіе на дому (1). Медетъ-Бекъ и еще три другихъ присланныхъ депутатами оказались совершенно незнающими грамоты.

„На изъясненіе мое съ ними, писалъ князь Циціановъ, о важности дѣла, по которому они присланы, и что къ отправленію ихъ должностей надлежало употребленнымъ быть людямъ грамотнымъ, тѣмъ паче, что о письменномъ постановленіи имъ было вѣдомо, отвѣчали они мнѣ, что къ владѣтелямъ ихъ не было писано, чтобы довѣренныя отъ нихъ присланы были знающія грамоту, а требовано только полномочныхъ и вѣрныхъ; и что владѣльцы ихъ по извѣстнымъ имъ заслугамъ, ихъ вѣрности и усердію и дали имъ свои довѣрія. Почему вмѣсто сихъ неграмотныхъ довѣренныхъ подписались по просьбѣ ихъ, въ присутствіи моемъ, другіе. Относительно же печатей, какъ сіи безграмотные, такъ и грамоту знающіе, отозвались, что они ихъ не имѣютъ и что печати у нихъ имѣютъ одни токмо владѣльцы“.

Такимъ образомъ грамотные подписали сами, а неграмотные попросили за себя подписать слѣдующій договоръ:

1) Оставаться всегда непоколебимыми вѣрноподданнической обязанности ихъ къ русскому Императору, „и покровительству и защитѣ ихъ оною державою“. Они обѣщались оставить „отъ нынѣ и впредь“ всѣ бывшія до настоящаго времени между ними несогласія, вражду, ссору и непріязненные поступки, „оставаясь всѣ спокойными въ своихъ владѣніяхъ, въ коихъ таковыми отъ Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго защитника и покровителя ихъ, пожалованными имъ грамотами признаны“. Владѣтели въ лицѣ своихъ повѣренныхъ должны были удерживать свои владѣнія за собою, ограждать ихъ отъ непріятеля, принимая всегда заблаговременно надлежащія къ тому мѣры. Соединясь тѣснымъ союзомъ и дружбою, они положили хранить оную свято. Обѣщали никогда не нападать на области

(1) Кн. Циціановъ гр. Воронцову 28-го декабря 1802 г. № 242. Ibid.

своихъ союзниковъ и имъ подвластныхъ, и ничѣмъ не оскорблять другъ друга (1).

2) Споры свои, претензіи и недоразумѣнія рѣшать третейскимъ судомъ, а въ случаѣ неудовлетворенія и этимъ способомъ, не поднимая оружія другъ противъ друга, обращаться за рѣшеніемъ къ русскому правительству.

3) Въ случаѣ непріятельскаго нападенія, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе своими войсками.

4) Прекратить всякія грабительства.

5) Не разграблять товаровъ и грузовъ съ судна, потерпѣвшаго крушеніе на морѣ.

6) Договаривающіеся опредѣлили и назначили пошлину, которую должно было брать съ различныхъ товаровъ. Величина пошлины этой установлена для всѣхъ одинаковою.

7) Обезпеченіе сухопутной границы, для совершенно безопаснаго прохода каравановъ, черезъ владѣнія договаривавшихся, и удовлетвореніе обиженнаго или ограбленнаго отъ самихъ хановъ и владѣтелей.

8) Постановленіе это дѣлалось на вѣчныя времена, и виновные въ нарушеніи его должны были подвергаться, строгому наказанію, какъ со стороны нашего правительства, такъ и со стороны всѣхъ договаривавшихся.

Заключившіе договоръ владѣльцы, не замедлили тотчасъ, или сами или черезъ своихъ посланцовъ, заявить нашему правительству, кто жалобу или неудовольствіе, а кто и просьбу. Деньги и жажда къ пріобрѣтеніямъ были побужденіемъ къ тому. Такъ, 20 ноября умеръ Табасаранскій Кадій Рустомъ-Ханъ, о чемъ получено было извѣстіе, отъ старшаго сына его Абдула-Бека. Онъ просилъ объ утвержденіи его Кадіемъ и о производствѣ ему жалованья, которое получалъ его отецъ, съ тою прибавкою, о которой просилъ покойный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Абдула-Бекъ просилъ позволенія отправить своего посланца въ С.-Петербургъ (2). Князь Циціановъ, не получивъ еще свѣдѣнія о томъ, что Абдула-Бекъ избранъ и утвержденъ старшинами и наро-

(1) См. приложеніе № 2-й.

(2) Донося о семъ, кн. Циціановъ писалъ, что Кадій Табасаранскій принялъ уже присягу на подданство, „по этому не худо ему примѣтить, также какъ и прочимъ владѣльцамъ, состоящимъ въ подданствѣ Его Величества, что подданный не можетъ посылать къ своему государю посланцовъ, а долженъ входить только съ письменными прошеніями“. Отношеніе кн. Циціанова канцлеру 28 декабря 1802 года № 239. А. М. И. Д. 1—6, 1801—13, № 7.

домъ Кадіемъ Табасаранскимъ, не выслалъ ему жалованья, получаемаго покойнымъ „*за мнимое его подданство*“, какъ выражался главнокомандующій (1). Онъ отвѣчалъ Абдула-Беку, что въ ожиданіи не только знаковъ, но и опытовъ его вѣрноподданнической обязанности, прибавка къ жалованью и самое жалованье до времени отсрочивается. Кадій жаловался на главнокомандующаго коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Отвѣчая на запросъ канцлера, о причинахъ не выдачи Кадію Табасаранскому жалованья, кн. Циціановъ писалъ (2):

„Послѣ смерти Рустомъ-Хана, Кадія Табасаранскаго, удержалъ я всемилостивѣйше назначенное ему жалованье, впредь до Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, потому, что сынъ его, молодой человѣкъ, котораго свойства мнѣ не извѣстны, не утвержденъ еще отъ старшинъ и народа въ званіи Кадія Табасаранскаго; по крайней мѣрѣ я не имѣю о семъ офиціальнаго увѣдомленія. Дабы по распрямъ, часто за наслѣдство у горскихъ народовъ случающимся, не потерять безполезно государевой милости, выдачею назначеннаго жалованья, я ожидаю вѣрныхъ извѣстій и подтвержденія о вступленіи его въ законное отцовское наслѣдство, и при томъ выраженія собственнаго его желанія искать покровительство Высочайшаго двора Его Императорскаго Величества и принять оное со всѣми условіями, данными покойному отцу его Рустомъ-Хану“.

Одновременно съ заявленіемъ этой претензіи князь Циціановъ получилъ также и другія просьбы. Рустомъ-Ханъ, Уцмій Каракайдакскій, просилъ защиты, противъ соперника своего Рази, который хотѣлъ его свергнуть и захватить власть въ свои руки. Рази жаловался на Рустомъ-Хана, своего двоюроднаго брата, и просилъ о возведеніи его въ достоинство Уцмія, какъ принадлежащее ему по наслѣдству. Изъ этой путаницы и жалобъ можно было выдти только деньгами. —Разію назначена ежегодная пенсія въ 600 руб., до тѣхъ поръ пока онъ будетъ въ точности выполнять договорныя статьи о кораблекрушеніи. Табасаранскіе владѣльцы Сограбъ-Бекъ-Маасумъ и Махмутъ-Бекъ, также получили ежегоднаго содержанія по 450 руб. Назначеніе этого содержанія князь Циціановъ полагалъ необходимымъ,

(1) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. 8 января 1803 года А. М. И. Д. 1—10, 1803—6, № 2.
(2) Канцлеру отъ 11 апрѣля 1803 года № 322. А. М. И. Д. 1—6, 1801—13, № 7.

по близкому ихъ родству съ Кадіемъ Табасаранскимъ, получавшимъ также жалованье отъ нашего правительства. Эта раздача денегъ, хотя и долгое время не оказывала ни какого почти вліянія на поступки горскихъ владѣльцевъ относительно Россіи и подвластныхъ ей народовъ, но казалась едва ли не лучшею системою изъ всѣхъ предпринятыхъ нашимъ правительствомъ. — Противникъ этой системы, всякихъ пособій и вспомоществованій князь Циціановъ не отрицаетъ, а въ одномъ мѣстѣ своихъ донесеній сознается даже въ томъ, что съ теченіемъ времени эта раздача денегъ, до которыхъ Азіатскіе народы весьма жадны, можетъ принести пользу.

„Въ настоящемъ дѣлъ положеніи, писалъ князь Циціановъ, (1) я вижу въ одномъ только случаѣ пользу опредѣленнаго имъ жалованья, т. е. давать награжденіе для того, что бы можно было въ наказаніе за ихъ дурные поступки, останавливать выдачу денегъ, какъ я сіе учинилъ съ Уцміемъ Каракайдакскимъ, за неудовлетвореніе пограбленныхъ вещей съ разбитаго Россійскаго судна.“

Конечно, этою раздачею денегъ, мы, взаимно, не преобрѣтали ни искренняго доброжелательства горскихъ владѣльцевъ къ Россіи, ни ручательства въ сохраненіи ими клятвенныхъ обѣщаній, но покрайней мѣрѣ, говоря словами князя Циціанова, имѣли въ рукахъ своихъ орудіе для ихъ наказанія; могли хотя временно показать имъ, что наши отношенія къ нимъ измѣняются, и могутъ придти въ прежнее положеніе, только при поворотѣ ими на правильный и прямой путь.

Съ другой стороны такимъ владѣльцамъ каковы были Кадій Табасаранскій, Шамхалъ Тарковскій и Уцмій Каракайдакскій, денежныя субсидіи дѣлались необходимыми. Владѣнія этихъ трехъ лицъ, простиравшіяся отъ Кизляра до Дербента, составляли не прерывную побережную цѣпь Каспійскаго моря.

Деньгами ли, или другими какими либо средствами, — конечно, первыми было всего вѣрнѣе и надежнѣе, — необходимо было сохранять съ ними дружескія сношенія, для обезпеченія нашей торговли на Каспійскомъ морѣ.

Таже самая причина заставляла обратить вниманіе на-

(1) Канцлеру отъ 11 Апрѣля 1803 г. Ibid.

шего правительства на владѣнія Дербентскаго хана, съ цѣлію упрочить и обезпечить и тамъ нашу торговлю.

По заключеніи договора посланецъ Дербентскаго Шихъ-Али-Хана, Медетъ-Бекъ, объявилъ князю Циціанову, что имѣетъ отъ своего хана повелѣніе ѣхать въ С. Петербургъ, съ письменными и словесными порученіями, объявить которыя главнокомандующему онъ не имѣетъ права. Догадываясь въ чемъ состоитъ просьба хана, Князь Циціановъ замѣтилъ послу, что послѣ заключенія договора, просимыя Шихъ-Али-Ханомъ войска и деньги ему не нужны, и просилъ его сказать откровенно сколько нужно Хану войска и денегъ. Главнокомандующій обѣщалъ, оказать ему помощь войсками и даже скорѣе, чѣмъ деньгами. Медетъ Бекъ, повторялъ просьбу о дозволеніи ѣхать въ С. Петербургъ, и увѣрялъ, что ханъ его охотно приметъ всякую помощь отъ Русскихъ. Имѣя въ виду сообщенный нашимъ правительствомъ планъ дѣйствій на Кавказѣ, князь Циціановъ находилъ, что тогдашнія обстоятельства представляли самый удобный моментъ для занятія Дербента.

„Честолюбивый и предпріимчивый Шихъ-Али-Ханъ, писалъ главнокомандующій, (1) ищетъ, посредствомъ нашего пособія, низвергнуть Мустафу-Хана-Шемахинскаго, дабы на мѣсто его поставить двоюроднаго брата его Касимъ-Хана, который теперь находится въ Дербентѣ и у котораго за сію услугу намѣренъ выговорить уступку провинціи Сальянъ, по ханству Кубинскому, предкамъ его принадлежавшую. Посланецъ Дербентскій Медетъ-Бекъ открылъ мнѣ, что онъ имѣетъ письмо къ Вашему Императорскому Величеству и отъ помянутаго Касимъ-Хана, чаятельно въ томъ же смыслѣ.

„Низверженіе Мустафы-Хана-Шемахинскаго, яко явнаго недоброжелателя нашего, можетъ не мало споспѣшествовать къ достиженію желаемой цѣли, но коль скоро узнаю высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества приступить къ предназначенному предпріятію, то считаю еще полезнѣйшимъ, утвердить на ханство Касима, безъ помощи Шихъ-Али-Хана, а посредствомъ Аваръ-Хана Лезгинскаго, котораго посланный Аджи-Муса-Бекъ, увѣрительно обнадежилъ меня, что въ доказательство вѣрноподдан-

(1) Въ рапортѣ Г. И. отъ 8 янв. 1803 г. Ар. М. И. Д. 1—10, 1803—6, № 2.

нической ихъ преданности къ престолу новаго и великаго ихъ Монарха, они ожидаютъ отъ меня съ жадностію перваго повелѣнія, дабы выполнить оное съ должною скоростію и точностію. А чрезъ сіе, предварительно послѣдующими произшествіями берегъ Сальянскій необходимо нужный, для охраненія устья Куры, займется безъ малѣйшаго затрудненія нашимъ войскомъ и при первомъ знакѣ, гарнизонъ Дербентскій приведетъ въ послушаніе городъ и окружности.

„Въ таковыхъ обстоятельствахъ, счелъ я нужнымъ обнадежить посланца Шихъ-Али-хана, исходатайствованіемъ для него всемилостивѣйшаго позволенія Вашего Императорскаго Величества отправиться въ С-Петербургъ, въ ожиданіи котораго предложилъ я ему ѣхать въ Астрахань.

„Къ сему осмѣливаюсь присовокупить, что буде воспослѣдуетъ высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества дѣйствовать, то для занятія приличными гарнизонами Каспійскихъ поморскихъ городовъ, на которые устремятся первыя мои начинанія, нужно будетъ прибавить войска въ мое распоряженіе по крайней мѣрѣ девять батальоновъ; также усилить всѣ прочія недостаточные мои посему предмету способы".

Мысль о занятіи Дербента обратила на себя вниманіе Императора Александра и подверглась разнымъ толкамъ. Графъ Валеріанъ Зубовъ, отъ котораго потребовано было мнѣніе, представилъ Императору, что занятіе вообще всѣхъ прибрежныхъ городовъ по Каспійскому морю, онъ считаетъ рановременнымъ. Для окончательнаго рѣшенія Графъ Зубовъ полагалъ необходимымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о томъ: сколько князь Циціановъ предполагаетъ употребить войска на высадку? довольно-ли для этого судовъ на Каспійскомъ морѣ? какимъ образомъ будутъ продовольствоваться войска? и наконецъ, по занятіи этихъ пунктовъ нашими войсками, необходимо было рѣшить предварительно вопросъ: какое устройство и управленіе они должны будутъ получить, для болѣе прочнаго утвержденія нашего въ тѣхъ мѣстахъ? Основываясь на этихъ данныхъ, Графъ Зубовъ находилъ, что эта экспедиція ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ранѣе мая мѣсяца 1804 года.

Продовольствіе войскъ представляло болѣе всего затрудненій. Астрахань, сама питаясь привознымъ хлѣбомъ, ед-

ва ли могла снабдить достаточнымъ числомъ провіанта нужнаго для экспедиціи. По этому князю Циціанову пришлось бы заготовлять его въ Саратовѣ и Волжскѣ, въ которыхъ покупка производилась обыкновенно зимою,—время, въ которое его наиболѣе подвозилось въ эти города. Къ тому же доставка провіанта оттуда въ Астрахань была затруднительна и требовала значительнаго времени. Устранивъ эти затрудненія, главнокомандующій сдѣлалъ бы половину пути къ вѣрному успѣху.

„Имѣя все уже готовымъ, говорилъ графъ Зубовъ, какъ войска, суда и провіантъ, такъ и то въ виду предположеніе, что, по занятіи нужныхъ пунктовъ на берегахъ, должно будетъ дѣлать съ ними?—не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрномъ успѣхѣ; а безъ сего князь Циціановъ, со всею дѣятельностію своею и способностями, едва ли что нибудь сдѣлаетъ въ наступающую навигацію. Я думаю, что въ теченіи нынѣшняго года, все вниманіе его главнѣйше должно быть обращено, на устроеніе Грузіи, на распространеніе колико возможно ея предѣловъ. Польза отъ сего,—важнѣйшая всѣхъ, ибо симъ упрочивается все послѣдующее.“

„Касательно занятія нынѣ Дербента, по предположенію князя Циціанова, и по уваженію, что по существующимъ обстоятельствамъ городъ сей придетъ въ руки наши такъ сказать даромъ, то польза отъ пріобрѣтенія его ощутительна, въ видѣ наружной военной позиціи для будущихъ дѣйствій“ (1).

Такимъ образомъ, графъ Валеріанъ Зубовъ, не отрицая важности для насъ занятія Дербента, находилъ однако же занятіе его въ то время рановременнымъ. Князь Циціановъ думалъ занять Дербентъ тогда же, но для успѣшнаго дѣйствія, требовалъ прибавки войскъ и средствъ къ тѣмъ, которыя у него имѣлись и которыми онъ могъ располагать. При томъ же главнокомандующій предполагалъ занять Дербентъ и возвести Касима на ханское достоинство, безъ помощи Шихъ-Али-Хана дербентскаго, при одномъ только содѣйствіи хана Аварскаго. Это предположеніе и намѣреніе не ручалось уже само по себѣ за хорошій успѣхъ. Какъ только наши войска заняли бы Дербентъ, и какъ только Шихъ-

(1) Изъ записки гр. Валеріана Зубова поданной Императору Александру. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1—10, 1803—6, № 2.

Али-Ханъ увидалъ бы, что мы во всѣ не расположены содѣйствовать ему къ возведенію Касимъ-Хана на шемахинское ханство, то конечно онъ понялъ бы и разгадалъ причины заставившіе наше правительство согласиться на занятіе Дербента. Занятіе это могло имѣть тогда весьма дурное слѣдствіе; оно подорвало бы окончательно всякую довѣренность къ русскому правительству, со стороны всѣхъ горскихъ владѣтелей. Мы же переживали въ то время такую эпоху, когда довѣріе это было намъ необходимо гораздо болѣе, чѣмъ во всѣ предъидущія и послѣдующія времена. Интриги и происки Шихъ-Али-Хана дербентскаго, теперь еще болѣе увеличивали бы наши затрудненія. Невыгоды были такъ очевидны и уважительны, что Императоръ Александръ, несогласился на предложеніе князя Циціанова занять Дербентъ нашими войсками.

Но неотвергая пользы пріобрѣтенія Дербента и колеблясь въ окончательномъ рѣшеніи Императоръ Александръ, требовалъ отъ главнокомандующаго, прежде разрѣшенія ему дѣйствовать наступательно, самаго подробнаго и основательнаго обсужденія мѣстныхъ обстоятельствъ (1).

„До нынѣ же писалъ Императоръ, намѣреніе мое относительно экспедиціи на Баку и Сальянъ есть то, чтобы оная не прежде получила свое начало, какъ во первыхъ, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, и наконецъ по снабженіи васъ точными и поколику можно надежными средствами, для произведенія ея въ дѣйство съ желаемымъ успѣхомъ. А поколику для учиненія распоряженій сихъ, естественнымъ образомъ потребно будетъ не малое время, то въ семъ разсужденіи и предполагаю я, что событіе той экспедиціи не можетъ ранѣе воспослѣдовать какъ вѣсною будущаго 1804 года“.

Въ другомъ рескриптѣ подписанномъ и отправленномъ съ тѣмъ же курьеромъ, Императоръ предоставлялъ усмотренію самаго главнокомандующаго исполненіе его предположеній.

„Хотя въ рескриптѣ моемъ, писалъ Александръ, (2) съ симъ же курьеромъ къ вамъ отправленнымъ, увѣдомилъ я васъ, что экседицію на Баку и Сальянъ и прочіе побережныя мѣста Каспійскаго моря почитаю я рановременною; о за-

(1) Высочайшій рескриптъ кн. Циціанову 19 марта 1803 г.
(2) Высочайшій рескриптъ отъ 20 марта 1803 г.

нятіи же Дербента сообщилъ я вамъ представляющіеся разсужденія, касательно встревоженія прочихъ хановъ, и препоны отъ того случиться могущей, произведенію въ дѣйство послѣдующаго. Но дознанное мною усердіе къ службѣ и отличныя способности ваши, склоняютъ меня оставить безпрепятственно на произволъ вашъ: ожидать ли совокупленія недостающихъ у васъ средствъ, или довольствуясь тѣми кои уже въ рукахъ вашихъ находятся, приступить къ исполненію предначертаннаго плана, особливо если найдете вы, что самыя обстоятельства того края требуютъ оный не отлагать.

„Между тѣмъ указалъ я государственной адмиралтействъ коллегіи, поручить вашему веденію флотилію Каспійскаго моря; девять же батальоновъ просимыхъ вами, отрядить я не могу. Если неполуча сего усиленія найдетесь вы въ состояніи, не обнаживъ Кавказской линіи и оградя границу сію отъ набѣговъ горскихъ народовъ, предпринять экспедицію, на побережные мѣста Каспійскаго моря, то я на то соглашаюсь, оставляя вашему соображенію, какъ продовольствіе войскъ, такъ и устроеніе мѣстъ сихъ по занятіи оныхъ; увѣренъ будучи что вы все распорядите образомъ соотвѣтственнымъ пользѣ Государства и собственной вашей чести, а равномѣрно не предпримите ничего не бывъ заранѣе удостовѣрены въ благонадежности успѣха“.

ГЛАВА IV.

Прибытіе кн. Циціанова въ Тифлисъ. — Отправленіе лицъ грузинскаго царскаго дома въ Россію.—Письмо царевича Іулона кн. Циціанову и отвѣтъ на него.—Отправленіе царевичей Вахтанга и Давыда. — Бѣгство изъ Тифлиса царевича Теймураза. — Письмо къ нему кн. Циціанова.—Обстоятельства вынуждаютъ отправить силою царицу Марію въ Россію. — Распоряженія къ ея вывозу. — Убійство Лазарева. — Отправленіе царицы въ Воронежъ и заключеніе ея въ монастырь. — Письмо царицы Маріи къ Императору Александру.

Въ предъидущихъ главахъ нашего разсказа, мы ознакомились съ поведеніемъ и поступками лицъ царской грузинской фамиліи, простиравшейся вмѣстѣ съ родственниками и свойственниками до 90 человѣкъ обоего пола. Разсказывая о состояніи грузинскаго народа при послѣднихъ царяхъ, мы имѣли случай видѣть тѣ притѣсненія, которымъ подвергался онъ отъ царевичей и царевенъ, безъ зазрѣнія совѣсти грабившихъ Грузинъ, неповиновавшихся царской власти и враждовавшихъ между собою.

Послѣ смерти Георгія XIII, вопросъ о престолонаслѣдіи вызываетъ новую дѣятельность и интриги лицъ царскаго семейства какъ между собою, такъ и среди народа, котораго они подговариваютъ, волнуютъ и въ тоже время грабятъ и притѣсняютъ. Народъ ищетъ и желаетъ подданства Россіи, царевичи и царевны стараются противодѣйствовать этому и возстановить его противу нашего правительства. Необразованность и грубость населенія дѣлаетъ его легковѣрнымъ и способнымъ поддаться на подговоры иногда нелѣпые, и этимъ пользуются тѣже члены царскаго дома, чтобы произвести безпорядки и волненія въ странѣ. Инстинктъ и смыслъ народный самъ собою уничтожаетъ волненія, до новыхъ подговоровъ и интригъ царевичей. Тотъ же инстинктъ заставлялъ Грузинъ радоваться съ каждымъ извѣстіемъ объ оставленіи страны кѣмъ либо изъ царевичей. Удаленіе ихъ становилось благомъ и необходимостію для Грузіи, успокоить которую можно было только удаленіемъ всей багратіонов-

ской фамиліи, а „доколѣ, писалъ Лазаревъ, она здѣсь будетъ, безпорядкамъ не будетъ конца".

Не смотря на то, что князь Циціановъ оправдывалъ Грузинъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ волненіяхъ; что онъ не давалъ большаго значенія происходившимъ безпорядкамъ, и не называлъ ихъ, подобно Коваленскому, бунтомъ, тѣмъ не менѣе, главноуправляющій все-таки долженъ былъ признать необходимымъ и единственнымъ средствомъ, для спокойствія Грузіи, удаленіе лицъ бывшаго царскаго дома, и отправленіе ихъ въ Россію. Такое удаленіе, вызванное необходимостію и желаніемъ блага грузинскому народу, было вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ видами нашего правительства, полагавшаго: „усилить мѣры къ вызову въ Россію царицы Дарви, и прочихъ членовъ царскаго дома, коихъ присутствіе въ Грузіи всегда будетъ предлогомъ и причиною непріятельскихъ партій" (1).

Вдовствующая царица Дарья хотя и заявила сама желаніе ѣхать вмѣстѣ съ дочерьми въ Россію, но желаніе это было только на словахъ. Не смотря на то, что Императоръ Александръ самъ письменно разрѣшилъ ей отправиться въ Россію (2), что еще раньше того Кноррингъ, а потомъ кн. Циціановъ, просили (3) ее поспѣшить отъѣздомъ, она все-таки не ѣхала и откладывала свой отъѣздъ день за день.

Сомнѣваясь въ искренности желанія царицы Дарьи ѣхать въ Россію, кн. Циціановъ рѣшился однако выжидать въ Георгіевскѣ, въ теченіи 12 дней, отвѣта ея на письмо Императора Александра и въ случаѣ его неудовлетворительности, ѣхать туда немедленно самому съ тѣмъ, чтобы принять рѣшительныя мѣры къ отправленію въ Россію всѣхъ членовъ грузинскаго царственнаго дома (4).

Въ самомъ непродолжительномъ времени кн. Циціановъ получилъ свѣдѣніе, что царица Дарья, подъ предлогомъ болѣзни, не соглашается оставить Грузіи, почему онъ тотчасъ же самъ отправился въ Тифлисъ.

(1) Выписка изъ журнала государственнаго совѣта 1-го сент. 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ по Д. Об. Д. дѣла Гр. ч. II.

(2) Письмо Императора Александра царицы Дарьи 24-го нояб. 1802 г.

(3) Отношеніе Кнорринга Коваленскому и письмо царицѣ Дарьи отъ 27-го декаб. 1802 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣст.

(4) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 28-го декаб. 1802 г. Ibid.

Тамъ разослалъ онъ всѣмъ членамъ царскаго дома высочайшія грамоты, и видѣлся со всѣми. Вдовствующая царица Дарья, „которая всѣмъ здѣсь руководствуетъ“, какъ доносилъ кн. Циціановъ (1), лично объясняясь съ нимъ, говорила, что она дѣйствительно имѣла намѣреніе ѣхать въ Россію, и даже просила о томъ, но думала однако, что ее одну только призываютъ туда. Теперь же, видя, что ее понуждаютъ къ тому вмѣстѣ со всѣми, по болѣзни своей, столь дальняго путешествія предпринять не можетъ. Царевичь Давыдъ, не смотря на убѣжденія, по выраженію кн. Циціанова, „иначе какъ подъ стражею“, ѣхать не соглашался. Царевичь Вахтангъ „изъ всѣхъ хитрѣйшій“, при особенномъ свиданіи съ кн. Циціановымъ, въ которомъ послѣдній объявилъ ему непремѣнное желаніе Императора Александра о выѣздѣ царской фамиліи изъ Тифлиса, въ горести и со слезами говорилъ, что онъ рѣшится лучше въ Грузіи землю пахать, нежели ѣхать въ Россію, и „наконецъ, доносилъ главноуправляющій, по настоятельному убѣжденію моему, съ объясненіемъ собственной пользы его, могущей воспослѣдовать отъ немедленнаго повиновенія, привелъ меня въ крайнее замѣшательство, бросясь къ ногамъ моимъ и прося помилованія. Такое упорство, единодушно отъ всѣхъ оказываемое, подтверждаетъ частію сомнѣніе о слухахъ, разнесшихся въ Грузіи, что со вскрытіемъ весны царевичи Александръ, Іулонъ и Парнаозъ, покровительствуемые Баба-Ханомъ, намѣрены со всѣхъ сторонъ, съ помощію Лезгинъ, сдѣлать впаденіе, для возстановленія на царство одного изъ рода Багратіоновыхъ. По легковѣрію грузинскаго народа, дѣла здѣсь управляются разглашеніемъ разныхъ слуховъ, часто самыхъ неимовѣрныхъ. Съ пріѣзда моего разнеслось здѣсь извѣстіе, яко бы изъ С.-Петербурга привезенное, что къ вызову царской фамиліи я не имѣю другаго отъ В. И. В. полномочія, какъ только приглашать ихъ къ тому доброю волею. Почему и нашелся принужденнымъ, показавъ подлинный высочайшій рескриптъ В. И. В., въ присутствіи многихъ изъ знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій, перевесть вслухъ статью сего высочайшаго мнѣ предписанія“.

Главноуправляющій въ предупрежденіе всякаго рода вол-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 10-го февр. 1803 г. Ibid.

неній и безпокойствъ просилъ разрѣшенія употребить силу, въ случаѣ сопротивленія членовъ царскаго дома добровольно оставить Грузію и переселиться въ Россію (1).

Обстоятельства вынудили однако же кн. Циціанова отправить изъ Грузіи царевичей Вахтанга и Давыда, не ожидая такого разрѣшенія.

Причиною принятія столь строгихъ мѣръ были повсемѣстные слухи, со дня на день увеличивавшіеся въ Тифлисѣ, о какомъ то всеобщемъ приготовленіи къ вторженію въ Грузію 10 марта, (въ день Навруза или новаго магометанскаго года), Лезгинъ и другихъ горскихъ народовъ. Кн. Циціановъ хотя и считалъ несбыточными эти слухи, но не могъ отвергать ихъ возможности тѣмъ болѣе, что получилъ письмо отъ царевича Давыда, въ которомъ тотъ соглашался выѣхать въ Россію, но не прежде марта мѣсяца. Письмо это, полное упрековъ и высокомѣрія, указывало какъ на явное сопротивленіе царскаго дома къ выѣзду въ Россію, такъ и на надежды происками достигнуть до желаемой цѣли. Поэтому кн. Циціановъ долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры и, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, опровергнуть слухи, распущенные царицею Дарьею, что главнокомандующій не имѣетъ права приступить къ принудительному ихъ вывозу, приказалъ взять и отправить царевичей Вахтанга Ираклиевича и Давыда Георгіевича.

19 февраля, въ 8 часовъ по полуночи, отправлены они изъ Тифлиса. Препровожденіе ихъ до Владикавказской крѣпости, и приличное содержаніе въ дорогѣ, поручено генералъ-маіору Лазареву, которому предписано было сдать ихъ во Владикавказѣ Моздокскому коменданту полковнику Протопопову, долженствовавшему проводить ихъ точно такимъ же образомъ до Моздока.

Вслѣдъ за этими царевичами отправилась въ Россію вдовствующая царевна Кетевана, жена покойнаго Вахтанга I, старшаго сына царя Ираклія, воспитывавшая царевича Вахтанга. Неотступныя просьбы царевны сопровождать Вахтанга въ Россію вынудили на это согласиться и опредѣлить ей содержаніе въ 150 руб. въ мѣсяцъ (2).

Отправивъ царевичей Вахтанга и Давыда, кн. Циціановъ

(1) Рапортъ кн. Циціанова отъ 10-го января и 10-го февраля 1803 г. Арх. В. Т. Д.
(2) Рапортъ кн. Циціанова. Г. И. 23 февраля 1803. Т. А. К. Н.

принялъ мѣры къ тому, чтобы отъѣздъ ихъ не произвелъ дурнаго впечатлѣнія въ Кахетіи, гдѣ многіе изъ князей принимали личное участіе въ происходившихъ волненіяхъ. Кн. Циціановъ писалъ генералу Гулякову, находившемуся въ Телавѣ и предлагалъ ему объявить князьямъ, что, забывая все прошедшее, онъ поручился за ихъ вѣрность передъ Императоромъ Александромъ, а потому просилъ ихъ оставаться покойными.

Тѣмъ не менѣе однако же нѣкоторые изъ князей Кахетинскихъ, устрашенные отправленіемъ Вахтанга и опасаясь той же участи для себя, спѣшили удалиться изъ Грузіи. Первый бѣжалъ кн. Адронниковъ, кахетинскій Моуравъ; за нимъ кн. Бебуровъ и нѣсколько дворянъ. Въ ночь на 25 февраля скрылся изъ Тифлиса царевичъ Теймуразъ (1).

Тогда кн. Циціановъ разослалъ ко всѣмъ исправникамъ прокламацію для объявленія жителямъ, съ цѣлію успокоить встревоженныхъ отъѣздомъ царевичей Вахтанга и Давыда (2).

Въ прокламаціи этой, опровергая нелѣпые слухи разнесшіеся въ краѣ, о томъ, что многіе князья будутъ высланы, по примѣру царевичей, изъ Грузіи,—онъ просилъ всѣхъ и каждаго оставаться покойными, „въ своемъ званіи, имуществѣ, при всѣхъ правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ манифестомъ“ и приглашалъ ихъ, соединить преданность ихъ съ его усердіемъ ко благу общему.

Вмѣстѣ съ этимъ сообщено было всѣмъ начальникамъ отрядовъ, чтобы приняли мѣры къ отысканію царевича Теймураза и не пропускали его чрезъ границу, если онъ вздумаетъ пробраться чрезъ нее; захвативши же царевича, доставили бы его подъ сильнымъ конвоемъ въ Тифлисъ (3).

Царевичъ Іулонъ, не смотря на все происходившее, не терялъ еще надежды на возвращеніе Грузіи прежнихъ правъ, относительно избранія его царемъ, и полагалъ, что если до сихъ поръ и было отказываемо въ этомъ, то собственно потому, что просьбы Грузинъ не доходили до Императора Александра (4).

Высказывая свою радость, что кн. Циціановъ назначенъ

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 26 февраля 1803 г. Ibid.

(2) Объявленіе 26 февраля 1803 г. Ibid.

(3) Предписанія кн. Циціанова начальникамъ отрядовъ отъ 26 февраля 1803 г. № 349—352. Ibid.

(4) См. приложеніе № 3

главнокомандующимъ въ „отечество своихъ предковъ“, царевичъ Іулонъ жаловался на Кнорринга, не отправившаго къ Императору Александру его просьбы, при которой была приложена подписка о правахъ его на наслѣдіе Грузинскаго престола. Онъ ссылался на то, что права эти признаютъ всѣ; что поэтому и Имеретинскій царь писалъ Императору и посылалъ своего посланнаго, но Кнорингъ и этого возвратилъ обратно. Царевичъ Іулонъ, ссылаясь на слова манифеста, говорившаго: „что не для распространенія предѣловъ имперіи Грузія присоединяется къ Россіи“—просилъ объ утвержденіи его на царствѣ и обѣщалъ за то предоставить въ распоряженіе Россіи всѣ рудники, бывшіе въ Грузіи и до „послѣдней капли крови“ служить воинству Россійскому.

Полагая, что съ содѣйствіемъ супруги царевича Іулона, можно будетъ скорѣе убѣдить его ѣхать въ Россію, кн. Циціановъ писалъ ей, что царевичу нѣтъ другаго исхода, какъ ѣхать въ столицу по приглашенію Императора Александра.

„Умоляю вашу свѣтлость, писалъ онъ, на колѣняхъ стоя и лобзая руки свѣтлѣйшей царевны, сестры моей вселюбезнѣйшей, да соединитъ съ моею и свою просьбу къ свѣтлѣйшему царевичу супругу своему, чтобы онъ внялъ совѣту человѣка, къ его свѣтлости душевно привязаннаго и къ собственному его самаго благу преподаваемаго“. —(1)

Царевичи Іулонъ и Парнаозъ оставались однакоже въ Имеретіи и не рѣшались пріѣхать въ Тифлисъ, не смотря на просьбы кн. Циціанова и на полученное ими, черезъ кн. Абашидзе, письмо отъ главноуправляющаго.

Кн. Абашидзе, посланный въ Имеретію, долженъ былъ просить тамъ содѣйствія нѣкоторыхъ преданныхъ намъ лицъ, къ убѣжденію царевичей вернуться въ Грузію. Митрополитъ Кутаисскій Досифей, Салтхуцесъ Зурабъ Церетели, Сардарь Кайхосро Церетели, Георгій и Давыдъ Цилукидзе и многіе другіе имеретинскіе князья, упрашивали царевичей; но все оставалось напраснымъ.

„Приказываете ѣхать намъ въ С.-Петербургъ, писали они между прочимъ кн. Циціанову; (2) положимъ мы пожертвовали бы безсиліемъ нашимъ силѣ непобѣдимой и поѣхали. Но какое имѣемъ мы въ рукахъ увѣреніе въ безопасности на-

(1) Письмо кн. Циціанова 26 февраля 1803 г. Тиф. Арх. Кан. Нам.

(2) Изъ письма царевичей къ кн. Циціанову отъ 9 марта 1803 г. Ibid.

шей, или какое рукописаніе Его Величества, дабы мы, взявъ оное въ руки и увѣрясь онымъ, поѣхали въ Петербургъ. Мы толикое время внѣ царства нашего находимся въ странствованіи. Но братья наши Вахтангъ и Давыдъ, связавшіеся клятвою, до послѣдней капли крови, обращали самихъ себя въ вѣрности Е. И. В., а въ возмездіе получили только кивотъ, окованный серебромъ и, во славу рода своего, обращеніе, приличное преступнику простаго званія.—Еслибъ о безчестномъ отправленіи братьевъ нашихъ мы не были увѣдомлены, поелику совѣтами своими убѣждалъ насъ царь (Имеретинскій) ѣхать въ Тифлисъ, то и мы получили бы такое же униженіе; чего ради проклинаемъ участь нашу и остаемся на всегда".

Князь Циціановъ въ отвѣтъ на это снова писалъ царевичу Іулону, просилъ его согласиться и ѣхать въ Россію (1).—Онъ убѣждалъ также бѣжавшаго царевича Теймураза возвратиться въ Тифлисъ.

„Не упоминаю о вашемъ поступкѣ, писалъ онъ Теймуразу, (2) и о томъ, что ваша свѣтлость самую искренность и довѣренность братскую, такъ сказать, столь дурно заплатили, уѣхавъ тихонько. Я до сихъ поръ не хочу вѣрить, что вы то сдѣлали по собственному вашему побужденію, но считаю что вѣтренность нѣкоторыхъ неблагомыслящихъ, была причиною убѣжденія васъ, на поступокъ ни мало чести вамъ не дѣлающій.—Какъ бы то ни было, надлежитъ все забыть и я вашу свѣтлость умоляю, не въ видѣ Россійскаго генерала, но какъ человѣкъ къ вамъ привязанный, Богомъ вамъ клянусь въ томъ по христіанской совѣсти, какъ человѣкъ, вседушевно привязанный къ своимъ родственникамъ, въ числѣ коихъ имѣю счастіе почитать и супругу вашу, которая неутѣшно и скорбію своею о васъ можетъ и каменнаго человѣка тронуть, сжальтесь надъ нею, возвратитесь хотя за тѣмъ, чтобы утирать ея слезы. Зная твердость вашу въ вѣрѣ, припомнить вамъ осмѣливаюсь, чѣмъ вы обязаны ей!.... Буде сердце ваше не затворено еще для дружбы моей, и для нѣжной любви супруги вашей, и вы, склонясь на мою изъ глубины души исходящую просьбу, и сжалясь надъ супругой, въ отчаяніи оставленной, согласитесь

(1) См. приложеніе № 4.

(2) Отъ 22 марта 1803 г. Тифлис. Арх. Канц. Нам.

тотчасъ возвратиться, то всѣ русскія войска дадутъ вамъ пособіе, буде въ томъ нужду возъимѣете.“

Но и эти письма, какъ и многія другія, оставались безуспѣшными, а между тѣмъ обстоятельства требовали непремѣнной и скорѣйшей высылки всѣхъ остальныхъ членовъ царскаго дома. О царицѣ Маріи разнеслись слухи, что она намѣрена бѣжать къ Хевсурамъ, преданнымъ царскому дому.

Вечеромъ, 18 апрѣля, получено было извѣстіе, что царица Марія, со всѣмъ своимъ семействомъ и царевичемъ Багратомъ, рѣшилась въ предстоящую ночь бѣжать изъ Тифлиса въ Авлабарскія ворота. Посланные кн. Циціановымъ люди видѣли лошадей и муловъ осѣдланными и многія вещи уложенными. Вскорѣ стоявшій у Авлабарскихъ воротъ караулъ донесъ главнокомандующему, что царица Марія отправила впередъ двухъ младшихъ своихъ сыновей, которые и были задержаны карауломъ. Князь Циціановъ поручилъ ген. Лазареву не допустить до этого и вывести царицу изъ Тифлиса силою. Генералъ-маіору Тучкову предписано было исполнить тоже самое относительно царевича Баграта. Тучковъ долженъ былъ въ Мхцетѣ остановиться и подождать пока Лазаревъ прибудетъ туда съ царицею Маріею.

Въ тотъ же день вечеромъ кн. Циціановъ приказалъ поставить у дома царицы Маріи караулъ, и, объявивъ, что намѣреніе ее открыто, предупредить, что на слѣдующее утро она должна оставить Тифлисъ.

Въ 6 часовъ утра, 19 апрѣля, Г. М. Лазаревъ прибылъ въ домъ царицы и, удаливши всѣхъ ея окружающихъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ вошелъ въ ея комнату, гдѣ и объявилъ Маріи причину своего прибытія. Царица, принявъ его непріязненно и холодно, отвѣчала рѣшительно, что она ѣхать не хочетъ. Оставивъ для убѣжденія царицы квартирмейстера Сурокова, знавшаго грузинскій языкъ, самъ Лазаревъ вышелъ изъ комнаты для дальнѣйшихъ распоряженій по отправленію царицы. Лишь только Суроковъ подошелъ къ царицѣ, какъ царевичь Жибраилъ и царевна Тамара, выхватя скрытые подъ платьемъ ихъ кинжалы, бросились на Сурокова и прочихъ, оставшихся въ комнатѣ. Г. М. Лазаревъ, услышавшій шумъ, поспѣшилъ въ комнату и, подойдя къ царицѣ, сидѣвшей на постелѣ, съ просьбою унять дѣтей ея, вдругъ получилъ изъ рукъ самой царицы

ударъ въ лѣвый бокъ кинжаломъ, скрытымъ до того подъ одѣяломъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что г. м. Лазаревъ только могъ перебѣжать комнату и палъ мертвый на порогѣ ея.

„Царица Марія, пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ, имѣла причины лично негодовать на Лазарева, за разныя оскорбленія, причиняемыя ей, при всѣхъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ ея тогдашнемъ положеніи. Она жаловалась даже неоднократно кн. Циціанову, но не получила никакого отъ него удовлетворенія".

Объ этомъ произшествіи дали тотчасъ же знать кн. Циціанову и коменданту. Всѣ кромѣ главнокомандующаго поспѣшили прибыть на мѣсто.

Кн. Орбеліановъ началъ уговаривать царицу не противиться и бросить кинжалъ, но она не отвѣчала ему ни слова;—тогда полиціймейстеръ Сургуновъ завернулъ свою руку въ толстую попаху (шапку), подошелъ къ царицѣ и вырвалъ у нея кинжалъ. Слѣдившая за всѣмъ происходившимъ царевна Тамара бросилась къ матери съ кинжаломъ въ рукахъ и, желая воспрепятствовать Сургунову въ отнятіи у царицы кинжала, промахнулась и ранила въ правое плечо свою мать. Марія схватила за кинжалъ, бывшій въ рукахъ у дочери, чтобы, какъ сама говорила, умертвить себя, но обрѣзала только себѣ руки и тотчасъ же была обезоружена, а вмѣстѣ съ нею обезоруженъ былъ и царевичъ Жабраилъ.

Не смотря на все случившееся, царица все таки была отправлена въ тотъ же день изъ Тифлиса.

По отъѣздѣ ея, и по осмотрѣ комнаты, найдены скрытыя въ постели заряженныя ружья и пистолеты.

Между тѣмъ Тучковъ въ ту же ночь отправился исполнить свое порученіе. Домъ, въ которомъ жилъ царевичъ Багратъ, находился почти за городомъ и, окруженный неровнымъ мѣстоположеніемъ, представлялъ всѣ удобства скрытнаго приготовленія къ бѣгству. Въ одной изъ лощинъ Тучковъ замѣтилъ нѣсколько вьючныхъ лошадей и муловъ, которыхъ велѣлъ задержать. Войдя въ домъ, онъ нашелъ царевича, въ многочисленномъ обществѣ грузинскихъ дворянъ, всѣхъ по обычаю ихъ, вооруженныхъ. Вызвавъ Баграта, онъ объявилъ ему волю Циціанова. Царевичъ просилъ одной мило-

сти не разлучать его съ женою, и безъ затрудненія покорился судьбѣ своей.

Рота егерей и другая мушкетерская подполковника Монтрезора окружили жилище царевича и до разсвѣта всѣ приготовленія къ отъѣзду были совершенно окончены.

„19-го апрѣля, рано утромъ, пишетъ Тучковъ, мы выступили изъ Тифлиса. Отъѣхавъ верстъ пять, мы остановились для отдохновенія. Въ это время посланный отъ князя Циціанова, квартирмейстеръ полка Лазарева, привезъ мнѣ бумаги и сумму денегъ отъ главнокомандующаго. Циціановъ увѣдомлялъ меня кратко о смерти Лазарева, убіеннаго царицею, и приказывалъ, дождавшись въ Мцхетѣ прибытія князя Орбеліанова съ царицею Маріею и ея семействомъ, обращаться съ ними не какъ съ особами царскаго дома, но какъ съ преступниками; предписывалъ также присоединить къ себѣ прикрытіе, имѣющее прибыть съ княземъ Орбеліановымъ, и, препроводя членовъ царскаго дома, чрезъ Кавказскія горы, до Владикавказа, сдать ихъ коменданту Моздокской крѣпости полковнику Протопопову, коему велѣно насъ встрѣтить въ Владикавказѣ. На пути же разрѣшалъ брать войска въ подкрѣпленіе моего отряда въ случаѣ надобности“.

„Черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ Мцхетъ, князь Орбеліановъ присоединился къ намъ съ царицею и ея семействомъ и прислугою. Мы ночевали вмѣстѣ, и Орбеліановъ сообщилъ мнѣ подробности о смерти Лазарева, какъ въ то время донесли о томъ Циціанову“.

Царицу приказано было отвезти въ Воронежъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній Императора Александра объ ея участи.

Во время ночлега въ Мцхетѣ, въ подкрѣпленіе Тучкову, присланъ былъ еще одинъ баталіонъ его же полка, такъ какъ извѣстно было, что царица Марія, еще гораздо ранѣе, послала къ Тагаурцамъ 1 т. руб. съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ вывоза ея въ Россію, они не пропустили черезъ ущелье ни ея, ни конвоя.

Съ разсвѣтомъ, принявъ всѣ предосторожности, Тучковъ слѣдовалъ безъ роздыховъ, черезъ Душетъ, Анануръ и, пройдя хребетъ Кавказскихъ горъ, дошелъ до Казбека безъ всякаго приключенія. Въ Казбекѣ остановился онъ на сут-

ки для отдыха, гдѣ на другой день явились къ нему 30 человѣкъ Гребенскихъ казаковъ, которые, будучи посланы на линію, не могли пройти черезъ находящееся впереди Казбека ущелье, занятое горскими жителями въ значительномъ числѣ. Присоединивъ и ихъ къ своему отряду Тучковъ двинулся далѣе и цѣлый день не встрѣчалъ на пути никакого сопротивленія. На другой день, рано утромъ, построившись въ боевой порядокъ, онъ подошелъ къ дефиле съ барабаннымъ боемъ. Горцы поддались на эту хитрость, и, открывъ слишкомъ рано огонь, указали тѣмъ мѣста своего расположенія. Чтобы скрыть себя нѣсколько отъ выстрѣловъ, Тучковъ подошелъ къ самой подошвѣ горъ. Наши солдаты быстро бросились въ дефиле, но при поворотѣ дороги вправо, гдѣ находился мостъ черезъ р. Терекъ, нашли его сильно обороняемымъ съ обѣихъ сторонъ непріятелемъ. Впереди этого моста былъ другой мостъ, устроенный на изгибѣ и одной стороной примыкавшій къ крутому утесу горъ.

„Окрестности Дарьяла, говоритъ Тучковъ, гдѣ мы теперь находились, были мнѣ давно извѣстны и я зналъ, что главное затрудненіе состоитъ въ переходѣ черезъ сіи два моста“.

Раздѣливъ отрядъ на три части; одну, составленную изъ егерей и спѣшенныхъ Гребенскихъ казаковъ, Тучковъ послалъ штурмовать высоты влѣво, а самъ перейдя мостъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ горцевъ, послалъ третій отрядъ въ правую сторону очистить прилегающія горы. Обѣ колонны, взобравшись на вершины, прогнали оттуда Тагаурцовъ, а Тучковъ успѣлъ въ это время перейти второй мостъ. За мостомъ онъ соединилъ вмѣстѣ весь отрядъ и въ тотъ же день достигъ до селенія Балты, гдѣ и ночевалъ. На другой день отрядъ прибылъ въ Владикавказскую крѣпость, гдѣ Тучковъ и сдалъ своихъ царскихъ спутниковъ Моздокскому коменданту Протопопову.

На обратномъ пути отряда въ Тифлисъ, Тагаурцы, имѣвшіе одну цѣль своихъ непріязненныхъ дѣйствій, освобожденіе царицы,—нигдѣ не показывались.

По пріѣздѣ въ Воронежъ, царица Марія была заключена тамъ въ монастырь. Хотя она вскорѣ за тѣмъ и обрати-

лась съ просьбою къ Императору Александру, объясняя свою невинность въ дѣлѣ убійства генерала Лазарева (1), но просьба эта, какъ и многія другія, оставлена безъ отвѣта. Только послѣ восьми лѣтъ заключенія въ монастырѣ освобождена была царица, какъ видно изъ слѣдующаго отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ гр. Румянцову (2).

„Г. И., во вниманіе къ добродѣтельному подвигу и примѣрной сыновней привязанности грузинскаго царевича Михаила, убѣдительно просившаго о прощеніи родительницы его царицы Маріи и полагая, что семилѣтнее пребываніе ея въ Бѣлогородскомъ женскомъ монастырѣ довлѣло для принесенія Господу Богу покаянія въ заглажденіе преступленія, въ коемъ она была обвиняема, Высочайше даровалъ ей свободу, изъявивъ, согласно убѣдительнымъ просьбамъ и усердному ходатайству сына ея царевича Михаила, Высокомонаршее соизволеніе свое на то, чтобы царицѣ Маріи съ находящимся при ней семействомъ имѣть пребываніе въ Москвѣ".

---

(1) Оправданіе это см. въ приложеніи № 5.

(2) Отъ 25-го іюня 1811 г. Арх. Мин. Инос. Дѣлъ 1—7, 1803. № 6.

ГЛАВА V.

Экспедиція Генералъ-Маіора Гулякова въ Джаро-Бѣлоканы.—Движеніе къ броду Урдо.—Взятіе Бѣлоканъ и Чаръ.—Послѣдствія экспедиціи: принятіе Джаро-Бѣлоканцевъ въ подданство Россіи.—Построеніе при бродѣ Урдо „Александровскаго редута на Алазани."

Однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ сосѣдей Грузіи были Джаро-Бѣлоканскіе Лезгины, жившіе на восточныхъ границахъ Кахетіи.—(1) Безпрерывныя ихъ вторженія и при томъ большею частію небольшими партіями, заставляли войска наши, расположенныя въ Кахетіи, для отраженія ихъ набѣговъ, дѣлать постоянныя передвиженія.

Князь Циціановъ предписалъ устроить въ Кахетіи, на мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ нападеніямъ Лезгинъ: въ лѣсистыхъ пространствахъ, засѣки: шириною не менѣе сажени, а въ открытыхъ мѣстахъ волчьи ямы, въ три ряда, въ шахматномъ порядкѣ (2).

Въ январѣ 1803 года ожидали вторженія Лезгинъ въ значительныхъ силахъ, при содѣйствіи бѣглаго грузинскаго царевича Александра. Вскорѣ получены были свѣдѣнія, что къ собраннымъ въ Бѣлоканахъ 8-ми тысячамъ, ожидаютъ подкрѣпленія изъ Дагестана и что нападеніе будетъ произведено не ранѣе весны, такъ какъ горы, покрытыя снѣгомъ, представляютъ въ это время года, большое затрудненіе для движенія войскъ (3).

Сигнахскій исправникъ доносилъ, что Джарскіе (Чарскіе) старшины изъявляя покорность, выражаютъ даже готовность выдать царевича Александра. Квартировавшій же тамъ съ батальономъ подполковникъ Соленіусъ писалъ напротивъ, что Джарцы готовятся къ вторженію въ Грузію, и царевичъ Александръ намѣревается уйти въ Тегеранъ. Гене-

(1) Въ 29 селеніяхъ ихъ считалось болѣе 80 т. домовъ, но 6 селеній были самыми главными и имѣли вліяніе на всѣ прочія.—Зубовъ под. Русскихъ воиновъ стр. 53.

(2). Предписаніе князя Циціанова Лазареву 14 декабря 1802 г. № 111. Т. А. К. Н.

(3) Лазаревъ князю Циціанову 9 января 1803 г, № 13 и 10 января № 15.—Ibid.

ралъ Маіоръ Гуляковъ доносилъ, что въ Кахетію присланы отъ царевича Александра разныя лица, подговаривающіе жителей къ содѣйствію Лезгинамъ и что многіе изъ дворянъ и князей Кахетинскихъ, слѣдуя подговорамъ, бѣжали въ Бѣлоканы къ царевичу (1).—

Желая знать истину князь Циціановъ поручилъ генералъ-маіору Гулякову сдѣлать съ отрядомъ движеніе къ броду Урдо (на р. Алазани).—Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковникъ Дренякинъ, бывшій при отрядѣ, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвести и рекогносцировки по Алазани, такъ какъ одною изъ причинъ, вызвавшихъ экспедицію, было также и избраніе мѣстъ для постройки редутовъ, которые могли бы препятствовать нападенію Лезгинъ на предѣлы Грузіи. Мѣрою этою полагали возможнымъ прервать Лезгинамъ прямой путь, изъ Дагестана въ Ахалцыхъ, заставивъ ихъ для этого движенія дѣлать объѣзды на Карабагъ.—При этомъ Гуляковъ долженъ былъ требовать отъ Джарцевъ (Чарцовъ) выдачи Царевича Александра и позволенія ввести въ Бѣлоканы и Чары не большіе гарнизоны (2).—

„Буде вы, писалъ главнокомандующій, встрѣтите большія затрудненія, влекущія за собою большую потерю, то не отваживаясь на какой либо штурмъ, дѣйствіе пушекъ надъ городомъ можетъ быть успѣшнѣе всего и хотя Россійскія войска не обыкли отступать, но должность военнаго начальника обезпечить тылъ свой, дабы не быть отрѣзанну; впрочемъ отъ успѣха сего дѣла зависитъ слава оружія Его Императорскаго Величества, съ нею вмѣстѣ и ваша собственная, сопровождается наградою, а для здѣшняго края *спокойствіе, польза и богатство.* Сверхъ того всемѣрно воздержать Грузинцевъ отъ грабительства деревень, а нашимъ строго воспретить, по елику оная провинція назначается къ подданству Россійскому, а потой причинѣ лучше имѣть не раззоренную нежели ограбленную и чтобы онымъ не ожесточить жителей“ (3).

2-го Марта генералъ Гуляковъ двинулся въ Чарскую область, съ отрядомъ состоявшимъ изъ 3 батальоновъ пѣхо-

(1) Рап. Гулякова кн. Циціанову 16 и 17 февр. 1803 г. № 33 и 34 Т. А. К. Н.
(2) Предпис. Г. М. Гулякову 4 и 9 февр. № 228 и 233.—Рап. кн. Циц. Г. И. 9 февр. 1803 г.
(3) Предписаніе Гулякову 21 февраля 1803 года №304. Тиф. Арх. Кан. Нам.

ты, съ 8 орудіями и двумя сотнями казаковъ (1). Сверхъ того при отрядѣ было кизихскихъ жителей, грузинскихъ князей, дворянъ и черни до 5 т. человѣкъ (2).

Погода неблагопріятствовала движенію отряда; со дня выступленія изъ Сигнаха, въ теченіи трехъ дней, шелъ безпрерывный дождь со снѣгомъ.

Около полудня 4-го числа отрядъ сдѣлалъ привалъ не доходя 3 верстъ до брода Урдо. Отсюда полковникъ Дренякинъ, съ казаками и Грузинами, отправился для обозрѣнія пути къ броду, за которымъ Лезгины, устраивали шанцы и имѣли землянку съ бойницами. Огонь который Лезгины открыли по рекогносцировавшему отряду, заставилъ генералъ-маіора Гулякова, взявъ съ привала одинъ батальонъ кабардинскаго полка съ 3-мя орудіями, грузинскую конницу и пѣхоту, подойти къ броду Урдо и открыть по Лезгинамъ огонь изъ орудій (3); которымъ и удалось зажечь ихъ землянку, и заставить Лезгинъ отступить отъ брода.

На мѣстѣ этихъ дѣйствій р. Алазань протекаетъ въ крутыхъ берегахъ, имѣя около 40 саж. ширины. Сильно разлившаяся отъ проливныхъ дождей, она не представляла возможности перейти въ бродъ для преслѣдованія отступившихъ Лезгинъ. Ограничась двухъ часовою перестрѣлкою и прогнавъ непріятеля, отрядъ отступилъ къ мѣсту своего ночлега (4).

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Гуляковъ рѣшился искать другаго мѣста для переправы. По показанію князей и жителей кахетинскихъ, всѣ лежащія по лѣвой сторонѣ р. Алазани деревни, были пусты и переправа у брода Урдо, по ширинѣ и глубинѣ рѣки была неудобна. Не замѣтивъ обмана, Гуля-

---

(1) Рапортъ Гулякова князю Циціанову 2 марта 1803 г. № 66 Ibid.

(2) Всего было: пѣхоты 1482 челов. 8 орудій съ 99 человѣками прислуги 210 казаковъ, 113 нестроевыхъ 500 человѣкъ грузинской конницы и 4000 грузинской пѣхоты. см. журналъ полковника Дренякина. Въ деталяхъ отрядъ этотъ состоялъ: кабардинскаго мушкетерскаго полка 2 батальона, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 27, унтеръ-офицеровъ 57, рядовыхъ 798, нестроевыхъ 36; тифлисскаго мушкетерскаго полка гренадерскій батальонъ: генер. 1, штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 12, унтеръ-офицеровъ 20, рядовыхъ 333; 9-го артилерійскаго батальона штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 4, фейерферкеровъ 11, рядовыхъ 77, готлангеровъ 25. Донскихъ полковъ: Ефремова, штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 1, урядниковъ 3, казаковъ 100; Тарасова, штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 2, урядниковъ 2, казаковъ 59; Щедрова, штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеръ 1, казаковъ 20; (рапортъ князя Циціанова Государю Императору 8 марта).

(3) См. приложенный планъ дѣйствій.

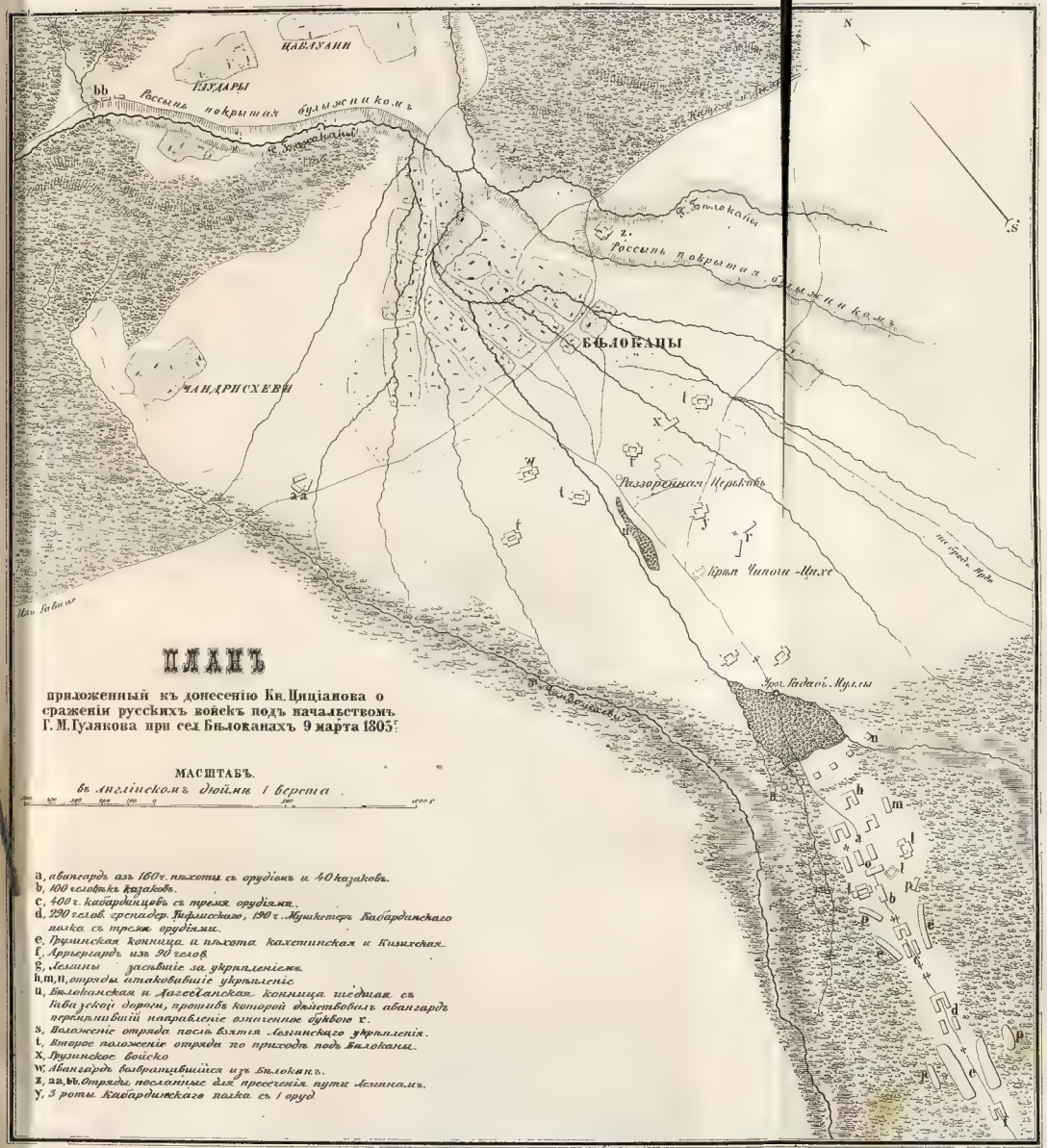
(4) Во время перестрѣлки ранено 6 человѣкъ. Изъ грузинъ убитъ 1, и ранено 5 человѣкъ. Рап. Гулякова кн. Циціанову 5 Мар. № 65.

ковъ поддался ему. Онъ рѣшился сдѣлать переправу противъ деревни Анаги. Увѣренный тѣми же князьями и жителями въ удобствахъ дороги, поднявшись съ лагеря, при урочищѣ Кабалъ онъ увидѣлъ, что былъ обманутъ, ибо дорога ведущая въ Бѣлоканы была весьма трудная для движенія, наполненная вездѣ топкими болотами, густымъ лѣсомъ и при томъ на ней оказались переправы чрезъ три большія тинистыя рѣки. Не смотря на то 8-го числа отрядъ прибылъ къ р. Ценіекевѣ, откуда на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ появленіемъ зори, слѣдовалъ къ Бѣлокану, отойдя съ мѣста начлега около 6 верстъ. Подходя къ Бѣлоканамъ полковникъ Дренякинъ замѣтилъ въ чащѣ лѣса лезгинское укрѣпленіе (1), состоявшее изъ засѣки, окруженное съ обоихъ фланговъ топкими болотами и камышемъ и занимающее пространство болѣе 1/4 версты. За укрѣпленіемъ видно было засѣвшее лезгинское войско, числомъ до 10 т. человѣкъ, какъ показали захваченные въ плѣнъ Лезгины. Здѣсь были грузинскіе царевичи Александръ и Теймуразъ.

Генералъ Гуляковъ, для узнанія мѣстоположенія отправился самъ осмотрѣть, сколько возможно было, это укрѣпленіе, приказавъ отряду оставить при вагенбургѣ прикрытіе изъ грузинской конницы и слѣдовать къ укрѣпленію. Кизихская пѣхота назначенная для прикрытія вагенбурга стала по лѣсу вправо, а кахетинская и тушинская, по лѣсу влѣво, отъ грузинской конницы. Отдѣливъ отъ колонны часть войскъ къ обходу въ оба непріятельскія фланга, самъ Гуляковъ двинулся противъ укрѣпленія. Непріятель встрѣтилъ наступающихъ сильнымъ огнемъ, но русскій штыкъ выручилъ. Лезгинское войско было выбито совершенно, опрокинуто нашею пѣхотою, гнавшею непріятеля черезъ весь лѣсъ и болото, „съ неимовѣрною скоростію“. Далѣе на чистомъ трехъ-верстномъ полѣ къ Бѣлоканамъ, было преслѣдуемо донскими казаками съ грузинскою конницею, до самаго селенія и разсыпано въ разные стороны.

Селеніе Бѣлоканы находилось въ весьма крѣпкомъ мѣстоположеніи, и всякій почти домъ его, окруженный каменною оградою, могъ служить укрѣпленіемъ и весьма хорошею обороною для непріятеля. Выбитыя изъ за укрѣпленія и преслѣдуемыя нашими войсками Лезгины, не успѣли

(1) См. приложенный планъ дѣйствій.



ПЛАНЪ

приложенный къ донесенію Кн. Циціанова о сраженіи русскихъ войскъ подъ начальствомъ Г. М. Гулякова при сел. Бѣлоканахъ 9 марта 1805 г.

МАСШТАБЪ.

въ Англійскомъ дюймѣ 1 верста.

КАРТ. ЗАВЕДЕНІЕ А. ИЛЬИНА ЧИН. СОСТ. № 23

занять селенія Бѣлоканъ и разсѣялись въ разныя стороны. Генералъ Гуляковъ отправилъ батальонъ кабардинскаго полка въ ущельѣ, находившееся въ право отъ Бѣлоканъ, съ цѣлію отрѣзать Лезгинамъ отступленіе. Маіоръ Алексѣевъ, командовавшій этимъ батальономъ, преслѣдовалъ непріятеля до самыхъ снѣговыхъ горъ и остановился только тогда, когда дорога пролегавшая по ущелью раздѣлилась на нѣсколько вѣтвѣй ведущихъ въ разныя стороны.

Сраженіе въ укрѣпленномъ лѣсу и Бѣлоканахъ продолжалось болѣе двухъ часовъ; селеніе Бѣлоканы взяты и, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ каменныхъ домовъ, обращены „*въ ничто совершенно*.“ Лезгины отступали съ такою поспѣшностію, что оставили на мѣстѣ всѣ вещи царевича Александра и даже его письма.

Выбивъ непріятеля изъ Бѣлоканъ, грузинское войско осталось тамъ и бросилось на грабительство, отъ котораго удержать ихъ не было возможности. Грузины разграбили и сожгли все селеніе, въ виду нашего войска, собраннаго и построеннаго въ каре (1).

Ближайшимъ послѣдствіемъ успѣшныхъ дѣйствій, должно было быть, какъ мы видѣли, требованіе ввести въ Чары и Бѣлоканы нашъ гарнизонъ. Теперь генералу Гулякову приказано было главнокомандующимъ, прежде движенія къ Чарамъ, потребовать отъ Чарцевъ и Бѣлоканцевъ присяги на подданство, съ обѣщаніемъ не касаться до ихъ образа правленія, если они согласятся платить ту дань, которую платили царямъ грузинскимъ. Чарцы должны были выдать царевича Александра, которому обѣщано прощеніе.

„Не воспользоваться же сею побѣдою, писалъ князь Циціановъ, (2) походило бы на лезгинское впаденіе, ибо ваше превосходительство согласитесь безъ сомнѣнія со мною, что слава оружія состоитъ въ томъ, что бы взятое не отдавать и побѣжденнымъ предписать законы. Сіе впаденіе нужно было для обезпеченія границы и буде же мы тамъ твердой ноги не поставимъ, то опять они тамъ отдохнутъ и славныя дѣянія вашего отряда не будутъ имѣть желаемаго слѣдствія“.

(1) При взятіи укрѣпленій и селенія съ нашей стороны убито 7, ранено 33; у Лезгинъ отбито 6 знаменъ, убито 500 челов. и взято въ плѣнъ: 2 грузинскихъ князя и Лезгинъ 44 человѣкъ мужчинъ и 92 женщины.

(2) Ген. Гулякову отъ 12 марта 1803 г. № 422. Т. А. К. Н.

Союзникъ Джарцевъ ханъ Нухинскій узнавъ о занятіи Бѣлоканъ, писалъ главнокомандующему, предлагая свое посредничество для заключенія союза съ Джарцами. Вскорѣ и Джарцы извѣстили генерала Гулякова о готовности вступить въ подданство Россіи. Онъ сообщилъ объ этомъ князю Циціанову, который писалъ Нухинскому хану (1). „Не входя въ дѣла предмѣстника моего, который, за слабое управленіе и защищеніе Грузіи, отозванъ въ Россію, скажу вамъ о себѣ, что я присланъ сюда по Высочайшей волѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора, дабы царство грузинское, присоединенное къ обширнымъ областямъ Россійской Имперіи, поставить не только въ безопасность, но и въ надлежащее уваженіе отъ сосѣдственныхъ народовъ и владѣльцевъ".

„Не безъизвѣстно Вашему Высокостепенству, что Чары и Бѣлоканы, издревле принадлежащіе царству грузинскому, въ теченіи 70-и лѣтъ, не переставали дѣлать набѣги, хищничества и раззоренія здѣшнимъ жителямъ. Потому и положилъ я за правило, въ разсужденіе Чаръ и Бѣлоканъ, *или усмирить или истребить ихъ съ лица земли*. Но какъ Ваше Высокостепенство объявили мнѣ, что вы почитаете ихъ своими союзниками и желаете примирить ихъ со мною, то въ доказательство наклонности моей къ вашему предложенію, и дабы пощадить безполезное пролитіе крови человѣческой, согласенъ я дать Бѣлоканамъ и Чарамъ миръ и тишину, чрезъ ваше посредничество, на нижеслѣдующихъ условіяхъ, которыя безъ малѣйшаго отлагательства должны быть приведены въ исполненіе. Если же въ теченіи нѣсколькихъ дней не воспослѣдуетъ на сіе ожидаемаго успѣха, то далъ я предписаніе войску дѣлать что надлежитъ, и Ваше Высокостепенство въ семъ случаѣ по волѣ Вашей располагать будете своими мыслями и движеніями. Но въ заключеніе сего объявить я долженъ, что Всемогущій и Великій Государь мой Императоръ указать мнѣ соизволилъ: союзнымъ, преданнымъ, пріязненнымъ сосѣдямъ оказывать благоволеніе, защиту и покровительство, а враговъ истреблять силою непобѣдимаго россійскаго оружія".

Князь Циціановъ, обѣщая не вмѣшиваться во внутреннее ихъ правленіе, требовалъ, чтобы царевичъ Александръ не

(1) отъ 21 марта 1803 г. Т. А. К. Н.

былъ принимаемъ и не имѣлъ убѣжища ни въ Чарахъ, ни Бѣлоканахъ; чтобы тамъ былъ поставленъ русскій гарнизонъ; чтобы Чары и Бѣлоканы платили дань шелкомъ, какую они платили въ прежнія времена царямъ Грузинскимъ; чтобы дали 5 человѣкъ аманатовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій.

Джарскіе депутаты не соглашались однако платить дань и принять къ себѣ русскій гарнизонъ. Они надѣялись въ этомъ случаѣ на обѣщанную имъ Нухинскимъ ханомъ помощь.

По этому, для большаго успѣха переговоровъ, Гуляковъ долженъ былъ продолжать съ отрядомъ движеніе на Чары, какъ самому главному и богатѣйшему селенію чарскихъ вольныхъ обществъ. Онъ не рѣшался однако же на это, боясь, что наступающее весеннее время представитъ много затрудненій къ движенію, и чувствуя недостатокъ въ продовольствіи отряда, онъ полагалъ, ограничиться занятіемъ брода Урдо и устройствомъ при немъ укрѣпленнаго пункта (1).

Князь Циціановъ, признавая однако же необходимымъ идти въ Чары, для побужденія Лезгинъ исполнить все отъ нихъ требуемое, писалъ объ этомъ генералу Гулякову, предваряя его однако, что онъ долженъ идти въ такомъ только случаѣ, если это не поведетъ къ большимъ потерямъ съ нашей стороны (2).

Относительно продовольствія кн. Циціановъ писалъ ему, что о скорѣйшемъ доставленіи его предписано исправникамъ, „а между тѣмъ, прибавлялъ онъ (3), прикажите искать по ямамъ пшеницу и ячмень. Въ Молдавіи солдаты такія ямы и шомполами отыскивали безъ затрудненія въ моихъ глазахъ“.

Обезпечивъ тылъ свой, и поручивъ полковнику Дренякину устройство переправы при бродѣ Урдо, черезъ рѣку Алазань, генералъ-маіоръ Гуляковъ съ отрядомъ двинулся къ Чарамъ. 27 марта отрядъ достигъ до дер. Катехи, гдѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, кромѣ не большой перестрѣлки Лезгинъ съ фуражирами, занялъ деревню (4).

---

(1) Письмо Гулякова кн. Циціанову 24 марта 1803 г. Т. А. К. Н.

(2) Предписан. Гулякову отъ 25 марта 1803 г. Т. А. Гл. Шт. кавказск. арміи.

(3) Предписан. Гулякову отъ 12 марта 1803 г. Ibid.

(4) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 15 апрѣля 1803 г. Ар. М. Инос. Д. 1—3, 1803—7, № 6.

Нухинскій Маматъ-Асанъ-Ханъ, хотя дѣйствительно и пришелъ къ Джарцамъ на помощь съ войсками и двумя пушками, но при приближеніи русскаго отряда къ Чарамъ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, раззоряя на пути своемъ селенія своихъ же союзниковъ, чѣмъ и возбудилъ къ себѣ крайнее негодованіе Чарцевъ.

Чарцы, знавшіе о печальной участи Бѣлокамъ, преданныхъ огню и раззоренію, и оставленныя союзникомъ спѣшили съ знаками покорности явиться къ Гулякову, который и занялъ Чары 29 марта безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей (1). Въ день занятія Чаръ присланы были къ генералъ-маіору Гулякову старшины отъ народа съ письменнымъ и словеснымъ объясненіемъ, что Чарскія вольныя общества „*просятъ помилованія и пощады жизни поселянъ и имуществу*“ и соглашаются на все, что предписать имъ будетъ угодно. Генералъ-маіоръ Гуляковъ употребилъ всю строгость военной дисциплины, для воздержанія грузинскаго войска отъ грабительства, и Чары остались не только неприкосновенными, но, для привлеченія къ себѣ жителей и большей ихъ довѣренности къ Русскимъ, Гуляковъ оставилъ Чары и 31 марта возвратился къ броду Урдо.

Это непонятное для Азіятцевъ великодушіе побѣдителя удивило ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвело ожидаемое дѣйствіе. Удовлетвореніе главнаго и важнѣйшаго желанія Чарскаго народа, ободрило и прочія селенія разсѣянныя въ горахъ прислать своихъ новѣренныхъ. Собравшись въ числѣ 9 человѣкъ отъ главнѣйшихъ вольныхъ Лезгинскихъ обществъ, повѣренные явились къ генералъ-маіору Гулякову и лично имъ самимъ, 12 апрѣля, представлены были въ Тифлисѣ кн. Циціанову, который и заключилъ съ ними условіе. По этому условію Джаро-бѣлоканскіе Лезгины поступили въ вѣчное подданство Россіи. Они обѣщались платить дань шелкомъ, по 1100 литръ (220 пудъ на нашъ вѣсъ) (2). Русскіе войска по условію останутся при бродѣ Урдо. Бѣ-

(1) Ibid.

(2) „Наложенная, писалъ кн. Циціановъ Императору Александру, на Чарскія вольныя общества ежегодная дань шелкомъ тысяча и сто литръ на Тифлисскій вѣсъ, составляющихъ 220 пудовъ россійскихъ, расчислена мною въ два срока, для удобнѣйшаго доставленія, и заключая по обширному шелководству, главнѣйшей отрасли ихъ промышленности полагаю, что не можетъ быть для нихъ отяготительною, ибо по собственному показанію повѣренныхъ, утвердившихъ сіе постановленіе, населеніе Чарской провинціи простирается до 80 т. дымовъ, состоящихъ въ 29 селеніяхъ, изъ коихъ 6 знатнѣйшихъ, а другія ѣ-нимъ приписанныя, и отъ нихъ зависящія“.

локаны, Катехи, Джары, Таилы, Мухахъ и Чинихъ обязаны были дать аманатовъ и отвѣчать за всѣ прочія приписанныя къ нимъ деревни. Они обѣщались не принимать и не укрывать у себя дагестанскихъ Лезгинъ и грузинскаго царевича Александра и его сообщниковъ. Съ своей стороны главнокомандующій обѣщалъ не вмѣшиваться во внутреннее ихъ управленіе; принять въ подданство Эллисуйскаго татарскаго султана, согласно его желанія и просьбы; оставить въ ихъ управленіи Алеабатскія грузинскія деревни, съ тѣмъ, чтобы они не стѣсняли ихъ въ свободномъ отправленіи христіанской вѣры (1).

Какъ ни готовы были казалось Чарцы къ выполненію данныхъ ими обѣщаній, но, зная характеръ Азіятскихъ народовъ, невозможно было расчитывать на продолжительность сохраненія данныхъ ими обязательствъ. Преданность ихъ и согласіе на подданство Россіи могло имѣть мѣсто только до благопріятнаго и удобнаго для нихъ случая, точно также какъ одна неудача заставила ихъ безъ сопротивленія согласиться на принятіе подданства. Какъ легко Чарцы согласились подписать всѣ приведенныя нами условія, также легко и скоро, какъ увидимъ ниже, они его и нарушили. Здѣсь убѣжденія и сознанія въ необходимости такого подданства, не имѣли мѣста; здѣсь была только одна Азіятская хитрость и предательство.

По этому, принимая Джарцовъ въ подданство и обезпечивая себя на бумагѣ, необходимо было обезпечить себя и на дѣлѣ.

Существованіе дружелюбнаго союза и постановленія между горскими владѣтелями было, по мнѣнію князя Циціанова, „въ числѣ вещей невозможныхъ. Страхъ и корысть суть двѣ первенствующія пружины, которыми руководятся въ Азіи всѣ дѣла и приключенія“. По этому то главнокомандующій принялъ противуположное правило и систему, чѣмъ та, которая была до него. Вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками привлекать къ себѣ хановъ и такимъ образомъ платить нѣкоторый родъ дани съ нашей стороны, за мнимое ихъ подданство, князь Циціановъ требовалъ теперь самъ дани отъ Джарцовъ, пользуясь ударомъ нанесеннымъ при взятіи Бѣлоканъ,—мѣста, почитавшагося до тѣхъ поръ не-

(1) См. приложеніе № 6.

приступнымъ.—Этотъ крутой поворотъ, отъ подкупа деньгами, къ дѣйствію оружіемъ и серьезнымъ требованіямъ дани съ побѣжденныхъ, имѣлъ свои послѣдствія. Такъ ханъ Шекинскій, пришедшій на помощь Джарцамъ и Бѣлоканцамъ, просилъ мира и покровительства. Многіе ханы были также устрашены, и примѣръ поступка съ Бѣлоканцами не могъ не имѣть для насъ хорошихъ послѣдствій. Иначе и быть не могло; всякія другія дѣйствія были бы сколько не выгодны для насъ, столько же и неблагоразумны. Необходимо было наконецъ устроить дѣйствительную преграду хищнымъ дагестанцамъ вторгаться въ Грузію и производить въ нашихъ предѣлахъ грабежи и разбои.

Для достиженія этого, и вообще для утвержденія господства нашего надъ Джарцами, построенъ былъ при бродѣ Урдо редутъ, для одного батальона, подъ именемъ *„Александровскаго редута на Алазани“*. — Въ немъ предполагалось оставить батальонъ кавказскаго гренадерскаго полка „для надзиранія за поведеніемъ вольныхъ обществъ Чарскихъ“.

Для совершеннаго же обезпеченія, какъ переправы чрезъ Алазань, такъ и для занятія важнѣйшихъ пунктовъ около лежащей мѣстности, князь Цицiановъ учредилъ посты: вверхъ по рѣкѣ, при царициномъ колодцѣ, для двухъ ротъ, и внизъ по теченію рѣки, при урочищѣ Карагачѣ, тоже для двухъ ротъ,—гдѣ и поставлены были роты Кабардинскаго мушкатерскаго полка, а одинъ баталіонъ Тифлисскаго мушкатерскаго полка поставленъ былъ временно по сю сторону Алазани.

„Занятіе сихъ постовъ, доносилъ князь Цицiановъ (1), и вкупѣ водворенія оружія въ Чарской области, для предлежащихъ видовъ нужнаго сообщенія Грузіи съ Бакою, доставить могутъ способнѣйшій путь чрезъ Нуху и Шемаху, — безъ затруднительныхъ чрезъ рѣки переправъ, каковыя встрѣчаются при переходѣ съ лѣваго берега на правый и съ праваго опять на лѣвый берегъ рѣки Куры, идучи извѣстнымъ путемъ черезъ Ганжу“.

Заключивъ условіе съ Джарцами, князь Цицiановъ надѣялся, что этимъ устранилъ хотя на нѣкоторое время увлеченія Грузинъ въ плѣнъ цѣлыми селеніями, и разбои Лезгинъ продолжавшіеся въ теченіи всего столѣтія. „И такъ, писалъ

(1) Рап. Г. И. отъ 15 апрѣля 1803.—Т. А. К. Н.

онъ (1): Десницею Бога живаго покровенная Грузія, сохранившая вѣру христіанскую по среди невѣрныхъ ея утѣснявшихъ, можетъ нынѣ съ пророкомъ Давидомъ возгласить: „Терпя потерпѣхъ Господи и внятъ ми“, а потому да всѣ благомыслящіе сыны отечества, при исполненныхъ благодарности сердцахъ, соединятъ теплыя молитвы ко Всевышнему Богу о продолженіи милости Его Святой надъ Грузіею“.

О взятыхъ при Бѣлоканахъ въ плѣнъ Грузинскихъ князьяхъ, бывшихъ при царевичѣ Александрѣ, князь Циціановъ просилъ, не смотря на ихъ виновность, вмѣнить имъ въ наказаніе арестъ и оставить полгода подъ строгимъ присмотромъ, а по прошествіи этого времени, освободить и привести къ присягѣ; плѣнныхъ же Грузинъ отправить безъ наказанія на полгода на заводы, въ вѣдомство тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина (2).

Утвердивъ это предположеніе Императоръ Александръ (3) писалъ:

„Донесеніе ваше извѣстило меня объ успѣшномъ окончаніи предпріятія вашего на Чарскую область.—Удовольствіе мое за возвращеніе сей древней собственности царства грузинскаго, нынѣ оружіемъ Россійскимъ, паки къ оному присоединенной, тѣмъ для меня пріятнѣе вамъ изъявить, что благоразумнымъ распоряженіемъ вашимъ учинено сіе завоеваніе съ столь малою съ нашей стороны потерею и предупреждена гибель жителей и раззореніе ихъ селеній. Я надѣюсь, что грузинскія войска будутъ впредь воздерживаться отъ свирѣпства, овладѣвшаго ими при взятіи Бѣлоканъ, и что научатся они отъ Россіянъ, новыхъ ихъ соотчичей, поражая воюющаго непріятеля, миловать его по покореніи“.

---

(1) Обвѣщеніе Грузинскому народу 5 мая Т. А. К. Н.

(2) Рап. кн. Циціанова Г. И. 5 мая 1803 г. Моск. Арх. Инспек. Департ.

(3) Высоч. рескриптъ кн. Циціанову 18 мая 1803 г. Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—7, № 6.

ГЛАВА VI.

Необходимость и предположенія о занятіи Баку.—Тогдашнее положеніе бакинскаго хана.—Просьба его о подданствѣ.—Согласіе на то Императора Александра.—Кн. Цицiановъ проситъ о присылкѣ въ его распоряженіе еще 2-хъ полковъ.—Отказъ бакинскаго хана отъ подписанныхъ имъ условій подданства.

Для исполненія составленнаго предположенія о предѣлахъ, которыми должны были ограничиться владѣнія наши въ Грузіи, и вообще въ Закавказьи, признавалось необходимымъ занятіе города Баку, съ тѣмъ чтобы имѣть въ своихъ рукахъ этотъ важный портъ на Каспійскомъ морѣ. Желая достигнуть этой цѣли безъ военныхъ дѣйствій, и зная незавидное, стѣсненное положеніе хана бакинскаго, князь Цицiановъ просилъ консула нашего въ Персіи Скибиневскаго (1), убѣдить хана, что ему не у кого, кромѣ Россіи, искать помощи и покровительства. Главнокомандующій просилъ консула намѣкнуть Гусейнъ-хану, что Шихъ-Али-ханъ дербентскій проситъ у насъ войска для дѣйствія противу Мустафы, а можетъ быть и его самого Гусейнъ-Кули-хана; что для предупрежденія совершеннаго раззоренія его, онъ долженъ самъ просить для своей защиты гарнизонъ въ Баку и что ему въ такой милости *можетъ быть и не откажутъ*.

„Смотря по откровенности Гусейнъ-Кули-хана, писалъ князь Цицiановъ, и податливости его къ дѣлаемымъ отъ васъ предложеніямъ, можете вы присовокупить, что если бы нужно было войско въ самомъ скорѣйшемъ времени, то я, имѣя полное разрѣшеніе отъ Государя Императора, могу тотчасъ прислать на помощь его два баталіона изъ Грузіи. Но все сіе сообщая для единственнаго вашего свѣдѣнія, препоручаю вамъ хранить въ глубой тайнѣ".

Предположеніе главнокомандующаго, относительно занятія Баку, казалось готово было осуществиться, по тогдаш-

(1) Отношеніе 15-го января 1803 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣс.

нему положенію дѣлъ хана бакинскаго, тѣснимаго Шихъ-Али-ханомъ дербентскимъ, заявлявшимъ права свои на Баку.

Область Бакинская въ прежніе времена принадлежала владѣтелю дербентскому. На этомъ основаніи Шихъ-Али-ханъ все время хлопоталъ о томъ, чтобы возвратить ее и присоединить къ своимъ владѣніямъ. Бакинскій ханъ, игравшій столь значительную роль въ судьбѣ князя Циціанова, былъ недоброжелателенъ къ Россіи. Какъ человѣкъ, Гусейнъ-ханъ былъ слабъ, легковѣренъ, легко поддавался вліянію своихъ чиновниковъ, скорѣе трусъ нежели храбръ, недальновиденъ, „удаленъ отъ предпріимчивости и вялъ въ дѣлахъ своихъ“ (1). Онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и связяхъ съ Мустафою-ханомъ шемахинскимъ или ширванскимъ, но связи эти „основаны на личной его и необходимой выгодѣ“. Не имѣя никакой собственности кромѣ города Баку, Гусейнъ-ханъ былъ въ полной зависимости отъ Мустафы, подпора и добрыя отношенія котораго ему были столько же нужны, какъ человѣку пища. Онъ долженъ былъ всегда видѣть передъ собою то, что бакинскіе ханы были постоянными данниками ширванскихъ.

„Польза Россіи сохранить его (бакинскаго хана) въ достоинствѣ хана, писалъ князь Циціановъ (2), только тогда можетъ быть дѣйствительна, когда будетъ введенъ въ Баку нашъ гарнизонъ, безъ чего онъ не можетъ служить видамъ Россіи, будучи такъ слабъ, что и помышлять о сопротивленіи другимъ ханамъ не смѣетъ, слѣдовательно и къ пониженію ихъ силы и могущества не способенъ“.

Прежде еще, когда Кнорринъ нѣсколько разъ приглашалъ Гусейнъ-Кули-хана къ участію въ составленіи общаго союзнаго договора между горскими владѣльцами, находящимися въ подданствѣ и покровительствѣ Россіи, то ханъ бакинскій никогда не отзывался на подобный призывъ. Гусейнъ-Кули-ханъ, подобно прочимъ ханамъ, не прислалъ даже своего довѣреннаго, котораго вызывалъ Кнорринъ, собственно для заключенія договоровъ и мирныхъ условій. Онъ враждебно дѣйствовалъ противъ Россіи: въ 1800 году отнялъ у нашего купечества ихъ имущество, и вознагра-

(1) Арх. Минст. Иностр. Дѣлъ 1—10, 1801—3, № 2.

(2) Въ письмѣ гр. Воронцову отъ 4-го января 1803 г. Ibid.

дилъ ихъ за эти убытки только тогда, когда принужденъ былъ къ тому силою оружія.

Въ іюлѣ 1800 года бакинскій ханъ отправилъ своего посланца въ Петербургъ (1). Посольство это имѣло цѣлію просить о принятіи хана въ подданство Россіи, и объяснить при этомъ, что бомбардированіе русскими судами города Баку въ январѣ 1800 года, за неисполненіе требованій, по обидамъ, нанесеннымъ русскимъ купцамъ, было совершенно несправедливо. Ханъ обвинялъ во всемъ самихъ купцовъ (2).

Высочайшею грамотою хотя онъ и былъ принятъ въ подданство, но, какъ вынужденный къ тому силою, не измѣнилъ своей враждебности и поступковъ относительно Россіи (3).

Дѣйствуя непріязненно, и притомъ изподтишка, противу насъ, бакинскій ханъ дѣйствовалъ также враждебно и противу дербентскаго хана. Вражда между ними продолжалась постоянно; каждый старался ниспровергнуть другъ друга, и отыскивалъ къ тому всевозможные способы, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ. По этому для ближайшаго и болѣе яснаго представленія о тогдашнемъ положеніи этихъ хановъ и ихъ отношеній необходимо пробѣжать предъидущія событія.

Послѣ смерти Фетъ-Али-хана, владѣльца дербентскаго и кубинскаго, осталось два наслѣдника: Шихъ-Али-ханъ и Гассанъ-ханъ. Когда въ Дербентъ вступили русскіе войска въ 1796 году, то Шихъ-Али-ханъ, какъ недоброжелательный намъ, удалился въ Кубу, а Гассанъ-ханъ утвержденъ былъ владѣльцемъ Дербента и Кубы. Это утвержденіе вооружило Шихъ-Али-хана противу брата, и когда русскія войска оставили Дербентъ, онъ сталъ притѣснять Гассанъ-хана и вынудилъ его удалиться въ Дагестанъ. Боясь того, чтобы Гассанъ не былъ снова возведенъ нами на ханство, Шихъ-Али-ханъ сталъ искать покровительства Россіи. Грамотою Императора Павла (4), онъ былъ принятъ въ подданство и покровительство наше и пожалованъ чиномъ 3-го класса;

(1) Изъ письма канцлера къ Гассанъ-хану дербентскому отъ 21-го августа 1801 г. Арх. Мин. Иност. Д. 1—6, 1801—3, № 10.

(2) Любопытное оправданіе самого хана см. приложеніе № 7.

(3) Высочайшая грамота отъ 28-го августа 1801 г. Арх. Мин. Инстр. Дѣлъ 1—6, 1800—1810, № 1.

(4) Отъ 1-го сентяб. 1799 г. Ibid.

особою же грамотою былъ въ тоже время принятъ въ подданство и покровительство Россіи и подвластный ему народъ.

Въ 1800 году Гассанъ-ханъ, съ содѣйствіемъ Сурхай-хана кумыкскаго, кадія табасаранскаго и Рустомъ уцмія каракайдакскаго и по желанію всего дербентскаго народа, возвратился въ ханство. Тогда бѣжавшій Шихъ-Али-ханъ, собралъ кубинское, шекинское и ширванское войско и соединясь съ Шахмаломъ Тарковскимъ и другими дагестанскими владѣльцами, двинулся къДербенту, но былъ отбитъ и прогнанъ. Гассанъ-ханъ, послѣ этого, просилъ позволенія отправить въ Петербургъ своего посланца, съ просьбою снова утвердить его ханомъ, согласно желанія всѣхъ чиновниковъ, духовенства и народа и о присылкѣ ему двухъ русскихъ полковъ пѣхоты (1), чтобы отразить новыя покушенія Шихъ-Али-хана (2).

8-го мая 1801 года посолъ прибылъ въ Петербургъ и привезъ прошеніе, отъ матери Гассанъ-хана и отъ духовенства, объ утвержденіи Гассанъ-хана владѣльцемъ дербентскимъ (3).

Между тѣмъ Шихъ-Али-ханъ, въ свою очередь, также отправилъ въ С.-Петербургъ своего посланца, съ цѣлію просить въ помощь 6 т. русскаго войска (4) для содѣйствія ему къ полученію владѣнія, отнятаго у него Гассанъ-ханомъ. Посланный Шихъ-Али-хана прибылъ въ нашу столицу 3-го іюня 1801 г. (5). Такимъ образомъ каждый изъ хановъ просилъ помощи нашего правительства, для дѣйствія другъ противъ друга. Удовлетворить просьбамъ обоихъ владѣтелей было невозможно, и наше правительство не высказывало посланнымъ своего рѣшенія до самаго іюля мѣсяца. Непредвидѣнныя обстоятельства вывели петербургскій кабинетъ изъ этаго неопредѣленнаго положенія и запутанности.

Находясь въ С.-Петербургѣ посланцы Гассанъ-хана и Шихъ-Али-хана получили отъ своихъ владѣтелей извѣстіе,

---

(1) Полки эти однако же не были посланы.

(2) Докладная записка коллегіи иностр. дѣлъ 25 апрѣля и 7 іюня 1801 г. Арх. М. И. Д. 1—6, 1801 г. № 10; 1—9, 1801, № 3.

(3) Записка 8 мая 1801 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—9, 1801, № 10.

(4) Письмо Кн. Куракина къ Шихъ-Али хану отъ 21 августа 1801 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1801 г. № 3 и 10.

(5) Записка министерству 3 іюня 1801 г. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ 1—6, 1801—3, № 5.

о заключенномъ между ханами союзѣ и о добровольномъ раздѣлѣ владѣній, по которому Шихъ-Али-ханъ уступилъ брату Дербентъ, со всѣми его окрестностями и улусами, а себѣ оставилъ Кубу (1). Петербургскій кабинетъ призналъ этотъ раздѣлъ и каждый изъ хановъ получилъ Высочайшую грамоту объ утвержденіи ихъ владѣльцами (2) а въ подарокъ саблю, мѣхъ соболій на шубу, 10 соболей на опушъ, воротникъ и обшлага и 20 аршинъ парчи на покрытіе шубъ (3).

Удовлетворивъ главнымъ просьбамъ хановъ, наше правительство не имѣло возможности удовлетворить второстепеннымъ.

Дербентскій ханъ просилъ, напримѣръ, чтобы не принимать при дворѣ посла бакинскаго хана, такъ какъ это онъ считалъ для себя предосудительнымъ. Просьба эта была однако же отклонена петербургскимъ кабинетомъ. Онъ просилъ также, чтобы наше правительство заставило хана бакинскаго повиноваться ему. На это канцлеръ отвѣчалъ, что „поелику бакинскіе ханы всегда были взысканы благопріятельствомъ предковъ вашихъ дербентскихъ хановъ, и оказывали имъ должное предпочтеніе и уваженіе, и состоятъ на равнѣ съ прочими въ высокомъ Его Императорскаго Величества подданствѣ, то соотвѣтственность и самое взаимство требуетъ отъ вашего высокостепенства, чтобы и вы, считая его ханомъ младшимъ, оказывали ему, по сосѣдству, всякое дружеское въ нужныхъ случаяхъ пособіе и не требовалибъ инаго, кромѣ должнаго къ высокой особѣ вашей уваженія, сосѣдственной пріязни и искренности, которую онъ бакинскій ханъ, къ вашему высокостепенству и къ брату вашему Гассанъ-Али-хану, яко къ старшимъ владѣльцамъ, долженъ всегда соблюдать, съ оказаніемъ предпочтенія и уваженія какими вамъ обязанъ“ (4).

Гассанъ-ханъ вскорѣ умеръ и Шихъ-Али соединилъ подъ своею властію кубинское и дербентское владѣнія и въ слѣдъ за тѣмъ, заявивъ свои притязанія на Баку, сталъ дѣйствовать противу Гусейнъ-Кули-хана. Послѣдній прибѣгнулъ тогда подъ защиту Россіи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1803 г. прибылъ посолъ Гусейнъ-Ку-

(1) Записки пословъ министерству отъ 8 іюля Ар. М. И. Дѣлъ 1—6, 1801—3, № 3.
(2) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ 1—6, 1801—3, № 5.
(3) Письмо Кн. Куракина къ Шихъ-Али хану 21 августа 1801.
(4) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1801—3, № 10.

ли хана бакинскаго, Ала-Верды-Бекъ, пробравшійся въ Тифлисъ чрезъ Астрахань, Кизляръ и Кавказское ущелье, самымъ труднымъ, но вѣрнѣйшимъ путемъ. Онъ привезъ князю Циціанову (1) письмо отъ хана, который писалъ, что Ала-Верды-Бекъ,—воспитанный съ нимъ отъ одной кормилицы, что по азіатскимъ обычаямъ считается родствомъ, ближе роднаго брата,—имѣетъ отъ него словесныя порученія увѣдомить „*о покорности и послушаніи*“ хана сначала главноуправляющаго, а потомъ, съ дозволенія его, отправиться съ просительною грамотою въ С.-Петербургъ къ Высочайшему двору. Князь Циціановъ не согласился на отправленіе его въ С. Петербургъ, приводя въ основаніе не имѣніе на то Высочайшаго повелѣнія и незнанія важности и сущности посольства. Ала-Верды-Бекъ передалъ тогда главноуправляющему грамоту на имя Императора Александра, въ которой Гуссейнъ-Кули-ханъ, прося защиты, говорилъ, что, „*всѣ Высочайшія повелѣнія будутъ приняты мною съ покорностію*“.

Зная какъ важна была для нашей торговли на Каспійскомъ морѣ Бакинская гавань, и что пріобрѣтеніе ее добровольнымъ образомъ, безъ всякаго насилія, было для насъ выгодно, князь Циціановъ объявилъ Ала-Верды-Беку, что если онъ дѣйствительно имѣетъ неограниченное полномочіе отъ своего хана, къ заключенію условій на уступку города Баку вмѣстѣ съ гаванью, и на вступленіе хана въ подданство Россіи, то далъ бы ему на это письменное обязательство, которое могло бы служить опорою для обѣихъ сторонъ „и не сомнительнымъ документомъ“.

Послѣ предварительныхъ и долгихъ объясненій съ главноуправляющимъ Ала-Верды-Бекъ написалъ собственноручно условія, по которымъ Гусейнъ-Кули-ханъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, городомъ Бакою, и всѣмъ тѣмъ, что Баку издревле принадлежало, поступилъ въ подданство Россіи „*на вѣчныя времена и непоколебимо*“. Обезпеченіе города, строеніе пристани и другихъ пособій, для поддержанія торговли, онъ предоставлялъ распоряженію главноуправляющаго. Въ замѣнъ того бакинскій ханъ просилъ свободы вѣроисповѣданія; введенія русскаго гарнизона въ г. Баку, для защиты его отъ внѣшнихъ враговъ; оставленія образа правленія

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 31 марта 1803 г.—Переводъ письма хана, условіе и клятвенное обѣщаніе его.—См. Арх. М. И. Д. 1—10, 1803—6, № 2.

страны на прежнихъ правахъ и въ его власти (1). Онъ просилъ также дозволить ему строить суда въ Астрахани и отдавать ихъ въ наемъ (2).

Императоръ Александръ согласился на то, чтобы правленіе городскими жителями осталось на прежнихъ правахъ въ рукахъ хана, но за исключеніемъ смертной казни (3).

Поздравляя Императора Александра съ присоединеніемъ къ Россіи Бакинскаго ханства, кн. Циціановъ писалъ при этомъ (4). „Для занятія города Баки нуженъ полкъ 3-хъ баталіонный; для обезпеченія дороги, ведущей изъ Грузіи въ Баку, т. е. въ Ганжѣ и Шушѣ, когда съ помощію Божіею сіи города взяты будутъ въ продолженіи сей кампаніи, по окончаніи съ Чарскою провинціею рѣшительнаго постановленія, нуженъ будетъ еще одинъ полкъ для занятія сихъ обѣихъ мѣстъ. Сіи два полка, для поспѣшнѣйшаго прихода въ Грузію, можно командировать изъ крымской инспекціи, а именно 15-й Егерскій и Севастопольскій мушкетерскій, какъ потому, что ближайшіе тамъ, и потому что въ 15-й Егерскій Высочайше назначенъ шефомъ изъ здѣшняго 17-го Егерскаго полка полковникъ Карягинъ, мнѣ извѣстный и о землѣ здѣшней имѣющій мѣстныя свѣдѣнія, а шефъ Севастопольскаго полка генералъ-маіоръ Сербинъ имѣетъ всеобщую репутацію объ отличной его способности къ дѣятельной службѣ. Коль скоро удостоюсь я получить Высочайшее Вашего Императорскаго Величества одобреніе, на сіе мое предначертаніе, тотчасъ приступлю къ дѣйствію. Находящимися въ Грузіи полками займу всѣ вышеписанные посты, а Севастопольскій и 15-й Егерскій полки, употребя на переходъ до Моздока, изъ мѣстъ своихъ, два мѣсяца или 7-мь недѣль, да на полученіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія 7-мъ же недѣль, достигнутъ до Тагаурскаго ущелья къ тому времени, когда воды Терека спадутъ и содѣлаются удобопроходимы, т. е.

(1) „Долгомъ поставляю донести, писалъ при этомъ кн. Циціановъ, что подъ словами: *на прежнихъ правахъ* заключается по разумѣнію посланца и смертная казнь. Но какъ упорство его устрашало меня несостояніемъ сего постановленія, и какъ 1-я и 2-я статьи повергающія городъ и хана Бакинскаго въ совершенное подданство, даютъ неоспоримое право не терпѣть смертной казни, то я рѣшился оставить сей пунктъ.....“ См. рапортъ Г. И. 31 марта 1803 г. Арх. М. И. Д. 1—10, 1803—6, № 2.

(2) См. приложеніе № 8.

(3) Изъ рескрипта кн. Циціанову отъ 18 мая 1803 г.

(4) Донесеніе Г. И. 31 Марта 1803 г. Ар. М. И. Д. 1—10, 1803—6, № 2.

къ 15 августа или въ началѣ сентября. И по приходѣ ихъ въ Грузію займутъ посты выбывшихъ полковъ или употребятся на обезпеченіе границъ.

„Для продовольствія войскъ въ Бакѣ нужно доставить изъ Астрахани, на купеческихъ транспортныхъ судахъ, годовую пропорцію до 4-хъ тысячъ кулей муки, съ соразмѣрною пропорціею крупъ и овса, для полковыхъ лошадей. Сіе доставленіе не можетъ превзойти цѣною таковаго же на кавказскую линію, поелику въ бывшую персидскую кампанію изъ Астрахани въ Баку доставленіе стоило не болѣе одного рубля съ куля муки. Магазинъ устроить можно на островѣ Наргенѣ, при входѣ въ Бакинскую Бухту лежащимъ, который, по личному моему обозрѣнію въ 1797 году, водою никогда непонимается, такъ какъ сіе случается съ островомъ Сара, гдѣ былъ устроенъ магазинъ покойнымъ контръ-адмираломъ Ѳедоровымъ.

„Предавая все сіе на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, дерзаю всеподданнѣйше присовокупить, что упущеніе столь удобнаго случая занять городъ Баку, и присоединить оный къ Всероссійской Державѣ, безъ чувствительнаго казеннаго иждивенія, почелъ я противнымъ обязанностямъ на меня возложеннымъ и усердію моему къ службѣ и потому для выполненія въ точности священной воли Вашего Императорскаго Величества, буду ожидать на сіе рѣшительнаго повелѣнія“.

Между тѣмъ онъ получилъ рескриптъ отъ 20 марта, (¹) которымъ отказано ему было въ присылкѣ войскъ въ Грузію.

Считая себя окончательно парализованнымъ въ дѣйствіяхъ, этимъ распоряженіемъ, кн. Циціановъ снова писалъ канцлеру, что, не получая усиленіе войсками, нельзя будетъ занять Баку и другихъ пунктовъ, которые ему необходимы будутъ тотчасъ послѣ покоренія Ганжи, для обезпеченія сообщенія Грузіи съ Россіею. Кромѣ того недостатокъ войскъ могъ поколебать довѣріе къ намъ хана бакинскаго, по этому кн. Циціановъ, прося содѣйствія канцлера къ успѣшному ходу дѣлъ въ Грузіи, доносилъ Государю, что признаетъ необходимымъ занятіе Баку осенью 1803 года, дабы не упустить воспользоваться согласіемъ хана принять наши войска въ городъ и крѣпость

(¹) См. стр. 77.

Въ Астрахани приказано было приготовить два или три военныхъ судна, которыя главнокомандующій и намѣренъ былъ употребить, сперва съ цѣлію покровительствовать ими торговлю нашу на Каспійскомъ морѣ, и прикрывать военные транспорты, долженствующіе отправиться съ продовольствіемъ въ Баку, предъ наступленіемъ осени; а впослѣдствіи же ввести эти суда въ другіе пункты, занятіе которыхъ будетъ возможно (1).

Когда получены были въ С.-Петербургѣ донесенія кн. Циціанова, то сдѣлано было распоряженіе объ отправленіи въ Грузію двухъ полковъ съ кавказской линіи (2). Отправленіе этихъ войскъ въ Грузію было какъ нельзя болѣе кстати. Убѣжденіе, къ которому пришли, въ невозможности поддерживать дружескія отношенія съ горскими владѣльцами одними договорами, не употребляя для этого оружія, требовало значительныхъ военныхъ силъ въ распоряженіи главноуправляющаго.

Въ самомъ дѣлѣ чего можно было ожидать отъ мнимаго подданства всѣхъ Дагестанскихъ владѣльцевъ? Чѣмъ возможно было удержать отъ варварскихъ обычаевъ народы закоренѣлыя въ грабительствѣ? Не только союзные договоры, но и жалованье и денежныя суммы не могли служить въ этомъ случаѣ обезпеченіемъ. Одна военная сила могла держать ихъ въ страхѣ и покорности. Они присягнули на вѣрность и подданство Россіи; всѣ, какъ мы видѣли, заключили съ нами союзное постановленіе. Всѣ они клялись въ вѣрности, и тутъ же своими поступками и дѣйствіями нарушали клятву. За примѣромъ ходить не далеко.

Сѣвшее на мель судно было ограблено горскими хищниками. Узнавъ объ этомъ кн. Циціановъ отправилъ изъ Георгіевска, (Кизлярскаго) Терскаго войска штабсъ-капитана Мещерякова , съ письмами къ Уцмію Рустомъ-хану-Каракайдакскому и къ Разію-хану владѣтелю Казикумыкскому съ требованіемъ о возвращеніи ограбленныхъ вещей ихъ подданными и на берегу ихъ владѣній. Письма, наполненныя пустыми увѣреніями, были результатомъ поѣздки штабсъ-капитана Мещерякова. Рустомъ-ханъ, Уцмій Кара-

(1) Рапортъ Кн. Циціанова Г. И. 27 апрѣля 1803 г. Т. А. К. Н.

(2) Письмо кн. Кочубея кн. Циціанову 26 апрѣля 1803 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ по департ. Общ. дѣлъ дѣла Грузіи ч. II.

кайдакскій, у котораго въ наказаніе за этотъ поступокъ главноуправляющій удержалъ третное жалованье, получаемое отъ нашего правительства, жаловался на это дѣйствіе кн. Циціанова и просилъ его объ отправленіи прошенія написаннаго на имя Императора Александра. Рустомъ ссылался на то, что самъ не въ силахъ управляться съ своими подданными, но что если будетъ прислано войско Россійское, тогда обѣщалъ отыскать все разграбленное и возвратить хозяину.

„Вражда есть пища и упражненіе горскихъ народовъ, писалъ князь Циціановъ Императору Александру (1).

„Видя силу россійскаго оружія, въ Кавказѣ водвореннаго, они прибѣгаютъ къ намъ прося другъ противъ друга помощи, и такимъ образомъ сами ходатайствуютъ о собственной своей гибели. Не смѣя одобрить предъ человѣколюбивымъ сердцемъ Вашего Императорскаго Величества сію систему завоеванія, долженъ сказать, что она необходима въ настоящихъ обстоятельствахъ. Единое обезпеченіе астраханской торговли достаточно, чтобъ подвигнуть къ занятію западнаго берега Каспійскаго моря, до мѣстечка Сальянъ, не говоря уже о положеніи Грузіи, которая требуетъ неминуемо вѣрнѣйшихъ границъ и распространенія оной, для первоначальной увѣренности и удобности къ сообщенію, по крайней мѣрѣ до Каспійскаго моря. О усугубленіи средствъ, могущихъ доставить таковое пріобрѣтеніе, имѣлъ я счастіе донести Вашему Императорскому Величеству и осмѣливаюсь вторично испрашивать тѣ же войска и то же число денегъ для сей кампаніи“.

Между тѣмъ князь Циціановъ сообщилъ хану бакинскому, полученное имъ, и приведенное нами выше, согласіе Императора Александра на принятіе Гусейнъ-хана въ подданство, и при этомъ увѣдомилъ его, что войска, назначенныя для занятія Баку, прибудутъ туда вскорѣ.

Одновременно съ этимъ сообщеніемъ, Ала-Верды-Бекъ, при возвращеніи своемъ изъ Тифлиса, былъ задержанъ шемахинскимъ Мустафою-ханомъ, который отнявши у него всѣ бумаги, поступилъ съ нимъ тирански и выпрашивалъ отъ него нѣтъ ли еще какихъ секретныхъ порученій отъ главноуправляющаго къ бакинскому хану. Этотъ поступокъ

(1) Отъ 26-го марта 1803 г. Т. А. К. Н.

шемахинскаго хана, имѣвшаго въ самомъ городѣ Баку многихъ приверженныхъ людей, и вслѣдствіе того большое вліяніе на бакинскаго хана, испугалъ послѣдняго. Подстрекаемый окружающими, Гусейнъ-ханъ не призналъ договора, заключеннаго Ала-Верды-Бекомъ, о чемъ и сообщилъ князю Циціанову, говоря, что постановленіе это заключено противу воли его, хана, и что Ала-Верды нарушилъ данныя ему наставленія и полномочія (1).

Отказъ этотъ, въ исполненіи условій, только что заключенныхъ, не могъ вызвать энергическихъ дѣйствій съ нашей стороны. Князь Циціановъ не могъ употребить въ дѣло оружія и силою заставить бакинскаго хана исполнить постановленія. Бывшая въ распоряженіи главноуправляющаго флотилія наша на Каспійскомъ морѣ была такъ неисправна, что не могла тотчасъ выступить и какъ бы слѣдовало бомбардировать Баку; войскъ отдѣлить для дѣйствія противу Баку было также невозможно. По этому князь Циціановъ принужденъ былъ ожидать прибытія 2-хъ полковъ, назначенныхъ въ его распоряженіе, изъ крымской инспекціи, о чемъ и донесъ Императору Александру, обвиняя при этомъ нашего консула въ Персіи въ томъ, что тотъ не содѣйствовалъ и не побуждалъ бакинскаго хана принять заключенныя условія.

„Хотя съ сожалѣніемъ получено здѣсь извѣстіе, писалъ канцлеръ князю Циціанову (2), объ уклоненіи бакинскаго хана отъ принятія войскъ нашихъ въ Баку, и выполненія условій уполномоченнымъ его Ала-Верды-Бекомъ заключенныхъ, можете быть увѣрены, что образъ мыслей нашихъ объ испытанномъ вашемъ усердіи къ пользамъ Имперіи, ни мало не перемѣнился.

„Вѣроломство азіатскихъ народовъ, въ коемъ они воспитаны, не дѣлаетъ чуднымъ поступокъ бакинскаго хана, тѣмъ паче, что опасеніе его отъ шемахинскаго Мустафы-хана, многое на оной имѣло вліяніе. Сіе происшествіе есть изъ числа тѣхъ, кои никакъ предвидѣть было не можно, а потому теперь остается принять мѣры, какъ для приведенія бакинскаго хана въ должное повиновеніе, такъ и для

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 19-го іюля 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—10, 1803—6, № 2.

(2) Въ депешѣ отъ 4-го сентября 1803 г. Ibid.

отвращенія всѣхъ препонъ встрѣчающихся на выполненіе нашихъ намѣреній.

„Изъ всего открывается, что покореніе Шемахинской провинціи должно служить преддверіемъ занятія Баки, и для того предоставляется вамъ стараться склонить Мустафу-хана къ тому или силою, или мѣстными обѣщаніями.

„Врожденное коварство сихъ владѣльцевъ и наклонность ихъ къ перемѣнамъ мыслей ихъ, смотря по опасеніямъ или временнымъ выгодамъ, кои имъ представляются, подали здѣсь мѣру принять равнодушно поступокъ бакинскаго хана. При семъ случаѣ нужнымъ нахожу примѣтить, что должно наистрожайше запретить нашимъ купцамъ и другимъ людямъ, плавающимъ по Каспійскому морю, чтобъ отнюдь не дерзали продавать приморскимъ народамъ канаты, якоря и прочія корабельныя снасти, безъ помощи коихъ, тамошніе жители не были бы въ состояніи снастить свои суда; за исполненіемъ сего тѣмъ болѣе надематривать должно, что отъ размноженія тѣхъ судовъ, хотя вооруженіе ихъ не опасно, но торговля наша терпитъ и лишается при томъ знатной прибыли, приносимой извозничествомъ россійскими судами производимыхъ. Впрочемъ, какъ здѣсь издревле правило было, чтобъ никакихъ большихъ судовъ не терпѣть на Каспійскомъ морѣ, кромѣ россійскихъ, то на наблюденіе и распоряженіе вашего сіятельства возлагается, какимъ образомъ сіе коренное правило, политики нашей въ разсужденіи сего края, въ исполненіе привести".

Князю Циціанову не оставалось ничего болѣе, какъ заставить силою бакинскаго хана признать подданство Россіи, но для выполненія этого необходимы были средства, которыми онъ могъ располагать не ранѣе, какъ только черезъ два года, когда предпринялъ экспедицію на Баку, такъ печально для него окончившуюся.

ГЛАВА VII.

Происшествія послѣ смерти армянскаго патріарха Іосифа: два патріарха Даніилъ и Давыдъ.—Вмѣшательство Коваленскаго въ избраніе новаго патріарха.—Переговоры князя Цицианова съ Эриванскимъ ханомъ объ утвержденіи патріархомъ Даніила.

Для лучшаго ознакомленія читателей съ послѣдующими событіями необходимо сказать нѣсколько словъ о предъидущихъ происшествіяхъ породившихъ двухъ претендентовъ на патріаршій престолъ въ Эчміадзинѣ.

Въ мартѣ 1801 г., послѣ смерти армянскаго патріарха Іосифа Аргутинскаго-Долгорукаго, армянскіе Мелики, Юзбаши и другіе первостатейные чиновники, хотѣли избрать въ патріархи, согласно съ желаніемъ армянъ, константинопольскаго архіепископа Даніила. Въ то же время намѣстникъ Эчміадзинскаго монастыря архіепископъ Давыдъ, желая сдѣлаться патріархомъ, съ помощію подарковъ, склонилъ на свою сторону хана Эриванскаго, который вооруженною рукою заставилъ армянское духовенство Эчміадзина избрать Давыда патріархомъ, что и было исполнено 28 апрѣля 1801 года. Основываясь на завѣщаніи, будто бы оставленномъ патріархомъ Іосифомъ въ пользу Давыда, завѣщаніи достовѣрность котораго засвидѣтельствовали подъ присягою четыре армянскихъ архіепископа, и полагая, что выборъ Давыда согласенъ съ желаніемъ всего армянскаго народа, Русское правительство признало его патріархомъ. Происки Давыда скоро обнаружились.—Завѣщаніе патріарха Іосифа оказалось ложнымъ, и вскорѣ наше правительство узнало, что народъ армянскій желаетъ имѣть патріархомъ Даніила.

Императоръ Александръ, руководствуясь тѣмъ, чтобы католикосъ армянскій въ Эчміадзинѣ, какъ главная духовная особа, былъ избранъ дѣйствительно волею армянскаго народа, безъ малѣйшаго посторонняго вмѣшательства, согласился на признаніе патріархомъ Даніила. Вторично избранный па-

тріархомъ архіепископъ Даніилъ, былъ также утвержденъ и баратомъ (указомъ) порты оттоманской.

Находясь въ то время въ Баязетѣ, Даніилъ могъ попасть въ Эчміадзинъ только черезъ владѣнія хана эриванскаго. Кнорринтъ писалъ Магомадъ-хану объ утвержденіи Даніила патріархомъ и просилъ его не только дозволить ему пройти въ Эчміадзинъ, но и способствовать къ его возведенію и утвержденію на патріаршемъ престолѣ (1).

Эриванскій ханъ мало того что не содѣйствовалъ пріѣзду патріарха Даніила, находившагося уже въ Ючь-Калисскомъ монастырѣ въ Арменіи, но напротивъ того принялъ всѣ мѣры, чтобы Даніилъ не могъ сноситься съ Россіею.

Магомадъ ханъ въ тоже время собралъ войска, на случай движенія нашего къ Эривани, и рѣшился противиться даже и въ томъ случаѣ, если бы наше правительство захотѣло силою водворить Даніила въ Эчміадзинѣ (2).

Кнорринтъ писалъ хану, что признаніемъ Даніила, и возведеніемъ на патріаршій престолъ, Магомадъ-ханъ заслужитъ расположеніе Императора Александра и докажетъ свою приверженность къ Россіи. Эриванскій ханъ, увѣряя, что онъ искренно преданъ Россіи, удивлялся тому, что его просятъ за обоихъ архіепископовъ. Ханъ ссылался на бывшаго правителя Грузіи Коваленскаго, отъ котораго имѣлъ нѣсколько писемъ въ пользу Давыда.—Коваленскій увѣдомлялъ эриванскаго хана, что онъ правитель всѣхъ тамошнихъ дѣлъ и просилъ хана по всѣмъ вопросамъ и дѣламъ ни къ кому кромѣ его не обращаться.

Пользуясь этимъ ханъ отзывался тѣмъ, что не знаетъ кому вѣрить: Каваленскому или Кнорринту, и просилъ, для разъясненія и опредѣленія дѣйствительнаго желанія нашего правительства, прислать грамоту на имя хана, отъ самаго Императора Александра.

Пока велись переговоры Даніилъ былъ въ бѣдственномъ положеніи. Въ началѣ ноября пріѣхалъ въ Тифлисъ, посланный патріархомъ Даніиломъ, армянскій архіепископъ Мина съ „муромъ“, для раздачи его въ армянскихъ монастыряхъ и церквахъ находившихся въ Грузіи. Онъ сообщилъ, что патріархъ Даніилъ, живя въ Ючь-Калисскомъ монастырѣ,

(1) Письма Кнорринга къ хану Эриванс. 16 апрѣл. и 13 іюля Т. А. К. Н.

(2) Донес. Соколова Гр. Воронцову 20 нояб. 1802 г. Арх. М. И. Д. 1—5. № 1

былъ притѣсняемъ съ двухъ сторонъ: ханомъ Эриванскимъ и Давыдомъ. Послѣдній завладѣвъ всѣми сокровищами Эчміадзинскаго монастыря, разсылалъ ихъ на подарки Баба-Хану и хану эриванскому, старясь склонить ихъ на свою сторону.

Армянское духовенство не расположенное къ Давыду, было изтязуемо и народъ обложенъ насильственною податью, назначенною для содержанія Давыда. Магомадъ-ханъ, уговоренный Давыдомъ, приглашалъ Даніила въ Эчміадзинъ, съ цѣлію какъ оказалось въ послѣдствіи, умертвить его на дорогѣ въ своихъ владѣніяхъ. По просьбѣ того же Давыда Эриванскій ханъ отправилъ въ Константинополь посольство, съ большими подарками, для исходатайствованія у порты оттоманской уничтоженія барата даннаго на имя Даніила, и объ утвержденіи на патріаршествѣ Давыда.

Баязетскій паша потребовалъ къ себѣ Даніила изъ Ючь-Калисскаго монастыря въ Баязетъ, и объявилъ ему, что цареградскій патріархъ армянскаго народа Григорій свергнутъ; что фирманомъ утвержденъ на санъ патріаршій въ Эчміадзинѣ Давыдъ, и что онъ получилъ повелѣніе порты оттоманской передать Даніила въ руки хана эриванскаго.

Все это вскорѣ и было дѣйствительно исполнено, хотя никакого фирмана отъ султана получено не было. Даніилъ, переданный въ руки Магамадъ хана, поселенъ сначала въ самой Эривани, а потомъ отданъ во власть Давыда и посланъ въ Эчміадзинъ.

Генералъ Лазаревъ требовалъ признанія Даніила патріархомъ и послалъ письмо къ хану Эриванскому. Посланный Лазарева пріѣхалъ одновременно съ посланнымъ отъ Коваленскаго, дѣйствовавшаго черезъ армянина Бегтабегова, того самаго, съ которымъ Коваленскій былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Бегтабеговъ, уѣздный казначей Тифлиса, обогащавшій себя и карманъ Коваленскаго, писалъ къ эриванскому медику Абраму, и между прочимъ сообщалъ: что утвержденіе Даніила въ патріархи не составляетъ вовсе желанія нашего правительства, „что Государевой воли на то нѣтъ“; а что это только происки и хлопоты тифлисскаго архіепископа Іоанна. Положеніе Даніила послѣ того значительно ухудшилось, тѣмъ болѣе, что между его противниками и правите-

лемъ Грузіи завязалась тайная переписка и работы въ пользу Давыда.

Жившій въ Тифлисѣ въ званіи архіепископа, „отъ лже-патріарха“ Давыда, архимандритъ Карапетъ, черезъ того же Бегтабегова, передалъ князю Герсевану Чавчавадзеву бумаги, для отправленія къ Высочайшему двору, и письма отъ Давыда.

Ночью 11-го декабря 1802 г. получено свѣдѣніе, о томъ, что къ Карапету пріѣхалъ отъ Давыда діаконъ съ новыми письмами и бумагами. Армянскій архіепископъ Іоаннъ просилъ Коваленскаго объ отобраніи этихъ бумагъ, что и было исполнено въ туже ночь тифлисскимъ комендантомъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Іоанномъ. Запечатавши въ одинъ пакетъ и приложивъ къ нему свою печать, Іоаннъ передалъ ихъ коменданту для храненія.

— Что мнѣ дѣлать теперь съ ними? спрашивалъ Іоаннъ на слѣдующее утро Соколова (1).

— Ѣхать сію-же минуту къ правителю (Коваленскому), отвѣчалъ тотъ, и просить что бы пакетъ съ перехваченными бумагами, вашими печатями запечатанный, былъ при васъ у правителя распечатанъ.

Іоаннъ отправился къ Коваленскому, а послѣ обѣда возвратился опять къ Соколову, и разсказывалъ ему что когда онъ пріѣхалъ къ правителю, то тотъ не хотѣлъ его принимать и просилъ пріѣхать на слѣдующій день. Іоаннъ требовалъ непремѣннаго свиданія и Коваленскій долженъ былъ согласиться.

Принимая архіепископа въ своемъ кабинетѣ, Коваленскій спрашивалъ о причинѣ его пріѣзда. Іоаннъ просилъ распечатать при немъ тѣ бумаги Давыда, которыя были отобраны отъ Карапета. Коваленскій указалъ на свой столъ, на которомъ бумаги эти лежали уже распечатанными. Ненайдя тамъ двухъ писемъ адресованныхъ къ князю Соломону Аргутинскому-Долгорукову, и армянину Ивану Бегтабегову, архіепископъ сказалъ о томъ Коваленскому. Коваленскій отпирался и увѣрялъ Іоанна въ томъ, что писемъ къ этимъ лицамъ вовсе не было въ запечатанныхъ бумагахъ.

(1) Соколовъ былъ посланъ въ Имеретію по дѣлу объ освобожденіи Царевича Константина и временно находился тогда въ Тифлисѣ.—Арх. М. И. Д. 1—5, № 1.

— Такъ какъ всѣ бумаги, говорилъ Іоаннъ Коваленскому, были пересмотрѣны мною у Карапета, въ присутствіи полицейскаго чиновника, и запечатаны моею печатью, то приличіе требовало бы въ присутствіи моемъ ихъ и распечатать; тогда, конечно, я бы нашелъ тутъ же и недостающіе два письма.

При этомъ архіепископъ высказалъ Коваленскому свое удивленіе, относительно путешествія въ Эчміадзинъ и обратно въ Тифлисъ, того самаго діакона, который привезъ письма къ Карапету. Іоаннъ напомнилъ правителю, что Коваленскій самъ приказалъ коменданту содержать этаго діакона подъ арестомъ, по представленію того же Іоанна, за неповиновеніе и участіе въ тайномъ возмущеніи народа къ непризнаванію Даніила законнымъ патріархомъ.

— Я выпустилъ его изъ сожалѣнія, отвѣчалъ шуткою Коваленскій.

— Съ какимъ же видомъ и пропускомъ онъ выѣхалъ изъ Тифлиса и опять сюда возвратился? спрашивалъ Іоаннъ.

Коваленскій не отвѣчалъ; спросили діакона тотъ показалъ билетъ выданный ему Коваленскимъ до Константинополя, въ которомъ было прописано: „*что діаконъ Степанъ, цареградскій житель, возвращается въ свое отечество*“.—По предъявленіи этаго билета Коваленскому, онъ разорвалъ его и бросилъ въ каминъ.

Архіепископъ Іоаннъ упрекалъ Коваленскаго въ несправедливости имъ сдѣланной и обвинялъ въ поступкахъ противныхъ Высочайшей волѣ.

„Правитель симъ огорчился и требовалъ отъ архіепископа объясненія дерзости сей, который не обинуясь представилъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ письменно относился съ просьбою, чтобы, по его внутреннему въ Грузіи начальству, повелѣно было армянскому духовенству въ Грузіи обитающему, быть въ полной отъ его архіепископа зависимости и повиновеніи, какъ викарія патріарха Даніила, Высочайшею Его Императорскаго Величества грамотою въ санѣ семъ утвержденнаго“.

Іоаннъ напоминалъ Коваленскому, о рѣшеніи Императора Александра, сообщенномъ какъ ему, такъ и всѣмъ пограничнымъ начальникамъ, чтобы армянское духовенство не пропускать черезъ границы иначе какъ съ письменными видами отъ патріарха.

— Что съ остальными бумагами дѣлать? спрашивалъ въ отвѣтъ на все это Коваленскій.

Іоаннъ просилъ передать ихъ ему, для отправленія въ С. Петербургъ, къ Ефрему епархіальному архіепископу всѣхъ армянъ обитавшихъ въ Россіи. Коваленскій не согласился однако-же на это, а отдалъ ихъ коменданту, своему родному племяннику, для прочтенія ихъ вмѣстѣ съ Іоанномъ.

Въ этихъ бумагахъ было возваніе Давыда, въ которомъ тотъ увѣряя, что въ Константинополѣ употребляются „сильнѣйшія“ ходатайства, для удержанія его Давыда въ санѣ патріарха; просилъ „все общество армянъ въ Грузіи обитающихъ, не впадать въ заблужденіе отъ злыхъ внушеній Даніила, посредствомъ архіепископовъ Іоанна и Мина дѣлаемыхъ, но употреблять съ своей стороны старательство у Высочайшаго двора Россійскаго, дабы онъ Давыдъ получилъ отъ онаго утвержденіе.“

— Какое употребленіе изъ этихъ бумагъ сдѣлаете вы теперь? спросилъ Іоаннъ коменданта.

— Такъ какъ правительству, отвѣчалъ тотъ, извѣстно ихъ содержаніе, то можно раздать по адресамъ.

— Конечно вы избираете самый лучшій способъ, для произведенія явнаго возмущенія въ народѣ, который и такъ уже въ расколѣ.—По мнѣнію моему, бумаги эти должно сохранять правительство, если не угодно отдать ихъ мнѣ, до тѣхъ поръ пока послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе на признаніе нынѣшняго лжепатріарха Давыда, законнымъ патріархомъ.

Комендантъ согласился и бумаги были отнесены опять къ Коваленскому для храненія.

„Архіепископъ мнѣ признался, пишетъ Соколовъ, въ своемъ опасеніи, чтобы сіи возмутительныя бумаги, старательствомъ князя Аргутинскаго и армянина Бегтабегова, не были дѣйствительно выпущены въ народъ. Хотя я его и старался увѣрить о невозможности того, но мысленно согласуюсь, что сіе быть можетъ, основываясь на подозрительномъ поступкѣ правителя, что онъ распечаталъ, въ отсутствіе архіепископа, конвертъ съ бумагами, самъ отдалъ письма князю Аргутинскому и армянину Бегтабегову, какъ уже то извѣстно по разглашенію ихъ самихъ, въ томъ смыслѣ, что они будучи сильно покровительствуемы правителемъ,—презираютъ слѣдствіе дѣйствій враговъ Давыда“.

Такимъ образомъ къ концу 1802 г. патріархъ Даніилъ, не смотря на всѣ усилія еще не былъ въ главѣ армянскаго духовенства, оставаясь въ Эчміадзинѣ, въ весьма затруднительномъ положеніи, и во власти хана эриванскаго.

Въ инструкціи, которую кн. Циціановъ получилъ при отправленіи его главноуправляющимъ въ Грузію, сказано было относительно армянскаго патріарха Даніила: „изслѣдовать на мѣстѣ о всѣхъ обстоятельствахъ раздѣленій, такъ сказать, всей націи армянской между партіей Даніила и патріарха Давыда его соперника".

Народъ армянскій въ Грузіи дѣйствительно былъ болѣе преданъ патріарху Даніилу нежели къ лже-патріарху Давыду. Сторону послѣдняго поддерживалъ одинъ только кн. Аргутинскій, который по родству и по богатству своему имѣлъ нѣсколько сообщниковъ. Причина его преданности къ Давыду была та, что послѣ смерти своего дяди, они вмѣстѣ съ Давыдомъ расхитили большую часть сокровищъ принадлежавшихъ Эчміадзинскому монастырю.

По прибытіи въ Георгіевскъ, кн. Циціановъ узналъ, что происки сообщниковъ Давыда, и можетъ быть и денежный подкупъ, заставили эриванскаго хана взять Даніила подъ стражу и содержать его „въ жестокой неволѣ". „Я тотчасъ отправилъ, доносилъ онъ Императору Александру, предварительное извѣщеніе отъ себя хану эриванскому, настаивалъ объ освобожденіи патріарха Даніила и присовокупилъ, что за таковой дерзкій поступокъ дастъ онъ отвѣтъ не словесный и не письменный, но на самомъ дѣлѣ, и что будетъ самъ раскаяваться о несовмѣстномъ упорствѣ своемъ (1)".

Эта угроза такъ подѣйствовала на хана, что Даніилъ немедленно былъ освобожденъ и по пріѣздѣ кн. Циціанова въ Тифлисъ, онъ получилъ уже отъ него письмо, которымъ тотъ, благодаря за ходатайство, извѣщалъ главнокомандующаго о своей свободѣ.

6-го февраля, кн. Циціановъ отправилъ къ эриванскому хану съ грамотою, министерства Императорскаго двора, графа Воронцова, квартирмейстерской части капитана Чуйку и князя Томаса Орбеліанова.

Главнокомандующій въ тоже время писалъ хану эри-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 19 февраля 1803 г. Ар. Мин. Внут. Дѣлъ, по депар. общ. дѣлъ дѣла Грузіи ч. II.

ванскому письмо, въ которомъ просилъ его употребить свое содѣйствіе къ утвержденію католикоса Даніила въ санѣ армянскаго патріарха, нынѣ ему дарованномъ двумя Императорами и тѣмъ отвратить гнѣвъ *отъ Сѣвера и Востока*, за противуположный сему поступокъ. „Послѣ гласа и воли, писалъ онъ ему между прочимъ, столь высокомочныхъ повелителей, да умолкнутъ разные толки пресмыкающихся ихъ подданныхъ, кои можетъ быть доселѣ и ваше высокостепенство поставляли въ недоразумѣніе, о возстановленіи котораго идетъ дѣло".

7-го марта посланные возвратились изъ Эривани и привезли отъ Магомадъ-хана эриванскаго, князю Циціанову, письмо наполненное надменностію, и въ которомъ онъ отказывался выполнить просьбу о признаніи и возведеніи на армянское патріаршество Даніила. Этотъ отказъ крайне удивилъ князя Циціанова. По мнѣнію его такое явное, какъ онъ выразился, „*ослушаніе*", оставшись безъ наказанія, могло ослабить вліяніе пріобрѣтенное нами силою оружія. По этому главнокомандующій былъ намѣренъ, какъ только гористыя мѣстоположенія, лежащія на пути къ Эривани, обнажатся отъ снѣговъ ихъ покрывающихъ, идти въ Эривань съ 6-ю баталіонами, возвести Даніила на патріаршескій престолъ, наказать упорство Магомадъ-хана и оставить тамъ гарнизонъ, если только тамошнее армянское купечество согласится, какъ обѣщало, продовольствовать его провіантомъ.

„Смѣю сказать, доносилъ князь Циціановъ Государю Императору (1), что три полка комплектныхъ пѣхоты, одинъ полкъ регулярной кавалеріи, въ пополненіе войскъ въ распоряженіи моемъ находящихся, и 100 т. руб. ввѣренныхъ мнѣ на чрезвычайные и непредвидѣнные расходы, поставили бы меня въ положеніе дѣйствовать наступательно, и по благоуспѣшномъ покореніи Эривани, пройти въ Нахичевань, а оттуда въ Шушу, и тѣмъ самымъ изъ предполагаемаго занятія границъ по Куру и Араксъ восполнить главную часть со стороны Персіи, въ теченіи сей же кампаніи. Къ сему не мало способствовать можетъ покореніе Бѣлоканъ, яко неприступнаго Лезгинскаго убѣжища, о взятіи коего слухъ вмѣстѣ со страхомъ разнеслись уже въ Персіи и по всему Дагестану".

(1) Донесеніе отъ 12 марта 1803 г. Ар. М. И. Д. 1—13, 1803—5, № 1.

Хотя канцлеръ сообщилъ на это князю Циціанову, что просьбы его будутъ исполнены, какъ относительно усиленія его войсками, такъ и присылки ему денегъ (1); но дѣла приняли другой оборотъ. Удачное дѣйствіе русскихъ войскъ противъ Джаро-Бѣлоканцевъ побудило хана эриванскаго склониться на требованіе князя Циціанова, относительно признанія Даніила патріархомъ, что и лишило главноуправляющаго повода къ начатію военныхъ дѣйствій противу хана.

„Запутанные дѣла по внутреннему управленію Грузіею, писалъ онъ канцлеру (2), были причиною моего доселѣ бездѣйствія, а паче слѣдствіе надъ бывшимъ правителемъ Коваленскимъ, котораго медленность и даже упорство отвѣчать мнѣ надлежащимъ образомъ, продержали меня сверхъ моего чаянія до средины лѣта въ Тифлисѣ.

„По отправленіи сего курьера выступлю я въ экспедицію на Ганжу, и, смотря по обстоятельствамъ, на Эривань, ибо эриванскій ханъ, чувствуя вину своего ослушанія, прислалъ ко мнѣ посланца съ письмомъ, и кажется имѣетъ намѣреніе выполнить Высочайшую волю, возведеніемъ на эчміадзинскій патріаршій престолъ армянскаго патріарха Даніила, а какъ предлогъ покушенія моего на Эривань есть невыполненіе объявленнаго ему Высочайшаго повелѣнія, то въ случаѣ исполненія онаго, въ кратчайшемъ времени, найдуся я въ необходимости, для сохраненія довѣренности къ намъ отъ сосѣднихъ народовъ, отсрочить сію экспедицію на Эривань до удобнаго случая“.

---

(1) Отношеніе отъ 4 мая 1803 г. Ibid.

(2) Отъ 27 іюня 1803 г. № 495. Ар. М. И. Д. 1—13, 1803—5, № 1.

ГЛАВА VIII.

Предположеніе кн. Циціанова о заведеніи въ Грузіи суконныхъ и кожевенныхъ фабрикъ.—Проектъ устройства дорогъ.—Мѣры къ образованію въ Грузіи.—Типографія, устроенная царемъ Ираклiемъ.—Замѣна податей сырыми произведеніями, денежною и хлѣбною.—Учрежденіе таможенныхъ заставъ.—Эпидемическая болѣзнь въ Тифлисѣ и окрестностяхъ и мѣры къ ея прекращенію.

Расходы на доставку съ Кавказской линіи предметовъ довольствія войскъ, перевозка которыхъ въ Грузію была чрезвычайно затруднительна, вслѣдствіе неустройства дороги, проходившей чрезъ Кавказскія горы, заставили князя Циціанова искать средствъ къ устраненію этихъ затрудненій. Считая устройство и приведеніе дороги въ хорошее состояніе исполненіемъ, требующимъ слишкомъ продолжительнаго времени, онъ пришелъ къ заключенію, о необходимости устроить въ Тифлисѣ фабрики: суконную и кожевенную, на счетъ суммъ коммисаріатскаго вѣдомства.

Фабрики предполагалось устроить всего на три стана мастеровыхъ; станки сдѣлать въ Грузіи, кромѣ бердъ и другихъ частей, которыя должны быть присланы изъ Россіи, откуда также должны быть присланы прядильныя машины и мастера для производства работъ. Князь Циціановъ полагалъ, что къ этимъ мастерамъ дворянство грузинское дастъ учениковъ, которые со временемъ могли бы замѣнить ихъ.

Съ усовершенствованіемъ фабрикъ и съ размноженіемъ ихъ, при дешевизнѣ шерсти въ Грузіи, цѣнность которой доходила до 8 коп. за фунтъ, представилась бы возможность снабжать сукнами этихъ фабрикъ войска, расположенныя не только въ Грузіи, но и на кавказской линіи, что значительно сохранило бы расходы на перевозку суконъ, доставляемыхъ изъ Москвы.

Кожевенныя фабрики главноуправляющій полагалъ возможнымъ устроить еще удобнѣе и легче, чѣмъ суконныя,

такъ какъ скотоводство составляло одно изъ главнѣйшихъ производствъ и богатствъ страны. Что же касается рубашечнаго холста, то хотя на пробу и приказано было раздать всѣмъ нижнимъ чинамъ по одной рубашкѣ, изъ тамошней, такъ называемой, бязи (бумажнаго холста), но князь Цицiановъ сомнѣвался въ томъ, чтобы этотъ холстъ могъ быть введенъ въ употребленіе, потому что солдатъ, не привычный къ бумажному холсту, долженъ былъ чувствовать въ немъ большую разницу съ льняным, и особенно потому, что, при употребленіи этого холста, испареніе тѣла бываетъ гораздо сильнѣе. При томъ же, получивъ свѣдѣніе, будто въ Грузіи есть самородный ленъ, князь Цицiановъ, полагая поощрять жителей къ его обработыванію, разсчитывалъ, въ случаѣ успѣха этого производства, получать изъ Россіи одно только фламское полотно (1).

Предположеніе главноуправляющаго объ устройствѣ фабрикъ не было приведено въ исполненіе, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, чтобы операцію эту отложить до времени (2).

Несогласіе нашего правительства, на устройство фабрикъ въ Грузіи, заставило князя Цицiанова, въ видахъ экономическихъ, заняться изысканіемъ средствъ для улучшенія столь необходимаго сообщенія Грузіи съ Кавказскою линіею. Улучшеніе пути, сколько было необходимо для уменьшенія расходовъ по перевозкамъ, столько же и для обезпеченія самыхъ транспортовъ отъ расхищенія и грабежа. Главное затрудненіе въ устройствѣ прочной и хорошей дороги, проходящей черезъ Кавказское ушельѣ и отъ него черезъ Кайшаурскую гору до Душета (3), состояло въ томъ, чтобы въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ, въ два разныя времени года, т. е. осенью и весною, начать и окончить всю предполагаемую работу. Безъ этой мѣры разлитіе водъ и необычайное стремленіе ихъ, начинающееся съ іюня и продолжающееся до половины августа, могло уничтожить до основанія всю неоконченную работу цѣлаго года.

По представленному проекту предполагалось, для обезпеченія и безопасности пути, построить земляныя укрѣпленія

(1) Рапортъ кн. Цицiанова воен. министру 9-го февр. 1803 г. Тиф. Арх. Корп. Деж. Глав. Шт. кав. арміи.

(2) Отношеніе воен. министра кн. Цицiанову 10-го марта 1803, № 114. Ibid.

(3) См. приложеніе № 9.

на двѣ роты въ с. Малой Кабардѣ и на рѣкѣ Комбулаѣ. Возобновить Владикавказскую крѣпость и построить тамъ казармы для одного баталіона.

Въ Балтѣ, при началѣ Кавказскаго ущелья, сдѣлать редуть и казармы на одну роту; въ Ларсѣ на одну роту, а въ Дарiялѣ возобновить замокъ и содержать постъ изъ 40-а человѣкъ. Такимъ образомъ, на 108-ми верстномъ протяженіи, предполагалось устроить 6 различнаго рода укрѣпленій. Безъ такого военнаго обезпеченія, дорога не могла быть безопасна, отъ Моздока до Владикавказской крѣпости, потому что къ ней прилегали владѣнія Чеченцевъ и Ингушевцевъ, а въ ущельѣ жили Тагаурцы. Хотя народы эти и обѣщали согласиться на предложеніе составить изъ нихъ военную команду, на положеніи Донскихъ казаковъ, но довѣрять имъ, безъ военныхъ предосторожностей, было невозможно, тѣмъ болѣе, что по заключенному съ ними постановленію, имъ дозволено было взимать, съ проѣзжающихъ купцовъ и коммисаріатскихъ транспортовъ, пошлины по ихъ произволу, которыя иногда доходили до весьма значительныхъ размѣровъ.

Кромѣ того такое военное обезпеченіе полезно было потому, что Чеченцамъ, андреевскимъ жителямъ и всему Дагестану, этимъ путемъ уничтожалась возможность водить плѣнниковъ въ Анапу для продажи; что купеческіе транспорты могли ходить безопасно; торговыя операціи могли въ короткое время увеличиться, и тѣмъ уменьшить непомѣрную дороговизну, существовавшую тамъ на всѣ предметы.

Приведеніе однако же этой дороги въ такое положеніе, чтобы по ней могли удобно двигаться войска, артиллерія и обозъ, по мнѣнію князя Циціанова могло стоить не менѣе какъ 200 т. руб. „Но не смотря на толь знатную сумму, доносилъ онъ (1), для сбереженія казны и для государственной пользы, существованіе сего пути сопряжено съ необходимостію, ибо за одно доставленіе изъ Моздока въ Грузію, по коммисаріатской части для здѣшнихъ войскъ, аммуниціи и снарядовъ для артиллеріи, издерживаемо бываетъ ежегодно до 50 т. руб., слѣдовательно въ 10 лѣтъ составитъ 500 т. руб., изъ коихъ, обративъ половину на устроеніе дороги, издержанная сумма въ непродолжитель-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. отъ 26-го февр. 1803 г.

помъ времени, съ пользою казенною очистится, не упоминая о дальновидныхъ пользахъ торговли, долженствующихъ неминуемо доставить Россіи въ послѣдствіи времени, при свободномъ сообщеніи съ Персіею, нарочитое приращеніе".

Главноуправляющій просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Императора Александра о дозволеніи путь этотъ украситъ его именемъ, и назвать его „*Александровымъ путемъ*".

„Къ сему источнику чести, писалъ онъ, для каждаго россіянина, присоединяется еще и то немаловажное политическое обстоятельство, что впечатлѣніе величественныхъ именъ и знаменитыхъ предметовъ на азіатскіе умы сильно дѣйствующіе, убѣждая горскіе народы въ мнѣніи о могуществѣ Россійской Имперіи, безъ сомнѣнія сопровождаемо будетъ еще многими въ пользу нашу предубѣжденіями и достовѣрно сею вожделѣнною для насъ мыслею, что Ваше Императорское Величество благоволите когда либо удостоить сей край высокимъ вашимъ посѣщеніемъ".

„Предположеніе ваше, отвѣчалъ на все это Императоръ Александръ, (1) объ установленіи обезпеченной дороги, ведущей съ Кавказской линіи въ Грузію, служитъ для меня новымъ доказательствомъ дѣятельной попечительности вашей. Польза, которую вы тутъ усматриваете, рѣшила бы меня тотчасъ привести сіе въ дѣйство, если бы чрезвычайныя издержки, кои въ нынѣшнемъ году сдѣланы уже были и еще сдѣлаться могутъ, въ случаѣ весьма вѣроятномъ, большей запутанности дѣлъ нашихъ съ дворомъ Стокгольмскимъ, не понуждали меня отложить исполненіе представленнаго вами плана до другаго времени и первой возможности какая встрѣтиться можетъ. Между тѣмъ, одобряя планъ сей вообще, я одно только именованіе сего пути, съ позволенія вашего, отмѣняю".

Вообще, относительно проведенія дорогъ князь Циціановъ употреблялъ всѣ усилія къ ихъ улучшенію. Трудами войскъ и частію мѣстныхъ жителей онъ успѣлъ провести дорогу изъ укрѣп. Сурама до Кутаиса столицы Имеретіи на протяженіи 100 верстъ черезъ горы и весьма густые лѣса. Дорога эта открыла свободное сообщеніе съ Имеретіею и Мингреліею (2).

(1) Рескриптъ 31 марта 1803 г. Т. А. К. П. См. приложеніе № 10.
(2) Жизнь кн. Цицианова. Москва 1823 г.

Заботясь о проведеніи дорогъ и путей, ведущихъ изъ Россіи въ Грузію, князь Циціановъ не забывалъ и главнаго пути, могущаго связать ближе Россію съ Грузіею, пути къ просвѣщенію ея народа, стоявшаго на весьма низкой степени образованности.

Зная недостатокъ въ Грузіи медицинскихъ чиновъ и недовѣріе мѣстныхъ жителей къ русскимъ медикамъ, князь Циціановъ просилъ позволенія выбрать изъ армянъ, а также, если найдется, изъ бѣдныхъ грузинскихъ дворянъ, нѣсколько лицъ, и, съ ихъ согласія, отправить въ московскій университетъ, для занятій въ медицинскомъ факультетѣ на казенный счетъ (1).

Получивъ разрѣшеніе отправить въ московскій университетъ желающихъ себя посвятить медицинѣ, (2) главноуправляющій сталъ думать о приведеніи въ исполненіе плана, касающагося до распространенія общаго образованія въ занятой странѣ, и объ устройствѣ училищъ въ Грузіи.

По донесенію бывшаго правителя Грузіи Коваленскаго (3), въ Тифлисѣ было открыто училище еще 22 сентября 1802 г. и въ немъ оказалось желающихъ учиться 45 мальчиковъ. Коваленскій написалъ „правила для учащихъ и учащихся“ и раздѣлилъ ихъ на 26 пунктовъ. Широкая русская натура высказалась въ этихъ правилахъ. Грубыхъ и необразованныхъ мальчиковъ хотѣли сразу сдѣлать не только грамотными, но и знающими геометрію, географію, исторію и другіе предметы. Вмѣстѣ съ азбукой и паралельно съ нею читались и эти предметы; отъ этого на бумагѣ выходило много и гладко, а на дѣлѣ ничего.

Всѣ ученики были приходящими, а учителями назначены канцелярскіе служители. Коваленскій думалъ, что однимъ почеркомъ пера можно всю Грузію сдѣлать образованною. Въ правилахъ своихъ онъ расписалъ, какъ каждый учитель долженъ слѣдить за учениками и преподавать, а ученикамъ, жившимъ въ своихъ домахъ у родителей и родственниковъ, въ тѣхъ же правилахъ назначилъ когда вставать, какъ мыться, чесаться и Богу молиться, и какъ

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 19 февраля 1803 г. Т. А. К. Н.

(2) Высочайшій указъ 14 сентября 1803 г.

(3) Рапортъ Коваленскаго Кноррингу 26 сентября 1802 г. № 1338. При рапортѣ этомъ приложено было и самое положеніе объ училищѣ, вмѣстѣ съ правилами для учениковъ.

идти въ классъ; доказывалъ, что ученику идущему въ классъ необходима книга и перо, и доказательство свое очень неудачно подкрѣплялъ тѣмъ, что ученикъ безъ книги и пера все равно что солдатъ безъ ружья (1).

Не довольствуясь малымъ хотѣли многаго; не довольствуясь на первый случай одною грамотностію, хотѣли сдѣлать грузинъ прямо энциклопедистами или всего по немногу, а основательно—ничего. Головы дикихъ мальчиковъ начали набивать геометрическими фигурами и теоремами. Они перестали ходить; перестали ходить ихъ учителя, канцелярскіе служители, силою призванные къ педагогической дѣятельности. Училище само собою сократилось, и домъ, въ которомъ оно помѣщалось, отданъ былъ подъ военный постой.

Князь Цицiановъ, основываясь на донесеніи Коваленскаго Кнорингу, объ открытіи училищъ, полагалъ, что оно существуетъ, но пріѣхавъ въ Тифлисъ, онъ не нашелъ ни учителей, ни учениковъ, ни самаго помѣщенія „и такимъ образомъ, писалъ онъ (2) министру народнаго просвѣщенія графу Заводовскому, радость мнѣ о просвѣщеніи отечества предковъ моихъ и благородное грузинское училище, нарочно основанное, мгновенно уничтожились. При многочисленныхъ занятіяхъ начальство мое въ краѣ семъ обремѣняющихъ, обдумывалъ я средство о приведеніи сего училища не въ умственное, а дѣйствительное существованіе".

„Изъ подносимаго при семъ всеподданѣйшаго рапорта, съ присовокупленіемъ проэкта о учрежденіи училища, ваше сіятельство усмотрѣть изволите предположенія мои въ пользу просвѣщенія грузинскаго дворянства, съ котораго, по мнѣнію моему, начать должно, прежде народа, ибо сей находится еще почти въ дикомъ состояніи".

Главноуправляющій просилъ, о присылкѣ ему двухъ учителей русскаго языка, о доставленіи книгъ издаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и о разрѣшеніи отправлять въ московскій университетскій пансіонъ ежегодно по 8-ми человѣкъ грузинъ.

Въ тоже самое время князь Цицiановъ доносилъ Императору Александру: „Необходимая нужда въ Россійскомъ языкѣ, писалъ онъ, (3) въ той землѣ, гдѣ на оном отправляет-

(1) См. Правила для учениковъ. Тф. Арх., Кан., Намѣс.
(2) Отношеніе отъ 27 іюня 1803 г. № 1360.
(3) Рапортъ Г. И. отъ 27 іюня 1803 г. Т. А. К. Н.

ся судопроизводство; недостатокъ въ переводчикахъ и крайнее невѣжество здѣшняго дворянства, даже до того, что большая часть онаго не знаетъ природнаго своего языка по правиламъ, побудили меня приступить дѣятельнымъ образомъ къ преподанію способовъ относительно введенія въ Грузію первыхъ лучей просвѣщенія, буде не вообще народнаго, то хотя здѣшняго дворянства, дабы по крайней мѣрѣ поколѣніе, въ отроческихъ лѣтахъ нынѣ пребывающее, вкусило блаженство Россійскимъ правительствомъ для онаго уготовляемое. Въ слѣдствіе чего принялъ я смѣлость предначертать путь къ первоначальному основанію просвѣщенія, назначая изъ доходовъ имѣющихъ поступить за выручаемый шелкъ съ чарской провинціи, въ дань Грузіи приносимой, 10.000 руб.—Расположеніе и употребленіе коихъ имѣю счастіе представить въ подносимомъ при семъ проэктѣ (1). И такимъ образомъ пріобрѣтенное силою побѣдоноснаго Россійскаго оружія, сообразно милосерднымъ предначертаніямъ Вашего Императорскаго Величества, обратится ко благу человѣчества и на пользу народнаго просвѣщенія. Поелику же упомянутая дань поступитъ въ доходъ не прежде, какъ въ августѣ и ноябрѣ нынѣшняго года, въ два срока распредѣленная, то я нахожусь принужденнымъ заимствовать на счетъ оной нѣкоторую сумму, на необходимыя начальныя издержки, изъ экстроординарной суммы въ вѣдомствѣ моемъ состоящей, кои при первой выручкѣ денегъ за шелкъ имѣютъ пополниться въ исправности. Будучи въ удостовѣреніи, что такое распоряженіе мое, къ общему благу клонящееся, и казну не обременяющее, не можетъ быть противно воли Вашего Императорскаго Величества, я приступилъ уже къ приведенію плана сего въ надлежащее исполненіе".

Указомъ 8 августа 1803 года предположеніе объ открытіи училища было одобрено (2).

Вновь устроенному училищу отдано было, по распоряженію главноуправляющаго, находившаяся въ Тифлисѣ типографія, заведенная попеченіемъ царя Ираклія II.

Царь Ираклій, желая имѣть въ Тифлисѣ типографію, выписалъ изъ Константинополя мастера, который привезъ съ собою нѣкоторыя необходимыя для типографіи инстру-

(1) См. приложеніе № II.
(2) См. П. С. З. т. XXVII.

менты. Въ Тифлисѣ, на царскій счетъ, построенъ былъ для типографіи домъ, и куплены доски, свинецъ и бумага. Сверхъ того отданы были въ типографію нѣкоторые инструменты оставшіеся еще со временъ царей: Вахтанга, Теймураза, а также сдѣланные при Ираклiѣ. Въ типографіи этой напечатано было нѣсколько церковныхъ книгъ.

Мастеръ, устроивавшій типографію, вскорѣ послѣ открытія оной былъ отпущенъ, и типографія осталась въ вѣдѣніи священника Христофора, который началъ печатать въ ней разныя книги. Но какъ царь Ираклій не находилъ прибыли отъ типографіи, то и остановилъ ея работы и отправилъ одинъ станокъ въ Эчміадзинъ патріарху армянскому. Устройство типографіи стоило до 20.000 руб. — При разореніи Тифлиса Агою-Магометъ-ханомъ, типографія была сожжена; мѣдныя формы 4-хъ образцовъ увезены были въ Ганжу, а одного образца достались жителю Тифлиса, который и представилъ ихъ впослѣдствіи опять царю Ираклію.

Возратившись въ Тифлисъ, царь Ираклій приказалъ нанять работниковъ и разрывъ мѣсто, гдѣ была типографія, привезти ему всѣ вещи, которыя будутъ найдены. Въ царствованіе Георгія XIII священникъ Христофоръ, собравъ всѣ вещи, принадлежавшія типографіи, взялся возстановить ее, на что и получилъ необходимыя деньги отъ царя Георгія и царевича Давыда. Кромѣ того привезено было для постройки много лѣсу изъ Нипоцминды и Марткоби. Устроенная имъ типографія и была передана княземъ Цицiановымъ въ вѣдѣніе училища (1).

Находя весьма затруднительнымъ и невыгоднымъ для казенныхъ крестьянъ сборъ съ нихъ подати натурою, князь Цицiановъ предписалъ всѣмъ исправникамъ собрать поступившихъ въ казенное вѣдомство старшинъ и мамасахлисовъ и объявить имъ, что подать, собираемая съ нихъ: виномъ, баранами, медомъ и проч. кромѣ хлѣба, для собственной ихъ выгоды и въ облегченіе затруднительнаго доставленія этихъ вещей, по Высочайшей волѣ отмѣняется, обращаясь въ подать денежную или хлѣбную, по среднимъ справочнымъ, самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, какъ они сами обложить, себя пожелаютъ. Предписано было при этомъ наблюдать, чтобы

(1) Изъ письма участвовавшаго въ работахъ по типографіи Давыда Карганова кн. Цицiанову 12 апрѣля 1803 г. Т. А. К. Н.

раскладку сбора дѣлали по селеніямъ, а не по дворамъ и чтобы каждое селеніе знало какую подать будетъ платить деньгами или хлѣбомъ и сколько именно (1). Въ то же време всѣ исправники получили приказаніе оказывать содѣйствіе и князьямъ грузинскимъ, при сборѣ ими повинностей, съ подвластныхъ имъ крестьянъ, и въ случаѣ упорства сихъ послѣднихъ, назначать военныя экзекуціи (2).

Руководствуясь мѣстнымъ положеніемъ съ цѣлію обезпечить тѣ стороны грузинскихъ предѣловъ, которыя были наиболѣе подвержены прилипчивымъ, наноснымъ болѣзнямъ, а при томъ, не желая упустить интересовъ казны, князь Циціановъ, пришелъ къ убѣжденію о необходимости учрежденія таможенныхъ и карантинныхъ заставъ, на дорогахъ имѣющихъ торговыя сообщенія съ побережьями Чернаго моря, или внутренними персидскими городами.—На первое время онъ полагалъ необходимымъ устроить ихъ въ 4-хъ мѣстахъ (3). 1-ю въ Сурамѣ отъ границы Имеретинской; 2-ю въ Цалкѣ, старой разворенной крѣпости, отъ Ахалцыха и Джевахетіи; 3-ю въ Бомбакской провинціи, въ селеніи Караклисѣ, противъ предѣловъ Карской и Эриванской областей и 4-ю въ Шамшадильской провинціи, въ удобнѣйшемъ мѣстѣ до разширенія границъ къ ханству Ганжинскому.—Моздокскія же таможенныя и карантинныя заставы, какъ внутреннія, предполагалось упразднить.

„Оставить въ Моздокѣ таможенную заставу, писалъ главноуправляющій, для одного торгу горскими народами производимаго, кромѣ маловажности онаго, почитаю я безвыгоднымъ и по слѣдующей причинѣ: что новыя выгоды имѣющія открыться горцамъ въ безпошлинной торговлѣ, простыми и малозначущими ихъ издѣліями, возрождая въ нихъ склонность къ промышленности, въ продолженіи времени сдѣлаются вѣрнѣйшимъ средствомъ къ обузданію дикости ихъ обычаевъ и къ смягченію нравовъ чрезъ частое сообщеніе съ Кавказскою линіею, а дабы закубанскіе народы, во зло употребляя симъ правомъ, даруемымъ въ пользу внутренней горской торговли, не могли дѣлать подрыва прочимъ таможеннымъ заставамъ, тайнымъ провозомъ товаровъ на линію изъ Анапы, то осмѣливаюсь

(1) Отношеніе кн. Цицианова ко всѣмъ исправникамъ 7 марта 1803 г.
(2) Предписаніе исправникамъ 21 марта.
(3) Рапортъ кн. Цицианова Г. И. 18 апрѣля 1803 г.

всеподданнѣйше представить мое мнѣніе о учрежденіи карантинной и таможенной заставъ въ Прочно-окопской крѣпости, въ которую по удобности разстоянія перевести можно изъ Моздока.—На построеніе карантинныхъ домовъ, таможенныхъ заставъ и прочихъ принадлежащихъ къ онымъ нужныхъ зданій, смотря по важности торговыхъ промысловъ въ каждомъ мѣстѣ производимыхъ, и по прямой въ оныхъ надобности, безъ смѣтъ по формѣ дѣлаемыхъ, но съ хозяйственнымъ попеченіемъ, полагаю я, что 10.000 руб., на устроеніе каждыхъ 2-хъ, въ одномъ мѣстѣ быть долженствующихъ, карантинной и таможенной заставы, достаточно будетъ, при разрѣшеніи, недостающее число денегъ на иждивеніе въ одномъ мѣстѣ, пополнять изъ остатковъ другаго, соображаясь съ удобностію доставленія и цѣнъ матеріаловъ: что и составитъ на четыре карантинныя и на четыре таможенныя заставы учреждаемыя въ Грузіи, 40.000 рублей, да на одну карантинную и таможенную заставу, въ Прочно-окопской крѣпости 10.000 руб., а всего 50.000 рублей единовременно".

Съ учрежденіемъ пограничныхъ таможенныхъ заставъ являлась необходимость уничтоженія внутреннихъ пошлинъ, до того времени существовавшихъ въ Грузіи. Эта главнѣйшая отрасль грузинскихъ доходовъ, заключавшая въ себѣ 15-ть различнаго рода откупныхъ статей, давала ежегодную цифру дохода около 45,019 руб. (1). Откупныя монополіи не могли быть полезны для страны. Препятствуя разширенію торговли и составляя единственный источникъ доходовъ, они были слишкомъ отяготительны для народа. Такъ какъ многія изъ этихъ статей отданы были уже на откупъ по 1-е января 1804 года, то открытіе таможенныхъ пограничныхъ заставъ и уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ, не могло имѣть мѣста прежде окончанія 1803 года.

Судя по производившейся въ то время въ Тифлисѣ торговлѣ, а тѣмъ болѣе при предполагаемыхъ улучшеніяхъ въ пользу внутренней промышленности, улучшеніяхъ долженствовавшихъ неминуемо привлекать въ Грузію азіатское купечество и увеличивать число переселенцевъ, можно было ожидать, что количество теряемаго казною внутренняго пошлиннаго дохода вознаградится съ лихвою пошлинами, собираемыми на пограничныхъ таможняхъ и другими источ-

(1) См. приложеніе № 12.

никами открывающимися вмѣстѣ съ вольною торговлею. При предполагаемомъ устройствѣ безопаснаго пути черезъ кавказское ущелье, „доставляющее средство россійскому купечеству къ свободному и безопасному сообщенію съ Грузіею“, какъ страною одаренною многими богатствами природы, еще болѣе можно было разсчитывать на увеличеніе доходовъ. Предполагаемыя мѣры къ улучшенію промышленности Грузіи были такъ очевидны, что никто не могъ сомнѣваться и отрицать полезности ихъ примѣненія къ дѣлу и приведенія въ дѣйствіе.

„Принявъ за благо, сказано въ указѣ Сенату (1), уваженія, которыя представилъ намъ министръ коммерціи для новаго образованія торговой части по предѣламъ Грузіи, повелѣваемъ учредить таможенную заставу въ Сурамѣ, къ границѣ Имеретинской; вторую въ старой разоренной крѣпости Цалкѣ, къ Ахалцыху и Джавахетіи; третью въ Шамшадильской провинціи, въ удобнѣйшемъ мѣстѣ къ ханству Ганжинскому и наконецъ, по усмотрѣнію главноуправляющаго Грузіей, противъ Эривани полную таможню, которой и завѣдывать первыя три заставы, а всѣмъ симъ новоучреждаемымъ таможеннымъ мѣстамъ начать свое дѣйствіе съ 1-го января будущаго 1804 года. Во взиманіи пошлинъ поступать по таксѣ, какая дѣйствуетъ въ Астраханской таможнѣ, и руководствоваться общими по сей части узаконеніями; сборы же пошлинные въ теченіи 5-ти первыхъ лѣтъ отнести въ статью общихъ Грузіи доходовъ, на счетъ которыхъ и содержать новыя заставы и таможню сполна по штатнымъ окладамъ. Поелику жъ съ учрежденіемъ таковыхъ мѣстъ, Моздокская таможенная застава останется внутри государства, то снявъ ее, впредь до указа, перевесть въ Прочно-окопскую крѣпость съ настоящимъ штатомъ и чиновниками“.

Одною изъ важныхъ заботъ князя Циціанова въ Грузіи было принятіе мѣръ къ прекращенію эпидемической болѣзни, появившейся еще въ концѣ 1802 года. Болѣзнь обнаружилась прежде всего въ войскахъ, именно въ 3-хъ ротахъ тифлисскаго мушкатерскаго полка, расположенныхъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Тифлиса, гдѣ, съ 25 ноября по 21 декабря 1802 года, умерло 43 человѣка (2).

(1) Отъ 23 октября 1803 г. См. П. С. З. т. XXVII.

(2) Рапортъ Г. М. Леонтьева кн. Циціанову 21 декабря 1802 г. № 721. Тифл. Арх. канц. Намѣстн.

16 декабря обнаружилась болѣзнь и между мѣстными жителями, въ Джевахетіи и деревни Чалдири (1).

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, князь Циціановъ, основываясь на мнѣніи медицинскихъ чиновниковъ, донесъ, что господствующая въ Грузіи болѣзнь, есть родъ прилипчивой горячки, которая, по случаю господствовавшей зимою стужи, потеряла свою зловредную силу (2).

Неменѣе того къ лѣту болѣзнь опять усилилась.

Ежегодно свирѣпствующія въ Грузіи горячки разныхъ родовъ, не столько по своимъ дѣйствіямъ, сколько по разносимымъ слухамъ въ народѣ о появленіи будто моровой язвы, по легковѣрію грузинскаго народа, производили всегда вредныя послѣдствія. Такіе слухи еще болѣе усиливались отъ появленія больныхъ горячками съ пятнами и нарывами. Какъ не строги были изысканія объ этихъ болѣзняхъ, но открыты были только гнилыя, воспалительныя горячки, иногда съ пятнами и нарывами; но какъ они имѣли прилипчивое свойство, то княземъ Циціановымъ, дано было предписаніе медицинской грузинской управѣ и тифлисскому коменданту, принять дѣятельныя мѣры, къ оказанію помощи больнымъ и къ предохраненію здоровыхъ.

„По рапортамъ, доносилъ князь Циціановъ, (3) до сего числа больныхъ въ городѣ было болѣе 28; умершихъ въ теченіи недѣли 12; въ лазаретахъ полковыхъ умноженіе болѣзней примѣчается. Ежегодно свирѣпствующія здѣсь болѣзни, распространяются наиболѣе отъ необузданности народа, къ порядку и повиновенію не привыкшаго, до такой степени, что никакая полиція съ ними управиться неможетъ. Не смотря на строжайшія предписанія городской полиціи, не допускать въ городъ, и не выпускать изъ онаго, безъ билетовъ, здѣшнее духовенство первое подаетъ примѣръ, оставляя церкви, запирая оныя и убѣгая скрытно изъ города. И когда я о семъ обстоятельствѣ сообщилъ Каталикосу Антонію, дабы онъ, духовною властію своею, воспретилъ такое неустройство, приводящее народъ въ большое колебаніе, то вмѣсто ожидаемаго отъ него слѣдствія, получилъ словесно и письменно настоятельную просьбу, выпустить его са-

(1) Рапортъ Г. М. Тучкова Лазареву 19 декабря 1802 г. № 196. Ibid.
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 8 марта 1803 г. Ibid.
(3) Рапортъ кн, Циціанова Г. И. 13 іюля 1803 г. Ibid.

маго изъ города. Сколько ни стараюсь ему внушить неблагопристойность и соблазнъ такого поступка, въ то время, когда нужны для народа примѣры твердости, архыпастырскому сану его приличныя, дабы вывести обывателей изъ заблужденія, но невижу никакого успѣха; и наконецъ вынужденъ буду согласиться на его просьбу, ибо малодушное его здѣсь присутствіе, болѣе разсѣваетъ страха, нежели упованія въ народѣ. Вчерашняго числа, 8-мъ здѣшнихъ макалаковъ армянскихъ или первѣйшихъ гражданъ, подали чрезъ коменданта прошеніе, настоятельно требуя, основываясь на прежнихъ обычаяхъ, распустить городъ, объятый страхомъ, съ позволеніемъ ѣхать, куда кто пожелаетъ. Видя, что не возможно уничтожить подобныя, безразсудныя требованія иначе, какъ примѣромъ строгости, далъ я предписаніе коменданту, арестовать помянутыхъ макалаковъ, посадить ихъ на гаубтвахту и содержать ихъ сутки на хлѣбѣ и водѣ. По раскаянію и оправданію, что они не уразумѣли въ точности русскихъ законовъ, они освобождены, съ строжайшимъ подтвержденіемъ общихъ подписокъ, яко противныхъ закону и о коихъ уже было публиковано по всей Грузіи, впредь не дѣлать и по части полицейской повиноваться безпрекословно тифлисскому коменданту. Хотя поступокъ сихъ макалаковъ надлежало бы изслѣдовать и предать законному сужденію, но снисходя къ закоренѣлому здѣшняго народа невѣжеству и къ впечатлѣнію страха ихъ поражающаго, задержаніе ихъ подъ стражею, вмѣнилъ я имъ въ наказаніе".

Видя изъ рапортовъ тифлисскаго коменданта, что въ городѣ умираетъ ежедневно 6, 8 и даже 10 человѣкъ, князь Цицiановъ принялъ противу заразительной болѣзни слѣдующія мѣры. Обывателямъ городскимъ объявлено было, что они имѣютъ право выѣзжать въ сады, расположенные около города, внизъ по Курѣ. Всѣ больные собраны были въ городѣ во временномъ госпиталѣ и къ нимъ приставленъ особый лекарь, подъ надзоромъ медицинской управы. Около садовъ поставленъ былъ кордонъ, за который никого не пропускали безъ осмотра.

Въ домахъ послѣ больныхъ, велѣно было окуривать, раскрывать кровли, а послѣ умершихъ сожигать пожитки. Чтобы распоряженія эти приводились болѣе точнымъ образомъ въ исполненіе, то на время изъ полковъ было прикомандирова-

но къ каждому кварталу по одному офицеру, 2 унтеръ-офицера и 5 рядовыхъ. Грузинскіе полицейскіе служителя и чиновники, будучи сами поражены страхомъ, приводили только народъ въ уныніе и въ отправленіи своихъ должностей оказывали явное послабленіе (1).

Въ теченіи іюля мѣсяца умерло въ Тифлисѣ 215 человѣкъ, кромѣ военныхъ (2). Въ августѣ умершихъ было 124. Вмѣстѣ съ этимъ медицинская управа пришла къ заключенію, что свирѣпствовавшая болѣзнь была дѣйствительно моровая язва. Хотя въ августѣ она и начала уменьшаться въ Тифлисѣ, но за то появилась въ Душетѣ, откуда жители не смотря на то, что умерло только 3 человѣка, при появленіи первыхъ признаковъ болѣзни, разбѣжались въ горы и и лѣса. Въ Гори также умерло 5 человѣкъ, неизвѣстною болѣзнію, что произвело волненіе между жителями и не смотря на поставленные у воротъ караулы, нѣкоторые стали украдкою выбираться изъ города въ горы и селенія. Полицейскія строгости не въ силахъ были удержать народъ, пораженный страхомъ. Разрѣшить употребленіе силы оружія князь Циціановъ не рѣшился, дабы не увеличить бѣдствія народа кровопролитіемъ, которое „легко могло произойти, какъ писалъ князь Циціановъ, по невѣжеству народа и закоренѣлости необузданныхъ нравовъ его“.

„Къ вящшему несчатію умерло 4 лекаря и остальныхъ недостаточно для разсылки (3).

На горныхъ заводахъ у графа Мусина-Пушкина умерло изъ 3 ротъ до 120 человѣкъ до 3 сентября (4). Съ этого времени болѣзнь начала значительно уменьшаться, и къ половинѣ ноября 1803 года, вмѣстѣ съ наступленіемъ холоднаго времени, почти прекратилась (5).

---

(1) Изъ рапорта кн. Циціанова Г. И. 18 іюля 1803 г. Ibid.
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 31 іюля 1803 г. Ibid.
(3) Изъ рапортовъ кн. Циціанова Г. И. 14 и 31 августа 1803 г.
(4) Рапортъ гр. Мусина-Пушкина 3 сентября 1803 № 430.
(5) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 17 ноября 1803 г.

ГЛАВА IX.

Мингрелія и Имеретія. — Ихъ топографическое и этнографическое описаніе. — Внутренній бытъ и характеръ народовъ ихъ населяющихъ. — Мингрельскій князь Григорій Дадіанъ ищетъ подданства Россіи. — Переговоры по этому и условія подданства. — Рескриптъ Императора Александра князю Дадіану и принятіе его въ подданство.

Народы и земли, къ описанію которыхъ мы теперь приступаемъ, въ началѣ XIX-го столѣтія были весьма мало извѣстны Европѣ, а еще менѣе собственнымъ жителямъ, утопавшимъ въ невѣжествѣ, проводившимъ жизнь свою въ праздности или грабежѣ, не только непріятельскихъ, но и собственныхъ владѣній.

Оттого свѣдѣнія о тѣхъ странахъ чрезвычайно скудны. Чтеніе Библіи и единственной лѣтописи, основанной на басняхъ, составляли самыя обширныя свѣдѣнія ученыхъ Имеретинцевъ и Мингрельцевъ. Первосвященники ихъ утверждали, что все сказанное въ Библіи относится исключительно къ описанію ихъ страны, и всѣмъ остальнымъ описаніямъ не вѣрили, считая ихъ вымысломъ. Къ этимъ преградамъ, въ изученіи быта Имеретинцевъ и Мингрельцевъ, надо прибавить то, что всякій вопросъ человѣка, собирающаго какія-либо свѣдѣнія о странѣ, казался подозрительнымъ, и жители вмѣсто отвѣта сообщали вовсе не о томъ, о чемъ ихъ спрашивали.

Современныя описанія указываютъ, что жители Имеретіи, Мингреліи (Одиши) и Лечгума были вообще недовѣрчивы „къ истинѣ и правдоподобію“, но напротивъ того легко вѣрятъ разсказамъ чрезвычайнымъ и сверхъестественнымъ. Имеретинцы и Мингрельцы вообще „хитры безъ тонкости, лжецы безъ нужды“. Чувствуя поверхность надъ непріятелемъ, были мстительны до звѣрства; видя же свою слабость, трусливы до подлости. „Не затрудняются обѣщать то, чего на дѣлѣ исполнить не хотятъ и не могутъ; о вѣрности и храненіи даннаго слова понятія не имѣютъ“,

„Не стыдятся измѣны; всякій живетъ для себя, нѣтъ родства, ни дружбы; имѣютъ наружную набожность, но существу закона не слѣдуютъ и добродѣтелей, христіанствомъ внушаемыхъ, не почитаютъ. Отъ частаго сношенія съ Татарами, сердце ихъ сдѣлалось скопищемъ всѣхъ гнусныхъ пороковъ и непонятныхъ, по образу нашихъ мыслей, противурѣчій. Число людей изъ сего общаго изображенія исключить возможное, едва замѣтно“ (1).

Таковъ былъ характеръ народовъ непосредственно прилегающихъ къ Грузіи, ей одноплеменныхъ и бывшихъ нѣкогда подъ властію одного царя, а теперь отдѣлившихся отъ нея и сдѣлавшихся независимыми.

Изъ всѣхъ трехъ поименованныхъ нами выше областей, наиболѣе значительною какъ по пространству, такъ и по количеству народонаселенія, была конечно Имеретія.

Собственно такъ называемая Имеретія лежала частію въ долинѣ, орошаемой р. Ріономъ и граничила къ востоку—Осетіей и Карталиніей; къ югу—Ахалцыхомъ и Гуріей; къ западу — Одишіей (Мингреліей) и къ сѣверу — Лечгумомъ. Все пространство ея было около 200 верстъ въ длину и 100 верстъ въ ширину.

Рѣки, вытекающіе съ хребта горъ, отдѣляющихъ Имеретію отъ Карталиніи, весьма быстры, неудобны для судоходства и всѣ впадаютъ въ Ріонъ, вливающій воды свои въ Черное море при Поти. Лѣса покрывающіе Имеретію, къ строенію неудобны; дубъ росту небольшаго, сучковатъ и весь въ изгибахъ; чинаръ, ясень и клёнъ напротивъ того удивительно стройны, высоки и красивы, но хрупкое свойство чинара мало дѣлаетъ его способнымъ къ употребленію. Грунтъ земли весьма разнообразенъ; горы, сверхъ каменистой почвы, большею частію покрыты глиной и черноземомъ, но долины по берегамъ рѣкъ состоятъ изъ грунта иловатаго перемѣшаннаго съ камнемъ; песку очень мало и совсѣмъ почти не видно. Озеръ такъ же нѣтъ; воздухъ и воды здоровы, зима умѣренная; „строенія никакой защиты противу жестокости оной (зимы) не предвѣщаютъ; комнаты нагрѣваются только каминомъ; окошки безъ стеколъ, и не замазываются даже бумагой, какъ въ Грузіи“.

(1) Описаніе Имеретіи и Мингреліи Литвинова 1804 г. (рукоп.) Арх. Глав. Шт. въ С.-Петерб.

Дороги въ Имеретіи составляли ея защиту и укрѣпленіе противу непріятеля. Безпрестанныя горы и ущелья, густой лѣсъ, по которымъ пролегали дороги, дѣлали ихъ доступными только пѣшеходу или одинокому всаднику, и тѣмъ защищали страну отъ вторженія массами непріятеля.

Хлѣбопашество въ Имеретіи, по числу населенія, было развито достаточно; избытокъ хлѣба продавался въ Поти, откуда получалась соль, желѣзо и нѣкоторые другіе товары.

Торговля въ Имеретіи была въ рукахъ Евреевъ и Армянъ имѣвшихъ значительные капиталы, но тщательно ихъ скрывавшихъ и старавшихся казаться бѣдными. Къ послѣднему они прибѣгали потому, что каждый князь имѣлъ право присвоить себѣ навсегда, или на нѣкоторое время то, что ему понравится. Онъ могъ стать въ домѣ постоемъ, отнять вещь безъ платы; жены и дѣти не исключались изъ этого общаго правила. Между подданными царя было все Божіе, царское и княжеское. Самъ царь деньгами получалъ мало со своихъ подданныхъ и при томъ не въ опредѣленные сроки. Сборъ зависѣлъ отъ нужды и воли царя. Торгующіе Евреи и Армяне иногда платили дань нѣсколько разъ. Съ народа же собиралась подать скотомъ, хлѣбомъ и виномъ для продовольствія царя и его окружающихъ. Ведя жизнь кочующую имеретинскій царь всегда жилъ на счетъ тѣхъ селеній, которымъ дѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ. Онъ поселялся тамъ гдѣ находилъ изобиліе пищи. Какъ только онъ и спутники его начинали чувствовать недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ, они тотъчасъ же переселялись вмѣстѣ съ царемъ въ другое мѣсто. Пышность и комфортъ царю не были извѣстны. Первая изба, шалашъ или густое дерево служили дворцемъ ему. Обѣдъ его состоялъ изъ разваренаго и жареннаго мяса, а въ постъ изъ пшенной каши, бобовъ и зелени; изысканность стола опредѣлялась не по качеству, а количеству подаваемыхъ блюдъ и кушаній. Господствующая вѣра въ Имеретіи—православная; духовенство было въ большемъ уваженіи хотя „отъ тягостей народныхъ попы не освобождаются“.

Такъ называемая Мингрелія, или собственно Одишійская область, граничила къ востоку Лечгумомъ и Имеретіей, отъ которой отдѣлялась р. Цхени-цхали; къ югу—Гуріею, отдѣляясь отъ нее теченіемъ р. Ріона; къ западу—Чернымъ мо-

ремъ; къ сѣверу — Сванетскими горами и Абхазіею. Долина, орошаемая многими рѣками, вытекающими съ горъ, составляла положеніе Одишйской области, простиравшейся въ длину не болѣе какъ на 100 верстъ и въ ширину на 50, включая сюда и горную часть ея, прилегавшую къ Сванетамъ и Абхазіи.

Главнѣйшими ея рѣками были: Хопи, Абаша и Енгирь. Первая весьма глубока, верстъ на тридцать отъ устья могла быть судоходна, даже и для большихъ судовъ, „но притокъ ея въ морѣ весьма тѣсенъ и быстръ, слѣдовательно парусные суда входить не могутъ“.

Хотя рѣки орошавшіе Мингрелію и были наполнены множествомъ рыбы, но ею никто не пользовался и жители не имѣли понятія объ этомъ промыслѣ. Все, что нужно было для ихъ продовольствія пріобрѣталось изъ Поти, мѣною на просо и кукурузу.

Воздухъ Мингреліи, въ лѣтніе мѣсяцы, т. е. съ іюня до половины сентября нездоровъ; воды иловатыя, вкусу непріятнаго, лѣтомъ теплы и нездоровы; постоянно влажный воздухъ, отъ паровъ болотистаго грунта, способствовалъ развитію болѣзней и преимущественно лихорадокъ. Весною большая часть Одиши покрывалась дождевою и снѣговою водами, а особенно та часть, которая прилегала къ морю. Въ это время года сообщеніе между деревнями производилось при помощи лодокъ, а бывало и такое время, когда всякое сообщеніе прекращалось; грязи бывали столь велики, что ни пѣшій пройти, ни конный проѣхать не могли.— Къ неудобству сообщенія присоединялось еще и то, что большая часть Одиши была покрыта лѣсами и колючими растеніями тѣсно сплетенными между собою. Влажность грунта дѣлала лѣсъ неплотнымъ, и некрѣпкимъ и вообще негоднымъ для прочныхъ построекъ. Лѣсистое и болотистое мѣстоположеніе Одиши было причиною того, что у жителей ея скотоводство заключалось большею частію въ содержаніи козъ и свиней, которыя не требуя заботъ и попеченій объ уходѣ за ними, находили пищу круглый годъ въ лѣсу.

Хлѣбопашество, заключавшееся въ посѣвѣ кукурузы, просо и гоми давало весьма обильную жатву,—въ 40 и 60 разъ большую противъ посѣва; винограду было множество. Не смотря однакоже на то жители были въ крайней бѣдности, и чуть не умирали съ голоду, отъ угнѣтенія ихъ

собственными владѣльцами и существовавшей войны между царемъ имеретинскимъ и Дадіаномъ мингрельскимъ (1). Имеретинскія войска, не имѣя возможности захватывать жителей, уходившихъ въ лѣса, истребляли весь хлѣбъ на поляхъ, подрубали виноградъ и возвращались домой „съ утѣшеніемъ, что довели сихъ несчастныхъ до отчаянія".

Кромѣ этаго сильнаго непріятеля, Одиши по положенію своему, находилась и между тремя другими. Абхазцы, Гуріелы и Потійскіе жители не упускали случая захватывать поселянъ и дѣтей обоего пола для продажи ихъ Туркамъ. Къ этому народному бѣдствію присоединялась междоусобная вражда ихъ собственныхъ князей, которыя другъ у друга похищали подданныхъ, для продажи тѣмъ-же Туркамъ, удовлетворяя тѣмъ свое мщеніе и корыстолюбіе. Все это истощало населеніе и привело народъ къ угнѣтенію и бѣдности.

Дадіанъ мингрельскій владѣлъ кромѣ того нѣкоторою частію Абхазцовъ и Сванетовъ, но власть его была весьма слаба надъ ними. Сосѣдство Татаръ и мѣстное положеніе препятствовали привести ихъ въ должное повиновеніе; а оттого они и платили своему повелителю такую дань, какую хотѣли.—Власть Дадіана распространялась частію и на Лечгумъ или пространство земли заключенное между хребтами горъ, граничащихъ: къ югу Имеретіею, къ западу съ Одиши, къ сѣверу съ Сванетами и къ востоку съ Осетіей.

Часть Лечгума признавала своимъ царемъ Соломона II имеретинскаго,—другая же покорилась Дадіану, а нѣкоторые замки принадлежали лечгумскимъ князьямъ, находившимся или подъ покровительствомъ имеретинскаго царя или Дадіана мингрельскаго.

Весьма затруднительные проходы, пролегающіе по горамъ дороги, неудобныя даже и для верховой ѣзды, составляли особенность Лечгума.—„Каменистые берега рѣкъ часто бываютъ столь круты и высоки, что съ трудомъ подымаешься и нерѣдко незначительная ширина дороги приводитъ ѣдущаго въ содраганіе".

Садоводство какъ въ Лечгумѣ, такъ и въ Одиши и Имеретіи было почти неизвѣстно. Жители довольствовались тѣмъ, что производила сама природа.—Къ этой малой заботливости о разведеніи садоводства присоединялся еще вредный обычай

(1) Владѣтельныя особы Мингреліи назывались вообще: Дадіанами.

употреблять фрукты незрѣлыми, такъ что „никто настоящаго вкуса плодовъ не вѣдаетъ.“ Сама же природа производила множество плодовъ чрезвычайно разнообразныхъ и свойственныхъ южному климату; но плоды эти росли и зрѣли по лѣсамъ дикимъ и никѣмъ необработаннымъ.

Главнѣйшія рѣки Лечгума: Ріонъ и Цхени-цхали; обѣ судоходны, но только для плоскодонныхъ небольшихъ судовъ, наполненныхъ малымъ грузомъ.—Лѣса этой области, растущіе по ущельямъ, по описаніямъ тогдашняго времени, тверды, масивны и высоки.—„Дубъ, ясень, кленъ, чинаръ, орѣхъ, пишетъ Литвиновъ, видѣлъ я высоты и толстоты чрезвычайной, но природа положила преграду истребительнымъ замысламъ человѣка, произведя оныя въ неприступныхъ горахъ и ущельяхъ.“

Горы Лечгума наполнены минералами, но жители не имѣли никакого понятія о средствахъ ихъ добыванія.—Извѣстныя и довольно богатыя руды находились тогда въ Сванетахъ.—Дадіанъ Мингрельскій имѣлъ тамъ нѣсколько дворовъ, признававшихъ его власть, но всѣ остальные жители управлялись своими собственными старшинами.

Торговли въ Лечгумѣ вовсе не было никакой, кромѣ одного селенія Лейламъ, гдѣ поселившіеся нѣсколько человѣкъ Армянъ и Евреевъ, скупали у обывателей лисьи и куньи мѣха, отвозили ихъ въ Поти, а оттуда вывозили соль, бумажныя ткани и продавали ихъ въ Лечгумѣ.—Продажа эта и вообще торговля была такъ незначительна, что ею могли существовать едва только нѣсколько домовъ.

Народъ жившій по горамъ отличался отъ жителей Одиши, жившихъ въ долинѣ, проворствомъ и силою.—Лечгумцы обстраивали всю Одиши, жители которой едва умѣли срубить дерево. Образъ жизни былъ весьма простъ.

„Столъ дворянина, князя и самаго владѣльца ничѣмъ не различается; владѣлецъ нерѣдко за столомъ своимъ видитъ нищаго, калѣку, изуродованнаго и часто отвратительными струпьями покрытаго; вся разность состоитъ въ одеждѣ.—Князья украшаютъ себя плетеной изъ серебрянной проволоки и выкованными изъ серебра цѣпями, на которыхъ виситъ рогъ съ порохомъ, разныя сумки и другіе необходимо нужные снаряды для содержанія ружья и сабли въ чистотѣ и исправности: безъ оружія вонъ изъ дому не выходятъ“.

Пространство Лечгума не привышало 80 верстъ длины и 40 ширины. Весь Лечгумъ состоялъ изъ 11 укрѣпленныхъ замковъ, расположенныхъ на неприступныхъ высотахъ, изъ которыхъ пять были во власти имеретинскаго царя; три — во владѣніи Дадіана мингрельскаго, а остальныя принадлежали князьямъ.

Князья эти безпрестанно переходили изъ подъ власти царя къ Дадіану и обратно, смотря по тому подъ чьимъ покровительствомъ находиться считали для себя наиболѣе выгоднымъ.

Превосходный воздухъ и вода, обиліе даровъ природы ставили Лечгумъ на первое мѣсто изъ этихъ трехъ областей и были причиною постоянной борьбы и спора за право его владѣніемъ. На столь маломъ пространствѣ перемѣна въ климатѣ была такъ замѣтна и чувствительна, что Дадіанъ могъ переѣхать въ одинъ день изъ жары въ умѣренную теплоту и обратно.

„Произведеніями природы пользуются на мѣстѣ; здѣсь нѣтъ заведенія, что бы изъ далека доставляли къ столу владѣльца лакомыя или рѣдкія явства, они точно слѣдуютъ пословицѣ: *хлѣбъ за брюхомъ неходитъ*“.

Дадіанъ во время рыбной ловли жилъ обыкновенно у р. Ріона; во время ловли фазановъ, оленей, дикихъ козъ и кабановъ, — въ Одиши, куда дичь собиралась на зиму; во время жаровъ, — въ Лечгумѣ, гдѣ нѣстолько разъ въ году мѣнялъ свое мѣстопребываніе. Пшеничный хлѣбъ онъ ѣлъ въ Легчумѣ, а просяную кашу или гоми вмѣсто хлѣба,—въ Одиши, „гдѣ пшеницы не сѣютъ и гдѣ не всегда привозную изъ Лечгума пшеницу имѣть можно.

„По сему образу жизни издавна вѣдомой, всякій легко заключить можетъ, что владѣтельный князь, въ сихъ мѣстахъ, не имѣетъ дома, или какого нибудь удобнаго мѣста для житья, но простота ихъ жизни столь велика, что гдѣ нѣтъ—Архіерейскаго дома (архіереи всегда живутъ лучше Дадіана), тамъ онъ не гнушается съ царицею жить въ избѣ безъ пола, безъ потолка, грѣться около огня, разведеннаго посреди избы, выкуривая себѣ глаза и очень счастливымъ называться долженъ, если ходя по своимъ чертогамъ, не тонетъ по колѣно въ грязи“ (1).

(1) Изъ описанія Мингреліи и Имеретіи Литвинова.

Имеретія и Мингрелія всключая сюда и Лечгумъ повиновались нѣкогда одной власти, управлялись одними законами, слѣдовали однимъ обычаямъ и имѣли одни нравы. Правленіе этихъ областей основано было на одинакихъ началахъ. Какъ царь имеретинскій такъ и Дадіанъ мингрельскій—деспоты надъ своими подданными. По одной прихоти они звѣрски поступали съ тѣми князьями, которыя были слабы, и не могли имъ противиться; страшились же сами тѣхъ, которые запершись въ своихъ замкахъ и пренебрегая властію царя, защищали себя отъ его нападеній.

Царь имеретинскій Соломонъ, названный великимъ, чувствовалъ, что продажа подданныхъ и плѣнныхъ Туркамъ, истощала его владѣнія. При содѣйствіи нашего правительства, онъ употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, что бы прекратить столь вредный и постыдной торгъ, отчего Имеретія и была болѣе населена чѣмъ владѣнія Дадіана. Въ Мингреліи обычай продавать людей Туркамъ считался добродѣтелью, кто болѣе похищалъ поселянъ и продавалъ ихъ, тотъ болѣе могъ содержать вооруженныхъ людей и при содѣйствіи и помощи ихъ легко обогащаться. Если владѣтель Мингреліи не имѣлъ войны съ царемъ имеретинскимъ, то долженъ былъ вести войну съ своими подданными, занимавшимися разбоями и грабительствами,—въ которыхъ учавствовали не только первѣйшіе князья, но даже и родныя братья Дадіана отъ нихъ не отказывались.

Власть Дадіана до того упала, что онъ не отваживался наказать преступника или объявить какое нибудь постановленіе, не согласное съ выгодами князей, которыя вовсѣ не повиновались его власти, и не рѣдко дѣлали ему противное.

Упадокъ власти и безпорядки въ Мингреліи особенно возворились послѣ смерти предшественника Дадіана, который оставилъ пять сыновей и вдову, женщину самолюбивую, мстительную, враждовавшую противу старшаго своего сына и законнаго наслѣдника. Князь Григорій Дадіанъ былъ 18-ти лѣтъ отъ роду, когда сдѣлался самовластнымъ правителемъ. Предавшись разгулу и праздности, Дадіанъ, первое время, весьма мало обращалъ вниманія на свои владѣнія, и тѣмъ далъ возможность, дѣйствовать противу него сильнѣйшимъ князьямъ, его подданнымъ и даже роднымъ своимъ

братьямъ. По происками матери Дадіанъ лишенъ былъ нѣкоторое время княжества, которымъ и управлялъ старшій по немъ братъ Манучаръ. Въ это несчастное и превратное время, Дадіанъ принужденъ былъ скрываться съ женою и дѣтьми у абхазскаго владѣльца и ахалцыскаго паши, до тѣхъ поръ пока при помощи и содѣйствіи ихъ не возвратился въ свое княжество.

Доходы какъ имеретинскаго царя такъ и Дадіана мингрельскаго были весьма незначительны. Главнѣйшіе заключались въ томъ, что оба владѣльца, ведя постоянно кочующую жизнь, жили насчетъ тѣхъ селеній, которыя посѣщали. „Пока царь и окружающіе его находятъ пищу, жителями съ великимъ стараніемъ скрываемую, до тѣхъ поръ онъ съ того мѣста не выѣзжаетъ. Голодъ и жалобы народа въ насильствѣ и грабежѣ, возвѣщаютъ царю о необходимости выѣхать; простота сей жизни сливаетъ самовластіе съ рабствомъ. Царь, не смотря на лицо, лишающій безъ суда жизни своихъ подданныхъ, въ походахъ сихъ мало чѣмъ отличается: общій столъ и общая постель со всѣми, разность состоитъ только въ томъ, что мужикъ прислуживаетъ дворянину, дворянинъ — князю, а князь царю".

Царь и Дадіанъ производили сами словесную судебную расправу. Окруженный народомъ, въ виду преступника, владѣлецъ постановлялъ приговоръ и воля его часто пристрастная приводилась въ исполненіе. Если обвиняемый успѣвалъ уйти или былъ силенъ, то явно противился царю; слабый спасался бѣгствомъ за границу и передавалъ себя власти Турокъ или Персіянъ. Несчастный же не успѣвавшій скрыться, долженъ былъ испытывать всѣ ужасы приговора и казни до безконечности мучительной. Осужденныхъ лишали членовъ, выкалывали глаза раскаленнымъ желѣзомъ, закапывали живыхъ въ землю, зарывали въ известь (негашенную) которую поливали, чтобы преступникъ понемногу истлѣлъ, жгли на кострахъ и проч.

Чиновники всѣ вообще имѣли должности наслѣдственныя, въ родѣ, служили безъ жалованья и содержали себя доходами, которыя приносило имъ занимаемое мѣсто. Этотъ способъ вознагражденія за службу служилъ конечно къ угнѣтенію народа.

Имеретія, какъ мы уже сказали, вся безъ исключенія

признавала власть царя, Одиши власть Дадіана, а Лечгумъ переходитъ то къ одному то къ другому.

Связь и дружба между царемъ Соломономъ II и княземъ Григоріемъ Дадіаномъ существовала непоколебимо болѣе двадцати лѣтъ. При содѣйствіи этой дружбы Соломонъ долгое время жилъ въ домѣ Дадіана и содержался на его счетъ. Этой же дружбѣ онъ обязанъ былъ тѣмъ, что при помощи и содѣйствіи Дадіана утвердился на имеретинскомъ престолѣ. Въ залогъ столь искренней, и доказанной многими пожертвованіями дружбы, царь Соломонъ просилъ себѣ въ жены сестру князя Григорія Дадіана. Владѣтель Мингреліи согласился на послѣднюю просьбу царя имеретинскаго и долгое время оба владѣльца жили между собою какъ братья, какъ друзья.

Вторичная женитьба князя Григорія Дадіана на дочери послѣдняго царя Грузіи Георгія XIII, бывшаго тогда еще царевичемъ, была причиною всѣхъ несчастій и гоненій направленныхъ противъ владѣтеля Мингреліи. Предательство, подкупы, заговоры и тому подобныя ухищренія были направлены противу него царицей Дарьей Георгіевной, бабкою царя Соломона, и супругою царя Ираклія II.

„Гидра сія, (т. е. царица Дарья), дерзаю такъ назвать, писалъ князь Циціановъ Императору Александру, (1) раздирая Грузію междуусобными войнами, сѣя между своихъ дѣтей и дѣтей царя Георгія, отъ первой супруги царя Ираклія родженнаго, вражду, злобу и крамолы, достигла и до разорванія дружескаго союза, между внука ея царя Соломона, и князя Григорія Дадіана, съ столь давнихъ временъ существовавшаго, единственно для того, что сей послѣдній женился на дочери царя Георгія, ею ненавидимаго.“

Лучшая по богатствамъ природы лечгумская провинція и была причиною враждебныхъ и военныхъ дѣйствій между двумя владѣльцами. Каждый изъ нихъ хотѣлъ завладѣть всею провинціею. Имеретинскій царь, имѣя превосходство въ силахъ, сильно тѣснилъ Дадіана и довелъ его до того, что тотъ, не видя возможности бороться съ противникомъ, сталъ искать покровительства и подданства Россіи.

Во время поѣздки Броневскаго въ Имеретію, по перего-

(1) Отъ 16 апрѣля 1805 г. Т. А. К Н.

ворамъ о царевичѣ Константинѣ (1), владѣтельный князь мингрельскій Дадіанъ прислалъ съ нимъ къ князю Циціанову два письма, а потомъ нарочнаго въ Тифлисъ, прося помощи, покровительства и подданства Россіи. При этомъ онъ предупреждалъ, что если не удостоится получить просимаго пособія, то, для спасенія своего, долженъ будетъ искать покровительства и подданства Порты Оттоманской.

„Пристань Поти, доносилъ князь Циціановъ Императору Александру, множество строеваго корабельнаго лѣса, судоходная рѣка Ріонъ, богатые рудники въ Мингреліи, находящіеся безъ употребленія, а паче всего утвержденіе естественныхъ и удобнѣйшихъ къ удержанію предѣловъ нашихъ, отъ Чернаго моря до Каспійскаго, побуждаютъ меня обратить мое вниманіе на сію раззоренную, но плодородную область, и вкупѣ сожалѣть о невозвратной утратѣ оной для Россіи, коль скоро просимое Дадіаномъ покровительство неудостоится милосердаго воззрѣнія Вашего Императорскаго Величества“ (2).

Не смѣя переступить предначертанныхъ правилъ, и не зная какъ будетъ принята эта просьба въ Петербургѣ, князь Циціановъ не обнадежилъ Дадіана положительно никакою помощію, но словесно просилъ его не спѣшить переговорами съ Оттоманскою Портою. Получивши же въ маѣ мѣсяцѣ рескриптъ, (3) которымъ Императоръ Александръ соглашался на принятіе Минглеріи въ подданство Россіи, князь Циціановъ отправилъ грузинскаго дворянина Давыда Мамадзева съ письмомъ къ Дадіану, и съ порученіемъ заключить предварительныя съ нимъ условія, какъ о подданствѣ, такъ и о продовольствіи войскъ, которыя предполагалось ввести въ Мингрелію.

„Два почтенныя письма отъ вашей свѣтлости, писалъ онъ, (4) чрезъ правителя моей канцеляріи Броневскаго, бывшаго въ Имеретіи, я имѣлъ честь получить и желаніе ваше предаться, со всѣмъ вашимъ владѣніемъ, всесильному престолу Россійскому, украшенному милосерднѣйшимъ изъ мо-

(1) См. слѣдующую главу.

(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 17 марта 1803 г. А. М. И. Д. 1—7, 1803—7, № 5. Въ приведенной нами цитатѣ отчасти видно, какъ невѣрны и незначительны были наши свѣдѣнія о тѣхъ краяхъ.

(3) Высочайшій рескриптъ отъ 23 мая 1803 г. Т. А. К. Н.

(4) Письмо Дадіану 26 іюня 1803 г. Ibid.

нарховъ, я долженъ принять за наиискреннѣйшее. Зная, и видя положеніе дѣлъ васъ окружающихъ, силу вашихъ сосѣдей, несогласія въ собственномъ свѣтлѣйшемъ домѣ вашей свѣтлости, не вижу я инаго пути къ возстановленію спокойствія, посреди Мингреліи, какъ тотъ, который ваша свѣтлость предпринимаете, т. е. войти въ подданство Его Императорскаго Величества и тогда ограждены будете силою непобѣдимаго оружія россійскаго".

„Нужнымъ почитаю донесть вашей свѣтлости, что я имѣю уже всѣ разрѣшенія отъ Его Императорскаго Величества, какія нужно, относительно принятія Мингреліи въ покровительство и подданство россійское, купно съ вашей свѣтлостію и вашимъ домомъ, по совершеніи чего тотчасъ ваша свѣтлость облечены быть имѣете орденомъ св. Александра Невскаго, у меня уже и находящемся, яко знакомъ и залогомъ милости и благоволенія Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего".

„Къ совершенію сего дѣла толико важнаго и полезнаго для вашей свѣтлости и владѣнія вашего потребно:

1) „Чтобъ ваша свѣтлость прислать соизволили довѣренную отъ себя особу, ко мнѣ въ Тифлисъ, съ полной мочію, сдѣлать оное постановленіе и въ грамотѣ вашей свѣтлости, ему данной, упомянуть изволили, что все имъ постановленное съ россійскимъ верховнымъ начальствомъ въ Тифлисѣ и присягою утвержденное, принять изволите властно, какъ бы ваша свѣтлость оное и сами утвердили.

2) „Нужно, чтобы ваша свѣтлость утвердительно, свято и ненарушимо обѣщать соизволили, доставлять пшеницу и крупу войскамъ, во владѣніе ваше назначиться имѣющимъ, т. е. на 1500 человѣкъ, коимъ на годъ потребно 4500 четвертей или 32.625 пудовъ муки, крупъ 422 четверти, а лошадямъ, для пушекъ и другихъ надобностей ячменя, всего потребно 1728 четвертей, за условленную плату безъ задержанія.

3) „Да будетъ вашей свѣтлости извѣстно, что во взаимность сего, россійское войско, при генералѣ, неминуемо должно владѣніе вашей свѣтлости оборонять всѣми силами до послѣдней капли крови, яко собственность всероссійскую.

4) „Внутреннее управленіе владѣніемъ вашимъ имѣетъ остаться въ непосредственной власти вашей на прежнихъ правахъ и обычаяхъ, какъ до селѣ то было, исключая только

смертную казнь, яко нетерпимую въ Россійскомъ правленіи".

„Вотъ въ короткихъ словахъ то, на чемъ долженствуютъ быть основаны главные пункты постановленія; прочіе предоставляются времени, по прибытіи полномочнаго отъ вашей свѣтлости".

Въ отвѣтъ на письмо посланное съ Мамадзевымъ, князь Дадіанъ прислалъ въ Тифлисъ, священника двора своего Симеона Асатіана и дворянина Георгія Гагіева съ письмомъ къ главнокомандующему.

Дадіанъ писалъ, что какъ только узналъ о посылкѣ Мамадзева, отправленнаго черезъ Ахалцыхъ, то тотчасъ отправилъ онъ на встрѣчу ему въ Батумъ, но вскорѣ узналъ, что посланный его былъ задержанъ имеретинскимъ царемъ. Эта опасность пути была, по словамъ Дадіана, причиною долгаго неотправленія посланцевъ къ главноуправляющему, съ письмомъ „съ клятвою и обѣщаніемъ моего покорнѣйшаго рабства россійскому Монарху и пребываніе моего подъ твоимъ правленіемъ и надзираніемъ".

„Превосходительный и милостивѣйшій государь мой, писалъ кн. Дадіанъ (1), все мое упованіе на тебя я возложилъ, и поелику ты премудрѣйшій правителю, помиловалъ, отверзъ двери ко всемилостивѣйшему государю, слѣдственно теперь ожидаю я, утвердить сіе мое прошеніе, со всѣми умоляющими объясненіями, по человѣколюбію тому, коимъ ты меня возлюбилъ, и по которому ты мнѣ соизволилъ внять, ибо сосѣди мои, царь и союзные съ нимъ, исполненные духомъ злобы, предполагая враждебную зависть, говорятъ мнѣ здѣсь, что отнынѣ, совершенно будетъ невидимо начальство мое и взято будетъ у меня повелительство надъ владѣніемъ моимъ."

Князь Дадіанъ просилъ, въ знакъ принятія его въ подданство и расположенія къ нему Императора Александра прислать ему саблю. Относительно продовольствія войскамъ, онъ обѣщалъ доставить его, хотя и писалъ при этомъ что въ Лечгумѣ и Сванети, можно имѣть „хлѣбъ и ячмень въ пропитаніе тамъ находящимся и намъ", но въ Одиши можно найти только, гоми, просо и кукурузу. За то по словамъ Дадіана „мяса и вина есть изобильнѣе въ землѣ нашей, и

(1) Переводъ письма Дадіана кн. Циціанову отъ 21 августа.

можно кажется войскамъ вашимъ, которыя у насъ будутъ имѣть пропитаніе.“

Соглашаясь на уничтоженіе смертной казни, князь Дадіанъ спрашивалъ: „человѣкоубійцамъ, или великимъ предъ Богомъ преступникамъ, или ожесточеннымъ во грѣхахъ и не обрѣтающимся отъ нихъ, или плѣнико-продавцамъ и ворамъ, какой должно дѣлать и судъ и воздаяніе? прошу приказаніемъ вашимъ дать мнѣ наставленіе. Какъ ваша мудрѣйшая прозорливость установитъ, такъ по оному мы и будемъ поступать отъ сего времени, и таковую заповѣдь пришлите намъ Государь мой, ибо извѣстно вашему благоразумію, что земля наша не есть регулярная и имѣетъ много законовъ Моисеемъ учрежденныхъ; и для того кажется, учрежденіе сіе, какъ то: смертная казнь, отрубленіе рукъ и ногъ, или изводеніе глазъ введено въ землю нашу, что не имѣемъ отдаленныхъ мѣстъ, для ссылки или удаленія отъ земли нашей, *какъ то у васъ есть Сибирь и узаконенное по тому наказаніе.*“

Вскорѣ послѣ того Дадіанъ самъ безъ всякихъ побужденій и намековъ съ нашей стороны обратился съ просьбою къ князю Циціанову о дозволеніи ему прислать въ Тифлисъ сына въ качествѣ аманата.—Хотя подобное принятіе и утвержденіе въ вѣрности, можно считать унизительнымъ, для дающаго аманата и плохимъ обезпеченіемъ для берущаго его, но имѣя въ виду, что этотъ способъ удостовѣренія въ вѣрности былъ весьма обыченъ въ Азіи, князь Циціановъ признавалъ весьма полезнымъ воспользоваться предложеніемъ князя Дадіана. Онъ просилъ разрѣшенія Императора Александра отправить его въ Россію подъ предлогомъ воспитанія (1), на что и получено согласіе хотя и съ небольшимъ измѣненіемъ. Сына Дадіана отправляли въ Россію не въ качествѣ аманата, а въ видѣ особаго благоволѣнія и милости императора, къ владѣтелю, который желая „ознаменовать особливое свое къ нему благоволеніе и милость соизволяетъ“ чтобъ сынъ его отправленъ былъ въ Россію, „для полученія приличнаго рожденію его воспитанія, которое подаетъ ему способы къ пріобрѣтенію нужныхъ познаній и къ достохвальному прехожденію въ пути чести и знаменитости, отверстомъ для всѣхъ подданныхъ Россійскихъ, на пользу отечества подвизающихся.“

(1) Отношеніе канцлеру 23 октяб. Ар. М. И. Д. 1—7, 1803—7, № 57.

Князь Цициановъ, передъ выступленіемъ своимъ подъ Ганжу, отправилъ полковника Майнова въ Мингрелію для предварительнаго постановленія нѣкоторыхъ условій въ видѣ просительныхъ пунктовъ, о принятіи Мингреліи въ подданство Россіи.

1-го декабря 1803 г. въ селеніи Дади-Чала, Одишійской провинціи, полковникъ Майновъ имѣлъ свиданіе съ владѣтельнымъ мингрельскимъ княземъ Григоріемъ Дадіаномъ. Вручивъ Дадіану, вмѣстѣ съ письмомъ главнокомандующаго, и просительныя пункты, отъ лица его составленныя, Майновъ просилъ о назначеніи дня присяги Дадіана. Подписавъ просительныя пункты въ тотъ же день, владѣтель Мингреліи послалъ повсюду приказаніе, чтобы первосвященники, князья и дворянство собралось къ нему. Самъ Дадіанъ и его супруга Нина Григорьевна, — получившая въ подарокъ соболій мѣхъ и 10 арш. пунцоваго бархата,—высказывали полное удовольствіе и преданность къ Россійскому Императору и его правительству.

4-го декабря прибылъ епископъ цайшедскій и Дадіанъ въ тотъ же день присягнулъ на подданство вмѣстѣ съ нѣкоторыми князьями; остальныя присягали на слѣдующій день. Послѣ присяги Дадіанъ возложилъ на себя поднесенный ему Майновымъ крестъ св. Александра Невскаго. Тѣже изъ князей, которые дѣйствовали противу имеретинскаго царя Соломона, осаждавшаго мингрельскую крѣпость Гарды, присягали впослѣдствіи. Бывшее въ то время наводненіе препятствовало собраться для присяги всѣмъ одновременно; это наводненіе воспрепятствовало во время присягнуть и наслѣднику мингрельскому (1).

Основанія, на которыхъ Дадіанъ вступилъ въ подданство, были слѣдующія (2):

1) Онъ поступалъ въ вѣчное подданство Россіи.

2) Ему предоставлялось право пользоваться правами и преимуществами владѣтеля и его потомству по старшинству колѣна. Утвержденіе его пріемниковъ должно было быть дѣлаемо высочайшею грамотою.

3) Судъ и расправа предоставлялась владѣтелю Мингреліи и его пріемникамъ.

---

(1) Рапортъ полковника Майнова 4-го января 1804. Т. А. К. Н.

(2) См. Приложеніе № 13.

4) Дадіанъ просилъ объ огражденіи его владѣній назначеніемъ русскихъ войскъ, которыя бы имѣли постоянное пребываніе въ его владѣніяхъ.

5) Если будетъ основанъ новый городъ, то просилъ предоставить ему часть дохода съ города, „буде во Всероссійской Имперіи въ казну поступаетъ какой-либо доходъ съ городовъ".

6) Въ случаѣ отысканія и разработыванія въ Мингреліи рудъ, онъ просилъ части дохода съ нихъ въ свою пользу. За это онъ обязывался.

7) Повиноваться всѣмъ русскимъ властямъ.

8) Для квартирующихъ въ его владѣніяхъ войскъ выстроить дома и доставлять для нихъ отопленіе и освѣщеніе.

9) Доставлять войскамъ провіантъ.

10) Для разработыванія рудъ доставлять рабочихъ, по цѣнамъ опредѣленнымъ отъ горнаго начальства.

11) Отпускать безденежно лѣсъ годный для кораблестроенія.

12) Въ случаѣ устроенія порта, онъ отказывался отъ таможенныхъ доходовъ и согласился не брать никакихъ пошлинъ съ купцовъ, торгующихъ въ его владѣніяхъ.

13) Въ знакъ его власти онъ просилъ о пожалованіи его мечемъ и знаменемъ по азіатскому обычаю.

Получивъ донесеніе о подданствѣ Мингреліи Императоръ Александръ писалъ Дадіану (1):

„Извѣстясь черезъ донесеніе главнокомандующаго въ Грузіи, о ревностномъ усердіи, съ каковымъ вы совершили обрядъ присяги на вѣрноподданство наше и владѣнія вашего россійскому престолу, пріятно намъ вамъ засвидѣтельствовать нашу признательность, и начать государствованіе нашего надъ Мингреліею, изъявленіемъ вамъ милости нашей и благоволенія. Сопричисляя васъ къ подданнымъ россійскимъ, не расширеніе предѣловъ Имперіи, толико уже обширной, желали мы, но болѣзнуя о бѣдственномъ состояніи жителей Мингреліи, отвсюду сосѣдями утѣсняемыхъ, и милосердуя о нихъ, склонились мы принять, и сей единовѣрный намъ народъ, подъ сильную защиту и покровъ Россіи, подъ сѣнію кося да успокоится столько долго обуреваемая Мингрелія, и вкуситъ миръ, тишину и безопасность, на-

(1) Высочайшій рескриптъ отъ 20-го марта 1804 г. А. М. И. Д. 1—7, 1803—7, № 5.

равнѣ съ прочими областями Россійскую Имперію составляющими".

„Удовлетворяя прошенію вашему мы повелѣли главнокомандующему въ Грузіи, неукоснительно оградить сіе новое достояніе наше отрядомъ войскъ нашихъ.

„О прочихъ же просьбахъ вашихъ, неумѣдлимъ дать разрѣшеніе, увѣряя васъ предварительно, что усердіемъ своимъ заслужили вы благоволеніе наше, коего несомнѣнные знаки ощутите вы какъ устроеніемъ участи собственно вашей, такъ и будущаго благоденствія дома вашего".

Принявъ Мингрелію въ подданство Россіи петербургскій кабинетъ не соглашался на нѣкоторыя просьбы Дадіана (1). Онъ находилъ неудобнымъ оставить послѣ того за Дадіаномъ достоинство *владѣтельнаго*. Дадіанъ названъ былъ *начальствующимъ* Мингреліею. Перемѣну эту, казалось нетрудно сдѣлать потому, что послѣднее званіе весьма близко подходило къ положенію Сардаря.—званія, котораго добивался самъ Дадіанъ. Судъ и расправу не находили возможнымъ предоставить владѣлю Мингреліи, а думали, чтобы онъ производилъ ихъ именемъ государя. Постоянное угнетеніе народа отъ самовластныхъ налоговъ, заставило наше правительство признать необходимымъ назначить Дадіану особое жалованье съ тѣмъ, чтобы онъ не взималъ уже никакихъ податей съ народа въ свою пользу.

То, что кажется удобнымъ и легко выполнимымъ въ кабинетѣ, оказывается часто на дѣлѣ несостоятельнымъ. Князь Циціановъ находилъ невозможнымъ сдѣлать измѣненія въ постановленіи, заключенномъ съ Дадіаномъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Мингрелія не будетъ занята нашими войсками. Отнимая у Дадіана названіе *владѣтельнаго* князя, правительство наше отнимало одно изъ самыхъ главныхъ условій, только при сохраненіи которыхъ онъ рѣшился вступить въ подданство. Страхъ, вмѣстѣ съ лишеніемъ титула, лишиться и самаго владѣнія, могъ уклонить Дадіана отъ подданства. Онъ могъ даже заставить его отложиться отъ подданства „и тогда, писалъ кн. Циціановъ, насильственный входъ войскъ, въ землѣ, покрытой густѣйшими лѣсами, и въ землѣ, не имѣющей ни дорогъ и мо-

(1) Чарторыйскій кн. Циціанову 17-го марта 1804 г. Ар. М. И. Д. 1—7, 1803—7, № 5.

стовъ на широкихъ рѣкахъ, будетъ стоить нѣсколько тысячь воиновъ“ (1).

„Судъ и расправа, писалъ онъ въ другомъ донесеніи, именемъ Государя Императора, съ чѣмъ сопряжены формы канцелярскія въ безграмотной землѣ, гдѣ очень мало есть людей умѣющихъ писать, должны поразить и устрашить князя Дадіана.

„Оставя то, что не токмо я, но и всѣ по мнѣ главноуправляющіе, лишатся довѣрія отъ сосѣдей, каковое я уже и потерялъ, увозомъ членовъ царственнаго грузинскаго дома изъ Грузіи, хотя оно было необходимо, и сіе то есть единственная причина двухмѣсячной моей негоціаціи съ имеретинскимъ царемъ, который, страшась перемѣны, ни на что согласиться не желалъ“.

Высочайшею грамотою отъ 4-го іюля Мингрелія принята въ подданство Россіи и кн. Дадіану поручено управлять ею *„съ крѣпостію и правосудіемъ“* (2).

---

(1) Здѣсь опять мы видимъ весьма ограниченныя свѣдѣнія кн. Циціанова относительно Мингреліи; ея топографіи и этнографіи.

(2) См. приложеніе № 14.

ГЛАВА X.

Происшествія въ Имеретіи до вступленія на престолъ Соломана II. — Бѣгство изъ Кутаиса вдовствующей царицы имеретинской Анны и спасеніе ея нашими войсками.—Прибытіе ея въ С.-Петербургъ. — Просьба Анны къ Императору Александру объ освобожденіи сына ея царевича Константина изъ заключенія.—Посылка Соколова въ Имеретію.—Переговоры его по этому дѣду съ царемъ имеретинскимъ и несогласіе послѣдняго освободить царевича.—Отъѣздъ изъ С.-Петербурга въ Грузію царицы Анны.—Порученіе кн. Циціанову содѣйствовать къ освобожденію царевича.—Отправленіе Броневскаго въ Имеретію для переговоровъ по этому дѣлу.—Освобожденіе царевича Константина.

Царство имеретинское, со времени отдѣленія своего отъ Грузіи, весьма долгое время стенало подъ игомъ Османовъ. Владычество Турокъ продолжалось до самаго вступленія на имеретинскій престолъ царя Соломона I, когда въ 1768 г. началась война Россіи съ Турціею. Вступившій тогда въ Грузію корпусъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ графа Тотлебена дѣйствовалъ преимущественно въ Имеретіи и Мингреліи. При содѣйствіи русскихъ войскъ, земли эти освобождены отъ турецкаго владычества, и, Имеретія возвращена была законному царю ея Соломону I, прозванному впослѣдствіи великимъ, а до того времени укрывавшемуся въ горахъ отъ преслѣдованія Турокъ.

Турки, знавшіе силу характера Соломона и опасавшіеся возраставшаго его могущества, возмутили противъ него собственныхъ его подданныхъ, возставшихъ подъ предводительствомъ могущественнаго и сильнаго тогда Эристава Рачи, (или верхней Имеретіи), и поставили царемъ двоюроднаго брата его Теймураза. Изгнанный Соломонъ долженъ былъ, съ немногими лицами ему преданными, скитаться по лѣсамъ, „и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ Пасху, что даже не имѣлъ при себѣ священника для возглашенія радостныхъ гимновъ Воскресенія. Благочестивый царь торжествовалъ однако какъ могъ великій день сей; на столѣтнемъ дубѣ вырѣзалъ онъ знаменіе креста и, съ ма-

лымъ числомъ вѣрныхъ, трижды обошелъ освященное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ*". Съ помощію русскихъ войскъ отразивъ Турокъ царь Соломонъ I, по общему совѣту съ союзниками, взорвалъ на воздухъ верхній городъ Кутаиса и всѣ главные замки, чтобы не дать возможности Туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Отразивъ давнишнихъ своихъ враговъ и закоснѣлыхъ хищниковъ Лезгинъ близь Сурама, онъ не успѣлъ однакоже упрочить начатое имъ устройство и благосостояніе своей земли.

Соломонъ I скончался бездѣтнымъ въ 1782 году. По духовному его завѣщанію наслѣдникомъ имеретинскаго престола оставался малолѣтній царевичъ Давыдъ, (¹) сынъ Арчила брата Соломона I. До его совершеннолѣтія князья имеретинскіе поручили временное управленіе страною Давыду, двоюродному брату покойнаго царя, съ присвоеніемъ ему царскаго титула.

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ избранія, Давыдъ вмѣсто того, чтобы заботиться о сохраненіи цѣлости государства и его благосостоянія и продолжать начатое Соломономъ I, заботился только о томъ какъ бы болѣе упрочить престолъ за собою. Онъ началъ съ того, что разогналъ и удалилъ отъ должностей князей и вельможъ отличавшихся приверженностію къ покойному царю и его наслѣднику. Не довольствуясь однимъ только удаленіемъ нѣкоторыхъ лицъ, онъ сталъ ихъ преслѣдовать и тѣмъ заставилъ многихъ удалиться за предѣлы своего царства. Думая упрочить за собою престолъ такими дѣйствіями, Давыдъ не зналъ, что въ этомъ-то и кроется его собственная погибель. Законный наслѣдникъ престола царевичъ Давыдъ также удалился въ Грузію къ царю Ираклію, который и воспитывалъ его въ Тифлисѣ.

Изгнанные изъ Имеретіи князья просили царя Ираклія избавить ихъ отъ насильствъ Давыда и возвести на престолъ законнаго наслѣдника пришедшаго уже почти въ совершенныя лѣта. Грузинскій царевичъ Давыдъ Георгіевичъ былъ отправленъ Ираклiемъ съ войскомъ въ Имеретію, Взявъ съ собою и наслѣдника имеретинскаго престола, Давыдъ Георгіевичъ прійдя въ Карталинію, отправилъ его от-

(¹) Впослѣдствіи царствовавшій въ Имеретіи подъ именемъ Соломона II.

туда черезъ Рачинскіе горы въ Одиши, — владѣніе принадлежавшее кн. Дадіану мингрельскому, находившемуся во враждѣ съ правителемъ имеретинскимъ. Въ Одиши наслѣдникъ соединившись съ Дадіаномъ и другими князьями, оставившими Имеретію, двинулся противу Давыда со стороны Одиши, въ то самое время когда грузинскіе войска подошли къ имеретинской границѣ со стороны Карталиніи. Узнавъ объ этомъ движеніи, Давыдъ собралъ на-скоро войско и, не надѣясь на своихъ Имеретинцовъ, просилъ помощи паши ахалцыхскаго, обѣщая ему въ случаѣ успѣха и удержанія за собою престола, не только уступить во владѣніе Порты многіе мѣста и крѣпости, но и отдать имъ церкви христіанскія для обращенія въ мечети. Залогомъ въ исполненіи своихъ обѣщаній Давыдъ послалъ къ ахалцыхскому пашѣ шестнадцать человѣкъ дѣтей первѣйшихъ князей имеретинскихъ. Узнавъ о поступкахъ своего правителя Имеретинцы единогласно стали требовать отнятіе правленія у Давыда и о возведеніи на престолъ законнаго наслѣдника сына Арчила.

Давыдъ, утратившій всякое расположеніе къ себѣ народа, угрожаемый силами царя Ираклія и уже потерявшій сраженіе съ войсками Дадіана мингрельскаго, бѣжалъ въ Ахалцыхъ. Распродавъ тамъ дѣтей, посланныхъ заложниками, собравъ ополченіе изъ Турокъ и Лезгинъ, онъ успѣлъ выхлопотать себѣ помощь и у паши, всегда готоваго на вторженіе и раззореніе Грузіи. Три раза онъ вторгался въ Имеретію и всякій разъ былъ отражаемъ, хотя и съ большимъ ущербомъ для Имеретинцовъ. Турки и Лезгины захватывали въ плѣнъ мирныхъ жителей и потомъ распродавали ихъ на азіятскихъ рынкахъ. Число захваченныхъ простиралось до весьма значительной цифры (1). Имеретинцы съ твердостію и стойкостію переносили постигшее ихъ бѣдствіе. При третьемъ вторженіи непріятелей, они успѣли захватить въ плѣнъ самаго Давыда.

Страшась истязаній за бѣдствіе, причиненное странѣ, Давыдъ принесъ передъ народомъ покаяніе и далъ клятву впредь ничего не предпринимать ко вреду имеретинскаго

(1) По показаніямъ самихъ Имеретинцовъ число это простиралось до 17 т. человѣкъ. См. донесеніе Соколова къ Кн. Куракину 30 августа 1802 г. Арх. М. И. Д. 1—5, 1820—1803 г. № 1.

царства. Заступничество грузинскаго царя Ираклія сохранило жизнь Давыду; онъ былъ призванъ въ Тифлисъ и оставленъ тамъ подъ простымъ именемъ имеретинскаго царевича Давыда (1).

На имеретинскій же престолъ былъ возведенъ Давыдъ, сынъ Арчила, брата Соломона I, подъ именемъ Соломона II.

Царь Ираклій просилъ Соломона II простить Давыда и дать ему нѣсколько деревень въ Имеретіи, а съ своей стороны далъ ему 1,200 руб. ежегодной пенсіи (2). Соломонъ II исполнилъ просьбу Ираклія и Давыдъ скоро былъ отпущенъ изъ Тифлиса на жительство во вновь пожалованныя ему деревни.

Между тѣмъ Туркамъ былъ весьма непріятенъ такой исходъ дѣла и то что Давыдъ такъ легко и скоро отрекся отъ престола. Подъ предлогомъ возстановленія Давыда, Сулейманъ-паша ахалцыхскій, по приказанію Порты, двинулъ войска въ Карталинію. Тотъ же царевичъ Давыдъ Георгіевичъ былъ отправленъ Иракліемъ съ войсками противу Турокъ. Думая отвлечь Турокъ отъ вторженія въ Имеретію онъ сдѣлалъ нападеніе на Ахалкалакъ. Турки не обратили однакоже вниманіе на дѣйствія грузинскихъ войскъ противъ Ахалкалака и продолжали двигаться къ границамъ Карталиніи. Тогда царевичъ двинулся изъ Ахалкалака къ Карсу встрѣтился съ турецкими войсками подъ начальствомъ Магомедъ-паши, и разбилъ его совершенно. Турки аттаковали потомъ урочищѣ Карагачь, но и тамъ были отбиты.

Неудачное дѣйствіе заставило Сулейманъ-пашу искать успѣха въ своихъ предпріятіяхъ съ другой стороны. Онъ сталъ подговаривать Давыда, жившаго тогда въ Имеретіи, и обѣщалъ возвести его вторично на престолъ имеретинскій. Начатая переписка между Давыдомъ и Сулейманъ-пашею была перехвачена; Давыдъ уличенъ и самъ вовсемъ сознался. Онъ снова не только вторично поклялся жить спокойно и не предпринимать ничего, но „имѣя въ одной рукѣ Спасителя крестъ, а въ другой Евангеліе, отдалъ царю Соломону II, малолѣтняго сына своего Константина въ залогъ, съ тѣмъ, что предоставляетъ его на жертву за пролитую кровь Имеретинцовъ, если предприметъ какое либо вредное намѣреніе противу царства“.

(1) Жизнь царя Ираклія, рукопись хранящаяся въ архивѣ главнаго штаба.
(2) Тамъ же.

Избѣжавъ и на этотъ разъ заслуженнаго наказанія, и пожертвовавъ сыномъ и семействомъ, Давыдъ вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ въ Ахалцыхъ. Сулейманъ-паша принялъ его съ торжествомъ и почестями отдаваемыми законному царю. Онъ тотчасъ же далъ Давыду войско, съ которымъ тотъ и вторгнулся въ Имеретію, разбилъ высланныя противу него имеретинскіе войска и заставилъ Соломона II бѣжать на границу Грузіи въ м. Сачхеры. При помощи турецкихъ войскъ Давыдъ провозгласилъ себя вторично царемъ имеретинскимъ, собралъ еще войско изъ Имеретинцовъ и двинулся на границы Грузіи, гдѣ и встрѣтился съ грузинскими войсками, бывшими подъ начальствомъ внука Ираклія, царевича Ивана Георгіевича. Имѣя въ своемъ распоряженіи тысячу человѣкъ и 2 орудія Иванъ Георгіевичъ, смѣло встрѣтилъ Давыда, и его 8,000 войско, разбилъ его и заставилъ вторично бѣжать въ Ахалцыхъ (1). Набравъ тамъ новое войско Давыдъ снова вторгнулся въ Имеретію, но былъ разбитъ опять царевичемъ Александромъ, сыномъ Ираклія, посланнымъ на помощь въ Имеретію по просьбѣ царя ея Соломона. Грузины преслѣдовали остатки Давыдова ополченія до самыхъ границъ Ахалцыхскаго пашалыка, куда они и ушли вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, вскорѣ заболѣвшимъ оспою и умершимъ.

Завладѣвъ такимъ образомъ при помощи грузинскаго войска имеретинскимъ престоломъ и заставивъ Давыда удалиться въ Турцію, Соломонъ II сначала не считалъ однако же для себя опасною супругу Давыда, царицу Анну, и дозволилъ ей оставаться въ Имеретіи съ малолѣтнимъ ея сыномъ Константиномъ.

Впослѣдствіи, боясь какихъ бы то ни было происковъ со стороны царицы и ея сына, онъ приказалъ схватить младенца, заключить его въ башню крѣпости Мухури, а несчастную мать лишить жизни. Царица, узнавъ о намѣреніи Соломона, рѣшилась бѣжать изъ Кутаиса и долго скрываясь въ непроходимыхъ лѣсахъ и горахъ, прибѣгнула къ покровительству командира роты Кавказскаго гренадерскаго полка, стоявшей на границѣ Имеретіи, въ м. Сурамѣ.—Отправивъ къ нему письмо Анна просила спасти жизнь ея. Письмо это представлено было командиру полка генералъ-маіору Тучкову, а имъ показано Лазареву, командовавшему войска-

(1) Жизнь царя Ираклія. Арх. Главн. Штаба (рукопись).

ми въ Грузіи и управлявшему тамошними дипломатическими дѣлами. Лазаревъ не рѣшился самъ собою дать разрѣшеніе принять несчастную царицу подъ защиту русскаго правительства, и думалъ сдѣлать представленіе тогдашнему главнокомандующему генералъ-лейтенанту Кнорррингу. Такая медленность рѣшенія могла быть весьма пагубна для царицы Анны, которая каждую минуту должна была ожидать, что ее отыщутъ и предадутъ въ руки Соломона. Желая помочь царицѣ необходимо было дѣйствовать рѣшительно и немедленно.

Получивъ неудовлетворительный отвѣвъ Лазарева, Тучковъ принялъ всю отвѣтственность на себя. Подъ предлогомъ осмотра полка своего онъ отправился въ Гори и Сурамъ. Въ Сурамѣ онъ условился о мѣрахъ къ спасенію царицы. Присланный отъ нее къ нашимъ аванпостамъ зналъ и указалъ мѣсто гдѣ скрывалась царица Анна. Мѣсто это оказалось неподалеку отъ того пункта гдѣ стоялъ казачій постъ. Извѣстя начальника казаковъ о мнимомъ нападеніи, предполагаемомъ будто бы Лезгинами на его постъ, Тучковъ послалъ въ подкрѣпленіе 50 человѣкъ гренадеръ съ офицеромъ и приказалъ ему какъ старшему принять начальство постомъ. Увѣдомивъ о томъ царицу, Тучковъ посланнаго отъ нее служителя оставилъ при офицерѣ.

„Въ одну темную ночь, пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ, (1) велѣно было мною сдѣлать ложную тревогу и подъ предлогомъ преслѣдованія Лезгинъ, гренадеры бросились въ лѣсъ при барабанномъ боѣ. Это было условленнымъ знакомъ для царицы и она явилась въ отрядъ, бѣжавъ къ сторонѣ слышаннаго ею шума. Офицеръ принялъ ее и препроводилъ на другой день въ Сурамъ, а я послалъ донесеніе Лазареву и главнокомандующему, что во время случившейся тревоги и преслѣдованія непріятельской партіи, гренадеры моего полка, встрѣтя въ лѣсу царицу, искавшую спасенія, защитили ее и препроводили на свой постъ. Кнорррингъ, одобривъ поступокъ сей, донесъ Государю и испросилъ повелѣніе препроводить царицу съ почестію въ Тифлисъ и дать ей приличное званію содержаніе“.

Изъ Тифлиса царица Анна отправилась въ С.-Петербургъ, куда и прибыла въ началѣ 1802 года. Здѣсь она обратилась съ просьбою къ Императору Александру I, объ

(1) Записки Тучкова стр. 124 (рукоп.). Арх. Глав. Штаба, въ С.-Петер.

освобожденіи малолѣтняго сына ея Константина изъ крѣпости Мухури, гдѣ онъ находился въ заключеніи. По Высочайшему повелѣнію посланъ былъ въ Имеретію коллежскій совѣтникъ Соколовъ, съ порученіемъ убѣдить царя Соломона освободить царевича изъ заключенія и отпустить его въ С. Петербургъ.

Получивъ подробную инструкцію, относительно своихъ дѣйствій (1), Соколовъ получилъ и грамоту на имя имеретинскаго царя. Императоръ Александръ писалъ въ ней Соломону, (2) что узнавъ о цѣли, съ которою присланъ Соколовъ, не сомнѣвается въ томъ, что имеретинскій царь исполнитъ просьбу Русскаго Императора, сколько по человѣколюбію и единовѣрію, столько же и „по сосѣдственной, доброй дружбѣ."

28-го іюня 1802 г. Соколовъ пріѣхалъ въ г. Моздокъ и получивъ отъ тамошняго коменданта въ прикрытіе 90 человѣкъ казаковъ, 30-го числа онъ выѣхалъ изъ Моздока. Употребивъ восемь дней на проѣздъ черезъ черныя и снѣговыя горы, Соколовъ достигъ, 8-го іюля, до первой имеретинской деревни *Геби*. Здѣсь ожидалъ уже посланный отъ имеретинскаго князя Джепаридзе, для дальнѣйшаго его сопровожденія въ пути. Самъ царь Соломонъ находился отъ деревни Геби въ разстояніи трехъ дней верховой ѣзды. Не скоро однако же удалось Соколову проѣхать столь небольшое разстояніе. Какъ ни торопился онъ все таки могъ достать лошадей только черезъ два дни послѣ прибытія своего въ Геби. Въ сумерки 10-го іюля онъ достигъ до села князя Джепаридзе, гдѣ хозяинъ предложилъ ему переночевать.

Отсюда Соколовъ хотѣлъ отправить впередъ, бывшаго при немъ, коллежскаго ассесора Яковлева съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи и испрошеніемъ себѣ аудіенціи. Кн. Джепаридзе отсовѣтывалъ Соколову эту посылку, говоря, что онъ, по должности Моурава, самъ послалъ увѣдомленіе царю о прибытіи русскихъ чиновниковъ и приглашалъ ихъ переѣхать въ г. Калакъ, отстоявшій отъ его села часа на два пути. Здѣсь Моуравъ просилъ подождать возвращенія своего посланнаго съ отвѣтомъ царя, и извинялся, что для даль-

(1) См. Приложеніе № 15.

(2) Грамота Соломону 15 мая 1802 г. Арх. Мин. Инос. Д. 1—5, 1802 г. № 1.

нѣйшаго пути онъ не можетъ дать лошадей, которыя будто бы изъ селеній на все лѣто угнаны въ горы для пастьбы.

Прибывъ въ Калакъ, 11-го іюля, Соколовъ узналъ, что царь Соломонъ намѣренъ на слѣдующій день самъ пріѣхать въ этотъ городъ и здѣсь имѣть свиданіе съ русскимъ посланнымъ. Кн. Джепаридзе сообщилъ при этомъ, что если какія нибудь обстоятельства не дозволятъ Соломону пріѣхать въ Калакъ, то царь приказалъ пригласить Соколова въ дер. Хонцкари, гдѣ самъ находился.

На слѣдующій день ожидали, но тщетно, прибытія царскаго въ Калакъ, и когда на другое утро Соколовъ готовъ уже былъ къ отъѣзду въ Хонцкари, то былъ опять остановленъ Кн. Джепаридзе, просившемъ его обождать. Пять дней прошло въ такомъ ожиданіи. Нѣсколько разъ посланный просилъ Моурава отправить его далѣе, но кн. Джепаридзе постоянно его задерживалъ и просилъ обождать, приводя въ оправданіе то, что нѣкоторыя домашнія безпокойства препятствуютъ царю принять русскаго посланнаго. Онъ увѣрялъ при этомъ, что самъ Соломонъ извиняется, и очень огорченъ тѣмъ, что вынужденъ откладывать свиданіе.

Пробывъ въ Калакахъ до 16-го числа, Соколовъ просилъ кн. Джепаридзе сказать ему откровенно, почему имеретинскій царь такъ долго не допускаетъ его къ себѣ.

— Царь, отвѣчалъ на это кн. Джепаридзе, находится дѣйствительно въ деревни Хонцкари, разстояніемъ не болѣе, какъ на 16 часовъ верховой ѣзды отъ Калака. — Онъ прибылъ туда по случаю войны, которую ведетъ съ Дадіаномъ (мингрельскимъ). По худому до сихъ поръ успѣху этой войны, царь находится въ безпокойствѣ и боязни, чтобы Дадіанъ не сдѣлалъ ему сильнаго пораженія и въ особенности, чтобы вы не были тому свидѣтелемъ. Конечно, продолжалъ кн. Джепаридзе, царь, по молодости своей и неопытности, поступаетъ весьма неблагоразумно, откладывая такъ долго свиданіе съ вами.

Дѣйствительная причина почему царь Соломонъ такъ долго откладывалъ свиданіе свое съ Соколовымъ была та, что, завладѣвъ уже многими селеніями лечгумской области, Соломонъ торопился утвердить тамъ власть свою. Онъ занимался теперь приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность себѣ новопокоренныхъ князей и дворянъ, опасаясь всякаго про-

медленія въ этомъ потому, что они, услышавъ о пріѣздѣ русскаго чиновника, не возъимѣли бы на него какой нибудь надежды въ свою пользу. Опасенія свои Соломонъ могъ полагать основательными, вопервыхъ потому что самъ не зналъ о цѣли присылки Соколова, а во вторыхъ и потому, что всей Имеретіи было извѣстно, что Дадіанъ мингрельскій, со всѣми подвластными ему областями давно ищетъ покровительства Русскаго Императора. Неизвѣстность содержанія грамоты привезенной Соколовымъ особенно безпокоила имеретинскаго царя. Нѣсколько разъ писалъ онъ къ кн. Джеридзе прося его разузнать у Соколова о ея содержаніи, но тотъ, не смотря на всѣ свои старанія не могъ удовлетворить любопытству Соломона. Царю надобно было безъ всякаго предварительнаго приготовленія рѣшиться принять русскаго посланнаго, и стать лицомъ къ лицу, не зная что отъ него потребуютъ. Съ одной стороны, откладывая далѣе свиданіе, Соломонъ боялся навлечь неудовольствіе Русскаго Императора, съ другой царь по своему характеру не рѣшался назначить дня пріема. Онъ положилъ предоставить всё это обстоятельствамъ и времени ....

16-го Іюля наконецъ, по приглашенію Моурава, Соколовъ выѣхалъ изъ Калака, съ тѣмъ, чтобы подвинуться ближе къ мѣсту пребыванія царя въ дер. Сухово, въ которую Соломонъ хотѣлъ самъ пріѣхать на слѣдующій день. Вмѣсто дер. Сухово, его привезли въ дер. Бари не далеко отъ первой лежащую. Видя что и тутъ обманутъ, Соколовъ объявилъ Моураву рѣшительно, что если Яковлеву не дадутъ проводника и лошадей и не допустятъ до царя съ извѣстіемъ о прибытіи посланныхъ отъ русскаго правительства, то, не смотря ни какія опасности и преграды, отправитъ его пѣшкомъ. Кн. Джеридзе отклонялъ отъ такого намѣренія, увѣряя, что въ непродолжительномъ времени они будутъ допущены къ Соломону. Соколовъ недовольствуясь теперь такими увѣреніями, настаивалъ на томъ чтобы Яковлевъ ѣхалъ на другой же день. Моуравъ обѣщалъ дать лошадей и объявилъ что проводникомъ Яковлеву дастъ роднаго своего брата.

„Притомъ, пишетъ Соколовъ (1), просилъ меня унижен-

(1) Изъ донесенія Соколова кн. Куракину 30-го августа 1802 г. Арх. М. И. Д. 1—5 1802—3, № 1.

нѣйше, чтобы я спасъ его отъ мщенія царскаго, въ разсужденіи того, чтобы онъ, имѣя точное повелѣніе его высочества, меня удержать въ сей деревнѣ до востребованія, не былъ обвиненъ въ неисполненіи онаго доставленіемъ мнѣ сихъ вспоможеній, и чтобы я, когда буду видѣться съ царемъ, засвидѣтельствовалъ его высочеству о томъ, что я самъ къ тому приступилъ. Послѣ же того Моуравъ вызвалъ отъ меня Яковлева, и увѣдомивъ его, что къ разсвѣту все будетъ готово къ его путешествію, съ довѣренностію его просилъ, когда онъ будетъ у царя не давать ни малѣйшаго никому вида о томъ, что ему извѣстны внутреннія обстоятельства. Чтобы онъ весьма остерегался двухъ приближеннѣйшихъ къ царю вельможъ, а именно: Сардаря кн. Кайхосро Церетеля и Моурава кн. Джепаридзе (1), которые наиболѣе участвуютъ съ царемъ въ притѣсненіяхъ, чинимыхъ Дадіану, въ надеждѣ той, что какъ предварительно имъ отъ царя обѣщано, по удачному окончанію сей войны, они получатъ щедрое награжденіе землями, отнятыми у Дадіана".

Іюля 17-го Яковлевъ отправился къ имеретинскому царю, а въ сумерки 19-го числа возвратился въ Бари. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и посланный Соломономъ къ Соколову дядька царя кн. Бѣжанъ Аваловъ. Какъ только Яковлевъ пріѣхалъ въ селеніе Хонцкари, гдѣ находился имеретинскій царь, къ нему тотчасъ же былъ присланъ Сардарь кн. Кайхосро Церетели, для разузнанія кто онъ? отъ кого и не имѣетъ ли съ собою какого нибудь письма? На другой день онъ позванъ былъ къ Соломону и вручилъ ему письмо Кнорринга, въ которомъ тотъ просилъ царя исполнить просьбу Императора Александра. Сказавши, что прошло уже 11 дней съ тѣхъ поръ, какъ они находятся въ предѣлахъ Имеретіи, Яковлевъ просилъ аудіенціи царя съ Соколовымъ, для врученія ему высочайшей грамоты. Соломонъ извинялся, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могъ такъ долго назначить дня свиданія. Онъ отговаривался, что весьма обремененъ дѣлами по случаю военныхъ дѣйствій съ Дадіаномъ, въ которыхъ хотя и имѣетъ желанный успѣхъ,—покоривъ многія селенія области Лечгумской и три крѣпости, — но что одна крѣпость Цхуши весьма укрѣпленная, не хочетъ

(1) Родственникъ ли его или однофамилецъ намъ неизвѣстно.

еще добровольно сдаться, которую онъ однакоже намѣренъ принудить къ тому силою оружія. Отправивъ Яковлева обратно къ Соколову, имеретинскій царь написалъ Салтхуцесу (правителю царства) кн. Зурабу Церетелю, находившемуся тогда въ своей деревнѣ, чтобы тотъ пріѣхалъ къ Соколову и привезъ его къ нему.

Кн. Зурабъ-Церетель былъ до того посланникомъ при русскомъ дворѣ отъ имеретинскаго царя Давыда. Онъ былъ расположенъ къ Россіи, и впослѣдствіи, по своему вліянію въ Имеретіи, былъ однимъ изъ лицъ заставившихъ Соломона искать подданства Россіи со всѣмъ его царствомъ.

20-го іюля кн. Бѣжанъ Аваловъ увѣдомилъ Соколова, что Салтхуцесъ кн. Зурабъ Церетели пріѣхалъ уже въ Сухово, что онъ поѣдетъ къ нему на свиданіе и на слѣдующій день вмѣстѣ съ нимъ возвратится. 21-го іюля кн. Церетель пріѣхалъ въ Бари, и, услышавъ отъ Соколова, что онъ 13 дней находится въ предѣлахъ Имеретіи, послалъ тотчасъ же нарочнаго къ царю Соломону прося и совѣтуя ему не откладывать далѣе пріема.

Пребываніе въ Бари продолжалось однакоже до 24-го іюля, пока Соломонъ не отвѣтилъ, что обстоятельства никакъ не позволяютъ ему оставить Хонцкари, и что потому онъ хотя и со стыдомъ, но рѣшается тамъ принять русскихъ посланныхъ. 24-го іюля Соколовъ, въ сопровожденіи Салтхуцеса кн. Церетели, кн. Бѣжана Авалова и Моурава кн. Джаридзе, поѣхалъ въ Хонцкари. На слѣдующій день, по пріѣздѣ въ это селеніе, царь назначилъ ему въ полдень аудіенцію.

Шалашъ, крытый кукурузою, составлялъ пріемный залъ имеретинскаго царя. Соломонъ сидѣлъ на простой скамьѣ, когда взошелъ къ нему Соколовъ; царь всталъ и подошелъ къ вошедшему. Русскій посланный, послѣ привѣтствія отъ имени Императора, вручилъ Соломону высочайшую грамоту и часы присланные въ подарокъ Императоромъ Александромъ. Соломонъ принялъ то и другое съ крайнимъ смущеніемъ, безпрестанно мѣнялся въ лицѣ и казалось безпокоился о чемъ то.

— Давно ли вы изъ Петербурга? спрашивалъ Соломонъ, приглашая Соколова сѣсть возлѣ него.

Разговоръ съ обѣихъ сторонъ былъ безсвязенъ и отры-

ченъ. Имеретинскій царь спрашивалъ объ учрежденіи нашихъ почтъ, объ исправности и скорости ихъ и проч. Такъ прошло полчаса времени.

— Его Императорское Величество, говорилъ Соколовъ прощаясь и оставляя шалашъ Соломона, по единовѣрію и благонамѣренности вашего высочества, пребываетъ въ надеждѣ на точное исполненіе своего желанія.

— Я займусь чтеніемъ грамоты, отвѣтилъ только Соломонъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, дядька царя кн. Бѣжанъ Аваловъ пришелъ къ Соколову и объявилъ, что онъ назначенъ находиться при немъ безотлучно, для того, чтобы Соколову не было ни въ чемъ недостатка и чтобы не безпокоилъ его, шатающійся, праздный народъ, своимъ любопытствомъ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ приставленъ для того, чтобы недопустить никого изъ тѣхъ, которые хотѣли бы видѣться съ русскимъ посланнымъ.

Мы уже сказали выше, что Соломонъ особенно этого боялся. Опасенія и боязнь его въ этомъ случаѣ доходили до того, что онъ не допускалъ къ Соколову даже и высшее правительственное лицо,—Салтхуцеса кн. Зураба Церетели. Зная его привязанность къ Россіи, которую Церетели не скрывалъ отъ Соломона, царь, въ случаѣ необходимости какихъ-либо переговоровъ, пускалъ его къ Соколову не иначе, какъ съ товарищемъ, который бы могъ за нимъ наблюдать.

Неподалеку отъ царскаго шалаша помѣстили и нашихъ посланныхъ въ соломенномъ шалашѣ; за ними въ особенномъ шалашѣ помѣстился и кн. Бѣжанъ Аваловъ. Въ тотъ же день при вечерней бесѣдѣ съ кн. Бѣжаномъ Аваловымъ и Салтхуцесомъ, Соколовъ, склонивъ разговоръ на цѣль своего пріѣзда, просилъ ихъ содѣйствовать успѣшности его исполненія.

— По преданности моей къ россійскому престолу, говорилъ кн. Церетели, я готовъ всячески стараться, чтобы царь исполнилъ волю Его Императорскаго Величества, тѣмъ болѣе, что единодушное всѣхъ благомыслящихъ людей желаніе состоитъ въ томъ, чтобы заключенный царевичъ былъ на свободѣ и какъ единственный законный наслѣдникъ (1)

(1) Такъ какъ Соломонъ былъ бездѣтенъ.

престола имеретинскаго привыкалъ бы носить на себѣ достоинство, которое ему принадлежитъ.

— Я неоднократно объяснялся о томъ съ царемъ, продолжалъ кн. Церетели, но царь всегда, однакоже, отвѣчалъ мнѣ, что лучше согласится умереть, чѣмъ освободить царевича, опасаясь, чтобы по мѣрѣ вступленія его въ совершеннолѣтіе, онъ не сдѣлалъ бы съ нимъ того же, что претерпѣлъ онъ отъ покойнаго отца царевича.

Имеретинскій царь никакъ не предполагалъ, чтобы этотъ юноша могъ возбудить участіе Русскаго Императора. Онъ не зналъ, что дѣлать и растерялся до того, что прочиталъ грамоту и спряталъ ее, никому ни сказавъ ни одного слова.

Спустя день послѣ первой аудіенціи Соколовъ просилъ, черезъ кн. Бѣжана Авалова, новаго свиданія съ имеретинскимъ царемъ, которое и послѣдовало 27-го іюля въ 5 часовъ по полудни.

Послѣ обыкновеннаго разговора и привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, продолжавшихся четверть часа, царь сдѣлалъ знакъ, чтобы лишніе его царедворцы удалились изъ шалаша. Въ шалашѣ осталось четыре человѣка изъ самыхъ довѣреннѣйшихъ всльможъ: Салтхуцесъ кн. Зурабъ-Церетели, племянникъ его Сардарь кн. Кайхосро Церетели, кн. Рустомъ Нижарадзе и кн. Мочабелли. Первый изъ нихъ былъ посредникомъ и переводчикомъ разговора между царемъ и русскими посланными.

— Мнѣ кажется, началъ послѣ нѣкотораго молчанія имеретинскій царь, что переводъ на грузинскій языкъ высочайшей грамоты не сходенъ съ русскимъ оригиналомъ.

— Въ содержаніи, отвѣчалъ Соколовъ, и смыслѣ словъ перевода съ оригиналомъ ни малѣйшей разницы быть не можетъ. Если бы даже это и могло быть, то я словесно могу повторить о содержаніи грамоты, тѣмъ болѣе, что имѣю и копію съ оной. Если ваше высочество изволите въ томъ еще сомнѣваться, то можно тотчасъ же ее свѣрить, отдавъ Яковлеву оригинальную, а переводъ Салтхуцесу, который изрядно понимаетъ по русски.

Предложеніе Соколова было принято, переводъ съ оригиналомъ свѣренъ и однозначность обѣихъ подтверждена.

— По моему мнѣнію оригиналъ краснорѣчивѣе, проговорилъ Соломонъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Соколовъ. Но какъ бы нескладенъ переводъ не былъ, однакоже настоящаго смысла оригинала въ немъ не утрачено.

— А какою дорогою, вдругъ спросилъ имеретинскій царь, французскіе войска въ 1798 г. пробрались въ Египетъ: сухимъ-ли путемъ или моремъ?

— Французы добрались до Египта моремъ, отвѣчалъ Соколовъ и долженъ былъ объяснить путь, по которому шелъ французскій флотъ.

— Если бы Туркамъ, говорилъ смѣясь Соломонъ, не вспомоществовали тогда своими силами Англичане, а впослѣдствіи Русскіе, то во чтобы Французы могли превратить бездѣйственное величество султана?

— Конечно.

— Есть ли и нынѣ вспомогательныя русскія войска въ Цареградѣ? спрашивалъ Соломонъ. Государь Императоръ въ тѣхъ ли еще дружественныхъ съ Портою отношеніяхъ, въ какихъ съ нею былъ блаженной памяти его родитель?

— Кромѣ двухъ военныхъ фрегатовъ другихъ нашихъ войскъ нѣтъ въ Цареградѣ. Что же касается до союза съ Портою, то оный ни малѣйшаго ослабленія не претерпѣлъ.

— Не имѣетъ ли которая либо изъ прочихъ европейскихъ державъ непріязненныхъ видовъ или дѣйствій противу Турокъ? спросилъ имеретинскій царь. —

— Я удивляюсь, говорилъ Соломонъ, какъ можетъ столь долго существовать союзъ Россіи съ невѣрными?

— Всѣ европейскія державы, отвѣчалъ Соколовъ, по уваженію союза Россіи съ Портою оттоманскою, равнымъ образомъ съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ. Османы хотя и слывутъ невѣрными, но поелику они твердо соблюдаютъ силу трактата своего съ Россіею заключеннаго, и никакихъ предосудительныхъ поступковъ противу Имперіи не предпринимаютъ, то во взаимство того, равнымъ образомъ, и Россія сохраняетъ обязанности свои по силѣ трактата.

— Пора бы однако же Европу освободить отъ сихъ бусурмановъ, слѣдовъ варварства которыхъ Имеретія до сихъ поръ еще не можетъ изгладить.

Начало смеркаться и свиданіе прекратились. Прошло три дни послѣ того, а Соломонъ не давалъ никакого рѣшитель-

наго отвѣта и не приступалъ къ исполненію просьбы Императора Александра. До Соколова стали доходить слухи, что нѣкоторыя изъ царедворцевъ имеретинскаго царя, ему преданныхъ, узнавъ что пріѣхалъ посланный изъ Россіи, для исходатайствованія освобожденія заключеннаго царевича Константина, отклоняли Соломона отъ такого поступка. Негодуя на царицу Анну, оставившую Имеретію, браня ее непристойными словами, они говорили что лучше искрошатъ царевича у себя, нежели отпустятъ въ Россію, для того чтобы онъ впослѣдствіи отечество свое подвергнулъ жребію Грузіи. Говоръ этотъ, и нежеланіе нѣкоторыхъ вельможъ освободить царевича Константина, дошли до имеретинскаго царя и тѣмъ поставили его еще въ болѣе затруднительное положеніе относительно исполненія воли русскаго Императора.

На совѣщаніи бывшемъ у Соломона съ кн. Бѣжаномъ Аваловымъ и Салтхуцесомъ кн. Зурабомъ Церетели, царь высказалъ нерѣшимость и незнаніе какъ поступить: освободить ли царевича и отпустить въ Россію,—или же нѣтъ?

— Весьма будетъ неблагоразумно, отвѣчалъ на это Бѣжанъ Аваловъ, упустить столь благопріятный случай заслужить покровительство государя императора въ граммотѣ вамъ и всему царству обѣщанное. Лучше было сначала принять предосторожности и мѣры къ тому, чтобы царица мать царевича не могла уѣхать въ Россію и утруждать о своемъ сынѣ государя императора. Но если уже его величество принимаетъ участіе въ семъ юношѣ, то весьма неприлично будетъ того неисполнить.

Между тѣмъ Салтхуцесъ кн. Зурабъ Церетели былъ у Соколова и хотя не одинъ, но успѣлъ передать и посовѣтывать черезъ Яковлева, пригласить къ себѣ нѣсколькихъ вельможъ и просить ихъ склонить царя согласиться на освобожденіе царевича. Зная приверженность Салтхуцесса къ Россіи и усердіе къ нашимъ интересамъ, Соколовъ воспользовался такимъ совѣтомъ и пригласилъ къ себѣ: его, кн. Бѣжана Авалова, Сардаря кн. Кайхосро Церетели и кн. Цулукидзе.—По утру 28-го іюля они всѣ собрались у Соколова. На бывшемъ совѣщаніи, Соколовъ старался удалить вельможъ отъ той мысли что императоръ Александръ проситъ за царевича изъ одного только снисхожденія на просьбу его матери. Онъ хотѣлъ поставить вопросъ гораздо серьезнѣе,

для того чтобы съ большею вѣроятностію расчитывать на успѣхъ. Онъ убѣждалъ ихъ въ томъ что Русскій императоръ желаетъ видѣть въ этомъ случаѣ, на самомъ дѣлѣ благонамѣренность и приверженность къ себѣ царя имеретинскаго, на которую онъ имѣетъ основаніе и право расчитывать, сколько по единовѣрію, столько же и потому что имеретинское царство благодѣяніемъ своимъ обязано Россіи, которая своимъ могущественнымъ посредствомъ исторгла его изъ рукъ варваровъ.

Князья казалось были убѣждены словами Соколова, и отправились къ Соломону для новыхъ совѣщаній. На слѣдующій день они опять пріѣхали къ нашему посланному и объявили ему, что царь, сознавая какъ велико для него счастіе заслужить доброе расположеніе императора Александра, готовъ согласиться не только на исполненіе этой его просьбы, но и повергнуть къ стопамъ его себя и все царство свое, еслибы то было угодно Его Величеству.

— Однакоже, говорили присланные, не смотря на все свое усердіе и приверженность царь встрѣчаетъ въ томъ нѣкоторое затрудненіе, на которое и требуетъ вашего мнѣнія.

— Въ чемъ же затрудненіе то состоитъ? спросилъ Соколовъ.

— Царю угодно что бы вы прежде узнали всю исторію царствованія покойнаго царя Давыда, отца заключеннаго царевича, и тѣхъ причинъ по которымъ царевичъ содержится въ крѣпости.

— Я готовъ слушать, было отвѣтомъ.

Они разсказали происшествія предшествовавшія вступленію на царство Соломона и приведенныя нами въ началѣ разсказа.

— Хотя отецъ несчастнаго царевича, говорили князья въ заключеніе своей рѣчи, столь много зла причинилъ государству, что слѣдовало бы все вымѣстить на семъ юношѣ, однакоже царь, имѣя теплую вѣру христіанскую, того не сдѣлалъ. Но въ предосторожность того, чтобы онъ бывъ на свободѣ, не послѣдовалъ примѣру своего отца и привлеченіемъ къ себѣ единомысленныхъ не предпринялъ чего либо предосудительнаго противъ царя, содержитъ его только въ крѣпости подъ присмотромъ, доставляя ему все необходимое для его существованія.

— Его Высочество, продолжали они, со всѣмъ усердіемъ своимъ готовъ исполнить желаніе вашего Государя Императора, но опасается что когда царевичъ будетъ освобожденъ и отправленъ въ Россію, а по просьбѣ матери его, ей будетъ отданъ, то не сталъ бы причинять царю безпокойствъ вмѣстѣ съ матерью своею.

— Что побуждаетъ царя, спрашивалъ съ удивленіемъ Соколовъ, дѣлать такое заключеніе? Почему онъ питаетъ такую недовѣрчивость къ Государю Императору?

— Можетъ быть потому, что царь помнитъ нѣкоторыя случаи съ сосѣдними государствами, особенно же съ Персіею, на льстивыя предложенія которой, Грузія склоняясь, въ прежнія времена, чрезмѣрною довѣрчивостію, обращала весьма часто на себя свое собственное оружіе.

— Русскій Императоръ обладатель пространнѣйшихъ земель во всей Европѣ, говорилъ Соколовъ, какъ вамъ самимъ то не безъизвѣстно, правилами невѣрныхъ никогда руководимъ небылъ. Высочайшее слово его твердо и неперемѣнно. Его Высочеству непростительно было бы сомнѣваться въ томъ даже и тогда, когда Государь Императоръ просто только обратился бы съ просьбою объ освобожденіи царевича и о присылкѣ его къ себѣ. Еще непростительнѣе теперь, когда Императоръ въ грамотѣ своей говоритъ, „что царевичъ оставаясь всегда въ имперіи нашей и черезъ то самое избавляя васъ отъ напрасной заботы, прекратитъ всякое о себѣ сомнѣніе“, и въ заключеніе той же грамоты изъявляетъ свою готовность оказывать царю и царству его, высокое свое покровительство. Если Его Высочество изволитъ вникнуть въ сіи слова, и ихъ понять по прямому смыслу, то я остаюсь твердо убѣжденнымъ въ томъ, что всякое сомнѣніе царя изчезнетъ и высочайшее желаніе моего государя исполнится.

Князья, съ свойственною имъ азіатскою хитростію, увѣряли Соколова, что сколько они вмѣстѣ съ царемъ не прочитывали грамоту, но глубины смысла ея не поняли. Обѣщаясь передать все Соломону, они старались показать себя сторонниками Россіи и желающими содѣйствовать въ освобожденіи царевича Константина.

30-го Іюля Соколовъ былъ приглашенъ къ царю. Соломонъ встрѣтилъ его окруженный только тѣми лицами, которые были посланы имъ для переговоровъ.

— Что имѣете вы мнѣ сказать? спросилъ имеретинскій царь послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Если князья, все отъ меня слышанное донесли вашему высочеству, то въ настоящую минуту болѣе ничего не имѣю сказать, кромѣ подтвержденія, того, что напрасно изволите безпокоиться и сомнѣваться въ томъ, въ чемъ имѣете высочайшее увѣреніе въ грамотѣ изложенное.

Царь Соломонъ стоялъ молча и задумавшись.

— Мнѣ кажется, говорилъ онъ послѣ долгаго молчанія, что вашему Государю Императору внушены подозрительныя и гнѣвныя мысли на мой счетъ.

— Напрасно такъ думаете, ибо Государю Императору, по благости его, никакія подозрѣнія не сродны. Притомъ въ доказательство противнаго, можетъ служить высочайшая грамота мною вамъ врученная. Въ ея выраженіяхъ не заключается никакого негодованія. Я прошу ваше высочество удостоить меня довѣренности и сказать почему такое заключеніе вы дѣлать изволите?

— Я знаю навѣрное, отвѣчалъ Соломонъ, что генералъ-лейтенантъ Кнорингъ донесъ Его Величеству, что будто бы я замѣченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Баба-Ханомъ и прочими азіатскими владѣльцами, сношеніяхъ клонящихся ко вреду русскихъ войскъ находящихся въ Грузіи.

— Генералъ-лейтенантъ Кнорингъ, по званію своему пограничнаго начальника, конечно долженъ былъ стараться узнать о всемъ томъ, что происходитъ за границею и доносить о томъ Его Величеству по сущей справедливости. Я смѣю увѣрить однако же въ томъ, что Кнорингъ не могъ донести о сношеніяхъ вашихъ, если не имѣлъ въ томъ положительныхъ доказательствъ.

— Если не въ этомъ, то въ чемъ нибудь другомъ, но все-таки я обвиненъ передъ Императоромъ, сказалъ Соломонъ.

— Въ чемъ же то обвиненіе могло заключаться? спросилъ Соколовъ.

— Можетъ быть относительно грузинскихъ царевичей, которые у меня живутъ, проговорилъ имеретинскій царь какъ бы нехотя.

— Не сами ли вы тому свидѣтели, продолжалъ Соломонъ, обратившись уже къ кн. Церетелю и кн. Бѣжану Авалову, какъ часто я ихъ уговаривалъ, чтобы они принесли покор-

ность свою Государю Императору и возвратились бы въ Грузію, но они меня никогда не слушались.

Кн. Бѣжанъ Аваловъ подтвердилъ слова Соломона наклоненіемъ головы; Салтхуцесъ же кн. Церетели отвернувшись въ сторону, молчалъ и казалось весьма мало соглашался съ имеретинскимъ царемъ.

— Если угодно мнѣ позволить, говорилъ Соколовъ, то я могу указать на обстоятельства съ которыми быть можетъ ваше высочество со мною согласитесь.

— Я буду вамъ очень обязанъ, отвѣчалъ на это Соломонъ.

Зная, что имеретинскій царь все еще надѣялся на то, что Грузія получитъ прежнюю свою самостоятельность; что народъ согласится возвести на престолъ грузинскій сына покойнаго царя Ираклія, царевича Іулона, въ то время жившаго въ Имеретіи, и что наконецъ самъ Соломонъ завелъ по этому дѣлу переписку съ царицею Дарьею, супругою Ираклія, зная все это Соколовъ старался завлечь Соломона въ разговоръ по этому вопросу; онъ говорилъ:

— Его Императорское Величество, по возшествіи своемъ на престолъ, нашелъ уже царство грузинское присоединеннымъ къ Россійской имперіи и обративъ свое вниманіе на все то, что можетъ споспѣшествовать къ благодѣнствію грузинскаго народа, обратилъ также свое вниманіе на царевичей грузинскихъ, сохранивъ имъ не только имущества ихъ, но и кромѣ того назначивъ имъ, отъ щедротъ своихъ, особенное награжденіе. Имѣя явное доказательство покорности и повиновенія тѣхъ царевичей, которые остались въ отечествѣ своемъ, и другихъ добровольно пожелавшихъ остаться или переселиться въ Россію, Государь Императоръ не можетъ конечно не удивляться поведенію трехъ грузинскихъ царевичей, дѣтей покойнаго царя Ираклія: Іулона, Парнаоза и Александра, въ Имеретіи до сихъ поръ пристанищѣ имѣющихъ. Такому поведенію тѣмъ болѣе нельзя не удивляться тогда, когда именемъ Е. И. В. неоднократно приглашаемы они были, возвратиться въ свое отечество, и когда обѣщано имъ забвеніе всего прошедшаго, коль скоро они обратятся на истинный путь.

— По моему мнѣнію, отвѣчалъ на это Соломонъ, въ томъ, что царевичи имѣютъ убѣжище въ моемъ царствѣ, противнаго высочайшей воли Государя Императора ничего

быть не можетъ, потому что манифестомъ имъ даровано прощеніе во всѣхъ прежнихъ ихъ проступкахъ и при томъ дозволено избрать мѣсто пребыванія свое тамъ гдѣ они сами пожелаютъ.

— Если даровано имъ прощеніе всѣхъ прежнихъ проступковъ, то прощеніе это тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда они, возвратясь въ свое отечество, будутъ повиноваться законной власти и въ вѣрности русскому престолу принесутъ присягу,—чего они однакоже не сдѣлали. — Что же касается до даннаго имъ позволенія избрать пожеланію мѣсто всегдашняго своего пребыванія, то и оное относится только до того, что они могутъ или оставаться всегда въ своемъ отечествѣ или же гдѣ пожелаютъ въ Россіи, а не внѣ границы ея, на что, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, никто изъ подданныхъ права не имѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ я невинно вовлеченъ въ проступокъ противъ Государя Императора, отвѣчалъ Соломонъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— По здравому разсудку кажется, что тотъ которому прощены дурные поступки, долженъ бы былъ хорошими дѣлами загладить заблужденія, въ которыя могъ быть завлеченъ обстоятельствами, а не повторять ихъ, какъ поступаетъ противно всему царевичъ Александръ, который и въ Имеретіи неужившись скитается теперь по Азіи.

— Я въ такихъ поступкахъ царевича Александра ни какого участія не принимаю. Царевичъ отпросясь у меня на охоту пропалъ безвѣсти и потомъ вдругъ очутился въ Эриванѣ.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ что ваше высочество не принимали участіе въ его побѣгѣ, говорилъ Соколовъ.

— Я давно уже желалъ бы принести свое оправданіе передъ Е. И. В. или посредствомъ письма или же черезъ посланнаго, котораго отправилъ бы въ С.-Петербургъ, но зная какою большою довѣренностію пользуется у Императора Кноррингъ, опасаюсь что если бы было отправлено такое письмо, то оное не дойдетъ, а будетъ удержано Кнорринговъ, а если будетъ отправленъ посланецъ, то и его Кнорринъ, не допустивъ до Петербурга, вернетъ назадъ.

— Напрасно вы такъ думаете и какой поводъ подалъ Кнорринъ къ тому, чтобы дѣлать такое заключеніе? спрашивалъ Соколовъ имеретинскаго царя.

— Когда я отправилъ въ прошломъ году зимою въ С.-Петербургъ посланникомъ кн. Джепаридзе, то Кноррингъ продержалъ его нѣсколько времени въ Георгіевскѣ и потомъ отослалъ обратно.—Послѣ этого я не имѣю болѣе надежды на будущее время, быть въ близкихъ сношеніяхъ съ Государемъ Императоромъ (1).

— По одному примѣру не всегда можно судить о послѣдующихъ. При томъ же Кнорринтъ не осмѣлился отправить въ С.-Петербургъ кн. Джепаридзе съ такимъ порученіемъ какое ему было дано. Онъ сообщилъ вамъ письменно о причинахъ, по которымъ воспрещено было слѣдовать ко двору посланнымъ съ подобными порученіями и съ нимъ же прислалъ вамъ доказательство своей справедливости.

— Конечно такъ, отвѣчалъ на это Соломонъ весьма сухо.

— Я бы желалъ видѣть, говорилъ Соколовъ, царевича Константина, который по желанію Е. И. В. долженъ мнѣ быть порученъ для доставленія въ Россію.

— Ничего рѣшительнаго еще объ немъ я сказать не могу, отвѣчалъ имеретинскій царь, прощаясь съ Соколовымъ.

Вскорѣ послѣ этой аудіенціи, Соколовъ узналъ, что Соломонъ вовсѣ не расположенъ и не думаетъ дать свободу царевичу Константину, а еще менѣе отпустить его въ Россію. До 3-го августа велись переговоры черезъ разныхъ лицъ, посѣщавшихъ, по приказанію царя, нашихъ посланныхъ. Въ этотъ день вечеромъ Соколовъ былъ опять приглашенъ къ Соломону.

— Неугодно ли будетъ, вашему высочеству, приказать мнѣ что нибудь? спросилъ Соколовъ, видѣвшій, что его занимаютъ совершенно посторонними разговорами, вовсе не идущими къ дѣлу.

— Ничего, отвѣчалъ Соломонъ.—Я желалъ видѣться съ вами только для того, чтобы провести вечеръ въ пріятной бесѣдѣ.

— Я имѣю сказать нѣсколько словъ, сказалъ Соколовъ, послѣ благодарности за любезность царя.

Имеретинскій царь приказалъ всѣмъ присутствующимъ

(1) Кн. Джепаридзе посылался съ ходатайствомъ о возведеніи на грузинскій престолъ Царевича Іулона.—Кнорринтъ отправилъ его назадъ и послалъ вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько экземпляровъ манифеста, о присоединеніи Грузіи къ Россіи и штатъ ея управленія.

выдти, оставивъ только при себѣ Салтхуцеса, кн. Зураба Церетели и дядьку своего кн. Бѣжана Авалова.

— По всеобщимъ слухамъ, началъ тогда Соколовъ, ваше высочество скоро изволите отправиться въ походъ, то я прошу удостоить меня приказаніями относительно моей присылки.—Не лучше ли будетъ, если ваше высочество, до похода своего, заблагоразсудить изволите царевича Константина отправить со мною въ Грузію, чтобы мнѣ не запоздать и не пропустить лучшаго времени для перехода черезъ горы въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

— Я постараюсь исполнить вашу просьбу, но надо имѣть терпѣніе еще на недѣлю, пока *диванъ* (писецъ), за которымъ я давно уже послалъ, не прибудетъ сюда. — Ему также необходимо будетъ дать нѣкоторое время, для порядочнаго расположенія отвѣтственной грамоты къ Императору.

— Изъ всего этого я могу заключить, что ваше высочество, продолжаете по прежнему безпокоиться и выражать сомнѣніе къ высочайшимъ словамъ грамоты. — Въ теченіе десяти дней, которыя я провелъ при свѣтлѣйшемъ лицѣ вашемъ, не вижу того, чтобы сдѣланъ былъ малѣйшій поступокъ сообразный съ желаніемъ моего Государя. — Я нахожусь теперь въ недоумѣніи и долгомъ считаю повторить, что удостоившись неоднократно слышать отъ васъ о томъ, что вашему высочеству, ни что такъ не лестно, какъ пользоваться покровительствомъ Государя Императора; что въ томъ вы полагаете единую свою надежду, то думаю, что вамъ должно быть пріятно доказать то на дѣлѣ въ настоящемъ случаѣ.

— Я еще ни на что не рѣшился.—Когда прибудетъ диванъ тогда немедленно все окончу.

За тѣмъ Соломонъ всталъ съ скамейки и Соколовъ долженъ былъ откланяться. На другой день 4-го августа нашъ посланный пригласилъ къ себѣ Салтхуцеса кн. Церетели и дядьку царя, кн. Бѣжана Авалова. Онъ просилъ ихъ отъ его имени передать Соломону то, что онъ хотѣлъ ему самъ высказать, когда царь прекратилъ съ нимъ разговоръ.

— Если долженъ я вѣрить царскимъ словамъ, говорилъ Соколовъ, неоднократно мнѣ повтореннымъ, о его приверженности и благонамѣренности къ Е. И. В., то не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобы царь не исполнилъ

желанія въ высочайчай грамотѣ изложеннаго; я не вижу однако же того, чтобы царь предпринялъ что либо сообразное тому, т. е. чтобы было послано за царевичемъ Константиномъ или сдѣлано что нибудь къ его освобожденію.

Присутствовавшіе князья имеретинскіе высказывали при этомъ свое удивленіе въ такомъ поведеніи Соломона.

— Донесите царю, продолжалъ между тѣмъ Соколовъ, что для него благопріятнѣйшая теперь минута употребить въ свою пользу расположеніе Е. И. В., сохранить которое онъ можетъ исполненіемъ высочайшаго желанія. Царь мнѣ сказалъ, что ему потребно нѣкоторое время для порядочнаго расположенія отвѣта Государю Императору, то я прошу васъ увѣрить его высочество, что лучшій и приличнѣйшій отвѣтъ его на высочайшую грамоту можетъ быть только тотъ, когда желаніе Императора будетъ исполнено.

Приглашенные Соколовымъ князья обѣщали передать царю все ими слышанное и вмѣстѣ съ тѣмъ употребить свое содѣйствіе къ скорѣйшему рѣшенію Соломона. Но имеретинскій царь оставался непоколебимъ; онъ говорилъ всѣмъ, что ждетъ *дивана*, хотя было извѣстно, что при немъ имѣлось три писца, которые вели всю его переписку съ грузинскими князьями и прочими азіятскими владѣльцами. Ожиданіе дивана и нерѣшимость Соломона до его прибытія не предвѣщала ничего хорошаго.

Кн. Соломонъ Леонидзе тогдашній диванъ имеретинскаго царя былъ одинъ изъ тѣхъ, которыя постоянно возстанавливали царя противу Россіи и слѣдовательно, его прибытіе не могло дать хорошаго оборота дѣлу, но дѣлать было нечего, Соколовъ рѣшился ожидать его пріѣзда.

Дѣдъ князя Соломона Леонидзе природный лезгинецъ окрестившись въ Грузіи, сдѣлался ея подданнымъ. Отецъ кн. Соломона былъ священникомъ въ Телавѣ, отстоящемъ отъ Тифлиса въ 102-хъ верстахъ. Соломонъ Леонидзе подъ руководствомъ отца своего, до 24 лѣтняго возраста, обучался русскому и разнымъ азіятскимъ языкамъ. Переѣхавъ потомъ въ Тифлисъ онъ находился нѣкоторое время при царевнѣ Аннѣ, сестрѣ покойнаго царя Ираклія и бабки вдовствующей имеритинской царицы Анны Матвѣевны. По рекомендаціи царевны Анны, Леонидзе взятъ былъ Иракліемъ въ писаря и вскорѣ по дарованіямъ, которыя въ немъ царь

замѣтилъ и по совершенному знанію персидскихъ и другихъ восточныхъ языковъ, Леонидзе произведенъ былъ въ *диваны* и употреблялся въ важнѣйшихъ перепискахъ царя съ его сосѣдями. Впослѣдствіи онъ достигъ до званія Самджвухи (судьи).

Въ бытность въ Грузіи русскихъ войскъ подъ командою полковника Бурнашева, пожаловано было ему княжеское достоинство. Находясь въ столь высокомъ званіи, кн. Леонидзе пользовался особенною довѣренностію царя Ираклія и пріобрѣлъ значительныя имѣнія въ Грузіи. Человѣкъ, возвысившійся изъ простаго званія, онъ недовольствовался положеніемъ, въ которомъ находился, ему хотѣлось еще большаго. Онъ оклеветалъ передъ царемъ Иракліемъ сына его Георгія, тогда наслѣдника, а впослѣдствіи послѣдняго царя грузинскаго, въ томъ, что будто бы сынъ хочетъ отравить отца. Георгію же онъ сказалъ, что отецъ хочетъ его лишить зрѣнія. Вскорѣ происки Леонидзе обнаружились, и онъ не только былъ удаленъ отъ должности, но лишенъ имущества и публично оглашенъ вздорнымъ, пустымъ клеветникомъ и сплетникомъ, какимъ долгое время и извѣстенъ былъ всей Грузіи. Хотя потомъ въ бытность въ Грузіи полковника Сырохнева и получилъ прощеніе, но былъ только допущенъ къ царю, но въ дѣла никакія не употреблялся. Изъ имущества же имъ пріобрѣтеннаго и по приказанію царскому отнятаго, при прощеніи, возвращено ему было только то, что было взято въ его домѣ; было ли же возвращено княжеское достоинство намъ неизвѣстно. По кончинѣ царя Ираклія и по вступленіи на грузинскій престолъ Георгія, Леонидзе во все царствованіе не только не пользовался никакою довѣренностію, но ему даже запрещенъ былъ входъ къ царю. Интриганъ, полный происками, Леонидзе искалъ себѣ другой дѣятельности вредной Грузіи. Онъ втерся въ довѣренность царевича Давыда сына Георгія.

Царевичь Давыдъ, считая себя законнымъ наслѣдникомъ и зная о переговорахъ, которыя велись его отцомъ въ Петербургѣ, о принятіи Грузіи въ подданство Россіи, началъ, съ помощію Леонидзе, дѣйствовать въ свою пользу еще при жизни своего отца. Въ народѣ стали разглашать, что преемникомъ Георгія долженъ быть царевичь Давыдъ.

На канунѣ кончины Георгія, когда Лазареву пришли

сказать, что царь находится въ опасности, то онъ отправился во дворецъ. Изъ дворца онъ прошелъ въ караульный домъ, гдѣ и остался на нѣкоторое время. Здѣсь пришли къ нему два священника и объявили, что они имѣютъ ему сказать что то важное. Оставшись съ ними на единѣ Лазаревъ услыхалъ отъ священниковъ, что больной царь, исповѣдуясь у нихъ, приказалъ сказать Лазареву, чтобы по смерти его былъ избранъ на царство царевичь Давыдъ. Подозрѣвая, что тутъ кроется интрига, Лазаревъ отправился опять во дворецъ. Онъ нашелъ Георгія уже весьма слабымъ. На вопросъ Лазарева о справедливости сказаннаго ему священниками царь отвѣчалъ: „что онъ не умретъ спокойно если кн. Чавчавадзевъ не возвратится съ благопріятными извѣстіями и если при жизни своей онъ не увидитъ успѣха въ порученіяхъ, съ которыми онъ посланъ въ С.-Петербургъ.“ Лазаревъ успокоивалъ царя; говорилъ ему, что кн. Чавчавадзе скоро возвратится, и конечно съ успѣхомъ. Въ это время вошли въ комнату царевичь Давыдъ и кн. Леонидзе.

На вопросъ царевича о здоровьи царя, Георгій не отвѣчая ему ни слова, отвернулся въ сторону. Тогда подошелъ къ нему Леонидзе съ вопросомъ: не хочетъ ли Георгій приказать что нибудь, царевичу наслѣднику, относительно царства? Георгій молчалъ по прежнему. Царевичь Давыдъ вторично подошелъ къ больному и спросилъ опять о здоровьи. Георгій отвѣчалъ: „что ему гораздо лучше, нежели какъ бы того царевичь желалъ“.

Послѣ смерти Георгія въ тотъ же день Лазаревъ, черезъ царевича Давыда, собралъ всѣхъ первѣйшихъ вельможъ, находившихся въ Тифлисѣ. Въ присутствіи того же царевича было прочитано высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы преемникомъ царя грузинскаго никто избираемъ не былъ. Кн. Леонидзе вышелъ тогда впередъ собравшихся, и, обратившись къ царевичу Давыду, поздравилъ его царемъ. Такой поступокъ Леонидзе требовалъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны Лазарева. Онъ вторично объявилъ собранію высочайшее повелѣніе, а Леонидзе просилъ, чтобы онъ не осмѣливался такъ поступать.

Послѣ такой неудачи кн. Леонидзе, бѣгая по улицамъ Тифлиса, возмущалъ народъ и раздавалъ манифестъ, имъ са-

мимъ сочиненный, о восшествіи царевича Давыда на престолъ. Вслѣдъ за тѣмъ до Лазарева дошли слухи, что Леонидзе ночью былъ у царицы Дарьи, супруги покойнаго царя Ираклія, съ которой имѣлъ долгое совѣщаніе и разговоръ.

Пронырства и возмущеніе народа становились дѣломъ серьезнымъ. Лазаревъ, арестовавъ кн. Леонидзе, донесъ о томъ главнокомандующему Кнорингу. Изъ подъ ареста Леонидзе успѣлъ отправить къ тому же Кнорингу прошеніе, въ которомъ писалъ, „что страдаетъ безвинно и что все грузинское духовенство и дворянство, зная его усердіе къ русскому престолу тому удивляется“ и просилъ освобожденія. Кнорингъ спрашивалъ Лазарева о причинѣ, побудившей его арестовать Леонидзе. Лазаревъ повторилъ свое первое донесеніе прибавляя, что опасается освободить его по причинѣ внутреннихъ въ Тифлисѣ безпокойствъ, тогда еще продолжавшихся и утверждалъ, что духовенство и дворянство не только не удивляется тому, что Леонидзе арестованъ, „но весьма тѣмъ довольно“.

Такимъ образомъ Леонидзе оставался подъ арестомъ до самаго пріѣзда Кнорринга въ Тифлисъ, когда, по ходатайству царевича Давыда, онъ былъ освобожденъ.

При возвращеніи главнокомандующаго на Кавказскую линію Леонидзе проводивъ его до Душета, бѣжалъ оттуда въ Имеретію и тамъ предложивъ свои услуги царю, старался уговорить царевичей жившихъ въ Имеретіи вмѣстѣ съ царемъ Соломономъ напасть на русскіе войска, находившіеся въ Грузіи. Салтхуцесъ кн. Зурабъ-Церетели остановилъ Соломона отъ такого поступка и успѣлъ уговорить царя выгнать Леонидзе изъ Имеретіи съ тѣмъ, что если онъ самъ добровольно не уѣдетъ, то закованный отправленъ будетъ къ главнокомандующему въ Грузіи.

Дѣлать было нечего, Леонидзе помнилъ еще хорошо какъ самаго Лазарева, такъ и арестъ свой въ Тифлисѣ. Онъ ушелъ изъ Имеретіи къ мингрельскому владѣльцу кн. Дадіану. Зная желаніе его поступить, вмѣстѣ со всѣми своими владѣніями, подъ покровительство Россіи, Леонидзе предложилъ ему свои услуги съ тѣмъ, чтобы Дадіанъ отправилъ его въ качествѣ посла въ С.-Петербургъ. Кн. Дадіанъ не только не принялъ его услугъ, но приказалъ также удалиться изъ своихъ владѣній.

Вражда, существовавшая съ давнихъ поръ между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ мингрельскимъ, была поводомъ и средствомъ къ тому, что Леонидзе успѣлъ пріютиться опять у Соломона II. Отъ кн. Дадіана онъ бросился опять къ имеретинскому царю; возстановилъ его противу владѣльца мингрельскаго; разсказалъ ему все, что успѣлъ узнать о намѣреніяхъ Дадіана и тѣмъ произвелъ окончательную ссору двухъ владѣтелей, окончившуюся войною. Зная многое, что могло быть полезно для Соломона, въ той войнѣ, Леонидзе становился необходимымъ имеретинскому царю, подарившему ему деревню, въ которой было до 700 душъ, и сдѣлавшему его своимъ диваномъ, съ жалованьемъ по 500 марчилъ (около 400 р.) въ годъ. Прибытія этаго-то дивана князя Леонидзе и ожидалъ имеретинскій царь, для разрѣшенія вопроса объ освобожденіи изъ заключенія царевича Константина. Участіе, которое долженъ былъ принять диванъ въ этомъ дѣлѣ, не давало никакой надежды на благопріятный исходъ порученія, даннаго Соколову.

На третій день послѣ своего пріѣзда, 7-го августа, князь Леонидзе былъ присланъ царемъ Соломономъ къ Соколову, вмѣстѣ съ салтхуцесомъ кн. Царетели и дядькою царя кн. Бѣжаномъ Аваловымъ.

— Его высочество хотя и не въ совершенныхъ лѣтахъ, говорили они, но въ полной мѣрѣ чувствуетъ цѣну милости къ себѣ Государя Императора. При всей своей готовности исполнить высочайшую волю, царь находится въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ, что съ исполненіемъ ея хотя и казалось бы, что царство его и самая его особа ожидать могутъ благополучія, но на самомъ дѣлѣ, отъ исполненія этой просьбы, самъ онъ и царство его могутъ придти въ упадокъ.

— Изъ чего сдѣланы такія заключенія? спрашивалъ съ удивленіемъ Соколовъ.

— Настоящія обстоятельства существовали еще гораздо раньше прибытія вашего въ Имеретію, т. е., что царь имѣлъ войну съ кн. Дадіаномъ, владѣтелемъ лечгумскимъ и одишійскимъ. До сихъ поръ его высочество имѣлъ желанный успѣхъ, покоривъ три крѣпости и многія селенія лечгумской области, владѣльцы которыхъ уже присягнули на вѣрность. Теперь остается только окончить эту войну

взятіемъ крѣпости Цхуши. По этому если царь освободитъ царевича Константина и отправитъ его вмѣстѣ съ вами въ Россію, то всѣ вообще будутъ думать, что царь сдѣлалъ то по какому либо принужденію со стороны Русскаго Императора, а не отпустилъ его добровольно. Слѣдствіемъ того можетъ быть то, что покоренные и присягнувшіе уже владѣльцы, узнавъ о такомъ поступкѣ царя, отрекутся отъ своей присяги и опять обратятся къ кн. Дадіану и тѣмъ уничтожатъ весь успѣхъ, который въ этой войнѣ царь имѣлъ и имѣть надѣется.

— Въ такомъ случаѣ я противнаго мнѣнія, отвѣчалъ Соколовъ. Если его высочеству угодно будетъ прямо понять императорское слово и его силу, то напротивъ, я думаю, что когда до свѣдѣнія покоренныхъ непріятелей и сосѣдей дойдетъ, что царь исполнилъ желаніе Русскаго Императора и что за такой его поступокъ Его Величество обѣщать изволитъ покровительство свое царю и царству его, тогда первые не осмѣлятся ничего предпринять противъ власти царя, и скорѣе съ покорностію къ нему повергнутся, а послѣдніе должны будутъ искать дружбы его высочества.

— Хотя сужденія ваши и справедливы, но царь, находясь въ опасеніи противнаго, не прежде согласится исполнить высочайшую волю и освободить царевича Константина, какъ по окончаніи начатыхъ противъ непріятеля дѣйствій и къ тому требуетъ вашего содѣйствія.

— Къ содѣйствію съ царемъ противъ непріятеля не токмо я, но и главнокомандующій въ Грузіи безъ особаго на то повелѣнія Е. И. В. приступить не можетъ. Притомъ же зная желаніе Е. И. В., пребывать со всѣми сосѣдственными областями въ дружественныхъ отношеніяхъ, я сомнѣваюсь, чтобы Государь Императоръ, не зная истинной причины непріязненныхъ дѣйствій между его высочествомъ и кн. Дадіаномъ, захотѣлъ принять въ ней участіе.

— Царь, имѣя твердое намѣреніе въ непродолжительномъ времени окончить войну съ Дадіаномъ, изволитъ самъ отправиться въ походъ, и не прежде можетъ рѣшиться отпустить въ Россію царевича Константина, какъ по благополучномъ окончаніи своей войны. Въ уваженіе же ходатайства Е. И. В., царь, возвратясь изъ похода въ Кутаисъ, дастъ царевичу свободу и смотря по обстоятельствамъ или

оставитъ его при себѣ и приличнымъ образомъ, какъ законнаго по себѣ наслѣдника, будетъ воспитывать, или же отправитъ его въ Россію.

— Не бывъ отъ Государя Императора ни на какія, по предмету моей миссіи, предложенія уполномоченъ и ограничиваясь однимъ смысломъ высочайшей грамоты, я ожидаю только того, чтобы царевичь Константинъ, получивъ свободу, былъ порученъ мнѣ для доставленія его въ Россію.

Съ этимъ отвѣтомъ посланные отправились къ имеретинскому царю и черезъ два дни, утромъ 9-го августа, были опять присланы къ Соколову. Они объявили, что Соломонъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи и предлагали Соколову отправиться въ Тифлисъ и оттуда донести кому слѣдуетъ объ отвѣтѣ Соломона. Посланные обѣщались, что если и затѣмъ Императоръ Александръ I пожелаетъ видѣть царевича Константина освобожденнымъ, то что царь тогда немедленно пришлетъ его въ Тифлисъ.

— Предѣловъ смысла высочайшей отъ меня царю переданной грамоты я преступить не осмѣливаюсь, отвѣчалъ на это Соколовъ.—При этомъ еще разъ долженъ повторить, что послѣ неоднократныхъ увѣреній царя, о его желаніи пользоваться милостію и покровительствомъ Императора, остаюсь въ полной надеждѣ на то, что царь согласится исполнить желаніе Е. И. В. не въ половину, а точно такъ какъ оно изложено въ грамотѣ, т. е. что онъ освободитъ царевича Константина и поручитъ его мнѣ, для доставленія въ Россію.

Съ этимъ отвѣтомъ посланные отправились къ Соломону и черезъ два часа возвратились обратно съ объявленіемъ, что на другой день царь отправляется въ походъ и предлагаетъ Соколову ѣхать въ Тифлисъ, съ отвѣтною своею грамотою къ Императору Александру, въ которой Соломонъ все объясняетъ.

Въ тотъ же вечеръ Соколовъ былъ приглашенъ къ царю. Соломонъ извинялся въ томъ, что не можетъ исполнить желаніе Императора Александра; онъ приводилъ въ свое оправданіе обстоятельства, въ которыхъ поставленъ непріязненными своими дѣйствіями противъ кн. Дадіана. Соколовъ, прося о сбереженіи здоровья царевича Константина, высказалъ царю свою надежду, что онъ исполнитъ желаніе Императора, если оно будетъ заявлено ему вторично. „Царь

не токмо обѣщалъ мнѣ то исполнить, пишетъ Соколовъ, но и побожился".

На слѣдующій день, 10-го августа, около полудня Соломонъ дѣйствительно выступилъ въ походъ въ сопровожденіи всего своего двора, сардаря (главнокомандующаго) и съ огромною пушкою, которую насилу везли 20-ть паръ воловъ. Къ Соколову же пріѣхалъ Салтхуцесъ кн. Зурабъ Церетели, который былъ назначенъ Соломономъ провожать Соколова, и они такъ же отправились въ путь. Салтхуцесъ вмѣстѣ съ конвоемъ, состоявшимъ изъ ста человѣкъ конныхъ и пѣшихъ Имеретинцовъ, провожалъ нашего посланнаго не только до грузинской границы, но и до самой крѣпости Гори, куда они и прибыли 15-го августа.

Такимъ образомъ порученіе данное Соколову къ царю имеретинскому не увѣнчалось успѣхомъ. Царевичъ Константинъ по прежнему остался въ заключеніи. Въ отвѣтъ на грамоту привезенную Соколовымъ имерстинскій царь отвѣчалъ Императору Александру I, тѣмъ что онъ не находитъ никакого основанія „ни позволяющаго ни понуждающаго" на освобожденіе находящагося въ крѣпости царевича Константина.

„Получивъ, писалъ онъ между прочимъ въ той же грамотѣ (1), торжественно всемилостивѣйшую грамоту съ августѣйшимъ въ ономъ обнадеженіемъ моего благополучія, черезъ совѣтника Александра Соколова, готовъ на исполненіе императорскаго вашего повелѣнія, яко священнѣйшей воли вашей и по окончаніи настоящихъ моихъ дѣлъ, нынѣ противъ желанія моего мнѣ встрѣтившихся, освободя царевича Константина изъ-подъ заключенія, по безчадію моему усыновлю его себѣ наслѣдникомъ моего царства. Если же Всемогущій въ милости Своей даруетъ намъ сына въ наслѣдники, тогда я отправлю царевича Константина къ Высочайшему двору и симъ яко нижайшій рабъ Вашего Величества исполню Императорское Ваше повелѣніе".

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1802 г. канцлеръ увѣдомилъ царицу Анну, что освобожденіе царевича Константина не состоялось; что царь Соломонъ не имѣя дѣтей желаетъ его усыновить, почему канцлеръ и совѣтывалъ царицѣ ѣхать въ

(1) Перев. грамоты царя Соломона 9 августа 1802 г. См. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ 1—5, 1802—1803, № 1.

Грузію, гдѣ князю Циціанову поручено было принять новыя мѣры къ освобожденію царевича (1).

Анна согласилась на сдѣланное ей предложеніе и получила дозволеніе отъ Императора Александра ѣхать въ Тифлисъ, съ производствомъ ей тамъ, того же содержанія, какое получала она въ С.-Петербургѣ (2).

Императоръ Александръ въ тоже время писалъ кн. Циціанову: (3)

„Вамъ не безъизвѣстенъ предметъ пріѣзда сюда вдовствующей царицы имеретинской Анны; а равнымъ образомъ знаете вы конечно, что по просьбѣ ея отправленъ былъ отсюда въ Имеретію коллежскій совѣтникъ Соколовъ, съ препорученіемъ касательно доставленія свободы сыну ея, насиліемъ имеретинскаго царя въ заточеніи у него содержащемся, и что поѣздка сего чиновника не имѣла предполагаемаго успѣха. — Нынѣ помянутая царица, при изъявленіи желанія своего отправиться на жительство въ Грузію, просила меня, чтобы дѣло сіе препоручено было въ особенное покровительство ваше.—Я тѣмъ удобнѣе склонился на удовлетвореніе сей ея просьбы, что и по долгу человѣчества, и по личному уваженію къ сану ея, не могу я не принимать особеннаго участія въ стѣсненномъ ея положеніи. Въ слѣдствіе чего и возлагаю на васъ употребить всѣ возможные способы, кои вы, сколько по ввѣренному вамъ начальству въ Грузіи, столько же и по извѣстному мнѣ вашему благоразумію, найдете за удобныя и полезныя, для доставленія означенному царевичу свободы.—Само собою слѣдуетъ, что подвиги ваши, по сему дѣлу, должны начаты быть убѣжденіемъ царя имеретинскаго, на освобожденіе означеннаго царевича и увѣреніями, что согласясь на оное, окажетъ онъ мнѣ особливую благодарность.—Какимъ же образомъ должно быть учинено, отъ васъ къ нему, о томъ отношеніе, я предоставляю вамъ распорядить сіе, по лучшему соображенію вашему, такъ, чтобы по извѣстному недоброжелательству къ вдовствующей царицѣ, не произошло отъ того какихъ либо непріятныхъ для нее послѣдствій; какъ напримѣръ, что бы мщеніе царя имеретинскаго не посягнуло на самую

(1) Письмо канцлера царицѣ 6 декабря 1802 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1—10, 1802—14, № 2.

(2) Прошеніе царицы 23 января 1803 г. Ibid.

(3) Рескриптъ кн. Циціанову 23 февраля 1803 г. Ibid.

жизнь несчастнаго царевича, какъ о томъ даже носилися было и слухи.—Но если бы предвидѣли вы, что всякое отношеніе къ царю по сему предмету останется безуспѣшно, и что между тѣмъ имѣли бы вы въ виду возможность доставить несчастному царевичу свободу и возвращеніе въ домъ матери его, способами со всѣмъ иными, изобрѣтенными искуствомъ и дѣятельностію вашею, я не возбраняю даже и употребленія въ дѣйство сихъ послѣднихъ, лишь бы только исполнено оное было приличнымъ образомъ.—Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе приложите вы старанія, къ благоуспѣшному дѣла сего окончанію, тѣмъ вящшее пріобрѣтете отъ меня благоволеніе."

Еще до полученія этаго повелѣнія, князь Циціановъ старался, съ помощію разныхъ секретныхъ порученій, освободить царевича. Но такъ какъ царь Соломонъ считалъ минуту его освобожденія минутою своей гибели, то онъ и не надѣялся достигнуть этой цѣли.—Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Циціановъ нисколько не безпокоился за жизнь царевича, оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что царь Соломонъ, зная участіе, которое принимало въ немъ наше правительство, не дерзнетъ покуситься на нее. Когда же главнокомандующій получилъ, приведенный нами рескриптъ, которымъ возлагалось на особое его попеченіе освобожденіе царевича, тогда онъ обратился къ посланцу имеретинскому, находившемуся въ Тифлисѣ, съ просьбою, пригласить къ нему для переговоровъ объ этомъ князя Кайхосро Церетели, пользовавшагося большою довѣренностію царя Соломона (1).

Послѣ долгаго торга и переговоровъ князь Церетели обѣщалъ, за 5000 руб., выхлопотать какъ освобожденіе царевича Константина, и если не передать его въ руки князю Циціанову, то освободить по крайней мѣрѣ изъ крѣпости, такъ и убѣдить Соломона о выдачѣ грузинскихъ царевичей Іулона и Парнаоза. Если же послѣдніе не будутъ выданы, то кн. Циціановъ обѣщалъ, собственно за освобожденіе царевича Константина, заплатить только треть суммы.

Заручившись обѣщаніями князя Церетели, князь Циціановъ, для переговоровъ съ царемъ Соломономъ, объ освобожденіи царевича Константина, отправилъ въ Имеретію, своего правителя канцеляріи надворнаго совѣтника Броневскаго,

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 9 апр. 1803 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ Груз. дѣла ч. II.

которому поручилъ: 1-е требовать освобожденія царевича Константина Давыдовича, для доставленія его въ Тифлисъ къ царицѣ Аннѣ; если же на это не согласятся, то ограничиться въ требованіи тѣмъ, чтобы царевича выпустили изъ крѣпости и привезли въ Кутаисъ; 2-е, Развѣдать, не согласится ли царь Соломонъ, выпускать ежегодно изъ Имеретіи, до 5000 штукъ строеваго корабельнаго лѣса, за умѣренную цѣну или изъ усердія;—3-е требовать настоятельно выдачи царевичей Іулона и Парнаоза, добровольнымъ ихъ склоненіемъ къ этому, или силою.— Въ послѣднемъ случаѣ Имеретинцы должны были доставить ихъ въ цѣлости до границъ Грузіи, а Броневскому предписано было, вызвать къ границамъ двѣ роты, и передать тамъ царевичей военному начальству.

Такимъ образомъ порученіе данное Броневскому отъ князя Циціанова къ царю Соломону было двоякое: во первыхъ, стараться объ освобожденіи царевича Константина, а во вторыхъ,—о вызовѣ изъ Имеретіи царевичей грузинскихъ Іулона и Парнаоза.

Послѣднѣе порученіе данное Броневскому было отчасти согласно съ видами царя Соломона, который самъ находилъ удаленіе изъ Имеретіи царевичей, удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ для страны, до того обремененной содержаніемъ многочисленной свиты царевичей, что въ Имеретіи наложена была даже на народъ денежная подать, называемая „податью для Грузинъ“. — Имеретинскій царь, теперь, самъ принялъ дѣятельное участіе, къ склоненію ихъ выѣхать въ Россію (1).—Первѣйшіе и довѣреннѣйшіе князья имеретинскіе: митрополитъ Кутаискій, князья Церетели, поочередно уговаривали Іулона и Парнаоза; наконецъ самъ царь Соломонъ былъ у нихъ со всѣмъ совѣтомъ своимъ, и объявилъ имъ, что спасеніе царства имеретинскаго зависитъ отъ выѣзда ихъ въ Россію и отъ исполненія воли Императора Александра.—Броневскій также имѣлъ нѣсколько разъ свиданія и переговоры съ царевичами, но съ весьма малымъ успѣхомъ. Цѣлая недѣля прошла въ однихъ только ни къ чему ни приведшихъ переговорахъ. Царевичи, на всѣ уговариванія отвѣчали отказомъ; они все еще имѣли виды и

(1) Рап. кн. Циціанова Г. И. 12 іюня 1803 г. Арх. М. И. Д. 1—10, 1802—14 № 2.

замыслы на царство Грузинское.—Видя всѣ старанія безъ успѣшными, и въ переговорахъ одну только трату времени, Броневскій, оставивъ переговоры съ царевичами, сталъ требовать отъ царя Соломона рѣшительнаго отвѣта по первому порученію, т. е. объ освобожденіи царевича Константина.

Царь Соломонъ больше всего боялся теперь согласиться на освобожденіе царевича Константина, потому что незналъ гдѣ онъ будетъ оставленъ на жительство. —Онъ боялся что бы царевичь не остался въ Тифлисѣ, и тѣмъ не способствовалъ бы смутамъ и волненіямъ въ Имеретіи.—Опасенія его основывались на противорѣчіи въ требованіи нашего двора. Въ грамотѣ Императора Александра къ Соломону, доставленной ему коллежскимъ совѣтникомъ Соколовымъ въ 1802 году, говорилось, что царевичь Константинъ призывается къ высочайшему двору, на всегдашнее пребываніе въ Россіи, а въ рескриптѣ императора Александра къ князю Циціанову, отъ 23 февраля, между прочимъ упомянуто было о возвращеніи царевича въ домъ матери его, которая имѣла позволеніе остаться на жительствѣ въ Грузіи.—Это самое недоразумѣніе и составляло главную заботу царя Соломона, который изустно объяснилъ надворному совѣтнику Броневскому, свое опасеніе, въ томъ, „что бы пребываніе царевича Константина близь предѣловъ имеретинскихъ не произвело пагубныхъ для него слѣдствій въ умахъ подданныхъ царства имеретинскаго.“

На публичной аудіенціи, въ присутствіи всѣхъ князей, составляющихъ совѣтъ, Броневскій, совершенно неожиданно получилъ въ отвѣтъ отъ Соломона, что онъ не можетъ освободить царевича Константина, — Имеретинскій царь говорилъ, что для него легче отдать все царство имеретинское, нежели выпустить царевича изъ крѣпости, и повергнуть Имеретію въ междоусобіе. При этомъ Соломонъ съ самонадѣянностію отозвался, что никакая сила не можетъ его исторгнуть изъ заключенія. Броневскій отвѣчалъ на это царю, скромнымъ замѣчаніемъ, что достоинству россійской Имперіи не прилично грозить и хвалиться своимъ могуществомъ, но что вторичное посольство, оставшись безъ успѣшнымъ, можетъ навлечь на него справедливый гнѣвъ русскаго Императора; что если этотъ отвѣтъ его высочества есть послѣдній и рѣшительный, то онъ завтра же

отправится изъ Имеретіи. Царь Соломонъ, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта и Броневскій располагалъ выѣхать на слѣдующій день. Но въ ту же ночь, князь Кайхосро Церетели, первый сардарь имеретинскій и митрополитъ Кутаискій князь Церетели, прислали просить его, чтобы онъ остался, хотя подъ предлогомъ болѣзни, еще одинъ день, и что они употребятъ послѣднія средства, къ склоненію царя, на освобожденіе царевича Константина. Броневскій остался, и дѣйствительно на другой день царь Соломонъ пригласилъ его къ себѣ, и объявилъ, что съ полною довѣренностію къ обѣщанію Императора Александра, сохранить Имеретію отъ всѣхъ возмущеній, и удостоить оную покровительствомъ, онъ рѣшился предать, „жребій царства имеретинскаго въ священныя руки Александра милосердаго и отправить царевича Константина къ Высочайшему двору“. Такимъ образомъ царевичъ Константинъ былъ освобожденъ изъ заточенія въ крѣпости Мухури, въ которой содержался въ теченіи 10-ти лѣтъ въ самомъ жалкомъ состояніи, не имѣя не только приличной, но и необходимой одежды (¹).

30-го мая, царевичъ Константинъ прибылъ въ Тифлисъ, въ сопровожденіи Броневскаго и князя Соломона Леонидзе, названнаго вице-канцлеромъ имеретинскимъ. Послѣдній имѣлъ

(¹) Освобожденіе царевича Константина стоило 173 червон. и 2,291 руб. Любопытный счетъ издержкамъ былъ слѣдующій:

„На заготовленіе для пути и на путевыя издержки до Кутаиса 30 червонц. Во время пребыванія въ Кутаисѣ, на подарки за угощеніе приставамъ находившихся при немъ и другіе мелкіе расходы 70 червонц. На возвратномъ пути въ сопровожденіи царевича, на содержаніе его со свитою 23 червонц. За вьючныя лошади отъ Кутаиса до Тифлиса 50 р.

Расходы въ Тифлисѣ учиненные:

Моураву крѣпости, гдѣ содержался царевичъ, имеретинскому дворянину Симону Алаваду, въ награду за усердіе его и сохраненіе здоровья царевича 50 червонц. Имеретинскому дворянину Росепу Мачаваріонову, употребленному надворнымъ совѣтникомъ Броневскимъ въ разныя по миссіи его порученія, въ награжденіе 100 руб. Грузинскому дворянину Давиду Мамацеву за потерянную имъ въ сію поѣздку лошадь 100 руб. По тайному условію отдано въ Тифлисѣ по освобожденіи царевича 1,666 руб. 66 коп.

На покупку вещей для одѣянія царевича, именно:

За кусокъ коленкору 13 руб., за два куска персидскаго шарбату 26 руб., за кусокъ китаи съ цвѣтками 8 руб., за три куска китаи безъ цвѣтовъ 18 руб., за синюю шаль на кушакъ 40 руб., за три куска дараи 27 руб., за саблю 150 руб., за сукно на три кафтана 52 руб. 94 коп., за кусокъ парчи 40 руб.

Итого 173 червонц. 2,291 руб. 60 коп.

Подарена царевичу лошадь сивая съ турецкимъ серебрянымъ убором, и такимъ же серебромъ набраннымъ чепракомъ, присланная мнѣ (т. е. кн. Циціанову) въ подарокъ отъ карскаго паши, считающаяся по приходной о подаркахъ книгѣ казенною.

съ собою грамоту къ Императору Александру. Царь Соломонъ въ письмѣ своемъ писалъ къ князю Циціанову, что относительно грузинскихъ царевичей, онъ, забывъ родство и единокровіе, убѣждалъ къ выполненію воли главноуправляющаго; что онъ лишилъ ихъ всякой надежды на возможность пребыванія въ Имеретіи, и объявилъ, что если они не желаютъ исполнить требованій князя Циціанова, то должны выѣхать изъ Имеретіи.

„О царевичахъ грузинскихъ Іулонѣ и Парнаозѣ, доносилъ князь Циціановъ Императору Александру, сдѣлано положеніе съ царемъ Соломономъ на слѣдующемъ основаніи: поелику выѣздъ ихъ въ Россію на сей разъ превосходитъ всякое ожиданіе, и сколько примѣтно было изъ рѣчей ихъ не прежде можетъ имѣть мѣсто, какъ по совершенномъ ихъ удостовѣреніи въ благоволительномъ и милосердомъ Вашего Императорскаго Величества принятіи прочихъ чиновъ царской фамиліи, выѣхавшихъ уже въ Россію, въ чемъ по ослѣпленію ихъ, кажется они сомнѣваются, то царь Соломонъ, а паче извѣстные князья имеретинскіе, къ намъ преданные и въ дѣлѣ семъ интересованные, дали твердое обѣщаніе, продолжать всѣми мѣрами наклонять ихъ къ выѣзду въ Россію; въ случаѣ же если бы, по легкомысленности ихъ, рѣшились они вдругъ, оставить Имеретію, и искать убѣжища въ Персіи, въ каковомъ намѣреніи, по правамъ гостепріимства и по единокровію, царь Соломонъ явнымъ образомъ препятствовать имъ не можетъ, тогда обѣщаютъ меня увѣдомить, какими дорогами намѣрены они будутъ скрыться и куда именно, дабы я могъ принять заблаговременно нужныя мѣры, для пресѣченія имъ пути въ Персію, поколику откроется къ тому возможность и буде коснутся они предѣловъ грузинскихъ“.

Соломонъ просилъ главноуправляющаго объ отправленіи князя Леонидзе въ С. Петербургъ, вмѣстѣ съ царевичемъ Константиномъ. По причинѣ разлитія Терека и сорванія всѣхъ мостовъ въ кавказскомъ ущельѣ, отправленіе это остановлено было до осени. Къ тому же въ отправленіи царевича въ Петербургъ, по мнѣнію князя Циціанова, не было необходимости, такъ какъ царица имеретинская Анна должна была скоро прибыть въ Грузію. Императоръ Александръ находилъ однакоже необходимымъ все таки отправить царе-

вича Константина въ Россію (1) собственно для успокоенія имеретинскаго царя и въ признательность за его освобожденіе.

Рѣшившись однако же оставить царевича Константина въ Тифлисѣ, до возстановленія безпрепятственнаго сообщенія черезъ кавказскія ущелья, князь Циціановъ, чтобы отклонить самомалѣйшее подозрѣніе отъ царя Соломона въ какихъ либо противодѣйствіяхъ его власти, и „дабы тѣмъ болѣе пріобрѣсть довѣренность его и сосѣднихъ народовъ къ непобѣдимости россійскаго оружія и въ святости слова“ объявилъ всѣмъ родственникамъ царевича Константина, въ Грузіи находящимся, чтобы никто не отваживался ни на какія покушенія противъ Имеретіи, если желаютъ нелицемѣрно своему родственнику счастія, зависящаго отъ благоволенія Императора Александра. Присмотръ за царевичемъ главноуправляющій поручилъ его дядѣ, родному брату царицы Анны, статскому совѣтнику князу Томасу Орбеліанову.

„Посланца князя Леонидзе, доносилъ князь Циціановъ (2), яко ѣдущаго съ благодарною грамотою къ Высочайшему двору Вашего Императорскаго Величества, послѣ такого явнаго доказательства преданности царя Соломона къ престолу Вашего Императорскаго Величества, почелъ я болѣе приличнымъ, нежели нужнымъ, отправить въ С. Петербургъ, куда вслѣдъ за симъ имѣетъ онъ выѣхать ихъ Тифлиса. Въ грамотѣ царя Соломона упомянуто о покровительствѣ и защитѣ Россійской Имперіи, коихъ неоднократными и различными способами онъ домогается. Отъ обстоятельствъ и воли Вашего Императорскаго Величества зависѣть будетъ даровать или нѣтъ царству сему просимое и необходимо нужное Россійской державы покровительство. Но если принять во уваженіе, что Имеретія болѣе 30-ти лѣтъ, какъ будучи избавлена побѣдоноснымъ россійскимъ оружіемъ отъ порабощенія Порты Оттоманской, трактатомъ Кайнарджійскимъ признана независимою, равно какъ и Мингрелія и владѣніе князя Гуріела, кромѣ пристаней по черноморскому берегу, оставшихся въ турецкомъ обладаніи, то беру смѣлость представить мнѣніе мое на благоусмотрѣніе Вашего Император-

(1) Рескриптъ 2 августа 1803 г. Арх. М. И. Д. 1—10, 1802—14, № 2.
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 12 іюня 1803 г. Ibid

скаго Величества, что Диванъ кажется не можетъ имѣть никакихъ правильныхъ притязаній на землю, ни въ зависимости, ни въ покровительствѣ турецкомъ не состоящую, и которая по единовѣрію ищетъ оградить себя Всероссійскимъ могуществомъ отъ враговъ оную окружающихъ.

„Польза отъ такого пріобрѣтенія для Россійской Имперіи, хотя дальновидна, но ощутительна. Въ союзномъ или враждебномъ положеніи съ портою оттоманскою, пристань Поти долженствуетъ неминуемо или принадлежать Россіи, или быть открытою для нашей торговли. Рѣка Ріонъ, судоходная почти до самаго Кутаиса, коей берега покрыты всякаго рода строевымъ корабельнымъ лѣсомъ, для первоначальнаго открытія древняго торговаго пути сего, варварствомъ временъ и народовъ истребленнаго, доставитъ Россійскимъ промышленникамъ богатую отрасль торговли строевымъ лѣсомъ и внесетъ изобиліе въ черноморскіе наши порты, которые, вслѣдствіе приращенія сихъ новыхъ способовъ, неминуемо усугубятъ Россійское мореплаваніе“.

ГЛАВА XI.

Прибытіе посла имеретинскаго царя въ С.-Петербургъ.—Просьба и условія, на которыхъ имеретинскій царь желалъ вступить въ подданство Россіи.—Двуличность царя Соломона.—Его безчеловѣчный поступокъ съ посланными отъ кн. Дадіана мингрельскаго къ кн. Циціанову.—Прерваніе переговоровъ и обратное отправленіе посланнаго въ Тифлисъ.—Предположеніе Императора Александра, высказанное въ рескриптѣ, о дѣйствіяхъ нашихъ въ Закавказьи.

Посланный царя имеретинскаго кн. Леонидзе, отправленный къ нашему двору для переговоровъ, о принятіи Имеретіи въ подданство, прибылъ въ С.-Петербургъ 5-го августа 1803 года (1), и привезъ письмо царя Соломона къ Императору Александру, въ которомъ имеретинскій царь просилъ (2):

1) Обнародовать „во всѣхъ государствахъ“ о принятіи Имеретіи подъ покровительство Россіи.

2) О дарованіи всегдашняго права посланнику имеретинскаго царя имѣть доступъ къ высочайшему двору.

3) Пожаловать грамоту, по которой бы главнокомандующіе въ Грузіи обязаны были, по первому требованію, давать 1 т. человѣкъ войска въ помощь имеретинскому царю.

4) Возвратить его подданныхъ ушедшихъ изъ Имеретіи въ Грузію.

5) Въ случаѣ, если бы кому нибудь изъ главнокомандующихъ случилось быть „съ нами въ нерасположеніяхъ, то отъ таковаго сдѣланному на насъ доносу, безъ предварительнаго съ нами объясненія не давать вѣры“, и

6) По бездѣтности царя Соломона наслѣдіе престола предоставить тому, кому онъ довѣритъ.

Съ своей стороны уполномоченный вице-канцлеръ кн. Леонидзе предлагалъ:

(1) Записка министерству Т. С. Лашкарева 8 августа 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—6, 1802—10, № 2.

(2) Переводъ письма царя Соломона и условія подданства. Тиф. Арх. Кан. Нам.

1) Принять присягу на вѣрноподданство.

2) Учредить молебствіе и празднество въ торжественные дни въ честь императорскаго дома.

3) Тотчасъ же по принятіи въ подданство, начать дѣйствія въ пользу Россіи противъ владѣнія Апхазети, „поелику сія земля, сказано было въ пунктахъ (1), издревле принадлежитъ наслѣдственному нашему владѣнію и обитатели ея суть древніе наши подданные, граничущіе провинціи нашей Одиши, прилежащей положеніемъ своимъ къ Черному морю, гдѣ, во время замѣшательства, введена татарская вѣра и гдѣ однако находятся и христіане. Апхазети есть владѣніе и столица царства нашего, и принадлежитъ паствѣ нашего католикоса, признаютъ и титулуютъ насъ древнимъ своимъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ; жители сего владѣнія по нынѣ иногда повиновались намъ, а иногда отлагались".

4) Въ случаѣ войны съ Турціею, помогать намъ всею своею военною силою, „поелику Имеретія моремъ и сухимъ путемъ граничитъ съ симъ государствомъ". Моремъ, говорилось въ тѣхъ же пунктахъ, можно въ три и четыре дни пріѣхать въ Константинополь ко двору султана, „а сухимъ путемъ разстояніе отъ нашей границы до Ахалцыха 50 верстъ, отъ Ахалцыха же до Арзрума и отъ Арзрума до Анатоліи нѣтъ оружія, могущаго остановить войска, что и доставляетъ не малую удобность высочайшему двору овладѣть землями Турціи".

5) Имеретинскій царь обѣщалъ давать и доставлять лѣсъ для постройки кораблей на Черномъ морѣ.

6) Открыть пристань Поти и свободный путь, по р. Ріону до Чернаго моря, всякаго рода судамъ и транспортамъ, и

7) Отдать въ пользу Россіи рыболовныя мѣста на Черномъ морѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ кн. Леонидзе представилъ нашему министерству записку, въ которой старался выставить пользу присоединенія Имеретіи къ Россіи (2). Онъ говорилъ, что ни одна страна не представляетъ такихъ удобствъ для военныхъ дѣйствій Россіи съ Турціею и Персіею, если бы та-

---

(1) Пункты, поднесенные министерству княземъ Леонидзе.

(2) Переводъ записки кн. Леонидзе 9 августа. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ. 1—6, 1802—10, № 3.

ковыя случились, какъ Имеретія, лежащая между двухъ этихъ имперій „*нерегулярныхъ народовъ*“; что Имеретія имѣетъ свободный и ближайшій путь въ Черное море; что Поти есть наслѣдственное владѣніе имеретинскаго царя, который владѣетъ Поліастомъ, „гдѣ знатное имѣемъ мы рыболовство и откуда въ 25 часовъ удобно могутъ достигнуть корабли въ Крымъ; равнымъ образомъ, писалъ онъ, „отъ нашихъ гаваней могутъ на третій день пристать корабли ко дворцу турецкаго императора“; что приморскіе берега Чернаго моря полны множествомъ хорошихъ дубовыхъ, вербовыхъ и негніющихъ деревьевъ, и въ такомъ количествѣ, что сколько бы ихъ ни потребовалось, можно ими пользоваться для строенія кораблей. Словомъ, по его словамъ „самая польза Грузіи зависитъ отъ Имеретіи“.

Такимъ образомъ хотя царь Соломонъ и изъявлялъ желаніе вступить въ подданство Россіи, но вмѣстѣ съ этимъ обнаруживалъ своими поступками полное къ намъ нерасположеніе. Узнавъ о томъ, что Дадіанъ мингрельскій ищетъ покровительства Россіи, Соломонъ предлагалъ ему миръ и совѣтовалъ оставить свои исканія о покровительствѣ, но когда кн. Дадіанъ не согласился, онъ сталъ собирать войска для новаго дѣйствія противу владѣтеля мингреліи (1).

Одновременно съ отправленіемъ кн. Леонидзе въ С. Петербургъ, Соломонъ отправилъ другаго посла въ Константинополь, съ просьбою у порты защиты противу русскаго оружія, которое впрочемъ его еще ни разу не касалось. Посылка эта осталась безъ всякихъ послѣдствій для Соломона. Бывшій въ Царьградѣ нашъ посланникъ Италинскій увѣдомилъ кн. Циціанова, что Оттоманская Порта отклонила отъ себя просьбу имеретинскаго царя, и его посланный получилъ во всемъ отказъ. „Извѣстно мнѣ, писалъ кн. Циціановъ Императору Александру, (2) что предметъ испрошенія Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества покровительства, (царемъ имеретинскимъ) состоитъ наиболѣе въ томъ, что бы получить сугубые способы притѣснять и раззорять владѣнія мингрельскаго кн. Дадіана, нынѣ уже таковымъ осчастливленнаго, то, по уваженію сихъ обстоятельствъ и полегкомыслію царя Соломона имеретинскаго, я полагаю, что

(1) Изъ письма кн. Дадіана къ кн. Циціанову отъ 21 августа.

(2) Отъ 31 августа 1803 г. Арх. М. Иностр. Дѣлъ 1—10, 1803—11 № 4.

посланецъ его и при Высочайшемъ дворѣ Вашего Императорскаго Величества, въ видахъ своихъ успѣха получить не можетъ. Вслѣдствіе чего долгомъ почитаю предварительно донесть, что таковыя неудачи царя Соломона, въ намѣреніяхъ своихъ колебающагося, въ управленіи слабаго, и повиновенія и довѣренности въ дворянствѣ не имѣющаго, могутъ удобно произвесть въ Имеретіи возмущеніе, въ азіатскомъ народѣ столь обычайное, и даже покушеніе на самую жизнь его, отъ партіи ему недоброжелательной.“

„Въ таковыхъ обстоятельствахъ, для предохраненія предѣловъ Грузіи, отъ неустройствъ земли ввергнутой въ раздоры междоусобные, я найдусь въ необходимости, подъ прикрытіемъ войскъ, ввесть во владѣніе царства имеретинскаго законнаго наслѣдника онаго, освобожденнаго царевича Константина, сына царицы Анны. По дошедшимъ ко мнѣ свѣденіямъ, нѣкоторые изъ первостатейныхъ князей имеретинскихъ, видя не постоянные и безчеловѣчные поступки царя Соломона, удалились въ свои нагорныя имущества, крѣпостями огражденныя и отъ повиновенія ему уже отказываются.“

Получивъ во всемъ отказъ со стороны Порты Оттоманской и ища покровительства Россіи, царь Соломонъ, не сдерживалъ себя однако отъ поступковъ не согласныхъ съ оказываемымъ мнимымъ его расположеніемъ къ нашему правительству.

Мы видѣли, что Императоръ Александръ, соглашаясь на принятіе Мингреліи въ свое подданство, поручилъ кн. Циціанову войти съ нимъ въ ближайшее сношеніе. Главнокомандующій отправилъ къ кн. Дадіану грузинскаго дворянина Давида Мамадзева, (1) для объявленія воли и согласія Императора Александра, съ цѣлію заключить съ нимъ предварительное условіе, какъ о подданствѣ, такъ и о продовольствіи войска нашего, на случай прибытія его въ Мингрелію. Имѣя причину ожидать, что царь имеретинскій будетъ неравнодушно смотрѣть на покровительство обѣщанное кн. Дадіану, непримиримому его непріятелю, кн. Циціановъ приказалъ Мамадзеву ѣхать черезъ Ахалцыхъ, и тѣмъ избѣгнуть границъ имеретинскихъ. Вскорѣ потомъ прибыли къ главноуправляющему отъ кн. Дадіана два дворянина: Кайхосро и Ростомъ Квенихид-

(1) См. стр. 147.

зе, и объявили, что они посланы были съ письмами; но на пути, въ Имеретіи, были задержаны, письма отняты и послѣ нѣсколькихъ дней заключенія сами они освобождены (1).

При обратномъ отправленіи изъ Тифлиса, посланные кн. Дадіана, наученные опытомъ въ опасности своего пути, прокрадываясь непроходимыми путями чрезъ Имеретію, по ночамъ, вторично были захвачены. Одинъ изъ нихъ успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Грузію, а другой, по отобраніи отъ него бумагъ, потерпѣлъ безчеловѣчное истязаніе и брошенъ съ башни въ р. Ріонъ. Изъ бывшихъ при нихъ служителей одинъ убитъ, а другой спасся бѣгствомъ (2).

Съ Мамадзевымъ царь имеретинскій поступилъ точно также. Онъ, подговорилъ владѣвшаго Гуріею, Кайхосро гуріелева сына, схватить посланнаго при проѣздѣ черезъ Гурію. Мамадзевъ былъ остановленъ и письмо кн. Циціанова къ кн. Дадіану отобрано; подлинникъ отправленъ къ Соломону, а копію съ него Кайхосро послалъ кн. Дадіану (3).

Не имѣя еще никакого извѣстія о дворянинѣ Мамадзевѣ, кн. Циціановъ находился въ сомнѣніи не постигла ли его участь подобная тѣмъ, которыя были посланы Дадіаномъ. По этому при обратномъ отправленіи посланныхъ Дадіана, онъ мало того что послалъ съ ними отвѣтъ, но и передалъ этотъ отвѣтъ въ копіи кн. Половандову, ѣхавшему въ Имеретію по собственнымъ своимъ дѣламъ и имѣвшему тамъ родственныя связи, для отправленія его кн. Дадіану черезъ вѣрнаго человѣка.

Къ царю же имеретинскому было написано главнокомандующимъ письмо:

„Кн. Половандовъ, писалъ кн. Циціановъ царю имеретинскому (4), возвратившійся изъ Имеретіи, извѣстилъ меня, что на возвратномъ пути изъ Тифлиса, мингрельскіе дворяне, два брата Квинихидзе, вторично были остановлены, но на сей разъ съ большимъ безчеловѣчіемъ, ибо одинъ изъ нихъ

(1) Отношеніе кн. Циціанова канцлеру 31 іюля 1803 г. № 584. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1—10, 1803—11, № 4.

(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 31 августа Арх. Мин. Инос. Дѣлъ 1 — 10, 1803 —11 № 4.

(3) Изъ письма кн. Дадіана кн. Циціанову 21 августа Т. А. К. Н.

(4) Въ письмѣ отъ 3 августа 1803 г. Т. А. К. Н.

убитъ, а другой раненъ (1), и что отнятые отъ нихъ письма мои кн. Дадіану посланные, читаны и показаны были кн. Половандову, которому по сему случаю, якобы оказаны были нѣкоторыя личныя непріятности.

„Недавая полной вѣры такому происшествію, нарушающему права гостепріимства, не токмо у христіанскихъ державъ, но и во всей Азіи варварскими народами, противъ посланцевъ сохраняемыя, не могу однакожъ скрыть я передъ вашимъ высочествомъ моего прискорбія, и вкупѣ удивленія ко всему тому, что дошло до моего свѣденія."

Что бы удостовѣриться въ истинѣ кн. Циціановъ послалъ письмо царю Соломону, но не съ нарочнымъ, а по почтѣ до Сурама, прося его прислать отвѣтъ также въ Сурамъ, въ которомъ и объяснить истину „сего постыднаго происшествія." Главнокомандующій указывалъ Соломону на двуличность его повѣдѣнія и поступковъ.

„Вы ищете, писалъ онъ, высокаго покровительства и сильной защиты Е. И. Вел.-ва, и съ такимъ намѣреніемъ отправили посланца своего кн. Леонидзе къ Высочайшему двору, но въ тоже время оказываете непріязненные поступки, не только противъ земли осчастливленной Всемилостивѣйшимъ покровительствомъ великаго моего Государя Императора, но даже въ семъ происшествіи открывается явное недоброжелательство ваше къ Россіи, ибо особа посланцевъ во всѣхъ земляхъ почитается священною, хотя бы таковые были отъ самыхъ непріятелей."

Князь Циціановъ старался убѣдить имеретинскаго царя, что принятіе Дадіана мингрельскаго въ подданство Россіи, не должно нисколько безпокоить самаго Соломона; что на противъ того Россія будучи безпристрастнымъ, посредникомъ можетъ помирить и прекратить вражду, существовавшую съ давнихъ временъ, между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ Мингреліи, и въ особенности тогда, когда имеретинскій царь, также вступитъ въ ея подданство. Главнокомандующій просилъ Соломона оставить всякія покушенія и притязанія на Мингрелію, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока кн. Леонидзе не возвратиться изъ Петербурга, съ окончательнымъ рѣшеніемъ Императора Александра.

(1) Письмо это писано по первому извѣстію, а потому и приведенныя факты не совсѣмъ вѣрны.

„Въ окончаніе сего, писалъ кн. Циціановъ, долгомъ поставляю объявить вашему высочеству, что предстоятъ вамъ и царству вашему два пути, которыхъ избраніе зависитъ отъ произвола вашего. Я съ своей стороны, сохранилъ свято данное мною вамъ слово, соблюлъ не нарушимый союзъ сосѣдства и сожалѣть буду, если обстоятельства принудятъ меня перемѣнить мои правила."

Непріязненные поступки царя Соломона, достаточно показали нашему правительству, что кромѣ вѣроломства, мы отъ него ничего ожидать не могли. Удостовѣрившись въ недоброжелательствѣ его къ Россіи, напрасно уже было бы и начинать переговоры, съ находившимся въ С.-Петербургѣ посланникомъ имеретинскимъ. Хотя и можно было ожидать, что кн. Леонидзе, по извѣстной алчности своей, не оказалъ бы большаго упорства, въ постановленіяхъ съ нами, но податливость его оставалась бы тщетною и не привела бы ни къ чему, если владѣлецъ его не утвердилъ бы имъ поставленнаго. По этому, получивъ свѣденіе о поступкахъ царя Соломона, о его двуличномъ поведеніи относительно Россіи, Императоръ Александръ приказалъ остановить всѣ переговоры начатые съ кн. Леонидзе въ С.-Петербургѣ, и отправить его обратно. При отправленіи ему объявлено, что безчеловѣчный поступокъ Соломона, съ посланными отъ главнокомандующаго къ кн. Дадіану, его происки у Порты,—въ то самое время, какъ изъявлялъ онъ намъ желаніе свое поступить въ подданство Россіи,—и наконецъ его насильственныя поступки въ Мингреліи,—гдѣ онъ увелъ изъ Одиши до 400 плѣнныхъ, тогда какъ извѣстно ему уже было что кн. Дадіанъ принятъ подъ защиту Россіи,—заставили наше правительство пресечь всякія переговоры. Но если бы царь имеретинскій удостовѣрилъ насъ въ томъ, что онъ дѣйствительно желаетъ покровительства, и что данное имъ слово свято соблюдено будетъ, то, въ такомъ случаѣ, постановленіе о принятіи Имеретіи подъ верховную власть Россіи, можетъ быть заключено въ Тифлисѣ (1), гдѣ и приказано ему было явиться къ кн. Циціанову.

„Обнаруженное коварство царя Соломона, писалъ Алек-

(1) Проэктъ ноты отъ государственнаго канцлера къ имеретинскому послу 24 декабря 1803 г. Арх. Министерства Иностр. Дѣлъ.

сандръ къ кн. Циціанову (1), искавшаго предать себя и царство свое, подъ покровительство и верховную власть Россіи, и, въ тоже самое время, просящаго у Порты Отоманской защиты противу нашего оружія, а паче всего, безчеловѣчіе содѣянное имъ надъ посланными кн. Дадіана, и преступившее предѣлы всякаго чаянія, показали, какіе мѣры надлежитъ принять для упрежденія замысловъ его, ко вреду нашему, и побудили меня повелѣть пріостановить начатую негоціацію съ прибывшимъ сюда посланцемъ имеретинскимъ. Не остается уже мѣста никакому сомнѣнію, что кротость и увѣщаніе, бездѣйственны будутъ, къ обращенію на путь правый сего закоснѣлаго въ пронырствѣ владѣльца, и что настало время принять мѣры осторожности, долженствующія предохранить Грузію, отъ тѣхъ неустройствъ, которыя въ Имеретіи день отъ дня усиливаются.

„Занятіе Кутаиса и крѣпкихъ мѣстъ Имеретіи, содѣлавшись, такимъ образомъ не обходимымъ, имѣете вы въ избранное вами для сего удобное время, немедленно по полученіи сего рескрипта моего, отрядить въ Имеретію, столько изъ состоящаго подъ начальствомъ вашимъ войска, сколько по усмотрѣнію вашему нужнымъ окажется".

„Если до полученія сихъ предписаній, Царь Соломонъ, сверхъ ожиданія моего, обратился бы къ чистосердечному раскаянію, то неотлагая нимало занятіе областей его, совершите оное, объявя ему, что духъ неудовольствія оказавшійся между подданными его, усиливаясь повседневно, можетъ произвести смятенія въ царствѣ его, на кои, по смѣжности Грузіи съ Имеретіею, вы равнодушно взирать не можете, ибо спокойствіе оной отъ того нарушено быть можетъ; что вступая во владѣніе его, имѣете вы въ виду, сколько предосторожность сію, столько же и желаніе ваше отвратить всякую опасность, ему лично предстоять могущую.

„Если же царь имеретинскій, суетною надеждою ослѣпленный, что преступленіе его останется ему ненаказаннымъ, не изъявитъ повиновенія своего, то отмѣтая околичности, приступите вы къ дѣлу съ объявленіемъ, что случившееся съ посланными князя Дадіана, содѣлало мѣру сію необходимою, подавъ вамъ опытъ того, чего князь мингрельскій, поступившій въ подданство Россіи и потому имѣющій пра-

(1) Въ рескриптѣ отъ 26 октября 1803. Арх. М. И. Д. 1—10, 1803—11, № 4.

во на заступленіе ея, ожидать долженъ отъ сосѣда попирающаго столь звѣрскимъ образомъ, священный повсюду законъ гостепріимства; что сверхъ сего Имеретія по мѣстному положенію своему, пересѣкая сообщеніе Грузіи съ Мингреліею, имѣли вы долгъ занятіемъ оной, успокоить себя на тотъ счетъ, что посылаемые отъ васъ, изъ одной сихъ областей въ другую, не будутъ имѣть равнаго жребія съ посланными князя Дадіана.

„Однакожъ сколь не предосудительно было поведеніе царя Соломона, я съ прискорбіемъ узнаю, что сдѣлался онъ жертвою какого либо возмущенія. Напротивъ того удовольственно для меня будетъ видѣть, что со введеніемъ войскъ моихъ въ Имеретію, прекратятся междоусобные раздоры безразсуднымъ управленіемъ его возрожденные.

„Противопоставлять ему царевича Константина было бы тѣмъ болѣе противно доброй вѣрѣ, что освобожденіе сего послѣдняго было условное и наложило на насъ обязанность, нетокмо не подавать ему никакой къ царствованію надежды, но даже держать его въ отдаленіи отъ Имеретіи, и я желаю, чтобы царь Соломонъ и въ семъ случаѣ отъ насъ научился, сколько принятыя единожды обязанности, свято и ненарушимо должны быть наблюдаемы.

„Когда по занятіи Имеретіи, безпрепятственное сообщеніе Грузіи съ Мингреліею обезпечено будетъ, приступите вы къ введенію войскъ моихъ во владѣніе князя Дадіана, коль скоро вы признаете имѣющіеся у васъ способы на то достаточными, а впрочемъ оставляется вамъ совершенная свобода: Мингрелію ли прежде занять или начать съ Имеретіи.

„Но понеже не извѣстно еще мнѣ, какой успѣхъ имѣть будетъ, порученная посланнику Италинскому, негоціація въ Константинополѣ, касательно пристани Поти, то и повѣлеваю вамъ, при вступленіи вашемъ въ Мингрелію, не только не касаться оной, но оказывать должное уваженіе находящемуся въ мѣстѣ семъ турецкому начальнику, и вообще избѣгать всякихъ случаевъ, которые могли бы подать поводъ къ справедливымъ со стороны Порты Отоманской жалобамъ. Утвердившись такимъ образомъ на Черномъ морѣ, обратите вы помышленіе ваше на побережныя провинціи Каспійскаго моря. А такъ какъ для утвержденія въ тѣхъ

краяхъ должнаго уваженія къ Россійской имперіи, попускать не надобно, чтобъ тамошніе владѣльцы, дерзали играть принятыми съ нами обязанностями, имѣете вы также приступить къ приведенію въ исполненіе тѣхъ постановленій, кои заключены были между вами и Алла-Верды-Бекомъ, посланцомъ бакинскаго Хана. Я тѣмъ болѣе обнадѣживаюсь въ успѣхѣ начинанія сего, что съ помощію флотиліи нашей на Каспійскомъ морѣ, въ распоряженіи вашемъ находящейся, найдетесь вы въ состояніи отвратить затрудненія, которыя вамъ предстоять могутъ. Съ занятіемъ Баки и Сальяна, жребій прочихъ ближайшихъ къ Россіи побережныхъ мѣстъ на Каспійскомъ морѣ, уже въ рукахъ нашихъ находиться будетъ.

„По совершеніи предписанія сего, займетесь вы учрежденіемъ безпрепятственнаго сообщенія между Бакою и Грузіею, которое, по занятіи Имеретіи и Мингреліи, соединивъ такъ сказать Каспійское море съ Чернымъ, откроетъ торговлѣ нашей новый путь, тщетно до нынѣ желанный, по причинѣ суровости нравовъ жителей тѣхъ мѣстъ. Дальнѣйшее же производство предначертаннаго вамъ плана, предоставите вы времени и обстоятельствамъ, и по мѣрѣ какъ оныя къ тому благопріятствовать будутъ, будете вы выполнять оный честно, представляя предварительно на усмотрѣніе мое средства, кои найдете вы для того удобными.

„Изъявя вамъ волю мою, объ участи сопредѣльныхъ съ Грузіею областей и прочихъ мѣстъ края, въ которомъ вы находитесь, не сомнѣваюся я, чтобы не совершили виды мои съ обыкновеннымъ благоразуміемъ и дѣятельностію вашею“.

Въ генварѣ 1804 г. кн. Леонидзе отправился изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ. Оканчивая въ это время всѣ приготовленія для похода въ Ганжу, кн. Циціановъ рѣшился отложить дѣйствія противъ царя имеретинскаго, до окончанія этой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что приведеніе къ окончанію переговоровъ, начатыхъ съ имеретинскимъ царемъ, о его подданствѣ и покровительствѣ Россіи, тѣсно связывалось съ вопросомъ о пріобрѣтеніяхъ нашихъ на восточномъ берегу Чернаго моря.

Пріобрѣтенія же, о которыхъ говорилось въ рескриптѣ, какъ ни выгодны были сами по себѣ, требовали отъ нашего правительства новыхъ усилій и новыхъ пожертвованій.

По самому характеру обитавшихъ тамъ народовъ, нельзя было ограничиваться письменными постановленіями и обычаями, принятыми между Европейскими дворами, но необходимо было, на каждомъ шагу и во всякое время, быть готовымъ поддержать свои требованія силою. Между азіятскими народами, тотъ болѣе почтенъ, кто сильнѣе. Пріобрѣтеніе же этой силы и всеобщаго уваженія, требовало и влекло за собою необходимость усиленія тамошнихъ войскъ. Къ занятію напримѣръ Имеретіи и Мингреліи, по мнѣнію кн. Циціанова необходимо было по крайней мѣрѣ два полка; тѣже два полка, т. е. Севастопольскій мушкетерскій и 15-й Егерскій, которые назначены были въ Грузію, главнокомандующій употребилъ, тотчасъ по прибытіи ихъ, на ганжинскую экспедицію „*только нужную*“ какъ по тому, что Ганжа всегда была въ подданствѣ Грузіи, такъ и для того, чтобъ удостовѣрить безумныхъ сосѣдей въ томъ „что я имѣю Высочайшее разрѣшеніе переходить и за предѣлы Грузіи, буде неповиновеніе или дурное поведеніе ихъ меня къ тому принудятъ“... „вѣроломство сосѣдей Грузіи, писалъ кн. Циціановъ, рождаетъ часто нужду въ войскѣ тамъ, гдѣ и ожидать иногда невозможно“ (1).

---

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 12 сентября 1803 г. Т. А. К. Н.

ГЛАВА XII.

Отъѣздъ Царицы Дарьи изъ Тифлиса въ Мухранъ, и ея происки.—Предложеніе кн. Циціанова Царицѣ отправиться въ Россію. Письмо грузинскаго царевича Александра и отвѣтъ на него кн. Циціанова.—Царица Дарья не желаетъ ѣхать.—Письмо ея къ кн. Циціанову и отправленія Царицы въ Москву.

Отправивъ большую часть членовъ царскаго дома въ Россію, князь Цициановъ согласился оставить царицу Дарью на нѣкоторое время въ Тифлисѣ, только во вниманіе ея просьбъ и подъ предлогомъ болѣзни. Вскорѣ послѣ того, царица Дарья просила князя Цициянова, подъ видомъ страха отъ чумы, переѣхать въ селеніе Мухранъ, принадлежащее родному ея внуку князю Багратіону-Мухранскому. Главноуправляющій хотя и предвидѣлъ, что она ѣдетъ не на покой, а на исполненіе какихъ либо вредныхъ замысловъ и интригъ, которыхъ она не прекращала, но все-таки разрѣшилъ ей уѣхать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же было приказано, квартировавшему тамъ съ эскадрономъ нарвскаго драгунскаго полка полковнику барону Уманцову, слѣдить за всѣми ея поступками. Спустя нѣкоторое время перехватили письма къ ней отъ царевичей Александра и Теймураза, находившихся при Баба-Ханѣ. Поселясь теперь въ срединѣ Карталиніи, она обратила всю свою дѣятельность прежде всего на князей карталинскихъ, разглашая между ними чрезъ своихъ преданныхъ, разные нелѣпые слухи: что будто бы Баба-Ханъ послалъ на Грузію сильное войско; что Лезгины, числомъ до 500 человѣкъ, уже у воротъ Мухранскихъ, и, хотятъ увести ее въ Чары. — Такія разглашенія Царицы Дарьи, поддерживаемые съ другой стороны Царе-

вичами Іулономъ и Парнаозомъ, оказывали свое дѣйствіе надъ народомъ, „коего легковѣрнѣе я не знаю въ свѣтѣ“. писалъ кн. Циціановъ (1).

Буйные по своему характеру князья, но неимѣвшіе нималѣйшихъ средствъ къ дѣятельности, ограничили свои замыслы съѣздами для совѣщаній.

Двое князей Амеребжибовыхъ, отецъ и сынъ, по подозрѣнію, что они имѣли сношеніе, личное и письменное, съ царевичами Іулономъ и Парнаозомъ, подошедшимъ къ грузинскимъ границамъ, были взяты „*подъ легкой присмотръ*“, изъ подъ котораго они ушли; князь Циціановъ не приказалъ даже ихъ преслѣдовать и отыскивать.

Такимъ образомъ интриги и происки царицы Дарьи, ея связи съ князьями карталинскими и кахетинскими, были опять причиною новыхъ, хотя незначительныхъ, волненій и безпокойствъ въ Грузіи. Приготовляясь къ начатію предположенныхъ военныхъ дѣйствій противу Ганжи, Эривани и Баку, князь Циціановъ заботился прежде всего о спокойствіи въ Грузіи и уничтоженіи всякаго рода интригъ, чего и можно было достигнуть только удаленіемъ изъ Грузіи послѣднихъ членовъ Царскаго дома, какъ единственныхъ лицъ, около которыхъ групировались, и, отъ которыхъ исходили всѣ интриги и волненія въ странѣ. По этому скорѣйшее отправленіе царицы Дарьи въ Россію становилось необходимостію.

Скитавшійся въ Персіи царевичъ Александръ, прислалъ, сначала къ князю Циціанову, письмо на Высочайшее имя, съ просьбою не отправлять царицу Дарію въ Россію, опасаясь, что она неперенесетъ этой поѣздки (2), а въ слѣдъ за тѣмъ другое, въ которомъ царевичъ Александръ говорилъ, что онъ самъ бы готовъ былъ пріѣхать въ Тифлисъ, но недѣлаетъ этого потому что, не знаетъ какая участь его тамъ можетъ постигнуть, такъ какъ, въ письмахъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ правительственныхъ лицъ, онъ ничего хорошаго для себя не видитъ (3). По его словамъ Кнорринга, не отвѣчалъ на его письмо вовсѣ, а Кочубей

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. отъ 27 Октября 1803 г.
(2) Переводъ письма царевича Александра Г. И. 1 Іюля 1803 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣст.
(3) Письмо отъ 19 Іюня 1803 г.

написалъ ему письмо весьма неутѣшительное для будущей его участи въ Россіи. Царевичь обвинялъ даже самаго князя Циціанова, за то что не написавъ ему самъ письма, главнокомандующій поручилъ написать его Эристову.

Царевичь увѣрялъ, что причиною удаленія его изъ Грузіи былъ братъ его покойный царь Георгій; что причину эту „описывать было бы продолжительно“; онъ спрашивалъ объ участи, которая можетъ его постигнуть при возвращеніи его въ Тифлисъ и прибавлялъ: „что не прилично ни Государю, ни Россіи, чтобы я будучи христіанинъ и царевичь проживалъ въ татарской землѣ, и если вамъ угодно будетъ отправить дворянина сего Захарія къ Государю, приказавъ ему написать прошеніе сего содержанія, представивъ и отъ себя и какъ Государю угодно будетъ повелѣть письменно и я тогда прибуду“.

Кн. Циціановъ отвѣчалъ царевичу Александру (1), что онъ вовсѣ не имѣетъ нужды скитаться и проживать въ чужихъ земляхъ и если пожелаетъ возвратиться и поѣхать въ Россію, то будетъ принятъ съ должнымъ уваженіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главноуправляющій сдѣлалъ обвѣщеніе ко всѣмъ грузинскимъ князьямъ и дворянамъ удалившимся въ Персію съ царевичемъ (2), въ которомъ онъ обращался къ нимъ, какъ къ соотчичамъ и просилъ ихъ возвратиться въ Грузію, если они не желаютъ скитаться по чужимъ землямъ. Кто возвратится, тому обѣщано полное прощеніе, а кто не возвратится, тотъ не только никогда не будетъ допущенъ въ Грузію, но и всѣ ихъ имѣнія будутъ отобраны и на вѣки лишатся: отцы,—дѣтей, а дѣти,—родителей.

Пока велись переговоры съ царевичемъ Александромъ и окружающими его князьями, царица Дарья по прежнему продолжала волновать народъ. Получены были свѣдѣнія, что царица вошла въ переписку не только со своими сыновьями, но и съ нѣкоторыми князьями, жившими въ Грузіи и своими письмами уговаривала ихъ не повиноваться русскому правительству. Бесѣды ея, въ Мухранѣ, со многими князьями, точно также клонились къ возстановленію грузинскаго народа противу Россіи. Довѣрчивый и легкомысленный народъ легко поддавался подговорамъ злонамѣренныхъ.

(1) См. приложеніе № 16.

(2) Письмо отъ 2 сентября 1803 г. Ibid.

Князь Циціановъ призналъ теперь необходимымъ напомнить царицѣ Дарьи, о необходимости ея отъѣзда въ Россію. Говоря что къ 15-му сентября дорога будетъ исправлена и мосты на Терекѣ готовы, онъ просилъ царицу поспѣшить отъѣздомъ и увѣдомить его, когда полагаетъ она выѣхать (1).

Отговариваясь невозможностію выѣхать изъ Грузіи, по причинѣ болѣзни, царица писала князю Циціанову слѣдующее (2).

„Почтенное, вашего сіятельства, письмо, отъ 10-го числа сего мѣсяца, я получила, коимъ изволите объявить ѣхать мнѣ въ Россію. Многократно увѣряла я ваше сіятельство, да и теперь увѣряю клятвою, по христіанской совѣсти, что я весьма желала и желаю поклониться Его Величеству, но по грѣхамъ моимъ, обладаетъ мною такая болѣзнь, что увѣряю, заклинаніемъ страшнаго имени Божія, не могу ни какими способами и ни какимъ усиліемъ встать на ноги; а когда не въ силахъ я вставать и наступить ногою, то тѣмъ еще не позволительнѣе мнѣ пройти. *Правда, выше поясницы имѣю я готовность и душа во мнѣ находится, но ниже поясницы тѣло мое лишено жизненнаго состоянія, и ни какого здоровья во мнѣ не находится.* Въ бытность мою здѣсь два раза такія сдѣлались мнѣ припадки, что едва могла я избѣгнуть смерти. Невозможнымъ сдѣлалось мое излѣченіе, и что мнѣ дѣлать? Недоброжелатели мои, которые въ великій постъ докладывали вамъ, что якобы я не была больна, знаю что и теперь не перестанутъ меня обносить. Дай Богъ врагамъ вашимъ и моимъ быть въ такомъ положеніи въ какомъ я; болѣе проклинать я ихъ не буду. Изволи-ли вы упоминать, что когда могла я ѣхать въ Мухранъ, то могу ѣхать и въ Россію. Довольно вамъ извѣстно, какъ разнствуетъ дорога отъ Тифлиса до Мухрани, и отъ Мухрани до Петербурга; вѣрьте той же моей клятвѣ, что я ѣхать сюда осмѣлилась отъ страха того, что если бы я умерла въ Тифлисѣ чумою, то ни кто ко мнѣ не приступилъ и ни кто бы не призрѣлъ. И для сего предпочла я умереть въ дорогѣ, нежели быть въ той болѣзни, и тамъ умереть. И до сего то мѣста едва съ нуждою могла достигнуть; 9-ть разъ дѣлались мнѣ обмороки и едва я не

(1) Письмо кн. Циціанова царицы Дарьи 10 сентября 1803 г. Т. А. К. Н.
(2) Переводъ письма царицы Дарьи кн. Циціанову 11 сентября 1803 г. Ibid.

умерла отъ страха той болѣзни, и вывезенъ былъ одинъ такой больной, у коего въ головѣ лежалъ саванъ, и ежечастно ожидали исхода его духа и я отъ таковаго страха поѣхала оттуда, а то бы, какъ я могла ѣхать; думаю я, если я теперь умру въ дорогѣ, ни государю не будетъ прибыли, ни вашему сіятельству. По прошествіи пасхи, завѣрена я была отъ васъ многими страшными клятвами, чрезъ сестрицу вашу Тамару, супругу Моурава, и чрезъ Якима Татулу, что вы ни когда не будете мнѣ напоминать объ отъѣздѣ и не будете меня отправлять, чтобы я въ томъ удостовѣрена была. Между прочими страшными клятвами изволили проговорить и то, что вы, пришедъ въ мою церковь и причастясь Святыхъ таинъ, удостовѣрите меня клятвою, что ни когда не будете напоминать мнѣ объ отъѣздѣ моемъ. Я будучи удостовѣрена таковыми клятвами, и въ надеждѣ на ваши слова, не представила Его Величеству моего прошенія".

Царица просила главноуправляющаго разрѣшить ей отправить посланнаго къ императору Александру съ просьбою объ оставленіи ея въ Грузіи.

Князь Циціановъ удивляясь возводимому на него какому то клятвенному обѣщанію, „которое употребить не токмо Россійскіе генералы, но и мужики за стыдъ себѣ поставятъ, да и нѣтъ ее со всѣмъ у насъ въ обыкновеніи" требовалъ по прежнему ея отъѣзда (1). Онъ писалъ ей, что отъѣздъ ея въ Россію уже рѣшенъ; что онъ отмѣненъ быть не можетъ и что Царицѣ слѣдуетъ безотлагательно собираться въ путь, который будетъ устроенъ „по приличію" и употреблены всѣ способы къ облегченію его.

Царица все таки не только не ѣхала, но даже и не собиралась. По этому, не предвидя возможности убѣдить ее добровольно оставить край, но вмѣстѣ съ тѣмъ считая отъѣздъ этотъ необходимымъ, для общаго спокойствія, князь Циціановъ рѣшился употребить силу, и поручилъ генералъ-маіору князю Орбеліанову, вывести ее въ Россію (2).

Князь Орбеліановъ получилъ приказаніе: соблюдая должное къ сану ея уваженіе, принять всѣ осторожности, къ отвращенію могущаго быть сопротивленія внучатъ ея, князей Багратіоновыхъ-Мухранскихъ, у коихъ въ домѣ она

(1) Письмо кн. Циціанова Царицѣ Дарьи 15 сент. 1803 г. Ibid.
(2) Предписаніе отъ 16-го октября 1803 г., № 1795.

жила „и дабы не подвергнуть себя какому либо несчастію, подобному тому какое случилось съ покойнымъ Лазаревымъ.“

Для выполненія послѣдней предосторожности, приказано было отправить въ Мухранъ двѣ роты егерей, 17 егерскаго полка, въ распоряженіе князя Орбельянова, которые должны были оцѣпить замокъ и домъ. Потомъ, для той же осторожности, сперва должны были войти 6-ть егерскихъ или драгунскихъ унтеръ-офицеровъ съ офицеромъ,—Убѣдившись въ томъ что у Царицы Дарьи и ея окружающихъ не будетъ ни какого оружія, должны были войти нѣсколько офицеровъ съ переводчикомъ, и объявить чтобы она сошла съ башни, въ которой Царица Дарья помѣщалась, или приказала бы снести себя.—Если просьба эта не будетъ исполнена ею, „то со всею учтивостію и бережливостію, снести ея такъ, чтобы необезпокоить“, но прежде нежели ея снесутъ или сведутъ, князь Орбеліановъ долженъ былъ самъ войти къ ней и просить, чтобы она склонилась на добровольный выѣздъ не откладывая ни часа, и тогда ей будутъ оказаны всѣ почести и „оказать отданіемъ чести всѣмъ фронтомъ.“

Воля главнокомандующаго была исполнена. Царица Дарья, увидѣвшая въ своемъ селеніи двѣ роты егерей и узнавшая о причинѣ прибытія князя Орбеліанова, отвѣчала на его просьбу, что она съ охотою выполняетъ волю Императора Александра, и, 25 октября 1803 года, она отправилась въ Россію (1).

„Для препровожденія царицы Дарьи послалъ я, доносилъ кн. Цицiановъ (2), генералъ-маіора князя Орбеліанова до Владикавказа, оттуда будетъ для присмотра и сохраненія особы ея полковникъ баронъ Уманцовъ до Моздока. Приставомъ при царицѣ назначилъ я коллежскаго совѣтника князя Орбеліанова до Москвы. Все отправленіе ея нынѣ дѣлается на счетъ десяти тысячной суммы, у меня хранящейся и для сего самаго предмета назначенной. Но я опасаюсь, чтобы по немаловажной ея свитѣ, прихотямъ, старости и болѣзни, излишнія ея требованія не повлекли меня въ излишнія издержки. Для сбереженія ея здоровья данъ лекарь отсюда до Моздока, а тамъ другой уже будетъ препровождать ея до самой Москвы.“

(1) Рапортъ кн. Цицiанова Г. И. 27 октября 1803 г.
(2) Тамъ же.

Такъ какъ вскорѣ послѣ отъѣзда царицы, удалилось въ Имеретію еще нѣсколько князей грузинскихъ, вѣроятно съ цѣлію соединиться съ царевичами Іуліономъ и Парнаозомъ, то князь Циціановъ призналъ необходимымъ, для удержанія отъ побѣговъ, испросить разрѣшеніе, секвестровать имѣнія бѣжавшихъ, и собираемые съ нихъ доходы обратить на общественныя заведенія, а у кого останется или осталось семейство, то поручить его призрѣнію родственниковъ (1).

(1) Рапортъ кн. Цицianова Г. И. 3 ноября 1803 г.

ГЛАВА XIII.

Приготовленіе къ экспедиціи въ Ганжу, Эриванъ и Баку. — Прибытіе въ Грузію новыхъ полковъ. — Вторженіе Лезгинъ въ Карталинію, со стороны Ахалцыха. — Мѣры, принятыя къ ихъ отраженію. — Вторженіе въ Грузію Лезгинъ, со стороны Дагестана. — Воззваніе къ Джарцамъ, не исполнившимъ заключенныхъ условій, и отраженіе вторгнувшихся Лезгинъ, со стороны Дагестана.

Причины, высказанныя въ рескриптѣ Императора Александра князю Циціанову, отъ 20-го марта 1803 года (*), о невозможности усилить войска, расположенныя въ Грузіи, отправленіемъ на Кавказъ новыхъ войскъ изъ Россіи, вызвали, какъ мы видѣли, предложеніе остановить экспедиціи до 1804 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Александръ предоставлялъ, однакоже, князю Циціанову начать предположенныя имъ военныя дѣйствія, въ томъ случаѣ, если онъ найдетъ возможнымъ достигнуть желаемой цѣли, съ тѣми войсками, которыя у него находятся и боевою силою которыхъ онъ могъ располагать.

Въ виду такихъ обстоятельствъ главнокомандующій рѣшился на самыя ограниченныя дѣйствія, вызываемыя полною необходимостію. Не разсчитывая, изъ числа находившихся у него войскъ, на девять баталіоновъ, необходимыхъ для занятія въ разныхъ пунктахъ гарнизоновъ, главнокомандующій долженъ былъ ограничить по этому предпріятія свои поисками на Ганжу, Эриванъ и занятіемъ Баку.

Шефу кабардинскаго мушкетерскаго полка генералъ-маіору Гулякову, такъ успѣшно дѣйствовавшему въ Чарской области, было приказано, съ тремя баталіонами ввѣреннаго ему полка, идти на сопредѣльныхъ Чарцамъ самухскихъ Бековъ, привести ихъ въ повиновеніе, обложить данью, по примѣру чарской провинціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обозрѣть удобнѣйшее мѣсто для переправы чрезъ рѣку Куру, которая, отъ Тифлиса до Ганжи, имѣетъ весьма крутые берега

(*) См. стр. 77.

и требуетъ заблаговременнаго приготовленія къ переправѣ. Установивши переправу съ лѣваго берега, главнокомандующій думалъ самъ двинуться, по правому, изъ Шамшадили, прежде всего для покоренія Ганжи, чтобы не оставить позади себя непріятеля, такъ какъ Джаватъ-ханъ ганжинскій примирился съ враждовавшимъ противъ него Ибраимъ-ханомъ шушинскимъ и въ залогъ дружбы получилъ отъ него двѣ мѣдныя пушки въ подарокъ. Къ тому же другія основательныя причины заставляли подозрѣвать Джаватъ-хана въ недоброжелательствѣ къ намъ.

Едва только князь Цицiановъ пріѣхалъ въ Грузію, какъ ханъ ганжинскій прислалъ къ нему своего посла, съ просьбою принять его въ свое подданство. Главнокомандующій согласился на это и требовалъ аманатовъ. „Исполненіемъ сего требованія моего, писалъ онъ Джаватъ-хану (¹), почту я истиннымъ знакомъ чистосердечнаго вашего доброжелательства, и тогда, по собственнымъ словамъ вашимъ, не будетъ никакого различія между Ганжею и Грузіею". Частныя сношенія тифлискихъ жителей съ Ганжею, давали возможность узнать о совершенно противныхъ поступкахъ ганжинскаго хана, и о его приготовленіяхъ къ сопротивленію. Запасы воинскихъ снарядовъ, имъ дѣлаемые, подтверждали справедливость слуховъ. Такимъ образомъ съ одной стороны: увѣреніе его въ преданности къ Россіи и въ тоже время не только отказъ на требованіе князя Цицiанова, въ залогъ этой вѣрности, прислать аманатовъ,—въ числѣ коихъ долженъ быть одинъ изъ сыновей его,—но и сообщеніе даже о томъ, что онъ получилъ фирманъ отъ иранскаго государя (имя, которое давали иногда въ Персіи Баба-хану),—все это указывало на двуличность поведенія Джаватъ-хана, и заставляя сомнѣваться въ его расположеніи къ Россіи, вызывало насъ на энергическія дѣйствія.

Съ другой стороны хотя гарнизонъ, который предполагалось оставить въ Ганжѣ, долженъ былъ ослабить войска, назначенныя въ экспедицію, но походъ на Эривань князь Цицiановъ считалъ также необходимымъ. По этому изъ Ганжи онъ думалъ пойти черезъ туже шамшадильскую провинцію, прямѣйшимъ путемъ, до Эривани, и въ тоже время отправить туда стоявшій въ Бомбакахъ, въ 70-ти верстахъ

(¹) Въ письмѣ отъ 25 февраля 1808 г. Тифлис. Арх. Канц. Намѣс.

отъ Эривани, баталіонъ 17-го егерскаго полка. „Между тѣмъ, доносилъ онъ (1), приспѣетъ время къ занятію Баку, куда уже обезсилившись двумя гарнизонами и другими между лежащими пунктами къ занятію принадлежащими, безъ крайняго себя ослабленія и обнаженія предѣловъ грузинскихъ, не могу я отрядить двухъ комплектныхъ баталіоновъ, для непремѣннаго бакинскаго гарнизона. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было объявить мнѣ рѣшительно высочайшую волю, во исполненіе которой всеподданнѣйше представлять о нуждѣ въ войскахъ болѣе не дерзаю.

„Но принявъ въ уваженіе обстоятельство, что когда воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества, въ донесеніяхъ моихъ, о занятіи Дербента и прочихъ побережныхъ мѣстъ, ничего еще не было опредѣлительнаго, кромѣ соображеній настоящихъ обстоятельствъ, представленныхъ мною высочайшему воззрѣнію; а какъ я имѣлъ счастіе донесть Вашему Императорскому Величеству о добровольной уступкѣ города Баку, и о заключенныхъ мною по сему предмету предварительныхъ условіяхъ, то имѣю основательную причину находиться въ ожиданіи, что Ваше Императорское Величество, вкупѣ съ принятіемъ города Баку въ подданство, благоволите высочайше назначить два полка, т. е. 15-й егерскій и севастопольскій мушкетерскій, коихъ просилъ я всеподданнѣйше; изъ которыхъ одинъ помѣстится гарнизономъ въ Баку, и оба успѣютъ еще придти къ осени въ Грузію“.

Зная, что пріобрѣтеніе Баку, а тѣмъ болѣе при добровольной уступкѣ, не было противно общимъ предначертаніямъ и инструкціи ему данной, князь Цицiановъ поручилъ шефу астраханскаго гарнизоннаго полка генералъ-маіору Завалишину заготовить провіантъ, необходимый для продовольствія отряда. Завалишинъ долженъ былъ, узнавъ о цѣнѣ и увѣдомивъ его, при первыхъ хлѣбныхъ транспортахъ, приходящихъ при вскрытіи рѣки въ Астрахань, искупить 4,486 кулей муки, 419 кулей крупъ и 1,600 кулей овса, необходимаго для полковыхъ и артиллерійскихъ лошадей, по неимѣнію тамъ подножнаго корма. На обязанность его же возложено было узнать и приторговать, почемъ возьмутъ

(1) Рапортъ кн. Цицiанова Е. И. В. отъ 27 апрѣля 1803 г. Арх. Минис. Иностр. Дѣлъ. 1—13; 1803—6; № 9.

за доставленіе всего хлѣба до Баку, на наемныхъ транспортныхъ судахъ, для прикрытія которыхъ приказано было изготовить отъ 2-хъ до 3-хъ военныхъ судовъ, могущихъ служить, при удобномъ случаѣ, и для дальнѣйшихъ предпріятій нашихъ по западному берегу Каспійскаго моря.

Въ тоже время, для отвлеченія вниманія Шихъ-Али-хана дербентскаго, отъ всѣхъ этихъ движеній и дѣйствій, главнокомандующій послалъ къ нему нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что будто бы получилъ разрѣшеніе, отъ Императора Александра, содѣйствовать ему въ возведеніи Касимъ-хана на ханство шемахинское, и потому готовъ приступить къ исполненію этаго, по обоюдному соглашенію въ дѣйствіяхъ. Кн. Циціановъ писалъ Шихъ-Али-хану, что, за тѣмъ удовлетворяя его желаніямъ, считаетъ не нужнымъ отправленіе посланца его Медетъ-Бека къ Высочайшему двору. Генералъ-маіоръ Завалишинъ же, при врученіи письма князя Циціанова посланцу дербентскому, находившемуся въ Астраханѣ, какъ бы въ видѣ особой къ нему откровенности, долженъ былъ сказать, что вооруженіе флотиліи нашей производится для наказанія хищныхъ дагестанцовъ, подданныхъ Уцмія Каракайдакскаго, которые разграбили судно астраханскаго купца Могундаса Терендасова. Впрочемъ, возстановленіе Касимъ-хана главнокомандующій считалъ и для нашихъ видовъ небезвыгоднымъ; онъ даже думалъ, при удачныхъ и удобныхъ обстоятельствахъ, приступить къ дѣйствительному исполненію этаго. Во всякомъ же случаѣ проволочку времени въ переговорахъ съ Шихъ-Али-ханомъ онъ считалъ необходимою.

„Въ заключеніе сего, доносилъ князь Циціановъ (1), пріемлю смѣлость всеподданнѣйше представить мнѣніе мое благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, по поводу изображеннаго сомнѣнія, не откроются ли чрезъ сіе прежде времени, настоящіе виды наши и непоколеблется ли тѣмъ довѣренность къ намъ прочихъ хановъ? Поелику ни одинъ народъ не превосходитъ персіянъ въ хитрости и въ свойственномъ имъ коварствѣ, то смѣю утвердительно сказать, что ни какія предосторожности въ поступкахъ, не могутъ удостовѣрить ихъ въ благовидности нашихъ предпріятій, когда замѣтить можно даже въ нравахъ грузинскаго народа,

(1) Въ рапортѣ Г. И отъ 27 апрѣля.—Арх. М. Инос. Д. 1—13, 1803—6. № 9.

почерпнувшаго изъ Персіи, вкупѣ съ владычествомъ невѣрныхъ, нѣкоторую часть ихъ обычаевъ, что самыя благотворныя учрежденія правительства, нерѣдко приводятъ оный въ сомнѣніе и колеблютъ умы недовѣрчивостію. Водвореніе въ Грузіи россійскаго могущества не преставало тревожить персидскихъ хановъ, а нынѣ Баба-Хана, который изъявлялъ неоднократно на Грузію свои притязанія. —Если нѣкоторыя Адербиджанскіе ханы, оказывали дружелюбіе и наклонность къ Россійскому покровительству, то въ чистосердечіи ихъ, съ основательностію ручаться неможно, да и больше есть причины думать, что они сіе дѣлали отъ страха, а не отъ усердія. —“

„Страхъ и корысть суть двѣ господствующія пружины, коими управляются дѣла въ Персіи, гдѣ права народныя, вкупѣ съ правилами человѣчества и правосудія, не воспріяли еще своего начала, и потому я заключаю, что страхъ наносимый ханамъ персидскимъ, побѣдоноснымъ оружіемъ, Вашего Императорскаго Величества, яко уже существующій, не можетъ вредить нашимъ намѣреніямъ, поколику почитаю я оный для нихъ необходимымъ. Напротивъ того, причины довѣренности къ будущимъ подвигамъ нашимъ, имѣютъ уже твердое основаніе у сосѣдственныхъ народовъ, которые удостовѣрясь, очевидно, въ благости россійскаго правленія, не смотря на злоупотребленія, при первомъ шагѣ въ Грузію вкоренившіяся, по всеобщему разуму милосердыхъ законовъ Вашего Императорскаго Величества, ограждающихъ личность и собственность каждаго, единодушно воздыхаютъ о событіи того происшествія, когда они содѣлаются подданными сильной и правосудной державы и чадами единаго милосерднаго отца. Армяне, населяющіе большую часть Адербиджанскихъ провинцій, по единому христіанству и по увѣренности ихъ въ торговомъ промыслѣ, подъ защитою россійскаго правительства, питаютъ, для собственнаго блага, основательную къ намъ преданность и желаніе видѣть скорѣйшее и благоуспѣшное водвореніе въ сихъ странахъ россійскаго владычества, и взываютъ ко мнѣ ежедневно, о поспѣшеніи экспедиціею на Эривань. Изъ всего сего явствуетъ, что могущества россійскаго оружія трепетать должны единыя неправедныя и безчеловѣчныя власти хановъ персидскихъ и корыстолюбивые сообщники на-

сильственнаго ихъ правленія. Ибо многія поколѣнія, даже магометанскаго исповѣданія, а паче татарскія, ищутъ позволенія и удобнаго случая переселиться въ предѣлы грузинскіе".

Удачныя дѣйствія генерала Гулякова противъ Джарцевъ и Бѣлоканъ, въ концѣ марта 1803 г., заставили хана Эриванскаго склониться на всѣ требованія князя Циціанова, а открытыя въ это же время переговоры съ ханомъ Бакинскимъ, о принятіи его въ подданство, давали князю Циціанову возможность устремить всѣ усилія противъ Ганжи.

Приготовляясь по этому къ походу въ Ганжу, князь Циціановъ приказалъ двинуться съ кавказской линіи въ Грузію двумъ полкамъ: нарвскому драгунскому и 9-му егерскому (1).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1803 года войска эти вступили въ Грузію и расположились, — драгуны: въ Загоречьи, Марткоби, Хошмѣ, Патерзеулѣ и Маковѣ; а егеря, — одинъ баталіонъ въ г. Гори; одинъ въ Сурамѣ; двѣ роты въ Душетѣ и двѣ въ Цхинвалѣ (2).

Для слѣдованія съ отрядомъ въ Ганжу, велѣно было приготовить также по 100 человѣкъ конныхъ татаръ, изъ Демуртчасалъ, Барчалы и Казахъ (3), коимъ и имѣть съ собою провіанта на 6 недѣль.

Предъ самымъ однако же движеніемъ къ Ганжѣ, князь Циціановъ былъ задержанъ, на нѣкоторое время Лезгинами, появившимися со стороны Карталиніи.—Хотя для охраненія границъ Карталиніи отъ набѣговъ Лезгинъ, князь Циціановъ и предложилъ предводителямъ дворянства: горійскому и душетскому, сдѣлать нарядъ изъ мѣстныхъ жителей, объявивъ имъ, что бы не ожидали за это ни какой платы, и при томъ не производили грабежей, подъ опасеніемъ строгаго наказанія (4), но это оказалось не достаточнымъ.

Приказаніе очистить и сдѣлать удобопроѣзжею дорогу, идущую отъ Гори до Цалки, для свободнаго доставленія провіанта въ Цалку, на продовольствіе кавказскаго гренадер-

---

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 16 мая. Т. А. Гл. Шт. кав. арміи.

(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 16 мая Ibid.

(3) Предписаніе кн. Циціанова Мауравамъ князьямъ: Орбельянову, Андроникову и Чавчавадзеву отъ 30 іюня 1803 г. Т. А. К. Н.

(4) Предписаніе кн. Циціанова отъ 15 и 20 іюня 1803 г. Ibid.

скаго баталіона, долженствовавшаго тамъ расположиться, повело къ столкновенію нашему съ Лезгинами.

Капитанъ-исправникъ Енохинъ, съ 108-ю рабочими грузинами, 10-ю егерями при унтеръ-офицерѣ и 9-ю казаками, отправленъ для очищенія дороги (1). При окончаніи работы, 12-го іюня, въ 20-ти верстахъ не доходя до селенія Цалки, напала на него сильная Лезгинская партія (2), скрывавшаяся до того въ Ахальцыхскихъ предѣлахъ, разбила команду рабочихъ и бывшее съ ними прикрытіе. Самъ Енохинъ, спасшійся съ 6-ю казаками и проскакавшій въ 3 часа 70 верстъ, далъ знать о томъ, въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера, полковнику Цеханскому прибавивъ, что Лезгины слѣдуютъ правымъ берегомъ Куры вверхъ къ деревнѣ Ховлѣ. Въ ту же ночь, изъ г. Гори былъ посланъ отрядъ, изъ 2-хъ унтеръ-офицеровъ 30-ти рядовыхъ и 10-ти казаковъ, подъ командою штабсъ-капитана Борднова. Переправясь черезъ Куру, на турлукахъ или надутыхъ мѣхахъ, отрядъ не отошелъ еще 3-хъ верстъ, какъ полковникъ Цеханскій, получилъ извѣстіе, что таже самая партія Лезгинъ миновавъ селеніе Хавлѣ, перешла уже къ селенію Карели, гдѣ находилась одна рота.—Не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи такихъ людей, которые могли бы быть отряженными для составленія другаго отряда, такъ какъ весь остальной горизонъ бывшій въ Гори занималъ главные посты и караулы, полковникъ Цеханскій возвратилъ штабсъ-капитана Борднова съ командою, и приказалъ ему слѣдовать къ селенію Карели. Самъ же съ 5-ю казаками поскакалъ къ тому же селенію, лѣвымъ берегомъ Куры, и, переправившись чрезъ нее въ плавь противъ селенія Карели, нашелъ дѣло уже конченнымъ.—

Капитанъ Секеринъ стоявшій съ ротою въ селеніи Карели, увлекшись тѣмъ, что Лезгины отбили обывательскій скотъ и не зная о многочисленности непріятеля рѣшился преслѣдовать его. У Секерина не доставало той сдержанности начальника, которая необходима каждому при дѣйствіи въ мѣстахъ лѣсистыхъ, гористыхъ и вообще въ такихъ гдѣ мѣстность на каждомъ шагу можетъ скрыть непріятеля и доставить ему закрытіе. Излишнее увлеченіе въ такихъ слу-

(1) Рапортъ кн. Цицianова Г. И. 23 и 26 іюня. Москов. Ар. Инспек. Деп.

(2) По показанію Енохина въ 800 челов., а по показанію полковника Цехановскаго въ 600 человѣкъ.

чаяхъ всегда бываетъ пагубно; такъ было и теперь. Пройдя со своею ротою, состоявшею только изъ 44 человѣкъ бывшихъ на лицо и 15-ю казаками, не болѣе 7-ми верстъ отъ селенія, онъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ Лезгинами, и при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ былъ раненъ. Принявшій команду поручикъ Регульскій 1-й, пользуясь мѣстоположеніемъ, дрался отчаянно и два раза проганялъ непріятеля къ лѣсу. При послѣдней удачѣ, онъ повторилъ ошибку своего предмѣстника; увлекшись идеею о преслѣдованіи, онъ двинулся еще впередъ и послѣ 3-хъ часоваго упорнаго сраженія, сдѣлался жертвою чрезмѣрной своей храбрости и неопытности. — Нижніе чины потерявъ всѣхъ офицеровъ разстроились, и 35 человѣкъ осталось на мѣстѣ.

Партія Лезгинъ двинулась обратно къ Ахалцыху. — Князь Циціановъ назначилъ числящагося при грузинской ландмиліціи, генералъ-маіора князя Орбеліанова, начальникомъ кордона отъ Сурама до Салки, придавъ ему 6 единороговъ съ прислугою, съ приказаніемъ: вызвавъ и собравъ въ помощь, вмѣсто легкой конницы, охотниковъ изъ князей и дворянъ грузинскихъ, преслѣдовать Лезгинъ и не премѣнно выбить ихъ изъ предѣловъ грузинскихъ. Реджибъ же пашу ахалцыхскаго, черезъ владѣнія котораго прошли Лезгины, главнокомандующій приглашалъ содѣйствовать въ этомъ, и не пропускать больше Лезгинъ черезъ свои владѣнія, если желаетъ сохранить союзъ и на самомъ дѣлѣ доказать, что исполняетъ повелѣнія дружественной намъ блистательной Порты Оттоманской.

Генералъ-маіоръ Орбеліановъ, соединивши 9 ротъ 9-го егерскаго полка, (1) двѣ роты кавказскаго гренадерскаго полка, 135 казаковъ Щедрова 2-го полка, съ 14-ю орудіями, преслѣдовалъ Лезгинъ, ворвавшихся въ границы верхней Карталіи вмѣстѣ съ ними зашелъ въ предѣлы Ахалцыхскіе, и 3-го іюля остановился лагеремъ при озерѣ Табискуры. Отсюда онъ отправилъ къ ахалцыхскому Реджибъ пашѣ письмо къ нему князя Циціанова и свое собственное, въ которыхъ требовалъ его содѣйствія къ изгнанію Лезгинъ изъ ахалцыхской провинціи.

Паша отвѣчалъ, что онъ готовъ исполнить просьбу, если

(1) Которые по неукомплектованію этаго полка, состояли только изъ 300 человѣкъ рядовыхъ. Рапортъ кн. Циціанова Г. И. отъ 18 іюля 1803, Москов. Арх. Инспект. Департ.

наши войска оставятъ ахалцыхскіе предѣлы и возвратятся обратно въ Карталинію. Генералъ-маіоръ Орбеліановъ отступилъ и остановился лагеремъ при Цра-цкаро, въ грузинскихъ границахъ, и тамъ ожидалъ исполненія обѣщаній Реджебъ паши ахалцыхскаго.

Отражая нападеніе Лезгинъ со стороны Ахалцыха, приходилось въ тоже время отражать нападеніе Лезгинъ со стороны Дагестана и наказать Джарцевъ, хотя и непринимавшихъ личнаго участія въ этомъ нападеніи, но нарушившихъ заключенное съ ними условіе. Еще прежде того князь Циціановъ нашелъ нужнымъ напомнить Джарцамъ о ихъ невѣрности и требовать исполненія данныхъ ими обязательствъ.

„Невѣрный народъ! писалъ онъ имъ (1) безстыдные люди! долго ли вы будете еще отъ меня требовать невозможнаго? и желаете начать невыполненіемъ одной изъ статей постановленія, прося и безпокоя меня чрезъ генерала многажды. Не ужто думаете вы, что вы за тѣмъ въ подданство Великаго Нашего Государя Императора приняты, чтобы не держать слова даннаго? Вы должны выкупать ясырей и до сихъ поръ невыкупаете, все откладываете и еще смѣете просить увольненія отъ онаго! Неужто вы забыли, что вы 80-ть лѣтъ бѣдную Грузію разворяли и брали то, что хотѣли, а не по 100 руб. Короче сказать вы если чрезъ мѣсяцъ не выкупите, то увидите что я сдѣлаю и съ ясырями и съ вами. Я презираю дагестанскихъ мухъ, которыя за васъ россійскихъ подданныхъ ходатайствуютъ, и оставаться будутъ безъ моего отвѣта, какъ и сей просившій за васъ. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ неторгуется, а повелѣваетъ имъ.“

Джарцы не только не отвѣчали на это воззваніе, но выказали новыя непріязненныя дѣйствія противъ Россіи.

Лезгинская хищническая партія до 1000 человѣкъ, пройдя изъ Дагестана, между деревнями Чарами и Катехами, 9-го іюля въ 2 часа пополудни, переправившись чрезъ рѣку Алазань, въ скрытомъ мѣстѣ, верстахъ въ 6-ти по ниже лагеря тифлисскаго баталіона, прокравшись лѣсомъ и камышами, напала на передовой пикетъ кабардинскаго мушкетерскаго полка, бывшій въ числѣ 20-ти человѣкъ, при унтеръ-офицерѣ. Встрѣтивъ сильное сопротивленіе, хищники раздѣлились на

(1) Воззваніе 23 іюля 1803 г. Т. А. К. Н.

двѣ части: одна возвратилась обратно за Алазань, а другая часть, составившаяся изъ самыхъ доброконныхъ, числомъ до 300 человѣкъ, напала на табунъ кабардинскаго же полка, гдѣ также была встрѣчена ружейными выстрѣлами и сильнымъ сопротивленіемъ команды прикрывавшей табунъ (1).

Хищники видя и тутъ свою неудачу, бросились сначала къ табуну тифлисскаго баталіона, а потомъ напали на пасшійся, въ недальнемъ отъ него разстояніи, казачій табунъ Донскаго Ефремова 3-го полка, который отъ ружейныхъ выстрѣловъ и отъ гику хищниковъ шелахнулся, и, окруженный ими, былъ угнанъ по ту сторону Алазани, въ числѣ 211-ть лошадей. Генералъ-маіоръ Гуляковъ, узнавшій о нападеніи Лезгинъ, хотя и послалъ тотчасъ войсковаго старшину Ефремова, съ резервными конными казаками, преслѣдовать хищниковъ, но посланные немогли настигнуть ихъ и должны были возвратиться обратно безъ всякаго результата.

Это вторженіе Лезгинъ ясно указывало на то, что Джарцы не думали исполнять только что заключенныхъ условій, по которымъ они обязались не пропускать въ предѣлы Грузіи хищниковъ изъ Дагестана. Князь Циціановъ приказалъ генералъ-маіору Гулякову собрать изъ селен. Чаръ и Катехи старшинъ, прочесть постановленіе съ ними заключенное и внушить, что аманаты ихъ деревень будутъ прогнаны сквозь строй, за нарушеніе договора и вѣрноподданнической ихъ присяги. Генералъ-маіоръ Гуляковъ долженъ былъ объявить старшинамъ, что они обязаны за отбитыхъ лошадей заплатить, такъ какъ о приходѣ дагестанцевъ должны были по крайнѣй мѣрѣ насъ увѣдомить, если не могли имъ сами препятствовать силою.

Джарцы однакоже невыполняли требованій. Главнокомандующій упрекалъ ихъ въ томъ, что они забывъ клятву, „съ поверженіемъ камней изъ рукъ присягавшихъ“, не плотятъ дани утвержденной ими самими „клятвеннымъ обѣщаніемъ передъ святымъ кораномъ (2).“

Онъ приглашалъ ихъ опомниться, не вѣрить Дагестанцамъ, которые губятъ ихъ изъ собственной корысти. Главнокомандующій спрашивалъ ихъ, нужно ли имъ хищниче-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 18 іюля 1803 г. Москов. Ар. Инскект. Деп.

(2) Воззваніе 25 сентября Джарцамъ и султану Эллисуйскому и 3 октября Джарскимъ и Бѣлоканскимъ жителямъ. Тиф. Арх. Кан. Нам.

ство? и отвѣчалъ: „Васъ Богъ наградилъ землею богатою, дающею вамъ стократный плодъ! Дагестанцамъ же Богъ судилъ жизнь свою погублять за кусокъ хлѣба и не наслаждаться въ будущей жизни блаженствомъ. Опомнитесь говорю я вамъ, отстаньте отъ вѣтренныхъ бунтовщиковъ, кои минутную корысть предпочитаютъ спокойной жизни; вспомните что можетъ Россія? Сколько разъ и Дагестанцы отъ россіянъ падая ницъ, зубами своими стискивая землю, испускали духъ свой, въ адъ исходящій? Еще разъ повторяю чтобъ опомнились, доколѣ я меча невынулъ и, тогда говорю, что вы не возвратитесь болѣе въ землю, гдѣ родились, гдѣ предки ваши погребены, гдѣ сродники ваши васъ воспитывали; не увидите вы домовъ своихъ, которые были спокойной вашей жизни убѣжищемъ".

Князь Циціановъ требовалъ отъ джарцевъ присылки достойнѣйшихъ старшинъ съ извиненіемъ; перемѣны аманатовъ по его назначенію и присылки 550 литръ шелку, слѣдуемаго въ дань, обѣщаясь при неисполненіи ихъ требованій придти съ огнемъ и мечемъ. Джарцы не исполнили и этого требованія. Прославъ князю Циціанову письмо, они ссылались на то, что бѣдны, не имѣютъ шелку и потому не могутъ заплатить дани. Главнокомандующій требовалъ отъ нихъ вмѣсто шелку 11 тысячъ рублей (или 4,230 червонцевъ и 2 руб. сереб.); не доставленіе которыхъ влекло за собою наказаніе. „Ждите времени, писалъ онъ, сберите всѣхъ дагестанцевъ и готовтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь. Не обманете вы меня другой разъ, истреблю васъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками и водворюсь на вѣки въ вашей землѣ. Знайте, что писавъ сіе письмо къ вамъ неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ,—члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду, землю вашей области покрою кровью вашею и она покраснѣетъ, но вы яко зайцы уйдете въ ущелья и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи по околѣете".

Тоже или почти тоже князь Циціановъ писалъ и Бѣлоканцамъ (1). Но какъ тѣ такъ и другіе были глухи къ

(1) См. приложеніе № 17.

требованіямъ нашимъ. Письма оставались безъ исполненія, дань не вносилась и лезгины по прежнему вторгались и дѣлали набѣги.

21-го октября Лезгины въ числѣ до 10.000 подъ начальствомъ Сурхай-хана владѣльца Хомбутайскаго и Аварскаго старшины Алексанта переправились чрезъ рѣку Алазань у дер. Могало (1). —22-го числа въ 3 часа ночи многочисленными толпами они напали на генералъ-маіора Гулякова, стоявшаго лагеремъ при урочищѣ Пейкаро, съ отрядомъ изъ кабардинскаго мушкатерскаго полка, и гренадерскаго батальона тифлисскаго мушкетерскаго. Предувѣдомленный казачьими пикетами о движеніи Лезгинъ, генералъ-маіоръ Гуляковъ едва только успѣлъ построить боевой порядокъ какъ Лезгины съ крикомъ бросились со всѣхъ сторонъ на наше каре.

Открывъ артиллерійскій огонь войска наши стояли не трогаясь съ мѣста. Послѣ часовой перестрѣлки Лезгины стали отступать; темнота ночи не дозволила ихъ преслѣдовать. Съ наступленіемъ разсвѣта Гуляковъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: одинъ баталіонъ кабардинскаго мушкетерскаго полка и 200 человѣкъ стрѣлковъ отправились подъ начальствомъ маіора Сабастіани, а съ остальными пошелъ самъ преслѣдовать Лезгинъ, по разнымъ направленіямъ, преимущественно къ переправамъ черезъ р. Алазань. — Настигнутые Лезгины спасались бѣгствомъ, спѣшили переправиться скорѣе и гдѣ попало черезъ Алазань, въ которой вода отъ проливныхъ дождей значительно возвысилась и оттого они тонули въ глазахъ нашихъ войскъ. Уронъ ихъ простирался до 325-ти человѣкъ. Съ нашей стороны убито и ранено 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Выпущено 45 зарядовъ и 6.527 патроновъ (2).

---

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 30 октября № 441. — Моск. Арх. Инспект. Деп. См. также Славянинъ 1827 г. Т. I кн. 6.

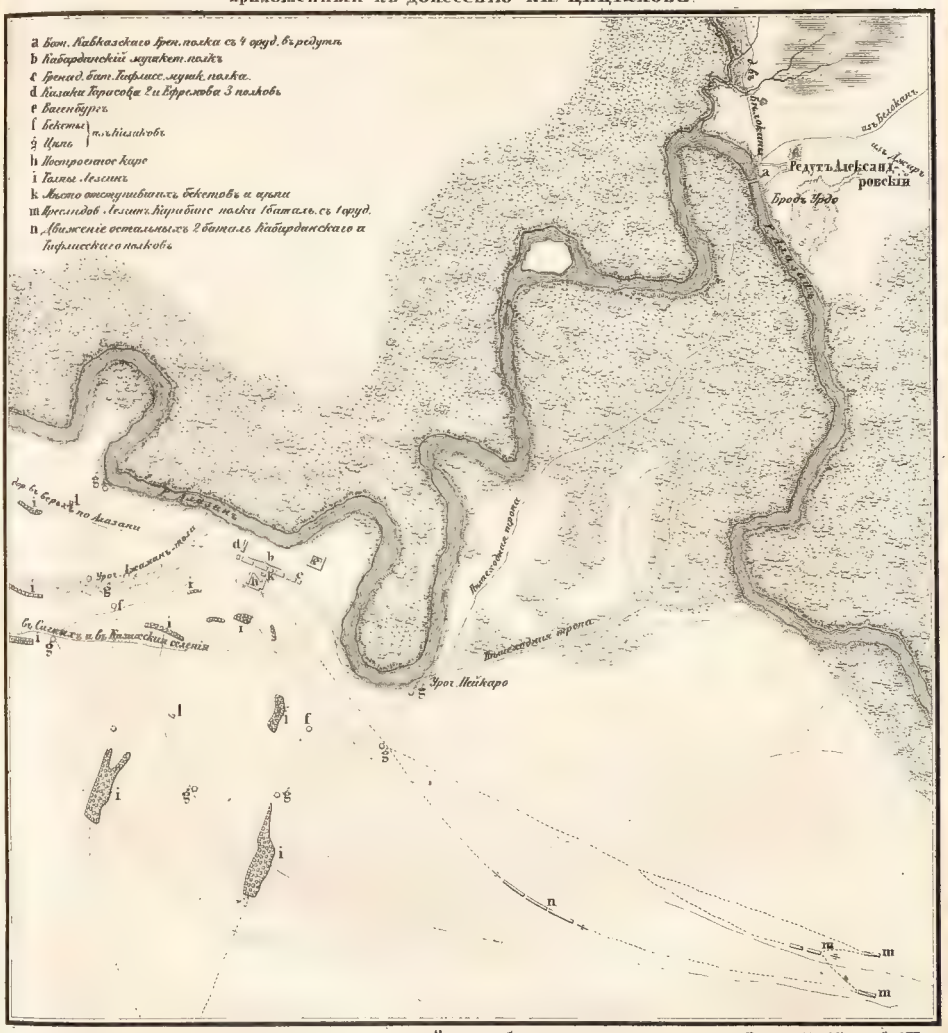
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 3 ноября 1803 г. Москов. Арх. Инспекторс. Департ. Въ награду за это дѣло кн. Циціановъ испрашивалъ трубы „храброму кабардинскому полку по мѣсяцу не раздѣвавшемуся.—“

Къ с

ПЛАНЪ

Дѣйствія русскихъ войскъ съ лезгинами между урочищами Пейкаро и Джаманъ-толи 22 Октября 1803 года.

Приложенный къ донесенію Кн. Циціанова.



Масштабъ

0 100 200 300 400 500 1000 сажъ

2 версты

Картографія А. Ильина въ СПБ.

ГЛАВА XIV.

Движеніе къ Ганжѣ.—Составъ войскъ.—Переписка кн. Циціанова съ Джаватъ-ханомъ Ганжинскимъ.—Штурмъ Ганжинской крѣпости и покореніе Ганжинскаго ханства.—Ближайшія отъ того послѣдствія: поддавство Самухскаго владѣльца Шеринъ-Бека.

Дѣйствія съ Лезгинами, хотя и весьма незначительныя по своимъ результатамъ, останавливали однако же предпріятія князя Циціанова къ занятію Ганжи и Эривани. Главнокомандующій принужденъ былъ все таки, отказавшись отъ наступательныхъ дѣйствій, вести оборонительную войну съ хищниками, изъ боязни недозволить Дагестанцамъ ворваться внутрь Грузіи, что легко могло случиться при выводѣ оттуда нѣсколькихъ баталіоновъ, предназначаемыхъ въ составъ наступательнаго отряда. Эта оборонительная система и постоянное сторожевое положеніе войскъ, препятствовавшее нѣкоторое время наступательному дѣйствію, дало средства Джаватъ-хану ганжинскому приготовиться для встрѣчи русскихъ, на столько, на сколько позволяли его силы и средства. Пользуясь временемъ онъ отправилъ къ Баба-Хану посланнаго, съ просьбою оказать ему содѣйствіе противу русскихъ войскъ, идущихъ къ Ганжѣ.—Баба-Ханъ отвѣтилъ, что идетъ теперь въ Хоросанъ, а по возвращеніи подастъ ему помощь (1). Помощь эту онъ оказалъ тѣмъ, что прислалъ только фирманъ къ Казахскимъ Агаларамъ, убѣждая ихъ покориться хану ганжинскому, вооружиться и дѣйствовать съ нимъ за одно противу русскихъ войскъ (2).

Мѣжду тѣмъ князь Циціановъ ожидалъ только прибытія въ грузію еще 2-хъ полковъ, севастопольскаго мушкетерскаго и 15-го егерскаго, для того, чтобы двинуться къ Ганжѣ. 11-го ноября прибылъ севастопольскій полкъ, и расположился для отдыха, въ 10-ти верстахъ отъ Тифлиса, въ урочищѣ Гар-

(1) Изъ письма кн. Андроникову къ кн. Циціанову 29 іюля 1803 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.

(2) Переводъ Фирмана отъ 29 сентября 1803 г. Ibid.

тискаро, а 15-й егерскій полкъ, 12-го ноября, находился еще въ 70-ти верстахъ отъ Тифлиса. Полки эти до того были изнурены переходомъ чрезъ горы въ ненастное время года, что, при трехъ баталіонномъ составѣ, въ севастопольскомъ полку осталось лошадей годныхъ только для поднятія обозовъ двухъ баталіоновъ; а 15-й егерскій полкъ князь Цицiановъ даже не рѣшился брать съ собою. — Изъ севастопольскаго же полка взялъ только два баталіона, и то не комплектныхъ, оставивъ третій при тяжестяхъ (1).

„Пришедшаго полку Севастопольскаго шефъ, мнѣ объявилъ, писалъ князь Цицiановъ, о состоянiи этихъ полковъ, (2) что его полкъ никогда свиста пуль неслыхивалъ, что ходить не умѣютъ, и на 15-и верстахъ устаютъ и падаютъ. Солдаты 20-ть лѣтъ не сходили съ мѣста, а что важнѣе такъ то, что въ полку недостаетъ 600 человѣкъ кромѣ больныхъ и ожидать укомплектованiя оныхъ не могу, потому, что когда полкъ сей посланъ изъ крымской инспекцiи, то инспекторъ отказалъ назначенныхъ военною коллегiею ему, дать рекрутъ; мои же тогда уже всѣ розданы были по полкамъ, по коллежскому назначенiю (по назначенiю военной коллегiи). Когда же бывало, чтобы частные начальники, противъ военной коллегiи росписанiя, смѣли поступать? Время уходитъ; въ фуражѣ недостатокъ и начальники полковъ страшную требуютъ цѣну, а отказать я не могу, для того, что запасу провiанскаго не сдѣлали.

„Послѣ всѣхъ сихъ неустройствъ, могу ли я полезенъ быть, оставаясь въ службѣ, подвергая всякiй день мою репутацiю безславiю и не отъ своей вины, а отъ подчиненныхъ.“

Отрядъ для движенiя въ Ганжу предположено было составить изъ 6-ти баталіоновъ, 3-хъ эскадроновъ и изъ слѣдующихъ войскъ: изъ 2-хъ баталіоновъ севастопольскаго полка, 2-хъ баталіоновъ 17-го егерскаго, находившихся въ Шамшадили, на пути въ Ганжу, одного баталіона кавказскаго гренадерскаго полка, 3-хъ эскадроновъ нарвскаго драгунскаго полка и 2-хъ ротъ 17-го егерскаго полка, шефскаго баталіона, а остальныя двѣ роты, этого же баталіона,

(1) Изъ рапорта кн. Цицiанова Г. И. 17 ноября. Моск. Арх. Инспек. Департ.

(2) Письмо кн. Цицiанова государств. канцлеру отъ 17 ноября 1803 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ 1—13, 1806, № 9.

должны были присоединиться къ нимъ, по возвращеніи изъ Владикавказа, куда они сопровождали царицу Дарью.

Отрядъ долженъ былъ собраться 20-го ноября въ деревнѣ Саганлугѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Тифлиса; 21-го назначался отдыхъ, а 22-го выступленіе. Въ шесть переходовъ отрядъ достигъ до Загіала (Шамшадыльскаго селенія), гдѣ къ нему, во время отдыха, присоединились два баталіона 17-го егерскаго полка (1).

По прибытіи 29-го ноября въ Шамхеръ, князь Циціановъ писалъ Джаватъ-хану ганжинскому письмо и требовалъ сдачи крѣпости.

„Вступивъ во владѣніе ганжинское, писалъ главнокомандующій Джаватъ-хану (2), объявляю вамъ о причинахъ прихода сюда: *Первая* и главная, что Ганжа съ ея округомъ, во времена царицы Тамары, принадлежала Грузіи и слабостію царей грузинскихъ отторгнута отъ оной. Всероссійская Имперія, принявъ Грузію въ свое высокомощное покровительство и подданство, не можетъ взирать съ равнодушіемъ на расторженіе Грузіи, и не согласно было бы съ силою и достоинствомъ высокомощной и Богомъ вознесенной Россійской Имперіи, оставить Ганжу, яко достояніе и часть Грузіи, въ рукахъ чуждыхъ. *Вторая*: ваше высокостепенство на письмо мое, писанное по пріѣздѣ моемъ въ Грузію, коимъ я требовалъ сына вашего въ аманаты, отвѣчали, что Иранскаго государя опасаетесь, забывъ, что 6-ть лѣтъ тому назадъ, были россійскимъ подданнымъ, и въ крѣпости ганжинской стояли высокославныя россійскія войска. *Третья*: купцы тифлисскіе, ограбленные вашими людьми, не получили удовлетворенія вашего высокостепенства. А по симъ тремъ причинамъ, я самъ съ войсками пришедъ брать городъ, по обычаю европейскому и по вѣрѣ мною исповѣдуемой, долженъ, не приступая къ пролитію человѣческой крови, предложить вамъ о сдачѣ города, и требовать отъ васъ въ отвѣтъ двухъ словъ по вашему выбору: *да* или *нѣтъ*; т. е. сдаете или не сдаете? Да будетъ вамъ извѣстно также, что, допустя войска придти въ такую

(1) Изъ письма кн. Циціанова къ ген. В. отъ 9-го декабря 1803 г. См. Славянинъ 1827 года Т. I, кн. 6. Рапортъ кн. Циціанова Г. И. отъ 9-го декабря 1803 г. Арх. В. Т. Д. № 47,358.

(2) Отъ 29-го ноября 1803 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣс, См. также Кавказъ 1851 г. № 16.

непогоду и вступить въ ваше владѣніе, никакихъ договоровъ принято быть не можетъ, а сдачу на волю мою вамъ предназначаю, и тогда испытаете неограниченное милосердіе Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя моего. Буде сего не желаете, то ждите несчастнаго жребія, коему подпали нѣкогда Измаилъ, Очаковъ, Варшава и многіе другіе города. Буде завтра въ полдень не получу я отвѣта, то брань возгорится, понесу подъ Ганжу огонь и мечь, чему вы будете свидѣтель, и узнаете умѣю ли я держать мое слово"...

Джаватъ-ханъ отрицалъ справедливость того, что Ганжа принадлежала Грузіи при царицѣ Тамарѣ: „сего я ни отъ кого не слыхалъ, писалъ онъ, однако предки наши Аббасъ-Кули-ханъ и проч. владѣли Грузіею."

Въ справедливости послѣдняго, ханъ ссылался на грузинскихъ старожиловъ, на слѣды, которые остались въ Грузіи послѣ владѣнія Аббасъ-Кули-хана, какъ-то: мечети, лавки и подарки отъ него грузинскимъ князьямъ. Джаватъ не скрывалъ того, что шесть лѣтъ тому назадъ былъ подданнымъ по принужденію, а не по расположенію къ Россіи; что имъ былъ сданъ городъ и впущенъ русскій гарнизонъ собственно только потому, что персидскій шахъ былъ тогда „удаленъ въ Хоросань; я не имѣлъ до него доступу, какъ писалъ ханъ, потому и я такому великому Государю россійскому заблагоразсудилъ усердствовать; и теперь, при благости Божіей, персидскій государь стоитъ вблизи и его ближній служитель находится при мнѣ и войска его ко мнѣ присланы и еще присланы будутъ" (1).

Ханъ упрекалъ князя Циціанова въ совершенномъ непониманіи дѣла и самонадѣянно писалъ: „Ежели намѣреніе ваше имѣть брань, я готовъ дать отпоръ. Вы гордитесь на свои пушки и я имѣю также, при благости Божьей, дать отпоръ не меньшими пушками; ежели ваши пушки одного аршина, а мои до 4-хъ аршинъ; побѣда зависитъ отъ Божьей власти; гдѣ это видно, чтобы вы были храбрѣе персіянъ. Вы имѣли дѣло съ своими, а персидскихъ не испытали. И еще пишете, когда я не соглашусь на ваши требованія, былъ бы готовъ на брань, на то скажу, какъ скоро вы вступили въ землю шамдильскую, съ того дня я себя приготовилъ

(1) Переводъ письма Джаватъ-хана кн. Циціанову Т. А. К. Н.

къ вашему отпору, и потому я себя на той ногѣ держу. Когда угодно имѣть брань? — отвѣчайте. И еще упоминали, что ежели не прійму вашихъ предложеній, то онѣ послужатъ къ моему несчастію, а какъ вы предпріяли таковую невмѣстную мыслъ? Видно вашъ рокъ несчастный изъ Петербурга сюда доставилъ и вы испытаете его ударъ".

Получивъ отвѣтъ, на свое письмо, не соотвѣтствующій требованіямъ, кн. Циціановъ, давъ роздыхъ войскамъ, 1-го декабря выступилъ на рѣчку Кочхоръ, и на другой день, не имѣя въ своихъ рукахъ плана города Ганжи и его окрестностей, принужденъ былъ приступить къ личному обозрѣнію мѣстности. Главнокомандующему хотѣлось въ тоже самое время, если представится возможность, занять сады въ предмѣстьи, окружающемъ крѣпость. Съ этою цѣлью онъ взялъ съ собою командовавшаго всѣми татарами и легкими войсками генералъ-маіора Портнягина, съ однимъ эскадрономъ нарвскаго драгунскаго полка; полковника Карягина съ двумя баталіонами 17-го егерскаго полка; подполковника Симоновича съ кавказскимъ гренадерскимъ его имени баталіономъ и всѣ легкія войска съ 7-ю орудіями (1). Подъѣхавъ къ садамъ, и встрѣтя невозможность обозрѣть крѣпость, не завладѣвъ предварительно садами, кн. Циціановъ рѣшился занять ихъ. Построивъ двѣ колонны: одну изъ кавказскаго гренадерскаго баталіона, съ легкими войсками и двумя орудіями, подъ предводительствомъ подполковника Симоновича, а другую, — изъ двухъ баталіоновъ егерей, эскадрона драгунъ, съ 5-ю орудіями и легкими войсками, подъ своимъ начальствомъ, князь Циціановъ направилъ первую по большой тифлисской дорогѣ, а самъ двинулся, „отъ правой стороны сказанной дороги", на ханскій садъ.

Въ садахъ наши войска встрѣтили сильное сопротивленіе и должны были выдержать упорную борьбу. Высокіе землебитные, изъ глины, заборы на всякомъ шагу доставляли непріятелю закрытіе и средство къ оборонѣ, а для насъ отдѣльное укрѣпленіе, которое приходилось брать открытою силою или штурмомъ. Не смотря однакоже на сильный огонь, сильное сопротивленіе непріятеля и весьма невыгодное наше положеніе, войска въ теченіи двухъ часовъ успѣли очистить предмѣстье, состоявшее почти все изъ однихъ са-

(1) См. планъ дѣйствій.

довъ, протянувшихся на 1½ версты отъ города. Непріятель отступилъ въ крѣпость, потерявъ 250 челов. убитыми, изъ коихъ большая часть пала при столкновеніи съ колонною подполковника Симоновича. При этомъ сдались намъ 200 Шамшадыльцевъ и 300 Армянъ. Съ нашей стороны потеря заключалась въ 70-ти человѣкахъ убитыми и 30-ти ранеными.

Въ тотъ же день устроены были батареи и прикрытіе усилено было 2-мя баталіонами, а на другой день остальныхъ 2 эскадрона драгунъ и баталіонъ присоединились къ отряду. Крѣпость была окончательно обложена и открыто бомбардированіе, продолжавшееся довольно успѣшно. Князь Циціановъ полагалъ, что Джаватъ-ханъ, устрашенный сраженіемъ, бывшимъ въ предмѣстьи, сдастъ крѣпость, тѣмъ болѣе, что ежедневно изъ крѣпости бѣжало къ намъ много людей, ослаблявшихъ и уменьшавшихъ тѣмъ его гарнизонъ.

Эта надежда на добровольную сдачу замедлила нѣсколько взятіе крѣпости.

„Откровенно признаюсь вамъ, писалъ князь Циціановъ ген. В. (1), что хотя счастливый приступъ къ Ганжинской крѣпости распространилъ бы паническій страхъ между здѣшними военными людьми и жителями, и весьма бы облегчилъ будущія наши предпріятія; хотя штурмовыя лѣстницы готовы, и хотя позднее время года не позволяетъ заниматься долговременною блокадою, но зная человѣколюбивое сердце Г. И., употреблю сію кровавую мѣру въ крайней только необходимости. Буду столько медлить и искать другими средствами овладѣть крѣпостью, сколько честь оружія Его Императорскаго Величества мнѣ дозволитъ“.

По этому, желая избѣгнуть кровопролитія, кн. Циціановъ снова требовалъ сдачи крѣпости, давая сроку для окончательнаго отвѣта одинъ день (2).

„Высокомѣстный князь Циціановъ! писалъ въ отвѣтъ на это Джаватъ-ханъ (3). Посланное ваше письмо я получилъ. Завтра день субботній, — празднуемый жидами. Человѣка къ вамъ не отправлю. Послѣ завтра, въ воскресенье, отправлю къ вамъ одного человѣка; ежели вы хорошо будете предлагать, я тоже взаимно хорошо буду отвѣчать“.

---

(1) Въ письмѣ отъ 9 декабря. Славянинъ 1827 г. т. I, кн. 6, стр. 104.
(2) Письмо кн. Циціанова ганжинскому хану. Арх. В. Т. Д. № 47358.
(3) Отвѣтъ хана ганжинскаго 11 декабря. Ibid.

Главнокомандующій отвѣчалъ, что не условія ему предлагаетъ, а по прежнему требуетъ сдачи. „Завтра, писалъ онъ, высокоторжественный день Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя Императора, и если его высокостепенство вышлетъ, въ оный день, по утру, ключи города съ сыномъ своимъ Гуссейнъ-Кули-Агою, который и долженъ оставаться аманатомъ, въ знакъ сдачи города начальнику войскъ россійскихъ, тогда все счастіе и благоденствіе сойдетъ на Джаватъ-хана ганжинскаго". Въ противномъ случаѣ обѣщалъ начать штурмъ и пролить кровь несчастныхъ его подданныхъ, хотя и не единовѣрныхъ намъ, но которыхъ ему жаль „по человѣколюбію". Джаватъ-ханъ просилъ прислать къ нему для переговоровъ Казаха Махмада, но главнокомандующій отказалъ ему, требуя отвѣта на бумагѣ, а не на словахъ.

Высокостепенный Джаватъ-ханъ! писалъ князь Циціановъ (1). Вы просили третьяго дня Казаха Махмада, для перенесенія рѣчей вашихъ ко мнѣ. Я требовалъ сказать о имени его отца для того, что Махмадовъ много. Вы болѣе не присылаете, а изъ всего сего заключаю я, что вамъ нужно объясниться; я же, по вѣрѣ моей, презираю гордость азіятскую. Для избѣжанія пролитія крови человѣческой, и чтобъ на совѣсти моей оное кровопролитіе не осталось, наставляю васъ, что европейскіе обычаи позволяютъ осажденнымъ просить перемирія; осаждающіе даютъ на сколько время не заблагоразсудятъ, и тогда, съ обѣихъ сторонъ, ни одно ружье не должно выстрѣлить, и воюющіе чрезъ повѣренныхъ предлагаютъ и отвергаютъ условія. Послѣ истеченія сего времени или паки возгарается война, или сдается городъ на условіяхъ; такъ дѣлалось, въ присутствіи моемъ, подъ 4-мя крѣпостями, гдѣ я находился. Послѣ сего предложенія, Богъ увидитъ, я ли виновенъ буду въ пролитіи крови въ день штурма. Отвѣтъ на сіе долженъ быть данъ сегодня".

29-го декабря ханъ отвѣчалъ, что онъ просилъ прислать къ нему Махмата-Мирзу-Оглу, и говорилъ, что требованія наши такіе, что ихъ исполнить никто не въ состояніи. „Вамъ небезъизвѣстно, писалъ онъ между прочимъ, что когда кто кому строго пишетъ, отвѣтъ такой же получить долженъ".

(1) Въ письмѣ отъ 28 декабря 1803 г. Арх. В. Т. Д. № 47358.

„Пишете, будетъ штурмъ. На что скажу: осажденные въ городѣ средства изыскиваютъ, къ соотвѣтствованію противу онаго, уповая на Бога; то меня не могло не тревожить. Упоминали: во время переговора въ законѣ вашемъ стрѣльбы не бываетъ, но въ нашемъ правленіи, когда непріятель состоитъ такъ близко, на пушечный и ружейный выстрѣлъ, противъ такого всегда стрѣляется.

„Пишете также: во время штурма кровь человѣческая прольется, на совѣсти вашей грѣхъ будетъ. Когда такъ не ходите и кровь ваша не прольется, а ежели пойдете конечно прольется; кровь и грѣхъ на васъ будетъ. Упомянули, что въ законѣ христіанскомъ кровь проливать грѣшно, а въ нашемъ магометанскомъ законѣ, — ежели кто на кого идетъ силою и пролита кровь будетъ, то за грѣхъ не поставляется. Писали, чтобъ въ тотъ день на письмо отвѣчать; сіи слова можно употребить господину своему слугѣ, а я никого не опасаюсь, когда хочу, тогда и отвѣчаю. Посланный отъ васъ былъ карабагской, по опасся къ вамъ идти; я послалъ отвѣтъ съ другимъ".

Пока велись переговоры, посылки и пересылались письма и требованія, время брало свое; крѣпость приходила въ бѣдственное состояніе. Гарнизонъ нуждался дровами; запасъ провіанта былъ хотя и достаточенъ, но не было ячменя; лошади падали; водопроводы, которыхъ намъ не удалось отвести, были запружены мертвыми тѣлами (1); жители все-таки черпали оттуда воду; воздухъ былъ зараженъ; нужда и болѣзни увеличивались,—а Джаватъ все-таки не сдавался.

— Я возьму городъ, передавалъ князь Циціановъ хану, и предамъ тебя позорной смерти.

— Ты найдешь меня мертвымъ на стѣнѣ, отвѣчалъ ему Джаватъ-ханъ.

Въ заключеніе всей переписки, князь Циціановъ послалъ Джаватъ-хану условія, на которыхъ могла быть принята сдача крѣпости. Ханъ со всѣмъ народомъ долженъ былъ теперь же принять подданство Россіи и сдать крѣпость со всѣмъ ея имуществомъ. Онъ долженъ былъ платить дани 20 т. въ годъ; долженъ снабжать провіантомъ войска расположенныя въ Грузіи, по дорогѣ къ Шамшадылю. На Шам-

(1) См. взятіе Ганжи Муханова. Москов. Телеграфъ 1825, т. V.

шадыльскую провинцію и ея жителей притязанія никакого не имѣть, и наконецъ дать въ аманаты своего сына (1).

Джаватъ ханъ отвергнулъ и это послѣднее требованіе; онъ не согласился даже остаться владѣльцемъ ханства и быть данникомъ Россіи. Такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ наши войска держали ганжинскую крѣпость въ осадѣ. Пять разъ требовалъ князь Циціановъ сдачи города, и въ требованіяхъ этихъ были и угрозы и убѣжденія и обѣщанія, но все напрасно. Джаватъ-ханъ не соглашался ни на что. Высокомѣріе хана, зимнее время года, увеличеніе больныхъ въ отрядѣ и недостатокъ фуража, „а выше всѣхъ бѣдствій неслыханный для непобѣдимыхъ россійскихъ войскъ стыдъ“ — отступить отъ крѣпости не взявъ ее, заставили князя Циціанова собрать военный совѣтъ, изъ наличныхъ: одного генерала, двухъ полковниковъ и одного подполковника.

Совѣтъ рѣшилъ штурмовать крѣпость, и утромъ 3-го января 1804 года Ганжа пала, а главная мечеть ея, 4-го января, была уже „обращена въ храмъ истинному Богу“.

Передъ штурмомъ князь Циціановъ далъ секретное предписаніе генералъ-маіору Портнягину, начальнику войскъ назначенныхъ къ приступу, слѣдующаго содержанія:

„Съ вечера оставаться всѣмъ на своихъ постахъ, какъ они есть теперь въ обложеніи.

„За полъ часа до движенія къ настоящему дѣлу, всѣмъ занять какъ назначенныя въ диспозиціи мѣста (2), такъ и посты, показанные капитаномъ по квартирмейстерской части Чуйкою; но нѣтъ словъ изъяснить съ какою тихостію и глубокимъ молчаніемъ должно дѣлаться перемѣщеніе войскъ. Всѣ штандарты и знамена ночью безъ церемоніи принесть на мечетный дворъ и отдать моему караулу. Казачья цѣпь до разсвѣта должна стоять на своихъ постахъ, разумѣя о ближайшей, соединяющей батареи, а остальнымъ при резервахъ въ закрытыхъ мѣстахъ отъ пуль и ядеръ; по разсвѣтѣ собраться всѣмъ къ онымъ.“

Войска были раздѣлены на двѣ колонны, (3) изъ коихъ первой: составленной изъ гренадерскаго баталіона севастопольскаго полка, баталіона кавказскаго гренадерскаго подпол-

(1) См. Приложеніе къ № 18.

(2) Къ сожалѣнію мы не имѣли въ своихъ рукахъ подробной диспозиціи которой не могли нигдѣ найти.

(3) См. планъ штурма крѣпости.

ковника Симоновича, и 200 спѣшенныхъ драгунъ, подъ общимъ предводительствомъ генералъ-маіора Портнягина, приказано было идти въ лѣво отъ карабагскихъ или верхнихъ воротъ, „отъ батареи артиллеріи подпоручика Башмакова;“ вторая колонна, составленная изъ двухъ баталіоновъ 17-го егерскаго полка, (1) подъ предводительствомъ ихъ шефа полковника Карягина, должна была идти въ лѣво отъ тифлисскихъ или цитадельскихъ воротъ. Колонна эта собственно назначалась предварительно для производства фальшивой атаки, а впослѣдствіи и для дѣйствительной.

Баталіонъ 17-го егерскаго полка маіора Бѣлавина, при которомъ находился и самъ князь Циціановъ, составлялъ резервъ и поставленъ на Майданѣ (площади) противъ карабагскихъ воротъ; противъ тифлисскихъ же воротъ поставленъ баталіонъ севастопольскаго мушкетерскаго полка съ приказаніемъ препятствовать выходу непріятеля изъ крѣпости, и въ случаѣ требованія штурмующихъ спѣшить какъ можно скорѣе на помощь.

Вся артиллерія, которой въ отрядѣ было только 11 орудій, и въ томъ числѣ три трехъ фунтовыя пушки, свезена была къ резервамъ, къ коимъ отряжено было и по 100 казаковъ. Наконецъ Татарской конницѣ, „недостойной по невѣрности своей вести войну обще съ высокославными войсками,“ приказано было держать цѣпь вокругъ форштата или садовъ. Всѣмъ чинамъ отряда, сказано было въ диспозиціи, наблюдать, чтобы солдаты при штурмѣ щадили женщинъ, ребятъ и отсылали ихъ въ очищенныя отъ непріятеля башни, къ которымъ приказано было княземъ Циціановымъ приставить сильный караулъ для ихъ безопасности. Грабежъ, до совершеннаго истребленія непріятеля строго запрещался.

До земляной стѣны отрядъ долженъ былъ дойти съ крайнею тишиною, — что было возможно и удобно исполнить по небольшому пространству, которое приходилось пройти отряду, такъ какъ окружавшіе городъ сады и заборы дозволили, при блокированіи города, расположить войска на ближайшій выстрѣлъ.

Половина 6-го часа утра назначалась для начала движенія колоннъ къ штурму, чтобы, пользуясь темнотою ночи, мо-

(1) Шефскаго и маіора Лисаневича.

жно было приставить лѣстницы къ земляной городской стѣнѣ.

Диспозиція была исполнена съ точностію; колонны подошли такъ тихо, что огонь изъ крѣпости былъ открытъ не далѣе какъ за 15 сажень отъ земляной стѣны. За земляным валомъ оказалась каменная стѣна. Непріятель началъ кидать въ атакующихъ каменья и стрѣлы, а между валомъ и каменною стѣною бросалъ „*подсвпты*“, сдѣланныя изъ свернутыхъ бурокъ обмокнутыхъ въ нефть и зажженныхъ, для освѣщенія штурмующихъ.

Полковникъ Карягинъ, отдѣливъ на фальшивую атаку небольшой отрядъ, самъ хотя и не долженъ былъ приступать къ штурму, прежде чѣмъ услышитъ барабанный бой колонны генералъ-маіора Портнягина на стѣнахъ, но видя вредъ причиняемый удачными, отъ освѣщенія, выстрѣлами непріятеля, кинулся на лѣстницы и съ побѣдой вступилъ на стѣну, прежде колонны генералъ-маіора Портнягина. Овладѣвъ же башнею и пушками на ней бывшими, Карягинъ отправилъ вдоль по стѣнѣ маіора Лисаневича, съ баталіономъ его имени, который, овладѣвъ еще двумя башнями, — изъ коихъ на одной убитъ былъ самъ Джаватъ-ханъ (1), — отворилъ ворота.

Первая же колонна, т. е. генералъ-маіора Портнягина, неимѣла сначала такого успѣха. Сдѣланная на канунѣ брешь, въ земляной стѣнѣ, указала непріятелю мѣсто главной атаки, а потому Джаватъ-ханъ сосредоточилъ всѣ свои силы противъ этого пункта. Это заставило генералъ-маіора Портнягина, оставить путь чрезъ брешь, а штурмовать крѣпость также при помощи лѣстницъ, два раза приставляемыхъ къ земляному валу. Генералъ-маіоръ Портнягинъ первый взлѣзъ на стѣну, а за нимъ послѣдовалъ весь отрядъ и овладѣлъ тремя башнями. „Титло храбраго, доносилъ кн. Циціановъ, не я даю генералъ-маіору Портнягину, а солдаты имъ предводимыя единогласно въ войскѣ возглашали послѣ штурма“. Овладѣвъ всѣми башнями, войскамъ пришлось спускаться въ городъ по каменной стѣнѣ высотою въ четыре сажени. Шести въѣздовъ на башни недоставало „не терпѣливости побѣдоноснаго войска“, которое не смотря на

(1) Сѣвъ верхомъ на самую большую пушку, изъ находившихся въ крѣпости, Джаватъ-ханъ съ саблею въ рукахъ защищался до тѣхъ поръ, пока не былъ изрубленъ. См. Зубова подвиги русск. воиновъ въ странахъ кавказс. ч. I, стр. 50.

то, что съ низу производился сильный ружейный огонь, перетаскивало съ наружной стороны стѣны 14-ти аршинныя лѣстницы, и спускалось въ городъ.

Въ городѣ, между тѣмъ, смятеніе было ужасное. Толпы Татаръ пѣшихъ и конныхъ, въ безпорядкѣ толкались по городу ища ханскаго бунчука, „воинственнаго ихъ маяка.“ Жены высыпали на площадь и своимъ крикомъ оглашали воздухъ. Солдаты очищали улицы отъ непріятеля. Къ полудню было уже все тихо. Внутренность города была покрыта мертвыми тѣлами. „Солдаты съ лошадей снимали золотые уборы (1)“.....

Такимъ образомъ крѣпость, почитавшаяся лучшею во всемъ Адербиджанѣ, не охранила его. Штурмовавшіе крѣпость войска, дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ, и успѣли овладѣть крѣпостью въ 1½ часа времени. Наши солдаты дрались какъ львы. Джаватъ-ханъ и его средній сынъ Гуссейнъ-Кули-Ага пали жертвою своего упорства. Но къ чести нашихъ солдатъ ни одна изъ 8,600 женщинъ,—взятыхъ ханомъ въ городъ изъ деревень, въ залогъ вѣрности ихъ мужей,—и ни одинъ младенецъ не погибли. „Человѣколюбіе и повиновеніе моему приказанію, писалъ кн. Циціановъ (2), доселѣ при штурмахъ неслыханное“.

„Женщины и младенцы, ждавшія необходимой при штурмахъ смерти, обезоружили неукротимыхъ такъ сказать львовъ: а вѣра къ довершенію сего погасила въ нихъ лютость, когда защищающіяся, видя ихъ уже сошедшими въ городъ, кинули ружья и даже самые Татары начали креститься. Только въ одномъ мѣстѣ города пролилась кровь рѣкою. До 500 человѣкъ Татаръ засѣли въ мечеть, съ тѣмъ можетъ быть, чтобъ сдаться побѣдителямъ, но одинъ Армянинъ сказалъ нашимъ солдатамъ, что между ними есть нѣсколько человѣкъ дагестанскихъ Лезгинъ. Одно названіе лезгинъ было сигналомъ смерти всѣхъ бывшихъ въ мечети“.

Два сына ханскихъ: старшій и меньшой, при самомъ началѣ штурма, перелѣзли чрезъ стѣну, и, спустясь по веревкѣ, скрылись. Такая оплошность съ нашей стороны произошла отъ малочисленности въ отрядѣ кавалеріи.

---

(1) См. Взятіе Ганжи Муханова. Москов. Телегр. 1825 г. Т. V.

(2) Рапорты кн. Циціанова Г. И. 3-го и 10-го января 1804 г. Арх. Воен. Топогр. депо № 47,358. Кавказъ 1851 г. № 61. Тифлис. Вѣдом. 1829 г.

Татарской же конницы хотя и было достаточно, „но она ни къ какой вѣрной службѣ, кромѣ грабежа, не способна“. Сыновья Джаватъ-хана пробрались, какъ впослѣдствіи оказалось, къ Ибраимъ-хану шушинскому, отъ котораго князь Цицiановъ и требовалъ ихъ.

Ганжа держала всегда въ страхѣ весь Адербиджанъ и крѣпость ея считалась между азіятцами оплотомъ отъ всякихъ на нихъ покушеній. Ганжа была стратегическимъ ключемъ всѣхъ сѣверныхъ провинцій Персіи. Вотъ почему кн. Цицiановъ считалъ пріобрѣтеніе ее столь важнымъ.

„Мѣстное положеніе Ганжинской крѣпости, писалъ онъ, повелѣваетъ всѣмъ Адербиджаномъ“.

„Вотъ почему сіе завоеваніе первой важности для Россіи. Что касается до меня, то я еще не пришелъ въ себя отъ трудовъ, ужасной картины кровопролитнаго боя, радости и славы. Счастливый штурмъ есть доказательство моральнаго превосходства Русскихъ надъ Персіянами, и того духа увѣренности въ побѣдѣ, который питать и воспламенять въ солдатахъ считаю первою моею цѣлью (1)“.

Потеря непріятеля состояла въ 1,500 человѣкъ убитыми (2) и взятыхъ въ плѣнъ: 8,585 мужчинъ и 8,639 женщинъ. Съ нашей стороны: убито 3 офицера и 35 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранено: 12 штабъ и оберъ-офицеровъ и 192 человѣка нижнихъ чиновъ.

Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ при штурмѣ Ганжи, приведено было къ князю Цицiанову ханское семейство въ весьма жалкомъ видѣ, что и вынудило выдать имъ тотчасъ изъ экстраординарной суммы 900 руб., отвести имъ домъ на форштатѣ и купить у штурмовавшихъ на счетъ грузинской экстраординарной суммы: ковровъ, одѣялъ и прочаго и выдать имъ изъ хлѣбнаго запаса 30 четверей пшеницы и 20 четвертей какъ сарочинскаго пшена, такъ и проса.

Первая ханская жена Бегумъ, родная сестра нухинскаго Маматъ-хана, просила князя Цицiанова, чтобы ее съ дочерью отпустить къ брату, который также просилъ о томъ. Князь Цицiановъ на это согласился, полагая, что этимъ пос-

(1) Изъ частнаго письма кн. Цицiанова отъ 4-го января 1804 года.

(2) По свидѣтельству Зубова число убитыхъ простиралось до 1,750 человѣкъ. Под. рус. въ стран. Кавказс. ч. I стр. 51.

тупкомъ и неслыханнымъ, по обычаямъ края, снисхожденіемъ, возбудится привязанность къ кротости и милосердію русскаго правленія. Дѣйствительно, какъ въ Грузіи, такъ и въ сосѣдствѣ съ Ганжею, разсказывали объ этомъ поступкѣ, какъ о рѣдкости, прибавляя, что всѣ захваченные въ прежнихъ случаяхъ освобождены и что ни Грузины, ни Русскіе не увлекали ихъ съ собою, по обычаю искони существующему въ Азіи. Въ тоже время князь Циціановъ просилъ о производствѣ пенсіи, всѣмъ остальнымъ плѣннымъ членамъ семейства хана (1).

Ганжинская крѣпость въ добычу намъ доставила: 9 мѣдныхъ орудій, 3 чугунныхъ, 6 фалконетовъ и 8 знаменъ съ надписями (2), 55 пуд. пороху и большой хлѣбный запасъ.

Для болѣе прочнаго убѣжденія ганжинскихъ жителей въ томъ, что русскіе войска, не только не оставятъ крѣпости, какъ это часто случалось прежде, но что и край весь останется на всегда въ подданствѣ Россіи, князь Циціановъ полагалъ необходимымъ дать Ганжи русское имя, „и если Ваше Императорское Величество, писалъ онъ, удостоить соизволите сіе всеподданнѣйшее мое представленіе Высочайшей апробаціи, то дерзаю испрашивать украсить оный священнымъ именемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны подъ названіемъ: *Елисаветполь.*“—

Мы сказали, что два ханскихъ сына бѣжали во время атаки, и какъ сначала думали къ Самухскому владѣльцу, зависѣвшему отъ Ганжи.

„Шеримъ Беку, писалъ къ нему по этому случаю князь Циціановъ, (3) со мною высокославныхъ россійскихъ войскъ главнымъ начальникомъ, переписываться и пересылать пословъ не кстати и низко для меня, а вы должны были тотчасъ сами пріѣхать съ покорностію. Когда вы боялись Джаватъ хана, какъ же вы меня не боитесь? И какъ вы смѣли принять къ себѣ дѣтей его, бѣжавшихъ отсюда, которыхъ вы должны безъ всякой оттоворки сюда представить. Имъ худа не будетъ сдѣлано. Если бы отецъ ихъ послушался меня и отдалъ бы мнѣ крѣпость, то онъ остался бы здѣсь

(1) См. Славянинъ 1827 г. т. I. кн. XII стр. 217.

(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 10 января 1804 г. Арх. В. Т. Д. № 47.358.—Такъ же см. Московскій телеграфъ 1825 г. часть V.

(3) Московскій телеграфъ 1825 г. часть V, стр. 249

ханомъ на вѣки. Оставте всѣ персидскіе обманы, и знайте что вамъ меня не обмануть. Пріѣзжайте тотчасъ съ покорностію ко мнѣ и привезите дѣтей ханскихъ; тогда я приведу васъ къ присягѣ и приведу въ подданные Его Величества. А если вы замедлите, то я васъ и на землѣ и въ водѣ найду. Вспомните только то, что я слово свое держать умѣю; сказалъ, что царскую провинцію сокрушу,—и сокрушилъ; сказалъ, что царскую фамилію раздирающую Грузію изъ Грузіи вывезу,—и вывезъ, сказалъ, что ганжу возьму,—и взялъ. Теперь судите: можете ли вы равняться съ нами? И неужели вы думаете, что я повѣрю вашимъ отговоркамъ? Впрочемъ васъ увѣряю что будете довольны русскимъ правленіемъ и моимъ пріемомъ, если вы только черезъ день пріѣдите, для того что послѣ мнѣ дожидаться васъ не кстати будетъ.“

Письмо это оказало свое дѣйствіе. Тотчасъ послѣ взятія Ганжи, Самухскій владѣлецъ Шеримъ-Бекъ, зависившій отъ хана ганжинскаго, имѣвшій въ своемъ владѣніи не болѣе 400 домовъ, пріѣхалъ къ князю Циціанову съ просьбою принять его въ русское подданство. Князь Циціановъ, приведя его къ присягѣ, обложилъ податью въ 1000 червонныхъ въ годъ (1).

По полученіи донесенія о взятіи Ганжи, Императоръ Александръ I произвелъ князя Циціанова въ генералы отъ инфантеріи (2). Расчитывая на полученіе ордена св. Георгія 2 класса кн. Циціановъ считалъ себя обиженнымъ о чемъ и писалъ Императору Александру (3).

„Извѣстіе о взятіи Ганжи, писалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Александръ, (4) подаетъ мнѣ новый и пріятный случай изъявить вамъ искреннюю благодарность мою, за труды ваши на пользу отечества; обстоятельства же сопровождавшія сіе завоеваніе, усугубляютъ удовольствіе причиненное мнѣ симъ событіемъ. Похваляя мѣры кротости, которыя вы предпочтительно употребить желали, не менѣе одобряю строгое средство, вынужденное упорствомъ Джаватъ хана. — Россійскимъ воинамъ, всегда побѣждать пріобык-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 10 января Арх. В. Т. Д. № 32.533.

(2) Высоч. повелѣн 4 февр: 1804 г. и Рескриптъ отъ 9 февраля.

(3) Подъ предлогомъ болѣзни онъ просилъ объ удаленіи его отъ должности. См. приложеніе № 19.

(4) Высоч. рескрипт. отъ 5 февр.—С.-Пет. глав. Арх. Мин. Ин. Д. 1—13, 1803—4 № 4.

шимъ, не прилично было бы уступить надмѣнности азіятской и примѣръ таковый, возгордя прочихъ владѣльцевъ той страны, предназначенныхъ въ подданство Имперіи, представилъ бы конечно въ послѣдствіи трудности, въ совершеніи плана вамъ въ руководство даннаго. А потому, признавъ необходимость жестокой мѣры приступа, остается мнѣ только воздать должную похвалу храбрости войскъ въ дѣйствіи семъ подвизавшихся, и радоваться, что человѣколюбіе обуздало запальчивость съ таковымъ подвигомъ нераздѣльно сопряженную. День сей, да послужитъ примѣромъ на грядущія времена и мечь Россіянъ, наказуя однихъ съ ними борющихся, да отвратится отъ невинныхъ и обезоруженныхъ. Поведеніе войска въ семъ случаѣ относя къ благоразумному начальству вашему, пріятно мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое за то удовольствіе, и поручить вамъ объявить благоволеніе мое всѣмъ чинамъ и рядовымъ подъ Ганжею находившимся. Должное же награжденіе отличившимся, опредѣлю я, по полученіи подробныхъ отъ васъ о дѣлѣ семъ донесеній.

„Болѣзнуя сердечно о жертвахъ принесенныхъ упорствомъ Джаватъ-хана и сожалѣя о собственной его и сына его участи, увѣренъ я, что попечительность ваша о раненыхъ, сохранитъ для Имперіи и воиновъ ея и новыхъ подданныхъ. Одобряя требуемую вами отъ Шеримъ-Бека выдачу укрывшихся у него 2-хъ сыновъ Джаватъ-хана, нужнымъ почитаю, чтобы они отправлены были на житіе внутрь Россіи, гдѣ найдутъ они и безопасность и безнужное содержаніе, что и представляю вашему распоряженію.

„Въ перепискѣ своей съ вами ханъ ганжинскій упоминаетъ о чиновникѣ персидскомъ и персидскихъ войскахъ при немъ находившихся; буде таковыя окажутся, не безполезно было бы удалить ихъ, отъ театра операцій вашихъ, и вообще оставляя обывателей въ жилищахъ ихъ, переселять служащихъ въ войскахъ хановъ по сю сторону Кавказскихъ горъ.

„Случившееся съ Ганжею и порученное генералъ-маіору Гулякову наказаніе чарской провинціи, за вѣроломство ея, покажутъ достаточно народамъ страны сея, чего они ожидать имѣютъ и отъ милосердія Россіянъ и отъ прещенія ихъ за несоблюденіе доброй вѣры и невыполненіе обѣщан-

наго. Я не сомнѣваюсь, что, обратясь теперь на Имеретію, не совершили бы вы, съ равнымъ успѣхомъ, присоединенія царства сего къ Россійской Имперіи. Устроивъ же, чрезъ побережныя владѣнія Мингреліи, сообщеніе съ Тавридою, свяжете весь сей край крѣпчайшимъ узломъ съ метрополіею и тогда изчезнутъ всѣ препятствія наносимыя поясомъ Кавказскихъ горъ, ущелья коихъ служили до нынѣ единственнымъ путемъ.

„Разныя отношенія ваши на имя государственнаго канцлера писанныя мнѣ поднесены были. Извѣстіе о дѣлахъ персидскихъ, между оными находящееся, вамъ отъ ген.-маіора Завалишина доставленное, заслуживаетъ особливое вниманіе и показуетъ, что чѣмъ быстрѣе будетъ теченіе происшествій, имѣющихъ покорить Россійской Имперіи страны орошаемыя Курою и Араксомъ, тѣмъ благонадежнѣе успѣхъ сихъ предпріятій нашихъ. Дѣятельность ваша и усердіе служатъ мнѣ залогомъ, что вы не упустите воспользоваться обстоятельствами, нудящими нынѣ Баба-Хана, пещись о сохраненіи собственной его власти и сокровищей, и тѣмъ самымъ отвлекающимъ вниманіе его отъ Адербиджана и областей по западному берегу Каспійскаго моря лежащихъ, чтобы довершить предначатое и постановить въ краѣ семъ твердую ногу, прежде нежели владѣтель сей въ состояніи будетъ представить тому препоны. Если для совершенія онаго потребнымъ найдете вы усилить себя войскомъ и денежнымъ пособіемъ, донесите мнѣ о томъ и будьте увѣрены, что все что возможно, вамъ доставлено будетъ безъ отлагательства.

„Предложеніе ваше переименовать Ганжу россійскимъ именемъ, пріемлю я за благо и вы можете оное исполнить“.

Князь Циціановъ устроилъ тамъ для раненыхъ временный лазаретъ, выписавъ изъ Тифлиса докторовъ и далъ на излеченіе больнымъ денегъ, изъ имѣвшейся у него экстраординарной суммы. Оставляя самъ Ганжу, онъ поручилъ наблюденіе за всѣмъ этимъ шефу 17-го егерскаго полка полковнику Карягину, оставленному тамъ съ полкомъ для обороны какъ крѣпости, такъ и всего владѣнія (1).

Полковнику Карягину поручено было также привести въ извѣстность, какъ населенность ханства, такъ и дохо-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 10 марта. Ар. М. Й. Д. 1—13, 1803—4 № 4.

ды страны, а также количество запасовъ, находившихся въ крѣпости. Къ концу мая 1804 года собрано было изъ разныхъ мѣстъ въ крѣпости и ямъ въ ретраншаменты, пшеницы 6,485 четв., сарачинскаго пшена 1,210 четв., ячменя 352 четв. и проса 882; всего же 8,929 четвертей.

По переписи, сдѣланной 2-го марта, было въ Елисаветполѣ, съ его округомъ, считая и перешедшихъ въ шамшадыльскую татарскую волость, обоего пола душъ 9306, да выведенныхъ изъ шушинскаго владѣнія и поселенныхъ вокругъ Елисаветпольской крѣпости, Армянъ и Татаръ, обоего пола душъ 1119, всѣхъ же вмѣстѣ 10,425 душъ. По вторичной же переписи 25-го мая оказалось всѣхъ 15,092 души, слѣдовательно менѣе чѣмъ въ 3 мѣсяца прибавилось 4667 душъ, возвратившихся изъ разныхъ мѣстъ. Всѣ откупныя статьи существовавшихъ при ханѣ пошлинъ приносили въ годъ 16,430 руб. Въ 1804 году онѣ отданы были съ 15-го апрѣля по 1-е января 1805, за 9200 руб., во вниманіе къ разоренію происшедшему во время штурма.

Что же касается податей съ жителей, то кромѣ хлѣба, вина и проч. въ натурѣ собирали деньгами 10,594 руб. Князь Цицiановъ требовалъ отъ полковника Карягина, чтобы онъ спросилъ обывателей, какою они податью обложить себя желаютъ на 1805 годъ и далѣе, т. е. хлѣбомъ или деньгами (1).

Кончивъ такъ блистательно ганжинскую экспедицію, князь Цицiановъ не ожидалъ однакоже такого же успѣха отъ будущихъ своихъ дѣйствій. Недостатокъ средствъ, скудное продовольствіе взимаемое отъ земли, и самое мѣстное положеніе тамошняго края, такъ сказать на всякомъ шагу представлявшаго затрудненіе въ подвозахъ, „притупляетъ, говорилъ кн. Цицiановъ, пылкое мое желаніе“, достигнуть до тѣхъ результатовъ, какихъ желало наше правительство.

Ради этихъ причинъ онъ полагалъ необходимымъ имѣть подъ руками, т. е. на Кавказской линіи, гдѣ продовольствіе было не такъ затруднительно, нѣсколько полковъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и казачьихъ, съ тѣмъ, чтобы можно было ихъ переводить въ Грузію по мѣрѣ того, какъ стоящіе тамъ полки будутъ отправляемы для занятія новопокоренныхъ крѣпостей. „Два новыхъ полка пѣхоты и два казачьи, пи-

(1) Рапорты кн. Цицiанова Г. И. 29 мая 1804 г. Арх. В. Т. Д. № 32533.

салъ главнокомандующій, присоединя къ 3-мъ баталіонамъ здѣшнихъ войскъ (сей весны) могли бы можетъ быть или водрузить россійскій штандартъ на стѣнахъ Эривани и Нахичевани, или по крайней мѣрѣ сдѣлать хановъ тамъ управляющихъ данниками Россіи, и буде не гарнизонами, то аманатами (взявъ дѣтей ханскихъ) обезпечиться въ ихъ вѣрности."

По этому, собираясь теперь въ экспедицію на Эривань, и желая собрать для этого отрядъ по крайней мѣрѣ въ 9-ть баталіоновъ, князь Цицiановъ приказалъ саратовскому полку выступить 1-го апрѣля изъ Моздока и слѣдовать въ Грузію.

За тѣмъ послѣ покоренія Эриванской области и Нахичевани и дождавшись осени,—такъ какъ лѣтніе жары не позволяютъ продолжать кампаніи,—онъ предполагалъ присоединить къ себѣ еще одинъ пѣхотный и одинъ казачій полкъ, идти до Баку по лѣвому берегу Куры, который занятъ былъ владѣніями двухъ только хановъ—Нухинскаго или Шекинскаго Мамадъ-Асанъ-хана и Шемахинскаго Мустафы-хана. Только исполненіемъ этихъ предположеній кн. Цицiановъ надѣялся на возможность выполнить волю Императора Александра о дѣйствіяхъ нашихъ въ томъ краѣ.

ГЛАВА XV.

Принятіе Имеретіи въ подданство Россіи.—Отправленіе статскаго совѣтника Литвинова въ Имеретію и Мингрелію.—Происки имеретинскаго царя Соломона.—Смерть Дадіана мингрельскаго.—Прибытіе нашихъ войскъ въ Имеретію и Мингрелію.

Пока продолжалась неудачная поѣздка князя Леонидзе въ Петербургъ и его переговоры, въ близи Имеретіи происходили другія событія: — тамъ пала Ганжинская крѣпость, взятая штурмомъ русскими войсками. Извѣстіе о паденіи Ганжи потрясло сосѣдей Грузіи, а въ числѣ ихъ и имеретинскаго царя Соломона. Сосѣднія съ Грузіею владѣтели и ханы, стали отправлять посольства къ князю Циціанову, съ разными заявленіями. Они прикидывались теперь смиренными овечками готовыми на все. Такъ точно и Соломонъ, какъ только услыхалъ о паденіи Ганжи, о движеніи кавказскаго гренадерскаго полка къ имеретинской границѣ, который находился въ движеніи туда еще съ 19 января, и наконецъ, что самъ главнокомандующій въ непродолжительномъ времени прибудетъ въ Сурамъ, отстоявшій въ 50-ти верстахъ отъ границы имеретинской и въ 40-ка верстахъ отъ г. Гори, гдѣ находился главнокомандующій, окончательно струсилъ. Поѣздка эта однакоже несостоялась, по причинѣ открывшейся въ Сурамѣ заразительной болѣзни, и въ слѣдствіе того стѣсненія квартиръ, занимаемыхъ тифлисскимъ гренадерскимъ полкомъ. Не смотря на то, одно только желаніе поѣздки, имѣло значительное вліяніе на ходъ дѣла. Соломонъ сталъ теперь прибѣгать къ помощи всѣхъ, кого только могъ, прося себѣ защиты и исканія у князя Циціанова (1). Даже нѣкоторые грузинскіе князья, были употреблены имъ въ дѣло для этой цѣли. Главнокомандующій не отвергалъ этихъ исканій. По происками тѣхъ же князей, онъ вошелъ, какъ бы насильно, въ переписку съ княземъ

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 13 февраля 1804 г. См. Арх. Воен. Топ. депо № 47,358.

Кайхосро Церетелемъ, первымъ любимцемъ и сардаремъ царя Соломона. Имеретинскій царь пріискивалъ себѣ ходатаевъ, а князь Цицiановъ писалъ Кайхосро Церетели, что получилъ повелѣніе силою покорить имеретинское царство. Главнокомандующій, подъ видомъ откровенности, раскрывалъ передъ Церетели, всю гибель, которую готовитъ себѣ Соломонъ, своимъ упорствомъ, и все благополучіе и блаженство, котораго онъ можетъ достигнуть обратнымъ поведеніемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ (1).

Письменныя переговоры, не мѣшали другимъ веденнымъ изустно. 60-ти лѣтній грузинскій князь Георгій Абашидзе, до самой прясяги имеретинскаго царя, не сходилъ съ лошади, поминутно ѣздя въ Кутаисъ и обратно, для изустныхъ переговоровъ съ обѣими сторонами. Онъ былъ тестемъ князю Церетелю, и потому употребленъ княземъ Цицiановымъ для переговоровъ. Соломонъ говорилъ, что если будетъ удостовѣренъ, что останется царемъ, тогда онъ согласится на всѣ условія. Главнокомандующій въ отвѣтъ на это требовалъ, чтобы царь къ пріѣзду его въ Сурамъ выслалъ князя Кайхосро Церетели съ поздравленіемъ о взятіи Ганжи; чтобы далъ ему полную мочь вести переговоры о подданствѣ царства имеретинскаго, обѣщаясь тогда сдѣлать „по обычаю азіятскому заклинаніе въ томъ, что царь останется царемъ“, если согласится на всѣ статьи ему предлагаемыя, и сохранитъ вѣрность подданнаго.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы овладѣть Имеретіею силою оружія, дѣла приняли такой оборотъ, что она могла быть присоединена къ Россіи путемъ переговоровъ и незначительною уступкою,—оставленіемъ Соломона царемъ имеретинскимъ. Князь Цицiановъ находилъ въ такомъ оставленіи даже нѣкоторую выгоду для Россіи. По его мнѣнію, „оставляя царей, при мнимомъ ихъ царствѣ, въ совершенномъ подданствѣ Россіи, на условіяхъ выгоды сй доставляющихъ, имперія ограждается отъ издержекъ, требуемыхъ введеніемъ россійскаго правленія“.

Предпочитая добровольную уступку и согласіе всякому пріобрѣтенію съ боя, главнокомандующій весьма охотно принялъ имеретинскихъ пословъ, князя Кайхосро Церетели и

(1) Кн. Цицiановъ канцлеру гр. Воронцову 22 февраля 1804 г. № 112. Арх. Мин. Ин. дѣлъ 1—10, 1803—11, № 4.

князя Цехнія Цулукидзе, прибывшихъ къ нему въ г. Гори, съ большою свитою, поздравить князя Циціанова съ побѣдою отъ имени имеретинскаго царя (1). Представленное ими письмо Соломона заключало въ себѣ поздравленіе, вмѣстѣ съ упреками о томъ, что Циціановъ не извѣстилъ его „о столь знаменитой побѣдѣ, въ коей какъ по единовѣрію, такъ и по преданности къ Россіи“ онъ принимаетъ столь живое участіе. Въ концѣ письма царь говорилъ, что присланные имъ князья передадутъ изустно всѣ его мнѣнія и желанія.

Сколько ни неудобенъ этотъ азіятскій обычай вести переговоры изустно, но такъ какъ онъ былъ повсемѣстно принятъ, то князь Циціановъ долженъ былъ на него согласиться и вступить въ переговоры. Посланные объявили, что Соломонъ желаетъ вступить въ подданство Россіи, съ тѣмъ однакоже, чтобы остаться царемъ, и чтобы была оставлена въ его владѣніи Лечгумская область, отнятая имъ у Дадіана мингрельскаго. Согласившись на первое, князь Циціановъ не соглашался на второе. Это вызвало длинный, упорный разговоръ съ обѣихъ сторонъ, кончившійся тѣмъ, что посланные объявили невозможность вести переговоры далѣе, не бывъ уполномочены возвратить Лечгумъ князю Дадіану. Они просили отправить съ ними своего уполномоченнаго къ Соломону, обѣщаясь, съ своей стороны, оказать полное содѣйствіе и стараніе къ удовлетворительному окончанію переговоровъ.

Поручикъ л.-гв. преображенскаго полка и камергеръ графъ Воронцовъ, со свитою, отправленъ къ царю Соломону, вмѣстѣ съ просительными пунктами, для подписи Соломона, написанными отъ лица имеретинскаго царя къ Императору Александру, въ коихъ заключались условныя статьи подданства. Главнокомандующій не приказалъ гр. Воронцову соглашаться на перемѣну ни одного слова, въ статьяхъ постановленнаго, и возвратиться непремѣнно черезъ 15 дней, т. е. 24-го марта (2). Посылка эта должна была окончательно рѣшить вопросъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Имеретію: дружелюбно или съ мечемъ въ рукахъ.

„Твердость сего молодаго офицера, исполненнаго благородныхъ чувствованій и неустрашимости безпримѣрной,

(1) Кн. Циціановъ кн. Чарторыйскому 10 марта 1804 г. Арх. Мин. Иност. дѣлъ.
(2) Кн. Циціановъ кн. Чарторыйскому 10 марта № 129.

рвéніе къ службѣ В. И. В., и желаніе отличиться онымъ, удостовѣряютъ меня, что поѣздка его будетъ не безполезна“ (1).

Принимая столь рѣшительныя мѣры, князь Циціановъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе на доставленіе изъ Таганрога провіанта на черноморскихъ транспортныхъ судахъ въ Поти. Хотя мингрельскій князь Дадіанъ и обнадеживалъ главнокомандующаго въ томъ, что, въ случаѣ движенія его съ войскомъ въ Мингрелію и Имеретію, онъ заготовитъ и доставитъ провіантъ войскамъ, но князь Циціановъ зная, что, по обычаямъ, Мингрельцы засѣвали очень мало пшеницы и сами большею частію питались просомъ или турецкою пшеницею, сомнѣвался, чтобы можно было получить провіантъ въ достаточномъ количествѣ. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, онъ приказалъ, командиру таганрогскаго гарнизоннаго баталіона, приторговать провіантъ въ крѣпости св. Дмитрія. Получивъ отъ него увѣреніе, что провіанта можно достать тамъ до 25 т. четвертей, и что каждая обходится съ провозомъ отъ крѣпости до Таганрога по 4 р. 50 коп., онъ затруднялся только дальнѣйшею перевозкою изъ Таганрога въ Поти. Въ таганрогской пристани не было вольнонаемныхъ судовъ кромѣ одного, принадлежащаго таможенному цольнеру, изъ Грековъ, Агапьеву, который просилъ за одну только перевозку 11 р. 25 коп. съ куля муки (2), т. е. цѣну, которая равнялась за перевозки изъ Азовскаго въ Балтійское море, черезъ Средиземное море и океанъ. Такимъ образомъ необходимо было, при началѣ весны, доставить провіантъ въ Поти, или транспортными судами черноморскаго флота, или взять изъ магазиновъ Таврической губерніи и оттуда доставить въ Поти, а приторгованный хлѣбъ обратить въ магазины, доставляющіе продовольствіе войскамъ, находившимся на кавказской линіи. Первую мѣру главнокомандующій находилъ болѣе выгодною, а потому, какъ мы видѣли выше, и просилъ на то высочайшаго повелѣнія. Императоръ Александръ предоставилъ распоряженіе о доставленіи провіанта военному министру, по соглашенію съ товарищемъ министра морскихъ силъ (3).

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 10 марта 1804 г. Арх. Мин. Иност. дѣлъ.
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 13 февраля 1804 г. Арх. Воен. Топ. Депо № 47358.
(3) Графъ Ливенъ Ген. Вязмитинову 11 марта № 576.—Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—12, № 7.

Между тѣмъ поѣздка графа Воронцова въ Имеретію не имѣла желаемаго успѣха. Не смотря на неоднократныя требованія его у царя ауділнціи и рѣшительнаго отвѣта, онъ едва могъ того добиться. По полудни 20-го марта онъ былъ призванъ наконецъ къ Соломону, и послѣ долгаго разговора, получилъ въ отвѣтъ, что царь не можетъ подписать пункты, а желаетъ просто присягнуть на вѣрность Г. И. безъ всякихъ пунктовъ (1). Графъ Воронцовъ отвѣчалъ, что одного безъ другаго принять не можетъ. Соломонъ хотѣлъ писать князю Цицianову о причинахъ, побудившихъ его придти къ такому рѣшенію, но графъ Воронцовъ отказался принять это письмо для доставленія, и объявилъ, что послѣ этого и главнокомандующій ни въ какіе переговоры съ нимъ не вступитъ. Имеретинскій царь увѣрялъ, что, сознавая всю трудность борьбы съ Россіею, онъ все-таки не можетъ подписать условій, за невозможностію ихъ выполнить.

Мы охотно готовы согласиться, и вѣрить тому, что и при дѣйствительномъ желаніи имеретинскаго царя вступить въ подданство Россіи, ему было трудно рѣшиться на эти условія по своему положенію. Родъ феодальнаго правленія въ Имеретіи былъ причиною того, что царь очень часто не имѣлъ власти надъ князьями, враждовавшими между собою и не рѣдко отлагавшимися отъ него, „а потому нужнымъ я счелъ, писалъ князь Цицianовъ въ одномъ изъ своихъ донесеній (2), передъ вступленіемъ въ Имеретію, отправить авангардъ изъ золота и серебра, для прельщенія, считая, что можетъ быть симъ средствомъ дружелюбно можно будетъ вступить въ оную".

Въ тоже время главнокомандующій писалъ Императору Александру: (3).

„По полученіи рапорта (отъ гр. Воронцова) приступилъ я къ изготовленію войскъ къ походу, встрѣчая великія затрудненія какъ въ неудобо-проходимой дорогѣ, такъ и въ доставленіи вслѣдъ за войсками провіанта, съ трудностію запасаемаго, и сверхъ того, такъ какъ слабостію начальниковъ, въ одномъ баталіонѣ кавказскаго гренадерскаго полка,

(1) Рапортъ гр. Воронцова кн. Цицianову 21 марта. Ар. М. И. Д. 1—10, 1803—11, № 4.
(2) Кн. Цицianовъ кн. Чарторыйскому 23-го марта 1804 г. Ibid.
(3) Отъ 23-го марта, Ibid.

показалась заразительная болѣзнь, не въ сильной однакоже степени; притомъ имѣя причину заключать, что таковая дерзость не можетъ происходить ни отчего инаго, что царь по слабости ума считаетъ, что всѣ предложенія идутъ единственно отъ меня, безъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества о томъ свѣдѣнія, и что посланникъ его долженъ привесть оное разрѣшеніе его судьбы. Не приступлю я къ воитію (входу) въ Имеретію сильною рукою, доколѣ не снесусь съ находящимся уже въ Тифлисѣ посланникомъ его кн. Леонидзе, и доколѣ, давъ ему рѣшительное мое требованіе, не отправлю его къ царю, положа самый необходимый срокъ на отвѣтъ, чего для и послалъ я за онымъ княземъ Леонидзе въ Тифлисъ. Тогда уже, въ случаѣ отказа, съ 6-ю ротами 9-го егерскаго полка, и 2-мя баталіонами гренадеръ, по вышесказанной причинѣ, съ 50-ю казаками (коихъ болѣе въ распоряженіи не имѣю), пойду самъ пробиваться черезъ 150-ти верстный и густой лѣсъ. Не могу при семъ не представить Вашему Императорскому Величеству, что большою помѣхою успѣху здѣшнихъ дѣлъ служитъ и то, что слабость силъ моихъ, со стороны войска, всѣмъ сосѣдямъ извѣстна".

Вызвавъ изъ Тифлиса, къ себѣ въ Гори, имеретинскаго посланника князя Леонидзе, прибывшаго изъ С.-Петербурга 17-го марта (1), главнокомандующій далъ ему ноту къ царю Соломону (2). Кн. Циціановъ писалъ въ ней, что неудачные переговоры съ царемъ графа Воронцова, относительно условій, служащихъ основаніемъ вступленія въ подданство Россіи имеретинскаго царя, заставили его рѣшиться прибѣгнуть къ силѣ и оружіемъ достигнуть того, чего нельзя было достичь переговорами. Онъ указывалъ Соломону, что для избѣжанія отъ гибели, ему нѣтъ другой дороги какъ та, чтобы безусловно согласиться на предложенія ему дѣлаемыя главнокомандующимъ и вступить въ подданство Россіи, со всѣмъ своимъ царствомъ. Князю Леонидзе дано было 8 дней срока, считая тутъ же и проѣздъ въ Кутаисъ и обратно, для окончатьнаго отвѣта. Въ случаѣ согласія, Соломонъ долженъ былъ выслать одного изъ самыхъ почет-

(1) Рапортъ Яковлева въ Коллегію Иностр. Дѣлъ 2 9-го марта 1804 г. См. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—6, 1802—10, № 2.

(2) Отъ 30-го марта 1804 г. Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—12, № 7.

нѣйшихъ князей, для встрѣчи войска, и 200-ти воловъ, для помощи войску, за которыхъ обѣщана плата по 1 р. 50 коп. за вола.

„Князь Циціановъ, говорилось въ нотѣ, не можетъ умолчать о томъ, что зная сколь великое вліяніе имѣютъ князья имеретинскіе въ совѣтахъ царскихъ, съ прискорбіемъ провидитъ, что они, противными сему предложенію совѣтами, разлучаютъ себя на вѣки съ своимъ отечествомъ гдѣ родились и возросли".

Съ княземъ Леонидзе главнокомандующій отправилъ и письмо къ имеретинскому царю въ которомъ между прочимъ писалъ: (1) „Такъ какъ всего изъяснить на бумагѣ неудобно, то пріемлю смѣлость предложить, не благоугодно ли будетъ вашему высочеству удостоить прибыть къ границѣ, съ избранными князьями и, приказать мнѣ туда же быть, увѣдомя о числѣ оныхъ, каковое и я возьму съ собою и тогда все можетъ устроено быть ко благу вашего высочества, коего я ищу и готовъ во всякомъ случаѣ доказать".

Вмѣстѣ съ княземъ Леонидзе былъ отправленъ Циціановымъ въ Кутаисъ и грузинскій князь Георгій Абашидзе, тесть имеретинскаго сардаря кн. Церетели, съ тайными предложеніями, заключавшимися въ обѣщаніи денегъ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ способствовать благопріятному исходу переговоровъ.

Сколько ни продолжительны были переговоры съ имеретинскимъ царемъ, они не могли принять благопріятнаго для насъ вида, до тѣхъ поръ пока были безкорыстны. Кн. Абашидзе измѣнилъ ходъ переговоровъ, подкупивъ 10.000 руб. сер. нѣкоторыхъ лицъ, приближенныхъ къ Соломону и имѣвшихъ вліяніе на дѣла. Неудачная поѣздка князя Леонидзе въ С.-Петербургъ, рѣшительное требованіе князя Циціанова, и наконецъ совѣты подкупленныхъ лицъ, заставили царя Соломона согласиться на свиданіе съ главнокомандующимъ (2).

„Посланникъ мой, писалъ имеретинскій царь, возвращенный отъ Высочайшаго двора и отъ васъ, удостовѣрилъ меня въ чистосердечномъ вашего высокопревосходительства ко мнѣ доброжелательствѣ, многими своими предложеніями. Доставилъ онъ и письмо ваше, коимъ изволили вы, чтобы

(1) Письмо отъ 31 марта 1804 г. Арх. Мин. Иност. дѣлъ.

(2) Письмо кн. Абашидзе и Леонидзе къ кн. Циціанову отъ 6 апрѣля 1804 г. Ibid.

видѣться намъ на границахъ нашихъ. Сіе то вящше вселило во мнѣ твердую надежду, что вы имѣете благую къ намъ мысль. Я же поспѣшаю лично васъ видѣть, въ назначенномъ вами мѣстѣ, объявить изустно вашему сіятельству всю мою мысль и тайну сердца моего, съ чистою безковарною душею, и тогда отдамъ себя со всею моею возможностію въ вѣчное рабство Е. И. В. и поручу себя и царство мое отеческому благопопеченію вашему (1).“

По полученіи письма князь Циціановъ тотчасъ, 14-го апрѣля, отправился изъ Гори въ селеніе Вахань, послѣднее на границѣ грузинской, куда и прибылъ 15-го апрѣля, приказавъ отрядить туда же изъ Сурама комплектную роту 9-го егерскаго полка съ однимъ орудіемъ. Царь Соломонъ также прибылъ сначала въ крѣп. Чхери, а потомъ въ дер. Леговани, бывшую въ 7 верстахъ отъ Вахани.

16-го апрѣля, по полудни, было назначено свиданіе на границѣ между Грузіею и Имеретіею. Свиданіе это было однакоже безуспѣшно, точно также какъ и слѣдующее за тѣмъ 19-го апрѣля, на открытомъ полѣ, при урочище Елазнаури. Пріѣхавъ, съ назначеннымъ числомъ свиты, съ обоихъ сторонъ, договаривающіеся, послѣ долгихъ переговоровъ, не пришли никчему. Главнымъ предметомъ недоразумѣній была лечгумская провинція, которую Соломонъ не соглашался уступить кн. Дадіану мингрельскому. Имеретинскій царь просилъ, у кн. Циціанова, позволеніе составить совѣтъ. Получивъ это позволеніе, онъ устранилъ себя потомъ со всѣмъ отъ переговоровъ, а прислалъ вмѣсто себя депутатами кн. Целукидзе и двухъ кн. Церетелей, изъ коихъ одинъ былъ Салтхуцесъ, а другой Сардарь. Они просили оставить лечгумскую провинцію за Имеретіею. Главнокомандующій не могъ согласиться на просьбу, такъ какъ провинція эта оставлена была уже у мингрельскаго владѣльца, по послѣднему заключенному съ нимъ договору. На этотъ разъ переговоры были также безуспѣшны и окончательно прерваны. Прощаясь съ Соломономъ кн. Циціановъ объявилъ ему, что „къ сожалѣнію, видитъ себя въ необходимости имѣть съ нимъ уже другаго рода свиданіе, т. е. на ратномъ полѣ со шпагою въ рукахъ.“— (2)

(1) Переводъ письма царя Соломона кн. Циціанову. Арх. Мин. Иност. дѣлъ.
(2) Изъ рапорта кн. Циціанова Г. И. отъ 25 апрѣля 1804 г. Ibid.

На другой день, 20-го апрѣля, рота егерей съ орудіемъ, подъ начальствомъ подполковника кн. Эристова, заняла ближайшую имеретинскую деревню Серабно, въ 3-хъ верстахъ отъ Вахани, гдѣ были тотчасъ собраны всѣ крестьяне, вмѣстѣ съ ихъ помѣщикомъ, и приведены къ присягѣ на вѣрность Россіи. Въ тоже самое время генералъ-маіоръ Тучковъ, слѣдовавшій уже въ Имеретію, съ 19-го апрѣля, съ своимъ кавказскимъ гренадерскимъ полкомъ (1), получилъ приказаніе, съ двумя баталіонами этаго полка, двинуться, съ того мѣста гдѣ застанетъ его приказаніе, на картахскую дорогу, ведущую въ Имеретію, и расположиться лагеремъ при послѣдней грузинской деревнѣ Али. Отсюда послать въ имеретинскія деревни Колбеури и Бретшъ сильный отрядъ, для склоненія обывателей къ присягѣ на вѣрность Россіи. Полковникъ Козловскій, посланный Тучковымъ, съ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе. Занятіе этихъ имеретинскихъ деревень, и новое стараніе кн. Абашидзе, посланнаго главнокомандующимъ для переговоровъ, подъ предлогомъ прощанія съ зятемъ своимъ, и успѣвшаго видѣться и убѣдить царя Соломона, заставили его рѣшиться на возобновленіе переговоровъ. Тѣ же три депутата отправлены съ письмомъ къ князю Циціанову отъ имеретинскаго царя.

„Въ день вторника, писалъ онъ, (2) не кончены были наши переговоры за Лечгумомъ; такъ какъ тогда сообщилъ я такъ, какъ и нынѣ повторяю, что кромѣ о Лечгумѣ, и сихъ новыхъ статей на всѣ статьи я согласенъ и готовъ подписать. Желая же, чтобы предстательствомъ вашего сіятельства, Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ преложить гнѣвъ свой на милость, предлагаю новый способъ къ отвращенію затрудненій къ окончанію онаго дѣла, а именно: чтобы ваше сіятельство, при совершеніи мною присяги и подпискѣ статей, остающихся во всей ихъ силѣ, какъ я имѣю, пожаловали письмо за подписомъ своимъ, въ которомъ, именемъ Государя Императора, обѣщались бы статью о Лечгумѣ не приводить къ исполненію, доколѣ на представленныя мною права, на Лечгумъ, не послѣдуетъ Высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи.

(1) Изъ донесенія кн. Циціанова гр. Воронцову 20 января 1804 г. № 50. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1—7, 1803—7, № 5.

(2) Отъ 21 апрѣля. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1—13, 1803—12, № 7.

„Вашему сіятельству доношу, что можетъ быть о лечгумскомъ дѣлѣ по справедливости вамъ не донесено и имѣете сомнѣніе, но какъ я, такъ и нашего владѣнія свѣтскія особы и духовенство присягою можетъ васъ удостовѣрить, что какъ Имеретія, такъ и Лечгумъ, было наше наслѣдственное и никто изъ царей Багратіоновыхъ, никогда, Дадіану онаго не отдавалъ и ниже къ Мингреліи и Дадіанову владѣнію Лечгумъ не принадлежалъ. Когда мы васъ во всемъ удостовѣримъ, прошу, въ знакъ отеческаго вашего милосердія, представить Его Высочеству, такъ прилично вашему высокому благоразумію. *Впрочемъ я все готовъ по предложенію вашему сдѣлать*, ища подданства всероссійскаго, т. е. присягнуть на вѣрность онаго, и подписать статьи, прося также милости сей, чтобъ я возъимѣлъ надежду отъ Его Величества къ безопасному моему въ землѣ моей пребыванію, покуда я буду живъ".

При этомъ имеретинскій царь приложилъ письменныя условія, на которыхъ полагалъ войти въ подданство Россіи. Онъ обѣщалъ поступать во всемъ не иначе, какъ *„по приказанію и спросу"* главнокомандующаго въ Грузіи. Онъ предоставлялъ главноуправляющему или оставить у него царевича Константина Давыдовича, или взять къ себѣ; въ послѣднемъ случаѣ, не требовать отъ него имѣнія этого царевича. Имеретинскій царь просилъ оставить его самовластнымъ въ его землѣ; предоставить ему судъ и расправу; награжденіе и наказаніе его подданныхъ; чтобы русскіе войска, которые будутъ находиться въ Имеретіи, исполняли всѣ приказанія царя Соломона; и чтобы власть русскаго правительства не простиралась на Гурію. Князь Циціановъ соглашался съ этимъ, прибавляя, что относительно царевича Константина онъ объяснилъ все словесно повѣреннымъ имеретинскаго царя (1).

Царь Соломонъ, въ отвѣтъ на это письмо, назначилъ 23-го апрѣля, въ полдень, свиданіе съ главнокомандующимъ, для принятія присяги и подписи условій подданства, если только въ условіяхъ будетъ написано о Лечгумѣ такъ какъ онъ просилъ (2).

Князь Циціановъ, въ письмѣ отъ 22-го апрѣля, писалъ Соломону, что онъ удивляется требованіямъ о Легчумѣ

(1) Письмо кн. Циціанова царю Соломону 22-го апрѣля 1804 г.

(2) Переводъ письма царя Соломона кн. Циціанову того же числа.

„когда письмо мое писанное объ ономъ ясно удовлетворяетъ вашему желанію и съ пользою вашего высочества согласное.

„Итакъ, писалъ онъ далѣе (1), съ прискорбіемъ я вижу, что вамъ неугодно согласиться ни на что, ибо присланные депутаты привезли ко мнѣ ваше писаніе, требующее отъ меня онаго письма, и когда я противъ желанія моего, на то согласясь отправилъ, тогда вы изволите дѣлать новыя требованія ваши о перемѣнѣ статьи; послѣ сего я отдаю на собственный вашего высочества справедливый судъ: можно ли надѣяться конца, коль требованія столь часто перемѣняются? Совсѣмъ тѣмъ посылаю, по требованію вашего высочества, пункты, прося о рѣшительномъ отвѣтѣ, для чего отправляю сіятельнаго князя Егора Абашидзе".

Царь Соломонъ все-таки упирался; онъ требовалъ измѣнить постановленіе о Лечгумѣ.

25-го апрѣля состоялось свиданіе, на которомъ была совершена присяга и подписанъ трактатъ изложенный въ формѣ просительныхъ пунктовъ отъ имеретинскаго царя.

По трактату этому (2) царь Соломонъ:

1) Предалъ себя со всѣмъ своимъ законнымъ потомствомъ и царствомъ *въ вѣчное и вѣрное рабство* и подданство россійской державѣ.

2) Просилъ о сохраненіи ему и его потомству, а въ случаѣ если его не будетъ, то царевичу Константину Давыдовичу и его потомству, по старшему колѣну, пользоваться правами царя имеретинскаго со всѣми „обязанностями вѣрноподданнаго раба Всероссійскаго Государя Императора", на что и выдать ему Высочайшую грамоту.

3) Судъ и расправа остается по прежнему у него.

4) Русскія войска займутъ Имеретію, для водворенія въ ней порядка и спокойствія, какъ внутренняго такъ и отъ внѣшнихъ враговъ.

5) При отысканіи рудниковъ часть дохода съ нихъ назначается въ пользу имеретинскаго царя.

6) При построеніи новаго города, часть дохода съ него поступаетъ въ пользу имеретинскаго царя, буде „въ всероссійской имперіи поступаютъ какіе либо доходы съ городовъ".

(1) Письмо кн. Цицианова царю Соломону того же числа.

(2) См. приложеніе № 20.

7) Имеретинскій царь обязывался повиноваться во всемъ русскимъ властямъ какъ вѣрноподданный рабъ.

8) Для русскихъ войскъ выстроить дома съ отопленіемъ.

9) Доставлять имъ провіантъ и фуражъ.

10) Доставлять рабочихъ, для разработыванія рудъ, если они будутъ отысканы, и по цѣнамъ опредѣленнымъ отъ горнаго начальства.

11) Давать безденежно лѣсъ для кораблестроенія.

12) На владѣнія кн. Дадіана мингрельскаго никакого притязанія не имѣть; плѣнныхъ мингрельскихъ возвратить, и взятыя крѣпости очистить.

13) Содержать въ исправности, и отвѣчать за безопасность проѣзжающихъ по дорогамъ отъ грузинской границы, черезъ Вахань къ Кутаису и оттуда въ Одиши и Поти.

14) Предоставить царевичу Константину Давыдовичу доходы съ его удѣла Саботошвили.

15) Царевичь Константинъ до смерти его останется въ Грузіи или Россіи, для полученія пристойнаго его сану воспитанія, и во избѣжаніе развлеченія власти имеретинскаго царя.

16) Съ товаровъ, привозимыхъ черезъ Имеретію въ Грузію, отъ морскихъ пристаней и обратно, не брать пошлинъ, а взамѣнъ того получать нѣкоторую сумму изъ таможенныхъ доходовъ.

17) Запрещается переходъ жителей въ подданство изъ Имеретіи въ Грузію и обратно.

Послѣ присяги имеретинскій царь получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и письмо кн. Циціанова, въ которомъ главнокомандующій писалъ: „по затрудненіямъ, писалъ онъ (1), и изъявленному несогласію на доставленныя мною къ подпискѣ статьи о вступленіи вашего высочества со всѣмъ царствомъ имеретинскимъ въ подданство Е. П. В., убѣжденъ былъ я симъ письмомъ (которое должно быть къ единственному вашему свѣдѣнію) удостовѣрить въ нижеслѣдующихъ статьяхъ:

1) Если царевичь Константинъ Давыдовичъ не будетъ отданъ въ землю вашу наслѣдникомъ, то имѣнія ему принадлежащія да останутся у вашего высочества.

(1) Письмо кн. Циціанова имеретинскому царю отъ 25 апрѣля 1804 г. Тиф. Арх. Кан. Нам.

2) Какія крѣпости ваше высочество нынѣ въ Лечгумѣ занимаете, съ принадлежащими къ онымъ селеніями, да остаются у васъ, доколѣ документы на право Лечгума будутъ вами представлены Е. И. В., вѣдая, что всеконечно въ такомъ случаѣ соблюдена будетъ справедливость.

3) Вашему высочеству вольно будетъ писать Г. И. на главноуправляющаго Грузіею генерала, увѣренъ будучи, что письмо надписанное Е. И. В. въ собственныя руки, никто не дерзнетъ распечатать и не доставить Е. И. В., а если бы то сверхъ всякаго чаянія могло быть, то имѣете способы доставить прямо и будете вняты въ справедливости. Въ сихъ выше писанныхъ статьяхъ, увѣряю васъ заклинаніемъ всемогущаго Бога и священнымъ Е. И. В. именемъ, прося покорнѣйше, дабы второй изъ сихъ пунктовъ соблюденъ былъ въ глубочайшей непроницаемой тайнѣ.“

Письмо это, написанное съ цѣлію удовлетворить желанію Соломона, вмѣстѣ съ тѣмъ было написано и для того, чтобы не оскорбить и царицу имеретинскую Анну, долженствующую выѣхать изъ Грузіи, ни князя Дадіана, относительно Лечгумской провинціи.

Прочитавъ это письмо Соломонъ окончательно успокоился. Выславъ всѣхъ изъ палатки, въ которой происходили всѣ переговоры, царь, по азіятскому обычаю, умолялъ кн. Циціанова, заклясться находящимся на немъ крестомъ, что все написанное будетъ исполнено и онъ до конца своихъ дней останется царемъ. Главнокомандующій увѣрилъ его въ сохраненіи условій во всей точности, если имеретинскій царь сохранитъ вѣрность свою къ Россіи. Прощаясь другъ съ другомъ имеретинскій царь между прочимъ говорилъ кн. Циціанову (1).

— Изъ Кутаиса отправилъ я къ вамъ письмо, съ кн. Абашидзе и нашимъ посланникомъ, въ коемъ извѣщалъ я, что при свиданіи съ вами открою мои мысли, яко отцу, и войду въ подданство Е. В. Первое наше свиданіе кончилось не хорошо, и, для того, не могъ я вамъ объясниться. Поелику же теперь дѣло совершилось, и я имѣю подписать статьи, то сіи четыре пункта объявляю вамъ яко сынъ милостивому отцу, и оставлю на вашу волю осчастливить

(1) Изъ рапорта кн. Циціанова Г. И. 25 апрѣля 1804 г. Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—12, № 7.

меня сими четырьмя пунктами. Если же на все не соизволите, то по крайней мѣрѣ не оставьте безъ исполненія перваго, а я подъ статьями подпишусь, и яко сынъ буду покоренъ.

— Сіи представляемыя мною статьи (трактатъ), продолжалъ Соломонъ, о вступленіи моемъ въ подданство Е. И. В., мною подписанныя при моемъ человѣкѣ, да слѣдуютъ съ вами отсель. По возвращеніи моемъ отсель, въ скорости, представлю я къ вамъ документы, на право Лечгума, при вѣрномъ мосмъ человѣкѣ. Тѣ помянутые и подписанные мною статьи и документы на Лечгумъ, прошу, въ знакъ отеческой вашей милости, отправить къ Государю *съ моимъ человѣкомъ*.

— Никакому подданному неприлично посылать пословъ къ своему Государю, отвѣчалъ на это князь Циціановъ, совѣтывалъ бы я документы доставить для всеподданнѣйшаго представленія ко мнѣ. Я же обѣщаюсь ходатайствовать у Е. И. В. о позволеніи отправить отъ царства имеретинскаго 4-хъ или 5-ти первостатейныхъ князей, для принесенія всеподданнѣйшей благодарности за принятіе въ подданство. Когда получу Высочайшее на то разрѣшеніе, то не оставлю васъ извѣстить.

— Да милостію Е. И. В. ознаменованъ буду царскими знаками.

— Не оставлю и о томъ представить Е. И. В. и увѣдомлю ваше высочество о резолюціи.

— По смерть мою, да буду имѣть жалованье, сколько будетъ возможно; и въ сходство царскому дому, да буду имѣть войска, по правилу россійскому, на моемъ жалованьи.

— Неприлично царю жалованье просить, поелику всѣ доходы уже предоставлены въ статьяхъ, а о войскѣ еще меньше смѣю представить, когда часть войска назначается на всегдашнее пребываніе въ Имеретіи и Императорскому войску жалованье получать отъ вашего высочества не совмѣстно.

— Если потребуетъ время или нужда, да имѣю право прибавить или убавить въ подписанныхъ мною статьяхъ.

— И подумать о томъ невозможно, поелику святость оныхъ должна соблюдаема быть во всей строгости, безъ чего, ничего бы вѣрнаго не было.

Князь Циціановъ находилъ весьма полезнымъ, для дѣлъ

нашихъ, отправленіе депутатовъ въ С.-Петербургъ, потому, что князья эти, имѣя вліяніе на дѣла имеретинскаго царства, или лучше сказать находясь въ феодальной зависимости отъ царя, бывъ обласканы нашимъ правительствомъ, могли сдѣлаться сторонниками Россіи и работниками въ пользу ея интересовъ. Примѣромъ тому, въ этомъ случаѣ, могъ служить Салтхуцесъ кн. Зурабъ Церетели, бывшій посланникомъ у нашего двора въ 1787 г. Съ этаго года, до самаго присоединенія Имеретіи къ Россіи, Церетель былъ расположенъ къ Россіи, и во всѣхъ случаяхъ склонялся въ пользу ея интересовъ.

Отправленіе депутатовъ отъ Имеретіи, точно такъ же какъ и депутатовъ отъ Дадіана мингрельскаго, для избѣжанія зависти между ними, предполагалось сдѣлать осенью.— Императоръ согласился на отправленіе депутатовъ: 5-ти отъ Имеретіи, и 2-хъ отъ Мингреліи, изъ числа князей самыхъ „почтеннѣйшихъ и усердіемъ своимъ къ намъ отличіе таковое заслужившихъ.“ (1) Сообщая объ этомъ, кн. Циціановъ писалъ Соломону: „Поелику же, для сего важнаго случая, должно употребить людей съ опытностію, и чтобы они были изъ почетнѣйшихъ фамилій, то и полагаю я необходимымъ отправить князей: Салтхуцеса Зураба Церетели, Кайхосро Церетели и Сехнію Цулукидзе, яко главныхъ особъ отъ лица вашего бывшихъ въ Вахани, при переговорахъ и постановленіяхъ между мною, и вашимъ высочествомъ съ коими, буде угодно будетъ также весьма прилично бы было отправить его высокопреосвященство архіепископа Кутателя и кн. Соломона Леонидзе, бывшаго уже при Высоч. дворѣ въ качествѣ уполномоченнаго посланника.“

„О сихъ способахъ я упоминаю не для того, чтобы мѣшался въ выборъ, который вашему высочеству во всемъ пространствѣ слова принадлежитъ, но потому, что вамъ угодно было, при нашемъ свиданіи, дать мнѣ слово подавать совѣты ко благу относящіеся. (2)

Такимъ образомъ желаніе Императора Александра, выраженное кн. Циціанову въ именномъ указѣ отъ 5 Февраля, чтобы „по совершеніи присоединенія царства имеретинскаго къ Россійской Имперіи, и устроивъ черезъ побережныя вла-

(1) Кн. Циціановъ царю Соломону 30 сентября 1804 г. № 393 Т. А. К. И.
(2) Кн. Циціановъ царю Соломону 30 сентября 1804 г. № 393. Т. А. К. И.

дѣнія Мингреліи сообщеніе съ Тавридою связалъ весь сей край крѣпчайшимъ узломъ съ метрополіею" было исполнено кн. Циціановымъ. Высочайшею грамотою отъ 4-го іюля 1804 г. Имеретія принята въ подданство Россіи (1). Такимъ образомъ грузинское царство, въ 1390 г. раздѣленное, Александромъ I царемъ грузинскимъ, на царство имеретинское и владѣніе мингрельское, въ 1804 г. Александромъ же I, Императоромъ Россійскимъ, соединено опять въ одно цѣлое.

Неимѣя возможности тотчасъ занять Имеретію и Мингрелію нашими войсками, такъ какъ собиравшіяся Персидскія войска, при которыхъ находился и грузинскій царевичъ Александръ, не дозволяли отправить въ Имеретію и Мингрелію назначенный туда кавказскій гренадерскій полкъ, князь Циціановъ назначилъ къ отправленію въ Имеретію сначала генералъ-маіора Тучкова, но когда тотъ заболѣлъ, то былъ отправленъ статскій совѣтникъ Литвиновъ, для пребыванія его тамъ впредь до прибытія полка изъ Тавриды Чернымъ моремъ. Главная цѣль отправленія заключалась въ томъ, чтобы прекратить раздоры между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ Мингреліи, и „содержать ихъ въ согласіи другъ съ другомъ" до прибытія туда нашихъ войскъ. (2)

Въ инструкціи данной Литвинову (3) говорилось, чтобы онъ старался о сохраненіи добрыхъ отношеній между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ мингрельскимъ, такъ какъ поводомъ столкновенія между ними могла быть лечгумская область.

По секретному письму кн. Циціанова къ Соломону, крѣпости лечгумской провинціи, занимаемыя царемъ имеретинскимъ, съ принадлежащими къ нимъ деревнями, должны были оставаться во владѣніи его впредь до Высочайшаго повелѣнія.

Соломонъ, между тѣмъ, не замедлилъ доставить доказательства, что Лечгумъ никогда не принадлежалъ къ Мингреліи, а всегда былъ собственностію царей имеретинскихъ. Онъ ссылался на свидѣтельство исторіи, приводилъ грамоты, выданныя какъ имеретинскимъ царямъ, на владѣніе Лечгумомъ,

(1) См. Приложеніе № 21.

(2) Кн. Циціановъ кн. Чарторыйскому 25 апрѣля 1804 г. См. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ 1—13, 1802—12, № 7.

(3) Предписаніе Литвинову 18 мая 1804 г. № 234.—Т. А. К. Н.

такъ и выданныя въ свою очередь имеретинскими царями лечгумскимъ князьямъ; онъ указывалъ на построеніе тамъ церквей иждивеніемъ имеретинскихъ царей, и на показаніе духовенства, князей, дворянства и народа не только Имеретіи, но и всей Грузіи, которые единогласно признаютъ Лечгумъ принадлежащимъ Имеретіи. (1)

Рѣшеніе этого спора было довольно затруднительно потому, что грамоты точно также говорили и въ пользу Дадіана Мингрельскаго. Такъ въ высочайшихъ грамотахъ Имп. Екатерины II владѣтель Мингреліи назывался и владѣтелемъ лечгумскимъ (2). Князь Циціановъ находилъ самымъ лучшимъ, споръ этотъ оставить до пріѣзда депутатовъ въ С.-Петербургъ, или рѣшить его назначеніемъ особой комиссіи, которая бы разсмотрѣвъ дѣло на мѣстѣ помирила спорящихъ. Іюня 4-го, Литвиновъ прибылъ въ Кутаисъ, претерпѣвъ всѣ трудности, какія были нераздѣльны съ тамошними дорогами.

„Учтивостей встрѣтилъ тьму, пишетъ онъ (3) князю Циціанову, наиболѣе отъ Абхазъ Андроникова, который въ проѣздъ мой, находясь въ своей деревнѣ, употребилъ всѣ способы доказать всю преданность къ Россіи, изъявляя при томъ искреннее сожалѣніе, что при отъѣздѣ вашемъ, онъ навлекъ на себя нѣкоторое неудовольствіе; далъ мнѣ знать, что получилъ письмо отъ князей при царевичѣ въ Персіи находящихся, котораго содержаніе мнѣ сообщилъ, а подлинникъ хотѣлъ съ нарочнымъ доставить В. С.-ву".

На другой день пріѣзда въ Катаисъ, Литвиновъ, 6-го іюля, имѣлъ свиданіе съ имеретинскимъ царемъ и вручилъ ему письма отъ кн. Циціанова. Такъ какъ свиданіе это, по обыкновенію, происходило при всемъ народѣ, то Литвиновъ просилъ Соломона назначить ему часъ для переговоровъ, хотя бы послѣ обѣда, что и было ему назначено въ тотъ же день. На свиданіи этомъ Литвиновъ объявилъ, что ему поручено сдѣлать все возможное удовлетвореніе, по неудовольствіямъ, которыя произошли со стороны князя Дадіана; что по этому онъ самъ отправляется, съ небольшою свитою, на свиданіе съ кн. Дадіаномъ, который находился въ то время въ Одиши и по просьбѣ Литвинова тамъ его дожидался. Но чтобы

(1) Переводъ съ грузинскаго записки Соломона Т. А. К. Н.
(2) Рапортъ кн Циціанова Г. И. 29 мая № 10.—Ibid.
(3) Въ письмѣ отъ 8 іюня 1804 г. № 4.—Ibid.

подданные не страдали невинно, онъ просилъ имеретинскаго царя выполнить требованія въ письмѣ князя Циціанова изложенныя. Онъ требовалъ, чтобы плѣннымъ, взятымъ во владѣніи кн. Дадіана, былъ сдѣланъ списокъ; чтобы такой же списокъ былъ сдѣланъ и крѣпостямъ, взятымъ въ одишійской и лечгумской провинціяхъ, и оба они доставлены къ Литвинову для того, чтобы, при полученіи Высочайшаго разрѣшенія, можно было очистить ихъ.

— Они никогда не принадлежали Дадіанову дому, отвѣчалъ Соломонъ, испугавшійся словомъ очистить. Онъ не соглашался возвратить Дадіану одишійскія крѣпости.

— Все это рѣшится волею Его Императорскаго Величества, отвѣчалъ Литвиновъ, котораго утвержденіе должно быть свято исполнено.

— Предавъ себя милосердію Государя Императора, отвѣчалъ на это Соломонъ, буду ожидать терпѣливо своей участи.

Имеретинскій царь согласился, равномѣрно, и на требованіе объ исправленіи дорогъ, построеніе казармъ для русскихъ войскъ и заготовленіе имъ провіанта. Обѣщалъ выполнить пунктъ постановленія о царевичѣ Константинѣ, дать пристойное содержаніе, изъ доходовъ Гуріи, женѣ бывшаго въ Гуріи князя Вахтанга, когда Гурія поступитъ въ его зависимость. Устроивъ дѣла въ Имеретіи Литвиновъ отправился къ владѣтелю Мингреліи. 16-го іюня онъ пріѣхалъ въ Одиши, и тотчасъ же имѣлъ свиданіе съ княземъ Дадіаномъ, которому предложилъ, чтобы исполнилъ секретное условіе съ княземъ Циціановымъ. Дадіанъ отвѣчалъ, что ничего не присвоивалъ себѣ послѣ заключенія условій и никакой собственности у имеретинскаго царя не отбиралъ.

— Князья крѣпости Зогиши и Ачгара вошли ко мнѣ въ подданство прежде нежели были подписаны условія, говорилъ Дадіанъ. Окружность Дехвири, была также занята моими войсками, а крѣпости Дехвири и Цхуши, содержатъ и теперь гарнизоны царскіе (имеретинскіе). Они ничѣмъ не притѣсняются и находятся въ совершенной свободѣ.

Въ доказательство истины показаній князя Дадіана, Литвиновъ требовалъ, чтобы онъ приказалъ окружающимъ Дехвири моуравамъ пропустить транспорты имеретинскаго царя съ съѣстными припасами, въ которыхъ по словамъ

Соломона люди его имѣли большой недостатокъ. Дадіанъ согласился на это требованіе и 17-го числа послалъ приказаніе о пропускѣ съѣстныхъ припасовъ (1).

Относительно крѣпостей Зогиши и Ачгара, между Дадіаномъ и княземъ Церетели, посланнымъ Соломономъ вмѣстѣ съ Литвиновымъ, завязался споръ за право ихъ владѣнія, безъ особенныхъ впрочемъ доказательствъ съ обѣихъ сторонъ. Литвиновъ могъ прекратить его только тѣмъ, что объявилъ о своей поѣздкѣ на мѣсто, для того чтобы „узнать истину ихъ показаній", которыя ему будутъ сдѣланы.

Дадіанъ согласился, а Церетели говорилъ, что князья, во власти своей крѣпости имѣющіе, находясь въ зависимости отъ Дадіана, покажутъ всегда то, что имъ будетъ приказано.

— Я заставлю присягнуть ихъ, если это будетъ нужно, отвѣчалъ на это Литвиновъ. 21-го числа они прибыли въ Лечгумъ, а 22-го собрались князья и моуравы. Литвиновъ между тѣмъ успѣлъ достигнуть и убѣдить Дадіана, до того, что Дадіанъ соглашался выполнить всѣ требованія его, но боялся, что не согласятся на то лечгумскіе князья. Князь Дадіанъ былъ совершенно правъ въ своихъ опасеніяхъ. Въ Одиши царствовала совершенная анархія. Власть Дадіана тамъ вовсе не уважалась; разбои, грабежи, воровство дѣтей и продажа ихъ Туркамъ, и разнаго рода насильства были повсюду и терпимы Дадіаномъ, сколько для своей собственной безопасности, столько же и потому, чтобы отъ тѣхъ князей, которые сегодня грабили и разбойничали, завтра имѣть помощь и содѣйствіе противу имеретинскаго царя Соломона.

„Во всѣ три дня моего тамъ пребыванія (въ Одиши), пишетъ Литвиновъ въ одномъ изъ своихъ донесеній къ кн. Циціанову, не было получаса свободнаго, чтобы не приходили отцы, дѣти и матери изувѣченные, безъ ногъ, безъ рукъ, съ выколотыми глазами, просящіе возвращенія ихъ дѣтей." Это зрѣлище заставило Литвинова требовать отъ Дадіана прекращенія подобнаго порядка вещей. Дадіанъ соглашаясь съ Литвиновымъ просилъ его содѣйствія, какъ по этому, такъ и по примиренію его съ братьями.

Два брата Дадіана также находились съ нимъ въ ссорѣ.

(1) Литвиновъ кн. Циціанову 27 іюня № 10. Т. А. К. Н.

Младшій изъ нихъ, Даріель, заперся въ одной изъ деревень принадлежащихъ старшему брату его архіерею и дѣлалъ набѣги на окружности. Литвинову удалось помирить ихъ обоихъ и уговорить владѣтеля Мингреліи дать ему во владѣніе тотъ городъ въ Одиши, который Даріель самъ выберетъ. Миръ этотъ продолжался однако же не долго. Даріель уѣхалъ въ Кутаисъ къ царю Соломону, которому по его словамъ былъ обязанъ воспитаніемъ.

— Я самъ, говорилъ Дадіанъ Литвинову, не одинъ разъ испыталъ ихъ (князей) жестокость и непослушаніе. Я самъ принужденъ былъ скрываться въ Суанетахъ и Абхазіи; власть моя надъ ними столь мало утверждена, что я приказать имъ ничего не смѣю.

— Вы объявите имъ, отвѣчалъ на это Литвиновъ, что предавъ себя единожды милосердію Е. И. В., вы обѣщались повиноваться во всемъ поставленнымъ отъ него властямъ, и желая доказать покорность свою примѣромъ, вы приглашаете ихъ выполнить повелѣніе главнокомандующаго.

Получивъ обѣщаніе князя Дадіана выполнить и это, Литвиновъ пригласилъ къ себѣ князей Чикуани и Аивледіана; но вмѣсто двухъ вошло вмѣстѣ съ ними до 20-ти человѣкъ.

„Чувствуя, что въ такомъ количествѣ людей объясненія подтвержены замѣшательству“, Литвиновъ предложилъ остаться только приглашеннымъ а остальныхъ просилъ удалиться.

— Съ однимъ или двумя ни о какихъ дѣлахъ говорить нельзя, отвѣчали они, оставаясь. Силу свою мы полагаемъ въ соединеніи и связи между собою, слѣдовательно, что касается до одного, то относится и до всѣхъ.

— Какую вы имѣли причину выдти изъ повиновенія царя (имеретинскаго)? спросилъ тогда Литвиновъ.

— Не желая быть подвластными царю, мы отдали себя подъ власть Дадіана, отвѣчали они.

— Поступокъ вашъ противенъ условію сдѣланному кн. Циціановымъ съ царемъ Соломономъ. Для избѣжанія справедливаго наказанія, я приказываю возвратиться вамъ въ подданство царя Соломона, тѣмъ болѣе, что примѣръ сего поведенія вы видите въ особѣ вашего владѣтеля кн. Дадіана.

— Никогда этаго быть неможетъ, отвѣчали они.

Литвиновъ просилъ тогда Дадіана объявить имъ свое рѣшеніе. Едва была выслушана рѣчь и Дадіанъ не успѣлъ еще окончить, какъ послышались голоса первѣйшихъ князей.

— Если онъ не хочетъ повелѣвать нами, говорили они, такъ и мы его оставляемъ, но прежде умремъ чѣмъ пойдемъ въ подданство царя Соломона.

Сказавъ это нѣкоторые князья вышли, несмотря на просьбу Литвинова остаться. Князь Церетели, бывшій свидѣтелемъ этого происшествія, видѣлъ ясно, что дальнѣйшія понужденія были бы тщетны. Литвиновъ указывая на это говорилъ, что онъ надѣется что царь Соломонъ будетъ на столько великодушенъ, умѣренъ и терпѣливъ, что подождетъ окончательной развязки.

„Потомъ, разговаривая съ Дадіаномъ, пишетъ Литвиновъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ необузданности сихъ отдѣльныхъ владѣльцовъ и о непремѣнно нужномъ покореніи ихъ начальству, оставался въ нерѣшимости о послѣдствіяхъ сего происшествія. Простясь съ Дадіаномъ и Церетелемъ, не болѣе какъ черезъ четверть часа вошелъ посланный отъ кн. Чикуани и Аивледіана, прося позволенія меня видѣть. Согласясь на оное, пришло ихъ человѣкъ до десяти; двое изъ главнѣйшихъ стали на колѣни и просили прощенія въ грубости, которую мнѣ оказали“.

— Объясните мнѣ причины, спрашивалъ Литвиновъ, поднимая стоявшихъ на колѣняхъ, понудившія васъ прибѣгнуть къ Дадіану, тогда какъ вы должны бы оставаться у царя (имеретинскаго).

— Лечгумскіе князья, отвѣчалъ на это кн. Чикуани, всегда сохраняли право входить въ подданство того, кого они сами избрать хотѣли. Когда полковникъ Майновъ привезъ орденъ Св. Александра Невскаго кн. Дадіану, тогда мы видя къ нему милость Государя нашего, хотѣли въ оной участвовать, пошли въ подданство Дадіану, и взяли его подъ свое покровительство, позволивъ ему въѣхать въ Лечгумъ, котораго онъ до того принужденъ былъ обѣгать.—

Справедливость своихъ словъ князья доказывали двумя письмами, отправленными къ князу Циціанову: 1) съ полковникомъ Майновымъ и 2) съ посланнымъ Дадіана, въ которыхъ было изложено тоже самое, что говорилъ Чикуани Литвинову.

Литвиновъ, по возвращеніи своемъ въ Кутаисъ, объявилъ все это царю Соломону, говоря, что Дадіанъ имѣетъ искреннее желаніе съ нимъ помириться, признавая его старшимъ надъ собою, и обѣщаясь быть всегда готовымъ на его услуги. Имеретинскій царь принялъ слова Литвинова довольно холодно, хотя и объявилъ ему, что во всемъ будетъ повиноваться и требовать его совѣтовъ, а справедливость правъ своихъ на Лечгумъ предоставляетъ разсмотрѣнію главнокомандующаго. Эта холодность въ обращеніи царя Соломона съ Литвиновымъ отчасти оправдывала слова Дадіана, просившаго Литвинова не ѣздить въ Кутаисъ, а остаться съ нимъ. На вопросъ почему? Князь Дадіанъ объявилъ, что имѣетъ свѣдѣніе о томъ, будто бы Соломонъ намѣренъ вырѣзать всѣхъ Русскихъ бывшихъ въ Кутаисѣ. Слухи эти отчасти подтверждались и по пріѣздѣ Литвинова въ Кутаисъ.

Царь Соломонъ согласился помириться и имѣть свиданіе съ Дадіаномъ тамъ гдѣ будетъ назначено. Пріѣхавшій съ Литвиновымъ изъ Лечгума двоюродный братъ Дадіановъ, отправился обратно приглашать владѣльца Мингреліи выѣхать на границу для свиданія. Дадіанъ тотчасъ же исполнилъ приглашеніе и прислалъ къ Литвинову, брата своего Николая, увѣдомить о своемъ прибытіи. Царь Соломонъ, узнавъ объ этомъ, сталъ избѣгать примиренія. Подъ предлогомъ рыбной ловли, онъ уѣхалъ изъ Кутаиса, какъ только узналъ о прибытіи посланнаго отъ Дадіана, откуда не прежде возвратился какъ по полученіи двухъ настоятельныхъ писемъ Литвинова. По пріѣздѣ въ Кутаисъ Соломонъ, не смотря на убѣжденіе Литвинова, и на то, что Дадіанъ находился уже на границѣ, отложилъ свиданіе до 15-го іюля. Нерасположеніе его къ переговорамъ и даже ненависть къ русскимъ были слишкомъ открыты. По всему видно было, что онъ хранитъ нѣкоторую притворность только до случая. Это заставило Литвинова принять предосторожности, которыя очень не нравились Соломону. По городу ходили слухи о томъ, что люди бывшіе при грузинскихъ царевичахъ, женахъ Іулона и Парнаоза, числомъ до 17-ти человѣкъ, закупали порохъ и свинецъ; что они думали вырѣзать всѣхъ Русскихъ находящихся въ Кутаисѣ; что эрзерумскій и ахалцыхскій паши присылали къ имеретинскому царю посла уговаривать, чтобы онъ не впускалъ Русскихъ и обѣщали ему по-

дарки, если только онъ избавится отъ Русскихъ, находившихся въ Имеретіи. Первымъ совѣтникомъ во всѣхъ этихъ поступкахъ Соломона былъ князь Леонидзе. Отправляясь на рыбную ловлю онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправлялся для того, чтобы видѣться съ грузинскимъ царевичемъ Константиномъ, прибывшимъ съ братомъ своимъ Парнаозомъ въ Имеретію, и поселившимся въ деревнѣ Свирѣ. Парнаозъ вскорѣ ушелъ къ партіи Лезгинъ, а Константинъ имѣлъ свиданіе съ Соломономъ, который тщательно скрывалъ его мѣстопребываніе, и снабжалъ всѣмъ необходимымъ, увѣряя Литвинова, что Константинъ скрывается въ лѣсахъ и гдѣ ему неизвѣстно (1).

При началѣ переговоровъ съ Дадіаномъ, Соломонъ высказалъ также свой образъ дѣйствій. Онъ не хотѣлъ напримѣръ, для свиданія, переѣзжать рѣку Цхени-цкахи въ бродъ, и поэтому вмѣсто деревни Хунди, принадлежавшей Дадіану, назначилъ мѣстомъ для свиданія дер. Сачилао, принадлежавшую ему и лежавшую по обѣимъ сторонамъ той рѣки. Когда Дадіанъ согласился и на это, и прибылъ во вновь назначенное мѣсто, то Соломонъ и тутъ нашелъ средства затруднить переговоры. Возникъ споръ кому переѣзжать черезъ рѣку. Дадіанъ рѣшительно отказался, боясь того, что находясь и безъ того во владѣніи имеретинскаго царя, онъ только и надѣется на защиту 50-ти человѣкъ русскихъ гренадеръ, бывшихъ съ Литвиновымъ; переправившись же на противоположную сторону рѣки, онъ будетъ совершенно во власти своего противника.

— Я царь, говорилъ Соломонъ, и мнѣ неприлично уступать бывшему прежде моимъ подданнымъ.

Послѣ долгихъ уговариваній, имеретинскій царь согласился переѣхать, но съ условіемъ, чтобы свита Дадіана была въ отдаленіи, точно въ такомъ же, въ какомъ онъ поставитъ и свою. Бывшіе съ Литвиновымъ солдаты должны были стать также въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того дерева, подъ которымъ предполагалось свиданіе (2).

Предметомъ свиданія былъ договоръ, по которому оба договаривавшіеся обязаны были: 1) Выполнять все то, что будетъ повелѣно отъ русскаго Государя, и доносить о вся-

(1) Литвиновъ кн. Циціанову 19-го іюля 1804 г. Т. А. К. Н.
(2) Литвиновъ кн. Циціанову 27-го іюля 1804 г. Ibid.

кой измѣнѣ русскому правительству, при первомъ о томъ свѣдѣніи; 2) Другъ друга ни въ чемъ не безпокоить, обходиться дружески и пріязненно; 3) Насильство и грабительство дѣлаемые Имеретинцами Мингрельцамъ, Соломонъ обязывался прекратить и 4) Въ случаѣ неудовольствій между Дадіаномъ и Соломономъ, они обязаны были прекратить ихъ сами, или пригласить въ посредники уполномоченнаго отъ русскаго правительства (1), въ чемъ и присягнуть.

Этотъ послѣдній пунктъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны царя Соломона, нехотѣвшаго подписывать договора, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не желаетъ присягать вторично.

— Однажды данная присяга совершенно достаточна, говорилъ онъ. Если я оказался не вѣренъ, то пусть мнѣ объявятъ въ чемъ

— Не только подозрѣній, но даже и сомнѣній на его высочество не имѣю, отвѣчалъ на это Литвиновъ посланному царя Соломона, князю Леонидзе. Включая четвертый пунктъ я слѣдую нашимъ обычаямъ. Не только при совершеніи столь знаменательнаго подвига, но даже при полученіи всякаго чина, мы возобновляемъ присягу Государю Императору. Не находя въ семъ пунктѣ ничего противнаго ни выгодамъ, ни совѣсти его высочества, я удивляюсь почему онъ подписать его не хочетъ.

— Я не офицеръ и не маіоръ, отвѣчалъ на это Соломонъ, съ тѣмъ же княземъ Леонидзе. Я царь.

— Царь, но подданный русскаго Государя, отвѣчалъ Литвиновъ. Изъ этого обычая не исключаются даже и тѣ европейскіе принцы, которые добровольно пріѣзжаютъ служить въ войскахъ Его Императорскаго Величества. Я прошу его высочество пунктъ сей подписать, иначе онъ подастъ мнѣ поводъ къ непріятнымъ заключеніямъ. Если предложеніе мое несообразно съ моею должностію, и обижаетъ его высочество, то я имѣю начальника, который не упуститъ меня наказать и удовлетворить его высочество. Если онъ вѣренъ Государю Императору и вредныхъ намѣреній не имѣетъ, то отъ подписки сего пункта отговориться не можетъ.

Соломонъ въ отвѣтъ на это просилъ къ себѣ Литви-

(1) Переводъ грамоты царя Соломона и кн. Дадіана Литвинову 20-го іюля. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—6, 1802—10, № 2.

нова, для объясненій, на которыхъ заявилъ, что онъ съ тѣмъ вступилъ въ подданство Россіи, чтобы имѣть ему Лечгумъ въ своемъ владѣніи, и что „если сего не получитъ, то онъ вѣрнымъ остаться Государю не можетъ (').

— Какое же вы примете тогда намѣреніе? спросилъ его Литвиновъ.

— Я объявилъ тоже самое кн. Циціанову, отвѣчалъ Соломонъ уклончиво.

— Чѣмъ же вамъ угодно окончить наше собраніе?

— Я напишу пункты, говорилъ вмѣшавшійся въ разговоръ кн. Леонидзе, въ которыхъ помѣщу все то, что въ вашихъ находится.

— Если они будутъ одинаковаго содержанія, то почему не подписать моихъ? спросилъ Литвиновъ.

— Для того, отвѣчалъ Леонидзе, что царь съ Дадіаномъ на одной бумагѣ подписаться не можетъ, а они дадутъ разные.

Литвиновъ согласился, царь Соломонъ переѣхалъ рѣку и свиданіе совершилось. На другой день, Дадіанъ опять хотѣлъ видѣться съ Соломономъ, но тотъ отказался переѣхать рѣку, а Литвинова уже не было, онъ уѣхалъ въ Кутаисъ. Договоръ однакоже былъ подписанъ, и Литвиновъ собирался отправиться въ Одиши, какъ для окончанія выгрузки хлѣба, такъ и переговоровъ начатыхъ съ Келишъ-Бекомъ, владѣльцемъ абхазскимъ, изъявившимъ также желаніе вступить въ подданство Россіи. Онъ надѣялся, что царь Соломонъ останется на нѣкоторое время въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что онъ наружно оказывалъ расположеніе къ Русскимъ.

„По объявленіи царю, пишетъ Литвиновъ, побѣды, вашимъ с—омъ одержанной, я просилъ, чтобы въ присутствіи его послѣ обѣдни принесена была Всевышнему торжественная благодарность, что и учинено было 25-го сего мѣсяца, самимъ Кутателемъ, со всею пышностію облаченій имъ свойственною; при возглашеніи многая лѣта былъ сдѣланъ троекратный залпъ. Послѣ сего царь со всѣми князьями у меня обѣдалъ; столъ нашъ продолжался часовъ пять, и мы разстались совершенно довольные другъ другомъ".

Литвиновъ однакоже ошибался. Царь Соломонъ интриговалъ

(') Литвиновъ кн. Циціанову 27-го іюля 1804 г. № 47.

по прежнему, стараясь удалить отъ своихъ пристаней русскіе корабли и не пропуская Ріономъ провіантъ для команды Литвинова. Онъ успѣлъ увѣрить два пришедшіе корабля, что Русскихъ на берегу вовсе нѣтъ, и не далъ имъ провожатаго въ Батумъ.

Отважность двухъ казаковъ, пустившихся на челнокѣ въ море, и успѣвшихъ пристать къ кораблямъ, разрушили происки Соломона и судна пристали къ берегу.

Вскорѣ послѣ этого имеретинскій царь прислалъ письмо къ генералъ-лейтенанту кн. Волконскому (1), въ которомъ говорилъ, что Баба-Ханъ уговариваетъ его уклониться отъ подданства Россіи. Однакоже на просьбу Волконскаго задержать посланнаго Баба-Хана, Соломонъ отвѣтилъ тѣмъ, что онъ уѣхалъ (2). Посолъ пріѣхалъ и возвратился черезъ Ахалцыхъ. Ахалцыхскій паша тайнымъ образомъ дѣйствовалъ противу Россіи. Баба-Ханъ, черезъ его нарочнаго, просилъ помощи царевичу Александру и головы Литвинова, котораго къ счастію тогда не оказалось въ Кутаисѣ.

„Поведеніе царя и разглашенія его князей на счетъ Русскихъ, въ Кутаисѣ во время моего отсутствія происходившіе, нелѣпостію своею не заслуживаютъ никакого вниманія, но, не меньше того, оные доказываютъ худое расположеніе всего сего скопища и какую осторожность должно брать на будущее время. Приходъ кораблей все перемѣнилъ и царь болѣе не опасенъ не только вамъ, но и мнѣ“ (3).

Когда Порта угрожала ему прислать войска для раззоренія Имеретіи, за то, что принялъ подданство Россіи и требовала истребленія Русскихъ, то Соломонъ для совѣта объ этомъ собиралъ князей (4).

Въ Имеретіи распускали разныя ложныя слухи на счетъ кн. Циціанова, и дѣйствія нашихъ войскъ. Царь Соломонъ получалъ письма, разнаго рода извѣстія и наконецъ грамоту отъ Баба-Хана. Съ прибавкою ко всему этому собственныхъ выдумокъ и разглашеній, онъ старался возмутить Лечгумъ и устрашить самаго Дадіана. Эти причины заставили Литвинова запретить военнымъ Имеретинцамъ въѣздъ въ

(1) Бывшему въ то время правителемъ Грузіи.
(2) Кн. Волконскій кн. Циціанову 10 сентября № 246.
(3) Литвиновъ кн. Циціанову 14 сентября № 99. Т. А. К. Н.
(4) Кн. Волконскій кн. Циціанову 10 сентября № 249.—Ibid.

Лечгумъ, а особенно въ крѣпость Дехвири, которая была окружена Дадіановыми владѣніями, и самъ онъ жилъ отъ нея въ 10-ти или 12-ти верстахъ (1).

Имеретинскій царь старался сначала обольстить кн. Дадіана, самыми выгодными предложеніями, а потомъ, когда это не подѣйствовало, то устрашить его распускаемыми слухами о неудачѣ Русскихъ противу Персіянъ, о смерти кн. Циціанова, и осовершенномъ истребленіи Русскихъ. Этотъ новый способъ оказался также неудачнымъ; тогда Соломонъ обратилъ все свое стараніе на возмущеніе лечгумскихъ князей и народа. Крѣпость Дехвири служила ему въ этомъ случаѣ большимъ пособіемъ, находясь въ центрѣ Дадіановыхъ владѣній.

Имеретинскій царь постоянно отыскивалъ разные причины посылать людей своихъ въ крѣпость, поѣздка которыхъ имѣла цѣлію разглашать все, что могло служить въ ихъ пользу. Они показывали подложныя письма объ „отчаянномъ“ положеніи кн. Циціанова подъ Эриванью и объ истребленіи команды находившейся при Литвиновѣ и убійствѣ послѣдняго въ Хоргѣ. Эти то слухи, какъ мы видѣли выше, заставили Литвинова запретить въѣздъ въ Дехвири посылаемымъ туда имеретинскимъ царемъ, тѣмъ болѣе, что Дадіанъ самъ того просилъ, обѣщаясь съ своей стороны находившійся тамъ гарнизонъ имеретинскій снабжать съѣстными и прочими припасами на свой счетъ.

„Царь, пишетъ Литвиновъ, (2) напротивъ того требовалъ, чтобы я дозволилъ снабдить крѣпость на нѣсколько мѣсяцовъ провіантомъ; что онъ полагаетъ за стыдъ, чтобы его люди получали содержаніе отъ Дадіана.—Дадіанъ, упорствуя противу сего снабженія, объяснилъ мнѣ, что явный ввозъ провіанта заставитъ народъ толковать въ худую для него сторону, да онъ не увѣренъ, чтобы народъ пропустилъ провіантъ безъ сопротивленія, а предложилъ мнѣ ввести его тайно, что и было учинено въ присутствіи отправленнаго отъ меня казака“.

Узнавъ объ этомъ, кн. Циціановъ писалъ Соломону, что „будучи нелицемѣрнымъ моимъ къ вамъ усердіемъ, истиною

(1) Литвиновъ кн. Циціанову 30 сентября № 103.—Т. А. К. Н.
(2) Литвиновъ кн. Циціанову 12 октября 1804 г. № 107.—Ibid.

пріязнею, немогу при семъ случаѣ не сказать, со всею откровенностію, что ваше высочество имѣете у себя многихъ скрытныхъ непріятелей, старающихся разсѣять слухи, яко бы вы колебаетесь въ приверженности вашей къ Россіи. Открыть теперь имена ихъ передъ вашимъ высочествомъ запрещаютъ мнѣ правила чести, а молчать могутъ ихъ заставить одни ваши дѣянія къ пользамъ и выгодамъ Россіи, я же душевно желая вамъ добра надѣюсь въ скоромъ времени, пресѣчь всѣ сіи непріятные слухи, обнявъ лично ваше высочество въ Кутаисѣ“ (1).

Не смотря на это имеретинскій царь все еще неуспокоивался. Дадіанъ сообщилъ Литвинову, что Соломонъ уговаривалъ его соединиться съ нимъ противу Русскихъ, и что за это обѣщается возвратить ему всѣ взятые въ Лечгумѣ крѣпости. Для большаго доказательства своего расположенія и дружбы онъ обѣщалъ дать Дадіану аманатовъ, и просилъ что бы тотъ взялъ на себя уговорить Литвинова возвратиться въ Кутаисъ, изъ Сужуна, гдѣ онъ находился, или чтобы ъ переѣхалъ по крайней мѣрѣ Цхени-цкахп. Для окончательнаго условія Соломонъ обѣщалъ прислать къ Дадіану Сехнію Целухидзева и Джафаридзева. Чтобы пріѣздъ этихъ князей не подалъ повода къ сомнѣнію, то онъ далъ имъ порученіе къ Литвинову возобновить просьбу о Дехвири, и требовать: или вывести гарнизонъ или снабдить крѣпость провіантомъ.

Посольство это нашло Литвинова въ дорогѣ, на возвратномъ пути изъ Лечгума къ морю. Кн. Джафаридзевъ представлялъ Литвинову, что у царя отнимаютъ крѣпость и отдаютъ ее Дадіану. Онъ говорилъ, что Соломонъ будетъ жаловаться кн. Циціанову, и что онъ не съ тѣмъ вошелъ въ подданство Россіи чтобы лишиться крѣпостей лечгумскихъ. Литвиновъ отвѣчалъ на это, что крѣпостей у царя не отнимаютъ; что онъ представляетъ кн. Циціанову всѣ свои рѣшенія, не только письменныя но и словесныя, а что въ продовольствіи Дехвири онъ припимаетъ мѣры для спокойствія Лечгума.

Причину сему, говорилъ Литвиновъ, подали люди царя, которыя дѣлали вредныя разглашенія противу царя, и которыя не останутся безъ должнаго наказанія. Если же они то дѣлали по повелѣнію царя, тогда онъ самъ будетъ отвѣчать.

(1) Письмо кн. Циціанова царю Соломону 30 сентября № 393.—Т. А. Е. Н.

— Не ужели вы почитаете царя измѣнникомъ? спросилъ Джафаридзевъ Литвинова.

— Столь унизительное выраженіе нейдетъ къ особѣ царя, отвѣчалъ тотъ; но что онъ худо расположенъ къ русскимъ, сему имѣю письменныя доказательства, которыя въ свое время будутъ представлены кн. Циціанову. Я другаго рѣшенія сдѣлать немогу и объявляю его въ присутствіи Лечгумскаго кн. Геловани, дабы черезъ него сообщено было и Дадіану, чтобы гарнизону данъ былъ свободный проходъ, если царь пожелаетъ его вывести, и крѣпость оставить запертою не занимая оную Дадіановыми людьми. Если же гарнизонъ останется, то Дадіану снабжать оный всѣмъ нужнымъ; въ противномъ же случаѣ какъ Дадіанъ, такъ и моуравъ его Геловани, будутъ отвѣтствовать по законамъ, когда гарнизонъ будетъ терпѣть недостатки или голодъ.

— По всему видно, сказалъ Джафаридзевъ, что вы предались Дадіану, что унизили передъ нимъ царя. Такая обида можетъ заставить лишиться васъ и вашего государя.

„Ничего не отвѣчая на сіи угрозы, пишетъ Литвиновъ (1), велѣлъ ему идти вонъ и объявить мое рѣшеніе царю". Дальнѣйшія интриги и происки Соломона, заставили однако Литвинова удалиться изъ Кутаиса, чтобы царь Соломонъ, какъ говорится, не имѣя его въ своихъ рукахъ, ничего не могъ предпринять. Пребываніе свое онъ предполагалъ основать на зиму въ Сужунѣ, монастырѣ, принадлежащемъ архіерею Чконителю, извѣстному своею преданностію къ Россіи. Все это онъ располагалъ сдѣлать въ томъ случаѣ, если осенью войска не придутъ въ Мингрелію; съ приходомъ же ихъ всѣ осторожности онъ считалъ излишними.

Кн. Циціановъ не вполнѣ одобрялъ поведеніе Литвинова относительно царя Соломона и кн. Дадіана. „Сколько я не увѣренъ, писалъ онъ Литвинову (2), о невѣрности царя Соломона, но явное преимущество давать кн. Дадіану, доколѣ еще войска наши не прибыли, кажется не слѣдовало бы. Вѣрьте, что имеретинскій царь и глава Мингреліи одинаковой вѣрности, но послѣдній отъ слабости покорнѣе. Разглашеніе есть дѣло обыкновенное въ Азіи, но когда сила въ рукахъ, то онѣ походятъ на басни и остаются всег-

(1) Кн. Циціанову 12-го октября 1804 г. № 107. Т. А. К. Н.

(2) Шифрованное письмо кн. Циціанова Литвинову отъ 23-го октября 1804 г.

да безъ дѣйствія; опытъ меня нѣсколько разъ удостовѣрялъ. Сила и осторожность, однѣ оружія, коими здѣсь дѣйствовать можно и чѣмъ больше оказывать пренебреженія къ подобнымъ разглашеніямъ, такъ какъ и къ ихъ доносчикамъ, то тѣмъ покойнѣе остаться можно, ибо здѣсь не рѣдко по личной враждѣ марають другъ друга. Я очень опасаюсь, чтобъ оскорбленія не остановили депутатовъ, хотя, какъ кажется, по письмамъ ближніе Грузіи сосѣди позволеніемъ отправить ихъ очень довольны. Требованіе же имеретинскаго царя *вывода изъ курятника своихъ куръ* (1) кажется справедливо и позволить можно". Литвиновъ также не препятствовалъ желанію Соломона „вывести куръ изъ курятника" и даже далъ билетъ для свободнаго ихъ прохода. Но царь желалъ вовсе не того. Подстрѣкаемый самыми злѣйшими намъ врагами Сехніемъ Цилукидзе, кн. Леонидзе и Ростомомъ Нижерадзе, вселявшихъ въ него мысли о намѣреніяхъ нашего правительства на его особу, подобныхъ тому, какъ поступили съ грузинскими царевичами, Соломонъ желалъ, подъ видомъ покорности, получить позволеніе снабдить крѣпость свою провіантомъ на долгое время. Онъ думалъ, что лечгумскій народъ, по этому дозволенію, заключитъ объ уваженіи ему оказываемомъ русскими, и потому отклонясь отъ Дадіана будетъ искать его подданства. Очень естественно, что дозволеніе кн. Циціанова вывести гарнизонъ еще болѣе утвердило Соломона въ недоброжелательствѣ къ Россіи.

Въ это время, по извѣстіямъ изъ Петербурга, и по увѣдомленію адмирала де-Траверсе, бѣлевскій полкъ долженъ былъ сѣсть на суда и отправиться въ Имеретію и Мингрелію. Князь Циціановъ предполагая по одному баталіону его помѣстить: въ Одишѣ, Лечгумѣ и Кутаисѣ, просилъ Литвинова позаботиться о казармахъ для его помѣщенія. — Цѣль такого размѣщенія главнокомандующій объяснялъ тѣмъ, что „въ томъ народѣ вѣрность еще не утверждена; силѣ надо быть въ сердцѣ онаго или въ столицахъ, откуда добро и зло во всѣ концы владѣнія выходятъ". — Вытребовать однако же казармъ для помѣщенія полка Литвиновъ немогъ ни у Царя Соломона, ни у Дадіана бывшаго тогда еще въ

(1) Подразумѣвая подъ этимъ гарнизонъ имеретинскаго царя занимавшій крѣпости.

живыхъ.—Первый отговаривался „по недоброжелательству“, а второй по неимѣнію на то средствъ. — Самые войска по предположенію кн. Циціанова не могли быть размѣщены такъ, какъ онъ желалъ. Въ Лечгумѣ не было возможности помѣстить баталіонъ потому, что всѣ тяжести доставлялись туда только вьюками, слѣдовательно доставка провіанта была крайне затруднительна, и весьма дорога, по неимѣнію достаточнаго количества лошадей. Въ Одиши баталіонъ былъ нуженъ во избѣжаніе безпорядковъ, которыя могли произойти послѣ смерти Дадіана.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Дадіанъ скончался внезапно. Вотъ что писала по этому поводу супруга покойнаго.

„Желая вамъ благополучнаго пребыванія, писала она Литвинову, (1) просимъ увѣдомить о здоровьи вашемъ и если спросите объ нашихъ обстоятельствахъ, то увѣдомляю, что Богъ прогнѣвался на домъ нашъ, на насъ и на хозяина нашего Дадіана. Есть кто то врагъ Божій и измѣникъ Всемилостивѣйшаго Государя, который отравилъ его ядомъ и умертвилъ его; печенка и желудокъ его не могли выдержать, нѣкоторая часть оной рвалась изорту, а нѣкоторая часть слабила, о чемъ вы государь мой должны справиться, такъ какъ домъ нашъ, такъ и мы полагаемся на васъ, прося и умоляя освѣдомиться о покойникѣ и о живыхъ.—Дадіанъ при жизни своей пользовался вашею милостію, а у меня кромѣ васъ никого нѣтъ.—Еще прошу немедленно прибыть сюда съ лѣкаремъ для сего дѣла, и о всѣхъ посему обстоятельствахъ освѣдомиться.—Здѣсь же имѣетъ все быть распоряжено по приказанію вашему.“

Смерть Дадіана была совершенною загадкою для всѣхъ.—За недѣлю до своей смерти, онъ присылалъ къ Литвинову сказать, что здоровъ и пріѣдетъ къ нему въ Одиши.—Подозрѣніе падало на лечившаго его католическаго ксендза Николая, котораго онъ призывалъ къ себѣ вопреки совѣтовъ Литвинова.

„Пораженный нечаянною кончиною владѣтельнаго кн. Дадіана, писалъ кн. Циціановъ, (2) я готовъ дать нѣкото-

(1) Письмо супруги покойнаго кн. Дадіана Нины отъ 25 октяб. 1864 г. Арх. М. И. Д. 1—7, 1804, № 1.

(2) Кн. Циціановъ Литвинову 12 нояб. 1804 г. № 468.

рую сумму денегъ, для отысканія ясныхъ доказательствъ на виновника отравленія, сего Россіи преданнаго князя, буде общій слухъ вѣренъ. — Мнится безъ-ошибочно, что симъ по крайней мѣрѣ избавимся скрытаго врага Россіи, три четверти вѣка въ себѣ вмѣщающаго".

Между тѣмъ смерть эта подала поводъ къ волненіямъ въ Мингреліи.—Братья Дадіановы были въ этомъ случаѣ зачинщиками.— Въ особенности подозрительнымъ являлся Манучаръ, съ женою умершаго Дадіана Ниною Григорьевною, женщиною отважною, хитрою и самолюбивою. Жена Дадіана хотѣла сама управлять княжествомъ и можно было предвидѣть, что они не останутся покойными зрителями этой перемѣны, а употребятъ всѣ усилія къ возмущенію князей и народа тѣмъ болѣе, что Манучаръ былъ нерасположенъ къ Россіи.

„Недоброжелательство его тѣмъ болѣе примѣтно, пишетъ Литвиновъ,(1) что онъ до сихъ поръ не хотѣлъ со мною видѣться и изъявить малѣйшую наклонность повиноваться волѣ Государя". — „Смерть Дадіана, писалъ онъ въ другомъ донесеніи, (2) привела всѣ умы въ сильное волненіе; бунтъ возбуждаемый царемъ (Соломономъ) и братьями Дадіана Манучаромъ и Даріеломъ неизбѣженъ, если хотя нѣкоторая часть войскъ не покажется въ Одиши. Я уже отнесся къ шефу полка, прося его въ самой скорости дать повелѣніе баталіону вышедшему на чистую дорогу придти соединиться съ моею командою."

Необходимо было скорѣе прекратить всѣ эти безпорядки. По этому князь Циціановъ приказалъ генералъ-маіору Рыкгофу, давать по требованію Литвинова войска изъ его полка. „Что бунтъ неизбѣженъ я весьма сожалѣю, писалъ главноуправляющій (3), тѣмъ паче, что при самомъ началѣ долженъ употребить мѣры строгости противу всѣхъ правилъ Госуд. Импер. и которыя не привяжутъ къ намъ ихъ благородное сословіе".

Прямымъ наслѣдникомъ Дадіана былъ сынъ его Леванъ тогда еще несовершеннолѣтній. Десятилѣтній Леванъ, находился заложникомъ, за какой-то долгъ отца у Келишъ-Бека, владѣльца Абхазскаго. Литвиновъ писалъ Ке-

(1) Кн. Циціанову отъ 25 октября 1804 г. Т. А. К. Н.
(2) Отъ 2 ноября изъ Сужана № 118.
(3) Кн. Циціановъ Литвинову 14 ноября № 476.

лишъ-Беку о возвращеніи наслѣдника Мингреліи, но Келишъ-Бекъ на письма отвѣчалъ словесно, а Левана все таки не возвращалъ.

Полагали необходимымъ составить въ Мингреліи временное правленіе и опеку изъ первыхъ князей страны. „Ненужно ли въ тотъ совѣтъ правленія, писалъ кн. Циціановъ, посадить мать наслѣдника и супругу покойнаго, буде не найдете въ противорѣчіи то, что она, по общему слуху, великая интриганка, какъ и мать покойнаго, кои могутъ остаться при своихъ царицыныхъ имѣніяхъ съ пенсіонами, кои надѣюсь Госуд. Импер. изволитъ имъ назначить“ (1).

Кн. Циціановъ просилъ согласія Имп. Александра, на утвержденіе Левана законнымъ владѣльцемъ съ тѣмъ, чтобы мать его, супругу покойнаго Дадіана, назвать попечительницею сына и правительницею княжества Мингрельскаго, до 20-ти лѣтняго возраста Левана, придавъ ей въ помощь одного изъ братьевъ покойнаго Григорія Дадіана и 4-хъ знатнѣйшихъ князей по выбору главноуправляющаго.

„Сей совѣтъ, писалъ кн. Циціановъ, имѣетъ разбирать всѣ малые ссоры, и небольшую важность заключающіе въ себѣ дѣла, но смертоубійцъ и плѣннопродавцевъ отсылать къ Россійскому военному суду, въ находящійся тамъ полкъ, давъ названіе временнаго управленія сему совѣту, до учрежденія новыхъ законовъ и постановленій и позволя особамъ составляющимъ управленіе, судить на мѣстѣ въ самыхъ провинціяхъ, гдѣ преступленіе или ссора сдѣлана, ибо по обычаямъ ихъ, весьма бы затруднительно было свести ихъ въ одно мѣсто и заставить для судопроизводства жить безсмѣнно, что почли бы они тягчайшимъ бременемъ привыкши жить въ своихъ деревняхъ на счетъ подданныхъ. Наконецъ необходимѣйшимъ признаю я, снабдить младаго сего князя наставникомъ, который бы занявшись воспитаніемъ его, далъ бы ему понятіе о вещахъ противное тому каковое имѣли его предки и имѣютъ его родственники, ко вреду рода человѣческаго, упражняясь плѣнно-продавствомъ. Направивъ же его нравственность къ добру, можно бы тѣмъ устроить и благоденствіе народа ему подвластнаго“. (2)

Въ тоже время Литвиновъ издалъ прокламацію и ото-

(1) Кн. Циціановъ Литвинову 12 ноября № 468.
(2) Кн. Циціановъ Г. И. 13 декабря 1804 г. Арх. М. И. Д. 1—7, 1804—№ 1.

бралъ подписки у князей Мингрелiи о повиновеніи Левану. Эта мѣра нѣсколько устранила претендентовъ на наслѣдство и начинавшіеся безпорядки. По этому то въ Одиши и нуженъ былъ одинъ баталіонъ нашихъ войскъ; изъ коего одна рота могла помѣститься въ редутѣ, въ которомъ можно было заготовить для нее и полугодовой провіантъ. Остальныя два баталіона, по мнѣнію Литвинова, должны были быть направленными въ Имеретію и помѣщены въ самомъ Кутаисѣ и его окрестностяхъ. „Какъ только, писалъ Литвиновъ, около Имеретинскаго царя будетъ сила его устрашающая, то онъ, такъ какъ и ваше сіятельство справедливо полагаете, будетъ во всемъ покоренъ.—Закупка провіанта должна производиться въ Кутаисѣ, а въ Одиши съ большою нуждою можно только имѣть гоми и кукурузу. Въ Лечгумѣ же нѣтъ средства содержать болѣе ста человѣкъ въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ.„

Прибытіе нашихъ войскъ въ Имеретію и Мингрелію было какъ нельзя болѣе кстати. Когда Соломонъ получилъ согласіе главнокомандующаго на то, чтобы вывести гарнизонъ его изъ Дехвири, былъ такъ встрѣвоженъ, что сначала самъ хотѣлъ оставить Кутаисъ и уйти въ Лечгумъ.—Раздумавъ потомъ, онъ на другой день послалъ туда свои войска, которыя однакоже были остановлены княземъ Геловани.—Тогда имеретинскій царь обратилъ всѣ свои замыслы на Одишійскихъ князей, которыхъ, стараясь возмутить, увѣрилъ, что Литвиновъ имѣетъ порученіе, по примѣру грузинскихъ царевичей, всѣхъ ихъ схватя отправить на корабляхъ въ Сибирь. –Введя батальонъ въ Одиши Литвиновъ едва могъ успокоить однихъ, и устрашить другихъ, желавшихъ безпорядковъ. Потерявъ надежду, ожидаемую отъ возмущеній, Соломонъ избралъ другой родъ дѣйствій.– Онъ подослалъ къ Литвинову кн. Леонидзе съ предложеніемъ, что если онъ будетъ стараться доставить ему Лечгумъ, то онъ дастъ ему за то 7.000 руб.

„Вашему сіятельству извѣстна хитрость сего человѣка, писалъ Литвиновъ, (1) то можете чувствовать сколь было трудно не привыкшему лгать и обманывать сего льстеца, которому подалъ всю надежду, что на предложеніе царя просилъ напередъ выполнить мои требованія, дабы я черезъ то могъ его помирить съ вашимъ сіятельствомъ тогда бы

(1) Литвиновъ къ кн. Циціанову 10 ноября 1804 г. Т. А. К. Н.

его высочество ожидалъ бы покойно опредѣленія вашего, которое будетъ согласно съ моимъ представленіемъ.

Требованія Литвинова заключались въ томъ, чтобы Соломонъ вывелъ немедленно войска свои изъ Лечгума; чтобы далъ пособіе лодкамъ, для перевозки людей и провіанта; чтобы Манучара и Даріела, братьевъ Дадіановыхъ, склонилъ повиноваться воли Государя; чтобы назначилъ и приготовилъ къ отправленію въ С.-Петербургъ депутатовъ и наконецъ чтобы заготовилъ лѣсъ, для построенія казармъ нашимъ войскамъ.

Когда всѣ эти требованія будутъ выполнены, тогда Литвиновъ обѣщалъ похлопотать о пользѣ имеретинскаго царя и начать съ того, чтобы уговорить кн. Циціанова на утвержденіе правъ его на Лечгумъ.

ГЛАВА XVI.

Предположенія правительства о пріобрѣтеніи пристани Поти.—Важность для насъ подобнаго пріобрѣтенія.—Предполагаемыя средства къ достиженію этой цѣли.—Затрудненія, встрѣчаемыя въ продовольствіи войскъ находящихся въ Имеретіи и Мингреліи.—Доставка провіанта изъ Крыму.—Неудобство этой доставки.—Крушеніе корабля „Тольской Богородицы" и гибель привезеннаго ею провіанта.

Присоединеніе Мингреліи и Имеретіи къ Россіи сдѣлало необходимостію пріобрѣтеніе какъ пристани Поти, лежащей при устьѣ рѣки Ріона, такъ и другихъ, каковыми были, напримѣръ: Батумъ въ Гуріи, и Анаклія, искони принадлежавшая мингрельскому владѣльцу. Безъ пріобрѣтенія этихъ пристаней невозможно было, въ ново-пріобрѣтенныхъ земляхъ ни расширеніе торговли, ни пользованіе богатствами природы Имеретіи и Мингреліи. Оставленіе этихъ пристаней въ чужихъ рукахъ вредно было уже и потому, что въ нихъ сосредоточивалась, главнѣйшимъ образомъ, торговля плѣнными христіанами, торговля опустошавшая край и населявшая тѣмъ Египетъ. Извѣстно, напримѣръ, что всѣ мамелюки были изъ Грузинъ.

Этотъ промыселъ впослѣдствіи побудилъ кн. Цаціанова, для прекращеніе его, послать обвѣщеніе въ Имеретіи и Мингреліи, которымъ онъ обѣщалъ: пойманыхъ въ занятіяхъ этаго рода торговлею, ссылать въ Сибирь въ каторжную работу (1). Царь Соломонъ, черезъ князя Леонидзе и Церетели, объявилъ Литвинову о томъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе о необходимости такой мѣры.

Пріобрѣтеніе Поти встрѣтило однакоже большое затрудненіе со стороны Порты. Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Италинскій, сообщилъ министерству, что Турція не согласится на подобную уступку. Порта, ревностно сохраняющая свои азіятскія владѣнія, по народнымъ и духов-

(1) Отношеніе кн. Цаціанова Литвинову 12 ноября 1804 г. № 475.

нымъ преданіямъ и предубѣжденіямъ, и въ тоже время подстрекаемая другими европейскими дворами, зорко слѣдившими за нашими пріобрѣтеніями въ тѣхъ краяхъ, могла ли она добровольно уступить что либо изъ своихъ владѣній? Нарушать же существовавшій между ею и нами союзъ, не позволяли тогда политическія обстоятельства. Петербургскій кабинетъ полагалъ уже большою уступкою со стороны Порты и то, что она равнодушно смотрѣла на выгрузку нашихъ транспортовъ въ потійской пристани (1), которая конечно была, безусловнно, для насъ важнѣе всѣхъ.

Безъ этой пристани не было возможности безпрепятственно продовольствовать изъ Тавріи войска наши, предназначавшіеся для занятія Мингреліи. Кромѣ того богатство страны дѣлалось также для насъ безполезнымъ. Напротивъ, присоединяя Поти къ Мингрельскимъ владѣніямъ, къ коимъ она принадлежала вдревности, мы, ея присоединеніемъ, связывали торговлю этого пункта съ Крымомъ, а слѣдовательно съ этимъ соединялось и обогащеніе тамошняго народонаселенія.

Пріобрѣтеніе Поти для насъ было важнѣе чѣмъ пріобрѣтеніе всей Мингреліи. „При занятіи Мингреліи, писалъ князь Циціановъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній (2), я нахожу пристань Поти столь нужною, что почитаю выгоднѣйшимъ для Россіи пріобрѣтеніе сего одного пункта, нежели всей Мингреліи, коей зависимость опредѣлится зависимостію Поти.“

„Относительно сей пристани Поти, писалъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ къ князу Циціанову (3), не получили вы положительнаго разрѣшенія, по причинѣ ожиданія успѣховъ въ негоціаціи посланника нашего г. Италинскаго, для убѣжденія турецкаго министерства, принять равнодушно присоединеніе оной къ областямъ россійскимъ; нынѣ же, какъ изъ прилагаемой при семъ выписки изъ депеши къ г. Италинскому усмотрите, признано нужнымъ не начинать, таковой предварительной негоціаціи, ибо Порта можетъ болѣе затрудненія сдѣлать, видя наше искательство въ ней, нежели тогда, когда желаніе наше, подкрѣпляемое

(1) Кн. Чарторыйскій кн. Циціанову 15 ноября Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—12, № 7.
(2) Рапортъ Г. И. отъ 27 іюня 1804 г.
(3) Отъ 20 марта 1804 г. Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—12, № 7.

правомъ даемымъ намъ канайрджійскимъ трактатомъ, совершится. Мы тѣмъ менѣе ожидаемъ, въ послѣдствіи, дальнихъ негодованій ея, что власть султана надъ сею крѣпостью есть мнимая и, что даже самый паша, по отдаленности оной, отъ мѣста его пребыванія, не имѣетъ ни малѣйшаго о гарнизонѣ и жителяхъ, ни понятія, ни попеченія и доходовъ никакихъ не получаетъ, а болѣе пользуется оными командующій въ крѣпости гарнизономъ, который также, не Портою туда посылается, а набранъ изъ бродягъ и составляетъ, въ прямомъ видѣ, скопищѣ разбойниковъ, раззоряющее грабежами всѣ окружныя мѣста, давая при томъ пристанище у себя и другимъ скитающимся партіямъ хищниковъ.“

На сколько необходимо было занятіе крѣпости Поти, на столько же наше правительство не хотѣло навлечъ на себя не удовольствія Порты Оттоманской, насильственнымъ ея занятіемъ нашими войсками. Политическая система дѣйствій петербурскаго кабинета, относительно турецкаго министерства, была совершенно не согласна съ какимъ бы то нибыло насильственнымъ поступкомъ. Императоръ Александръ по этому предоставлялъ князу Циціанову приложить стараніе „къ изысканію для пріобрѣтенія Поти такого средства, которое бы, не подавая повода Портѣ къ явному негодованію на насъ, могло бы утвердить за нами мѣсто сіе“.

Предположенія эти казались петербургскому кабинету тѣмъ болѣе легкими, что Порта какъ кажется не считала Поти въ своей зависимости потому, что ближайшій къ ней, ахалцихскій паша, сообщая князю Циціанову о новой милости къ нему султана, прибавленіемъ ему начальства надъ морскими пристанями, въ числѣ ихъ Поти не назвалъ.

При этомъ таварищъ министра иностраннымъ дѣлъ сообщалъ, что Императоръ, имѣя въ виду не подовать миролюбивымъ и слабымъ сосѣдямъ своимъ причины къ разрыву и потери къ намъ довѣрія, находитъ для исполненія этаго плана такого рода средство:

Въ Крыму въ то время занимались отправленіемъ провіанта въ Поти, съ тѣмъ, чтобы оттуда препроводить его по рѣкѣ Ріону въ Мингрелію. Полагали возможнымъ послать въ Поти офицера съ командою нижнихъ чиновъ, числомъ до 50 человѣкъ, который по прибытіи въ Поти и сдѣлавъ по азіятскому обычаю подарокъ коменданту, „обла-

скаетъ таковымъ же гарнизонъ и привлечетъ къ себѣ любовь жителей, хорошимъ своимъ и команды его обхожденіемъ.“ Тогда онъ долженъ былъ объявить турецкому начальнику, что присланъ для пріема и препровожденія въ Мингрелію провіанта, долженствующаго прибыть изъ Крыма. Потомъ, по отправленіи провіанта, онъ долженъ былъ остаться въ Поти подъ предлогомъ ожиданія изъ Мингреліи разныхъ вещей, для отправки въ Крымъ, а потомъ опять пріемка провіанта изъ Крыму и. т. д.

Министерство полагало, что мало по малу Турки привыкнутъ видѣть его и команду какъ бы водворенными посреди ихъ; словомъ сказать онѣ будутъ смотрѣть на него какъ на комиссара нашего, для безостановочнаго и безопаснаго отправленія различныхъ вещей и тяжестей въ Мингрелію и и Имеретію и обратно оттуда въ Крымъ.

Отрядъ 50-ти человѣкъ, вооруженныхъ и снабженныхъ достаточнымъ числомъ пороха и пуль, обезпечивалъ насъ совершенно со стороны турецкаго гарнизона, по числу своему не превышающаго численности нашей команды. „Такимъ образомъ оградится отъ всякихъ покушеній безпрепятственное сношеніе Крыма съ новопріобрѣтенными краями, и мы достигши настоящей цѣли своей, не трогая турецкій гарнизонъ, отъемлемъ у Порты право роптать на насъ, и между тѣмъ сдѣлавши сей первый шагъ и увидя каково онъ будетъ принятъ Портою, мы можемъ непримѣтно укрѣпляться, отъ времени до времени, болѣе въ Поти и сообразуясь съ обстоятельствами сдѣлаться единственными оной хозяевами“.

Другое средство къ занятію крѣпости представлялось возможнымъ черезъ посредство Дадіана. Владѣтель Мингреліи долженъ былъ употребить въ ходъ извѣстное корыстолюбіе азіятцевъ. Онъ долженъ былъ подкупить турецкаго начальника въ Поти и самый гарнизонъ съ тѣмъ, чтобы они оттуда разошлись подъ видомъ какихъ либо междоусобныхъ несогласій или неудовольствій на начальство. Тогда съ отрядомъ Мингрельцевъ, будто преслѣдующихъ партію хищниковъ, Дадіанъ, найдя эту крѣпость безъ гарнизона, долженъ былъ занять ее своимъ войскомъ и сообщить нашѣ, коему она была подвѣдомственна, что желая оградить предѣлы Мингреліи отъ безпрерывныхъ набѣговъ хищническихъ партій, въ необходимости нашелся занять означен-

ную крѣпость, „которая была брошена турецкимъ гарнизономъ, и что на сіе рѣшился еще болѣе потому, что оная есть собственность Мингреліи, которую по кайнарджійскому трактату, между Россіею и Портою, давно должно было возвратить“.

Исполнивъ все это Дадіанъ далъ бы намъ весьма легкій способъ, вмѣстѣ съ занятіемъ Мингреліи нашими войсками, занять и крѣпость Поти. Она перешла бы къ намъ тогда изъ третьихъ рукъ.

Въ случаѣ несогласія Дадіана, на подобныя дѣйствія, петербургскій кабинетъ полагалъ возложить тоже самое на кн. Циціанова. Поступивъ точно также какъ и Дадіанъ, главнокомандующій долженъ былъ, по занятіи крѣпости, „обласкавъ жителей увѣрить ихъ, что изъ милосердія къ нимъ, какъ остающимся безъ защиты, нужнымъ счелъ занять Поти“. Онъ долженъ былъ на столько обласкать жителей, чтобы они просили его объ охраненіи ихъ отъ набѣговъ. Просьба эта, какъ опора должна была служить основаніемъ въ переговорахъ съ Портою Оттоманскою, о причинахъ занятія Поти нашими войсками.

Трудно было однакоже предположить, чтобы какимъ нибудь средствомъ, кромѣ силы, возможно было занять эту крѣпость. Получая большой доходъ отъ пристани, турецкій начальникъ не могъ согласиться уступить Поти за какой нибудь подарокъ, и тѣмъ добровольно лишиться ежегоднаго своего дохода.

Мы видѣли, что главнокомандующій нашелъ необходимымъ имѣть въ Имеретіи и Мингреліи чиновника, который былъ бы посредникомъ между этими двумя владѣтелями, въ ихъ распряхъ между собою. Этимъ отправленіемъ онъ и думалъ воспользоваться, для приведенія въ исполненіе предположеній о занятіи Поти. Предполагая отправить изъ Тавриды Чернымъ моремъ войска въ Имеретію и Мингрелію, князь Циціановъ назначилъ генералъ-маіора Тучкова къ отправленію въ Имерстію. Придавъ ему въ свиту одного маіора, двухъ офицеровъ, двухъ унтеръ-офицеровъ, пятьдесятъ гренадеръ и пять казаковъ (1), для курьерскихъ посылокъ,

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 29 мая 1804 г. Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—12, № 7. Впослѣдствіи было лотправено еще 30 человѣкъ на усиленіе первыхъ. См. рапортъ кн. Циціанова 29 іюня.

снабдивъ его инструкціею, онъ вручилъ ему письмо къ начальнику Поти, которому главнокомандующій посылалъ въ подарокъ одинъ богато-убранный кинжалъ.

Болѣзнь Тучкова заставила князя Циціанова отправить туда Литвинова, вмѣстѣ съ которымъ отправлены были маіоръ Исаковъ съ однимъ офицеромъ и пятидесятью гренадерами. Литвиновъ получилъ отъ Циціанова полномочіе обѣщать начальнику Поти отъ 5—8 т. руб. за то, чтобы онъ подъ видомъ погони за непріятелемъ вышелъ съ гарнизономъ, оставивъ крѣпость Поти на недѣлю, и тогда приказалъ занять ее нашими 50-ю гренадерами усиливъ ихъ мингрельскими войсками, которыхъ потребовать отъ Дадіана.

Между тѣмъ изъ черноморскихъ нашихъ портовъ долженъ былъ быть отправленъ въ Поти провіантъ для продовольствія отряда долженствовавшаго вступить въ Мингрелію. Для большаго укрѣпленія нашего въ этомъ пунктѣ, Императоръ Александръ приказалъ отправить изъ тѣхъ же портовъ въ Поти одинъ морской баталіонъ, но только тогда, когда получено будетъ требованіе отъ князя Циціанова. Тогда же вмѣстѣ съ баталіономъ предназначался къ отправленію и провіантъ (1).

Транспорты съ провіантомъ были однакоже отправлены прежде полка, и подходивъ къ пристани Поти, были встрѣчены воспрещеніемъ турецкаго начальника, не только сгружаться, но и сойти кому либо на берегъ. Онъ не дозволялъ даже запастись водою, объявляя, что безъ фирмана Порты дозволить самъ того не можетъ. Тогдашніе политическія обстоятельства, какъ мы видѣли, дѣлали необходимымъ сохраненія дружественныхъ сношеній нашихъ съ Портою. Они заставляли избѣгать всего того, что бы могло подать поводъ къ негодованію на насъ, а потому наше правительство заботясь о томъ, чтобы Порта не возбудила бдительности своей, относительно нашихъ движеній и дѣйствій, полагало самымъ лучшимъ дѣйствовать прямо на потійскаго начальника. Необходимо было лично склонить его принять равнодушно прибытіе полка, и дозволить сгружать безпрепятственно всѣ привозимые нами припасы. Переговоры объ этомъ задержали отправленіе морскаго полка въ Поти. Между тѣмъ удалось выхлопотать дозволеніе приста-

(1) Кн. Чарторыйскій кн. Циціанову 29 мая Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—12, № 7.

вать тамъ нашимъ транспортамъ. Дозволеніе это не могло однакоже удовлетворить нашимъ желаніямъ. Нельзя было подчинять продовольствіе войскъ, въ Мингреліи и Имеретіи, зависимости и личному произволу начальника Поти, который изъ каприза могъ бы оставить наши войска безъ продовольствія, запрещеніемъ выгружать провіантъ у Поти. Притомъ самъ онъ былъ болѣе похожъ на атамана разбойниковъ, нежели на начальника, утвержденнаго отъ Порты. Его никто не слушался и ближайшіе его подчиненные поступали противно его обѣщаніямъ.

По этому необходимо было отыскать другое мѣсто хотя бы и менѣе удобное, но болѣе обезпеченное. Наше правительство обращало свои взоры на берега Мингреліи. „Большія, но не непреодолимыя трудности, писалъ кн. Чарторыйскій (1), которыя для сего предстоять бы могли, предпочтительны самомалѣйшему поводу, который со справедливостію порту могъ бы огорчить, а для сего если, къ особенному удовольствію Г. И., найдете такое мѣсто, куда бы возможно было привести на судахъ и высадить полкъ и артиллерію, не оставьте извѣстить о томъ адмирала маркиза де-Траверсе. И наконецъ прошу васъ увѣдомить меня, есть ли возможность на устьѣ рѣки Ріона, со стороны мингрельской, которая содѣлалась нашею, построить укрѣпленіе, прикрывать долженствующее входящіе въ оное устьѣ суда наши и могущее содѣлать пріобрѣтеніе Поти не такъ необходимымъ“.

Послѣ долгихъ изысканій устье рѣки Хони было избрано пристанью. Въ октябрѣ 1804 г. пришли уже туда изъ Севастополя два корабля „Михаилъ“ и „Исидоръ“ съ бѣлевскимъ полкомъ, отправленнымъ на усиленіе войскъ, находящихся въ Грузіи; двѣ мушкатерскія же роты, посаженныя на третій корабль „Толькой Богородицы“ не прибыли. Корабль этотъ отсталъ отъ двухъ первыхъ, на третій день по выходѣ изъ порта въ море. Отсюда дальнѣйшее движеніе войскъ и транспорта было сопряжено однакоже съ большими затрудненіями отъ потійскаго аги. Подстрекаемый многими недоброжелателями Россіи, потійскій ага, еще съ большимъ упорствомъ чѣмъ прежде, не соглашался пропустить суда наши по Ріону мимо Поти, къ правому берегу

(1) Кн. Циціанову отъ 8 іюля 1804 г. Арх. М. Инос. Дѣлъ

рѣки, для высадки полка въ Мингреліи. Подстрѣканія царя Соломона и ахалцыхскаго паши, врожденная азіятцамъ недовѣрчивость и наконецъ боязнь потерять Поти, заставляли его такъ дѣйствовать. Когда Литвиновъ сообщилъ ему, что для дальнѣйшей перевозки провіанта, онъ повезетъ его по Ріону, а войска пойдутъ сухимъ путемъ, то Ага отвѣтилъ, что онъ дороги не дастъ. Литвиновъ опирался на то, что возлѣ мингрельскихъ береговъ Русскимъ проходъ столько же свободенъ, сколько Туркамъ возлѣ своихъ. Потійскій же Ага увѣрялъ, что у Дадіана земли вовсе нѣтъ, а самъ Дадіанъ и царь Соломонъ, со своими землями и водами, принадлежатъ турецкому султану и что онъ безъ кровопролитія не допуститъ идти войскамъ мимо Поти.

Все это заставило Литвинова послать къ Агѣ нарочнаго изъ тамошнихъ моураввовъ, чтобы растолковать ему, что войска мимо Поти вовсе не пойдутъ, а повезется только одна мука. Литвиновъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Агу, чтобы онъ объявилъ: на чемъ основаны права султана на мингрельскія владѣнія?

„Со всѣмъ тѣмъ могу васъ удостовѣрить, доносилъ Литвиновъ (1), что хотя дороги по Ріону и не дадутъ, то войска не замедлю вывести къ берегу Ріона, и весь провіантъ перевозить сухимъ путемъ на людяхъ, потому что нѣтъ возможности имѣть ни быковъ, ни лошадей, да и дорога для арбъ неудобна. Шефъ полка и главная его квартира будутъ въ половинѣ или концѣ будущаго мѣсяца въ Кутаисѣ. Прочія же роты расположатся въ селеніяхъ по берегу Ріона, ибо подвозъ провіанта во внутрь земли, отъ главнаго ихъ магазина, не только неудобенъ, но и невозможенъ“.

Обозрѣвая прибрежныя мѣста Мингреліи, съ цѣлію отъискать удобное мѣсто, гдѣ бы можно было приставать судамъ нашимъ, не касаясь Поти, Литвиновъ пришелъ къ предположенію соединить каналомъ рѣку Ріонъ съ рѣчкою Циви, впадающею въ Хопи, при устьѣ которой производилась выгрузка. Для снятія береговъ и положенія рѣчныхъ водъ, былъ командированъ офицеръ. Во всякомъ случаѣ работа эта могла состояться только при содѣйствіи войскъ, такъ какъ на жителей нельзя было расчитывать. Прорытіе канала этого избавляло насъ отъ прохода мимо Поти.

(1) Литвиновъ кн. Циціанову 16-го октября 1804 г. № 104.

По этому князь Цицiановъ и рѣшилъ тотчасъ же приступить къ исполненію этого предположенія какъ только окажется, по изслѣдованію мѣста, то удобнымъ (1). Въ тоже время онъ приказалъ, тому же осматривавшему мѣстоположеніе инженеръ-поручику Лашкареву, осмотрѣть удобство возведенія укрѣпленія при устьѣ рѣки Хопи, и преимущественнѣе на лѣвомъ берегу оной (2).

Литвиновъ получилъ упономочіе требовать, для прорытія канала, нижнихъ чиновъ отъ бѣлевскаго полка, если только признано будетъ возможнымъ такое прорытіе.

Соединеніе Циви съ Ріономъ оказалось неудобнымъ; каналъ же соединяющій Ріонъ съ Хопи могъ обойтись слишкомъ дорого и по этому на первый случай князь Цицiановъ предлагалъ имѣть въ мѣстечкѣ Хорги, откуда предполагалось начать каналъ, подводы для дальнѣйшей перевозки провіанта (3).

Князь Цицiановъ поручилъ вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ-лейтенанту Каторино, сдѣлать промѣръ рѣки Хопи. Эта работа была весьма важна для насъ, потому что если предполагаемое черезъ рѣку Хопи сообщеніе съ Тавридою окажется возможнымъ, тогда не представлялось надобности ни въ Поти, ни въ другихъ пристаняхъ находившихся во владѣніи Турокъ; особенно если черезъ рѣку Хопи былъ бы подвозъ желѣза и соли, составляющихъ главный торгъ Турокъ съ Мингрельцами, то тогда князь Цицiановъ надѣялся, что владѣющій пристанью Поти турецкій Ага, потерявъ важнѣйшіе свои доходы, добровольно согласится на уступку оной (4).

Въ ожиданіи канала, бѣлевскій полкъ долженъ былъ заниматься перевозкою на себѣ провіанта отъ Хопи до Ріона. Хотя все это разстояніе не превышало восьми верстъ, но перевозка была крайне затруднительна. Дорога пересѣченная ручьями и двумя довольно глубокими рѣками, текущими въ непроходимомъ лѣсу, которыя во время дождей такъ возвышаются, что выходя изъ береговъ потопляютъ весь

(1) Кн. Цицiановъ кн. Чарторыйскому 29 октября Арх. Мин. Ин. дѣлъ. 1—13, 1803—12, № 7.

(2) Кн. Цицiановъ Литвинову 3 ноября 1804 г. № 467.

(3) Кн. Цицiановъ Литвинову 24 ноября 1804 г. № 477.

(4) Кн. Цицiановъ Г. И. 30 декабря 1804 г. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

лѣсъ, — все это представляло не малыя затрудненія. По первой дорогѣ, пишетъ Литвиновъ (1), проложенной нарочно отряженнымъ для сего баталіономъ, я самъ шелъ по поясъ въ водѣ; на мостахъ оставались только перекладины, покрытыя на полъ-аршина водою, по которымъ только ощупью идти можно было. По сей то дорогѣ надлежитъ переносить на людяхъ провіантъ".

Не смотря однако же на то войска достигли до Одиши. Здѣсь Литвинову удалось уговорить князей послать на помощь полку своихъ людей, что и было ими обѣщано (2)

Таково было вступленіе полка въ Мингрелію. Относительно его размѣщенія представлялись также не малыя затрудненія. Кутаисъ былъ похожъ не на городъ, а на село, въ которомъ царь до лѣта 1804 г. никогда не жилъ, а разъѣзжалъ постоянно по своимъ владѣніямъ. У Дадіана же ничего кромѣ деревень не было: „есть курятники принадлежащіе ему, князьямъ его дома и первѣйшимъ его владѣльцамъ, но всѣ они на непреступныхъ высотахъ, къ которымъ проходы весьма затруднительны, и покушеніе занять оные произведетъ недовѣрчивость и большое волненіе въ умахъ тѣхъ, которые теперь оказались усердными къ воли Государя. Я согласенъ съ тѣмъ, что сіи замки истребить или овладѣть — весьма нужно,—но для сего нужна уловка и время (3).

Казармъ для полка Литвиновъ вытребовать не могъ ни у царя Соломона ни у Дадіана. Первый уклонялся, а послѣдній дѣйствительно не имѣлъ. Въ Лечгумѣ баталіона помѣстить было не возможно, потому что провозъ всѣхъ тяжестей могъ производиться нейначе какъ вьюками, слѣдовательно доставка туда провіанта была весьма затруднительна и весьма дорога, по неимѣнію достаточнаго количества лошадей. Въ Одиши можно было помѣстить баталіонъ, тѣмъ болѣе, что онъ тамъ и былъ нуженъ по случаю безпорядковъ бывшихъ по смерти Дадіана. Поэтому и предполагалось большую часть войскъ поставить въ Имеретіи въ

(1) Кн. Циціанову 12 ноября № 118.

(2) Изъ числа лицъ обѣщавшихъ послать были: родные братья Дадіана: Григорій 100 челов.; архіерей Чконитель, обѣщалъ вспомоществовать арбами; двоюродный братъ Дадіана Николай 100 челов.; кн. Пхейзе 100 челов.; архіерей Цаишели 50, моуравъ хортинскій Маяни 50, моуравъ Чалодитскій обѣщалъ отправить лодки.

(3) Литвиновъ кн. Циціанову 12 ноября № 118.

самомъ Кутаисѣ и около него. Въ Кутаисѣ только представлялась возможность производить закупку провіанта, такъ какъ въ Лечгумѣ можно было содержать не больше ста человѣкъ, а въ Одиши можно было достать только соль и кукурузу (1).

„Видя въ Грузіи, писалъ Циціановъ (2), чрезъ два года моего пребыванія, въ какихъ дурныхъ землянкахъ квартируютъ солдаты, какъ мнѣ вообразить было, чтобъ Кутаисъ не былъ похожъ на село, такъ какъ вы меня извѣщаете, да и частныя съ царемъ переписки, въ продолженіи сего времени, доставили мнѣ, отъ посылаемыхъ къ нему, достаточныя свѣденія о образѣ ихъ жизни, слѣдовательно, когда я говорилъ о квартированіи войскъ въ столицахъ, то никогда не воображалъ найти въ Кутаисѣ, домовъ и казармъ похожихъ на европейскіе, а считалъ что буде возможно помѣстить ихъ въ сакляхъ такихъ, въ коихъ нерѣдко я теперь живу по мѣсяцу и по два, то сдѣлать землянки по необходимости. Занятіе же крѣпостей я охотно соглашаюсь отложить до удобнѣйшаго времени, лишь бы, при первомъ неудовольствіи князей или царя, они не послужили ко вреду русскимъ подобно тіулетинцамъ и здѣшнимъ осетинцамъ, гдѣ я не оставлялъ до сего дня ни одной башни не сломавши".

Продовольствіе же войскъ было крайне затруднительно. Отъ сильныхъ вѣтровъ корабли много терпѣли; гребныя суда разбивало даже въ самомъ устьѣ Ріона; корабли же должны были возвращаться въ Хопи, гдѣ и доканчивать выгрузку хлѣба. Выгрузка прямо на правомъ берегу Ріона признана была всѣми не только неудобною но и невозможною. Все это замедляло проходъ войскъ. Корабль „Тольская Богородица", на которомъ было 6-ть тысячъ кулей провіанта и двѣ роты, долго не приходилъ, какъ равно не приходилъ и бригъ „Александръ" съ артиллеріей.

На все это кн. Циціановъ отвѣчалъ Литвинову: „Я право не знаю зачѣмъ полку на кораблѣ сидѣть, когда онъ присланъ на землѣ жить; провіантъ до сихъ поръ долженъ быть уже выгруженъ, слѣдовательно и солдатамъ сидѣть не для чего; они могли бы въ устьѣ рѣки Хопи выгружаться; для хлѣбопеченія, сдѣлать печи и готовить себѣ сухари

(1) Литвиновъ кн. Циціанову 3 ноября № 114. Т. А. К. Н.
(2) Кн. Циціановъ Литвинову 22 ноября № 477. Ibid.

на всякій случай. Но могу ли я о семъ судить не имѣвши до сихъ поръ понятія о разстояніяхъ самонужнѣйшихъ, хотя бы по часамъ, какъ обычай есть у жителей, а именно: отъ устья рѣки Хопи до Одиши, отъ Одиши до Кутаиса и Лечгума; безъ сего познанія малаго, о землѣ я долженъ говорить самъ, какъ слѣпой о краскахъ" (1).

Царь Соломонъ узнавъ о томъ, что въ Кутаисъ назначенъ баталіонъ, прислалъ къ Литвинову Салтхуцеса и кн. Леонидзе, съ просьбою не помѣщать всего баталіона въ Кутаисѣ. Имеретинскій царь говорилъ, что онъ и царица такъ устрашены этимъ, что готовы оставить Кутаисъ скорѣе, чѣмъ ожидать вступленія баталіона. Они просили, чтобы въ Кутаисѣ помѣщена была одна рота, а прочіе войска въ 40-ка верстахъ отъ него, на берегу Ріона въ Санавардо, въ мѣстѣ весьма хорошемъ, имѣющемъ нѣкоторую торговлю съ Поти хлѣбомъ, гдѣ и обѣщалъ отвести для нихъ квартиры.

По этому войска были предварительно размѣщены такъ: одинъ баталіонъ съ двумя фалконетами въ м. Санавардо, другой въ Хундзе, на дорогѣ, ведущей въ Лечгумъ. Лазаретъ оставленъ при редутахъ у устья Хопи.

Продовольствіе войскъ отъ такого размѣщенія не улучшилось и было по прежнему затруднительно. Корабль „Тольская Богородица" все еще не приходилъ, по этому на провіантъ изъ Россіи разсчитывать было нечего, а необходимо было покупать его на мѣстѣ; отъ этого цѣны на все возвысились. Мука, стоившая прежде 18-ть паръ (коп.), дошла до 24-хъ паръ или копѣекъ за батмонъ (20-ть фунтовъ); въ Санавардо же батальону приходилось покупать по 30-ти паръ; волъ стоилъ отъ 8-ми до 14-ти руб., арбы отъ 1½ до 2-хъ руб. сер.; вьючныя лошади отъ 20-ти до 30-ти руб. серб. (2).

2-го декабря пришелъ корабль „Тольская Богородица" съ двумя ротами бѣлевскаго полка къ устью рѣки Хопи. Тотчасъ же приступлено было къ покупкѣ арбъ и воловъ, для перевозки провіанта къ устью рѣки Ріона, чтобы оттуда доставлять его лодками, вверхъ до того мѣста, гдѣ расположены войска.

(1) Кн. Циціановъ Литвинову 14-го ноября № 476.
(2) Литвиновъ кн. Циціанову 4-го декабря № 127.

Во время разгруженія, 8-го декабря, отъ усилившагося вѣтра корабль разбился. На немъ погибло 168 человѣкъ экипажа и весь провіантъ, за исключеніемъ 400 четв. муки, которую успѣли выгрузить.

Роты же бѣлевскаго полка, какъ бывшіе уже на берегу, остались невредимыми.

Донося о погибели корабля „Тольской Божіей Матери“ кн. Циціановъ прибавлялъ (1): „по мнѣнію моему, отъ ноября до апрѣля большимъ кораблямъ ходить къ берегамъ Мингреліи не слѣдуетъ. И какъ провіантскіе запасы, такъ и для торговъ суда, должны приходить лѣтомъ, и не останавливаясь у береговъ, а сгружая все, что имѣютъ, поспѣшнее возвращаться. Доказательствомъ же тому, что въ лѣтнѣе и удобное время даже и на малыхъ судахъ плавали по оному морю безопасно, служить можетъ то, что донскіе наши казаки ходятъ съ солью на лодкахъ не токмо до мингрельскихъ береговъ, но и до самаго Трапезонта“.

Между тѣмъ Соломонъ съ семействомъ оставилъ Кутаисъ и поселился въ деревнѣ Варцыхѣ, гдѣ по слухамъ занимался, черезъ ахалцыхскаго пашу, переговорами съ турецкимъ дворомъ. Онъ искалъ покровительство порты, обѣщая всѣ крѣпости бывшія на границѣ Имеретіи и во власти турокъ, возобновить на свой счетъ если они добьются того, что русскіе войска будутъ выведены изъ Имеретіи и Мингреліи.

„Царь, писалъ Литвиновъ, наконецъ по долгомъ его ожиданіи пріѣхалъ въ Кутаисъ, но все что могъ отъ него истребовать состоитъ въ томъ, что онъ соглашается на учрежденіе почтъ по назначенію вашего сіятельства; на обнародованіе наказанія за плѣнопродавство, и на обнародованіе отъ своего лица, чтобы всѣ кутаискіе жители свободно и безъ всякой боязни обязывались поставкою муки и крупъ для войскъ, чего прежде дѣлать не смѣли, отговариваясь запрещеніемъ царя.

„Касательно постоя войскъ, царь не можетъ рѣшиться ввести оныя въ Кутаисъ, отговариваясь разглашеніемъ, до свѣденія его дошедшимъ, будто дано повелѣніе Государя, схватя его отправить въ Россію; ничѣмъ увѣрить его не могъ, между прочимъ рѣшительно мнѣ объявилъ, что введя

(1) Рапортъ Г. И. 30-го декаяря 1804 г. № 25. Арх. В. Т. Д.

войска въ Кутаисъ, онъ не отвѣчаетъ за снабженіе ихъ провіантомъ и что они потерпятъ голодъ. Расположась же за день ходу отъ Кутаиса, онъ отвѣчаетъ за достаточное продовольствіе, гдѣ отведено будетъ достаточное количество домовъ, привезется глина и камни, для печей будутъ доставляться дрова. Невозможность имѣть свой провіантъ, заставляетъ уступить въ семъ случаѣ, до того времени, пока дорога или перевозка провіанта кончится, магазины учредятся, волы и арбы будутъ готовы (1)".

---

(1) Литвиновъ Кн. Циціанову 24 декабря 1804 г. Т. А. К. Н.

ГЛАВА XVII.

Движеніе къ Эривани.—Составъ войскъ.—Эчміадзинское сраженіе.—Занятіе предмѣстья и садовъ Эривани.—Обложеніе крѣпости.—Переговоры съ эриванскимъ ханомъ.—Отраженіе атаки персидскихъ войскъ.—Подданство хана хойскаго.—Недостатокъ провіанта.—Военный совѣтъ.—Снятіе блокады и возвращеніе отряда въ Бомбаки.

Одновременно съ принятіемъ въ подданство имеретинскаго царства, до князя Циціанова стали доходить слухи о сборѣ до 40 т. персидскихъ войскъ у Тавриса (1), куда изъ Тегерана прибылъ уже съ 6 т. человѣкъ сынъ Баба-Хана Абасъ-Мирза (2) для сбора тамъ по обыкновенію большаго числа войска. Здѣсь же находился и грузинскій царевичъ Александръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Россія вступила за предѣлы Кавказа, персидскій владѣтель Баба-Ханъ (впослѣдствіи царствующій Фетъ-Али-Шахъ), съ безпокойствомъ смотрѣлъ на это непріятное для него сосѣдство, противорѣчившее всѣмъ его видамъ. Съ прибытіемъ князя Циціанова, могущественное вліяніе Россіи надъ тамошними народами, сдѣлавшись опредѣленнымъ и рѣшительнымъ, замѣтно возрастало. Съ паденіемъ Ганжи, мусульманскіе ханы, находившіеся на востокѣ отъ Грузіи, одинъ за другимъ искали покровительства Россіи и ея подданства. Лежавшія на западѣ христіанскія владѣнія: Имеретія, Мингрелія и Гурія приняли уже подданство, и даже абхазскій владѣтель склонялся на сторону Россіи и искалъ ея покровительства.

Баба-Ханъ всѣми возможными средствами старался противодѣйствовать его новымъ и весьма непріятнымъ сосѣдямъ, каковыми были для него русскіе. Собственныя неудачи и успѣхи противниковъ были для него крайне непріятны. Къ увеличенію Баба-хановой непріязни къ Россіи много способствовали правители Эриванской и Нахичеванской областей: Магамадъ-ханъ и Кіалъ-Бали-ханъ, изъ ко-

(1) Кн. Циціановъ кн. Чарторыйскому 25-то апрѣля 1804 г. № 194, изъ села Вахани. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—13, 1803—12, № 7.

(2) Онъ же назывался и Шахъ-Задою, что вообще означаетъ принца или родственника Шаха.

ихъ каждый думалъ, посреди двухъ враждующихъ державъ, сдѣлаться независимымъ. Магомадъ-Ханъ, бывшій наставникомъ Баба-Хана, опредѣленъ превителемъ Эривани по ходатайству матери Баба-Хана. „Исполненный вѣроломства и неумѣстныхъ желаній, онъ, едва только принялъ подъ свое вѣденіе эриванское ханство, сталъ всѣми мѣрами добиваться предположенной цѣли“. Съ этою цѣлію онъ склонилъ къ тому же и нахичеванскаго хана, недовольнаго на царствующій въ Персіи домъ, изъ фамиліи Каджаровъ, за то, что, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ былъ лишенъ зрѣнія по приказанію Аги-Магомадъ-хана. Обстоятельства казалось благопріятствовали надеждамъ эриванскаго хана. Персидскій владѣтель былъ самъ еще непроченъ на иранскомъ престолѣ. Сомнительное и двусмысленное поведѣніе нѣкоторыхъ подвластныхъ ему хановъ и правителей отдѣльныхъ областей, заставляло Баба-Хана быть чуткимъ и не довѣрять ихъ покорности.

При такомъ то положеніи дѣлъ, ханы эриванскій и нахичеванскій, приведя свои крѣпости въ оборонительное положеніе, заперлись въ нихъ и выжидали удобнаго случая къ выполненію своихъ цѣлей.

Вмѣшательство эриванскаго хана въ духовныя дѣла Армянъ; возведеніе на патріаршій престолъ Давыда и захватъ вмѣстѣ съ нимъ сокровищъ эчміадзинскихъ, возстановили противу него Россію. Несогласіе же его на возведеніе на патріаршій престолъ Даніила, согласно желанія всего армянскаго народа, подкрѣпляемаго ходатайствомъ нашего правительства, заставили князя Циціанова дѣйствовать рѣшительно и наказать эриванскаго хана за его двусмысленную политику.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ 1804 году, князь Циціановъ сталъ приготовляться къ экспедиціи противу Эривани.

Край, подвѣдомственный Россіи за Кавказомъ, состоялъ собственно изъ Грузіи и только-что покореннаго Ганжинскаго ханства (переименованнаго въ Елисаветпольскій округъ). Небольшое пространство этихъ двухъ владѣній было окружено: къ сѣверу и сѣверовостоку Осетинами, Ингушами и прочими кавказскими народами и владѣніями хана Аварскаго; къ востоку лезгинскими вольными обществами

и владѣніями кубинскаго и шекинскаго хановъ; къ югу карабахское и эриванское ханство, а къ западу турецкія владѣнія и царство имеретинское. Изъ этого перечня ханствъ и народовъ видно, что Россія должна была быть всегда въ оборонительномъ положеніи отъ вторженій и хищничества. Хотя большая часть этихъ народовъ и изъявила покорность Россіи, и заключила съ нею нѣсколько союзныхъ договоровъ и условій, но мы видѣли, какъ сохранялись эти договоры и условія. Можно ли же было въ будущемъ положиться на покорность вынужденную и обѣщанія нечистосердечныя?

Лезгины безпокоили Кахетію и, переходя въ Ахалцыхъ, дѣлали набѣги на Карталинію. На преданность имеретинскаго царя также нельзя было положиться, какъ то и оказалось впослѣдствіи.

Съ востока и юга, кромѣ наблюденія за движеніями Персіанъ, необходимо было наблюдать за сопредѣльными ханами, поведеніе которыхъ было весьма сомнительно.—Сверхъ того обитатели подвластныхъ намъ татарскихъ дистанцій, при каждомъ разрывѣ нашемъ съ Персіею дѣйствовали по внушенію и въ пользу послѣдней, и тѣмъ заставляли имѣть за ними самый бдительный надзоръ.

При такихъ то обстоятельствахъ князь Циціановъ думалъ не только взять Эривань, но и утвердить владычество Россіи между двумя морями Чернымъ и Каспійскимъ, поставивъ р. Араксъ границею между Россіею и Персіею.

Какими же средствами думалъ главнокомандующій привести въ исполненіе такое предположеніе?

Въ распоряженіи его и въ Закавказскомъ краѣ находились полки: кавказскій гренадерскій, 9-й, 15-й и 17-й егерскіе, тифлискій, кабардинскій, саратовскій и севастопольскій мушкетерскіе полки, съ ихъ артиллеріею (въ которой было всего 24-ре орудія). Кавалерія состояла изъ нарвскаго драгунскаго и донскаго казачьяго полка, разбросаннаго по разнымъ постамъ.

Въ началѣ 1804 года войска эти были расположены:

На правомъ флангѣ, въ Карталиніи стоялъ 9-й Егерскій полкъ (1). Центръ войскъ расположенныхъ въ Грузіи нахо-

(1) Двѣ роты съ орудіемъ стояли въ м. Цхинвалѣ для содержанія въ повиновеніи подвластныхъ Грузіи Осетинъ и для охраненія Карталиніи отъ хищничества; одинъ баталіонъ

дился въ Сомхетіи и Тіулетѣ. Тифлисскаго полка одинъ баталіонъ съ двумя орудіями стоялъ въ крѣпости Цалкѣ. Онъ долженъ былъ охранять границу со стороны Ахалцыха и служить для прикрытія учреждаемой тамъ таможни; одинъ баталіонъ того же полка расположенъ былъ въ Бамбакахъ, для защиты границы со стороны Эривани и для содержанія бамбакскихъ татаръ въ повиновеніи. Три роты съ орудіемъ охраняли горные промыслы въ борчалинской дистанціи; одна рота съ орудіемъ стояла въ Думанисахъ, для обезпеченія возстановляемыхъ тамъ разоренныхъ деревень и заводимыхъ вновь заселеній. 17-й Егерскій полкъ съ тремя орудіями составлялъ гарнизонъ Елизаветпольской (Ганжинской) крѣпости, и оборонялъ весь округъ того же имени.

Получивъ, въ концѣ апрѣля, свѣдѣніе, о сборѣ персидскихъ войскъ за Араксомъ, князь Циціановъ отрядилъ для усиленія Елизаветпольскаго гарнизона одинъ баталіонъ севастопольскаго мушкетерскаго полка съ двумя орудіями. Шефскій баталіонъ и двѣ роты мушкетерскаго баталіона содержали караулъ въ Тифлисѣ и занимали два важные поста: въ Гартискаро и Саганлугѣ. Изъ нихъ первый, находясь въ пунктѣ, въ которомъ соединялось два главныя сообщенія съ Россіею и Чернымъ моремъ, охранялъ большую дорогу отъ безпрерывныхъ разбойничьихъ покушеній лезгинъ, осетинъ и другихъ горскихъ хищниковъ. Саганлугскій же постъ служилъ для наблюденія за покушеніями и движеніями лезгинъ и татаръ подвластныхъ Грузіи. Дабы содержать въ повиновеніи горскіе народы: Тіулетинцовъ, Хевсуровъ и Пшавовъ, въ Ананурѣ поставлены были двѣ роты севастопольскаго мушкетерскаго баталіона съ однимъ орудіемъ.

Лѣвый флангъ занималъ Кахетію, гдѣ, для обороны отъ Дагестанцевъ, и для удержанія въ повиновеніи Джарцовъ, расположенъ былъ, вдоль по Алазани, 15-й егерскій полкъ и два баталіона кабардинскаго полка съ ихъ орудіями, а въ деревняхъ: Гавазѣ, Кварели, Пшавели, Матаны и при Маданскомъ ущельѣ, баталіонъ кабардинскаго полка съ орудіемъ.

съ двумя орудіями находился въ Сурамѣ и его окрестностяхъ, одна рота въ Карели, одна рота съ орудіемъ въ Ховлѣ, одна рота въ Аттенскомъ ущельѣ и рота съ орудіемъ при урочищѣ Двагліс-Цкаро; двѣ роты стояли въ резервѣ въ Гори.

Такимъ образомъ въ экспедицію противу Эривани можно было отрядить самое незначительное число войскъ. Въ составъ отряда были назначены: три баталіона кавказскаго гренадерскаго полка, два баталіона 9-го егерскаго полка, изъ коихъ двѣ роты должны были остаться въ Сурамѣ; два баталіона тифлисскаго мушкетерскаго полка, бывшіе въ Цалкѣ и Бамбакахъ и три баталіона саратовскаго мушкетерскаго полка, вызванные нарочно для этой экспедиціи съ Кавказской линіи. Все число пѣхоты простиралось до 3,421 челов. строевыхъ. Кавалерію составляли: четыре эскадрона нарвскаго—драгунскаго полка (до 400 челов.), 320 человѣкъ линейныхъ казаковъ вызванныхъ съ кавказской линіи и 120 человѣкъ донскихъ казаковъ собранныхъ съ разныхъ постовъ. Кромѣ того, по приглашенію князя Циціанова, грузинскіе князья, съ своими дворянами и людьми, составляли около 300 челов. Словомъ сказать во всемъ отрядѣ было до 4,561 челов. съ двѣнадцатью орудіями.

Эриванскій ханъ, провѣдавъ о приготовленіяхъ къ эриванской экспедиціи, заискивалъ расположеніе князя Циціанова и своими письмами старался высказать преданность къ Россіи. Въ февралѣ онъ прислалъ къ главнокомандующему своего посла, какъ бы съ увѣдомленіемъ, но на самомъ дѣлѣ съ угрозою, о томъ, что Баба-Ханъ намѣренъ двинуться противу Россіи съ значительнымъ числомъ войска, и приказалъ ему также готовить войска для совокупнаго съ нимъ дѣйствія.

„Симъ объявляется Магомадъ-хану эриванскому, отвѣчалъ на это князь Циціановъ, что на глупыя и дерзкія письма, каково было ханское, съ прописаніемъ повелѣнія словами льва, а дѣлами теленка Баба-хана, сердаря, Россіяне привыкли отвѣчать штыками, а потому, чтобы оный ханъ ожидалъ сего рода отвѣта въ свое время, и призвалъ бы на помощь неустрашимаго Государя государей испытать силы съ купцами (1), недавно Ганжу изъ-подъ сильной руки его вырвавшими, яко товаръ персидскихъ матерій. О чемъ присланный, отъ него въ Ганжу персіянинъ можетъ ему пересказать подробно, ушедшій оттоль переряженнымъ въ женское платье (2)“.

---

(1) Баба-Ханъ называлъ русскихъ купцами не имѣющими никакого понятія о военномъ дѣлѣ.
(2) Письмо кн. Циціанова хану эриванскому отъ 16 февраля 1804 г. Тиф. Арх. Кав. Нам.

Послу эриванскаго хана, Наджавъ-Али-Беку, главнокомандующій далъ выписку для „*памяти*“, въ которой между прочимъ писалъ:

„Я никогда не лгалъ и въ цѣлый годъ пребыванія моего здѣсь, кажется, доказалъ, что вывезу царскую фамилію разорившую Грузію междоусобною войною, — и вывезъ; сказалъ, что покорю Джарскую провинцію, — и покорилъ; сказалъ, что Ганжу возьму, — и взялъ; сказалъ, что введу въ Россійское подданство Мингрелію, оставляя владѣльца при его правахъ,—и ввелъ. Говорю, что тоже сдѣлаю и съ Имеретіею,—и сдѣлаю. Говорю, что поставлю патріарха Даніила на патріаршій престолъ,—и поставлю, а Давыду обѣщаемый всесильнымъ и великимъ моимъ Государемъ Императоромъ пенсіонъ доставлю,—и доставлю. Говорю, что Эривань заставлю платить мнѣ дань, — и заставлю. Говорю, что изъ Эривани возьму аманата,—и возьму.

„Я не словами стращаю, а штыками дѣйствую и дѣлами доказываю. Я войска, мною камандуемыя, не называю по персидски безчисленностію звѣздъ, но когда приду съ ними въ Бамбаки, то никакого условія не приму и тоже сдѣлаю, что съ Ганжею. Я требую слѣдующаго, и не начну переговоровъ, до колѣ ханъ, твой господинъ, не возгласитъ Даніила патріархомъ и не пришлетъ Давыда въ Тифлисъ, по волѣ Его Императорскаго Величества, коему никакого зла не будетъ сдѣлано, въ чемъ Богомъ живымъ заклинаюсь.

„Тогда пришлю я къ хану эриванскому Высочайшую грамоту, на имя его состоявшуюся, о возстановленіи Даніила и о доставленіи Давыда, коему великій и всесильный Государь Императоръ обѣщать изволилъ безбѣдное содержаніе и жалованье. Тогда пришлю посольство съ грамотою; тогда приму повѣреннаго отъ хана господина твоего, для постановленія статей, на коихъ будетъ принятъ во всероссійское подданство и покровительство ханъ Эриванскій, съ утвержденіемъ его и его потомства по старшинству колѣна на ханствѣ эриванскомъ. Тогда опредѣлено будетъ сколько войска поставлено будетъ на защиту эриванской области отъ враговъ и Баба-Хана Сардаря. Тогда отправятся туда оные войска, тогда ханъ эриванскій долженъ будетъ дать по оному постановленію аманата, платя Грузіи такую дань, какую платилъ ей прежде, и тогда блаженство его и цѣлость его

рода и эриванской области народа, утверждено будетъ на твердомъ основаніи и на самомъ дѣлѣ, а не словами какъ отъ Баба-Хана" (1).

Бѣжавшій изъ Эривани житель донесъ тифлисскаго мушкетерскаго полка маіору Монтрезору, что ему извѣстно о собраніи 40.000 персидскихъ войскъ, неподалеку отъ Эривани подъ начальствомъ сына шаха и царевича Александра, и что намѣренія ихъ заключаются въ нападеніи на крѣпость Елисаветполь. Пиръ-Кули-ханъ и Магоматъ-ханъ съ эриванскими войсками намѣрены были также напасть на Бамбакскую провинцію и въ случаѣ успѣха двинуться въ Тифлисъ.

Въ распоряженіи ихъ было до 2.000 человѣкъ, и по свѣдѣніямъ войска находились въ Нахичевани „разстояніемъ отъ Эривани на день верховой ѣзды (2). Въ мартѣ, полковникъ Карягинъ, стоявшій въ Елисаветполѣ, получивъ свѣдѣнія о собраніи персидскихъ войскъ, послалъ двухъ лазутчиковъ изъ тамошнихъ армянъ, одного въ Таврисъ черезъ Эриванъ, а другаго въ Шушу для собранія свѣдѣній.

2-го апрѣля Карягинъ получилъ свѣдѣніе отъ татарина, ѣздившаго въ Эриванъ, что Пиръ-Кули-ханъ, слѣдовавшій съ 2.000 на помощь Ганжинскому хану, и, по прибытіи въ Тавризъ, узнавшій, что Ганжа взята, остановился въ Таврисѣ. Къ нему, по словамъ татарина, прибыли Асларъ-ханъ Урумскій и Аббазъ-ханъ Карадахскій, каждый съ 5.000 войска.

Прибывшій изъ Шеки татаринъ сообщилъ, тому же Карягину, что Баба-Хановъ сынъ Шахъ-Зада прибылъ въ Таврисъ съ 20.000 или 30.000, подъ предводительствомъ шести хановъ, изъ коихъ онъ могъ назвать по имени одного Сулейманъ-хана, родственника Баба-Хану. По его показаніямъ они должны были слѣдовать: Шахъ-Зада къ Эривани, а Сулейманъ къ Шушѣ. Овладѣвъ этими пунктами они предполагали двинуться въ Бамбакскую провинцію, разворивъ которую, слѣдовать на Елисаветполь, а оттуда завладѣвъ имъ, идти въ Тифлисъ. Другой лазутчикъ въ тотъ же день сообщилъ, что онъ былъ въ Шекѣ, слышалъ, что Баба-Ханъ посылалъ своихъ чиновниковъ къ лезгинскому владѣльцу Алексанту, съ подарками, и къ ханамъ шекинскому Ма-

(1) Письмо кн. Цицianова послу Эриванскаго хана Г. А. К. Н.
(2) Тифлисскій Арх. Глав. Шт. Кавказ. арміи № 139.

матъ-Гассану и шемахинскому Мустафѣ, съ приказаніемъ быть готовыми съ своими войсками; что онъ выступитъ изъ Тегерана непремѣнно 10-го апрѣля и хочетъ слѣдовать къ Ганжѣ и въ Грузію. При этомъ Баба-Ханъ угрожалъ, въ случаѣ не исполненія требованій, наказать шушинскаго Ибрагимъ-хана еще и за то, что онъ не подкрѣпилъ своими войсками Джаватъ-хана, (ганжинскаго) и что не повинуется его власти и приказаніямъ. Отъ эриванскаго хана Баба-Ханъ требовалъ прибытія съ его войсками въ Тавризъ, говоря, что если онъ этаго не исполнитъ „то пусть лучше отправится въ Маматъ, (куда магометане ходятъ на поклоненіе), а если и того не исполнитъ, то чтобы надѣлъ на себя крестъ и неоставался въ его землѣ".

„Посему, писалъ одинъ изъ эриванскихъ жителей, армянскій народъ находится въ великомъ притѣсненіи отъ сихъ беззаконниковъ, какъ корабль разбитый въ морѣ" (1).

Сообщаемыя отвсюду свѣдѣнія, о собраніи персидскихъ войскъ, въ то же время приносили и свѣдѣнія о распряхъ существовавшихъ въ ихъ лагерѣ. Нахичеванскій Кіалъ-Бали-ханъ, будучи въ распрѣ и несогласіи съ сыномъ Баба-Хана, шедшимъ вмѣстѣ съ царевичемъ Александромъ, готовъ былъ склониться скорѣе на сторону Россіи, чѣмъ дѣйствовать за одно съ персидскимъ шахомъ.

— Я человѣкъ слѣпой, говорилъ Кіалъ-Балы-ханъ, и лучше предаться Россіи чѣмъ быть у шаха персидскаго, который, овладѣвши Эриванью, неминуемо долженъ мнѣ голову отрубить.

Онъ самъ даже жилъ не въ городѣ, а въ форштадтѣ.

Магоматъ-ханъ укрѣплялъ Эриванъ и собиралъ всѣхъ жителей въ крѣпость, требуя чтобы каждый имѣлъ при себѣ: по 2 литры пороху, 1 мѣру свинцу и достаточное количество провіанту. Изъ каждой семьи онъ бралъ по одному заложнику или аманату, съ его женою и дѣтьми, объявляя, что если остальные братья персдадутся непріятелю, то находящіеся у него заложниками будутъ повѣшены. Онъ призвалъ также патріарховъ Даніила и Давыда въ Эриванъ и отдалъ ихъ подъ стражу. (2)

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и полученныхъ писемъ, мо-

(1) Переводъ разныхъ писемъ къ полковнику Карягину Тиф. Арх. Канц. Нам.

(2) Рапортъ Монтрезора кн. Циціанову изъ Караклисса 3 апрѣля 1804 г. Т. А. К. Н.

жно было вывести то заключеніе, что войска персидскія дѣйствительно собирались, хотя цѣль ихъ сбора еще не была выяснена окончательно; что царевичь Александръ и сынъ шаха были уже въ дорогѣ въ Тавризъ, куда, какъ предполагали они, прибудутъ къ пасхѣ или къ Фоминой недѣли; что самъ шахъ выступитъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая и составитъ подъ своимъ начальствомъ главный корпусъ, передовой отрядъ котораго будетъ подъ начальствомъ царевича Александра и сына шаха; что по общимъ слухамъ число войскъ, которыми Баба-Ханъ надѣялся располагать, простиралось до 60.000 человѣкъ (1).

Слухи эти подтверждались и письмами царевичей Александра и Теймураза къ различнымъ лицамъ въ Грузіи. Князь Иванъ Орбельяновъ, князь Георгій Чавчавадзевъ, князь Томасъ Орбеліановъ, Гогія Потрелъ, получили одновременно эти письма.

„Отъ насъ да будетъ извѣщено всѣмъ, Андроникovымъ, писали они (2), и объ нашихъ обстоятельствахъ да будутъ извѣстны, что какъ только прибѣгнули мы къ стопамъ всемилостивѣйшаго нашего Государя (персидс. шаха) и жалобу нашу ему принесли, то Государь по безчисленному своему милосердію, тогда же во всемъ Иранѣ издалъ повелѣніе и началъ приготовляться идти въ Грузію. При томъ оказалъ многія милости какъ намъ, такъ и князьямъ при насъ находящимся, какъ то: деньгими, халатами (платьемъ), лошадьми и оружіемъ. Таковыя сдѣлалъ намъ милости и оказалъ почтеніе, каковыхъ никакой Иранскій Государь никогда предкамъ нашимъ не оказывалъ, и ни въ какое время отъ Государя не получали князья такой милости, каковую получили при насъ находящіеся. Со всѣхъ мѣстъ за сорокъ дней до Кавруза были приведены войска и Государь, учинивъ расчетъ, отдалъ старшему своему сыну Аббасъ-Мирзѣ большіе войска и насъ при немъ назначилъ. 28-го марта выступили мы изъ Тегерана и пошли въ вашу сторону и самъ Государь по прошествіи 17-ти дней съ своими, на подобіе моря волнующимся войсками. Мы о семъ пишемъ, что когда Государь явилъ намъ такія безчисленныя мило-

(1) Переводъ писемъ къ полковнику Карягину.

(2) Письмо царевича Александра къ Андроникovымъ отъ 29 марта 1804 г. Т. А. Канц. Нам.

сти и изкоренителей дома нашего изволитъ выгнать, то чтобы вы отнюдь не дѣлали такого дѣла, которымъ бы привлекли на себя гнѣвъ великаго Государя и учинились бы виновниками раззоренія Грузіи и семейства свои подвергнули бы плѣненію. 1300 лѣтъ въ домѣ нашемъ были цари грузинскіе и иранскаго государя подданные. Предки ваши для нашего дому, и предъ нашими предками, проливали кровь свою; вы не дѣлайте такого дѣла, чтобы и дома свои погубили и службу вашу и проливаніе крови презрѣли. Персіяне не Лезгинцы, не 5-т., не 10-т. и не 30-т. Канджаръ, а выше Канджара весь Иранъ идетъ туда. Богу извѣстно, что они или всѣ должны быть перебиты или должны прогнать русскихъ. Вы всѣ теперь же къ намъ на встрѣчу пріѣзжайже, войска идутъ въ два отряда; въ одномъ войскѣ изволитъ быть Шахъ, а въ другомъ шаховъ сынъ; одинъ отрядъ пойдетъ черезъ Карабагъ, а другой на Гогчу. Мы тогда же будемъ или при шахѣ или при его сынѣ,—которая дорога изъ нихъ ближе и удобнѣе окажется. Пріѣзжайте къ намъ на встрѣчу и чѣмъ далѣе насъ встрѣтите тѣмъ будетъ лучше.—Вы получите также фирманъ увѣрительный. Теперь время, пріѣзжайте великую получить отъ Государя милость, и какъ отцы ваши были вѣрны, вы болѣе вѣрными окажетесь, если вы послушаете нашего совѣта и прибудете,—то конечно будетъ хорошо, если же нѣтъ то какъ хотите. Вѣрьте Богу, что все въ семъ письмѣ есть вѣрное и истинное. Копію сего письма отправили мы ко всѣмъ въ Карталинію и Кахетію и тѣмъ долгъ свой исполнили, а теперь вы сами вѣдаете.“

„Любезный братецъ Асланъ Орбеліановъ, писалъ царевичь Теймуразъ (1). Что тебѣ балагуру сдѣлалось, что тебя не могъ я отдѣлить отъ дѣтей, вѣдь у тебя и тѣхъ отняли и отвезли въ Россію. Чего ты ищешь въ Тифлисѣ? Правда, жена у тебя очень красива, — не отлучайся отъ нее. Ты смѣялся надо мною, но я уѣхалъ оттуда; веду теперь Шаха, сына его и весь Иранъ, а ты изъ дому не можешь вылѣзть за двери, *ты шаршавый!*“

Царечичь Александръ писалъ также письма и приглашалъ князей оставить Тифлисъ и ѣхать къ нему. Онъ посылалъ фирманъ отъ шаха къ тифлисскимъ гражданамъ.

(1) Письмо отъ 12 мая 1804 г. Т. А, К. Н.

„Отправь ты къ нимъ, какъ ты разсудишь, писалъ царевичь Александръ Томасу Орбеліанову (1), дабы государево повелѣніе могли всѣ узнать. При семъ получишь также письмо увѣрительное отъ Мирзы Шефія и будь увѣренъ въ томъ, что и отъ Государя получишь великую милость, да и домъ нашъ конечно будетъ твой. Не останавливайся, пріѣзжай къ намъ; мы посылаемъ къ вамъ двухъ посланныхъ, о прочихъ нашихъ словахъ и извѣстіяхъ они вамъ донесутъ".

Въ то же время царевичь Александръ прислалъ въ Эривань своихъ эмиссаровъ, съ тѣмъ чтобы они, разъѣхавшись по разнымъ частямъ Грузіи, подговорили грузинскихъ князей и дворянъ содѣйствовать царевичу, когда онъ съ персидскими войсками перейдетъ черезъ р. Араксъ. Двое крестьянъ дерев. Карданахъ отправлены черезъ Ахалцыхъ къ царевичамъ, бывшимъ въ Имеретіи, съ цѣлію провести оттуда письма къ карталинскимъ князьямъ. Князь Анчикъ Бебуровъ, князь Дарималъ Каситскій отправлены къ Джарцамъ, кахетинскимъ князьямъ и въ Кизихъ. Хотя князь Циціановъ, получившій объ этомъ увѣдомленіе и сдѣлалъ распоряженіе о поимкѣ посланныхъ, но необращалъ впрочемъ на нихъ особеннаго вниманія. По его собственнымъ словамъ: „хотя бы письма сіи и не были перехвачены, а потому зло не было бы истреблено въ своемъ источникѣ, то и тогда оныя дѣйствія имѣть не могли, потому что всѣ князья значущіе и довѣренность общенародную имѣющіе, состоятъ въ непоколебимой приверженности къ россійскому правленію (2)".

Извѣстіе о движеніи Баба-Хана съ войсками волновало жителей и многихъ владѣтельныхъ хановъ; одни торопились пристать къ персидскимъ толпамъ, другіе страшились за свою участь.

Одновременно съ полученіемъ этихъ свѣдѣній князь Циціановъ соединилъ всѣ баталіоны тифлискаго полка въ Самхетіи (3). Въ апрѣлѣ генералъ-маіоръ Леонтьевъ, съ баталіономъ своего имени, назначеннымъ въ экспедицію противу Эривани, получилъ приказаніе придвинуться къ Бомбакамъ, гдѣ выбравъ удобное мѣсто расположиться лагеремъ.

(1) Письмо къ *бригадному* кн. Томасу Орбеліанову 21 мая Т. А. К. Н.

(2) Рапортъ кн. Цицианова Г. И. 27 мая 1804 г.

(3) Предписаніе кн. Цицианова отъ 4 и 23 апрѣля № 795 и 931. Тифлис. Арх. Глав. Шт. Кав. арміи исходящій журналъ.

Приготовляясь къ движенію въ эриванскую экспедицію, и не имѣя въ своемъ распоряженіи подвижнаго магазина, кн. Циціановъ приказалъ изъ Лорійскаго, Горійскаго и Телавскаго уѣздовъ нарядить 200-ти аробъ, изъ каждаго уѣзда по ровну, и отправить ихъ, къ 20-му мая, въ Тифлисъ для нагрузки провіантомъ. Сигнахскій и Ананурскій уѣзды были избавлены отъ этого наряда, первый потому, что исполнялъ такой же нарядъ во время экспедиціи на чарскую провинцію, а второй несъ эту повинность при проходѣ различныхъ командъ и войскъ изъ Россіи въ Грузію (1).

Полковникъ Карягинъ, стоявшій въ крѣпости Елизаветполь, имѣя въ своемъ распоряженіи только два баталіона 17-го егерскаго полка, въ которыхъ считалось всего 582 человѣка (2), просилъ о подкрѣпленіи его войсками, и спрашивалъ какимъ образомъ поступить съ жителями елизаветпольскими? Князь Циціановъ приказалъ всѣхъ женъ отправить въ Шамшадиль, поручивъ надзоръ за ними надежному офицеру. Въ помощь ему отправленъ баталіонъ севастопольскаго мушкетерскаго полка и поручено собрать изъ шамшадильскихъ татаръ конныхъ охотниковъ, которыхъ имѣть при себѣ, такъ какъ и армянъ, на которыхъ можно положиться (3). 23-го числа апрѣля баталіонъ севастопольскаго полка, стоявшій въ Самхетіи, выступилъ въ Елизаветполь, и въ селеніи Демурчесалъ, 29-го числа, соединившись съ прикомандированною къ нему полевою артиллеріею (4), прибылъ 7-го мая въ Елизаветпольскую крѣпость (5).

Всѣ эти движенія нашихъ войскъ не укрылись отъ хановъ нахичеванскаго и эриванскаго, находившихся такъ сказать теперь между двухъ огней. Главноуправляющій получилъ свѣдѣніе, отъ нашего поста ближайшаго къ Эривани, что, съ приближеніемъ персидскихъ войскъ, ханъ такъ струсилъ, что готовъ былъ согласиться на всѣ требованія наши. Эриванскій Магомадъ-ханъ писалъ новое письмо князю Циціанову, на которое главнокомандующій отвѣчалъ (6):

---

(1) Предписаніе правителю Грузіи 12 мая 1804 г. № 356.

(2) Рапорты полков. Карягина отъ 12, 14 и 19 апрѣля 1804 г. за № 81, 82 и 90. Тиф. Арх. Гл. Шт. Кав. Арміи дѣло № 3.

(3) Предписаніе кн. Циціанова полк. Карягину 17 апрѣля тамъ же.

(4) Рапортъ ген.-маіора Талызина 1 мая № 21, тамъ же.

(5) Рапортъ полк. Карягина 7 мая № 107.

(6) Письмо кн. Циціанова эриванскому хану 10 мая Т. А. К. Н.

„Хотя я къ шурагельскому Будагъ-султану отнесся, что я гнушаюсь вашимъ поведеніемъ и письмомъ, не отвѣчаю на ваше письмо, но дабы вы не имѣли причины тогда, когда постигнетъ васъ несчастный жребій, сказать, что вы искали во мнѣ, но я былъ непреклоненъ оставивъ то, что какъ я слышу ко мнѣ пославъ, вы и къ Баба-Хану послали своего ахунда, отвѣтствую коротко".

„Никакихъ словесныхъ пересказываній я не принимаю для того, что всякій персидскій ханъ можетъ отъ нихъ послѣ отказаться, чему были примѣры. Ни въ какія переговоры я не войду, покаместъ вы не пришлете Давыда называющагося патріархомъ, и доколѣ не возгласите Даніила патріархомъ, по повелѣнію Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго моего Государя".

При этомъ главнокомандующій требовалъ присылки письма хана за его печатью, въ томъ, что онъ согласенъ исполнить слѣдующія требованія: 1) Въ Эриванской крѣпости поставить русскіе войска, „а вамъ вольно будетъ гдѣ хотите жить въ крѣпости или внѣ оной". 2) Признать Россійскаго Императора своимъ Государемъ и присягнуть ему на вѣрность. 3) Давать дани по 80 тысячъ руб. въ годъ. При исполненіи этихъ требованій обѣщалъ хану защиту и сохраненіе его владѣній.

„Вотъ послѣднія мои слова, прибавлялъ кн. Цицiановъ; вотъ вамъ дорога благая, буде не по ней пойдете, не я виноватъ буду вашей погибели".

Отправивъ эти условія князь Цицiановъ предписалъ маіору Монтрезору, стоявшему въ Бамбакахъ съ баталіономъ, что если ханъ согласится на эти требованія и условія, то отправиться въ Эривань, какъ только будетъ увѣдомленъ ханомъ. Монтрезоръ долженъ былъ вручить хану Высочайшую грамоту, присланную еще при генералѣ Кнорингѣ, относительно возведенія Даніила на патріаршій престолъ. Съ полученіемъ увѣдомленія о согласіи хана, генералъ-маіоръ Леонтьевъ долженъ былъ тотчасъ же двинуться, съ двумя баталіонами, къ Эчміадзинскому монастырю, для принятія и препровожденія патріарха Давыда къ главноуправляющему, который самъ предполагалъ тогда двинуться къ Эривани для утвержденія Магомадъ-хана на ханствѣ; принятія отъ него присяги и утвержденія Кіалъ-Балы-хана, намъ

преданнаго и свояка эриванскаго хана, на Нахичеванское ханство.

„Совсѣмъ тѣмъ удостовѣрительно почти могу сказать, писалъ князь Циціановъ князю Чарторижскому (1), что ни на какія обѣщанія персидскихъ хановъ полагаться невозможно, увѣренъ будучи, что кромѣ страха, приближеніемъ отряда произвести имѣющагося, никакія убѣжденія подѣйдѣйствовать не могутъ".

Въ то же самое время главноуправляющій писалъ хану Нахичеванскому:

„Много доволенъ я тѣмъ, что ваше высокостепенство держите сторону Россійскую, т. е. сильнѣйшую, а когда дѣло будетъ увѣнчано успѣхомъ и увѣренія пребудутъ дѣйствительными, тогда вы, пріятель мой, паки сядите на ханство Нахичеванское, въ томъ Богомъ заклинаюсь. Между тѣмъ пишу вамъ въ отвѣтъ на письмо ваше, писанное ко мнѣ на армянскомъ языкѣ, буде ни крѣпости, ни аманата не согласенъ Магоматъ-ханъ дать: въ чемъ же мою волю онъ исполнитъ, и чему мнѣ будетъ вѣрить?... Буде онъ Персію считаетъ сильнѣе Россіи, то пусть ей покорится, а мнѣ все равно у Баба - Хановыхъ ли войскъ или у Магомадъ-хана взять крѣпость...

„Впрочемъ воля ваша, или все сіе принять, и прислать Давыда, называющагося патріархомъ, въ знакъ, что на все согласенъ, и тогда дѣло окончу, продолжая путь съ войсками для обороны Эривани отъ всѣхъ ея враговъ, а паче Баба-Ханъ Сердаря войска, и приду брать Нахичевань. Переговоры же начать поздно и время золотое ждетъ. Клянусь вамъ живымъ Богомъ, скорѣе солнце оборотится назадъ, въ иранскомъ морѣ не будетъ воды, нежели походъ мой отмѣнится, разница только та, что или прійду какъ братъ спасать брата, или какъ врагъ наказать дерзающаго противиться велѣнію Государя государей, подобно Джаватъ-хану гаджинскому (2)."

Когда полки собрались уже для экспедиціи, тогда Мирза Шефига, первый визирь Баба-Хана, готовившагося съ войсками выступить къ Эривани и къ границамъ Грузіи, прислалъ письмо князю Циціанову съ персидскимъ чиновни-

(1) Отъ 29 мая. № 296. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. 1—10, 1804, № 2.
(2) Письмо кн. Циціанова хану нахичеванскому 5 мая 1804 г.

комъ Якубъ Бекомъ. Страшая многочисленностію войскъ Баба-Хановыхъ, Мирза совѣтывалъ князю Циціанову оставить Грузію и вывести оттуда русскія войска.

„Божіемъ всемогуществомъ, писалъ Мирза (1) и святою его помощію, сильными войсками великомощнаго шаха, хоросанская провинція и Авганцы приведены въ послушаніе, и какъ до свѣдѣнія его шаховскаго величества доходитъ, что ваше сіятельство предъ симъ съ войсками россійскими въ Грузію вступили, для нѣкоторыхъ внутреннихъ ихъ распоряженій, а теперь простираете свои хотѣнія далѣе къ Ганжѣ и Дагестану. Но благоразумное поведеніе въ совѣтѣ въ томъ состоитъ, дабы великіе государи были склонны къ миролюбію и не угнетая подданныхъ—народнаго спокойствія искали—и безъ причины не начинали воинской брани. Всегда находится въ свѣжей памяти, что съ высочайшимъ дворомъ россійскимъ нашъ дворъ продолжалъ дружбу и доброе согласіе, и никогда между ними недоброжелательства не было, кромѣ усердія. Руководствовали къ такому союзу обоихъ державъ умные и миролюбивые особы министерства, и потому въ сихъ странахъ проѣзжающіе, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, торговыя по коммерціи россіяне вездѣ были безъ задержанія и обидъ пропускаемы со стороны Россіи къ сторонѣ здѣшней; видовъ такихъ, кои бы изъ границъ могли выступить, не оказывалось, кромѣ коммерціи. Но что теперь нарушается таковое обхожденіе не знаю причину, и потому вселюбезнѣйшій наслѣдникъ, по повелѣнію шахскому, со многими знатными вельможами и съ безчисленнымъ войскомъ непобѣдимымъ, назначенъ въ Грузію. Мѣсяца мухарема втораго не десять дня, въ понедѣльникъ, изъ Казбина поспѣшно выступилъ, и за нимъ вслѣдъ самъ шахъ послѣдовать имѣетъ, съ многочисленнымъ же войскомъ и артиллеріею. А какъ государи имѣютъ изъ своихъ подданныхъ довѣренныхъ въ дѣлахъ особъ, и потому смѣю вашему сіятельству донесть: учинимся посредниками, дабы сей огонь, возгорѣвшійся между сими державами, утушить, и для того къ вашему сіятельству нарочно отправилъ Ягутъ-Бека-Герогеліева роду, и совѣтую взять мѣры къ обузданію себя, и удержаться на границахъ позволительныхъ. — Ежели

(1) Переводъ письма визиря Мирзы Шефиги Арх. Министерства Иностр. Дѣлъ 1—13. 1801—10, № 5.

простирать будете къ дальнимъ видамъ пріобрѣтеній, увидите въ которое время на берегахъ Куры, коль много кровопролитія произойти можетъ, и увидимъ чьими тѣлами, на подобіе вала, накласться имѣютъ возвышеніи и тутъ окажется руйнованіе зданій христіанства или магометанства,—Вы сіи притязанія, каковы вчинаете единственно берете начально отъ Ираклиевыхъ дѣтей, коихъ несправедливо хитростію уловя, обманули и Тифлисомъ овладѣли. Оное никакъ въ здравый разсудокъ принять невозможно, ибо существующій въ Персіи таковой великій государь можетъ ли равнодушно смотрѣть, что одинъ зависимый отъ него безразсудно обманулся, и чрезъ его недоумѣніе уступитъ то, что ему государю персидскому принадлежитъ? Таковаго происшествія рѣдко кто слыхалъ и послѣдствіе должно быть бѣдственное— Ежели притязаніе ваше отъ того происходитъ, что самовольно горсть золота употребили къ обладанію, то оное не вмѣстно и потому землю персидскому шаху принадлежащую очистите, безъ всякихъ оттоворокъ, и одного вѣрнаго человѣка къ наслѣднику нашему отправте, для трактованія съ грузинскимъ царевичемъ, который при немъ наслѣдникѣ находится, и по повелѣнію нашего Государя съ нимъ окончите. Дружескій мой вашему сіятельству совѣтъ въ томъ состоитъ, чтобъ вы соблюли цѣлость войска своего, и къ союзу преклонились дабы между Россіею и Персіею не было кровопролитнаго произшествія".

Князь Циціановъ принялъ посланнаго весьма холодно и на дерзкое письмо мирзы Шефига, исполненое хвастовства, отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ (1).

„Письмо ваше писанное и поднесенно мнѣ, Якубъ-Бекомъ, такого не соотвѣтственнаго слога, что ни достояніемъ Богомъ вознесенной Имперіи, ни моему званію, ни благонравію воспитанію, отдѣляющему человѣка отъ безсловесной твари, не достойно инаго отвѣта, какъ мечемъ и пламенемъ начертаннаго, буде страшащія въ самомъ дѣлѣ, по словамъ письма, пріидутъ на Куру, составитъ тѣлами своими на подобіе валовъ насыпаться имѣющія возвышенія. Буде же вы блага Персіи желая, опомнитесь и помыслите, что тѣмъ, кои привыкли побѣждать во всѣхъ краяхъ свѣта, не могутъ быть страшны, ни пустовеликолѣпныя угрозы, ни войска

(1) Отъ 27 мая 1804 г. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. 1—13, 1801—10, № 5.

персидскія, многочисленныя на подобіе морскаго песка и воюющія перьями, а не мечемъ. Буде штыки моихъ дѣтей вамъ не нравятся, пришлите утекшихъ изъ Грузіи царевичей Александра и Теймураза грузинскихъ, раздиравшихъ Грузію междоусобною бранью, и тогда-то миръ настанетъ, и кровію Персіянъ не намочены будутъ обильныя нивы. Впрочемъ воля ваша! Призываю васъ, буде въ состояніи испытать несмѣтную свою силу съ высокославнымъ и непобѣдимымъ оружіемъ Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя моего. Я васъ на Курѣ и на Гогчѣ, по словамъ писемъ царевичей въ моихъ рукахъ находящихся, готовъ принять штыками и ядрами".

По свѣдѣніямъ войска царевича Александра стояли уже въ Шарури и числомъ не превышали однако же 15 тысячъ человѣкъ.—Войска персидскія приближались къ Эривани и 2 іюля остановились въ м. Агабатахъ, въ 25 верстахъ отъ Эривани. Эриванскій ханъ соглашался на требуемыя условія, кромѣ выдачи патріарха Давыда, что обѣщалъ исполнить тогда, когда русскіе войска прибудутъ къ Эривани. Монтрезоръ, къ которому онъ прислалъ своихъ повѣренныхъ, для переговоровъ, отправилъ ихъ обратно къ Магомадъ-хану съ требованіемъ выполнить условіе безъ прекословно. 3-го іюля тѣ же самыя посланные возвратились опять къ Монтрезору, объявивъ ему, что войско царевича Александра прибыло къ Эривани; что при этомъ произошла стычка между войсками царевича Александра и эриванскаго хана. Послѣдній увѣрялъ, что не дастъ овладѣть крѣпостью до прибытія русскихъ войскъ, о помощи которыхъ онъ просилъ, но съ тѣмъ однакоже, чтобы русскія войска не вступали также въ крѣпость. Оставивъ посланныхъ Магомадъ-хана при себѣ, Монтрезоръ, по согласію съ ними, послалъ ночью въ Эривань письмо, въ которомъ требовалъ исполненія условій, безъ всякихъ ограниченій относительно крѣпости, и просилъ хана, въ случаѣ согласія на это, сопротивляться непріятелю сколько возможно и увѣдомить о числѣ войскъ Шахъ-Зады и царевича Александра (1).

Эриванскій ханъ не далъ однако же на это никакого отвѣта.

(1) Рапортъ Монтрезора кн. Цицианову, отъ 3-го іюня 1804 г. № 309. Тиф. Арх. Гл. Шт. Кавказ. арміи.

Между тѣмъ приготовленія къ эриванской экспедиціи мало по малу производились. Войска собирались въ мѣстѣчкѣ Саганлугѣ, лежащемъ по Курѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Тифлиса. Кавказскій гренадерскій полкъ пришелъ туда 29-го; саратовскій мушкетерскій полкъ 30-го мая, а 31-го числа пришли туда три эскадрона нарвскихъ драгунъ и 300 казаковъ. „Сіе прохожденіе черезъ Тифлисъ, писалъ кн. Циціановъ Императору Александру (1), въ разные дни назначено, для большаго оказательства посланнику присланному отъ визиря Бабаханова, какъ думаю для извѣданія о числѣ войска". Относительно состоянія этихъ полковъ князь Циціановъ доносилъ, что кавказскій гренадерскій полкъ „не въ благовидномъ состояніи". О саратовскомъ полку доносилъ, что „онъ такъ выправленъ и поставленъ въ одну фигуру, такъ равно и одѣтъ, такой корпусъ офицеровъ имѣетъ, что я мало ему подобныхъ полковъ видалъ". „Обозъ, лошади въ удивительно хорошемъ состояніи не смотря, что перешелъ съ линіи черезъ ущелья, по столь трудной дорогѣ". „Севастопольскій же полкъ, при томъ же походѣ, привелъ обозъ и лошадей въ весьма плохомъ состояніи, а для солдатъ надо было отпустить 500 руб. для откармливанія мясомъ." Эскадроны нарвскаго драгунскаго полка пришли также въ хорошемъ состояніи. „Попечительность шефа сего полка генералъ-маіора Портнягина, превышаетъ всякое изъясненіе, ибо лошади кормленныя мякиною черезъ всю зиму въ наилучшемъ тѣлѣ. Люди по новому штату одѣты такъ, какъ одинъ человѣкъ. Сидятъ такъ крѣпко, какъ азіятцы. А при томъ хозяйственная часть въ лучшемъ порядкѣ. И тогда когда я промедлилъ здѣсь отъ заготовленія сухарнаго провіанта на мѣсяцъ, онъ пришелъ съ 20-ти дневнымъ онаго (2)".

Собравъ войска въ Саганлугъ князь Циціановъ рѣшился дѣйствовать наступательно.

При первомъ взглядѣ казалось трудно было рѣшиться дѣйствовать наступательно, съ такою горстью людей, противу 40 тысячъ персидскихъ войскъ. Но всмотрѣвшись хорошенько мы увидимъ, что вести войну оборонительную было бы еще труднѣе, потому, что при оборонѣ князь Циціановъ

(1) Отъ 30 мая 1804 г. Арх. Воен. Топогр. депо. № 47,358.
(2) Арх. Воен. Топогр. депо. № 47,358.

не могъ удержать Персіянъ отъ вторженія въ Грузію. За исключеніемъ отряда составленнаго для экспедиціи противу Эривани, какъ мы видѣли выше, не представлялось возможности тронуть ни одной роты, а между тѣмъ для того, чтобы съ успѣхомъ вести оборонительную войну, и обезпечить отъ вторженія персіянъ, тогдашнія наши владѣнія въ Закавказскомъ краѣ, необходимо было занять по крайней мѣрѣ четыре главныхъ пункта: поставить сильный отрядъ въ Самхетіи, для воспрепятствованія входа въ Шурагельскую провинцію; занять на Абаранѣ входъ въ Бамбаки; прикрыть Делижанское ущелье при входѣ въ Казахскую дистанцію и завладѣть позиціею на Керкбулахѣ. Всѣ эти урочища и пункты находились тогда во владѣніи эриванскаго хана. Наконецъ необходимо было значительно усилить Елизаветпольскій гарнизонъ. Къ тому же всѣ эти посты должны были имѣть самостоятельную оборону, такъ какъ раскинутые на большомъ разстояніи другъ отъ друга и на гористыхъ мѣстахъ, они были лишены взаимной обороны.

Для удобнѣйшаго перехода черезъ болотистыя и горныя мѣста, главноуправляющій отправилъ кавказскій гренадерскій полкъ, двумя днями раньше, до Шурагельской степи (Эриванскаго владѣнія), къ соединенію рѣкъ Арпачая съ Зангою, и ко дню его прибытія туда, приказалъ присоединиться къ нему гренадерскому баталіону тифлисскаго полка, изъ Лори, и мушкетерскому баталіону того же полка, изъ Бамбакъ.

„Полкъ мой, пишетъ Тучковъ, посланъ былъ впередъ. Князь Циціановъ не придалъ къ оному не только части кавалеріи, но даже нѣсколькихъ казаковъ, не взирая на то, что я составлялъ авангардъ его корпуса.

„Самъ же главноуправляющій съ войсками, состоящими изъ одного драгунскаго полка, 8-ми баталіоновъ пѣхоты, двухъ казачьихъ полковъ и до трехъ тысячь вооруженныхъ Грузинъ, выступилъ тремя днями послѣ, такъ что я съ полкомъ своимъ былъ за три перехода впереди. Никакихъ положительныхъ приказаній я не получилъ даже и въ случаѣ встрѣчи съ персіянами, что могло поставить меня въ большое затрудненіе. Явнаго разрыва съ ними не было, равно не было и никакого объявленія о войнѣ съ сею державою.

„Всѣ его приказанія заключались въ томъ, чтобы дойдя съ полкомъ моимъ до соединенія рѣкъ Арпачая съ Зангою, ожидать прибытія главныхъ силъ Циціанова".

Чрезъ два перехода Тучковъ вступилъ въ предѣлы древней Арменіи. На шестой день явились къ нему въ лагерь два грузинскіе татарина, посланные генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ, развѣдать о приближеніи Тучкова съ кавказскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Генералъ-маіоръ Леонтьевъ увѣдомлялъ при этомъ Тучкова, что со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ и не можетъ оставить крѣпкой позиціи въ горахъ до его приближенія.

Спускаясь съ высокихъ горъ на обширную долину, орошаемую небольшою рѣчкою Арпачаемъ, Тучковъ замѣтилъ въ горахъ палатки отряда генерала Леонтьева. Три пушечные выстрѣла были сигналомъ, по которому Леонтьевъ снялся съ позиціи.

Персидская конница, разсыпавшись по всѣмъ направленіямъ, слѣдила между тѣмъ за движеніемъ обоихъ отрядовъ, что и было замѣчено нашими войсками. Построясь въ каре, Тучковъ пошелъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ, на назначенное мѣсто при соединеніи р. Арпачая съ Зангою. Вскорѣ услышанъ былъ барабанный бой и отряда Леонтьева, и часа чрезъ три оба отряда соединились. Отрядъ Леонтьева состоялъ изъ двухъ баталіоновъ, 4 хъ орудій, 70-ти казаковъ и до 100 человѣкъ вооруженныхъ конныхъ Армянъ. Сіи послѣдніе были слуги двухъ находящихся при Леонтьевѣ армянскихъ архіепископовъ.

Не имѣя никакихъ повелѣній отъ Циціанова къ дальнѣйшему дѣйствію и о началѣ военныхъ дѣйствій; не зная числа персидскихъ войскъ находившихся передъ ними, и того открыты ли военныя дѣйствія или нѣтъ, Тучковъ и Леонтьевъ ограничились тѣмъ, что стали съ авангардомъ въ оборонительное положеніе, и выставили передовые посты.

Между тѣмъ, прибывшій въ лагерь архіерей объявилъ имъ, что семь тысячь армянскихъ семействъ, удалившіяся изъ Персіи, для переселенія въ Грузію, и вступленія въ подданство Россіи, находятся въ недальнемъ разстояніи отъ отряда, и что видѣнный корпусъ персидскихъ войскъ пришелъ съ намѣреніемъ возвратить ихъ обратно или если

найдутъ въ томъ препятствіе, то истребить ихъ. Такимъ образомъ для армянскихъ семействъ было теперь одно только спасеніе: — немедленное дѣйствіе нашихъ войскъ для ихъ защиты.

Къ передовой казачьей цѣпи, подкрѣпленной стрѣлками, вскорѣ приблизились на пистолѣтный выстрѣлъ конные отряды Персіянъ. Началась перестрѣлка, которая продолжалась во весь тотъ день.

Въ это время прискакалъ изъ персидскаго лагеря плѣнный Грузинъ, спасшійся отъ преслѣдованія вплавь чрезъ рѣку. Онъ объявилъ, что видимое нашими войско состоитъ изъ 8-ми т. отборной персидской конницы; что въ ихъ лагерѣ находятся царевичи Александръ и Теймуразъ, Шерифъ паша и Сардарь персидскій Мехти-Кули-ханъ; что онъ служилъ при немъ въ должности кафеджи и хотѣлъ воспользоваться прибытіемъ войскъ нашихъ, чтобы освободиться изъ неволи и возвратиться въ свое отечество.

Генералъ-маіоръ Тучковъ рѣшился атаковать непріятеля съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Ночью на лагерномъ мѣстѣ устроенъ былъ вагенбургъ, съ прикрытіемъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ.

„Рано утромъ 10-го іюня выступилъ я [1]) двумя колоннами, имѣя 1,800 человѣкъ пѣхоты, 8-мъ пушекъ, казаковъ и конныхъ Грузинъ прибывшихъ съ Леонтьевымъ.

Первая колонна шла на нѣкоторомъ разстояніи отъ второй, такъ что голова послѣдней была на одной линіи съ хвостомъ первой“.

Лишь только Персіяне открыли движеніе Тучкова, быстро спустились съ высотъ и, близь разоренной д. Караклисъ, окружили его со всѣхъ сторонъ небольшими партіями. Обѣ колонны тотчасъ построились въ каре и, перекрестными выстрѣлами и сильнымъ картечнымъ огнемъ, заставили непріятеля отступить съ урономъ. Пройдя двѣ версты за деревню Караклисъ, наши войска встрѣтили непріятеля, расположеннаго тремя толпами на окрестныхъ холмахъ, и потомъ приблизившагося къ нашимъ каре. Встрѣченные сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, Персіяне должны были опять отступать, и занять сначала впереди лежащія высоты, а потомъ остановиться на возвы-

[1]) Пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ. См. Арх. Воен. Топ. Депо.

шеніи при урочищѣ Гумри. Передъ этою горою, на высотѣ отдѣленной лощиною, остановился и нашъ отрядъ. Лощина эта имѣла небольшую рѣчку, и необходимость добыванія воды, для обѣихъ сторонъ, поддерживала перестрѣлку.

Замѣтивъ, что за курганомъ, никѣмъ не занятымъ и лежавшимъ между непріятелемъ и нашею позиціею, спускались персіяне къ рѣчкѣ небольшими толпами, и сбирались въ лощинѣ, Тучковъ приказалъ занять тотъ курганъ казаками. Непріятель сталъ соединять свои силы противъ кургана, что и заставило Тучкова усилить этотъ постъ и послать туда 300-та человѣкъ пѣхоты при одномъ орудіи. Персіяне со всѣми силами спустились съ высотъ и двинулись противъ занятаго нами кургана.

Въ это время самъ Тучковъ выступилъ съ обѣими карэями на встрѣту непріятеля, и увидавъ, что мимо того кургана идетъ дорога чрезъ узкое ущелье въ непріятельскій лагерь, поспѣшилъ занять этотъ единственный путь ихъ, окруженный съ обѣихъ сторонъ утесистыми горами и тѣмъ отрѣзалъ Персіянъ отъ ихъ лагеря. Завязалось весьма жаркое дѣло; Персіяне покушались пробиться сквозь наши два карэ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ чрезъ дефиле, но не успѣвъ въ томъ, съ трудомъ взобрались на окружающія горы и спѣшили соединиться въ своемъ лагерѣ. Наши войска атаковали непріятеля, выбили его изъ лагеря и заставили совершенно скрыться.

Взявъ лагерь Тучковъ успѣлъ отбить до 100 армянскихъ семействъ, находившихся въ плѣну у Персіянъ и множество лошадей, скота и разныхъ военныхъ и жизненныхъ припасовъ. Число оставленныхъ непріятелемъ убитыхъ на мѣстѣ, простиралось до ста человѣкъ; съ нашей стороны потери не было.

Въ то время, когда все это происходило, главнокомандующій шелъ съ остальнымъ отрядомъ по слѣдамъ Тучкова. Слышанные впереди выстрѣлы заставили князя Циціанова сдѣлать два послѣдніе перехода усиленными, такъ что 12-го іюня онъ прибылъ въ урочище Гумри, въ той же шурагельской степи лежавшее, гдѣ и соединился съ послѣдними войсками его отрядъ составляющими. Отсюда кн. Цицiановъ предполагалъ, отправивъ обозъ и больныхъ въ Бамбаки, выступить подъ Эривань, куда и прибыть въ два

перехода. Не приступая ко взятію крѣпости онъ хотѣлъ вступить въ сраженіе съ персидскими войсками, стоявшими лагеремъ подъ Шурагелемъ, близь Эривани, въ числѣ 18-ти тыс. человѣкъ, подъ предводительствомъ Баба-Ханова сына Аббасъ-Мирзы, при которомъ находились два грузинскіе царевича, Шерифъ паша (бывшій ахалцыхскій), Сулейманъ-ханъ, Баба-хановъ Сардарь и многіе другіе. Впереди всѣхъ стоялъ царевичъ Александръ съ своимъ отрядомъ. Получивъ свѣдѣнія о томъ, что сынъ Баба-Хана прислалъ къ нему въ помощь двѣ тысячи человѣкъ, князь Циціановъ доносилъ: „По симъ-то свѣдѣніямъ, сейчасъ полученнымъ, не могу я слѣдовать къ Эривани, доколѣ не прогоню царевича съ войсками къ соединенію съ главнымъ персидскимъ войскомъ, безъ чего оставилъ бы я его въ тылу и подвергъ опасности грузинскую границу“ (1).

Эриванскій ханъ по прежнему искалъ еще переговоровъ съ княземъ Циціановымъ, который на все это отвѣчалъ (2):

„Три письма вашего высокостепенства я получилъ съ тѣхъ поръ какъ пришелъ подъ Гумри: два съ мужиками и одно съ вашимъ слугою и на оныя отвѣтствую. Я вамъ изъ Тифлиса писалъ, хотя и не долженствовало, послѣ дерзскаго вашего письма; дѣлалъ предложеніе, говоря чтобы ваше высокостепенство ихъ приняли и согласились прежде нежели я выйду изъ Тифлиса съ войсками, послалъ черезъ маіора, далъ копію вашему посланцу Ризабеку, но вы на то не согласясь теперь перемѣнили тонъ и вопрошаете въ письмѣ: останусь ли я въ Гумри или пойду далѣе? Я же не за тѣмъ пришелъ что бы стоять подъ Гумрами, а за тѣмъ что бы взять Эривань. Вы говорите въ письмѣ, чтобы требовалъ вашихъ услугъ, а я требую отъ васъ крѣпости со всѣми военными снарядами, и божусь вамъ живымъ Богомъ, въ коего исповѣдую, что вашему высокостепенству другой дороги нѣтъ къ спасенію, какъ по приближеніи моемъ къ крѣпости, встрѣтить меня, вынесть ключи мнѣ и предаться священной волѣ всемилостивѣйшаго и великаго моего Государя Императора. Тогда все ваше счастіе возвѣщу я вамъ священнымъ именемъ Его Императорскаго Величества, Богомъ вознесенной Имперіи Государя. Вотъ одна дорога вамъ къ

(1) Рапортъ Г. И. 12-го іюня 1804 г. Арх. В. Т. Д. № 47358.
(2) Письмо эриванскому хану 14 іюня 1804 г. Т. А. К. Н.

вашему благосостоянію; впрочемъ воля ваша. При томъ долженъ я получить, по прибытіи моемъ къ Эчміадзину, пословъ отъ васъ изъ почетныхъ, съ письменнымъ увѣреніемъ и объявленіемъ, что вы готовы при приближеніи моемъ вынести ключи отъ крѣпости, для поднесенія Его Императорскому Величеству всемилостивѣйшему моему Государю Императору, а потому и сдадите оную равно какъ и всѣ орудія и всѣ снаряды нашему гарнизону. Не могу умолчать передъ вашимъ высокостепенствомъ что уже персидской политикѣ и выверткамъ не время. Или милости и пощады просите, или ждите жребія Джаватъ-хана (ганжинскаго), чего бы я вамъ не желалъ, но если по упорствуете одинъ день, то я покажу что я даромъ или безполезно съ непобѣдимыми войсками ходить не умѣю.“

Поручивъ авангардъ генералъ-маіору Портнягину, пѣхоту и артиллерію генералъ-маіору Тучкову, а арьергардъ генералъ-маіору Леонтьеву, князь Циціановъ выступилъ 15-го іюня изъ лагеря при м. Гумри, и 19-го числа подошолъ къ эчміадзинскому монастырю.

Въ послѣдній переходъ войска шли 44 версты по гористому, каменистому и голому мѣстоположенію, во время чрезвычайнаго жару, при совершенномъ не имѣніи воды, отчего и изнурились до крайности. Пройдя 30-ть верстъ открылся въ лѣвой сторонѣ большой персидскій лагерь и не въ дальнемъ разстояніи отъ него зажжено было нѣсколько маяковъ, а съ правой стороны была видна рѣчка, текущая къ Эчміадзинскому монастырю. Вдоль рѣки замѣчено было довольно обширное мѣсто удобное для лагеря, но такъ какъ кн. Циціановъ не премѣнно хотѣлъ расположиться въ монастырѣ и оттуда уже вести переговоры съ ханомъ эриванскимъ, то не смотря ни на что слѣдовалъ далѣе

Отрядъ былъ такъ утомленъ, этимъ переходомъ что къ Эчміадзину „не болѣе какъ по 60-ти человѣкъ прибыло въ каждомъ баталіонѣ со знаменами со своими, а прочіе лежали по дорогѣ и едва къ полуночи собрались; обозы же иные пришли и на другой день“ (1).

На третьемъ переходѣ 17-го числа главнокомандующій извѣщенъ былъ въ лагерѣ при раззоренной дер. Абаранѣ, что эриванскій Расламъ-Бекъ съ партіею, смѣшанною съ персіянами и

(1) Арх. Воен. Топ. Депо. № 47358.

татарами, въ 500 человѣкъ, отогнавъ хищнически, въ Бамбакской нашей деревнѣ, много скота, прячется въ горахъ. Главноуправляющій отправилъ туда шефа 9-го егерскаго полка полковника Цеханскаго, съ однимъ баталіономъ егерей, при двухъ трехъ-фунтовыхъ единорогахъ, которыхъ по горамъ несли на рукахъ частію казаковъ и грузинъ. При приближеніи сего отряда, хотя и завязалась перестрѣлка, но весьма не продолжительная, послѣ которой непріятель ушелъ, оставивъ намъ въ добычу до 800 штукъ рогатаго скота.

19-го іюня, приближаясь къ эчміадзинскому монастырю и не доходя до него, верстъ за 8-мъ, послышался колокольный звонъ, который князь Циціановъ принялъ за приготовленіе къ встрѣчѣ его съ крестами и святою водою. Онъ приказалъ тотчасъ же авангарду спѣшить къ монастырю, въ которомъ заперлось до 400 человѣкъ Персіянъ. Ошибка въ предположеніи скоро открылась, авангардъ нашъ былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ фалконетовъ и ружей стрѣлковъ засѣвшихъ съ садахъ окружающихъ Эчміадзинъ. Спѣшившіеся линейные казаки и грузины, хотя оттѣснили засѣвшихъ до стѣнъ монастыря, но занятіе самаго монастыря отложено было до слѣдующаго дня. Для успѣшнаго занятія его неодходимо было ввести въ дѣло не менѣе 2-хъ баталіоновъ, изнуренныхъ 44-хъ верстнымъ переходомъ по безводному пространству. По этому то князь Циціановъ и отложилъ всѣ дѣйствія до слѣдующаго дня и расположился лагеремъ вблизи монастыря, ставъ со всѣми войсками въ одну линію, правымъ флангомъ къ главному монастырю и въ растояніи пушечнаго выстрѣла отъ него. Отставшій, отъ затруднительной и каменистой дороги, обозъ нашъ, прибылъ къ отряду 20-го числа утромъ, и не успѣлъ еще построиться вагенбургомъ, какъ на разсвѣтѣ огромныя толпы Персіянъ стали показываться за монастыремъ, на высотахъ.

Это былъ авангардъ непріятельскихъ войскъ, которые подъ предводительствомъ персидскаго принца Аббасъ-Мирзы, прибывши прежде русскихъ подъ Эриванъ, расположились въ ея окрестностяхъ, гдѣ занимали значительное пространство на Валарсапатской степи. Силы персіянъ простирались до 20-т. всадниковъ; ихъ артиллерійскій паркъ растянутъ былъ отъ верхнихъ садовъ Эчміадзина, до монастырей св. Рипсимы и Каисане. „Ихъ авангардъ, сдѣлавшій первый нападеніе на

русскихъ, могъ почесться сильною арміею въ сравненіи съ отрядомъ князя Циціанова" (1). Отрядивъ для устройства и защиты вагенбурга одинъ баталіонъ саратовскаго мушкетерскаго полка, самъ князь Циціановъ съ отрядомъ подвинулся впередъ къ Эчміадзину, но потомъ вскорѣ долженъ былъ перемѣнить позицію, потому что показалось семь колонъ конницы шедшихъ на нашъ лагерь съ цѣлію окружить его (2). Это движеніе заставило князя Циціанова выдвинуть впередъ два каре, подъ командою генералъ-маіора Портнягина, съ цѣлію держать наступающія толпы въ опасеніи быть отрѣзанными.

Генералъ-маіору Леонтьеву, съ его двумя баталіонами, приказано идти влѣво, къ находящемуся впереди верстахъ въ 4-хъ небольшому монастырю. Тучковъ получилъ приказаніе идти, съ его двумя баталіонами, вправо, и занять позицію между главнымъ монастыремъ и мельницею, вблизи онаго находившуюся. Самъ князь Циціановъ находясь между двумя малыми монастырями, которые персіяне успѣли занять, былъ окруженъ съ 3-хъ сторонъ непріятелемъ. Наступленіе персидской конницы не имѣло однако же для нихъ успѣха. Встрѣченные по всюду выстрѣлами изъ орудій, они не достигли до нашего лагеря, а стали собираться и потянулись назадъ. За неимѣніемъ кавалеріи преслѣдовать ихъ не было возможности, и дѣло это все ограничилось однимъ дѣйствіемъ орудій.

„Персіянѣ незнакомые еще съ европейскою тактикою, сказано въ Русскомъ Инвалидѣ, поражены были упорнымъ сопротивленіемъ малочисленнаго русскаго отряда, котораго они несомнѣвались истребить въ нѣсколько минутъ — Кареи регулярной пѣхоты казались имъ неприступными движущимися стѣнами. Въ тоже время безъ умолкное и правильное дѣйствіе русской артиллеріи, которая постановленная навыгодныхъ высотахъ, удачно поражала толпы противниковъ и покрывала все поле трупами, приводило въ ужасъ необразованное персидское войско".

Вскорѣ безпорядокъ и смятеніе непріятеля стало общимъ. Персіянѣ обратились въ бѣгство. Аббасъ Мирза останавливалъ бѣгущихъ, стращалъ своихъ военноначальниковъ гнѣ-

(1) См. Русскій Инвалидъ 1831 года № 56.

(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 26 іюня 1804 г. См. приложенный планъ сраженія.

ПЛАНЪ

Приложенный къ донесенію Кн. Циціанова о сраженіи при Эчміадзинс. монастыр.

Описаніе сраженія подъ Эчміадзиномъ.

А *Персидскія толпы.*

II *Первая позиція русс. войскъ.*

1. *Каре Гренад. бат. Саратовск. полка и бат. Кавказск. Гренад. подъ начальствомъ Г.М. Портнягина.*

2. *Каре изъ двухъ бат. 9го Егерск. пол. подъ Командою Шлковника Цеханскаго.*

3 *Каре изъ двухъ бат. Кавказскаго Гренад. полка подъ Командою Г.М. Пучкова.*

4 *Каре изъ батал. Саратовск. полка подъ Командою Маіора Польде.*

5 *Каре изъ двухъ батал. Тифлисскаго полка подъ Командою Г.М. Лсонтьева.*

6 *Эскадроны Нарвскихъ драгунъ.*

7 *Казаки.*

8 *Грузины и Татары.*

III *Второе положеніе нашихъ войскъ до окончаніе сраженія.*

МАСШТАБЪ

Саж. 500 375 250 125 0 — 1 — 2 — 3 — 4 — 5 вер.

Картографическое Заведеніе А. Ильина у Нов. м. д. №23

вомъ шаха и уговаривалъ войска къ исполненію своего долга, но все было напрасно·

— Стойте! куда вы бежите! кричалъ онъ. Не страмите меня передъ отцемъ и братьями, не заставляйте меня разсказывать о вашемъ стыдѣ. Выдержите еще нѣсколько натискъ русскихъ и я вамъ ручаюсь за успѣхъ. Но войска его бѣжали, принужденъ онъ былъ и самъ бѣжать. Персидскій отрядъ отступилъ къ деревн. Калагеръ. Персіянамъ удалось только увезти изъ нашего вагенбурга, куда пробралась одна толпа непріятельской кавалеріи, нѣсколько палатокъ и артельную повозку.

Передъ вечеромъ войска наши увидали не большой отрядъ кавалеріи слѣдовавшій, поспѣшно лощиною, по направленію къ нашей позиціи. Кавалерія эта была небольшая часть драгунскаго полка со знаменами и литаврами, неуспѣвшая присоединиться къ своему полку и преслѣдуемая персіянами — Стрѣлки, изъ баталіоновъ Тучкова, засѣвшіе въ лощинѣ, пропустивъ знамена и нашихъ драгунъ, открыли огонь по непріятелю, и, прогнавъ его, закончили тѣмъ дѣйствія этого дня.

21-го числа, т. е. на другой день сраженія Персіяне не показывались, и князь Циціановъ считалъ необходимымъ дать отдыхъ солдатамъ, утомленнымъ безпрерывными и трудными переходами, и десяти часовымъ сраженіемъ. Самъ же гдавноуправляющій употребилъ весь этотъ день на устройство вагенбурга, безпорядочно и на скоро поставленнаго, и расположилъ войска вокругъ него лагеремъ, дабы удобнѣе было защищаться, безъ кавалеріи противъ 20-ти т. непріятеля. 22-го и 23-го іюня, Персіяне также приходили для атаки нашего лагеря, но потеря ихъ и отпоръ, сдѣланный нами въ первый день сраженія, т. е. 20-го числа, такъ напугалъ ихъ, что они не подъѣзжали ближе самаго дальняго орудійнаго выстрѣла. Движеніе это и атаки ихъ были дѣлаемы съ единственною цѣлію отнять воду и лошадиный кормъ, въ чемъ они первое время и успѣли, запрудивъ воду въ водопроводахъ протекавшихъ въ лагерь, и наши солдаты, въ знойный день, съ 6-ти часовъ утра, не имѣли чѣмъ утолить жажды. Два баталіона 9-го егерскаго полка, покровительствуя фуражировъ и за водою ходившихъ, „показали имъ, что и тутъ замыслы ихъ безплодны“.

„Войско наше, пишетъ Тучковъ, утомленное усталостію и жаждою и видя, что не берутъ никакихъ мѣръ добыть воду, начало оказывать нетерпѣніе. Въ 6-ть часовъ по полудни, нѣсколько человѣкъ моего полка, составлявшаго правый флангъ, вышли впередъ. Я догналъ и спросилъ ихъ: „куда вы идете?

„За водой“ отвѣчали они.

„Такъ ли ходятъ за водою“, возразилъ я моимъ гренадерамъ, „постройтесь въ колонну, васъ мало, я прибавлю людей и офицеровъ и укажу вамъ дорогу“. Вызвавъ одну роту впередъ, къ которой присоединилъ двѣ роты егерей стоявшихъ возлѣ, приказалъ идти къ плотинѣ и разрыть оную. Князь Циціановъ, подъѣхавъ ко мнѣ, закричалъ съ гнѣвомъ:

„Кто послалъ за водой?„ Узнавъ, что это было сдѣлано мною, спросилъ меня: „какъ вы смѣете распоряжаться въ моемъ присутствіи?“ Тогда подъѣхавъ ближе къ нему, я объяснилъ причины, побудившія меня сдѣлать эти распоряженія безотлагательно. Князь Циціановъ, не найдя предлога къ моему обвиненію, сталъ дѣлать замѣчанія, что я не придалъ къ сему отряду нѣсколько конницы, которая не была впрочемъ подъ моимъ начальствомъ, и приказалъ тотчасъ двумъ эскадронамъ драгунъ и одному казачьему полку слѣдовать туда же.

„Непріятель, защищавшій плотину, былъ выбитъ, плотина разрыта и войско получило воду“.

Во всѣ три дня, начиная съ 20-го числа, ничего замѣчательнаго не случилось, за исключеніемъ того, что 22-го числа непріятель намѣренъ былъ завладѣть курганомъ, бывшимъ вблизи нашего лагеря и занятымъ охотниками 9-го егерскаго полка, но былъ сбитъ и прогнанъ.

Ночью на 23-е число на этомъ курганѣ былъ построенъ редутъ впослѣдствіи много вредившій непріятелю.

24-го числа Персіяне, видя усилія свои безплодными, опять оставили нашъ отрядъ въ покоѣ. Князь Циціановъ видѣлъ, что вагенбургъ связываетъ ему руки и что занять Эчміадзинъ, по множеству окружающихъ его садовъ, можно только съ потерею не менѣе ста человѣкъ, чего онъ не хотѣлъ, и потому долженъ былъ отложить свое намѣреніе овладѣть эчміадзинскимъ монастыремъ. Къ тому же, кромѣ

главнаго эчміадзинскаго монастыря его окружали еще три монастыря также съ большими садами.

Составивъ изо всего отряда одно общее каре, въ срединѣ котораго расмѣстилъ всѣ патронные и палаточныя ящики и обозъ, главноуправляющій двинулся 25-го іюня, рано утромъ по направленію къ Эривани. Отрядъ перешелъ 12 верстъ впередъ на рѣку Зангу къ дер. Канагири, отстоявшей въ лѣво отъ города, въ семи верстахъ, а отъ персидскаго лагеря въ 12-ти верстахъ. Не смотря на уменьшеніе обоза, князь Циціановъ, при вступленіи въ эриванское владѣніе, имѣлъ до 500 повозокъ „къ защищенію число столь не соразмѣрное моему отряду. Почему узнавъ что дорога лежитъ по степи, рѣшился я необыкновеннымъ строемъ провести оный. Построя обозъ въ 30-ть веревокъ и окружа его каре, коего передній и задній фасъ шли здвоенными взводами для облегченія солдатъ, а по отбоѣ составляли по обычаю фронтъ. Хотя маршъ сей совершенный 25-го, продолжался до 10-ти часовъ отъ ломки обоза, но безвредно и безъ потери одного человѣка, каре достигъ до назначеннаго мѣста“ (1).

На половинѣ дороги, впрочемъ, сынъ Баба-Хана, со всѣми своими войсками окружилъ каре, со всѣхъ сторонъ но фланкеры и орудія, весьма рѣдкими выстрѣлами, держали не пріятеля въ такомъ отдаленіи и безопасности для нашего строя, что когда каре было остановлено для починки повозки, то князь Циціановъ позволилъ солдатамъ лечь и отдыхать.

По приходѣ къ рѣкѣ и деревни, войска нашли ее занятою персидскими войсками, для выбитія которыхъ и былъ отправленъ 9-й егерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Цеханскаго, исполнившаго порученіе „съ прыткостію и храбростію.“ Не имѣніе въ нашемъ отрядѣ кавалеріи лишало возможности захватить всю эту засаду, которая все таки должна была отступать изъ деревни черезъ рѣку по поясъ въ водѣ.

Непріятель пораженный столь быстрымъ выбитіемъ и занятіемъ деревни, отступилъ, сначала въ свой лагерь, а потомъ въ полночь снялся съ него, и потянулся къ Араксу, съ намѣреніемъ отступить за эту рѣку. Магомадъ же ханъ эриванскій, подговоренный своякомъ своимъ Кіалъ-Балы-ханомъ

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 26 іюня 1804 г. Арх. В. Т. Д. № 47358.

нахичеванскимъ, согнаннымъ также съ ханства, которому персіяне отдали сына бывшаго у Баба-Хана въ аманатахъ, послалъ подарки къ сыну Баба-Хана, съ просьбою что бы онъ остался и подошелъ къ крѣпости, что тотъ и исполнилъ 26-го іюня, и расположился въ трехъ миляхъ отъ крѣпости.

Съ 26-го Іюня и до 30-го числа князь Циціановъ занимался приведеніемъ замка деревни Канагири въ оборонительное положеніе, сглаживаніемъ развалинъ около него находящихся, и устройствомъ въ немъ вагенбурга. Оставя сильный баталіонъ для прикрытія вагенбурга, князь Циціановъ предполагалъ, перейдя черезъ рѣку, двинуться далѣе и искать персидскихъ войскъ.

Во время пребыванія здѣсь нашихъ войскъ явился въ лагерь изъ Эчміадзинскаго монастыря монахъ, который объявилъ, что персіяне оставили монастырь, и что въ немъ находится не большой запасъ провіанта. Князь Циціановъ отрядилъ тотчасъ же двѣ роты и приказалъ занять монастырь, что и было исполнено безъ всякаго препятствія.

30-го іюня на разсвѣтѣ, отрядъ перейдя рѣку Зангу при дер. Канагири, гдѣ оставленъ былъ вагенбургъ, и построившись въ 4 каре, двинулся атаковать персидскій лагерь за эриванскою крѣпостью, въ 7-ми верстахъ отъ оной, и за труднѣйшимъ ущельемъ. 5-ть верстъ отрядъ шелъ степью, имѣя въ своемъ виду крѣпость, изъ которой хотя и были высланы партіи, вступившія въ перестрѣлку, но были отбиты одними фланкерами. Вступивъ за тѣмъ въ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ высотами и усыпанную пригорками, продолжающуюся на 4 версты, князь Циціановъ, приказалъ егерскому каре, шедшему въ авангардѣ, отдать свои орудія и „Фронтовой обозъ“ въ слѣдующее за нимъ каре, и разсыпаться по высотамъ, на которыхъ засѣли было персіяне большими толпами. Пять разъ непріятель занималъ лежащіе на дорогѣ бугры и пригорки своими стрѣлками и пять разъ былъ сбитъ егерями въ виду всего отряда. Такимъ образомъ войска наши достигли наконецъ до подъема, почти неприступнаго, на крутую и скалистую гору, по которой пролегавшая дорога многими своими извилинами затрудняла еще болѣе движеніе. Сверхъ всѣхъ этихъ препятствій около дороги на возвышеніяхъ сдѣланы были

непріятелемъ сильныя засады. Главнокомандующій приказалъ теперь смѣнить уставшихъ егерей, пробивавшихъ дорогу своею грудью для всего отряда, и замѣнить ихъ фузелернымъ баталіономъ кавказскаго гренадарскаго полка. Полковникъ Козловскій, которому была отдана команда этаго баталіона, долженъ былъ штурмовать крутую гору „какъ стѣна усыпанную каменьями и около 50-ти сажень перпендикулярной высоты“.

Приказъ былъ отданъ и „жадный къ славѣ“ полковникъ Козловскій, съ маіоромъ Осиповымъ, впереди всѣхъ пошли на гору; за ними могли послѣдовать не болѣе 40-ка человѣкъ, такъ всходъ былъ труденъ. На вершинѣ горы съ крикомъ „ура!“ эта маленькая горсть обратила персіянъ въ бѣгство и тѣмъ дала путь ко всходу всего отряда на гору. Это было, можно сказать послѣднимъ военнымъ дѣйствіемъ того дня, потому что персіяне вслѣдъ за тѣмъ кинулись въ свой лагерь, отстоявшій въ трехъ верстахъ отъ горы и начали собираться къ побѣгу. Преслѣдовать ихъ князю Циціанову было нечѣмъ. Баталіонъ Козловскаго былъ безъ артиллеріи, которая не могла такъ скоро взобраться на гору. Главнокомандующій не рѣшился пустить баталіонъ до лагеря „почему побѣда сколько ни знаменита, но числомъ убитыхъ непріятелей не можетъ почитаться совершенною“. Тридцать человѣкъ линейныхъ казаковъ семейнаго и гребенскаго войска, вскакавъ на гору успѣли отрѣзать только весьма небольшую часть бѣгущаго непріятеля и отбить 4 знамени и 4 фалконета на дромадерахъ. „Устрашенный непріятель оставилъ свой лагерь, бѣжалъ черезъ Эривань, гдѣ былъ ограбленъ тамошнимъ гарнизономъ и скрылся за рѣкою Араксомъ. Въ лагерѣ имъ оставлено 3 фалконета, множество дромадеровъ, 100 пудъ мякоти и пороху и множество мѣдныхъ, свинцовыхъ и чугунныхъ ядеръ, и „весь роскошный богатый персидскій лагерь“. Потерю непріятеля опредѣлить трудно, такъ какъ непріятель увозилъ трупы съ собою; съ нашей же стороны убитъ одинъ рядовой и ранено оберъ-офицеровъ 4, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 27 человѣкъ.

Давъ одинъ день отдыху солдатамъ, князь Циціановъ на слѣдующій день предполагалъ двинуться къ занятію предмѣстья Эривани и „обложеніемъ стѣснить крѣпость (1)“.

(1) Рапортъ кн. Циціанова Е. И. В. 1 іюля 1804 г.

„Ночью, говоритъ Тучковъ въ своихъ запискахъ, во время нашего ночлега, забрели къ намъ нѣсколько верблюдовъ съ фалконетами, которыхъ солдаты поймали и представили на другой день Циціанову. Животныя эти, съ первыми выстрѣлами ими услышанными, въ испугѣ разбѣжались, были упущены персіянами, и не подозрѣвали, что въ громкой реляціи Циціанова увеличатъ собою число трофей его побѣды".

Здѣсь кн. Циціановъ, получивъ письмо хана эриванскаго (1), въ которомъ тотъ увѣрялъ его, что давно желалъ и желаетъ принять въ крѣпость русскіе войска, „подвергая себя, какъ писалъ онъ кн. Циціанову, и городъ вашей власти и испрашивая у васъ спокойной жизни для себя". Магомадъ-ханъ увѣрялъ, что онъ давно искалъ покровительства Россіи, что еще въ 1797 году посылалъ въ Грузію къ тогдашнему главнокомандующему, для переговоровъ по этому дѣлу, но что посланные его возвратились безъ успѣха. Онъ ссылался на то, что Шахъ персидскій Ага-Магомедъ, увѣдомленный объ измѣнѣ эриванскаго хана, вытребовалъ его къ себѣ и непремѣнно лишилъ бы жизни, если бы только „доброжелатели", при ханскомъ дворѣ находившіеся, не исходатайствовали ему за заслуги его предковъ прощеніе. „Кіалъ-Балы-ханъ, писалъ онъ, лишенъ зрѣнія. Сверхъ того, жены, дѣти, родственники наши и по нынѣ находятся у него заложниками, будучи столько времени отлучены отъ насъ и своего отечества. Все сіе потерпѣли мы за то единственно, что искали покровительства Россіи и теперь еще, почитая для себя счастіемъ ваше прибытіе, униженно просимъ пощадить насъ и славный нашъ городъ, коего раззореніе насъ толико тревожитъ. Возвратите ему прежнюю его красоту, а намъ спокойствіе. Мы ничего у васъ не просимъ кромѣ убѣжища отъ мщенія шаха. Что до нашихъ заслугъ мы со всею охотою готовы служить вамъ и ежели вамъ угодно, безъ всякаго медленія примемъ въ крѣпость ваши войска, для коихъ только опасенъ здѣшній жаркій климатъ, ибо и герои не могутъ противиться природѣ. Между прочимъ за нужное почитаю увѣдомить васъ, что Шахъ непремѣнно будетъ сюда, съ гораздо большимъ числомъ войска,

(1) Письмо отъ 3 іюля 1804 г. Т. А. К. Н.

тогда-то мы понесемъ послѣднія бѣдствія, а вы съ многочисленнымъ войскомъ, расположеннымъ на такомъ мѣстѣ, можетъ быть не въ состояніи будете отразить силы — силою".

На это коварное письмо, въ которомъ высказывались и лесть, и преданность, и желаніе отклонить подъ разными предлогами занятіе крѣпости русскими войсками — кн. Циціановъ отвѣчалъ:

„Хотя, писалъ онъ, и долженъ я удивляться во первыхъ тому, что ваше высокостепенство послѣ такъ многихъ моленій ко мнѣ о защитѣ и увѣреній на письмѣ, не прислали по прибытіи моемъ сюда отъ себя посланнаго. Во вторыхъ, что мнѣ мои подчиненные донесли, что эриванскіе люди дерзали стрѣлять противъ непобѣдимыхъ Россійскихъ войскъ. Хотя, говорю я, по симъ двумъ причинамъ, не долженствовало бы мнѣ болѣе входить съ вами въ переписку, но, по обычаю европейскому, долженъ, не приступая къ атакѣ города, предложить сдачу онаго, и если на сіе письмо не получу сего дня въ вечеру отвѣта удовлетворительнаго и рѣшительнаго, то Богъ и штыки мнѣ его доставятъ, не смотря на сто Баба-Хановъ, котораго сынъ издали ѣздитъ съ войскомъ какъ будто заяцъ несмѣющій приблизиться къ стаду львовъ, чему и ваши люди вчера были свидѣтели, и тому, что сто человѣкъ выбыли изъ строя, при рѣкѣ, въ одну минуту. Я долгъ мой сдѣлалъ и вамъ симъ объявляю, а ваша воля есть каждую недѣлю перемѣняя государей своихъ и покровителей (буде правда, что вчера ваши эриванцы стрѣляли), при женоподобномъ персидскомъ войскѣ оставаться или быть увѣреннымъ, что вы во всю жизнь вашу и съ глазами, съ ушами и съ носомъ пребудете".

Ханъ эриванскій ссыллася на то, что ему обстоятельства помѣшали выслать съ поздравленіемъ на встрѣчу кн. Циціанову. Онъ по прежнему просилъ пощады и клялся въ доброжелательствѣ къ Россіи.

„Буде вамъ обстоятельства помѣшали, отвѣчалъ на это кн. Циціановъ (1), какъ вы говорите, ко мнѣ на встрѣчу выслать съ поздравленіемъ, вамъ же хуже, для того, что мы вчера довольно побили вашихъ. Буде нечаянно, отъ непослушныхъ вамъ, противъ воли вашей стрѣляли изъ пушекъ

(1) Письмо отъ 3 іюля 1804 г.

и ружей, какъ говорите, на что же великому Государю государей, Императору высокой державы, Богомъ вознесенной, набирать къ себѣ въ подданные такихъ хановъ, коимъ и ихъ подданные не повинуются? Теперь, такъ какъ вы спрашиваете о причинѣ, для чего я отвергаю васъ отъ преданности Государю Императору, отвѣтствую: 1) вы ищете покровительства Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего солнцеподобнаго Государя государей, а его повелѣній съ прошлаго года или съ моего пріѣзда въ Грузію, многократно повторяемыхъ, о возстановленіи Даніила на патріаршій престолъ не исполнили; 2) Просили защиты моей отъ персидскихъ войскъ командуемыхъ Баба-Хановымъ сыномъ, и вмѣсто того, когда я его прогналъ изъ Канагири, и онъ, устрашенный какъ заяцъ, изъ своего лагеря бѣжалъ въ Гарничай, съ тѣмъ, чтобы бѣжать за Араксъ, вы подарками, обѣщаніями и просьбами убѣдили его возвратиться и стать при Канагири, чтобы послѣ общими силами со мною воевать, но я меньше хвастаю и больше дѣлаю. Какую побѣду одержалъ надъ симъ женоподобнымъ войскомъ вы сами вѣдаете, потому что вы, сдѣлавшись его пріятелемъ при побѣгѣ его, отъ меня изъ лагеря, оставленнаго намъ въ добычу, не помѣшали эриванцамъ на пути бѣгущаго его ограбить. И такъ я отдаюсь на судъ мудрой вашей политики, и вопрошаю теперь, что сильнѣе дѣйствуетъ: медоточивое ли ваше перо персидское или русскіе штыки? Гдѣ слыхано, что вы пощады просите, а ваши люди стрѣляютъ! Наконецъ по полученіи сего письма, извольте мнѣ коротко отвѣчать—отдаете ли вы мнѣ крѣпость? предаетесь ли вы моей воли? А кто вамъ не повинуется выдайте мнѣ ихъ, и будьте увѣрены, что жизнь его останется въ безопасности. Сроку на отвѣтъ даю я до завтрашняго полудня".

Въ то время когда кн. Циціановъ переписывался съ ханомъ эриванскимъ, отрядъ подходилъ къ Эривани. Іюля 2-го, на разсвѣтѣ, онъ выступилъ изъ лагеря на рѣку Керкбулахъ при деревни Канагири. Въ боевомъ порядкѣ онъ дошелъ до эриванской крѣпости, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, точно также какъ и при входѣ въ самое предмѣстье.

Крѣпость эриванская, построенная при рѣкѣ Зангѣ, на самомъ высокомъ, крутомъ и утесистомъ берегу, была окружена двойною стѣною. Внутренняя, сложенная изъ кир-

пича и камня „складеннаго на глинѣ“ весьма толста, довольно высока и имѣла 17 башенъ; наружная стѣна, поставленная отъ внутренней въ разстояніи отъ 15 — 20 саж., изъ глины и камня, была гораздо ниже и тоньше внутренней. Вокругъ крѣпость обнесена широкимъ и глубокимъ рвомъ, мѣстами наполненномъ водою. Крѣпостная артиллерія состояла изъ 60 пушекъ, изъ двухъ мортиръ (1). Гарнизонъ состоялъ изъ 7000 человѣкъ.

Выбравъ, на лѣво отъ въѣзда за бугромъ, безопасное и пространное мѣсто для плацдарма, кн. Циціановъ, отправилъ въ право къ рѣкѣ Зангѣ на базаръ, подполковника Симановича съ баталіономъ кавказскаго гренадерскаго полка, а на лѣво въ Кашагарское предмѣстье генералъ-маіора Тучкова, съ двумя баталіонами того же полка и два баталіона тифлисскаго мушкетерскаго полка подъ командою генералъ-маіора Леонтьева (2). Самъ же главнокомандующій съ шефскимъ баталіономъ саратовскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Портнягина, пошелъ въ ханскій садъ, лежавшій между позиціями занимаемыми подполковникомъ Симоновичемъ и отрядомъ генералъ-маіора Тучкова. 9-й егерскій полкъ оставленъ въ резервѣ, на сборномъ пунктѣ, гдѣ оставленъ также былъ и обозъ, какъ въ мѣстѣ наиболѣе безопасномъ, хотя онъ и состоялъ только изъ однихъ вьюковъ. Нигдѣ сопротивленія встрѣчено не было, кромѣ базара, мечети и Караванъ-сарая. У ханскаго сада баталіонъ нашелъ стѣну сломанною и непріятеля производившаго сильный огонь изъ Караванъ-сарая. Три выстрѣла изъ 12-ть фунтовой пушки, поставленной въ улицѣ, усмирили непріятельскихъ стрѣлковъ, „а Богъ и ура!“ скоро доставили намъ Караванъ-сарай во власть нашу“. Кинувшіеся 50 человѣкъ гренадеръ саратовскаго полка овладѣли имъ. Подполковникъ Симоновичъ занялъ свою позицію также съ бою, а на лѣвомъ флангѣ сопротивленія не было. Все занятіе предмѣстья совершено было въ 3 часа и стоило намъ убитыми и ранеными: 1 офицера и 8 челов. нижнихъ чиновъ.

На другой день князь Циціановъ послалъ 400 человѣкъ пѣхоты съ орудіемъ и нѣсколькими казаками за оставшимся позади отряда вагенбургомъ, который и былъ доставленъ въ деревню Канагири, изъ которой 4-го числа и переведенъ

(1) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ изъ трехъ пушекъ А. В. Т. Д. № 47,358.
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 4 іюля Арх. В. Т. Д. № 47,358.

въ предмѣстье посланнымъ туда отрядомъ. Іюля 4-го 9-й егерскій полкъ отправленъ черезъ деревню Канагири, гдѣ находился вагенбургъ, для занятія послѣдняго пункта на правомъ берегу р. Занги, необходимаго для обложенія крѣпости, противъ ханскаго дома, т. е. сады Юнжалы и бугоръ Мухалетъ. Мѣсто это было занято нашими войсками въ 4-ре часа по полудни. Такимъ образомъ занявъ предмѣстье, Эриванская крѣпость обложена была слѣдующимъ образомъ (1). Съ праваго фланга нашей линіи отъ берега рѣки стоялъ подполковникъ Симоновичъ, съ однимъ баталіономъ кавказскаго гренадерскаго полка. Подлѣ него генералъ-маіоръ Портнягинъ съ баталіономъ саратовскаго мушкетерскаго полка, противъ ханскаго сада, гдѣ находилась и главная квартира князя Циціанова; лѣвѣе въ кашагарскомъ предмѣстье стоялъ генералъ-маіоръ Тучковъ съ двумя баталіонами, и затѣмъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ, также съ двумя баталіонами, составлялъ лѣвый флангъ нашего расположенія. Но какъ строенія лѣваго фланга не достигали до рѣки и оставляли довольно пространное поле, то для соединенія линіи построены были тамъ два редута. Для свободнаго сообщенія вдоль линіи очищено было пространство отъ домовъ, заборовъ и садовъ, и въ улицахъ, обращенныхъ къ сторонѣ крѣпости, сдѣланы были траверсы. При каждомъ отдѣльномъ отрядѣ поставлены батареи, скоро-вооруженные и готовые къ открытію огня по первому приказанію, но такъ какъ 3-го числа эриванскій ханъ, какъ мы видѣли, „сталъ засылать письма“ князю Циціанову, черезъ армянскаго патріарха Даніила, то главнокомандующій и остановился бомбардированіемъ крѣпости. 4-го числа ханъ прислалъ посольство съ извиненіемъ въ письмѣ о томъ, что стрѣляли по нашимъ войскамъ противъ его воли и что онъ все готовъ выполнить, кромѣ сдачи города. Князь Циціановъ словесно, черезъ пословъ, требовалъ, чтобы ханъ прежде всѣхъ переговоровъ выдалъ ему патріарховъ Даніила и Давыда и всѣ богатства эчміадзинскаго монастыря, что не только условія дѣлать о сдачѣ города онъ не будетъ, но что и подумать о томъ не можетъ, послѣ столь многихъ доказательствъ его вѣроломства, и особенно послѣдняго, по которому онъ бѣгущаго за Араксъ непріятеля остановилъ

(1) См. приложенный планъ блокады крѣпости.

разными подарками для совокупнаго дѣйствія противу Русскихъ. Со всѣмъ тѣмъ главнокомандующій обѣщалъ ему жизнь безбѣдную въ Россіи, съ позволеніемъ забрать движимое имущество. Давъ такой отвѣтъ, князь Цицiановъ требовалъ отъ хана рѣшительнаго отвѣта черезъ два часа. „Но убѣжденный просьбами посланника, а паче для того, что ожидая завтрешній день обозъ изъ вагенбурга, согласился я имѣть оный черезъ сутки, считая, что онъ будетъ для проволочки только нерѣшительный, имѣя же облежаніе крѣпости оконченнымъ, открою кононаду, которая надѣюсь сократитъ персидскую политику и устрашитъ стѣсненный въ крѣпости народъ, могущій отъ страха своей гибели, выдать мнѣ хана, какъ всѣ увѣряютъ, тѣмъ паче, что большая часть воды уже отрѣзана и народъ весьма ропчетъ, какъ говорятъ вышедшіе изъ крѣпости Армяне“ (1).

5-го іюля, для сообщенія съ 9-мъ егерскимъ полкомъ, сдѣланъ черезъ р. Зангу мостъ и открыто бомбардированіе крѣпости. Ночью отнято нами 169 штукъ рогатаго скота, выгнаннаго изъ крѣпости за недостаткомъ корма, съ цѣлію прокравшись черезъ нашу цѣпь, угнать его въ горы. По утру 6-го числа партія Персіянъ, высланная изъ города, хотя и покушалась прорваться въ сады, занимаемые 9-мъ егерскимъ полкомъ, но была прогнана назадъ. 7-го числа сдѣланъ былъ на курганѣ редутъ на 40 человѣкъ и одно орудіе, между и нѣсколько позади тифлискаго гренадерскаго и мушкетерскаго баталіоновъ, съ цѣлію скорѣйшаго открытія приближавшагося непріятеля.

10-го числа прибылъ въ главную квартиру Джафаръ-Кули-ханъ хойскій, предавшій себя въ подданство Россіи. Джафаръ-Кули-ханъ хойскій по своему уму, справедливости и храбрости, не только владѣлъ своимъ ханствомъ, но и повелѣвалъ нѣкогда всѣмъ Адербиджаномъ. Въ послѣдствіи происками самого Баба-Хана, и его наперстниковъ, и вслѣдствіе притѣсненій ему дѣлаемыхъ, удалился изъ Хои и жилъ на турецкой границѣ, во владѣніи эриванскаго хана, его родственника. Въ концѣ 1803 года онъ искалъ покровительства и подданства Россіи. Князь Цицiановъ, къ которому онъ обращался съ этимъ желаніемъ и просьбами, не лишалъ его надежды, видя въ такомъ желаніи Джафаръ-Кули-

(1) Изъ рапорта кн. Цицiанова Г. И. 4-го іюля 1804 г.

хана существенную пользу для дѣлъ тамошняго края. По покореніи Эривани и Нахичевани, главнокомандующій думалъ возстановить его на ханствѣ и имѣть такимъ образомъ за Араксомъ, въ сосѣдственной провинціи, дружественнаго намъ хана.

По этой то причинѣ, оставляя границы Грузіи и наступая къ Эривани по шурагельской степи, князь Циціановъ пригласилъ его съ конницею присоединиться къ отряду, дать въ залогъ аманата и письменное обязательство въ томъ, что онъ будетъ отвѣчать за вѣрность своихъ людей (1). Баязетскій паша не дозволилъ такого соединенія хойскаго хана съ нашимъ отрядомъ, о чемъ тотъ и писалъ князю Циціанову, который однакоже не признавалъ этого основательнымъ.

„Сказываю вамъ истинно, писалъ онъ (2), что при благости Божіей, сто Баба-Хановъ, равно и эриванскихъ Магомадъ-хановъ почитаю ни вочто. Вы уже можетъ быть слышали, что въ три дня сволочь персидская отъ непобѣдимыхъ Россіянъ претерпѣла, и напослѣдокъ уповаю, что они посрамлены будутъ. А вашему высокостепенству удобно представляю, съ полученія сего, поспѣшеніемъ ко мнѣ для блага вашего, съ своими подвластными“.

Баязетскій паша окружилъ его со всѣхъ сторонъ и держалъ въ блокадѣ дотѣхъ поръ, пока не узналъ о томъ, что русскія войска разбили персидскія, бывшія подъ начальствомъ сына Баба-хана. Освободившись отъ блокады Джафаръ-Кули-ханъ пріѣхалъ въ Эчміадзинъ и просилъ князя Циціанова прислать за нимъ конвой, для препровожденія его къ отряду, блокировавшему Эривань. Здѣсь онъ присягнулъ на подданство Россіи, получилъ въ подарокъ кинжалъ и обѣщаніе быть возведеннымъ на ханство хойское (3). Во все время осады Эривани онъ оказывалъ необыкновенное усердіе и дѣятельность въ пользу нашего отряда: разсылалъ своихъ лазутчиковъ, справлялся и увѣдомлялъ главнокомандующаго о намѣреніи Персіянъ и ихъ движеніяхъ и наконецъ съ 700-ми человѣкъ своей конницы дѣлалъ ночныя нападенія.

„Кромѣ пользы, извлекаемой мною, доносилъ князь Ци-

(1) Письмо кн. Циціанова хану хойскому 13 іюня Т. А. К. Н.
(2) Въ письмѣ отъ 24 іюня. Тамъ же.
(3) Письмо кн. Циціанова хану хойскому 14 іюля № 337. Тамъ же.

ціановъ (¹), изъ сего новаго подданнаго, хотя оно и на личности его собственной основано, не малой помощію онъ мнѣ служить можетъ и въ переговорахъ по извѣстности ему дѣлъ здѣшнихъ. Эриванскаго хана сестру и его жену, жившую въ крѣпости, Кіалъ-Балы-ханъ нахичеванскій не выпустилъ по требованію мужа ея, хотя и братъ ея на то согласенъ былъ. А Джафаръ-Кули-ханъ симъ поступкомъ оскорбленный и враждуя издавна съ нимъ, уловлять его старается персидскою политикою, которая превышаетъ и Макіавелеву".

Князь Циціановъ, не отвѣчая за искренность Джафаръ-Кули-хана, по весьма частому вѣроломству Азіятцевъ, думалъ однакоже употребить его для переговоровъ о сдачѣ Эривани нашимъ войскамъ, безъ осады и штурма.

10-го же числа іюля заложенъ былъ редантъ, постройка котораго поручена была саратовскаго мушкетерскаго полка маіору Нольде 1-му, отъ котораго онъ и получилъ это имя. Редантъ этотъ имѣлъ цѣлію блокировать Эривань.

Калъ-Балы-ханъ нахичеванскій, употреблявшій всѣ средства къ тому, чтобы не допустить Магомадъ-хана эриванскаго до сдачи крѣпости, написалъ къ Баба-Хану, что сынъ его находится въ опасности, отъ дѣйствія русскихъ войскъ, и что безъ личной его помощи спасенъ быть не можетъ. Баба-Ханъ, набравъ 15-ть тыс. войска изъ Хои и Тавриса, день и ночь спѣша къ сыну на помощь, 14-го числа вечеромъ соединился съ нимъ при р. Гарничай, куда сынъ его Абасъ-Мирза, послѣ разбитія 30-го іюня и потери лагеря, отошелъ, сначала за 80-ть верстъ къ деревнѣ Шарури, а потомъ возвратился по просьбѣ Эриванцевъ къ р. Гарничай. Здѣсь онъ имѣлъ уже половину числа войскъ, такъ какъ другая половина, по персидскому обычаю, разбѣжалась, какъ то бываетъ послѣ всякаго несчастнаго сраженія.

Узнавъ вечеромъ, 14-го числа, отъ посланныхъ Джафаръ-Кули-ханомъ Хойскимъ, находившимся тогда въ главной квартирѣ, о прибытіи самаго Баба-Хана въ Гарничай, князь Циціановъ приказалъ двумъ резервнымъ каре быть готовыми къ занятію назначенныхъ имъ мѣстъ, такъ какъ и всему блокадному корпусу приготовиться къ отпору, въ случаѣ нападенія персіянъ и вылазки изъ города. Главнокоман-

(¹) Въ рапортѣ Г. И. 14 іюля Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1—10, 1801—5, № 3.

дующій рѣшился, не снимая блокады, удержать всѣ занятые посты „хотя бы и дорого стоило, ибо я считалъ постыднымъ дѣломъ, для войскъ, по обычаю европейскому, снять блокаду для подобнаго непріятеля и тѣмъ выполнить его желаніе (¹).“

Вскорѣ стали доходить слухи о многочисленныхъ непріятельскихъ партіяхъ, показавшихся позади нашей линіи. Посланный, 8-го іюля, капитанъ кавказскаго гренадерскаго полка Спышковъ въ Бамбаки, для сопровожденія оттуда артиллерійскихъ снарядовъ, прибылъ въ лагерь только 14-го числа вечеромъ. Тотчасъ приказано было отъ всѣхъ частей войска послать команды за пріемомъ снарядовъ и патроновъ. Едва только приказаніе это было исполнено и снаряды были сложены на батареяхъ кучами и покрыты шинелями, какъ на лѣвомъ флангѣ услышали ружейные выстрѣлы.

Въ 2 часа по полуночи появился авангардъ персидскихъ войскъ. Каре генералъ-маіора Портнягина заняло позицію на возвышенномъ мѣстѣ при входѣ въ предмѣстье, откуда войска наши вошли при занятіи садовъ, и тѣмъ закрыло тылъ блокирующихъ войскъ праваго фланга. Каре генералъ-маіора Леонтьева, назначенное занять мѣсто впереди бугра Мухалета и редута, частію не успѣло занять этого мѣста, а частію опасаясь, чтобы персидская пѣхота не ворвалась въ сады, стало по лѣвую сторону бугра и тѣмъ подвергнуло опасности самый редантъ саратовскаго полка маіора Нольде 1-го. Передовой отрядъ персіянъ атаковалъ одновременно съ большою стремительностію редантъ Нольде и редутъ построенный на бугрѣ, у каре генералъ-маіора Леонтьева. Наши солдаты, привыкшіе, въ пяти бывшихъ сраженіяхъ, видѣть персіянъ въ отдаленіи не ближе пушечнаго выстрѣла, увидали ихъ теперь на ружейный выстрѣлъ. Эта стремительность доказывала присутствіе при отрядѣ самаго Баба-Хана. Три эти поста были одновременно окружены огромными толпами персіянъ среди ночной темноты, не по препятствовавшей видѣть, что изъ крѣпости кромѣ того сдѣланы были вылазки. Одна ударила на правый нашъ флангъ и была отражена картечью батарей, другая, проникнувъ къ сторонѣ главной квартиры, была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ

(¹) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 16 іюля 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—13, 1803—5, № 1-й.

ПЛАНЪ
БЛОКАДЫ ЭРИВАНСКОЙ КРѢПОСТИ

Масштабъ.

Саж. 1000 750 500 250 0 2 версты

ОПИСАНІЕ БЛОКАДЫ

a Главная квартира въ мечети
b Баталіонъ Подполковника Сикановича Кавказскаго полка
c Гренадерскій баталіонъ Саратовскаго полка.
d Шефскій баталіонъ Кавказскаго Гренадерскаго полка
e Полковника Козловскаго баталіонъ Кавказскаго полка
f Шефскій баталіонъ Кифлисскаго Мушкетерскаго полка
g Баталіонъ Маіора Монтрезора Кифлисскаго полка
h 9го Егерскаго полка баталіоны
i Нарвскаго драгунскаго полка эскадроны
k Казаки
l Грузины
m Каре Генерала Маіора Портнягина
n Каре Генерала Маіора Леонтьева
o Казачьи пикеты
p Редутъ на курганѣ Мухагетъ.
q Редутъ Маіора Мольде.

КАРТ. ЗАВЕДЕНІЕ А ПЛЬЕНА УНЕК М. Д. № 25

огнемъ караула князя Циціанова. По темнотѣ ночи, непріятель полагалъ, что тутъ защищается и сосредоточенъ весь отрядъ, принялъ влѣво къ Караванъ-сараю, но и здѣсь найдя оборону подался еще лѣвѣе и наткнулся на отрядъ подполковника Симоновича, штыками прогнавшаго его до самой крѣпости. Въ то время какъ эриванцы дѣйствовали на правомъ флангѣ нашего расположенія, персіяне, какъ мы видѣли, атаковали нашъ лѣвый флангъ. Оборона редана маіора Нольде принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣйствій, стойкость которыхъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Изъ полутора роты бывшей въ укрѣпленіи, одна рота была отряжена съ вечера провожать пріѣхавшій изъ монастыря провіантскій обозъ до Караванъ-сарая. Она не успѣла еще возвратиться когда редантъ, имѣвшій только 56 человѣкъ гарнизона, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ персидскою толпою, превышающую числомъ 3-т. человѣкъ. Болѣе 5-ти часовъ редантъ выдерживалъ сильный огонь и, не смотря на свою невѣроятную малочисленность, съумѣлъ найти средство и благопріятный моментъ къ тому, чтобы сдѣлать три вылазки и выбивать штыками непріятеля, засѣвшаго за каменьями впереди реданта бывшими. Изъ 4-хъ офицеровъ бывшихъ въ редантѣ: 1 убитъ и три ранены. Патроны бывшіе въ сумахъ всѣ разстрѣляны. Адъютантъ и маіоръ Нольде разносили ихъ изъ ящика и раздавали солдатамъ. Баба-Ханъ удивлялся этой геройской защитѣ храбрыхъ, потерявшихъ уже 17-ть человѣкъ убитыми и ранеными (1). Оставшіеся цѣлыми, при дальнѣйшемъ наступленіи персіянъ, конечно не могли бы удержать реданта, если бы не подоспѣла ему помощь. Стоявшій на правомъ берегу р. Занги: 9-го егерскаго полка полковникъ Цеханскій, видя редантъ окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ пустить нѣсколько бомбъ въ окружающихъ редантъ персіянъ, и выслалъ не большую команду егерей изъ за горы, на противуположномъ берегу лежащей. Персіяне приняли это за наступленіе нашихъ войскъ и, видя отступающими атаковавшихъ бугоръ Мухалетъ, сами начали поспѣшно отступать.

Постъ на бугрѣ Мухалетъ, изъ 50 человѣкъ мушкетеръ тифлисскаго полка имѣлъ сначала худшую участь чѣмъ редантъ Нольде. При самомъ началѣ дѣйствія выбыло изъ

(1) Русскій Инвалидъ 1836 г. № 104.

строя 12 человѣкъ нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ. Персіане стали, сильно тѣснить его; но подоспѣвшіе двѣ роты того же полка подъ командою маіора Токарева, дали новый оборотъ дѣйствіямъ и отрядъ, сильно тѣснимый, перешелъ въ наступленіе.

Каре генералъ-маіора Леонтьева, имѣя съ лѣвой стороны горы, покрытыя крупными каменьями, за которыми засѣлъ непріятель, болѣе всѣхъ потерпѣло убитыми и ранеными. Для выбитія его оттуда были отряжены охотники, которые хотя и вытѣснили его, но весьма значительныя силы непріятеля, всегда свѣжія войска съ стремленіемъ кидавшіяся какъ на каре, такъ и на пикеты, превозмогли и сбили съ высоты нашихъ охотниковъ. Каре, отражая непріятеля картечью и штыками высылаемыхъ резервовъ, заставило отступить персіянъ съ значительнымъ урономъ, отнявъ у нихъ одно знамя. Поручикъ Лабынцовъ, предводительствовавшій охотниками, озлобленный полученною контузіею „и почитая нарушеніемъ его чести то, что былъ сбитъ съ высоты, тотчасъ, съ прапорщикомъ Выскребенцовымъ, кинувшись на высоты занятыя непріятелемъ, штыками занялъ прежній постъ, послѣ чего кавказскаго гренадерскаго полка капитанъ Кушелевъ съ 25-ю гренадерами и штабсъ-капитанъ саратовскаго полка Лабунскій, съ таковымъ же числомъ мушкетеръ, присланные въ подкрѣпленіе сему безпримѣрной храбрости поручику Лабынцову, соединились и тогда Кушелевъ принявъ команду сбилъ храбро персіянъ съ послѣдней высоты и отнялъ у нихъ 2 фалконета“. Остальныя части войскъ, блокировавшіе Эривань принимали весьма не большое участіе въ побѣдѣ этаго дня. Постъ кавказскаго гренадерскаго полка былъ самый важный изъ всѣхъ постовъ блокировавшаго отряда, какъ примыкавшій къ р. Зангѣ и связывавшій позицію занимаемую 9-мъ егерскимъ полкомъ. Въ случаѣ успѣха непріятеля и овладѣнія этимъ постомъ, прерывалось сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ Занги и 9-мъ егерскимъ полкомъ, и тогда Караванъ-сарай, въ которомъ были всѣ полковыя тяжести, и подвижной магазинъ, мечеть и квартира главнокомандующаго,—были открыты непріятелю. Тутъ же у моста, построеннаго для соединенія отрядовъ другъ съ другомъ, были сложены всѣ снаряды привезенные изъ Бамбакъ на канунѣ сраженія. Словомъ сказать съ по-

терею этой позиціи снятіе блокады было бы неминуемо. Конечно персіяне сдѣлали большую ошибку въ томъ, что не направили главныхъ своихъ силъ противу этаго пункта, составлявшаго, такъ сказать, ключь позиціи. Разбросавъ свои силы на многіе отдѣльные и при томъ не столь важные пункты и не имѣя единства въ дѣйствіи, они тѣмъ дозволили нашимъ войскамъ оставить блокаду въ прежнемъ положеніи. Тогда какъ сосредоточивъ войска въ этомъ пунктѣ, они хотя бы можетъ быть и не имѣли успѣха, но тѣмъ не менѣе заставили бы для отраженія себя стянуть наши войска къ этому пункту, и этимъ единственнымъ путемъ достигнуть до Эривани, заставить снять блокаду, въ которой была вся цѣль ихъ дѣйствій. Эта то ошибка была причиною того, что князь Ціціановъ давалъ такое большое значеніе и упомянулъ въ реляціи объ отраженіи вылазки подполковникомъ Симоновичемъ. „Этотъ храбрый офицеръ, писалъ князь Ціціановъ, не смотря что имъ командуемый баталіонъ большею частію занятъ былъ пикетами, со смѣнившимся моимъ карауломъ, присоединя еще занятыхъ службою, сперва огнемъ, а потомъ штыками, по разломанному форштату, но положилъ на мѣстѣ до 400 человѣкъ. Упорство вылазки превзошло ожиданіе. Въ одной хижинѣ запершіеся и окруженные нашими 30 человѣкъ Персіянъ, не смотря на предложеніе Симоновича даровать имъ жизнь въ случаѣ сдачи, не согласились на то, и всѣ до одного погибли“. Что же касается до праваго берега р. Занги занимаемаго 9-мъ егерскимъ полкомъ, то по услышанному шуму шефъ того полка полковникъ Цеханскій выслалъ двухъ казаковъ разузнать о причинѣ его. Казаки неуспѣли отъѣхать на значительное разстояніе, какъ Персіяне съ крикомъ бросились въ садъ противъ егерскаго обоза. Три роты съ орудіемъ были отправлены очистить садъ, что ими и исполнено съ отнятіемъ одного непріятельскаго знамени. Прогнанный непріятель хотя потомъ и порывался снова атаковать обозъ, но, не видя удачи, переправился черезъ р. Зангу и присоединился къ Персіянамъ, дѣйствовавшимъ по ту сторону рѣки.

Въ часъ по полудни сраженіе кончилось и непріятель отступилъ въ Гарничай. Послѣ сраженія Баба-Ханъ приказалъ повѣсить своего лазутчика, который донесъ ему, что у насъ недостатокъ пороха и снарядовъ. Дѣйствительно,

если бы Баба-Ханъ атаковалъ сутками ранѣе, то положеніе эриванскаго отряда было бы весьма затруднительно, такъ какъ нашъ транспортъ съ порохомъ, патронами и снарядами успѣлъ прибыть къ отряду только за нѣсколько часовъ до наступленія Персіянъ, чего лазутчикъ конечно не могъ знать.

Хотя разстройство непріятеля было столь значительно, что при малѣйшемъ преслѣдованіи или ночномъ нападеніи онъ могъ бы быть окончательно разсѣяннымъ, но князь Циціановъ не предпринялъ ни того ни другаго, за неимѣніемъ кавалеріи. Главнокомандующій полагалъ, что съ пѣхотою нельзя было преслѣдовать, съ чѣмъ нельзя согласиться, тѣмъ болѣе, что, по его собственнымъ словамъ, непріятель былъ такъ разстроенъ, „что онъ по одному слуху, что Русскіе идутъ, на 3-й день поспѣшно снявшись, ушелъ за 4-ре часа (мили) оттоль“.

Потеря наша состояла въ 4-хъ офицерахъ и 58-ми нижнихъ чиновъ убитыми, 7-мь безвѣсти пропавшими и 9-ть офицеровъ, 108 нижнихъ чиновъ ранеными. Непріятель потерялъ 1,000 человѣкъ оставленными на мѣстѣ, въ томъ числѣ, по показанію плѣнныхъ, 3 хана и 250 чиновниковъ, не считая увезенныхъ и раненыхъ. Вылазка изъ города оставила на мѣстѣ 500 человѣкъ. Плѣнныхъ было взято очень мало, потому что князь Циціановъ не приказалъ брать въ плѣнъ. Въ сраженіи этомъ выпущено 31,657 ружейныхъ патроновъ и 217 артиллерійскихъ снарядовъ. Кн. Циціановъ получилъ за это дѣло орденъ св. Владиміра 1-го класса.

Послѣ пораженія подъ Эриванью персидскія войска раздѣлились на двѣ части: одна, подъ начальствомъ самого Баба-Хана пошла на деревню Канагири, въ лѣвой сторонѣ отъ крѣпости и въ одной мили отъ нее отстоящую, а другая осталась подъ начальствомъ сына Баба-Хана въ лагерѣ при Гарничаѣ. Нельзя было не воспользоваться этимъ безцѣльнымъ раздѣленіемъ персидскихъ силъ. Какъ только князь Циціановъ узналъ объ этомъ, тотчасъ же рѣшился сдѣлать ночное нападеніе на непріятельскій лагерь, и притомъ не употреблять при этомъ значительныхъ силъ. Но если Баба-Ханъ сдѣлалъ ошибку раздѣленіемъ своихъ силъ, и давалъ средства для атаки его по частямъ, то князь Циціановъ

сдѣлалъ еще большую ошибку тѣмъ, что назначилъ для исполненія этого предпріятія весьма небольшой отрядъ. Видя ошибку Баба-Хана, онъ не умѣлъ однакоже ею воспользоваться. Составивъ отрядъ только изъ 900 человѣкъ при 6-ти орудіяхъ (1) и поручивъ команду шефу нарвскаго драгунскаго полка Портнягину, онъ отправилъ его къ персидскому лагерю ночью 24-го іюля. Какъ ни тихо шли войска, но не успѣли подойти къ самому лагерю, потому что люди хойскаго хана, бывшаго при генералъ-маіорѣ Портнягинѣ, замѣтивъ непріятельскій бекетъ, не давъ никому о томъ знать, бросились на него и открыли огонь, и тѣмъ дали знать о наступленіи нашихъ войскъ. Къ разсвѣту отрядъ хотя и продолжалъ движеніе, но на пути своемъ былъ нѣсколько разъ останавливаемъ персидскою конницею, выѣзжавшею съ разныхъ сторонъ на дорогу, по которой двигался отрядъ. Отражая охотниками и фланкерами непріятеля, Портнягинъ наткнулся на три толпы Персіянъ, бывшихъ подъ начальствомъ самого Аббасъ-Мирзы. Каре наше остановилось. Аббасъ-Мирза, не вступая въ бой, стоялъ въ отдаленіи около двухъ верстъ отъ каре. Въ то же время, въ право отъ дороги къ р. Араксу, показалась разсыпная колонна со вьюками, заключавшими въ себѣ лагерь и припасы Персіянъ. На мѣстѣ лагеря войскъ повидимому не оставалось болѣе трехъ тысячъ, назначенныхъ собственно для защиты и занятія деревни Ахъ-Бетъ. Не имѣя цѣли идти на лагерь, Портнягинъ двинулся къ стоявшимъ въ отдаленіи толпамъ, но они тотчасъ же начали отступать и подыматься на горы, непроходимыя для каре и потянулись по дорогѣ изъ Канакріи лежащей. Туда стали собираться съ разныхъ сторонъ и толпы Персіянъ подъ начальствомъ вернувшагося Баба-Хана бывшаго въ Канагири. Ограничившись дѣйствіемъ артиллерійскаго огня, Портнягинъ съ отрядомъ отошелъ нѣсколько назадъ къ ключевой водѣ, съ цѣлію дать отдохнуть уставшему отряду. Но едва отрядъ успѣлъ напиться, какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ спустившимися съ горъ Персіянами въ числѣ до 30,000

(1) Въ отрядъ этотъ были назначены: 170 гренадеръ и 210 мушкетеръ саратовскаго полка, 190 мушкетеръ тифлискаго полка, 100 драгунъ нарвскаго полка, 30 казаковъ, 100 Грузинъ и 100 человѣкъ Персіянъ Джафаръ-Кули-хана хойскаго, при личномъ его начальствѣ.

человѣкъ. Портнягинъ началъ отступать, по направленію къ Эривани, и въ продолженіи 14½ часоваго пути отбивался отъ непріятеля,—то атаковавшаго его, то забѣгавшаго впередъ, чтобы отрѣзать ему путь отступленія,— съ такимъ успѣхомъ, что не оставилъ на полѣ сраженія ни одного ни раненаго ни убитаго, а всѣхъ ихъ привелъ къ Эривани (1).

Донося объ этомъ геройскомъ отступленіи кн. Циціановъ прибавлялъ, „Городъ (Эривань) стрѣлялъ викторію уже, получа отъ Баба-Хана, что онъ всѣхъ русскихъ живыхъ возьметъ, но изумленъ былъ потомъ, видя каре въ цѣлости возвратившимся (2)“.

Въ этомъ дѣлѣ потеря непріятеля простиралась до 800 человѣкъ; съ нашей стороны потеря заключалась въ 2 убитыхъ и 62 раненыхъ. Выпущено 10,203 патрона и 76 артиллерійскихъ снарядовъ.

Съ 24-го іюля и по 2-е сентября отрядъ простоялъ подъ Эриванью и 2-го числа долженъ была за недостаткомъ продовольствія, снять блокаду и отступить. Въ этотъ промежутокъ времени ничего важнаго относительно военныхъ дѣйствій предпринимаемо не было, ни со стороны нашей, ни со стороны персидскихъ войскъ. Наши войска приготовляли туры для брешъ батареи, которая хотя и была и заложена, въ ночь на 23-е іюля, на правомъ флангѣ противъ ханскаго дома, но не могла принести намъ никакой пользы, за неимѣніемъ осадныхъ орудій.—22-го августа успѣли отвести воду отъ 6-ти городскихъ мельницъ. Персидскія войска и гарнизонъ крѣпости Эривани дѣлали вылазки и нападенія на наши передовые посты, но безуспѣшно. Баба-Ханъ съ своими войсками, показывался на высотахъ передъ нашими передовыми постами, но не предпринимая ничего, постоявъ нѣкоторое время, опять скрывался изъ виду. Онъ, то уходилъ въ дер. Шарури, то опять возвращался въ Гарничай, то тянулся къ рѣчкѣ Карабулахъ. Такая бездѣятельность персидскихъ войскъ и самаго Баба-хана была весьма выгодна для нашего отряда терпѣвшаго значительный недостатокъ въ продовольствіи.

---

(1) Рапортъ Г. М. Портнягина кн. Циціанову 27 іюля № 268. Арх. Воен. Топ. Депо № 47358.

(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 27 іюля. Тамъ же.

Для продовольствія отряда блокировавшаго Эривань было сдѣлано распоряженіе о перевозкѣ провіанта изъ тифлисскаго магазина въ Бамбакскій, а изъ сего послѣдняго провіантъ долженъ былъ доставляться въ отрядъ (1). Нарядъ аробъ во время полевыхъ работъ былъ затруднителенъ и потому кн. Волконскій, бывшій правителемъ Грузіи, предложилъ грузинскимъ провіантскимъ коммиссіонерамъ отправиться въ Бамбаки и закупить тамъ въ Самхетіи необходимое количество хлѣба, который и могъ быть доставленъ въ Караклисъ самими продавцами (2). Коммиссіонеры увѣдомляли, что всѣ жители Самхетіи откочевали въ горы, а потому трудно было разсчитывать на покупку провіанта, и притомъ онъ могъ быть купленъ въ зернѣ, они просили кн. Волконскаго (3) нарядить изъ уѣздовъ Грузіи, для перевозки 600 четвертей муки и 90 четвертей крупъ соотвѣтствующее число аробъ. Кн. Волконскій не согласился на это. „На пространный и мало въ себѣ заключающій рапортъ, писалъ кн. Волконскій коммиссіонерамъ, имѣю сказать и предписать исполненіе приказанія моего. Буде бы на мѣстѣ обстоятельства вамъ открыли того невозможность, тогда только дозволяю донести себѣ о невозможности (4).

Въ то же время изъ Казахъ была собрана мука въ счетъ слѣдуемой подати, 3000 кодъ, и по увѣдомленію казахскаго моурава князя Чавчавадзева должна была быть отправлена въ отрядъ блокирующій Эривань (5). Мука эта однако же не прибывала, а продовольствіе отряда истощалось. Князь Цицiановъ писалъ жесткое письмо Чавчавадзеву и требовалъ увѣдомленія въ какой день онъ получитъ эту муку.

„Надѣясь на ваше усердіе, письмомъ ко мнѣ подтвержденное, писалъ онъ между прочимъ (6), я остаюсь безъ провіанта и потому вижу что ошибся. Видно въ то время какъ вы меня увѣдомили о сборѣ и обѣщались скоро доставить, въ то же время ваши подчиненные казахи, по слабости управленія вашего, увѣдомили Баба-Хана о томъ же. Я вмѣ-

(1) Сообщеніе грузинскаго провіантскаго коммиссіонера 17 іюля № 131. Рапортъ комиссіонеровъ правителю Грузіи 24 іюля № 610.

(2) Предписаніе кн. Волконскаго грузинскимъ коммиссіонерамъ 25 іюля № 712.

(3) Рапортъ ихъ кн. Волконскому 26 іюля № 615.

(4) Предписаніе отъ 26 іюля. Т. А. К. Н.

(5) Рапортъ его кн. Цицiанову 22 іюля Арх. В. Т. Д. № 47358.

(6) Предписаніе кн. Чавчавадзе 25 іюля Т. А. К. Н.

сто хлѣба персидскія отговорки буду имѣть. Вы бы могли недожидаясь всего сбора частями присылать."

Между тѣмъ до князя Циціанова стали доходить слухи, что кизихскіе жители были въ сношеніи съ царевичемъ Александромъ, котораго приглашали къ себѣ съ 5-т. отрядомъ. Главноуправляющій снова писалъ князю Чавчавадзеву, 28 іюля и 4-го августа, требуя провіанта, укоряя его въ невѣрности и говоря, что оправдать себя онъ не можетъ ничѣмъ другимъ какъ захвативъ въ свои руки царевича Александра. Онъ просилъ направить транспортъ до Аразани, куда обѣщали прислать за нимъ изъ своего отряда.

Провіанта однако же не было ни отъ князя Чавчавадзева, ни изъ Грузіи, отъ тамошнихъ коммисіонеровъ, и всѣ сообщенія были заняты непріятелемъ. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и соли произвели болѣзни и ослабили осаждающій корпусъ до такой степени, что не болѣе $2^1/_2$ тысячъ оставалось подъ ружьемъ. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, кн. Циціановъ отправилъ 11-го августа 9-го егерскаго полка капитана Фирсова (1), въ Эчміадзинъ, со 150-ю человѣками пѣхоты, 1-мъ орудіемъ и 15-ю казаками, для сбора хлѣба съ полей. Фирсову было предписано: днемъ косить, а ночью перевозить накошенное въ монастырь, чтобы Персіяне не сожгли его, и тѣмъ не лишили послѣдней надежды на продовольствіе. Фирсовъ долженъ былъ собрать и доставить къ отряду не менѣе 200 четвертей пшеницы, „а желательно, писалъ главнокомандующій, до 1-т. четвертей имѣть или болѣе." Въ то же время въ руки князя Циціанова попала записка, писанная казначеемъ лжепатріарха Давыда, изъ которой видно было, что въ Эчміадзинѣ скрыто много хлѣба.

„По приложенной при семъ запискѣ, писалъ кн. Циціановъ Фирсову, (2) отыщите показанные мѣста въ Эчміадзинѣ. Предписываю вамъ, заарестовать закладенный тамъ въ стѣнѣ весь провіантъ. Архіерею Вартану, ежели онъ не будетъ показывать мѣста гдѣ онъ находится, извольте объявить отъ меня, что я велѣлъ посадить его подъ караулъ и содержать, не давая ни пить ни ѣсть, пока онъ не укажетъ

(1) Предписаніе кн. Циціанова Фирсову 11 августа № 1441—Тиф. Арх. Глав. шт. кав. арм'и.

(2) Отъ 13 августа за № 1443. Тамъ же.

тамъ всего заложеннаго, и исполните мое повелѣніе въ точности, посаженіемъ его подъ воинскую стражу.

Отрядъ 19-го августа возвратился изъ Эчміадзина и привезъ оттуда пшеницы на 13-ти арбахъ. Кн. Циціановъ остался недоволенъ распоряженіями Фирсова, онъ отправилъ маіора Левицкаго (1), съ 150 челов. 1-мъ орудіемъ и 35 арбами для привоза 150 чертвертей пшеницы законфискованныхъ въ Эчміадзинѣ и 30 снятыхъ съ полей Фирсовымъ, съ приказаніемъ выступить изъ Эчміадзина въ ночь съ 20-го на 21-ое августа и къ утру прибыть къ блокирующему отряду. Маіоръ Левицкій не прибывалъ до 22-го августа, тогда кн. Циціановъ послалъ такой же отрядъ съ половникомъ Майновымъ, который выступя встрѣтилъ на дорогѣ Левицкаго и, соединясь съ нимъ, прибылъ въ лагерь (2).

Тѣмъ временемъ персидскіе войска подъ начальствомъ царевича Александра проникли въ Бамбакскую провинцію, и отрѣзали Караклисъ отъ Тифлиса. 22-го числа царевичъ Александръ подошелъ къ Караклису съ 6 т. войска и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, отступилъ; узнавъ же объ идущемъ изъ Тифлиса въ Бамбаки провіанскомъ транспортѣ, отправленномъ изъ Тифлиса 15-го числа и назначенномъ для эриванскаго отряда, двинулся ему на встрѣчу. Противъ него былъ отправленъ тифлисскаго мушкетерскаго полка маіоръ Монтрезоръ, съ 350-ю человѣками и 3-мя орудіями, съ приказаніемъ чтобы онъ опасныя мѣста проходилъ ночью, такъ какъ вездѣ были непріятельскія конныя партіи, которымъ противопоставить кавалеріи онъ не могъ. 22-го августа раненый Армянинъ принесъ извѣстіе, что маіоръ Монтрезоръ, по выходѣ изъ Эривани, былъ преслѣдуемъ персидскою партіею въ 500 человѣкъ, но отбивался отъ нихъ съ успѣхомъ до м. Сарала, отстоявшаго въ десяти верстахъ отъ Караклиса, гдѣ 21-го августа наткнулся на войска царевича Александра и былъ имъ разбитъ. Войско царевича Александра было отражаемо съ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока оставались снаряды и патроны въ сумахъ. Не стало пороху, солдаты съ отчаяніемъ ударили въ штыки и не сдались пока всѣ не погибли въ рукопашномъ бою. Нѣсколько Грузинъ спаслись бѣгствомъ; 2 тяжело раненыхъ офицера и

(1) Предписаніе Левицкому отъ 19 августа. Томъ же.
(2) Предписаніе Майнову. 22 августа № 1453 Тамъ же.

10 рядовыхъ — захвачены въ плѣнъ; при чемъ самъ Монтрезоръ былъ убитъ (1).

Транспортъ же отправленный изъ Тифлиса съ маіоромъ Стахеевымъ долженъ былъ на каждомъ шагу пробиваться силою. 24-го августа, рано утромъ, при переправѣ черезъ р. Машаверу, транспортъ былъ атакованъ взбунтовавшимися борчалинскими и сарванскими Татарами,—но успѣлъ не только отбиться но захватить у нападавшихъ 700 барановъ. Подаваясь впередъ, Стахеевъ видѣлъ, что непріятель умножался прибытіемъ бамбакскихъ и казахскихъ Татаръ, Куртинцевъ и Лезгинъ, которыя, стараясь остановить транспортъ, дѣлали засады, спуская съ горъ большіе камни. Не смотря на то транспортъ достигъ 27-го числа до рѣки Карагачи, гдѣ 28-го числа, рано утромъ, былъ атакованъ непріятелемъ, вскорѣ отступившимъ и потерявшимъ одно знамя. Подвигаясь за тѣмъ шагъ за шагомъ, Стахеевъ, 29-го числа, находился у Караклиса и сражался съ окружающими его войсками царевича Александра, только что окончившаго дѣло съ отрядомъ Монтрезора. Хотя онъ упорно отражалъ всѣ атаки персидскихъ войскъ, но двигаться не могъ и долженъ былъ, построивъ каре, остановиться на мѣстѣ (2). Здѣсь онъ оставался до прибытія генералъ маіора Талызина, отправленнаго, на выручку транспорта, со 170 гренадерами и 40 мушкетерами тифлисскаго полка, который и соединился съ нимъ 6-го сентября и за тѣмъ транспортъ былъ доставленъ въ Караклисъ. Это неудачное движеніе транспорта уничтожало послѣднюю надежду на доставку провіанта и имѣло весьма дурное послѣдствіе. Князь Циціановъ видѣлъ, что войска блокировавшіе Эривань остаются вовсе безъ продовольствія; что вырытаго изъ ямъ въ форштадтѣ, и забраннаго въ Эчміадзинѣ хлѣба, слишкомъ недостаточно для отряда, которому приходилось уже выдавать половинную дачу,—рѣшился употребить всѣ средства къ завладѣнію Эриванью. „Главнокомандующій, писалъ онъ ханамъ эриванскому и нахичеванскому, (3) объявляя черезъ сіе ихъ высокостепенствамъ Магомадъ хану эриванскому, Кіалъ-Балы хану нахи-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 2-го сентября 1804 г. Арх. Воен. Топ. Д. № 47358. См. также Рус. Инвал. 1836 г. № 92.

(2) Рапортъ Стахеева Г. М. Талызину 7-го сентября. Ар. В. Т. Д.

(3) Отъ 1-го сентября 1804 г. Тиф. Арх. Кан. Намѣс.

чеванскому, ахундамъ, муллямъ и всему народу предлагаетъ слѣдующее".

„Ихъ высокостепенства и городъ видитъ ясно, что Баба-Ханъ Сардарь, съ многочисленнымъ войскомъ, въ полтора мѣсяца времени, не въ состояніи заставить отступить непобѣдимое россійское войско отъ города, и что Россіанѣ не предаютъ огню ни жилищъ эриванскихъ поселянъ, ни послѣдняго ихъ пропитанія — хлѣба, какъ поселянѣ то дѣлали во всей окрестности, и потому вышесказанный главнокомандующій въ послѣдній разъ предлагаетъ ихъ высокостепенствамъ, обоимъ ханамъ, ахундамъ и всему народу сдать крѣпость россійскимъ войскамъ на слѣдующихъ кондиціяхъ:

1) Ввести гарнизонъ россійскій въ эриванскую крѣпость и на два полка давать провіантъ.

2) Присягнуть на подданство великому Россійскому Государю Императору и сохранить вѣрность.

3) Давать ежегодно дань состоящую въ 100 т. рубляхъ.

4) Во взаимность того ихъ высокостепенства оба хана остаются при своихъ ханствахъ, на прежнихъ правахъ и преимуществахъ, кромѣ смертной казни, которая въ Россіи отмѣнена, а въ замѣнъ того будетъ сдѣланъ законъ наказанія.

5) Отправленіе вѣры имѣетъ быть свободно и никакому принужденію или стѣсненію не подлежащее.

6) Ахунды и все духовенство, городскіе жители и деревенскіе остаются невредимы, при ихъ собственности и преимуществѣ, на прежнихъ правахъ и преимуществахъ.

7) Войско персидское, изъ за Аракса въ городъ впущенное, отдается плѣнными ихъ высокостепенствамъ обоимъ ханамъ, дабы они могли за нихъ отъ Баба-Хана освободить свои семейства, что и будетъ поддержано высокославнымъ россійскимъ оружіемъ, тотчасъ по вступленіи въ крѣпость.

„Всѣ сіи пункты имѣютъ быть сохранены во всей святости на вѣки нерушимо, лишь бы исполненіе онаго требованія послѣдовало 2-го сентября т. е. завтрешній день."

Въ то же самое время князь Циціановъ послалъ частное письмо хану эриванскому, на которое тотъ отвѣчалъ:

„Вашего сіятельства письмо я честь имѣлъ получить, писалъ онъ (1), въ коемъ изъясняете, что я власти ни какой не

(1) Письмо отъ 2 сентября 1804 г. Тиф. Арх. Кав. Ком.

имѣю и потому таковыя необстоятельности оказываются. Ваше сіятельство вѣрьте, ни одно владѣніе такъ не вѣрно, какъ я свое имѣю въ дѣйствительной своей зависимости, и ни одинъ человѣкъ не отважится противиться мнѣ, изъ подвластныхъ моихъ, токмо таковы были предъ симъ обстоятельства. Нѣсколько разъ былъ я въ Персіи, гдѣ оказались въ моихъ дѣлахъ непріятности и владѣніе мое приведено было бы въ совершенное порабощеніе, ежели бы не постигла смерть Агу-Магомедъ-хана, а потомъ сей персидскій владѣтель не могъ сыскать случая меня уловить. Лѣтъ семь охраняю себя отъ его сѣтей, не подвергая себя опасности, живу въ своемъ владѣніи и ему не поддаюсь. Извѣстно вашему сіятельству, какъ я ему воинскою рукою сопротивлялся и отразилъ отъ себя его на крѣпость мою нападеніе. Наконецъ ваше сіятельство съ войскомъ сюда прибыли; народъ нашъ по различности вѣры не имѣлъ къ вамъ привязанности, тѣмъ болѣе узнали, что въ мечети отправляютъ по обряду вашей вѣры богослуженіе и оное ихъ потревожило. Я хотя и знаю, что всѣ вѣры у васъ терпимы; и ни мало въ томъ противодѣйствовать не захотите, но только народу нашему внушить трудно. Баба-Ханскій визирь Мирза Шефи здѣсь въ городѣ, и народъ хитростію своею такъ привязалъ къ себѣ ибо Чапаръ-Цуха-ханъ, братъ мой, о немъ знаетъ какой онъ хитрый человѣкъ. Кромѣ меня всѣ отъ васъ отвратились, а я по жизнь и преемники мои Всемилостивѣйшему Государю Императору Всероссійскому служить вѣрно расположены. Прошу покорно ваше сіятельство дабы ханство мое было потомственное, и другіе видя меня могли бы въ примѣръ взять и привязанность свою къ Россіи оказать. Баба-Ханъ наидалѣе черезъ 10 дней отсюда отправится; ожидаетъ Пиръ-Кули-ханова возвращенія. Имѣйте крайнюю осторожность въ своихъ укрѣпленіяхъ. Баба-Ханъ пока удалится, можетъ раза два попытаться учинить нападеніе. Старается онъ теперь меня обласкать, раза три писалъ также и Шахъ-Зада и прочіе вельможи присягою меня увѣряютъ. Но только я, ежели тысячу увѣреній они сдѣлаютъ, не повѣрю и усердіе свое Всероссійскому Государю не перемѣню. Ваше сіятельство прошу имѣйте бдѣніе, дабы пѣхота персидская не могла бы войти въ крѣпость.“

Въ этомъ письмѣ эриванскаго хана высказалось все ко-

варное, двусмысленное поведеніе Магомадъ-хана. На обвѣщеніе, посланное княземъ Циціановымъ ко всему народу, эриванскій ханъ отвѣчалъ также, что онъ на все готовъ, но сдѣлать ничего теперь не можетъ. „Не сомнѣвайтесь о моей къ вамъ усердности, писалъ онъ (1), до нынѣ Шахъ находится здѣсь и семейство мое у него въ залогѣ. Невозможно выполнить тѣхъ приказовъ, кои ваше сіятельство предписываете. Когда Шахъ возвратится, тогда служба вамъ готова, а ежели теперь къ тому приступить, то онъ семейство наше погубитъ."

Эта двусмысленность отвѣта, недостатокъ провіанта въ отрядѣ, заставляла предпринять что нибудь рѣшительное. „Великую правду, писалъ князь Циціановъ (2), изрекъ безсмертный *Задунайскій*, что войну надобно начинать *съ брюха*. По недоставленію для отряда войскъ, подъ моимъ начальствомъ блокировавшаго эриванскую крѣпость, изъ Казаховъ провіанта, я долженъ былъ снять сію блокаду. Хлѣба заготовлено было 3-т. кодъ (1-т. четверт.) это ясно изъ рапорта ко мнѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Чавчавадзева, но испорченность и трудность дорогъ и неспособность для нѣкоторыхъ чиновниковъ, перевозки сего провіанта употребленныхъ, оголодили моихъ храбрыхъ солдатъ. Я истощилъ всѣ человѣческія средства къ продовольствію моего отряда: замѣнялъ половинную дачу хлѣба закупленнымъ у подводчиковъ, подвижнаго магазина, на порцію скотомъ; отыскивалъ по 5-ти четвертей на Форштадтѣ, въ ямахъ и забралъ весь хлѣбъ закладенный въ стѣнахъ Эчміадзина. До послѣдней крайности надѣялся я, что черезъ 15-ть дней Баба-Ханъ удалится, потому, что меня въ томъ преданные мнѣ люди тласно увѣряли,—и тогда крѣпость сія безъ пролитія крови сдаться долженствовала. Между тѣмъ персидская конница въ окружностяхъ Эчміадзина и Эривани весь хлѣбъ на поляхъ выжгла".

Въ такихъ то обстоятельствахъ князь Циціановъ рѣшился собрать военный совѣтъ 31-го августа, который и былъ составленъ имъ изъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ состоявшихъ въ отрядѣ (3). Въ совѣтѣ былъ предложенъ вопросъ: штурмовать

(1) Въ письмѣ отъ 4 сентября 1804 г. Томъ же.
(2) Въ письмѣ къ Г. В.... отъ 14 сент. 1804 г. Славянинъ 1828 г., т. 6, стр. 296.
(3) Протоколъ военнаго совѣта Арх. В. Т. Д. № 47358.

ли городъ или отступать? Главнокомандующій представлялъ совѣту, то невыгодное впечатлѣніе и вредныя послѣдствія, которыя отъ отступленія и снятія блокады могутъ произойти, какъ въ самой Грузіи, гдѣ привязанность къ Россіи не совсѣмъ еще укоренилась, такъ и въ умахъ ея сосѣдей, и потому онъ предлагалъ штурмовать Эривань.

Легковѣріе азіятцевъ и хитрость вельможъ ихъ, смущающихъ народъ невѣрными реляціями, могли родить множество невыгодныхъ дѣйствій противу насъ. Съ Циціановымъ согласенъ былъ одинъ генералъ-маіоръ Портнягинъ, остальные же члены были противъ штурма, и находя, его слишкомъ рискованнымъ, полагали необходимымъ снять блокаду и отступить. Такимъ образомъ изъ 7-ми лицъ составлявшихъ совѣтъ: два были въ пользу штурма, и 5 въ пользу отступленія; по этому протоколомъ положено было отступать.

Князь Циціановъ обвинялъ теперь, и справедливо, правителя Грузіи въ нераспорядительности по доставленію провіанта, недостатокъ котораго послужилъ поводомъ къ снятію блокады. Провіантъ былъ нуженъ, главнокомандующій его требовалъ по минутно, а правитель Грузіи стѣснялся собрать подводы, за рабочею порою, для его отправленія въ Бамбаки. „Буде Ваше Императорское Величество, писалъ поэтому князь Циціановъ (1), не соизволите, въ столь важномъ промедленіи доставленія провіанта, поставить генералъ-лейтенанта князя Волконскаго виновнымъ, то я по крайней мѣрѣ считаю себя тѣмъ оправданнымъ и не участвующимъ въ нанесеніи безславія оружію Вашего Императорскаго Величества отступленіемъ".

„Повинуясь закону, доносилъ князь Циціановъ (2), смѣлъ ли я на себя, съ однимъ генералъ-маіоромъ Портнягинымъ, противъ пятерыхъ, взять штурмъ, передаю справедливому Вашего Императорскаго Величества усмотрѣнію. Долгомъ считаю донести, что взятіе Эривани и уничтоженіе сего вѣроломнаго хана, звавшаго меня на помощь при подступленіи Баба-Ханова сына, и послѣ такими пустыми отговорками кончившаго, нынѣ, сдѣлалось необходимою мѣ-

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 15 сентября 1804 г.
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И 14 сент. 1804 г. А. В. Т. Д. № 47.358.

рою какъ для удержанія славы оружія, такъ и для пользы дѣлъ въ здѣшнемъ краю".

Для выполненія этого онъ полагалъ необходимымъ усиленіе себя войсками не менѣе 2-хъ полковъ пѣхоты и 2-хъ казачьихъ. По мнѣнію князя Циціанова самымъ удобнымъ временемъ для исполненія того была зима. Хотя по снѣжному хребту горъ, раздѣляющему Грузію съ Эриванью, и весьма затруднительно было предпринимать движеніе съ войсками, но за то пріобрѣталась та выгода, что персидскія войска не могли оказать ей никакой помощи. Если же движеніе къ Эривани сдѣлать весною, то необходимо было содѣйствіе Каспійскаго флота, который, ставъ противъ Энзелей, могъ удержать Баба-Хана въ Тегеранѣ, изъ боязни потерять Рештъ. „Необходимымъ также почесть можно то, что бы имѣть 1000 человѣкъ запасныхъ рекрутъ, для укомплектованія полковъ въ Грузіи, держа ихъ на линіи и по удобности проѣзда брать ихъ сюда, безъ чего рекруты, приходя на линію весьма поздно, и когда весенній путь черезъ тагаурское ущелье кончится, должны дожидаться сентября мѣсяца и въ самое затруднительное и холодное время проходить какъ ущелье такъ и кайшаурскую гору, непроходимыми снѣгами покрывающуюся и частыми обрывами снѣга опасную, на которой должно всякій разъ прорывать, черезъ 15 верстъ, дорогу и иногда до сажени глубиною."

На разсвѣтѣ, 4-го сентября, отрядъ оставилъ Эривань и 5-го достигъ до Эчміадзина, въ которомъ имѣлъ дневку и „занимался приготовленіемъ монастырскаго причта къ походу при отрядѣ."

По пробитіи вечерней зари, 3-го сентября, начали свозить съ батарей орудія и число передовыхъ постовъ было усилено. Движеніе должно было производиться сначала лѣвымъ флангомъ, за которымъ слѣдовать правому крылу и наконецъ, дождавшись его отступленія, долженъ былъ слѣдовать и генералъ-маіоръ Тучковъ стоявшій въ центрѣ. Онъ долженъ былъ составить арріергардъ отряда и собрать къ себѣ всѣ войска находившіяся на постахъ.

Ночь была темная, въ крѣпости царствовала глубокая тишина, ни чѣмъ не прерываемая. За часъ до разсвѣта войска оставили эриванское предмѣстье. Передовые войска наши встрѣтили непріятельскій постъ, который сдѣлавъ нѣ-

сколько выстрѣловъ отступилъ. Отрядъ продолжалъ слѣдованіе и, переправившись черезъ р. Зангу, расположился за нею лагеремъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня войска выступили къ эчміадзинскому монастырю, гдѣ предполагалась дневка. Непріятель, передъ выступленіемъ отряда изъ лагеря, успѣлъ переправить ниже нашего лагеря отрядъ войскъ и нѣсколько пушекъ чрезъ р. Зангу, и во время слѣдованія тревожилъ насъ выстрѣлами изъ орудій, но артиллерія наша скоро заставила его умолкнуть.

Сентября 5-го, отрядъ достигъ до Эчміадзина, въ которомъ и имѣлъ дневку. Князь Циціановъ расположился съ главною квартирою въ самомъ монастырѣ, а войска стали лагеремъ близъ онаго. Главнокомандующій занимался весь этотъ день „приготовленіемъ монастырскаго причта къ походу при отрядѣ съ остальнымъ богатствомъ церковнымъ“ (1). „Во время дневки нашей, писалъ Тучковъ (2), 6-го числа я успѣлъ осмотрѣть рѣдкости знаменитаго Эчміадзинскаго монастыря, столь славящагося во всей Азіи. До отправленія моего туда мы успѣли отразить нападеніе непріятеля на нашихъ фуражировъ, и послѣ 9-ти часовъ утра онъ болѣе не показывался.

„*Эчміадзинъ*“ значитъ на армянскомъ языкѣ „*первый исходъ*“. По существующему преданію, утверждаютъ, что Ной вышелъ въ первый разъ изъ ковчега, остановившагося на горѣ Араратской, и на мѣстѣ, гдѣ находится монастырь, принесъ жертву Всевышнему. Въ семъ преданіи вѣруютъ не только христіане, но магометане и евреи“.

„Я отправился въ главную церковь и нашелъ тамъ посланныхъ отъ князя Циціанова. Они собирали тѣ сокровища, которыя не успѣли еще увезти оба патріарха Даніилъ и Давыдъ. Посреди храма складены были разныя золотыя и серебряныя утвари, жемчуги и драгоцѣнные каменья. Вскорѣ вошелъ въ церковь и самъ Циціановъ, и приказалъ мнѣ распорядиться укладкою и запечатаніемъ собранныхъ сокровищъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Іоанномъ, прибывшимъ съ нами изъ Тифлиса, и потомъ везти оныя въ Тифлисъ, подъ прикрытіемъ моего полка“.

„Нѣсколько офицеровъ, мастеровыхъ и рабочихъ моего

(1) Дневная записка происшествій въ отрядѣ. Арх. В. Т. Д.
(2) Записки Тучкова хранятся въ Арх. Воен. Топ. Депо.

полка, вскорѣ прибыли для исполненія даннаго мнѣ порученія, и цѣлый день и часть ночи провели мы въ этомъ занятіи. Собирая всѣ монастырскія утвари, замѣтилъ я въ углу предъ иконой Спасителя большую золотую лампаду, украшенную каменьями; и когда я хотѣлъ дать приказаніе убрать оную, архіепископъ началъ просить меня не касаться сей лампады, сказавъ, что если по отбытіи нашемъ, Персіяне, занявъ монастырь, не найдутъ оную, то готовы будутъ разорить и церковь и монастырь. Открывъ мраморную плиту, находившуюся подъ образомъ, Іоаннъ показалъ мнѣ серебрянный ковчегъ, въ которомъ хранилась грамота персидскаго Шаха-Надира, при которой была прислана лампада, съ повелѣніемъ, чтобы она всегда теплилась передъ образомъ, а на издержки, силою той же грамоты, утверждаетъ Шахъ сему монастырю двѣнадцать армянскихъ деревень въ вѣчное владѣніе".

„Даръ этотъ сдѣланъ былъ послѣ тяжкой болѣзни Надиръ-Шаха. Во время страданій его, во снѣ послышался ему голосъ, чтобы, для возвращенія здоровья, онъ ѣхалъ въ Эчміадзинскій монастырь и тамъ предъ иконою Спасителя, въ лѣвомъ углу церкви находившейся, принесъ молитву Господу. Миссіонеръ, католикъ, пользовавшій тогда Шаха, совѣтовалъ ему непремѣнно исполнить оное. Надиръ-Шахъ не будучи никогда въ монастырѣ, лишь только вошелъ въ церковь, узналъ видѣнный имъ во снѣ образъ, молился, получилъ исцѣленіе и посвятилъ сказанную лампаду".

„Передъ наступленіемъ дня, окончивъ мое порученіе и привезя въ мой лагерь 11-ть вьючковъ съ сокровищами монастыря, просилъ архіепископа Іоанна, возвращавшагося съ нами въ Тифлисъ, находиться въ моемъ отрядѣ и блюсти за симъ транспортомъ".

7-го сентября, рано утромъ, отрядъ выступилъ изъ эчміадзинскаго лагеря, въ трехъ каре, съ лѣваго фланга, и потому правый, бывшій подъ начальствомъ генералъ-маіора Тучкова, составилъ арріергардъ. Этотъ порядокъ марша продолжался до предѣловъ Грузіи, исключая узкихъ проходовъ, гдѣ по необходимости перестроивались войска въ колонны.

8-е и 9-е число, непріятельскія партіи дѣлали нападеніе на арріергардъ, но, прогоняя ихъ картечными выстрѣлами, достигалъ онъ до ночлеговъ.

10-го числа, персіяне показывались только издали, но примѣтя, что отрядъ проходилъ степь, заросшую высокою и сухою травою, и что вѣтеръ дулъ по направленію слѣдованія нашихъ войскъ, непріятель зажегъ траву и пламя распространилось весьма скоро. Къ счастію, съ лѣвой стороны, на пути было обгорѣвшее уже мѣсто, и Тучковъ остановился на немъ выжидать конца пожара, къ скорому прекращенію котораго способствовали находящіяся вблизи крутыя и каменистыя горы.

15-го сентября отрядъ прибылъ въ Караклисъ. Здѣсь отрядъ остановился, и князь Цицiановъ призналъ необходимымъ сдѣлать обвѣщеніе Бамбакской провинціи татарскимъ старшинамъ и всему народу, въ которомъ приглашалъ ихъ въ теченіи пяти дней возвратиться въ свои жилища, и обѣщалъ имъ полное прощеніе, если они раскаются въ нарушеніи своей вѣрности къ Россіи, и пребудутъ вѣрными на будущее время (1).

Въ Караклисѣ отрядъ пробылъ четыре дня, не смотря на безпорядки, возникшіе въ Грузіи, и необходимость преслѣдованія царевича Александра, собравшаго Татаръ въ Самхетіи. Эта продолжительная остановка вызывалась, какъ необходимостію перепеченія хлѣба, такъ и значительнымъ разстройствомъ отряда. Оставивъ саратовскій мушкетерскій полкъ въ Караклисѣ, для обороны бамбакской пограничной провинціи, при коемъ былъ учрежденъ временный госпиталь, куда были собраны больные всѣхъ полковъ, князь Цицiановъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся къ Тифлису.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе князя Цицiанова объ отступленіи его отъ Эривани, успокоивалъ главнокомандующаго.

„Находясь, писалъ онъ (2), какъ то вамъ извѣстно, теперь быть должно, изъ разныхъ полученныхъ вами отъ сель предписаній, въ безпокойствѣ со стороны труднаго положенія въ коемъ вы подъ Эриванью держались и разныхъ другихъ обстоятельствъ края того, извѣстіе о снятіи блокады крѣпости сея, отъ столь вынужденныхъ причинъ происшедшее, не могло принято быть мною въ числѣ непріят-

(1) Обвѣщеніе 14 сентяб. 1804 г. Тиф. Арх. Кан. Намѣс.
(2) Въ рескриптѣ отъ 8 ноября 1804 г. Т. А. Е. Н.

ныхъ извѣстій, а наипаче когда обращаюсь я къ тому полезному дѣйствію, которое произвело возвращеніе ваше, разсѣявъ скопища при царевичахъ находившіяся, уничтожа замыслы Татаръ и прекратя разныя другія замѣшательства. Одно неудовольствіе, которое я въ семъ происшествіи имѣю, есть то огорченіе, въ коемъ вы находитесь. Никто конечно кромѣ васъ сравнивать нестанетъ произшествія подъ Хотиномъ въ 1770 году бывшаго, съ настоящимъ случаемъ (1), но многіе безъ сомнѣнія отдавать всегда будутъ справедливость, какъ въ предпріимчивости духа вашего, такъ и тому, что вы съ столь малыми силами, многое въ одну компанію привели въ дѣйствіе. Я желаю, чтобы сіе искреннее изложеніе мыслей моихъ успокоило васъ и утвердило въ постоянномъ моемъ къ вамъ благоволеніи."

„Обращаясь къ самому произшествію сему и къ вліянію, которое оно имѣть можетъ, я совершенно съ вами согласенъ что Эривань необходимо долженъ уже теперь быть покоренъ, считая, что чѣмъ скорѣе цѣль сія достигнута будетъ, тѣмъ большее впечатлѣніе произведетъ она въ персіянахъ и другихъ тамошнихъ народахъ, кои, по легковѣрію своему, могли въ случайной удачи сей находить важные успѣхи, а потому и предоставляю я совершенно, на усмотрѣніе ваше, избрать время и средства къ предпріятію новой противъ Эривани экспедиціи. Разчисляя способы, которые вы для сего нужными признаете, я усматриваю, что посредствомъ отправленія комплектнаго бѣлевскаго мушкетерскаго полка съ полу-ротою артиллеріи и 6-ю орудіями въ Мингрелію и выступленія съ линіи 6-ти ротъ казанскаго мушкетерскаго полка, 3-хъ ротъ вологодскаго, 2 ротъ артиллеріи и 3-т. рекрутъ, вы получите все то подкрѣпленіе, которое вы имѣть желали, т. е. два полка, равно какъ и нужное число рекрутъ для укомплектованія полковъ въ Грузіи находящихся. Что касается до 2-хъ полковъ казачьихъ, коихъ требусте вы, вмѣстѣ съ симъ предписано генералъ-лейтенанту Глазенапу, чтобы онъ, независимо отъ 2-хъ донскихъ полковъ и 100 поселенныхъ казаковъ — имъ уже въ Грузію отправленныхъ, приказалъ еще двумъ полкамъ

(1) Въ одномъ изъ своихъ донесеній кн. Циціановъ писалъ Императору Александру что онъ сожалѣетъ о томъ, что въ теченіи 35-ти лѣтней его службы онъ былъ только вторымъ, снявшимъ блокаду города, не взявъ его. (Рапортъ отъ 14 сентября 1804 г.).

немедленно выступить. Въ разсужденіи же рекрутъ коихъ вы, за укомплектованіемъ полковъ на линіи, до 1-т. человѣкъ, предполагаете имѣть, вы усмотрите изъ росписанія на настоящій рекрутскій наборъ сдѣланнаго, что на кавказскую инспекцію положено надлежащее въ запасъ назначеніе.

„Удовлетворивъ такимъ образомъ по всей возможности требованіямъ вашимъ, я не оставилъ дать повелѣніе морскому департаменту, дабы къ открытію будущей кампаніи, каспійская флотилія въ надлежащей готовности находилась; считая что таковое положеніе сіе нужно быть можетъ или для диверсіи, которую вы со стороны моря предполагаете,—если взятіе Эривани до весны отложено будетъ,—или для всякаго другаго употребленія, которое вы полезнымъ найдете. Впрочемъ не вхожу я здѣсь ни въ какія подробности до экспедиціи противъ Эривани относящіеся, не сомнѣваюсь чтобы вы, обративъ предварительно вниманіе ваше на возстановленіе по возможности порядка въ Грузіи, не распорядили всего наилучшимъ образомъ. Отозвавъ сюда, по неудовольствію, которое вы имѣли, генералъ-лейтенанта князя Волконскаго, я предоставляю вамъ возложить по усмотрѣнію вашему начальство въ Грузіи, въ отсутствіи вашемъ, на кого нибудь изъ генераловъ подъ начальствомъ вашимъ состоящимъ, разумѣя тутъ какъ тѣхъ кои въ Грузіи находятся, такъ и тѣхъ кои на линіи употреблены, а между тѣмъ отъ васъ ожидать буду представленія, кого, по знанію вашему мѣстныхъ обстоятельствъ края того, изъ генераловъ признаете вы способнымъ къ заступленію мѣста генералъ-лейтенанта князя Волконскаго, указавъ мнѣ къ тому нѣсколько человѣкъ, дабы неукоснительно таковой начальникъ назначенъ быть могъ, и при томъ, чтобы можно было отправить и еще нѣсколькихъ генераловъ, если бы надобность въ нихъ вы признали.

„При таковыхъ предлежащихъ вамъ подвигахъ, я искренно желаю дабы, достигнувъ полнаго въ оныхъ успѣха, доставили вы мнѣ новый случай изъявить вамъ мою признательность и благоволеніе“.

По свѣдѣніямъ (1), полученнымъ вскорѣ послѣ отступленія нашихъ войскъ отъ Эривани, Баба-Ханъ взявъ съ собою патріарха Даніила и царевича Александра, удалился въ

(1) Письмо хана Хойскаго къ кн. Циціанову въ сентябрѣ 1804 г.

свои владѣнія, оставивъ въ Эривани только одного Кіалъ-Балы хана. — Эриванскій ханъ находился также въ затруднительномъ положеніи. Лучшіе изъ его жителей и подданныхъ бѣжали изъ Эривани, боясь зимней экспедиціи нашихъ войскъ противу нихъ, и той участи, которая постигла Ганжу. Даже самъ патріархъ Давыдъ, боясь прибытія князя Циціанова, хотѣлъ уйти въ Баязетъ, но былъ остановленъ только тѣмъ, что отъ него потребовали мощи, которыя онъ хотѣлъ увезти съ собою.

Хотя всѣ эти обстоятельства и были весьма благопріятны для насъ, но князь Циціановъ признавалъ невозможнымъ даже и думать о взятіи Эривани въ предстоящую зиму, за неимѣніемъ для того достаточнаго числа войскъ. Изъ числа находившихся въ его распоряженіи полковъ, нарвскій драгунскій потерялъ въ кампанію 489 лошадей, и сверхъ того 167 строевыхъ лошадей было употреблено для перевозки провіанта въ эриванскій отрядъ. На нихъ навьючивали отъ 8 до 9 пудъ, на сѣдлахъ стараго образца съ пуками, а не арчаками, оттого всѣ 167 лошадей пали и не возвратились въ полкъ, который былъ до того разстроенъ, что, по мнѣнію князя Циціанова, не могъ поправиться въ два года (1). Полки же гренадерскій кавказскій, мушкетерскіе: кабардинскій, тифлисскій, севастопольскій и саратовскій, егерскіе 9, 15 и 17-й имѣли значительный недостатокъ въ людяхъ, простиравшійся до 4937 человѣкъ. Изъ бѣлевскаго мушкетерскаго полка, назначеннаго въ Имеретію и Мингрелію, „прежде пяти лѣтъ оттуда ни одной роты взять нельзя“ было, по двуличному поведенію царя Соломона и его князей, только феодально ему повинующихся, но на дѣлѣ корыстолюбивыхъ и алчныхъ. Изъ 6-ти ротъ казанскаго полка, очищавшихъ дорогу между Владикавказомъ и Ананауромъ, одна рота для обезпеченія Грузинской дороги была поставлена въ Ларсъ, двѣ роты въ Елизаветинскомъ редутѣ, остальные 3 роты и 3 роты вологодскаго полка, предполагалось посадить на Каспійскую флотилію при Сладкоеричной пристани, въ кизлярскомъ уѣздѣ.

Назначенныя на укомплектованіе полковъ рекруты 1616 человѣкъ, недостигли до своихъ полковъ еще въ декабрѣ

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 30 декабря 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—13, 1803—5, № 1.

1804 года, оставивъ, на тысяча-верстномъ пути отъ Грузіи, 997 больныхъ, такъ что могли быть годны для строевой службы не ранѣе весны 1806 года.

Въ такомъ положеніи были войска, а между тѣмъ на атаку эриванской крѣпости, и, въ случаѣ ея упорства, на штурмъ, необходимо было покрайней мѣрѣ 3 т. человѣкъ, для которыхъ потребовалось бы до 2,050 четвертей провіанта и хотя половину этого числа въ запасъ; кромѣ того нуженъ былъ фуражъ. Все это продовольствіе нужно было заготовить въ Бамбакской провинціи, въ которой ни хлѣба, ни сѣна не было, такъ какъ Персіяне выжгли его во время эриванской экспедиціи.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ надобно прибавить, какъ доносилъ князь Циціановъ, то, „что два преткновенія раздѣляютъ оную провинцію съ Грузіею, а именно р. Лори протекаетъ въ скалистыхъ прекрутыхъ берегахъ, на 25 саженъ вышиною; каковъ подъемъ таковъ и спускъ, надлежитъ пушки и обозъ спускать на людяхъ, а людямъ подниматься и спускаться державшись рука за руку. Сія переправа должна покрайней мѣрѣ 4-ре дня задержать отрядъ; за симъ слѣдуетъ гора Безобдалъ, гораздо труднѣе, опаснѣе и выше Кайшаурской горы, а за нею чтобы спуститься въ эриванскія области, нужно переходить гору Орту, которая также вышиною и крутизною не равняется съ россійскими кромѣ сибирскихъ. Для сего отряда надо запасти войлоковъ, чтобы сдѣлать коты или кеньги, сверхъ сапоговъ, и велѣть полушубки разширить и подлиннѣе коли можно сдѣлать, дабы можно было сверхъ кафтана надѣть полушубокъ и имъ закрыть ляжки, и сверхъ шинель, а сверхъ и тесакъ и суму, ибо до марта мѣсяца и далѣе бываютъ вьюги страшныя и морозъ доходитъ до 18°. Надобно также запасти много соломы, для подстилки сверхъ снѣга подъ солдатъ на ночлежныхъ лагеряхъ. Сію дорогу я выбираю только для того, что она вся лѣсная и солдатъ на оной терпѣть не можетъ въ зимнее время, раскладывая всякую минуту огонь, а по той дорогѣ, по которой я шелъ сего лѣта ни какъ невозможно, потому что вьюги страшные, могутъ занести весь отрядъ, да и на 100 верстъ лѣсу нѣтъ (1).

(1) Изъ рапорта кн. Циціанова Г. И. 30-го декабря 1804 г.

Всѣ эти причины ясно указывали на невозможность взятія Эривани зимою. Къ тому же, возвратившись изъ Осетинскаго похода, князь Цицiановъ заболѣлъ горячкою съ воспаленіемъ въ легкихъ, препятствовавшихъ ему заниматься дѣлами.

Отказавшись отъ взятія Эривани и вообще отъ военныхъ дѣйствій зимою, князь Цицiановъ предполагалъ, путемъ мирныхъ переговоровъ, достичь до наибольшихъ результатовъ и выгодъ для Россіи. Въ Тифлисѣ его ожидалъ посланникъ шушинскаго хана, къ которому главнокомандующій посылалъ грузинскаго дворянина Нинія Джараева, находившагося нѣкогда при царевичѣ Александрѣ и бывшаго съ ханомъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Джараеву поручено было внушить Ибраимъ-хану шушинскому, что своимъ расположеніемъ къ Россіи онъ можетъ возстановить благоденствіе, какъ посреди своего семейства, такъ и посреди народа, разогнаннаго Агою-Магометъ-ханомъ, во второе его нашествіе. Ибраимъ ханъ, теперь уже 80-ти лѣтній старецъ, имѣлъ до этого нашествія около 60 т. домовъ, однихъ карабахскихъ Армянъ, управляемыхъ 5-ю знатнѣйшими меликами; теперь же у него осталось не болѣе 4 т. домовъ, прочіе же всѣ перешли къ шекинскому и шемахинскому ханамъ и частію въ Грузію. При обезпеченіи Карабага нашими войсками можно было разсчитывать, что всѣ Армяне перейдутъ изъ первыхъ двухъ владѣній опять обратно въ Карабагъ.

Если переговоры эти будутъ успѣшны, то Аббасъ-Кули-ханъ нахичеванскій,—выгнанный слѣпымъ своимъ братомъ Кіалъ-Балы-ханомъ изъ Нахичевани, и жившій теперь у озера Гохча, въ крѣпостцѣ Сиціанъ, расположенной на высокой и крутой горѣ,—ждалъ только приказанія, чтобы, съ помощію 500 человѣкъ русскаго войска и 4-мя орудіями, взять Нахичевань своимъ народомъ оставшимся ему преданнымъ. Исполнить этого было однако же невозможно ранѣе весны, по непроходимымъ снѣгамъ и крутымъ горамъ. Къ этому же времени главнокомандующій думалъ отправить каспійскую флотилію къ Энзелямъ, для устрашенія Решта, съ требованіемъ возвращенія нашихъ плѣнныхъ и убытковъ, сдѣланныхъ во время компаніи.

При удачномъ дѣйствіи одинъ фрегатъ могъ быть отправленъ для бомбардированія Баку, и послѣдуемый всѣми вой-

сками, двумя бортовыми залпами доставилъ бы войску „глупаго труса хана Бакинскаго.“

Занявъ Баку, но не самую крѣпость, а Урусъ-Кале, — укрѣпленіе, построенное еще Петромъ Великимъ, которое командовало надъ всею крѣпостью и пристанью, — главнокомандующій предполагалъ занять только вороты. Такими дѣйствіями князь Циціановъ полагалъ потрясти все каспійское поморье. Къ тому же бывшій Шекинскій Селимъ-ханъ обѣщалъ князю Циціанову, что если онъ будетъ возведенъ опять на ханство Шекинское, то будетъ платить ежегодно Россіи дань въ 7-т. червонныхъ, и даже построитъ крѣпость на мѣстѣ выбранномъ нашимъ инженернымъ офицеромъ. Это пріобрѣтеніе намъ союзника въ Шекѣ давало возможность склонить на свою сторону Шемахинскаго хана, тѣснимаго ханомъ Шекинскимъ и Дербентскимъ. Послѣдній оспаривалъ у него Сальянскую область, нѣкогда принадлежавшую его отцу Фетъ-Али-хану Дербентскому.

Такимъ образомъ эриванскій ханъ, видя съ одной стороны взятіе Нахичевани, а съ другой стороны нахожденіе Баку, Шеку и Шуму въ подданствѣ Россіи и сборъ войскъ въ Бамбакской провинціи, долженъ былъ неминуемо покориться.

ГЛАВА XVIII.

Поведеніе, принятое главноуправляющимъ относительно хановъ и горскихъ владѣтелей.— Письма кн. Циціанова къ хану Карабагскому и султану Эллисуйскому. — Безпорядки въ Грузіи во время эриванской экспедиціи.—Возстаніе горскихъ жителей: Осетинъ, Тушетинцовъ и Тагаурцовъ. — Дѣйствія и интриги царевичей Александра, Іулона и Парнаоза. — Взятіе въ плѣнъ царевичей Іулона и Парнаоза; отправленіе ихъ въ Россію.— Прекращеніе волненій въ Грузіи.

Поведеніе принятое кн. Циціановымъ, относительно горскихъ хановъ и владѣтелей, было рѣзко противуположно тому, которому русское правительство слѣдовало до него. „Я дерзнулъ, писалъ онъ канцлеру, принять правило противное прежде бывшей здѣсь системѣ и вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, опредѣленными для умягченія горскихъ народовъ, платить нѣкоторый родъ дани, за мнимое ихъ подданство,—я самъ требую даней".

Въ своихъ сношеніяхъ съ окружными владѣтелями онъ говорилъ языкомъ простымъ, серьезнымъ и тономъ повелительнымъ. Когда подданные карабахскаго хана захватили скотъ у жителей елизаветпольскаго округа и не хотѣли возвратить его, тогда кн. Циціановъ писалъ карабахскому хану и требовалъ его возвращенія. Ханъ обѣщаясь исполнить, льстилъ главноуправляющему.

„Письмо ваше, отвѣчалъ на это кн. Циціановъ (1), ни малѣйшаго существа въ себѣ не заключающее, но коварной души персидской образъ изъявляющее во всей полнотѣ, я получилъ. Ни словесныя объявленія (такъ какъ вы это сдѣлали), ни письменныя наставленія, данныя безъ подписи и печати, не принимаю, и вы за таковую персидскую политику кровію своею заплатите какъ и Джаватъ-ханъ (Ганжинскій). Я вашей покорности и подданства не желаю, поелику я на вашу персидскую вѣрность столько же надѣюсь,

(1) Отъ 4 февраля 1804 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣс.

сколько можно надѣяться на вѣтеръ, а требовалъ отъ васъ ганжинскаго скота и ждите навруза (новаго магометанскаго года), ждите Баба-Хановой помощи, а я въ свое время и безъ ожиданія васъ посѣщу. Я знаю, что доколѣ я подъ Ганжею стоялъ, вы дрожали какъ листъ на деревѣ, и такъ бы не отвѣчали. Тогда не смѣли вы въ семъ слогѣ говорить, какъ теперь, считая меня отдаленнымъ. Повѣрьте мнѣ, что и ганжинскаго войска довольно чтобы васъ вовсе сокрушить. Вѣрьте мнѣ, что неприступность вашей крѣпости для русскихъ будетъ легка; увидите то на дѣлѣ, въ свое время. Такъ и Джаватъ-ханъ говорилъ, пока не укусилъ земли,—я слово свое держать умѣю. Слыхано ли на свѣтѣ, чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала. Сильному свойственно приказывать, а слабый родился за тѣмъ, чтобы сильному повиноваться. Не коварными письмами я научу ваше высокостепенство мнѣ повиноваться и мое счастливое сердце, какъ вы въ письмѣ упоминаете, тогда только будетъ спокойно, когда вы, сохраняя долгъ сосѣдства, возвратите скотъ".

Письмо это не подѣйствовало; скотъ не былъ возвращенъ. Тогда кн. Циціановъ приказалъ захватить скотъ карабахскихъ жителей, такъ какъ другаго средства къ наказанію хана главноуправляющій пока не отыскалъ.

Ни крутое обращеніе, ни серьезныя и рѣшительныя мѣры, при сношеніяхъ съ владѣльцами, не могли однакоже измѣнить поступковъ хановъ, склонныхъ вообще къ грабительству и хищничеству. Если они и входили въ сношеніе съ нами, если и искали даже покровительства Россіи, то только тогда, когда вынуждаемы были къ тому обстоятельствами, собственною слабостію и ничтожествомъ. Бѣда проходила, обстоятельства измѣнялись и ханы, уклоняясь отъ принятыхъ ими обязательствъ, предавались по прежнему грабительствамъ и хищничеству. Поступки ихъ еще болѣе убѣждали кн. Циціанова въ необходимости принятія такихъ мѣръ, противъ своеволія хановъ, которыя бы подходили къ условіямъ ихъ быта. Поэтому въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ кн. Павелъ Дмитріевичъ становился въ положеніе азіатскихъ владѣтелей. Каждый изъ хановъ, принявшихъ подданство Россіи, былъ въ глазахъ главнокомандующаго лицемъ ему подвластнымъ. Относительно тѣхъ хановъ, которые сохраняли еще свою независимость, кн. Циціа-

новъ относился какъ сильный къ слабому. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ поступали между собою ханы и даже мелкіе владѣльцы. У азіатскихъ народовъ, тотъ изъ хановъ, который сегодня побѣдилъ, завтра же выкалывалъ глаза своему противнику и обращался съ нимъ какъ съ рабомъ до тѣхъ поръ, пока слѣпецъ при помощи другихъ, не отмщалъ ему тѣмъ же. Въ исторіи азіатскихъ народовъ не рѣдкость встрѣтить хана, нѣсколько разъ свергаемаго и снова возстановляемаго на ханствѣ, хана съ выколотыми глазами и изувѣченнаго... Зная нравы и обычаи окружающихъ народовъ, кн. Циціановъ сообразно тому и держалъ себя относительно горскихъ владѣльцевъ.

„Безстыдный и съ персидскою душею султанъ, писалъ онъ, между прочимъ, султану Эллисуйскому (1), и ты еще ко мнѣ смѣешь писать. Дождешься ты меня къ себѣ въ гости за то, что части дани своей шелкомъ не платишь цѣлые два года; что принимаешь бѣглыхъ Агаларовъ Россійской Имперіи и даешь имъ кровлю, и что Баба-Хану съ Чарцами посылалъ триста человѣкъ войска. *Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ*; такъ можешь ли ты своими коварными оговорками, въ письмѣ изъясненными, меня обмануть? Было бы тебѣ вѣдомо, что если еще человѣкъ твой придетъ ко мнѣ безъ шелку, котораго на тебя наложено сто литръ въ годъ, то быть ему въ Сибири, а я, доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ великаго моего Государя Императора, *до толѣ буду желать кровію твоею мои сапоги вымыть.*“

Лица всѣхъ званій и владѣтели, не расположенные къ Россіи, видѣли, что открытыми дѣйствіями трудно и невозможно было уклониться отъ принятыхъ обязательствъ. Точно также видѣли и царевичи Александръ, Іулонъ и Парнаозъ, что имъ нѣтъ средствъ прямымъ путемъ и открытою силою достигнуть до желаемой цѣли—освободить Грузію изъ подъ власти Россіи. Они рѣшились дѣйствовать тайно, при помощи подговоровъ и волненій жителей; рѣшились произведенными безпорядками внутри Грузіи, хотя на время остановить энергическія дѣйствія главнокомандующаго. Происки ихъ и волненіе народа хотя и имѣли минутный успѣхъ, но

(1) Отъ 9 сентября 1805 г. № 650 Т. А. К. Н —Эллисуйскій султанъ былъ одинъ изъ владѣтелей въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ.

недостигали до того, чтобы удовлетворить вполнѣ цѣли царевичей, желавшихъ всякихъ безпорядковъ въ Грузіи.

Лишь только кн. Циціановъ оставилъ Тифлисъ и отправился съ отрядомъ къ Эривани, какъ, по уговору царевичей, жители 27-ми деревень Бамбакскихъ, съ ихъ агалярами, бѣжали въ Карскій пашалыкъ [1]) Казахскіе агалары, содержавшіе пограничные караулы бѣжали къ Персіянамъ и объявили имъ, что они присланы отъ народа отдающагося въ подданство Шаха. Шамшадыльцы признали Баба-Хана своимъ повелителемъ [2]). Потали-Бекъ, сынъ Ибраимъ-хана Карабагскаго, нападалъ на Елизаветпольскихъ (Ганжинскихъ) жителей, убиравшихъ въ полѣ хлѣбъ и отгонялъ ихъ скотъ [3]). Джарскіе Лезгины нападали на Кахетію и даже проникали до самаго Тифлиса [4]). Жившій въ Чарахъ Татаринъ Бадиръ-Юсупъ, собравъ Глуходаровъ два раза ходилъ на хищничество и изъ двухъ деревень Марніулы и Телети взялъ въ плѣнъ изъ первой 8, а изъ послѣдней 16 душъ. Въ третій разъ, согласясь съ Джарцами и Глуходарами, онъ отогналъ пасшихся на Іорѣ барановъ. Бѣжавшій изъ Грузіи Анджино-Бебуровъ, и находившійся тогда въ Аліабатѣ подъ покровительствомъ Джаро-Бѣлоканцевъ, собравъ большую партію Глуходаровъ, ходилъ на Карай, а оттуда къ Тифлису съ намѣреніемъ раззорить селеніе Кукію [5]) Карскій Мегмедъ-паша снабжалъ царевича Александра провіантомъ, а Шаху посылалъ дары. Миръ-Мустафа-ханъ Талышинскій, для защиты котораго постоянно находился у острова Сарры русскій фрегатъ, присоединилъ войска свои къ персидскимъ и дѣйствовалъ противу насъ.

Тагаурцы узнали, что, у Моздока по правому берега Терека, Армяне будутъ провозить богатые товары, въ томъ числѣ и жемчугъ. Собравшись въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ они ограбили шедшій караванъ. Кн. Циціановъ потребовалъ отъ Тагаурцевъ выдачи какъ плѣнныхъ такъ и товары, и въ слѣдъ за тѣмъ въ наказаніе за то, что не все возвратили, приказалъ воспретить имъ въѣздъ какъ въ Грузію такъ и Моздокъ,—мѣста въ которыхъ Тагаурцы доставали

(1) Изъ рапорта Бамбакскаго Моурава 15 іюля 1804 г. Т. А. К. Н.
(2) Рап. правит. Грузіи кн. Волконскаго кн. Циціанову 1 іюля 1804 г. Ibid.
(3) Рап. его же отъ 13 августа 1804 г. Ibid.
(4) Рап. его же отъ 14 августа 1804 г. Ibid.
(5) Рапортъ Орбеліанова отъ 27 янв. 1805 г. Константиновъ ч. II, 324 (рукоп.).

почти все свое пропитаніе. Главнокомандующій въ то же время приказалъ захватить одного ихъ старшину изъ наиболѣе безпокойныхъ.

Это обстоятельство и давнишнее неудовольствіе народа отъ притѣсненій исправниковъ было причиною того, что Тагаурцы, собравшись въ ущельяхъ, стали останавливать, грабить и убивать проѣзжихъ (1). По полученіи свѣдѣній о безпорядкахъ въ Тагаурскомъ ущельѣ кн. Циціановъ отправилъ подполковника Эристова для наказанія взбунтовавшихся. Фамилія Эристовыхъ всегда имѣла вліяніе надъ осѣтинскими племенами, къ коимъ принадлежали и Тагаурцы.

Кн. Эристовъ получилъ приказаніе взять роту севастопольскаго мушкетерскаго полка маіора Меллы, стоявшаго въ Ананурѣ, собрать хорошо вооруженныхъ людей изъ своихъ имѣній и имѣній царевича Вахтанга. Съ этимъ отрядомъ Эристовъ долженъ былъ двинуться къ м. Казбекъ, гдѣ „жестокостію оружія, колоть, рубить, жечь ихъ селенія, словомъ при вступленіи въ ихъ жилища и съ ними въ дѣло, должно истребить мысль о пощадѣ, какъ къ злодѣямъ варварамъ“ (2).

Одновременно съ этимъ Эристовъ долженъ былъ предложить имъ отказаться отъ содержанія почты, по пути отъ Владикавказа до Казбека, какъ то было до сихъ поръ, и тогда обѣщать, что „каждому дому ихъ (которыхъ считалось 11) будетъ производиться въ годъ по 150 р. сереб. и всякій старшій въ домѣ уравненъ будетъ въ достоинствѣ съ нашими казачьими офицерами (3).“

Кн. Эристовъ нѣсколько разъ посылалъ ихъ уговаривать, но Тагаурцы не слушали и ссылались на притѣсненія дѣлаемыя имъ русскими. Въ заключеніе они говорили, что не будутъ болѣе пропускать русскихъ въ Грузію; что они послали уже просить помощи прочихъ горскихъ народовъ и ждутъ къ себѣ царевичей Іулона и Парнаоза (4).

Возстаніе татарскихъ дистанцій или округовъ прекратило всякое сообщеніе эриванскаго отряда съ Грузіею. Вѣсть о плачевной участи грузинскихъ князей попавшихъ въ плѣнъ

(1) Рап. кн. Циціанова Г. И. 29 мая 1804 г. № 133.—Т. Арх. Кан. Нам.

(2) Предпис. кн. Циціанова Эристову 25 мая 1804 г. Арх. Г. Шт. Кав. арм. Исход. журн.

(3) Ibid.

(4) Донес. кн. Эристова кн. Циціанову 12 іюня 1804 г. изъ Ломиса.

и распространившаяся молва о положеніи, въ какомъ находился самъ князь Циціановъ, окруженный персіянами, были далеко не въ пользу главнокомандующаго. Всеобщее мнѣніе обрекло его тогда и весь отрядъ на вѣрную погибель.

Съудаленіемъ Коваленскаго отъ должности правителя Грузіи по гражданской части, мѣсто его занялъ сначала родной братъ Каваленскаго, какъ старшій изъ русскихъ чиновниковъ, а потомъ Г. М. Тучковъ. Будучи недоволенъ Тучковымъ, за то что тотъ донесъ Сенату о моровой язвѣ появившейся въ Тифлиссѣ, по мимо главноуправляющаго, кн. Циціановъ хотѣлъ удалить его отъ этой должности. Онъ просилъ Императора Александра назначить въ правители Грузіи такое лицо, которое бы, въ отсутствіе главнокомандующаго, соединяя военную власть съ гражданскою, могло удобнѣе управлять новою областію. Генералъ-лейтенантъ кн. Волконскій 3-й, назначенъ въ эту должность.

По прибытіи въ Тифлисъ кн. Волконскій получилъ приказаніе объѣхать всѣ уѣзды, для обревизованія какъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ и присутственныхъ мѣстъ, такъ и для опредѣленія недостатковъ земской полиціи, о злоупотребленіяхъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ которой стали доходить слухи до Тифлиса.

Самовластіе земской полиціи, необдуманныя и не сообразныя съ духомъ и характеромъ народа распоряженія, были поводомъ къ возстанію горскихъ племенъ подвластныхъ Грузіи и волненію въ цѣлой странѣ.

Осетинскія племена жившія по Арагвѣ, были черезъ мѣру обременяемы требованіями проходящихъ по военно-грузинской дорогѣ войскъ и транспортовъ. Имъ не выдавали задѣльной платы и снова выгоняли на работу. Обращались весьма жестоко. Ананурскій капиталъ-исправникъ, мало того, что наносилъ обиды и оскорбленія подвластнымъ ему жителямъ, нерѣдко употреблялъ истязанія. По его приказанію солдаты, запрягли въ сани двухъ женщинъ и погоняли ихъ плетьми (1). За такую жестокость въ обращеніи Осетины отвѣтили тѣмъ же: они лопатами убили капитанъ исправника (2), и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ жители жившіе по

(1) Изъ донесенія кн. Волконскаго кн. Циціанову отъ 9-го іюля 1804 г. Т. А. К. Н.

(2) Изъ Краткой Исторіи Грузіи кн. Александра Чавчавадзева (рук.) Арх. Глав. Шт. въ С.-Петер. См. Приложеніе № 22.

Арагвѣ, въ ущельяхъ: Дчартальскомъ, Гудомакарскомъ, Хондавскомъ и Тіулетскомъ, забросавъ деревьями дорогу отъ Кайшаура до Ананура, стали убивать всѣхъ проѣзжихъ, а въ самомъ Кайшаурѣ вырѣзали казачій постъ, состоявшій изъ 17-ти человѣкъ (1).

Правитель Грузіи думалъ усмирить взбунтовавшихся обѣщаніемъ заплатить за работы по очисткѣ дороги, но это не подѣйствовало.—Получивъ свѣдѣнія объ этихъ произшествіяхъ кн. Циціановъ обвинялъ во всемъ князя Волконскаго.

„По рапортамъ генералъ-лейтенанта Волконскаго, писалъ онъ Кочубею (2), вижу не только уменьшеніе волнованія тіулетинцевъ, но вящшіе ихъ дерзости, кои ни чему иному приписать не могу, какъ тому, что сказанный генералъ, ввѣрясь доносамъ и совѣтамъ грузинскихъ князей, не тѣ мѣры и не тѣхъ людей употребляетъ какъ и какихъ слѣдовало бы. И все сіе происходитъ отъ незнанія ни характера національнаго, который клонится къ легковѣрію и легкомыслію, ни князей, кои попеченіемъ царя Ираклія привыкли другъ противу друга враждовать и на семъ основывать всѣ свои шаги и всѣ свои доносы“.

Тіулетинцы склоняли Пшавовъ и Хевсуровъ соединиться съ ними. Кн. Волконскій и въ этомъ случаѣ полагалъ остановить колеблющихся не оружіемъ, а деньгами.

Онъ отправилъ къ Пшавамъ тысячу рублей, съ цѣлію отклонить ихъ отъ сообщничества съ Тіулетинцами (3). Пшавы и Хевсуры приняли деньги, обѣщали исполнить просьбу правителя Грузіи, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они въ рядахъ Осетинъ сражались противу русскихъ.

Возстаніе горцевъ все болѣе и болѣе усиливалось и распространилось по рѣкамъ большой и малой Ліахвѣ (4). Бунтовщики думали двинуться на Ксанъ и напасть на Ананури (5), гдѣ и отогнали 22 лошади.

Царевичи Александръ, Іулонъ и Парнаозъ принимали дѣятельное участіе въ поддержаніи этого возстанія. Александръ писалъ Тагаурскому старшинѣ письмо (6), въ кото-

(1) Расп. Ананурскаго коменд. отъ 5-го іюля 1804 г. Тиф. Арх. К. Н.

(2) Бывшему министру внутр. дѣлъ отъ 14-го сентября 1804 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ по деп. общ. дѣлъ, дѣла грузинскія.

(3) Рап. кн. Волконскаго кн. Циціанову отъ 12-го іюля 1804 г. Т. А. К. Н.

(4) Впадающихъ въ р. Куру.

(5) Городъ на р. Терекѣ въ Душетскомъ уѣздѣ.

(6) Рап. маіора Казбека кн. Волконскому 14-го іюля 1804 г.

ромъ просилъ испортить дорогу и не пропускать русскихъ. Царевичь сообщалъ, что 200 т. Персіянъ идутъ уже въ Грузію.

Въ половинѣ мая пріѣхалъ къ царевичу Іулону посланный отъ Шаха, увѣдомлявшаго о своемъ движеніи и просившаго, чтобы царевичь со своей стороны приготовилъ къ возстанію карталинскихъ князей.

Передъ этимъ еще царевичи завели переписку съ князьями кахетинскими и карталинскими (1), которые соглашались имъ содѣйствовать, но при условіи, чтобы у царевичей было свое войско, и чтобы возстаніе было произведено тогда, когда послѣдуетъ пораженіе отряда бывшаго съ княземъ Циціановымъ подъ Эриванью. Для большаго успѣха Іулонъ и Парнаозъ хотѣли сами повидаться съ приверженцами своими въ Грузіи; думали пробраться въ м. Большія Ліахвы и взволновать тамъ народъ. Въ предупрежденіе такихъ замысловъ, правитель Грузіи послалъ команду для ихъ преслѣдованія, а съ жителей большихъ и малыхъ Ліахвъ взялъ аманатовъ (2).

Царевичи узнавъ, что русскіе войска въ непродолжительномъ времени займутъ Имеретію (3), 3-го іюня 1804 г., оставили ее и пробрались по картахской дорогѣ въ боржомское ущелье, куда и прибыли ночью на 8-е число. Отсюда они думали переправиться черезъ Куру и пробраться одному въ Осетію, а другому — къ Тіулитинцамъ (4) и по пути имѣть свиданіе съ нѣкоторыми карталинскими князьями. Въ случаѣ неудачи оба царевича хотѣли соединиться съ братомъ Александромъ (5).

У селенія Пролосено, дождавшись ночи, пріѣхали они къ р. Курѣ и по невозможности переправиться отправились къ дер. Гаге-Сцихе.

Прождавши тамъ три дня, они узнали, что будто бы кн. Цициановъ уже окруженъ Персіянами подъ Эриванью; что

---

(1) Изъ показаній арестованнаго кн. Амереджибова и дворянина Глаха Абѣлова, находившихся при царевичахъ въ Имеретіи.

(2) Донесеніе кн. Волконскаго кн. Циціанову 16 іюля № 54.

(3) При бѣжавшихъ царевичахъ были два сына Іулона: Луарсабъ и Леванъ, изъ коихъ первый скоро возвратился обратно въ Кутаисъ. Кромѣ того съ царевичами было до 55-ти человѣкъ князей и дворянъ.

(4) Показаніе дворян. Сакаадее 12 іюля 1804 г. Т. А. К. Н.

(5) Показаніе кн. Соломона Амереджибова 27 іюня 1804 г. Ibid.

жители арагвскихъ селеній взбунтовались; что для усмиренія ихъ посланы князья Эристовы и что теперь настало самое удобное время для исполненія предположеннаго плана. Царевичи снова пытались переправиться черезъ Куру, но не успѣвъ въ этомъ, пріѣхали въ осетинскую деревню Орниси. Одинъ изъ нихъ намѣренъ былъ теперь остаться на Арагвѣ, для поддержанія бунтовщиковъ, а другой предполагалъ отправиться въ Дагестанъ.

Горійскій комендантъ маіоръ Рейхъ слѣдилъ за путешествіемъ царевичей. Онъ приказалъ командирамъ ротъ, занимавшихъ пограничныя крѣпости, выставить секретные пикеты для наблюденія за ними. 24-го іюня штабсъ-капитанъ Новицкій, стоявшій съ ротою въ м. Цхинвалѣ, съ 40-ка егерями и нѣсколькими казаками, углубившись верстъ на 40 въ предѣлы Имеретіи, захватилъ свиту царевичей, отъ которой узналъ, что Іулонъ и Парнаозъ находятся при урочищѣ Шагорбели. Раздѣливъ отрядъ свой на двѣ партіи, Новицкій отправилъ казаковъ вправо, а егерей влѣво отъ урочища и пройдя лѣсъ напалъ на лагерь царевичей. Царевичъ Іулонъ едва не погибъ подъ штыками, но былъ спасенъ, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Тифлисъ, гдѣ и содержался подъ строгимъ присмотромъ. Царевичъ Парнаозъ успѣлъ скрылся въ густотѣ лѣса (1). Онъ проникъ въ предѣлы Грузіи, явился къ бунтующимъ Осетинамъ, и старался поддержать ихъ возстаніе.

Князья кахетинскіе, по большой части тѣже, кои были обвинены въ бунтѣ 1802 г., собравшись въ Алавердинскій монастырь на праздникъ, и узнавъ о прибытіи царевича на Арагву, отправились къ нему въ Тіонеты. Вѣсть объ этомъ обѣжала и встревожила Кахетію. Всѣ полагали, что царевичъ вмѣстѣ съ сообщниками своими обратитъ свои дѣйствія на эту провинцію и жители ея стали въ лѣсахъ искать убѣжища (2).

Взбунтовавшіеся Тіулетинцы, стараясь увеличить число своихъ сообщниковъ, распускали повсюду слухи, что Русскіе, находящіеся въ Грузіи, уже истреблены. Тѣми же ложными извѣстіями они успѣли склонить на свою сторону и Хевсуровъ, которые и были готовы вступить по первому приглашенію Тіулетинцевъ „на мѣсто сраженія“.

(1) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. отъ 16 іюля 1804 г. С.-Пет. Арх. Глав. Шт. № 47358.
(2) Рапортъ телавской земской полиціи въ Исполнит. Экспед. 29 сент. 1804 г. Т. А. К. Н.

Маіоръ Казбекъ, управлявшій тѣмъ округомъ, получивъ свѣдѣнія о ихъ намѣреніи и зная, что Хевсуры отличаются храбростію и такою воинственностію, отъ которой трепещутъ всѣ горскіе жители, послалъ ихъ уговаривать въ чемъ и успѣлъ.

9-го іюля привезено было къ Тагаурцамъ и Тіулетинцамъ письмо царевича Александра, просившаго не пропускать въ Грузію русскія войска. Царевичъ увѣдомлялъ въ томъ же письмѣ, что онъ имѣетъ уже отъ шаха персидскаго для истребленія Русскихъ 200,000 войска. Письмо это произвело на бунтующихъ свое дѣйствіе. Тіулетинцы, знавшіе, что въ Степанцминдѣ у маіора Казбека живутъ Русскіе для производства работъ по ущелью и предполагая, что въ этомъ мѣстѣ хранятся деньги, назначенные для этой работы, сдѣлали нападеніе съ цѣлію истребить Русскихъ и захватить деньги.

По полудни 13-го іюля появились они въ трехъ верстахъ отъ Степанцминды и стали лагеремъ противъ устья рѣки Сно, по правому ея берегу. Въ этотъ день число ихъ не превышало 500 человѣкъ. Хевсуры, узнавъ, что Тіулетинцы двинулись для разграбленія Казбска, собрались также въ числѣ 700 человѣкъ, и 14-го іюля пришли къ устью рѣки Сно и стали лагеремъ на лѣвомъ ея берегу, въ виду Степанцминды и Тіулетинцевъ. Въ тотъ же день къ бунтовщикамъ присоединились жители: хевскаго, гудошаурскаго, гудомакарскаго ущелій и нѣкоторое число изъ жителей трусовскихъ селеній. Бунтовщики вступили въ переговоры съ маіоромъ Казбекомъ, владѣтелемъ мѣстечка, предлагая ему, черезъ своихъ старшинъ, принять начальство надъ ними, выдать имъ Русскихъ и деньги, обѣщаясь въ противномъ случаѣ добыть то и другое силою. Казбекъ отвергъ ихъ предложенія, поклявшись передъ ними остаться вѣрнымъ Русскому Императору.

Зная вліяніе, какое имѣлъ Казбекъ на Хевсуровъ, Тіулетинцы видѣли, что безъ ихъ помощи всякія покушенія останутся тщетными,—они рѣшились подговорить Хевсуровъ дѣйствовать за одно съ ними. Обѣщаніемъ подѣлиться съ Хевсурами разграбленными деньгами, Тіулетинцы достигли того, что Хевсуры согласились оставаться праздными зрителями и „дали полную свободу бунтовщикамъ дѣй-

ствовать по ихъ волѣ, а сами, не нарушая клятвы, стояли на мѣстѣ" (1).

По утру 15-го числа Тіулетинцы раздѣлились на двѣ партіи, одна пошла для занятія Гергета и моста, полѣвую сторону р. Терека, а другая переправясь черезъ мостъ у Ачхота,—двинулась для блокированія замка. — Для воспрепятствованія симъ послѣднимъ выслана была засада и въ $10^1/_2$ часовъ пополуночи съ обѣихъ сторонъ открыли огонь. — Обороняющіеся должны были уступить мѣста многочисленности наступающихъ и запереться въ башняхъ и замкѣ (2).

Непріятель вступилъ въ сел. Степанцминду и страхомъ принудилъ жителей повиноваться его волѣ и требованіямъ. Осажденныя, не видя для себя никакого исхода, рѣшились вступить въ переговоры съ бунтовщиками, которые по прежнему требовали выдачи русскихъ и денегъ.— Срокомъ для отвѣта назначено было слѣдующее утро и положено въ теченіи ночи не предпринимать ничего съ обѣихъ сторонъ.

„Однако же не смотря на сіе, пишетъ полковникъ Дренякинъ, (3) мы всю ночь приводили въ порядокъ остановленную дневною стрѣльбою работу, укрѣпляя замокъ; за недостаткомъ же камней употребляли чемоданы и разный скарбъ".

На другой день т. е. 16-го числа рано утромъ къ бунтовщикамъ присоединилось еще 300 челов. Осетинъ и Кистинцевъ. Положеніе запершихся въ замкѣ Казбека становилось крайне опаснымъ. Бунтовщики окружили совсѣхъ сторонъ Степанцминду и число ихъ простиралось теперь до 3.000 челов. Присягнувъ дѣйствовать единодушно, къ истребленію русскихъ, они снова отправили депутацію къ Казбеку съ требованіемъ ихъ выдачи и денегъ. Казбекъ вторично отказалъ ихъ прозбѣ и въ тоже время началъ переговоры съ Хевсурами, стараясь склонить ихъ на свою сторону при помощи подарковъ и денегъ.

„Послѣ многихъ и неоднократныхъ требованій, пишетъ Дренякинъ, рѣшили нашу судьбу тѣмъ, чтобы лишить насъ всего имѣнія до послѣдней рубашки, что и исполнили. И такъ 17-го числа, послѣ полудня, впущены были въ замокъ по нѣскольку человѣкъ изъ старшинъ собравшагося народа, и всѣ

(1) Донесеніе кн. Цицианова Г. И. 15 августа 1804 г. Ibid.

(2) Въ немъ засѣло 34 челов. русскихъ, пять старшинъ Осетинскихъ и до 60 человѣкъ приверженныхъ фамиліи Казбека.

(3) Кн. Цицианову отъ 22 іюля 1804 г. № 87 Т. А. К. Н.

наше добро, въ томъ числѣ и старый шанцовый инструментъ, вынесено передъ глаза ихъ и раздѣлено на четыре пая т. е. Тагаурцамъ, Хевсурцамъ, Тіулетинцамъ и Гудомакарцамъ. Сей участи не избѣгли казаки и солдаты, такъ что теперь все имѣніе состоитъ томъ, что прикрываетъ наготу нашу".

Разграбивъ имущество, бунтовщики раздѣлили между собою и всѣхъ русскихъ бывшихъ въ замкѣ и увели ихъ въ ущелья съ обѣщаніемъ сохранить имъ жизнь.

Преданный Россіи маіоръ Казбекъ сверхъ того отдалъ горцамъ трехъ-лѣтняго своего сына и племянника въ аманаты и заплатилъ имъ тысячу руб. (1).

Бунтовщики не удовольствовались этими успѣхами. Въ числѣ двухъ тысячь человѣкъ они напали на донской Рышкова полкъ, отправленный, по требованію кн. Волконскаго, съ Кавказской линіи въ Грузію, съ 80-ю человѣками рекрутъ, и слѣдовавшій по чрезвычайно трудной картацкой дорогѣ. Полкъ потерялъ почти всѣхъ лошадей, половину людей и всѣхъ рекрутъ (2) взятыми въ плѣнъ. Осетины приводили казаковъ къ русскимъ постамъ и по распоряженію правителя Грузіи получали за нихъ выкупъ. Бунтовщики прекратили сообщеніе Ананура съ Тифлисомъ, надѣлали засады и своими дѣйствіями пугали самыхъ жителей Тифлиса.

Въ числѣ 4.000 подошли они къ Анануру, 26-го іюля, съ цѣлію его атаковать. Въ Ананурѣ находился гарнизонъ состоявшій изъ 2-хъ ротъ пѣхоты съ орудіемъ и милиція князей Эристовыхъ въ 1.500 человѣкъ. Узнавъ о движеніи горцевъ, князь Волконскій, самъ пошелъ съ баталіономъ пѣхоты на помощь Анануру, присоединивъ къ себѣ грузинскихъ князей и дворянъ назначенныхъ кн. Циціановымъ въ составъ Эриванскаго отряда. 28-го іюля на Ломисѣ произошла стычка между Тіулетинцами и отрядомъ войскъ бывшихъ подъ начальствомъ г. м. Талызина, послѣ которой Талызинъ послалъ къ бунтовщикамъ архимандрита съ увѣщаніемъ. Тіулетинцы арестовавъ архимандрита послали сказать Талызину, чтобы онъ оставилъ Ломисъ и ѣхалъ въ Анануръ

(1) Донес. кн. Циціанова Г. И. 15 августа 1804 г. Т. А. К. Н.
(2) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. 30 сентября 1804 г. Арх. Глав. Шт. въ С.-Пет.

и оттуда велъ уже съ ними переговоры (1), за что и были вновь атакованы. — 3-го августа Талызинъ раззорилъ двѣ деревни верхняго и средняго Млети и надѣялся, что этимъ поступкомъ заставитъ Осетинъ самихъ придти къ нему просить прощенія, но предположенія его не оправдались; напротивъ это раззореніе деревень взволновало многіе племена, „въ числѣ коихъ были Дчурта, Охири, Мохури, и Ломисъ такъ какъ и Тіулетинцы“ (2).

Движеніе кн. Волконскаго не привело ни къ какимъ результатамъ, и онъ возратился обратно въ Тифлисъ. Севастопольскаго мушкетерскаго полка маіоръ Мелла, занимавшій съ однимъ баталіономъ Ломисскій постъ и окруженный взбунтовавшимися, узнавъ о возвращеніи кн. Волконскаго въ Тифлисъ, также отступилъ.—Ненадѣясь пробиться сквозь толпу, онъ донесъ, что сжегъ весь свой обозъ, лафеты, зарылъ три орудія въ землю и потомъ прошелъ сквозь непріятеля. На самомъ дѣлѣ онъ только бросилъ свою артиллерію (3) и пришолъ съ самою ничтожною потерею, что и доказывало объизлишней боязни толпы, которая была весьма плохо вооружена (4). Отдача во власть горцевъ Ломисскаго поста открыла имъ всѣ Ксанскія владѣнія и путь въ Карталинію. Деревни кн. Эристовыхъ были раззорены, за приверженность ихъ къ Россіи и опасность угрожала даже Гори. Ксанскіе жители дали присягу не пропускать взбунтовавшихся къ Ломису и Тіулетинцы должны были направиться къ Ананауру.

„Возмущеніе Тагаурцевъ, доносилъ кн. Волконскій Императору Александру (5), прежде еще выступленія войскъ къ Эривани прервало свободное сношеніе съ линіею. Вскорѣ потомъ горскіе жители Арагвы еще больше преградили путь. Наконецъ присоединеніе къ нимъ прилежащихъ народовъ подаетъ уже имъ способы присоединить къ себѣ Осетинцовъ и другихъ жителей верхней Карталиніи, такъ что не увѣренъ я даже въ

(1) Дон. Талыз. кн. Волконс. 4 авгус. 1804 г. № 125.

(2) Донес. кн. Ревазъ Эристова кн. Волконскому отъ 11 августа.

(3) „Постыдное наше отступленіе, писалъ ему кн. Цицiановъ отъ 19 января 1805 г., не можетъ остаться безъ должнаго наказанія... По отобраніи ихъ (лафетовъ) у Тіулетинцовъ оказалось, что лафеты оставлены цѣлыми только безъ желѣза которое снято; колеса же во всей исправности, что я видѣлъ при провозѣ тѣхъ орудій черезъ Ананауръ.“ Кн. Цицiановъ требовалъ отъ Меллы подробнаго объясненія его поступка.

(4) Донесеніе кн. Цицiанова Г. И. 15 іюня и 4 іюля 1804 г.

(5) Отъ 16 августа 1804 г.

отправленіи почтъ, черезъ самыя отдаленныя ущелья Осетіи. Не однократно относился я къ генералу Глазенапу послать казацкіе полки и рекрутъ, вооружа сихъ сколько возможно, но по сіе время о приближеніи ихъ не слышу; одними же войсками оставшимися въ Грузіи, не могу укротить бунтующихъ и возстановить свободнаго пути, тѣмъ болѣе, что всѣ татары въ Самхетіи и Шамшадыли бунтуютъ, и даже прерываютъ сношенія съ корпусомъ блокирующимъ Эривань, будучи подкрѣпляемы Персіянами и присутствіемъ царевичей; а на сихъ дняхъ грузинскихъ князей первѣйшихъ фамилій захватили, побивъ нѣсколькихъ, что произвело уныніе въ жителяхъ. Нѣсколько дней уже соединенными силами нападаютъ они на караклисскій постъ, сохраненіе коего необходимо для самаго существованія войскъ подъ Эриванью, поелику генералъ-отъ-инфантеріи кн. Циціановъ нуждается въ провіантѣ и снарядахъ и уже третій транспортъ съ великими затрудненіями къ нему отправляю. Въ послѣднемъ же принужденъ былъ употребить драгунскихъ лошадей и хотя даю сильное прикрытіе, но уже не увѣренъ въ доставленіи. Сколь не затруднительно положеніе войскъ находящихся въ Грузіи, но генералъ Циціановъ отдѣлить отъ себя въ подкрѣпленіе не можетъ, а вспомоществованіе для охраненія Грузіи не обходимо".

По полученіи этого донесенія императоръ Александръ приказалъ немедленно отправить, моремъ изъ Крыма въ Мингрелію, полкъ пѣхоты съ полуротою артиллеріи, а съ кавказской линіи черезъ Дарьяльское ущелье одинъ драгунскій, два казачьихъ полка, рекрутъ и артиллерію, приказавъ генералу Глазенапу, командовавшему линіею, открыть непремѣнно сообщеніе съ Тифлисомъ. Князь Волконскій получилъ повелѣніе, по прибытіи подкрѣпленія, составить тотчасъ же отрядъ войскъ и отправить его къ Эривани, для открытія сообщенія съ княземъ Циціановымъ.

„Исполнивъ сію первую обязанность писалъ императоръ Александръ (1), и поставивъ князя Циціанова въ возможность предпринять что либо противу Персіянъ рѣшительное, всѣ волнованія Татаръ и Грузинъ исчезнутъ и въ короткое время спокойствіе вездѣ возстановлено быть можетъ".

Царевичъ Александръ собравъ въ Самхетіи, на Жилган-

(1) Высоч. повелѣніе кн. Волконскому 27-го сентяб. 1804 г.

ской степи, всѣхъ какъ борчалинскихъ и казахскихъ татаръ, такъ и населяющихъ Самхетію, распускалъ слухи, что двинется на Тифлисъ, но когда узналъ о возвращеніи князя Циціанова и всѣхъ войскъ изъ эриванской экспедиціи, то съ конвоемъ изъ 20-ти человѣкъ отправился къ Баба-Хану, по его приглашенію. Съ отъѣздомъ его кончились всѣ подстрѣканія и подговариванія къ волненіямъ.

Татары утихли; утихли и всѣ племена по ту сторону Тифлиса. Приближеніе осенняго времени, заставило ихъ думать о зимовьи, которое наиболѣе удобнымъ для нихъ было въ Грузіи и могло быть допущено, конечно, только при миролюбивыхъ ихъ отношеніяхъ къ Россіи. Черезъ своихъ Агаларовъ, приходившихъ съ повинною, они старались поэтому заслужить прощеніе и доброе расположеніе нашего правительства.

„Дерзаю надѣятся, доносилъ князь Циціановъ, что съ помощію Божіею, все будетъ приведено въ свой прежній порядокъ и тишину, лишъ бы мои помощники, своими новыми и самовластными распоряженіями, не разстроивали того, что мнѣ Богъ помогаетъ устроивать и слѣдовали бы плану моего поведенія, коему я готовъ всегда дать отчетъ, и который основанъ на нѣкоторыхъ познаніяхъ о націи, пріобрѣтенныхъ съ младенчества моего, еще въ домѣ отца моего“ (1).

Возвратившись въ Тифлисъ князь Циціановъ, отправилъ тотчасъ князей Мирманоза и Соломона Эристова на Арагву къ Тіулетинцамъ и царевичу Порнаозу, требуя отъ первыхъ повиновенія и возвращенія всего награбленнаго, а отъ втораго раскаянія. Въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта обѣщалъ имъ полное прощеніе, а въ противномъ случаѣ предполагалъ взять кавказскій гренадерскій полкъ и самому двинуться къ Анануру (2). Посылка не увѣнчалась успѣхомъ, главнокомандующій отправился въ походъ и пришелъ въ Анануръ тогда, когда тамъ все успокоилось.

Раньше, еще передъ отступленіемъ князя Циціанова изъ подъ Эривани капитанъ Матушевичъ, командуя отрядомъ за отсутствіемъ генерала Талызина, вытѣснилъ бунтовщи-

(1) Рап. кн. Циціанова Г. И. 30-го сент. 1804 г. Т. А. К. Н. — См. также Константинова ч. II, 340 (рукоп.) Арх. Глав. Штаба въ С.-Петерб.

(2) Дон. кн. Циціанова Г. И. 30-го сентяб. 1804 г.

ковъ изъ Душетской крѣпости и на кейсхевскихъ высотахъ разбивъ ихъ отрядъ изъ 2,700 человѣкъ состоящій, возобновилъ сношеніе Ананура съ Тифлисомъ; очистилъ первый отъ мятежниковъ и преслѣдовалъ ихъ до высотъ и тѣсныхъ проходовъ урочища Годарети, гдѣ заперъ ихъ до прибытія войскъ изъ подъ Эривани (1).

Съ другой стороны генералъ Глазенапъ, получивъ Высочайшее повелѣніе и выждавъ спаденіе водъ Терека, командировалъ г. м. Насвѣтаева для открытія сообщенія съ Тифлисомъ. Отрядъ Насвѣтаева составленъ изъ 6-ти ротъ казанскаго мушкетерскаго полка, двухъ ротъ артиллеріи, двухъ донскихъ казачьихъ полковъ и 500 рекрутъ. Насвѣтаевъ выступилъ въ концѣ сентября и слѣдуя по военно-грузинской дорогѣ, на каждомъ шагу встрѣчалъ сопротивленіе со стороны непріятеля. Авангардъ его составленный изъ одной роты казанскаго полка и 300 казаковъ, подъ командою подполковника Быхалова, долженъ былъ по очередно завладѣть Дарьяломъ, Ларсомъ и Казбекомъ.

Царевичь Парнаозъ узнавъ о приближеніи Насвѣтаева собиралъ Осетинъ для занятія Казбека, какъ стоявшаго на самой дорогѣ, взятіе котораго могло представить большія затрудненія. Быхаловъ предупредилъ царевича, опоздавшаго занять Казбекъ, и принужденнаго засѣсть въ башняхъ селенія Сіонъ, откуда онъ былъ вытѣсненъ съ потерею 100 человѣкъ убитыми и 55 взятыми въ плѣнъ. Пройдя такимъ образомъ отъ Владикавказа до Ананура Насвѣтаевъ открылъ сообщеніе Россіи съ Грузіею; возобновилъ мосты по Тереку, исправилъ дороги и оставилъ на пути военныя прикрытія „дабы при проходѣ войскъ не могли хищники по прежнему разломить мосты“ (2).

Царевичь Парнаозъ бѣжалъ къ Хевсурамъ и Пшавамъ, прося ихъ помощи для дѣйствія противъ Насвѣтаева. Получивъ тамъ отказъ, онъ бросился въ Персію, по дорогѣ къ Эривани. Князь Циціановъ послалъ приказаніе всѣмъ пограничнымъ начальникамъ захватить его, что и удалось исполнить въ казахской дистанціи.

Генералъ маіоръ Портнягихъ, по извѣстіямъ до него дошедшимъ, о близкомъ мѣстопребываніи Парнаоза, разъ-

(2) Послужной списокъ Матушевича.

(1) Донес. Глазенапа Г. И. 25-го сентяб. 1804 г. — Дон. кн. Циціанова Г. И. 29-го октяб. 1804 г.

ѣзжалъ съ партіями по Кахетіи, а кабардинскаго, мушкетерскаго полка князь Севарсемидзевъ, поставленный съ двумя ротами и однимъ орудіемъ нарочно для этой цѣли въ Тіанетахъ гнался за нимъ съ казаками. Темнота ночи способствовала тому, что Парнаозъ успѣлъ скрыться. Тогда главнокомандующій отправилъ бригадира князя Томаса Орбеліанова, въ Демурчасалы, 40 верстъ ниже Тифлиса по Курѣ (какъ къ мѣсту гдѣ могъ Парнаозъ переправиться черезъ Куру) съ приказаніемъ начальникамъ давать князю Орбеліанову столько войскъ, сколько потребуетъ. Царевичъ пойманъ вмѣстѣ со свитою, изъ 30-ти князей Кахетинскихъ, и привезенъ въ Тифлисъ.

„Спѣшу всеподаннѣйше донесть Вашему Императорскому Величеству, писалъ князь Циціановъ (1), о томъ, что одна изъ гидръ раздирающихъ Грузію междоусобною войною и вовлекающая безсмысленный народъ въ несчастія, поймана и заключена въ благородную неволю, а именно царевичь Парнаозъ. Сіе счастливое пріобрѣтеніе тѣмъ важнѣе, что научитъ и Александра царевича не посѣщать Грузію, а еще меньше столь долго оставаться въ оной и набирать партію изъ неблагодарныхъ князей".

Въ послѣдствіи царевичь намѣревался бѣжать изъ подъ ареста. Наканунѣ отъѣзда были перехвачены письма царевича Парнаоза къ его родственникамъ, въ которыхъ онъ просилъ приготовить пару лошадей „и такого лекарства", которое можно бы было вмѣшать въ вино для усыпленія караульныхъ. Надопросѣ снятомъ по приказанію князя Циціанова царевичь сознался въ томъ, что дѣйствительно писалъ эти письма (2).

4-го Апрѣля 1805 года царевичи Іулонъ и Парнаозъ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми высланы въ Россію. Мѣстопребываніемъ для перваго назначена Тула, и для втораго — Воронежъ (3)

Князь Циціановъ находясь въ Ананурѣ приказалъ взять главныхъ зачинщиковъ волненія, а остальнымъ объявилъ прощеніе (4), „которое тѣмъ справедливѣе, что оные горскіе

(1) Донес. кн. Циціанова отъ 31-го октября 1804 г.

(2) Рап. кн. Циц. Е. В. 5 апр. 1805 г. № 18. Отнош. гр. Кочубея кн. Циц. 23-го апр. № 1754. Арх. М. В. Д.

(3) Ibid.

(4) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. отъ 29-го октяб. 1804 г.

жители, какъ доносилъ онъ, разсужденіемъ ни мало не рознять со скотами, въ чемъ я лично увѣрился, говоря съ ними и тѣмъ не обходимѣе, что число волновавшихся составляло бы большую потерю въ людяхъ для Грузіи".

„Послѣ усмиренія Осетинъ и поимки царевича Парнаоза было предано суду болѣе 70 человѣкъ, обвиняемыхъ въ возмущеніи и подстрекательствѣ къ бунту. Всѣ они судились до 1806 года, когда и были прощены Императоромъ Александромъ, принявшимъ во вниманіе докладъ правителя Грузіи Литвинова, оправдывавшаго ихъ характеромъ народа и прежнею исторіею Грузіи.

„Угнѣтеніе грузинскаго народа, говорилъ Литвиновъ въ своемъ мнѣніи, сосѣдними владѣніями и чувствительная слабость даже соединенныхъ силъ, правленіе царей учинило не твердымъ для нихъ и малонадежнымъ для подданныхъ. Сверхъ того власть, постепенно разрушавшаяся раздробленіемъ въ разныя руки, отвлекла здѣшнихъ жителей отъ уваженія единства власти. При малѣйшемъ неудовольствіи присягу и вѣрность мѣняли безъ всякаго стыда, поставляя сіе спасительнымъ средствомъ. Внутри Грузіи несогласіе царевичей служило сему поводомъ и важнѣйшіе преступники скрывались въ Персіи и имѣли дерзость для возвращенія своего дѣлать условіе съ своими царями. Любовь къ отечеству, столь сильно дѣйствующая въ сердцахъ благомыслящихъ, жителямъ Грузіи неизвѣстна, даже названія отечества на грузинскомъ языкѣ не находится. Единодушіе и согласіе для нихъ чужды; подвизаемые единою личностію, находили выгоды въ безпорядкѣ и разстройствѣ другихъ.

„Изъ сего положенія обстоятельствъ видно, что самодержавіе и безначаліе были совокупны въ одномъ правленіи, то можно ли имѣть надежду, чтобы народъ сей, слѣдуя положительнымъ правиламъ, могъ хранить вѣрность къ новому государю, когда поставлялъ за ничто измѣнить своему природному? Присоединить къ сему должно обстоятельства того времени: бунтъ Тіулетинцевъ и другихъ горскихъ народовъ, совершенное прекращеніе сообщенія съ Россіею, возмутительныя грамоты Баба-Хана; не только сомнительное положеніе, но достовѣрно разглашенное истребленіе главнокомандующаго и всѣхъ войскъ подъ Эриванью; наконецъ прибытіе царевича Парнаоза въ Грузію — достаточны были

отклонить сихъ не утвержденныхъ еще подданныхъ отъ стороны Россіянъ и заставить ихъ стараться, на будущее время, снискать въ царевичахъ себѣ и семейству своему подпору. Изъ сихъ соображеній явствуетъ, что жители Грузіи, не только въ отношеніи противу Россійскаго Государя, но даже противу отечества своего, по одинаковымъ преступленіямъ, равному съ россійскими отвѣту подлежать не могутъ; претерпѣнное же ими нѣсколько лѣтъ заключеніе въ крѣпости, довольно уже виновныхъ омыло отъ преступленій, а невинныхъ усмирило на будущее время (1).

(1) Докладъ Литвинова. Тиф. Арх. Канц.. Намѣс.

ГЛАВА XIX.

Движеніе Гулякова въ Джаро-Бѣлоканы. — Цѣль экспедиціи. — Бой въ Закатальскомъ ущельѣ. — Смерть Гулякова. — Отступленіе отряда къ урочищу Пейкаро. — Послѣдствія экспедиціи.

Весьма частые вѣроломные поступки чарскихъ вольныхъ обществъ, въ несоблюденіи статей постановленія, заставили кн. Циціанова обратить на нихъ серьезное вниманіе. Обязавшись не пропускать дагестанскихъ Лезгинъ въ Грузію, Джаро-Бѣлоканцы не только не исполняли своего обѣщанія, но напротивъ того пригласили ихъ на зимованіе въ своей землѣ и дѣлали вмѣстѣ съ ними нападенія на Грузію. Къ тому же Джарцы и не думали объ уплатѣ положенной на нихъ дани.

Главноуправляющій приказалъ шефу кабардинскаго мушкетерскаго полка генералъ-маіору Гулякову съ отрядомъ, состоящимъ изъ трехъ баталіоновъ кабардинскаго, трехъ баталіоновъ 15-го егерскаго и одного баталіона тифлискаго полковъ, съ 10-ю орудіями и охотниками кизихскими и грузинскими переправиться черезъ Алазань и наказать Джарцовъ внутри ихъ селеній (1).

30-го декабря 1803 г. генералъ-маіоръ Гуляковъ, узнавъ черезъ кизихскаго жителя, что Сурхай-ханъ, владѣлецъ хамбутайскій, со своими войсками состоявшими около 6-ти тыс. человѣкъ, переправился на правый берегъ р. Алазани, противъ лезгинской деревни Байматло, ниже лагеря верстахъ въ сорока.

Декабря 31-го генералъ-маіоръ Гуляковъ выступилъ съ 10-ю ротами кабардинскаго, съ гренадерскимъ баталіономъ тифлисскаго, двумя ротами 15-го егерскаго полковъ, 5-ю орудіями и донскими казачьими командами.

Посланный разъѣздъ открылъ непріятеля на правомъ бе-

(1) Славянинъ 1827 г. Т. I, кн. X, 168.

регу р. Алазани. Непріятельскій станъ былъ защищенъ съ правой стороны заливомъ, а посрединѣ его былъ весьма густой лѣсъ и терновый кустарникъ, недозволявшій провезти орудія, и заставлявшій дѣйствовать одними стрѣлками.—Взявъ 240 человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ кабардинскаго полка, 80-ть человѣкъ тифлисскаго, роту 15-го егерскаго и нѣсколько казаковъ, генералъ-маіоръ Гуляковъ отправилъ ихъ подъ начальствомъ подполковника Эристова, который и былъ встрѣченъ жестокимъ огнемъ. Подполковникъ Эристовъ видя, что стрѣльбою нѣтъ возможности выгнать непріятеля, засѣвшаго въ кустахъ, приказалъ примкнуть штыки и три раза ходилъ въ атаку. Артиллерія дѣйствовала черезъ заливъ и весьма успѣшно. Каждый разъ непріятель отступалъ, и отбѣжавъ нѣкоторое разстояніе снова дѣлалъ засаду въ чащѣ лѣса, такъ что наши стрѣлки должны были штыками выбивать его до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ прогнанъ за р. Алазань, при переправѣ черезъ которую много утонуло (1).

Одновременно съ прогнаніемъ непріятеля за р. Алазань, замѣчена была конная партія, числомъ до 3-хъ тыс. человѣкъ, спускавшаяся съ горъ, съ правой стороны, въ долину. Противъ этой партіи пошелъ самъ генералъ-маіоръ Гуляковъ съ остальнымъ отрядомъ и заставъ на переправѣ, разогналъ ее, не давъ переправиться. Въ этомъ сраженіи, продолжавшемся пять часовъ, съ нашей стороны убиты: одинъ офицеръ и 17-ть рядовыхъ, ранено: два офицера и 69-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Ночью съ 9-го на 10-е число генералъ-маіоръ Гуляковъ, переправясь черезъ мостъ, при Александровскомъ редутѣ, двинулся 13-го числа въ полдень, по направленію къ сел. Чарамъ для наказанія жителей. Во время движенія его на открытомъ мѣстѣ, онъ былъ атакованъ толпою Лезгинъ, состоявшей изъ нѣсколькихъ тысячь человѣкъ. Встрѣченный съ нашей стороны сильнымъ огнемъ, непріятель спасался бѣгствомъ, оставивъ на мѣстѣ до ста человѣкъ убитыми. Результатомъ этого пораженія было безпрепятственное завладѣніе селен. Чарами, которое, равно какъ и прочія селенія, оказались оставленными жителями.

(1) Рапортъ Г. М. Гулякова кн. Циціанову 3-го января 1804 г. Т. А. Глав. Штаба Кавказс. арм. дѣло № 21.

„Прибывъ сюда вчерашній день, писалъ князь Циціановъ генералъ-маіору Гулякову (1), узналъ я о новой вашей побѣдѣ и столько часто имѣлъ удовольстіе отдавать справедливость вашимъ высокимъ военнымъ достоинствамъ, что мнѣ не остается иного вамъ сказать, какъ то, что вашему превосходительству суждено, какъ видно, увѣковѣчить славу россійскаго оружія въ сей новоприобрѣтенной землѣ, а мнѣ соучаствовать въ радости о томъ. По слухамъ, что ваше превосходительство вступили въ Чары, желаю, чтобы симъ дѣломъ увѣнчали вы славную компанію вашу и продолжающуюся черезъ цѣлый годъ, чего ни въ какомъ войскѣ не слыхано...“

Занятіе безъ боя Чаръ, паническое бѣгство жителей при приближеніи нашихъ войскъ, увлекли генералъ-маіора Гулякова, привыкшаго къ побѣдамъ. Онъ рѣшился преслѣдовать Лезгинъ въ самыхъ неприступныхъ ихъ ущельяхъ.

15-го числа онъ двинулся закатальскимъ ущельемъ, идущимъ выше селенія Чары. Отрядъ слѣдовалъ въ такомъ порядкѣ: впереди шли Грузины конные и пѣшіе, за ними казаки полка Ефремова 3-го, потомъ 140 стрѣлковъ 15-го егерскаго полка съ однимъ орудіемъ, гдѣ находился и самъ генералъ-маіоръ Гуляковъ. За нимъ слѣдовала колонна, составленная изъ кабардинскаго и тифлисскаго баталіоновъ, и наконецъ въ арріергардѣ шелъ 15-й егерскій полкъ.

Лишь только войска вступили во внутрь каменныхъ оградъ, какъ Лезгины открыли сильный огонь. Большая толпа непріятеля вслѣдъ за тѣмъ бросилась къ орудію. При первыхъ выстрѣлахъ самъ генералъ маіоръ Гуляковъ былъ убитъ.

Смерть начальника, пріобрѣвшаго отъ своихъ слѣпую довѣренность и вселявшаго страхъ въ непріятелѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, разстроила на время порядокъ въ нашихъ колонахъ; Грузины и казаки бывшіе впереди бросились назадъ прямо на колоны, такъ какъ съ боку былъ обрывъ. Войска смѣшались, начали отступать и во время этого безпорядочнаго отступленія „многіе были въ крутую стремнину опрокинуты“ (2). Въ числѣ упавшихъ въ стремнину были генералъ маіоръ князь Орбеліановъ, генералъ

(1) Отъ 14-го января 1804 г. Т. Ак. Гл. Шт. Кавк. Арм. исход. журн. 1804 г.
(2) Рапор. кн. Циціанова Г. И. 1-го февраля 1804 г. Арх. Воен. Топ. Депо № 47358.

маіоръ Леонтьевъ и л. гв. преображенскаго полка поручикъ гр. Воронцовъ. Послѣдній писалъ кн. Циціанову:

По рапорту кн. Димитрія Захаровича (Орбеліанова) писалъ онъ (1), вы изволите усмотрѣть какое несчастное у насъ было дѣло сегодня съ Лезгинами. Василій Семеновичъ (Гуляковъ) водимъ будучи одною храбростію, пустился со всѣмъ отрядомъ въ такое неприступное мѣсто, что ежели бы оно было намъ и знакомо,—никакъ нельзя было въ оное войти. Онъ, по обыкновенію своему, опередилъ всѣхъ и шелъ впередъ, не открывъ мѣста, безъ фланкеровъ и безъ всего. Одни Грузины были еще дальше впереди и это была главная его ошибка, ибо Лезгины только что бросились съ саблями на Грузинъ, они всѣ побѣжали назадъ, и кинулись на насъ; мѣсто не позволяло никакъ выстроиться, такъ что и насъ сначала было опрокинули. Василія Семеновича убили у перваго орудія; я возлѣ него былъ и сомною тоже бы случилось, ежели бы бѣжавшая грузинская толпа, вмѣстѣ съ непріятелемъ, не столкнула съ прекрутаго яра, откуда я летѣлъ и разбился бы до смерти, ежели бы не случилось упасть на другихъ, которые уже прежде меня тою же толпою были столкнуты. Какъ можно скорѣе, я взлѣзъ опять на верхъ и нашелъ, что наши опять стали собираться и въ скоромъ времени Лезгинъ оттуда сбили. Какъ князь Дмитрій Захаровичъ (Орбеліановъ), такъ и Алексѣй Алексѣевичъ (Леонтьевъ), все возможное примѣромъ и просьбами дѣлали, чтобы солдаты не унывали. Идти впередъ невозможно было, ретироваться назадъ тоже казалось невозможно, однако же съ большимъ трудомъ отошли, не оставя ничего позади насъ. Уронъ нашъ еще неизвѣстенъ но, убитыхъ и раненыхъ есть по крайней мѣрѣ до 300 и много офицеровъ. Вчера и третьяго дни всѣ отсовѣтывали Василію Степановичу (Гулякову) туда идти, онъ почти признавалъ невозможность и говорилъ, что онъ хотѣлъ только открыть мѣсто, но какъ открывать мѣсто со всѣмъ отрядомъ, не оставляя никакаго резерва въ случаѣ несчастья? Богъ знаетъ какъ мы оттуда вышли, никто изъ насъ не думалъ пережить этотъ день. Теперь мы пришли на мѣсто лагеря и находимся въ совершенной безопасности. Грузины обезкуражены, наши жалѣютъ о потерѣ генерала, но ни-

(1) Частное письмо гр. Воронцова кн. Циціанову 15-го янв. 1804 г. Т. А. К. II.

чего не боятся. Ихъ говорятъ болѣе 7 т., но на чистомъ мѣстѣ, такъ какъ мы стоимъ, и 20 т. не боимся. Снарядовъ, а паче патроновъ у насъ очень мало. Провіанту не болѣе, какъ на 9-ть дней, отступить же не хочется, да и стыдно".

„Потеря генералъ маіора Гулякова, писалъ князь Цицiановъ (1), толикими подвигами въ семъ краѣ отличившагося, есть несчастнѣйшее слѣдствіе сего сраженія. Отчаяніе войска, уныніе друзей его, офицеровъ кабардинскаго мушкетерскаго полка и сожалѣніе всей Грузіи, которая ограждаема была неусыпнымъ бдѣніемъ его и мужествомъ, налагаютъ на меня священную обязанность, отдать памяти сего отличнаго полководца достодолжную справедливость. Я лишился усерднаго помощника, войска лишились начальника, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго" (2).

Генералъ маіоръ князь Орбеліановъ, оставшись старшимъ послѣ Гулякова, принялъ команду, устроилъ отрядъ, и не зная въ точности предположенія Гулякова, но видя себя окруженнымъ лѣсами, садами, буераками, домами и каменными оградами, началъ отступать. Сраженіе, при отступленіи, продолжалось 8 часовъ самымъ упорнымъ образомъ. Солдаты бросались въ штыки всякій разъ, какъ только Лезгины подступали близко къ нашимъ колонамъ. Отрядъ отступилъ, не оставивъ ничего въ добычу непріятелю за исключеніемъ амуниціи на убитыхъ. Уронъ непріятеля по показаніямъ старшинъ простирался до 1,000 человѣкъ.

Не смотря на невыгодное наше положеніе, и на то, что русскія войска первый разъ отступили передъ Чарцами, дѣло это было такъ упорно и потеря Лизгинъ такъ велика, что черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія многія селенія прислали депутатовъ, прося помилованія.

Между тѣмъ князь Цицiановъ приказалъ генералъ маіору князю Орбеліанову, если не найдетъ возможнымъ наказать Чарцовъ, то отступить къ урочищу Пейкаро, отправивъ гренадерскій баталіонъ тифлисскаго полка съ генералъ маіоромъ Леонтьевымъ въ Кахетію. Тамъ, расположась въ ближайшихъ къ магазинамъ селеніяхъ, Леонтьевъ долженъ былъ заботиться о снабженіи отряда князя Орбеліанова провіантомъ и фуражемъ.

(1) Императору Александру отъ 1-го февраля 1804 г. Арх. Воен. Топ. Депо № 47358.

(2) Тѣло Гулякова похоронено въ Сигнахѣ подъ сѣнію Св. Нины. См. Грузія и Арменія изд. 1848 г. стр. 135.

Князь Циціановъ запретилъ князю Орбеліанову ходить и дѣйствовать въ ущельяхъ и приказалъ обезпечить тылъ свой на столько, чтобы было безопасное и свободное сообщеніе съ александровскимъ редутомъ (1), безъ чего онъ могъ быть отрѣзаннымъ отъ праваго берега р Алазани, да и самый Кизихъ и вся Кахетія могли быть въ опасности.

„Снаряды, писалъ князь Циціановъ (2), и на патроны пороху и пули я отправилъ вчера еще, а сегодня отправлю лекарей и сумму на успокоеніе раненыхъ. Свѣжихъ войскъ мнѣ дать не изъ чего, а буде думаете, что мое присутствіе ихъ можетъ ободрить, то скажите, что я самъ къ нимъ буду, что и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ бы исполнить, по полученіи перваго рапорта, если бы не отправленіе курьеровъ къ тому препятствовало; совсѣмъ тѣмъ если могу — буду".

17-го января отрядъ отступилъ отъ Чаръ къ деревни Мухрахъ, гдѣ простоявъ два дни, сжегъ самую деревню. Здѣсь прибыли къ князю Орбеліанову отъ деревень Талъ, Мухрахъ, Чардахъ и Чинихъ лезгинскіе старшины съ довѣренностію отъ ихъ обществъ.

Имѣя предписаніе кн. Циціанова написать въ ущелья къ Чарцамъ письмо, съ объявленіемъ, что, если они не покорятся, то должны проститься навѣки съ своею землею,— кн. Орбеліановъ воспользовался прибытіемъ этихъ довѣренныхъ. Оставивъ при себѣ четырехъ аманатовъ, онъ съ отрядомъ пошелъ 20-го числа къ алирбадскимъ деревнямъ, гдѣ былъ встрѣчаемъ жителями, увѣрявшими его въ своей вѣрности и доставившими даже фуражъ для отряда. 21-го числа кн. Орбеліановъ прибылъ къ падарской переправѣ, гдѣ въ тотъ же день переправлены были на нашу сторону больные и раненые, но за тѣмъ отрядъ, имѣвшій продовольствіе только на двое сутокъ, поторопился отступить къ урочищу Пейкаро.

Здѣсь къ кн. Орбеліанову прибыли, 30-го января, повѣренные отъ селеній чарской области, съ видомъ покорности и обѣщаніемъ исполнить все, отъ нихъ требуемое, а 31-го числа къ нему же прибыли три лезгинскіе старшины города Бѣлоканъ, съ довѣренностію отъ общества. Объявивъ пер-

(1) Предписаніе кн. Орбеліанову 18-го января 1804 г. Т. А. Глав. Штаба Кавказ. арміи Исход. Журн. 1804 г.

(2) Тоже отъ 19-го января.

вымъ, что они должны внести слѣдуемую съ нихъ дань за 1803 годъ, положенное количество шелку, или за каждый фунтъ по червонцу, кн. Орбеліановъ полученное отъ Бѣлоканцовъ письмо отправилъ къ князю Циціанову.

Селенія Талы, Мухахи, Джинихи и Чардахи, въ просьбѣ своей сваливали всю вину на Чарцовъ и увѣряли, что сами они, „если Богъ попуститъ“ отъ сего времени будутъ непоколебимыми въ своемъ условіи и присягѣ (1). Чарцы же говорили, что „случившееся по сіе время дѣло отъ воли Божіей“, но что теперь опомнясь они желаютъ мира (2).

Али-султанъ эллисуйскій и Хамидъ-Ага сынъ Сурхай хана кумыкскаго предлагали свои услуги и высказывали желаніе быть посредниками въ примиреніи насъ съ Джарцами и Бѣлоканцами. Первый считалъ себя братомъ Россіи. „Если вы мнѣ теперь позволите, писалъ онъ, то я съ вами всѣхъ помирю и сдѣлаю пріятелями“ (3).

„Е. И. В. повѣренному россійскому начальнику имѣю объявить, писалъ Хамидъ-Ага (4), что отецъ мой прислалъ меня сюда въ чарскія земли и приказалъ мнѣ возстановить между вами и ими миръ на условіяхъ и обѣщаніяхъ, каковыя уже были между вами. Находятся при мнѣ старшины Кадія и многое количество дагестанскихъ войскъ; нѣкоторые не соглашались на предлагаемый мною миръ и глупостью своею, употребляли непристойныя рѣчи, и случилось между ними таковое дѣло, о чемъ теперь уже раскаиваются и познали таковую ихъ глупость, и возвратясь на мою сторону, просили меня возобновить старый миръ и утвердить оный моимъ посредствомъ и поручительствомъ. Вамъ извѣстно, что между моимъ отцомъ Сурхай-ханомъ, и величественнѣйшимъ русскихъ земель монархомъ, былъ непоколебимый союзъ, который утвержденъ былъ посредствомъ генерала Савельева, въ то время, какъ ваши россійскія войска пришли въ Дербентъ. Если угодно вамъ пользоваться отцомъ моимъ, то вы съ симъ народомъ учините миръ, на старыхъ условіяхъ и обѣщаніяхъ посредствомъ моимъ. Мною миръ сей будетъ утвержденъ такъ, что никогда не можетъ нарушить-

(1) Представленное ими прошеніе Т. А. Главн. Шт. К. Арм. дѣло № 55.
(2) Письмо Чарцовъ. Ibid.
(3) Письмо эллисуйскаго Али-султана Ibid.
(4) Ibid.

ся, ибо если посредствомъ и поручительствомъ моимъ будетъ постановленъ миръ, тогда они противустоять и нарушать условій своихъ не могутъ. Предки мои не имѣли привычки къ обману и нарушенію своихъ условій. Таковое-то имѣю я отъ отца моего наставленіе. Если же посредствомъ моимъ не учините мира, то воля ваша".

„Письмо ваше до рукъ дошло, писалъ отвѣтъ на это кн. Циціановъ (1), и содержаніе онаго я уразумѣлъ. Вы каетесь въ винѣ вашей, а сами еще здѣсь остаетесь; вы говорите что безъ воли отца своего все то дѣлали. Какую же ожидать вѣрность можно отъ того, кто отцу своему, давшему жизнь и воспитаніе, не повинуется? Вы мира просите и утвержденія тишины, но война принесла ли вамъ выгоду какую?—а мнѣ принесла. Я показалъ и покажу что Джарцамъ, и со всѣмъ Дагестаномъ соединясь, изъ подъ власти моей выдти не можно; точно такъ какъ воробью отъ когтей орла уйдти. Что они въ вашемъ союзѣ пріобрѣли? тьму убитыхъ и раненыхъ. И за что вы потерпѣли? за то, что дерзали съ моими войсками воевать. Нѣтъ конечно, а за то что хотѣли изъ тушинскихъ барановъ кебабъ ѣсть. Вотъ какъ русскіе угощаютъ незванныхъ гостей! И такъ буде не хотите чтобы и васъ изжарили, на русскихъ штыкахъ, ступайте къ отцу вашему, котораго я люблю, — по слухамъ о порядкѣ существующемъ въ его владѣніи—и, не для васъ, а для него самаго. Объявите ему отъ меня, что теткѣ вашей, а его сестрѣ я могу выпросить у Его Императорскаго Величества всемплостивѣйшаго моего Государя Императора жалованье, буде онъ черезъ меня искать его будетъ, самъ лично, а не черезъ васъ, когда вы сами объявляете, что вы ему ослушны, такъ какъ я всѣмъ ханскимъ женамъ исходатайствовалъ у великаго Государя Государей знатное жалованье и скоро возвѣщу ихъ о томъ, да исходатайствовалъ даже сыновьямъ ханскимъ, буде они съ покорностію возвратятся ко мнѣ. Вотъ какія милости я оказывать умѣю тѣмъ, кто со мною не враждуетъ; если же отецъ вашъ хочетъ добра и соединенія покровомъ сильной россійской державы, да пришлетъ аманата и тогда вознесу его выше всѣхъ дагестанскихъ владѣтелей силою не подбѣимаго оружія.

„Я надѣюсь что слухи до васъ дошли какъ я слова мои

(1) Отъ 2 апрѣля 1804 г. Т. А. К. Н.

держать умѣю и держу, никогда ни обѣщая того, чего кровью и тѣломъ поддержать не могу. Путь открытъ вамъ къ добру, а идти по немъ есть воля ваша, я же есмь въ семъ случаѣ доброжелатель вашъ; а въ противномъ сему непримиримый врагъ, ищущій напоить землю кровью враговъ моихъ."

Генералъ-маіоръ кн. Орбеліановъ оставивъ у себя по одному депутату, по другому отправилъ обратно въ Чарскія селенія, для окончательнаго исполненія требуемыхъ условій.— Для болѣе успѣшнаго выполненія своихъ требованій испрашивалъ позволенія сдѣлать экспедицію, для надежнаго окончанія которой полагалъ необходимымъ присылку къ нему одного инженернаго офицера, могущаго строить укрѣпленія и дозволеніе вырубить лѣсъ впереди Пейкаро лежащій. Между тѣмъ Бѣлоканцы вновь прислали къ кн. Орбеліанову просьбу уменьшить имъ дань, на что тотъ не согласился, требуя съ каждаго двора по одному фунту шелка или по червонцу.

„Довѣренные ваши, писалъ князь Орбеліановъ старшинамъ и обществу, (1), ко мнѣ пріѣхали, и объявили что вы хотите покаяться въ своемъ преступленіи и данную присягу прошлогоднюю, на вѣрность великому нашему Государю Императору возобновить, то и должны вы на этотъ разъ выполнить два мои предложенія: быть подданными нашему великому Государю Императору, на вѣрность скоро поновить присягу съ такимъ обѣщаніемъ, чтобы впредь не могли и не осмѣлились уже нарушить; второе собрать, по постановленію прежде вами заключенному, дань шелкомъ или деньгами.—То, на чемъ вы согласитесь дайте знать мнѣ непременно, черезъ 5-ть или послѣдній срокъ черезъ 10-ть дней. Почему я не остановился въ вашихъ предѣлахъ, не сжегъ ваши деревни и не раззорилъ до конца, то упросилъ меня о томъ Айтемуръ, съ обѣщаніемъ, что вы будете выполнять волю великаго нашего Государя. Отъ Каплыкопа до Бѣлокана, со всѣхъ дерсвень по почетному человѣку, изъ лучшихъ фамилій изъ довѣренныхъ людей, доставте въ аманаты, а если вы захотите, то не по году, а по мѣсяцу имъ смѣна будетъ только такими же людьми каковые первые будутъ присланы."

(1) Письмо кн. Орбеліанова отъ 4 февраля 1804 г. къ Чарскимъ, Бѣлоканскимъ, Тальскимъ и прочимъ Лезгинскимъ обществамъ. Арх. Глав. Шт. Кавк. арміи дѣло № 55.

11-го Февраля, по требованію кн. Орбеліанова, прибыли къ нему изъ всѣхъ дерень чарской провинціи 23 человѣка почетныхъ старшинъ, которымъ было приказано доставить черезъ четыре дня прошлогоднюю дань и отогнатыхъ 211 казачьихъ лошадей. Старшины обѣщали выполнить, но только въ болѣе продолжительный срокъ, который и просили увеличить до десяти дней. Согласившись на ихъ просьбу кн. Орбеліановъ оставилъ у себя по одному аманату отъ каждой деревни, остальныхъ отправилъ обратно. Самъ онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго, въ случаѣ невыполненія требованій, двинуться на Чары, и при слѣдованіи своемъ вырубить лѣсъ отъ Александровскаго редута до Катехъ, по обѣимъ сторонамъ дороги на 300 сажень, для чего и взять изъ Кизиха тысячу человѣкъ Грузинъ съ топорами.

Доставивъ, въ счетъ дани, нѣкоторую сумму денегъ, Чарскіе старшины обѣщали остальную часть прислать въ скорости (1), и тѣмъ остановили на нѣкоторое время новое движеніе нашихъ войскъ въ чарскія селенія.

(1) Рап. кн. Орбеліанова ки. Циціанову 17-го марта, Т. А. Глав. Шт. Кавк. арміи дѣло, № 55.

ГЛАВА XX.

Переговоры съ Келишъ-Бекомъ, абхазскимъ, о выдачѣ Левана наслѣдника мингрельскаго.—Посылка диваномъ турецкихъ чиновниковъ въ Мингрелію.—Свиданіе ихъ съ Литвиновымъ.—Происки имеретинскаго царя Соломона.—Устройство дѣлъ въ Имеретіи и Мингреліи.—Торжественное объявленіе грамотъ императора Александра, о принятіи этихъ областей въ подданство Россіи.—Отправленіе депутатовъ въ С.-Петербургъ.—Разсмотрѣніе вопроса о правѣ владѣнія Лечгумомъ.—Устройство временнаго правленія въ Мингреліи.—Бѣгство имеретинскаго царевича Константина изъ Тифлиса въ Имеретію.—Переписка кн. Циціанова съ царемъ Соломономъ о возвращеніи царевича.—Происшествія въ Гуріи.

Переговоры Литвинова съ Келишъ-Бекомъ, владѣльцемъ абхазскимъ, относительно освобожденія наслѣдника Мингреліи князя Левана (1), не привели ни къ чему. Князь Циціановъ по необходимости долженъ былъ теперь принять эти переговоры на себя и требовать немедленной выдачи наслѣдника Мингреліи.—Келишъ-Бекъ отказывалъ и на этотъ разъ исполнить требованіе главнокомандующаго. — Онъ просилъ за освобожденіе Левана денежнаго выкупа и меньшаго его брата въ аманаты. Князь Циціановъ отвѣчалъ, что согласенъ на первое, но, если Келишъ-Бекъ не выдастъ Левана безъ послѣдняго требованія, то главнокомандующій дастъ отвѣтъ штыками (2).

„Не могу вѣрить, писалъ кн. Циціановъ Келишъ-Беку (3), дерзкому вашему поступку, а еще предложеніямъ вашимъ, чтобы за выдачу Левана, старшаго сына и наслѣдника Григорія Дадіана, находящагося во всероссійскомъ подданствѣ, вы требуете десять *кесъ* и младшаго его брата въ аманаты. Или вы не знаете, что Мингрелія и домъ Григорія Дадіана вступили въ вѣчное подданство Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра I; что оскорбленіе причиняемое оному владѣтельному дому от-

(1) См. стр. 273.
(2) Отнош. кн. Циціанова кн. Чарторыйскому 28 февр. 1805 г. № 118 Арх. М. И. Д.
(3) Отъ 21 января № 14 Т. А. К. Н.

носится на всемощную всероссійскую Имперію. Когда сильный отъ слабаго требуетъ аманатовъ, то пристойно ли вамъ отъ дома покойнаго Григорія Дадіана требовать младшаго сына въ аманаты.—И такъ послѣдній разъ требую настоятельно отъ васъ, чтобы вы, по полученіи сего, тотчасъ въ безвредномъ состояніи доставили Левана, сына покойнаго Григорія Дадіана, или статскому совѣт. Литвинову или генералъ-маіору Рыкгофу и тогда за содержаніе его получите десять *кесъ*, въ чемъ вамъ словомъ моимъ священнымъ удостовѣряю.—Буде же того не сдѣлаете, или не скоро, то, божусь Богомъ, въ котораго вѣрую, что камня на камнѣ не оставлю, внесу огонь и пламень и положу конецъ дерзостямъ вашимъ, о чемъ уже и приказъ данъ отъ меня. Надѣюсь, что вы вопреки твердаго союза, между двухъ Имперій (1) существующаго, не дерзнете болѣе упорствовать".

Генералъ Рыкгофъ съ бѣлевскимъ полкомъ, отправленъ въ Абхазію взять добровольно или силою наслѣдника мингрельскаго, смотря по отвѣту Келишъ-Бека, но, по недостатку провіанта и разлитію рѣкъ, долженъ былъ возвратиться безъ успѣха.—Дорогою Рыкгофъ успѣлъ завладѣть приморскою крѣпостію Анакліею бывшею во владѣніи Турокъ. Узнавъ объ этомъ, и боясь возбудить тѣмъ опасеніе со стороны Порты о нашихъ дѣйствіяхъ въ тѣхъ краяхъ, князь Циціановъ приказалъ тотчасъ же возвратить крѣпость и пристань и „извиниться передъ начальникомъ турецкаго гарнизона, что занятіе это произведено было безъ его на то согласія".—Турецкій гарнизонъ переселился однакоже въ Поти, а Келишъ-Бекъ Анакліи не принялъ. Опасенія князя Циціанова оправдались.—Этимъ случаемъ воспользовались, съ одной стороны, нѣкоторые довольно важные члены турецкаго правительства, нерасположенные къ Россіи, а съ другой стороны, французскій посланникъ, старавшійся возстановить Порту противъ нашего правительства.

Оттоманская порта стала укрѣплять и приводить въ оборонительное положеніе всѣ пограничныя крѣпости. Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, хотя и убѣждалъ диванъ въ томъ, что Порта тревожится безъ всякаго основанія, но диванъ не вѣрилъ этимъ увѣреніямъ и рѣшился послать въ Мингрелію своего чиновника для пріобрѣтенія на мѣстѣ свѣ-

(1) Абхазскій владѣлецъ Келишъ-Бекъ находился во власти Порты.

дѣній о происшествіи (1), и разузнанія причинъ взятія русскими Анакліи.—Въ присутствіи чиновника крѣпость и пристань были очищены и сданы Келишъ-Беку 1 окт. 1805 г.

Князь Циціановъ не смотря на безпокойство порты, не остановился на полпути. Вмѣсто генерала Рыкгофа, онъ послалъ генерала Маматказина взять силою Левана (2). Вмѣстѣ съ его отправленіемъ главнокомандующій просилъ Литвинова распорядиться заготовленіемъ провіанта для отряда (3), и писалъ правительницѣ мингрельскаго владѣнія и всему верховному совѣту: (4) „увѣдомясь о томъ, что генералъ-маіоръ Рыкгофъ возвращается изъ Абхазіи безъ успѣха и безъ его свѣтлости князя Левана, и все оное по недостатку провіанта, ужасаюсь и не могу повѣрить тому, когда преданные дому покойнаго князя Григорія Дадіана должны бы не только весь скотъ свой подъ свозъ провіанта дать, *но, если бы нужда была, сами бы должны его нести—такъ бы я сдѣлалъ будучи на ихъ мѣстѣ*, а потому считая, что имъ не дано знать, прошу вашу свѣтлость и весь совѣтъ способствовать всѣми силами посланному отряду, для начальствованія коимъ отправляю съ симъ генералъ-маіора Маматказина, приказавъ не оставить камня на камнѣ, буде не выдадутъ свѣтлѣйшаго Левана князя. Такое есть мое повелѣніе генералу, но безъ провіанта ему дѣйствовать нельзя, хотя и готовъ будетъ пролить кровь свою при семъ освобожденіи".

Маматказину не пришлось употреблять силу. Леванъ какъ увидимъ ниже, былъ отданъ Келишъ-Бекомъ добровольно.

Ходатайство у порты русскаго посланника въ Константинополѣ о пропускѣ судовъ по Ріону, для выгрузки хлѣба въ крѣпости Поти, и вообще утвержденіе нашего владѣчества и вліянія въ тѣхъ странахъ, заставили диванъ послать новаго чиновника въ Мингрелію. Подъ видомъ доставленія султанскаго фирмана, разрѣшающаго русскимъ пропускъ черезъ Фазскую (ріонскую) пристань, диванъ послалъ въ Поти новаго чиновника Сеидъ-Ахмедъ-Эринъ-Эффенди съ порученіемъ разузнать причину прихода русскихъ въ Мингрелію.

---

(1) Письмо Италинскаго кн. Циціанову 3 15 іюня 1802 г. Т. А. К. Н. Константиновъ ч. II, 424 рукоп. Арх. Глав. Шт. въ С.-Петерб.

(2) Кн. Циціановъ кн. Чарторыйскому 10 іюля 1805 г. Литвиновъ кн. Циціанову 8 и 12 апрѣля 1805 г.

(3) Кн. Циціановъ Литвинову 8 апрѣля № 226 Т. А. К. Н.

(4) Отъ 8 апрѣля № 227, Т. А. К. Н.

Вопросъ о пропускѣ транспортовъ черезъ фазскую пристань былъ чрезвычайно важенъ для насъ. Получивъ однакоже разрѣшеніе на это турецкаго правительства, мы достигли только половины дѣла, потому, что дальнѣйшая перевозка провіанта вверхъ по Ріону была сопряжена съ крайними затрудненіями. Недостатокъ и ограниченное число обывательскихъ лодокъ дѣлали возможнымъ одновременную перевозку провіанта въ небольшомъ количествѣ, а опасность стоять значительнымъ кораблямъ у береговъ Мингреліи была столь велика, что малѣйшая медленность въ ихъ выгрузкѣ могла произвести весьма плачевныя послѣдствія. Крушеніе нашихъ кораблей и погибель провіанта были тому доказательствомъ. Намъ необходимо было: имѣть мѣсто для этой выгрузки, и разрѣшеніе турецкаго правительства построить магазинъ и допустить нашъ караулъ охранять содержащійся въ немъ провіантъ.—Литвиновъ просилъ объ этомъ разрѣшеніи Эффенди, но тотъ не согласился, приводя въ основаніе, что объ этомъ ничего не сказано въ фирманѣ султана, хотя и полагалъ, что порта не откажетъ въ этомъ, если заявитъ о томъ дивану русскій посланникъ въ Константинополѣ. Выгруженный, безъ прикрытія и лежащій на открытомъ воздухѣ хлѣбъ, заставилъ Литвинова, помимо князя Циціанова, обратиться прямо къ нашему посланнику съ просьбою ходатайствовать у Порты и получить разрѣшеніе на его вопросы. Князь Циціановъ также писалъ объ этомъ Италинскому.

При свиданіи съ Литвиновымъ и совѣщаніяхъ относительно выгрузки хлѣба, Эффенди, между прочимъ, спросилъ:

— По какому праву русскія войска находятся въ Имеретіи, тогда когда владѣтель ея всегда признавалъ покровительство турецкаго двора, котораго и теперь требуетъ?

— Вспомните кайнарджійсскій трактатъ, отвѣчалъ на это Литвиновъ, по которому Имеретія и Мингрелія, помощію русскаго оружія, освобождены отъ всякой дани и вліянія Порты....

— Такъ же и отъ вліянія русскихъ, прервалъ его Эффенди. — По этому то послѣднему праву царь желаетъ теперь отдать себя въ покровительство султана, жалуется на притѣсненіе русскихъ и проситъ его помощи.

— Какимъ же образомъ царь можетъ уничтожить дан-

ную имъ русскому Императору присягу на вѣчное свое подданство со всѣмъ его царствомъ.

— Царь присяги не давалъ, говорилъ Эффенди, а далъ словесное обѣщаніе пропустить нѣсколько русскихъ войскъ въ Грузію, которыя остановившись въ его владѣніяхъ его же и притѣсняютъ.

— Доказать столь грубую ложь весьма легко, отвѣчалъ Литвиновъ. — Первый и самый сильнѣйшій доводъ состоитъ въ томъ, что поведеніе это не согласно съ извѣстною всѣму свѣту справедливостію нашего Государя Императора. — Къ этому можно присоединить письменную присягу царя, духовенства и первѣйшихъ князей, совершенную во время свиданія царя съ главнокомандующимъ Грузіею кн. Павломъ Дмитріевичемъ Циціановымъ въ Ваханѣ. Наконецъ къ наибольшему доказательству справедливости моихъ словъ, со мною находятся письма царя, гдѣ онъ увѣряетъ меня въ храненіи вѣрноподданнической своей вѣрности Государю Императору.

Литвиновъ передалъ эти письма Эффенди.

— Турецкій дворъ, отвѣчалъ тотъ по прочтеніи писемъ, всегда имѣлъ слабую довѣренность къ сему владѣльцу, но ложь до такой степени доведенная была ему неизвѣстна. — Обѣщаю вамъ съ этого времени не только не слушать словесныхъ порученій царя, но и не принимать письменныхъ.

— Мнѣ остается еще, продолжалъ Эффенди, спросить объясненія вашего, почему заняли вы берегъ, на которомъ находитесь, и присвоили себѣ пристань Кале. Весь восточный берегъ Чернаго моря всегда принадлежалъ султану, а Редутъ-Кале и по настоящее время состоитъ въ числѣ штатныхъ крѣпостей турецкой имперіи, отъ которой и производится содержаніе находящемуся тамъ гарнизону.

Литвиновъ старался доказать турецкому чиновнику, что, по кайнарджійсскому трактату, турецкія войска остались только въ тѣхъ крѣпостяхъ, которыя не были отняты русскими. Такъ какъ Редутъ-Кале, ни прежде, ни послѣ трактата, Турками занимаемъ не былъ, то и сдѣлался собственностью владѣльца мингрельскаго.

— Мы же заняли его теперь, какъ собственность владѣльца, отдавшаго себя со всѣми своими подданными и землями въ подданство Россіи.

— Впрочемъ, говорилъ Литвиновъ, доказательства на право должны быть извлечены изъ архивовъ, и дворы наши, по связи между ними существующей, могутъ разобрать это безъ всякаго затрудненія.

При прощаніи Литвиновъ спросилъ Эффенди: имѣетъ ли Порта какія нибудь свѣдѣнія о поступкѣ Келишъ-Бека относительно малолѣтняго Левана. Узнавъ отъ него, что подобныя дѣла и поступки не касаются дивана, но что задержаніе наслѣдника не можетъ быть пріятно самому султану, Литвиновъ просилъ Эффенди употребить свое вліяніе къ освобожденію Левана.

Уѣзжая въ Константинополь турецкій сановникъ оставилъ письмо Келишъ-Беку, въ которомъ просилъ исполнить наши требованія. Письмо это, посланное Литвиновымъ, съ унтеръ-офицеромъ бѣлевскаго полка, роднымъ племянникомъ Келишъ-Бека, оказало свое дѣйствіе. Просьба и совѣты важнаго чиновника порты, отъ которой Келишъ-Бекъ самъ зависѣлъ, вторичное движеніе нашихъ войскъ въ Абхазію, заставили Келишъ-Бека выдать намъ Левана добровольно (1).

Юный наслѣдникъ прибылъ въ Мингрелію тогда уже, когда былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ владѣтелемъ Мингреліи.

„Князя Левана, писалъ Императоръ къ кн. Циціанову (2), старшаго сына умершаго Григорія Дадіана, признаю я владѣтельнымъ княземъ — Мингреліи, Одиши и Лечгума, на томъ самомъ положеніи, на каковомъ отецъ его поступилъ въ вѣрноподданническія къ Имперіи нашей обязательства.. "

Для надзора за воспитаніемъ Левана назначенъ маіоръ Лыпотинъ (3).

Признаніе Левана владѣтельнымъ княземъ не устраняло наше правительство отъ заботы по управленію Мингреліею. Леванъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ для того, чтобы самостоятельно управлять страною. Кн. Циціановъ, какъ мы видѣли, предполагалъ до совершеннолѣтія Левана вручить управленіе Мингреліею матери его и совѣту составленному изъ главнѣйшихъ князей мингрельскихъ. Литвиновъ

(1) Литвиновъ кн. Циціанову 20 февр. 1805 г. Т. А. К. Н.
(2) Отъ 26 янв. 1805 г. Арх. М. И. Д.
(3) См. приложеніе № 23.

находилъ въ образованіи временнаго управленія нѣкоторыя неудобства и потому не раздѣлялъ мнѣнія главноуправляющаго.

Мингрельцы привыкли видѣть управляющую ими власть сосредоточенною въ одномъ лицѣ, да и по характеру и образу жизни народа не было возможности дѣлить власть между нѣсколькими лицами. Согласить трехъ или четырехъ князей жить въ одномъ мѣстѣ было бы напраснымъ стараніемъ. „Здѣсь нѣтъ городовъ, писалъ Литвиновъ (1), ниже селеній вмѣщающихъ малѣйшія общества. Каждый изъ князей живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ и находится въ безпрестанной опасности отъ нападенія своихъ сосѣдей."

Еще болѣе важное препятствіе къ соединенію князей мингрельскихъ былъ обычай, по которому всякій изъ нихъ, живя въ своемъ владѣніи, мало того что пилъ и ѣлъ на счетъ своихъ подданныхъ, но и, пріѣзжихъ гостей обязанъ былъ подчивать; слѣдовательно ежели двое и трое такихъ гостей, которые всегда самъ—десять или самъ—двадцать ѣздятъ, поживутъ въ деревнѣ, то скоро и хозяинъ не найдетъ ни курицы ни барана. О продажѣ и покупкѣ съѣстныхъ припасовъ здѣсь понятія не имѣютъ. Введеніе сего обычая весьма здѣшнимъ князьямъ не нравится, ибо опасаются, что послѣ сами принуждены будутъ покупать, а денегъ кромѣ плѣнопродавства добыть способу не имѣютъ".

Ко всему этому надобно прибавить еще и то, что знатнѣйшіе князья и самъ Салтхуцесъ не знали грамоты и не умѣли ни читать ни писать.

Изъ братьевъ покойнаго Дадіана, двое: архіерей Одишійскій Чконитель и средній Георгій были преданы Россіи. Цакерель колебался въ своихъ намѣреніяхъ хотя и присягнулъ на подданство Россіи.—Старшій же братъ Манучаръ и младшій Даріель—противились вступленію русскихъ войскъ въ Мингрелію, составляли заговоры съ князьями и волновали народъ. Жена покойнаго Дадіана, хотя и была привержена къ Россіи, но по извѣстнымъ ея „*моральнымъ свойствамъ*", отдавъ ей верховную власть, нужно было ожидать безпорядковъ, которыя тѣмъ сильнѣе будутъ, что она совѣтуема окружающими ея молодыми людьми."

Литвиновъ полагалъ поручить управленіе Одиши — род-

(1) Кн. Циціанову 24 ноября 1804 г. Т. А. К. Н. Констант. ч. II, 418.

нымъ братьямъ Дадіана: Бессаріону, Чконителю, Георгію и Салтхуцесу Чикуани, а Лечгумъ—двоюродному брату Дадіана Николаю и Лечгумскому Моураву кн. Геловани, какъ людямъ преданнымъ Россіи. Правленіямъ этимъ въ важныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшеніе русскаго начальства, а въ маловажныхъ рѣшать самимъ. Для сохраненія же единовластія столь привычнаго народу, верховный надзоръ вручить вдовѣ Дадіана Нинѣ Григорьевнѣ, подъ руководствомъ лица извѣстнаго своею опытностію.

Примѣръ семейной вражды въ Грузіи, и слѣдствіемъ того волненія въ странѣ были такъ близки, что кн. Циціановъ не соглашался допустить къ управленію братьевъ Дадіана, а тѣмъ болѣе раздѣлить страну на двѣ части. Не смотря на затрудненіе собрать князей въ одно мѣсто онъ все таки, относительно управленія Мингреліи, остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, о чемъ и просилъ Императора Александра.

„Одобряя мнѣніе ваше, писалъ Императоръ (1), о составленіи временнаго совѣта для руководства младаго кн. Левана, повелѣваю вамъ объявить, что вдовствующую кн. Нину, супругу умершаго кн. Григорія Дадіана, признаю я попечительницею сына ея и правительницею Мингрельскихъ областей, до совершенія имъ двадцати-лѣтняго возраста. А между тѣмъ вы приступите къ избранію изъ родственниковъ Дадіана или изъ знатнѣйшихъ князей для учрежденія временнаго совѣта нужныхъ, и представите ихъ сюда на утвержденіе“.

„Власть совѣта долженствуетъ быть ограничена управленіемъ княжества и разбирательствомъ гражданскихъ дѣлъ; уголовныя дѣла и уличеніе въ плѣнникопродавствѣ имѣютъ отсылаться въ находящійся тамъ полкъ и судиться въ крихсъ-рехтѣ, на основаніи воинскаго регламента. Особы, составляющія совѣтъ, сообразно съ древнимъ обычаемъ ихъ, могутъ судить не важныя дѣла и ссоры на мѣстѣ, удовлетворяя просителей немедленными разрѣшеніями, но утвержденіе тяжебныхъ дѣлъ и исковъ объ имѣніи долженствуетъ всегда зависѣть отъ большинства голосовъ совѣта и согласія правительницы...“

Обычай, существовавшій съ давнихъ временъ въ Мин-

(1) Высочайшее повелѣніе кн. Циціанову отъ 26-го января 1805 г.

греліи, и унижающій, какъ писалъ кн. Цицiановъ, важность особы владѣтеля, чтобы для содержанія своего ѣздить по князьямъ, подобно тому, какъ сами князья жили на счетъ подвластныхъ имъ крестьянъ, съ крайнимъ отягощеніемъ послѣднихъ, — обратилъ на себя вниманіе главноуправляющаго. Разореніе крестьянскаго сословія, долженствовавшаго кормить, какъ владѣтеля, такъ и его свиту, состоявшую изъ 200, а иногда и изъ 300 человѣкъ, заставили кн. Цицiанова принять мѣры къ уничтоженію столь вреднаго обыкновенія. Въ замѣнъ того, учреждены были *непремѣнные доходы:*

„Какъ во всѣхъ благоустроенныхъ обществахъ, писалъ главноуправляющій, каждый членъ онаго, пользующійся правосудіемъ, тишиною и защитою отъ внѣшнихъ непріятелей не изъемлется отъ податей, которыя, какъ извѣстно мнѣ, двѣтрети Одиши перестали платить владѣтелю Мингреліи, то чтобы возстановить сію подать, почелъ я нужнымъ обвѣстить во всей Мингреліи, дабы дань, слѣдуемая владѣтельному дому, по прежнему отъ всѣхъ князей, не изъемля отъ того и духовенства, платима была по числу домовъ“.

Зная, что многія имѣнія были силою отняты отъ владѣтельнаго дома, кн. Цицiановъ предписалъ Литвинову извѣстить его о причинахъ, по которымъ они отошли и полагалъ возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ.

Главнокомандующій полагалъ удѣлить нѣсколько процентовъ съ откупа рыбной ловли, для которой были вызваны изъ Россіи рыбные промышленники. Точно также предполагалось удѣлить въ пользу владѣтеля часть доходовъ отъ разработки рудниковъ и съ таможеннаго сбора.

„Таковой планъ, мною составленный, писалъ кн. Цицiановъ (1), въ пользу владѣтельнаго кн. Левана и свѣтлѣйшей его родительницы, поспѣшу я представить на высочайшее усмотрѣніе...

„Между тѣмъ, входя въ разсмотрѣніе вящшихъ пользъ для предсѣдательствующей въ семъ совѣтѣ правительницы Мингреліи и тщась объ облегченіи народа, признаю я нужнымъ, чтобы, до возстановленія доходовъ, ея свѣтлость, оставя обычай дѣлать переѣзды свои въ разныя селенія съ

(1) Письмо кн. Цицiанова правительницѣ и верх. совѣту 3 іюля № 346. Т. А. К. Н.

большимъ числомъ тѣлохранителей, избрала бы для годового житья своего, съ пристойною ей прислугою, три или четыре мѣста, въ какомъ случаѣ деревни около назначенныхъ ею мѣстъ будутъ довольствовать ее съ небольшою прислугою провизіею безъ обремененія, и сверхъ того всякій житель избѣжитъ притѣсненія окружающей ея свиты, которая, потерявъ надежду жить на чужой счетъ, примется за работу и сдѣлается полезною для общества..."

10-го іюня 1805 г. высочайшая грамота, съ большою церемоніею (1), вручена была наслѣднику мингрельскому и прочитана въ церкви въ присутствіи знатнѣйшихъ сановниковъ мингрельскаго княжества.

По прочтеніи грамоты и совершеніи присяги, Литвиновъ возложилъ на Левана орденъ св. Анны 1-й степени и подалъ ему мечъ и знамя, пожалованные Императоромъ Александромъ покойному отцу его, по просьбѣ покойника.

Раньше этого, въ воскресенье 19-го февраля, происходило въ Кутаисѣ торжественное врученіе царю имеретинскому пожалованной ему грамоты. Торжество церемоніи, прекрасный солнечный день—подалъ поводъ Соломону сказать Литвинову:

— Имя всемилостивѣйшаго Государя нашего дѣйствуетъ даже и на самыя стихіи. Послѣ непрерывнаго и продолжительнаго ненастья, видимъ освѣщающее и согрѣвающее насъ солнце. Подобно оному милости Александра 1-го, изливаемые на насъ, проницаютъ въ сердца наши, напоя ихъ пріятнымъ упованьемъ о будущей участи здѣшняго народа.

Послѣ божественной литургіи и благодарственнаго молебствія, царь Соломонъ угощалъ всѣхъ обѣденнымъ столомъ, во время котораго протоіерей говорилъ приличную рѣчь (2).

Правительница Мингреліи, согласно желанія Императора Александра, вскорѣ послѣ присяги отправила депутатовъ къ высочайшему двору. Князья Николай и Бежанъ Дадіановы и придворный духовникъ протоіерей Іоаннъ отправились въ С.-Петербургъ съ наставленіемъ просить Государя (3): 1) дать форму, по которой могли бы въ Мингреліи „молить всевыш-

(1) См. приложеніе № 24.

(2) Рапор. Лит. кн. Циціан. 21 февр. 1805 г. Т. А. К. Н. Константиновъ. Ч. II, 445 (рукоп.).

(3) Настав. данное депутатамъ влад. княж. Ниною 29 марта 1805 г.

няго о здоровьи Его Величества какъ долгъ того требуетъ"; 2) послать въ Мингрелію чиновника, знакомаго съ горнымъ производствомъ, для отысканія и разработки рудъ; 3) пожаловать правительницѣ Мингреліи княжнѣ Нинѣ Григорьевнѣ орденъ; приказать войскамъ оказывать помощь какъ противъ ослушниковъ, такъ и противъ продающихъ людей; доставлять въ Мингрелію необходимые товары изъ Крыма, такъ какъ доставлявшіе ихъ до сего времени Турки, съ переходомъ Мингреліи въ подданство Россіи прекратили всякій торгъ и ввозъ товаровъ. Просить о возвращеніи мѣстечка Анакліи, принадлежавшаго нѣкогда мингрельскимъ владѣльцамъ, а теперь отнятаго Келишъ-Бекомъ, владѣтелемъ абхазскимъ (1).

Главное же и важнѣйшее порученіе, данное депутатамъ было защита правъ на владѣніе Лечгумомъ. При переговорахъ, веденныхъ кн. Циціановымъ съ имеретинскимъ царемъ о его подданствѣ, мы видѣли, что главноуправляющимъ было предоставлено право Соломону представить доказательства на право владѣнія Лечгумомъ, точно также какъ и Дадіанъ долженъ былъ представить свои доказательства.

По свидѣтельству грузинской исторіи, еще въ царствованіе Тамары, Лечгумъ и Сайнасаридзо получены въ наслѣдственное владѣніе Кацiемъ-Чикуани, бывшимъ Дадіаномъ и владѣтелемъ мингрельскимъ. Надгробная надпись, находившаяся въ мартвильской церкви, утверждала также право владѣнія Лечгумомъ въ домѣ Кація-Чикуани, отъ котораго и произошло настоящее поколѣніе Дадіановъ.

Чикуани, по пресеченіи рода прежнихъ Дадіановъ, овладѣлъ Лечгумомъ, какъ собственностію. Къ Лечгуму присоединилъ силою Одиши, и отложившись потомъ отъ царя Имеретинскаго, сдѣлался самостоятельнымъ и родоначальникомъ дома Дадіановъ, владѣвшихъ теперь Мингреліею. Чтобы еще болѣе утвердить свои права „храбростію полученныя", Чикуани женилъ сына своего и наслѣдника на единственной родственницѣ прежнихъ Дадіановъ.

Послѣ смерти Чикуани и при жизни отца Левана, имеретинскій царь захватилъ часть Лечгума и оспаривалъ теперь право на владѣніе имъ всѣмъ. При помощи той же силы, онъ успѣлъ заставить покойнаго Григорія Дадіана уступить ему крѣпость Чквиши и вытребовать у него пись-

(1) См. Приложеніе № 25.

менный актъ какъ бы о добровольной уступкѣ. Уступивъ Дадіану селеніе Садчилао, Соломонъ отнялъ его впослѣдствіи обратно и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ (1).

Доказательства владѣтельницы Мингреліи, кн. Нины, были неоспоримы и основаны на фактахъ; царь же Соломонъ приводилъ доказательства голословныя. Главноуправляющій полагалъ утвердить Лечгумъ за Мингреліею, тѣмъ болѣе, что и политическіе виды наши требовали уменьшенія силы и власти тѣхъ владѣльцевъ, которые не были дѣйствительно преданы Россіи. Поведеніе же царя Соломона, съ самаго вступленія его въ подданство, было таково, что невозможно было сомнѣваться въ томъ, что онъ не расположенъ къ Россіи и русскому правительству.

„Царь Соломонъ, доносилъ Литвиновъ (2), подстрекаемый нѣкоторыми изъ недоброжелательствующихъ намъ князей, есть тайный, но не опасный въ настоящемъ положеніи врагъ нашъ. Въ совѣтѣ, изъ ближайшихъ его князей составленномъ и Леонидзевымъ руководствуемомъ, третьяго дня положено, чтобы царю зимовать въ Варцихѣ, а на случай повелѣнія Государя его схватить, имѣть убѣжище въ ахалцихскихъ горахъ, которые и осмотрѣть на сихъ дняхъ собирается“. По свѣдѣніямъ, вскорѣ за тѣмъ полученнымъ, стало извѣстно, что къ Соломону пришло человѣкъ сто лезгинъ въ качествѣ тѣлохранителей царя имеретинскаго. Для большаго убѣжденія Соломона въ опасности его положенія, Леонидзе приводилъ въ примѣръ Польшу, Крымъ Грузію и говорилъ, „что государь россійскій вездѣ уничтожаетъ власть царей, присвояя оную себѣ; того же и здѣсь ожидать онъ долженъ. Наконецъ въ утѣшеніе царя выдалъ за вѣрное извѣстіе, что долго Россіи существовать не можно: семь сильныхъ государей соединились противъ нее и что конечно разореніе Россіи скоро послѣдуетъ“.

„Можно почти навѣрное сказать, что онъ сего, такъ какъ и всѣхъ обѣщаній своихъ, не выполнитъ; мнѣ отвѣтовъ ни на что не дѣлаетъ, а въ послѣднемъ своемъ письмѣ грозно предписываетъ болѣе его не безпокоить“.

Вступая въ подданство, Соломонъ хотя и скрытно, но высказывалъ свое недоброжелательство и, послѣ присяги,

(1) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 16 апр. 1805 г. Т. А. К. Н.
(2) Кн. Циціанову отъ 23 окт. № 355. Т. А. К. Н.

продолжалъ интриговать противъ Россіи. Подговоры его Дадіана, разговоръ Литвинова съ Эффенди подтверждаютъ справедливость нашихъ словъ.

На требованіе кн. Циціанова прислать доказательства на право владѣнія Лечгумомъ, Соломонъ прислалъ простую записку, имъ сочиненную: „о правѣ владѣнія Лечгумомъ".

Послѣ объявленія о присоединеніи Имеретіи къ Россіи и торжественнаго вручения грамоты, Соломонъ также отправилъ кн. Зураба и Симеона Церетелей послами къ высочайшему двору. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Леонидзе отправленъ былъ къ кн. Циціанову съ новыми просительными пунктами, содержавшими въ себѣ просьбы, несообразныя съ принятымъ подданствомъ и явно указывающія на нерасположеніе Соломона къ Россіи (1).

Давъ коварному и хитрому азіятцу соотвѣтствующіе отвѣты, кн. Циціановъ упрекалъ имеретинскаго царя въ укрывательствѣ у себя всѣхъ недоброжелателей Россіи, въ томъ числѣ и дѣтей грузинскаго царевича Іулона. Соломонъ былъ глухъ къ этимъ упрекамъ и вскорѣ обнаружилъ свои новые происки, не согласные съ поведеніемъ человѣка, присягнувшаго на вѣрноподданство Россіи.

Въ то время когда шли переговоры о подданствѣ имеретинскаго царя Соломона, вдовствующая царица Анна хлопотала о назначеніи сына ея, Константина, преемникомъ Соломону. Въ письмѣ, написанномъ по этому поводу кн. Циціанову, царица Анна умоляла главнокомандующаго не отказать въ ея просьбѣ.

„.... Прошу васъ и умоляю, писала она, яко блудный сынъ, сжальтесь надъ бѣдною женщиною, столько лѣтъ несчастіями угнѣтенною и совершенно упадшею. Подайте мнѣ радость и облегченіе въ такомъ горестномъ моемъ положеніи. Константинъ нижайше вамъ кланяется и цѣлуетъ руки, упадши на колѣна умоляетъ васъ, чтобы вы его, несчастнаго сироту, неоставили въ несчастіи яко его благодѣтель и отецъ (2)".

Впослѣдствіи, при отъѣздѣ кн. Циціанова въ эриванскую экспедицію, царица Анна просила главнокомандующаго позволить сыну ея выѣхать изъ Тифлиса въ деревню Ламисланъ, лежащую въ Карталиніи. Въ основаніе своей прось-

(1) См. Приложеніе № 26.
(2) См. Приложеніе № 27.

бы она приводила и ссылалась на чрезвычайную жару, представляя, что „сынъ ея, съ трехъ-лѣтняго возраста до самаго освобожденія изъ заточенія, десять лѣтъ жилъ въ башнѣ на высокой горѣ, слѣдовательно, въ самомъ холодномъ климатѣ, куда и солнце рѣдко проникало".

Князь Цицiановъ, видя царевича Константина изнеможеннымъ, согласился на просьбу его матери. По отъѣздѣ главнокомандующаго, черезъ нѣсколько дней и именно 12-го іюня, царевичъ Константинъ, подговоренный имеретинскимъ царемъ и дворянами, ушелъ въ горы на имеретинскую границу.

Литвинову поручено было узнать о мѣстопребываніи царевича, но и онъ не могъ ничего положительнаго сообщить главноуправляющему. На распросы отвѣчали, что не могутъ отыскать мѣста, гдѣ поселился царевичъ, а Саломонъ высказывалъ свое неудовольствіе и какъ бы жалобу на кн. Цицiанова, опираясь на то, что всѣ это произошло оттого, что царевичь былъ оставленъ въ Тифлисѣ, а не высланъ въ въ Россію (1).

Послѣ, когда узнали о мѣстѣ пребыванія царевича Константина, то, хотя и старались подѣйствовать на него убѣжденіями и просьбами, но и они не привели ни къ чему удовлетворительному, болѣе потому, что возвращеніе царевича не зависѣло отъ него самаго.

„Съ отрочества моего по нынѣ, писалъ, между тѣмъ, Константинъ кн. Волконскому (2), бѣдствія мои и безмѣрныя горести извѣстны и вамъ и всѣмъ. А какъ Его Императорское Величество изволилъ освободить меня отъ оныхъ, съ того времени усердіе мое въ вѣрности Его Величеству устремлено".

„Съ освобожденія моего имѣлъ я великое желаніе видѣть, отечество, родившее меня, видѣть и ближнихъ моихъ, не въ противность, однакоже, высочайшему престолу, что извѣстно сердцевѣдцу испытателю Богу, но, скрывая сіе, терпѣлъ дабы я не противнымъ кому либо оказался. Когда же царь и царство имеретинское, воспользуясь счастіемъ, учинились подданными Его Императорскаго Величества, послѣ того, рѣшился я пріѣхать въ отечество мое, не давши, по младости

(1) Литвиновъ кн. Цицiанову, 11-го іюля 1804 г. № 33. Т. А. К. Н.
(2) Въ письмѣ отъ 29-го іюля 1804 г. Т. А. К. Н.

моей, никому знать о толикомъ сердца моего желаніи. Но къ сему присоединилась величайшая для меня горесть, такъ что ни его высочество царь, ни почтеннѣйшія его особы, не соизволили принять меня, опасаясь сдѣлать вамъ тѣмъ оскорбленіе. И такъ скитался я въ горахъ трепещушій; но и туда войска пришли преслѣдовать меня. Я устрашившись того прибылъ въ горы по близости Гуріи и скитаюсь находясь въ горести".

„Нынѣ же, преклоняя колѣна, прошу в. с. да милостиво внемлете моленію моему и да, не совершенно отринувъ меня, учинитесь ходатаемъ и помощникомъ моимъ къ царю, отнесясь къ нему письмомъ, дабы онъ меня принялъ и допустилъ къ себѣ и потомъ, какое послѣдуетъ Его Императорскаго Величества повелѣніе приму я съ благоговѣніемъ. Если ходатайство в. с. не въ скорости мнѣ поможетъ, то въ таковой безмѣрной нахожусь я горести, что принужденъ буду прибѣгнуть къ кому либо инымъ, не имѣя средствъ здѣсь оставаться".

Константинъ писалъ также письма матери и директору тифлисскаго училища священнику Петріеву. Первое было написано съ цѣлію оправдать царицу Анну и выгородить ее изъ участія принимаемаго въпобѣгѣ сына, а второе написано было съ цѣлію высказать жалобу на тамошнее правительство (1).

Такъ маскировалъ царевичъ Константинъ свои отношенія къ царю Соломону и поступки послѣдняго относительно его самаго. Все это дѣлалось не по собственному убѣжденію, а по наущенію того же Соломона и его приближенныхъ.

Князь Циціановъ получивъ между тѣмъ свѣдѣнія, что царевичъ Константинъ живетъ въ Имеретіи, въ деревнѣ принадлежавшей родному его зятю имеретинскому князю Аѳіеву, послалъ кабардинскаго мушкетерскаго полка маіоровъ Ковалева и кн. Орбеліанова съ письмомъ къ царю Соломону, изъявляя въ немъ удивленіе, что царь даетъ убѣжище Константину въ Имеретіи, онъ требовалъ высылки царевича изъ предѣловъ царства.

„Счастливымъ себя почту, доносилъ главноуправляющій

(1) См. Приложеніе № 28.

Императору Александру (1), если сіе посольство будетъ имѣть желаемый успѣхъ, послѣ котораго буду стараться убѣждать и мать и сына къ выѣзду въ Россію по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества (2), хотя они ни малѣйшаго желанія къ тому не оказываютъ; почему на случай упорства ихъ испрашиваю разрѣшенія, а въ случаѣ такомъ ежели принужденный выѣздъ не будетъ апробованъ, то другаго средства нѣтъ, какъ сыну жить при мнѣ и въ одномъ домѣ съ надзоромъ за людьми его окружающими".

Соломонъ отговаривался тѣмъ, что не знаетъ мѣстопребыванія царевича и клялся въ вѣрности Россіи. Князь Циціановъ отвѣчалъ имеретинскому царю, что какъ ни старается онъ скрыть свое поведеніе и поступки, но ему извѣстно, что Соломонъ, не только знаетъ гдѣ живетъ царевичь Константинъ, но даже видѣлся съ нимъ. „Я не знаю на что таится тайна? спрашивалъ главнокомандующій. Слышу что вы усыновили его: кто же бы вамъ запретилъ то сдѣлать торжественно и публично? Государю Императору все конечно оное было бы пріятно, ибо онъ ни для чего инаго принялъ васъ въ подданство, какъ для собственнаго вашего блага, покровительствуя единовѣрцамъ, слѣдовательно поступать противъ его воли и грѣшно и вредно..." (3)

Соломонъ недовольный тѣмъ, что его власть не была распространена на владѣніе Лечгумомъ, жаловался на то князю Циціанову и говорилъ, что онъ и въ подданство Россіи вошелъ „для Лечгума" (т. е. чтобы владѣть имъ). Главнокомандующій совѣтывалъ ему приказать подать себѣ трактатъ о вступленіи Имеретіи въ подданство Россіи, и тамъ прочесть все, что сказано о Лечгумѣ. Имеретинскій царь отговаривался незнаніемъ и упоминалъ, что „получилъ стыдъ во всей Азіи" за свою вѣрность Россіи.

„Какъ будто стыдно, спрашивалъ Соломона князь Циціановъ, быть для вѣрности Россіи врагомъ ея враговъ, т. е. Баба-Хана и врагомъ Христа коего вы исповѣдуете? что касается до дядей вашихъ то и ихъ должны вы признавать и почитать врагами, ибо Александръ пятый разъ воюетъ противу войскъ

(1) Отъ 12-го октября 1804 г. № 51. Т. А. К. Н.

(2) Императоръ Александръ также желалъ вызвать ихъ въ Россію о чемъ и писалъ царицѣ Аннѣ. См. приложеніе № 29.

(3) Отъ 12-го ноября 1804 г. № 471.

всемилостивѣйшаго нашего Государя, а Іулонъ бунтовалъ народъ противъ его же правленія, слѣдовательно оба суть враги Россіи. Вамъ, яко единовѣрному, должно всѣхъ враговъ Россіи почитать своими врагами, безъ чего вѣрность на устахъ, а не на дѣлѣ, походила бы на лезгинскую вѣрность".

Соломонъ не измѣнилъ себѣ и по полученіи этого письма. Онъ увлекся теперь тайными переговорами веденными имъ съ турецкимъ дворомъ. Вопросъ объ искательствѣ покровительства у Порты Оттоманской его такъ занималъ, что для большаго удобства въ веденіи переговоровъ онъ противъ обыкновенія, выбралъ для лѣтняго своего пребыванія деревню Сожавахо на границѣ Турціи.

„До сихъ поръ, писалъ князь Циціановъ (!), я не доводилъ до свѣдѣнія о недоброжелательствѣ и величайшей недовѣрчивости къ Россіи имеретинскаго царя Соломона, единственно потому, что наше съ нимъ откровенное поведѣніе, не подающее причинъ въ чемъ либо сомнѣваться, мало по малу побудитъ его оставить напрасные страхи и откинуть свою недовѣрчивость. Но видя, что какъ кажется ничто не сильно перемѣнить его въ невыгодномъ противу насъ предубѣжденіи, наиболѣе поддерживаемомъ многими изъ князей имъ управляющихъ и всегда старающихся утвердить его въ мысляхъ, что намѣреніе наше удалить его въ Россію, почелъ долгомъ изложить о небланамѣренномъ его поведеніи...."

Въ самомъ дѣлѣ на всѣ требованія и просьбы кн. Циціанова Соломонъ отвѣчалъ или молчаніемъ или пустыми отговорками. Депутатовъ слѣдовало выслать, для отправленія въ Петербургъ, въ февралѣ, онъ выслалъ ихъ въ маѣ, когда сообщеніе съ Россіею прекратилось; старался поддерживать междоусобіе раздиравшее Гурію и тѣмъ самымъ, хотя скрытно, вредилъ Мингреліи и подавалъ поводъ къ неудовольствію на насъ Турокъ.

Для болѣе ясной характеристики имеретинскаго царя, мы разскажемъ съ нѣкоторою подробностію то участіе, которое принималъ онъ въ раздорахъ владѣтельнаго гуріельскаго дома.

Умершій владѣтель Гуріи Георгій оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Мамія и Георгія. Мамій вступивъ въ прав-

(!) Князю Чарторыйскому отъ 17-го іюня 1805 г. Арх. Мин. Инос. Дѣлъ.

леніе владѣлъ княжествомъ лѣтъ пятдесятъ. Онъ женился на сестрѣ имеретинскаго царя Соломона великаго, которая умерла не оставивъ дѣтей.

По кончинѣ сестры Соломонъ великій хотѣлъ присоединить Гурію къ Имеретіи и завладѣлъ уже нѣкоторыми крѣпостями. Общая опасность побудила братьевъ соединенными силами выгнать имеретинцовъ изъ предѣловъ Гуріи.

Мамія женился вторично на Таверидзевой и имѣлъ отъ нея сына Георгія и дочь Тамару. Въ глубокой старости, потерявъ зрѣніе и движеніе ногъ, Мамія лишенъ былъ княжества меньшимъ братомъ своимъ Георгіемъ, передавшимъ, послѣ своей смерти, право на владѣніе Гуріею старшему сыну своему Семену.

Принявъ княжество, Семенъ отдалъ братьямъ своимъ: Вахтангу, Левану и Давыду всѣ мѣста лежащія по правую сторону р. Субсы.—Вахтангъ, какъ старшій, владѣлъ этимъ удѣломъ и воспитывалъ братьевъ: Левана и Давыда. Самый же младшій изъ братьевъ Кайхосро воспитывался въ Имеретіи, при архіереѣ Генетели, и предназначался къ поступленію въ духовное званіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла во все время правленія Гуріею Семена. Смерть Семена подала поводъ къ различнымъ безпокойствамъ въ странѣ. Вахтангъ, какъ старшій изъ братьевъ, съ согласія князей, народа и вдовствующей княгини Марины, принялъ на себя временное управленіе Гуріею, и впослѣдствіи, при помощи имеретинскаго царя, хотѣлъ утвердить въ своемъ родѣ право владѣнія страною. Присвоеніе Вахтангомъ ему непринадлежащихъ правъ заставило Марину уничтожить вредные его замыслы и обратиться къ Кайхосро, не пожелавшаго вступить въ духовное званіе и женившагося. Соединившись вмѣстѣ, они подговорили Левана, который подозвавъ къ себѣ Вахтанга, связалъ ему руки и ноги и передалъ его Кайхосро и Маринѣ. Леванъ получилъ за этотъ поступокъ часть владѣній Вахтанга,— томившагося въ заключеніи и освобожденнаго царемъ имеретинскимъ, давшимъ ему войско и средства снова завладѣть Гуріею.—Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, Вахтангъ былъ проченъ, пока имѣлъ помощь отъ имеретинскаго царя, но когда тотъ оставилъ его, то Вахтангъ долженъ былъ оставить Гурію и удалиться въ Имеретію. Соломонъ II

давалъ ему и его семейству только дневную, скудную пищу (').

Въ оставленной Гуріи начались ссоры и междоусобія между братьями и родственниками, споривишими за право ея владѣнія.—Междоусобіе братьевъ гуріельскаго дома, разбои и грабительства ихъ простиравшіеся и на Мингрелію, были причиною многихъ неустройствъ и волненій ея жителей.

Генералъ-маіоръ Рыкгофъ, посланный къ Келишъ-Беку абхазскому, на дорогѣ получилъ просьбу Левана гуріельскаго вспомоществовать ему противъ брата его Кайхосро. Рыкгофъ пригласилъ Левана къ себѣ, и когда тотъ отправился къ нему, то Кайхосро, отнявшій у Левана почти все владѣніе и захватившій его жену и дѣтей, воспользовался этимъ временемъ, для завладѣнія послѣдними мѣстами принадлежащими брату. Для большаго успѣха онъ подкупилъ потійскаго Мусселима, который и прислалъ ему пушку и нѣсколько войскъ.

Леванъ обвинялъ теперь Рыкгофа въ бездѣйствіи и просилъ защиты. Просьбы его и разныя обиды, причиняемыя гуріельцами мингрельцамъ, заставили Литвинова пригласить къ себѣ всѣхъ братьевъ гуріельскаго дома. Приглашеніе было принято ими. Имеретинскій царь Соломонъ, недовольный тѣмъ, что они согласились на предложеніе Литвинова, старался черезъ Кайхосро внушить братьямъ недовѣрчивость и подозрѣніе къ русскому правительству и достигъ того, что Кайхосро просилъ Литвинова переѣхать черезъ р. Ріонъ и видѣться съ нимъ, въ присутствіи его братьевъ, въ первой деревнѣ лежащей на берегу рѣки. Литвиновъ согласился; свиданіе состоялось и договаривающіеся помирившись, опредѣлили свои отношенія и поступки другъ съ другомъ. Оставалось только рѣшить вопросъ о раздѣлѣ владѣній. Кайхосро предлагалъ, исключивъ крѣпости и монастыри съ ихъ имѣніями, раздѣлить все остальное владѣніе по ровну между шестью братьями. Братья не согласились на это предложеніе и просили раздѣлъ ихъ сдѣлать по крѣпостямъ. Кайхосро принялъ это предложеніе братьевъ, но съ тѣмъ, чтобы окончательное рѣшеніе спора предоставить судьямъ выбраннымъ изъ князей мингрельскихъ. Литвиновъ предложилъ въ

(') Показаніе Кайхосро и Марины. Константиновъ, ч. II, 457.—Показанія князей и проч. о правѣ владѣнія Гуріею 22 августа 1805 г. Т. А. К. Н.

посредники имеретинскаго царя, но споривше единогласно не только его отвергли, но и не рѣшились даже позволить Соломону присутствовать при раздѣлѣ „яко источнику, отъ котораго всѣ ихъ ссоры и междоусобія прежде происходили и что при семъ случаѣ вліяніе его послужитъ не къ примиренію ихъ, но къ тайному внушенію несогласій и междоусобій, которыхъ они искренно желаютъ избавиться“ (1).

Прекращеніе междоусобія въ Гуріи необходимо было сколько для спокойствія Мингреліи, столько же и для сохраненія союза съ Турціею. Внутренніе безпорядки въ Гуріи были причиною того, что ея жители нерѣдко грабили и самихъ Турокъ. Такъ Гуріельцы отняли у ахалцыхскихъ жителей 6 лошадей и паша присылалъ къ Литвинову просить удовлетворенія.

(1) Рап. Литвинова кн. Циціанову 16 мая 1805 г. Т. А. К. И.

ГЛАВА XXI.

Принятіе въ подданство Россіи ханствъ карабагскаго и шекинскаго.—Переговоры по этому вопросу и условія, на которыхъ ханы вступили въ подданство. — Выгоды сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ этихъ ханствъ. — Вступленія въ подданство Россіи Джангиръ хана шагахскаго и Будагъ султана шурагельскаго и условія заключенныя съ ними.

Устройство и окончательное приведеніе въ порядокъ дѣлъ Мингреліи и Имеретіи, отвлекли на время вниманіе кн. Циціанова, отъ вопроса о присоединеніи къ Россіи ханствъ карабагскаго и шекинскаго.

Еще въ 1804 г., тотчасъ послѣ эриванской экспедиціи, кн. Циціановъ полагалъ необходмымъ пріобрѣтеніе этихъ двухъ владѣній, съ ханами которыхъ и начаты были тогда переговоры. Обстоятельства вынудили, однако же, приведеніе въ исполненіе этихъ предначертаній отложить до 1805 года.

Когда владѣтель Персіи узналъ о начатыхъ нами переговорахъ съ ханомъ карабагскимъ, то, для удержанія Ибраимъ хана отъ подданства Россіи, и, боясь лишиться важной области, съ давнихъ временъ бывшей въ зависимости Персіи, онъ послалъ въ Карабагъ, въ началѣ января 1805 г., значительное войско подъ начальствомъ Абдулъ-Фетъ-Аги. Шахъ прощалъ теперь хану всѣ прежнія его проступки и требовалъ себѣ старшаго его сына въ аманаты. Онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Ибраимъ-хана не вступать съ русскими ни въ какіе переговоры и обѣщалъ за то щедрыя награды и милость. Восьмидесяти-лѣтній старецъ Ибраимъ-ханъ, наученный опытомъ въ коварствѣ персидскаго двора, и, имѣя передъ глазами только что случившшійся примѣръ съ ханомъ шагагскимъ, — которому Шахъ далъ торжественную клятву въ безопасности, и убилъ его когда тотъ, полагаясь на слово, явился къ нему въ Тегеранъ (1) — не согласился

(1) Изъ письма Джангиръ хана шагахскаго кн. Циціанову.—Константиновъ ч. II, 472, рукоп. Арх. Глав. штаба въ С.-Петерб.

на требованія и просьбы Шаха. Съ бодростію и мужествомъ встрѣтилъ онъ персидскія войска при Дизанѣ, разбилъ ихъ на голову и захватилъ многихъ въ плѣнъ (1).

Поздравляя хана карабагскаго съ побѣдою, кн. Циціановъ, между прочимъ, писалъ ему: „... жаль только что самаго не изловили (т. е. Абдулъ-Фетъ-Агу), ибо не истребивъ и не вырвавъ корня, дерево всегда выростаетъ;—да и оскорбленіе, причиненное Баба-Хану Сардарю, не можетъ имъ быть принято равнодушно, а потому къ веснѣ надлежитъ ожидать отъ него большаго числа войска“ (2).

Властитель Персіи слишкомъ ясно сознавалъ всю важность потери карабагскаго ханства, и выгоды Россіи съ его пріобрѣтеніемъ, и потому не могъ ограничиться одною этою попыткою.

Въ самомъ дѣлѣ сильная и довольно обширная крѣпость Шуша, лежавшая только въ 80-ти верстахъ отъ персидской границы, совершенно открытой съ этой стороны, доставляла возможность сосредоточивать въ ней силы и средства, для дѣйствія съ одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ Персіи. Вотъ почему гордый Баба-Ханъ, забывъ объ оскорбленіи нанесенномъ ему ханомъ пораженіемъ войскъ, вторично (въ апрѣлѣ) послалъ къ нему двухъ чиновниковъ съ тѣми же требованіями, которыя были предложены въ первый разъ (3). Карабагскій ханъ отказавъ Шаху просилъ скорѣйшей помощи отъ кн. Циціанова и о принятіи его въ подданство. Маіоръ Лисаневичъ отправленъ въ кр. Шушу съ приказаніемъ вручить хану проэктъ трактата, не соглашаться ни на какую въ немъ отмѣну и требовать отъ Ибраимъ-хана, чтобы онъ, для подписанія условій и присяги, пріѣхалъ въ Елизаветполь, куда обѣщалъ пріѣхать и самъ кн. Циціановъ (4).

6-го февраля Лисаневичъ прибылъ въ Шушу, гдѣ и былъ встрѣченъ сыномъ хана Мехти-Кули-Агою. Здѣсь Лисаневичъ узналъ, что самъ ханъ находится на Араксѣ, для прекращенія бунта возбужденнаго другимъ его сыномъ Абдулъ-Фетъ-Агою. Лисаневичу было объявлено, что Ибраимъ-ханъ

(1) Письмо Ибраимъ хана карабагс. Полковнику Карягину 7 янв. 1805 г. Т. А. К. Н.
(2) Письмо кн. Циціанова хану карабаг. 16 янв. 1805 г. № 39. Ibid.
(3) Рапор. Лисаневича кн. Циціанову 20-го апр. 1805 г. Т. А. Шт. Кавказс. корпуса.
(4) Предп. маіору Лисаневичу.

приказалъ дать знать тотчасъ же какъ только прибудетъ русскій чиновникъ и обѣщалъ безотлагательно пріѣхать въ Шушу.

14-го февраля Ибраимъ-ханъ имѣлъ свиданіе съ Лисаневичемъ, предъявившимъ ему письмо кн. Циціанова и проэктъ трактата.

На слѣдующій день, изъ всѣхъ беговъ, составленъ совѣтъ, который и продолжался до 21-го февраля. Не смотря на то, что всѣ беги отклоняли хана отъ поступленія въ подданство Россіи, Ибраимъ-ханъ, вечеромъ 21-го февраля, пригласилъ къ себѣ Лисаневича и объявилъ, что онъ, „ни смотря ни на что вступаетъ въ подданство Россіи и согласенъ на все предлагаемое ему въ проэктѣ трактата“ (1).

На требованіе Лисаневича, чтобы ханъ пріѣхалъ въ Елизаветполь, Ибраимъ отвѣчалъ, что не только въ Елизаветполь, но и въ Тифлисъ съ радостію бы поѣхалъ, ежели бы не мѣшалъ тому взбунтовавшійся противу него сынъ и нѣкоторые жители, для усмиренія которыхъ онъ долженъ остаться въ своемъ владѣніи. „Напослѣдокъ мы согласили его, пишетъ Лисаневичъ, выѣхать къ Кураку, куда онъ вывезетъ и аманата. Мѣсто же сіе отъ Елизаветполя не болѣе 30-ти верстъ, и ханъ, по случаю сему, выѣзжаетъ завтрашній день изъ Шуши“ (2).

Въ лагерѣ на рѣчкѣ Куракъ, на границѣ Елизаветпольскаго округа, кн. Циціановъ принялъ отъ карабагскаго хана присягу на вѣрноподданство русскому Императору. По заключеннымъ условіямъ:

1) Ибраимъ-ханъ шушинскій и карабагскій отказывался на всегда отъ всякаго вассальства и зависимости отъ Персіи, или иной державы и признавалъ надъ собою одну только власть Русскаго Императора:

2) Ханъ обязался не имѣть никакихъ сношеній съ окрестными владѣльцами. Полученныя отъ нихъ письма: болѣе важныя по содержанію, отсылать на разрѣшеніе главнокомандующаго, а менѣе важныя сообщать и совѣтываться съ особою, имѣющею пребывать при Ибраимъ-ханѣ, отъ лица главноуправляющаго въ Грузіи.

---

(1) Донесеніе Лисаневича кн. Циціанову 2-го марта 1805 г. Т. А. Кан. Нам. изъ книги № 237.

(2) Ibid.

3) Заготовлять провіантъ для русскихъ войскъ, назначенныхъ въ его владѣніе, по цѣнамъ утвержденныхъ главнокомандующимъ.

4) Отвести для войскъ помѣщеніе и давать дрова.

5) Дорогу изъ Елизаветполя въ Шушу сдѣлать удобною и проѣзжею для аробъ.

6) Въ залогъ вѣрности дать въ аманаты внука отъ старшаго сына, на всегдашнее пребываніе его въ Тифлисѣ.

7) Платить ежегодно дань въ 8 тыс. червонцевъ, внося ее въ два срока: 1-го февраля и 1-го сентября.

Въ замѣнъ того ему обѣщано:

1) Сохраненіе цѣлости его владѣній; потомственное, по старшинству колѣна, владѣніе ханствомъ съ утвержденія русскаго Императора; сохраненіе во власти хана суда, расправы и доходовъ съ владѣнія.

2) Отправленіе въ шушинскую крѣпость 500 человѣкъ русскаго войска съ артиллеріею, назначаемаго для защиты его владѣній.

3) Даровано знамя съ русскимъ гербомъ, для постояннаго храненія въ домѣ владѣтельной особы; внуку его, назначенному аманатомъ, опредѣлено на ежедневное содержаніе по 10 рублей серебромъ.

Вслѣдъ за Ибраимъ-ханомъ явился (20-го мая 1805 г.) на Куракъ, къ Циціанову, Селимъ-ханъ-Шекинскій и тоже, по примѣру своего тестя Ибраимъ-хана, принялъ присягу на вѣрноподданство Россіи.

Селимъ-ханъ, просившій въ 1804 году помощи кн. Циціанова, для сверженія съ шекинскаго ханства старшаго брата своего Магомедъ-Гассанъ-хана и не получивъ ее, обратился съ такою же просьбою къ Мустафѣ владѣтелю ширванскому. Не много нужно было усилій, чтобы уговорить Мустафу дѣйствовать противъ шекинскаго владѣтеля, сильно его тѣснившаго въ 1803 г., вмѣстѣ съ кубинскимъ и дербентскимъ Шихъ-Али-ханомъ.

Въ началѣ февраля Ширванцы двинулись къ шекинской границѣ на Гохчай. Слѣпой Магомедъ-Гассанъ-ханъ съ своимъ войскомъ выступилъ имъ на встрѣчу. Шекинцы, видя превосходство ширванскаго войска, и при томъ не навидя хана, за его тяжкіе налоги, разбѣжались, оставивъ своего властителя въ виду враговъ, съ самымъ незначительнымъ

числомъ ему преданныхъ. Несчастный слѣпецъ, оставленный своими подданными, долженъ былъ покориться судьбѣ. По азіятскому обычаю повѣсивъ самъ саблю на шею, онъ приказалъ вести себя къ заклятому своему врагу (1)....

Мустафа-ханъ отправилъ плѣннаго слѣпца въ Шемаху, и объявилъ Селиму, что не иначе возведетъ его на ханство, какъ по полученіи отъ него въ аманаты сына и дочери. Селимъ тотчасъ исполнилъ требованіе, а Мустафа между тѣмъ, думая самъ завладѣть ханствомъ, послалъ тайно въ Нуху своихъ наибовъ, съ приказаніемъ управлять городомъ и требовать отъ имени сверженнаго хана всей его казны. Узнавшій объ этомъ Селимъ видя себя обманутымъ, успѣлъ дать знать брату своему Фетъ-Али-Агѣ, также слѣпцу, о цѣли поѣздки наибовъ. Нухинскіе жители выгнали наибовъ, посланныхъ Мустафою, а Фетъ-Али Агу объявили временно своимъ ханомъ. Мустафа, въ отмщеніе Селиму, утвердилъ выборъ Нухинцевъ и, потребовавъ отъ новаго владѣльца сына въ аманаты, удалился въ Шемаху. Селимъ, въ дорогѣ бросивъ Ширванцевъ, явился въ Нуху и былъ признанъ шекинскимъ ханомъ, какъ своимъ братомъ, такъ и всѣмъ народомъ (2).

Признаніе шекинскимъ ханомъ Селима, по мимо воли ширванскаго владѣтеля, неминуемо должно было повлечь за собою непріязненныя дѣйствія между ними, а потому Селимъ и спѣшилъ отдаться въ подданство и защиту Россіи. Дѣйствительно, скоро получено было извѣстіе о движеніи Мустафы къ шекинской границѣ. По приказанію главнокомандующаго, изъ Елизаветополя былъ отправленъ въ помощь Селиму отрядъ изъ 300 человѣкъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ маіора Якимова. Соединившись съ Шекинцами при селеніи Дегно, Якимовъ пошелъ на встрѣчу Мустафѣ и разбилъ 6-ти тыс. его отрядъ на Шекинскомъ полѣ. Мустафа отступилъ за Гогчай и расположился при канавѣ Чай-арлъ (3).

Ободренный успѣхомъ Селимъ-ханъ просилъ кн. Циціанова позволить ему продолжать наступленіе и овладѣть Шемахою. Главноуправляющій ограничился однакоже тѣмъ,

(1) Рапор. Карягина кн. Циціанову 22-го января 1805 г. Т. А. Отд. Кавк. Корп. изъ книги № 238.

(2) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. 28-го февраля 1805 г.

(3) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. 9 апрѣля 1805 г.

что послалъ къ Мустафѣ маіора Тарасова съ объявленіемъ, что Селимъ подданный Россіи и потому если Мустафа будетъ продолжать вражду, то „навлечетъ на себя наказаніе Россіи".

Владѣтель ширванскій помирился съ Селимомъ; обязался присягою сохранять съ нимъ дружбу; возвратить захваченныхъ имъ жителей, скотъ и прислалъ кн. Циціанову письменное увѣреніе въ томъ, что онъ вовсе не имѣлъ желанія противиться волѣ Русскаго Императора. Маіоръ Тарасовъ, кромѣ порученія уговорить Мустафу къ примиренію съ Селимомъ, имѣлъ другое — склонить его на вступленіе въ русское подданство, въ чемъ и успѣлъ, показавъ Мустафѣ письмо Шамхала-Тарковскаго къ кн. Циціанову, изъ котораго можно было видѣть о враждебныхъ замыслахъ готовившихся противу Мустафы въ Дагестанѣ.

Подписанный Селимомъ шекинскимъ трактатъ былъ одинаковаго содержанія съ трактатомъ карабагскаго владѣтеля, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что шекинскій ханъ обязался платить ежегодной дани по 7-ми тысячь червонцевъ, а въ аманаты отдать не старшаго сына, которому было не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ отъ роду, но дѣтей пяти знатнѣйшихъ беговъ изъ народа шекинскаго. Къ послѣдней мѣрѣ побудили кн. Циціанова измѣнчивый нравъ Шекинцевъ и ихъ невѣрность даже и къ своимъ владѣтелямъ (1). По прошествіи же одного или двухъ лѣтъ Селимъ-ханъ обязался отдать въ аманаты сына своего, на всегдашнее пребываніе въ Тифлисѣ (2).

Съ пріобрѣтеніемъ ханства шекинскаго Джаро-Бѣлоканцы стѣснялись между двухъ русскихъ отрядовъ; одного, расположеннаго на р. Алазани и другаго находящагося въ шекинскомъ владѣніи. Подданство же карабагскаго владѣтеля давало Россіи возможность обезпечить Грузію не только со стороны Персіи, но и со стороны Дагестана. Пріобрѣтеніе карабагскаго владѣнія сближало насъ и съ Бакою

---

(1) Карабагскому и шекинскому ханамъ, во время пребыванія ихъ въ главной квартирѣ, каждому со свитою изъ 600 человѣкъ, отпускалось на содержаніе въ сутки по сто червонцевъ. Карабагскому хану выдано 1,645 черв. и 557 руб. сер., а шекинскому 725 черв. и 105 руб. сер. Кромѣ того разныхъ подарковъ свитѣ ихъ выдано на 7,047 руб. сереб. (Отношеніе кн. Циціанова кн. Чарторыйскому 22-го мая 1805 г.).

(2) Предписаніе кн. Циціанова Г. М. Портнягину 23-го мая № 805 Т. А. Шт. Отд. Кавк. Кор. по дежур. дѣло № 270.

„долженствующей быть занятою въ непродолжительномъ времени". Съ устройствомъ дорогъ, возможныхъ для прохода купеческихъ каравановъ изъ Грузіи, черезъ Елизаветполь, Шушу и въ Джаватъ, устанавливалась торговая связь съ Астраханью. Мѣстечко Джаватъ лежало при впаденіи рѣки Аракса въ Куру, которая съ этого мѣста дѣлалась судоходною.

„Когда въ Сальянѣ, писалъ кн. Циціановъ, устроится укрѣпленіе, и Джаватъ, какъ древнее достояніе Карабага, будетъ отнято у ширванскаго хана, то суда изъ Астрахани могутъ проходить въ Сальянъ и Джаватъ, а оттуда товары будутъ слѣдовать сухимъ путемъ чрезъ Шушу и Елизаветполь до Тифлиса (1).

Вмѣстѣ съ Ибраимъ-ханомъ явился къ Циціанову въ лагерь на Куракъ Джангиръ-ханъ, сынъ Садухъ-хана шагагскаго, убитаго коварнымъ образомъ владѣтелемъ Персіи. Джангиръ поѣхалъ въ Елизаветполь за главнокомандующимъ и тамъ принялъ присягу на вѣрноподданство, съ условіемъ, подъ прикрытіемъ 300 русскихъ воиновъ, вывести изъ шагагскаго ханства, на поселеніе въ Елизаветполь, четыре тысячи семействъ, которыя по прошествіи первыхъ трехъ льготныхъ лѣтъ, должны будутъ платить казнѣ съ семейства по 5-ти руб. и отбывать повинности на равнѣ съ прочими жителями округа (2).

Въ началѣ 1805 г. эриванскій ханъ зазвалъ къ себѣ шурагельскаго Будахъ-султана и, задержавъ его, требовалъ за освобожденіе три тысячи рублей, а между тѣмъ послалъ войско для переселенія жителей въ свое владѣніе. Почетнѣйшіе обитатели Артика, главнаго селенія въ Шурагели, просили (3) кн. Циціанова защитить ихъ отъ Эриванцевъ и принять въ подданство Россіи, обѣщая собраться съ семействами и имуществомъ въ Кыпчагъ, куда должно было быть выслано имъ въ помощь русское войско.

Генералъ Насвѣтаевъ, расположенный въ Бамбакской дистанціи, по приказанію главнокомандующаго двинулся изъ Караклиса въ Шурагель, занялъ Артикъ (30 марта), поставилъ султаномъ сына прежняго владѣтеля, привелъ народъ

(1) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. 29-го августа. Отнош. министру иностр. дѣлъ отъ того же числа. Константиновъ, ч. II, 468.

(2) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. 17-го іюня 1805 г.

(3) Письмомъ отъ 15-го января 1805 г.

къ присягѣ на вѣрноподданство русскому императору и для защиты провинціи оставилъ въ ней гарнизонъ изъ 6-ти ротъ пѣхоты (1).

Три тысячи эриванскаго войска шло между тѣмъ къ селенію Талыни, пограничному съ Шурагелью, для выполненія ханскаго приказа,—опустошать владѣнія Будагъ-султана и перевести жителей въ Эривань. Генералъ Насвѣтаевъ встрѣтилъ ихъ въ Талыни, вытѣснилъ оттуда, сжегъ это и еще нѣкоторыя эриванскія селенія и гналъ войско Магомадъ-хана до Эчміадзинскаго монастыря (2).

Капитанъ Матушевичъ, бывшій въ авангардѣ отряда, достигъ даже до предмѣстій Эривани, вездѣ разгоняя предъ собою толпы татаръ и куртинцовъ (3). Прибывъ въ Эчміадзинскій монастырь, въ расплохъ для жителей, Насвѣтаевъ забралъ всѣ бывшія тамъ драгоцѣнныя иконы, церковную утварь и мощи святыхъ и все въ цѣлости препроводилъ въ Тифлисъ, гдѣ уже хранилась часть сокровищъ первопрестольнаго армянскаго монастыря, вывезенныхъ княземъ Циціановымъ по возвращеніи его изъ Эривани.

Такимъ образомъ богатства Эчміадзинскія были спасены отъ грабительства персіянъ и рукъ лже-патріарха Давыда, частію уже расхитившаго достояніе церкви для своего возвышенія (4).

Изъ Эчміадзина Насвѣтаевъ возвратился обратно въ Бамбаки. Впослѣдствіи, когда Будахъ-султанъ шурагельскій освободился изъ плѣна (25 октября 1805 г.), то подтвердилъ подданство своего народа собственною присягою на вѣрность Россіи и заключилъ съ кн. Циціановымъ трактатъ, одинаковаго почти содержанія съ трактатомъ на присоединеніе Карабага, съ ничтожными лишь измѣненіями, необходимыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Шурагельскій владѣлецъ обязался платить ежегодной дани по 2000 р. (5).

(1) Тиф. Арх. Отд. Кавк. Корп. дѣло № 93.

(2) Дон. кн. Циціанова Г. И. отъ 22 мая 1805 г.

(3) Рапор. Матушевича Насвѣтаеву 7 мая 1805 г.

(4) Всѣ вещи были взяты, какъ доносилъ кн. Циціановъ, съ цѣлію „сбереженія ихъ отъ лже-патріарха Давыда, который все оное захотѣлъ увезти въ турецкія области, такъ и по просьбѣ архіереевъ той націи, генералъ-маіоръ Насвѣтаевъ нечаяннымъ захваченіемъ учиненнымъ, онаго монастыря сдѣлался властителемъ и остальныхъ сокровищъ большой важности по святости для христіанъ, а именно: святое копье, которымъ прободенъ былъ Христосъ Спаситель нашъ, рука св. Георгія просвѣтителя армянской націи. Все сіе найдено между рогожъ и нечистыхъ тряпокъ для утаенія". Рапор. кн. Циціанова Г. И. 17 Іюня.

(5) Подлинный трактатъ см. Константинова ч. II, 477.

Начало 1805 года, подобно началу 1804 г., ознаменовалось поступленіемъ въ подданство Россіи многихъ закавказскихъ владѣній, и кн. Циціановъ въ это время пріобрѣлъ къ себѣ такое довѣріе, что даже многіе ханы за Араксомъ, какъ напримѣръ Тавризскій и Карадагскій предлагали ему свои услуги. Народъ Айсорскій Арзерумскаго ханства (1), христіанскаго исповѣданія, желалъ также переселиться въ Грузію и просилъ высылки 300 человѣкъ войска въ Хою, чтобы подъ его прикрытіемъ выдти въ числѣ 4000 семействъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ.

Кн. Циціановъ писалъ къ епископу Іоанну, начальствующему этими переселенцами, и айсорскому патріарху Петру, что какъ остальныя 16000 народа могутъ подвергнуться гоненіямъ и мукамъ, то приглашалъ ихъ всѣхъ къ переселенію, тѣмъ болѣе, что, соединившись вмѣстѣ, имъ легче будетъ отразить преслѣдованіе мусульманъ.

Безъ сомнѣнія, политическое неустройство Персіи, усиливающееся самовластіе Баба-Хана, безумно свергавшаго многихъ хановъ силою, было причиною искательствъ ихъ у кн. Циціанова. Но не менѣе того и поведеніе главноуправляющаго Грузіею, дознанная вѣрность его слова, умѣренность требованій и защита отъ самовластія владѣтеля Персіи, побуждали ихъ предпочесть подданство Россіи, рабству властителямъ азіятскимъ. Слѣдствіемъ этой довѣренности у народовъ Закавказья, было пріобрѣтеніе путемъ однѣхъ только переговоровъ двухъ богатѣйшихъ ханствъ и шурагельской провинціи, обильной хлѣбомъ. Предвидѣлись успѣхи въ переговорахъ еще съ другими владѣтелями, но приготовленіе Персіи къ новой войнѣ съ Россіею, заставили кн. Циціанова отложить на время переговоры и взяться за оружіе (2).

---

(1) Вѣроятно измѣненный Ассирійскій,—потомки древнихъ Ассиріянъ.
(2) Константиновъ ч. II (рукоп). Ар. Гл. Шт. въ С.-Петербургѣ.

ГЛАВА XXII.

Война съ Персіею 1805 г. — Причины ея. — Фирманы Баба-Хана и грузинскаго царевича Александра. —Движеніе персидскихъ войскъ къ Араксу и переправа у мѣстечка Худо-Пири.— Мѣры принятыя кн. Циціановымъ къ отраженію Персіянъ.—Расположеніе нашихъ войскъ.— Дѣйствіе Лисаневича.—Сраженіе при Жибраильскихъ садахъ.—Дѣйствіе полковника Карягина у Оскорани. — Отступленіе его сначала къ Шахъ-Булаху, а потомъ къ Мухрату. — Движеніе кн. Циціанова противъ Персіянъ.—Окончаніе компаніи.

Персія, кромѣ ханствъ и белгарствъ ея составлявшихъ и зависѣвшихъ непосредственно отъ власти Шаха, имѣла намѣстничества, коихъ намѣстники назывались по персидски: *вали*. Такихъ вали было четыре: Арабистанскій, Гуржистанскій (грузинскій царь), Лористанскій и Курдистанскій.

Пространство намѣстничествъ было: Арабистанскаго, — около персидскаго залива и нѣкоторыхъ городовъ Ширазской провинціи; Гуржистанскаго — отъ Дербента до Абхазетіи, на берегу Чернаго моря лежащей, и отъ кавказскихъ горъ до р. Аракса; Лористанскаго, — земли граничащія съ Богдатомъ; Курдистанскаго—земли граничащія съ турецкими владѣніями и Баязетомъ.

Прочія ханства, побережныя и другія не входившія въ составъ этихъ намѣстничествъ, управлялись особыми ханами зависившими непосредственно отъ Баба-Хана.

Вали имѣли при шахскомъ дворѣ званія и должности, которыя исправляемы были ими преимущественно при коронаціи персидскихъ шаховъ, производившейся обыкновенно въ городѣ Ардебилѣ, въ Адербижанѣ. Вали арабистанскій долженъ былъ держать *жигу* (перо изъ шапки замѣняющее корону), Гуржистанскій — мечь, Лористанскій — балабутъ (порфиру), Курдистанскій—украшеніе состоящее въ двухъ алмазами убранныхъ перевязяхъ. Безъ признанія Шаха, въ его достоинствѣ, хотя бы однимъ изъ 4-хъ вали, Шахъ не могъ короноваться. Прерогативы вали состояли въ томъ, что когда Шаха нѣтъ, то они могли раздавать ханское до-

стоинство и сажать на ханства. Этимъ правомъ вали пользовались по старшинству своему, т. е. первый арабистанскій, за нимъ второй гуржистанскій, лористанскій и четвертый курдистанскій. Младшій при жизни старшаго этимъ правомъ не пользовался.

Понятно послѣ того почему Баба-Ханъ такъ старался освободить Грузію изъ-подъ власти Россіи. Добиваясь шахскаго достоинства, Баба-Ханъ не могъ быть признанъ въ этомъ званіи подвластнымъ ему народомъ, до тѣхъ поръ, пока тотъ, въ торжественный день коронаціи не увидалъ бы подлѣ своего властителя грузинскаго царя съ шахскимъ мечемъ въ рукахъ.

Еще въ концѣ 1804 года, по просьбѣ грузинскаго царевича Александра, Баба-Ханъ послалъ къ знатнѣйшимъ лицамъ Грузіи и Дагестана фирманы, подстрѣкающіе къ возстанію противъ Русскихъ. Фирманы эти имѣли цѣлію отвлечь войска наши на усмиреніе взволновавшихся, и тѣмъ дать возможность самому Баба-Хану произвести съ меньшими затрудненіями вторженія со стороны Аракса.

Властитель Персіи думалъ, возбудивъ повсемѣстное возстаніе противу насъ, и двинувшись съ своими силами, заставить Русскихъ покинуть закавказскій край и очистить Грузію. Для большаго въ томъ успѣха, и расположенія къ себѣ народовъ, Баба-Ханъ освободилъ 10 человѣкъ Осетинъ, попавшихся въ плѣнъ вмѣстѣ съ грузинскими князьями подъ Эриванью. Подаривъ каждому изъ освобожденныхъ по лошади и по 100 руб. сер., какъ бы въ награду за усердіе ихъ единоземцевъ, бунтовавшихъ на Арагвѣ, онъ послалъ съ ними повелѣнія старшинамъ осетинскимъ продолжать похвальную непокорность и сопротивленіе Русскимъ. Фирманы эти были частію перехвачены, а частію представлены Циціанову тѣми, которымъ поручено было доставить ихъ изъ Персіи по принадлежности. Въ посланіяхъ писанныхъ на имя арагвскихъ жителей, царевича Парнаоза, князя Константина Мухранскаго и князя Томаса Орбеліанова, Баба-Ханъ хвалился тѣмъ, что страшно наказалъ Русскихъ подъ Эриванью; что онъ побилъ, побралъ ихъ въ плѣнъ, и только наступленіе холоднаго времени помѣшало совершенному ихъ истребленію; что послѣ Навруза (магометанскаго новаго года) идетъ до ста тысячъ войска и съ двумя стами орудій довершить

уничтоженіе притѣснителей Грузіи, а тѣмъ временемъ побуждалъ всѣхъ дѣйствовать противъ ненавистнаго врага, обѣщая усерднымъ богатыя награды.

„Въ нынѣшній годъ, писалъ онъ (1), прибыли мы съ досягающими до небесъ знаменами подъ Эривань, для искорененія невѣрныхъ русскихъ, и наши храбрые войны, поражая и низвергая ихъ на землю, попирали яко листья, падающія съ деревъ.

Далѣе, благодарилъ всѣхъ за усердное сопротивленіе Россіи; поощрялъ къ дальнѣйшему дѣйствію, обѣщая за то награды и объявлялъ, что къ Наврузу прійдетъ „съ несмѣтною силою и гласъ воинскихъ трубъ его“ услышатъ въ Грузіи, въ Кизлярѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ (2).

Такъ писалъ Баба-Ханъ, у котораго пѣхота, не имѣя замковъ у ружей, стрѣляла изъ нихъ фитилями; каваллерія была въ плохомъ состояніи и всѣ вообще войска не имѣли провіанта (3).

Князья, выбѣжавшіе изъ плѣна персидскаго, объявили Циціанову, что въ Тегеранъ прибыли посланные отъ кабардинскихъ владѣльцевъ съ письмами къ Баба-Хану.

Властитель Персіи принялъ ласково посланныхъ, говорилъ, что хочетъ послать сына своего напасть на Ганжу (Елизаветполь), и что самъ въ августѣ мѣсяцѣ пойдетъ въ Тифлисъ. Онъ спрашивалъ прибывшихъ къ нему, довольны ли Грузины русскимъ правленіемъ? и, получивъ отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, обѣщалъ освободить ихъ отъ власти Россіи. Царевичъ Александръ, съ своей стороны, просилъ посланныхъ, чтобы они, проѣзжая мимо горскихъ народовъ, уговаривали ихъ сопротивлиться всѣми силами Россіи, за что обѣщалъ имъ, именемъ Баба-Хана, большое награжденіе и поручилъ сватать за себя сестру кабардинскаго владѣльца. Царевичъ увѣрялъ, что Шихъ-Али-ханъ дербенскій и Мустафа-ханъ шемахинскій будутъ вмѣстѣ съ Баба-Ханомъ дѣйствовать противу Россіи (4).

Узнавъ объ этомъ, главнокомандующій немедленно приказалъ разставить секретные караулы, для поимки послан-

(1) Кабардинскимъ владѣльцамъ, муламъ и народамъ: кабардинскому, чеченскому, карталинскому, тагаурскому и жителямъ Арагвы.

(2) Рап. кн. Циціанова Г. И. 29 янв. 1805 г. и 7 фирмановъ Баба-Хана.

(3) Показаніе узденя Юсупа бывшаго въ лагерѣ Баба-Хана. Георгіевскій военный арх.

(4) Показанія посланныхъ. Т. А. К. Н.

цевъ на возвратномъ ихъ пути. Шамхалъ Тарковскій предупредилъ желаніе Циціанова и захватилъ кабардинскаго узденя Окова, его слугу Уруша, грузинскаго дворянина Ивана Антонова и андреевской деревни узденя Юсуфа съ 36-тью возмутительными письмами отъ Баба-Хана, сына его, царевича Александра и разныхъ персидскихъ чиновниковъ, къ князьямъ и народамъ кавказской линіи. Шамхалъ отослалъ письма, а потомъ и людей къ кизлярскому коменданту, откуда они были препровождены сначала въ Георгіевскъ, а потомъ въ кр. св. Димитрія (1).

Обнаруженіе существованія переписки кабардинцевъ съ Персіею открыло Циціанову настоящія причины безпрерывныхъ безпокойствъ и набѣговъ народовъ кавказскихъ на линію, что до тѣхъ поръ онъ относилъ къ злоупотребленіямъ и слабости тамошнихъ войскъ.

Не смотря на неудачу, Баба-Ханъ употреблялъ все таки усилія къ тому, чтобы вооружить противъ русскихъ всѣ народы отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Онъ писалъ кабардинскимъ владѣльцамъ о своихъ предположеніяхъ избавить Ганжу и Тифлисъ отъ гоненій русскихъ и добраться до Кизляра и Астрахани. Онъ просилъ ихъ собраться со своими войсками на то мѣсто, которое будетъ имъ назначено. „Я, Шахъ персидскій, писалъ онъ, объявляю вамъ, что Россія заняла Грузію насильственнымъ образомъ. Сей проклятый русскій народъ надѣлалъ нашимъ правовѣрнымъ много разоренія и обидъ. Теперь я своего сына Аббасъ-Мирзу съ 50 т. войскъ исправныхъ послалъ въ Грузію, а за нимъ со 100 т. войскъ и 400 пушекъ я и самъ туда же отправлюсь, и всѣхъ Россіянъ изъ Грузіи выгоню, вырѣжу и истреблю до послѣдняго, а вамъ, какъ правовѣрнымъ, указомъ симъ повелѣваю, когда вы услышите о моемъ приходѣ съ войсками въ Грузію, старайтесь, соединясь всѣми силами своими, нападать на русскихъ, истреблять и раззорять до основанія“ (2).

Воззванія властителя Персіи, бдительностію Циціанова, не достигали до своего назначенія, и, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, не могли произвести желаннаго дѣйствія. Шамхалъ-

(1) Рап. Глазенапа кн. Циціанову отъ 22 іюля 1805 г. Т. А. К. Н. Константиновъ, ч. II, 491.

(2) Фирманъ Баба-Хана къ владѣльцамъ Кабарды. Т. А. К. Н.

Тарковскій, получа фирманъ Шаха, именемъ вѣры, возбуждающій къ содѣйствію Персіи противъ русскихъ, представилъ его Циціанову. Селимъ-ханъ шекинскій, тоже сдѣлалъ съ письмомъ Шихъ-Али-хана кубинскаго и дербентскаго, подстрекающимъ его вооружиться на изгнаніе русскихъ изъ закавказья; наконецъ Ибраимъ-ханъ карабагскій, въ то время, когда полчища персидскія приближались къ его владѣніямъ, отвергъ послѣдній фирманъ Шаха, въ которомъ онъ, убѣждая хана покориться своей силѣ, доказывалъ ничтожество Русскихъ. „Ты разумный, писалъ Баба-Ханъ, и опытный человѣкъ знаешь, что вступленіе невѣрныхъ Русскихъ въ Персію уподобляется тому, *какъ рисовать на водѣ.* Хотя бы самъ русскій Государь вступилъ въ Персію и тогда не могъ бы ничего получить кромѣ убытка, а тѣмъ болѣе малые Русскіе торгующіе рыбою (1), въ состояніи ли завладѣть хотя однимъ изъ персидскихъ владѣній? Причина же пребыванія нѣсколько лѣтъ русскихъ въ Грузіи, первая то, что царь Георгій грузинскій, по глупости и безсилію своему, привелъ русскихъ въ Грузію; вторая же, что тогда мы находились въ Хоросани, для наказанія обширной хоросанской земли, и по сей то причинѣ невѣрные русскіе могли остаться въ Грузіи, а теперь намѣрены мы прогнать ихъ, наказать и завладѣть Грузіею и перебить то малое число войска невѣрныхъ Русскихъ, что и будетъ очень легко; и Божіею милостію, за каждое зерно хлѣба, кое съѣли они, сожжется каждое владѣніе изъ ихъ земель, *отъ огня жестокости нашего монаршества и кровь оныхъ невѣрныхъ будетъ рѣкою въ землѣ ихъ.* Хотя въ прошломъ году, были мы безъ пріуготовленія, и не имѣли полнаго числа войскъ, но еще ихъ сардарь инспекторъ (такъ всѣ называли Циціанова) видѣлъ много побитыхъ *и наказанныхъ высочайшимъ мечемъ нашимъ* со стороны ихъ невѣрныхъ; наконецъ онъ съ малымъ числомъ войска спасъ себя, а теперь коль скоро непобѣдимое войско наше, прибывъ къ берегу Аракса, расположится тамъ лагеремъ, то вышесказанный сардарь уѣдетъ въ мерзкую землю свою“ (2).

Посланные съ этимъ фирманомъ были арестованы и

(1) Русскіе промышленники съ давнихъ временъ снимали на откупъ рыбныя ловли по всѣмъ мѣстамъ Каспійскаго моря, а потому и Баба-Ханъ такъ звалъ всѣхъ Русскихъ.

(2) Переводъ фирмана карабагскому владѣльцу. Т. А. К. Н.

Ибраимъ-ханъ хотѣлъ отправить ихъ къ князю Цицiанову (1).

Еще въ началѣ апрѣля главноуправляющій достовѣрно узналъ, что въ Таврисѣ собирается многочисленное персидское войско, а потому передвинулъ два баталіона тифлисскаго полка изъ Самхетіи въ Елизаветполь (2). Баталіоны эти назначались какъ для усиленія тамошняго гарнизона, такъ и для занятія самой крѣпости въ томъ случаѣ, если бы 17-й егерскій полкъ, тамъ находившійся, пришлось раздѣлить на гарнизоны для занятія двухъ вновь пріобрѣтенныхъ ханствъ.

Политическія обстоятельства Европы были причиною тому, что князь Цицiановъ не могъ получить никакого подкрѣпленія изъ Россіи. Для отраженія Персіянъ было бы достаточно войскъ находящихся въ закавказскомъ краѣ, еслибъ полки были комплектны, но, съ мая до самаго сентября, полноводіе Терека въ тагаурскомъ ущельи, прерывало всякое сообщеніе и было причиною того, что въ полкахъ (кромѣ бѣлевскаго) образовался недостатокъ въ 2554 человѣка, не считая въ томъ числѣ 667 больныхъ, бывшихъ по разнымъ госпиталямъ. Князь Цицiановъ полагалъ, что вооруженіе Персіи происходитъ отъ осторожности на случай непріязненныхъ дѣйствій Россіи; въ случаѣ же поступательныхъ дѣйствій со стороны персіянъ, предполагалъ двинуть каспійскую флотилію съ десантомъ въ Энзили и Рештъ, съ цѣлію отвлечь вниманіе и силы Баба-Хана на защиту приморскихъ своихъ провинцій.

Таковы были виды и намѣренія князя Цицiанова, при снаряженіи этой морской экспедиціи; но различныя обстоятельства помѣшали ей снарядиться во время. Она выступила въ море слишкомъ поздно, и тѣмъ не выполнила главнѣйшаго своего предназначенія — отвлечь вниманіе и силы Баба-Хана отъ Аракса къ защитѣ Решта. До ея появленія въ Энзиляхъ, персіяне выступили изъ Тегерана двумя сильными отрядами. Одинъ, подъ личнымъ начальствомъ Баба-Хана, пошелъ на Тавризъ, другой, подъ командою сына его Аббасъ-Мирзы, всталъ у Карадага, противъ карабагскаго

(1) Изъ рапорта Лисаневича 21 іюня № 17. Т. А. изъ книги донесеній № 237.
(2) Донесеніе кн. Цицiанова Г. И. 16 апрѣля 1805 г. Арх. Глав. Шт.

ханства, куда по дорогѣ къ худо-ширинскому мосту (1) на Араксѣ, пошелъ съ отрядомъ Пиръ-Кули-ханъ. Другой подобный же отрядъ отправился въ Эривань, гдѣ довѣрчивый Магомадъ дозволилъ персіянамъ занять крѣпость и былъ сверженъ и съ семействомъ отправленъ въ станъ Баба-Хана.

Сколько ни старался главнокомандующій устранить себя отъ всякихъ военныхъ дѣйствій съ персіянами, но теперь ему оставалось принимать мѣры противъ наступающаго противника. Князь Цицiановъ, съ наступленіемъ непріятеля, стянулъ не большія силы, которыми могъ располагать, въ Елисаветполь и Бамбаки.

Вмѣстѣ съ принятіемъ въ подданство карабагскаго хана, и для выполненія заключеннаго съ нимъ трактата, кн. Цицiановъ отправилъ въ шушинскую крѣпость 6-ть ротъ 17-го егерскаго полка съ 3-мя орудіями и 30-ю казаками, подъ начальствомъ маіора Лисаневича (2). Отрядъ этотъ долженъ былъ оборонять карабагское владѣніе отъ непріятеля, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго. Лисаневичъ получилъ приказаніе дѣйствовать противъ Пиръ-Кули-хана, стоявшаго съ войсками на правомъ берегу р. Аракса, у моста, называемаго Худи-Пири. Лисаневичу предписывалось: „разбить, разсѣять и устроить нападеніе такимъ образомъ, чтобы чувствительный уронъ нанести ему нашими войсками и заставить его не приближаться къ Араксу“.

„Въ подобныхъ случаяхъ, писалъ кн. Цицiановъ, ни что такъ не дѣйствительно, какъ сюрпризы, какъ, напримѣръ, посадя пѣхоту на карабагскую конницу, ночью сдѣлать большой переходъ, послѣ спѣшивъ дѣйствовать“.

Переходить Араксъ Лисаневичу было воспрещено и допускалось только при полной увѣренности въ томъ, что онъ можетъ нанести значительный вредъ Пиръ-Кули-хану.

Карабагскій ханъ долженъ былъ заготовить провіанта, для нашего отряда, по крайней-мѣрѣ на 3 мѣсяца. Главнокомандующій приказалъ принимать его непремѣнно въ зернѣ, а не мукою, потому что „неблагонамѣренные татары могутъ ко вреду солдатскаго здоровья молоть муку съ семенами

(1) У мѣстечка Худо-Пири что значитъ Богомъ созданный. Рап. кн. Цицiанова Г. И. 17 Іюня 1805 г.

(2) Предпис. Лисаневичу 22 мая № 1327. Т. А. К. Н.

хлопчатой бумаги, какъ то было съ войсками покойнаго Фетъ-Али-хана кубинскаго отъ шемахинскихъ и ширванскихъ жителей". Лисаневичъ, во время пребыванія своего въ Карабагѣ, обязанъ былъ слѣдить за поведеніемъ карабагскаго хана; устранять его отъ сношеній съ ханами, намъ непокорными, и отъ всякой переписки съ Баба-Ханомъ; поддерживать согласіе между ханомъ и его братьями и уговорить Ибраимъ-хана провести дорогу отъ шушинской крѣпости до Елисаветполя удобную для проѣзда аробъ.

Полковникъ Карягинъ съ баталіономъ назначенъ былъ къ нему на помощь, а въ случаѣ опасности, для ихъ подкрѣпленія готовъ былъ выступить самъ главнокомандующій, съ двумя некомплектными баталіонами тифлисскаго полка, оставя третій для защиты Елисаветполя. У генерала Несвѣтаева въ Бамбакахъ были саратовскій полкъ и кавказскій гренадерскій, также не комплектные. Вотъ все, что Циціановъ могъ противупоставить многочисленнымъ полчищамъ персидскаго владѣтеля.

Худо-Пиринскій мостъ, устроенный на 14 аркахъ, имѣлъ одну изломанную. Для безопасной по немъ переправы необходимо было арку исправить. По этому князь Циціановъ и полагалъ, что Лисаневичъ, стоявшій не далѣе четырехъ часовъ ходуотъ мѣста, затруднитъ Пиръ-Кули-хану починку моста и переправу чрезъ него. Но Пиръ-Кули-ханъ съ отрядомъ изъ 10000 персіянъ переправился въ разныхъ мѣстахъ чрезъ Араксъ въ бродъ, миновавъ худо-пиринскій мостъ, у котораго стоялъ маіоръ Лисаневичъ.

По слѣдамъ Пиръ-Кули-хана двинулся и Аббасъ-Мирза со своими войсками.

Въ ночь съ 10-го на 11-е іюня Персіяне потянулись по средней дорогѣ, ведущей къ нижнимъ жибраильскимъ садамъ.

Получивъ свѣдѣніе отъ карабагскихъ карауловъ, расположенныхъ по Араксу, о движеніи непріятеля, Лисаневичъ тотъ-часъ двинулся ему на встрѣчу. Пройдя версты три, отрядъ нашъ открылъ персіянъ „идущихъ въ 7-ми большихъ кучахъ". Замѣтивъ русскій отрядъ, персіяне быстро свернулись съ дороги и съ крикомъ бросились на наши каре. Атака непріятеля была столь стремительна, что они выдержали артиллерійскій огонь, но, подойдя на ружейный, смѣшались и начали отступать. Лисаневичъ перешелъ въ на-

ступленіе. Непріятель отступалъ до близь лежащихъ высотъ, которыя „на всемъ лошадиномъ скаку поскакали занять“ (1) и здѣсь персіяне выжидали наступавшія наши войска. Отсюда съ высотъ они опять бросились въ атаку, окружили каре со всѣхъ сторонъ, но не выдержали удачнаго дѣйствія нашей артиллеріи и стали отступать. Карабагская конница, состоящая не болѣе какъ изъ 100 человѣкъ, подъ начальствомъ Ханскаго сына Мамадъ-Ассанъ-аги, вмѣстѣ съ нашими казаками преслѣдовала бѣгущаго непріятеля. Персіяне оставили на мѣстѣ 84 человѣка, съ нашей стороны убито: 2 нижнихъ чина и ранено 18-ть человѣкъ. Выпущено 61 артиллерійскій выстрѣлъ и 6637 ружейныхъ патроновъ.

12-го іюня Лисаневичъ узналъ, что разбитый непріятель переправился назадъ за Араксъ и что онъ получилъ новое подкрѣпленіе.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакой кавалеріи, кромѣ не большаго числа казаковъ и карабагской конницы, которой было слишкомъ недостаточно, для того чтобы воспрепятствовать переправѣ Персіянъ, Лисаневичъ оставилъ Жибраилъ и отступилъ въ шушинскую крѣпость. Къ этому отступленію его еще болѣе понудило и то, что карабагскій ханъ просилъ Лисаневича, какъ можно скорѣе занять крѣпость, для удержанія отъ побѣга изъ крѣпости жителей, возбуждаемыхъ къ бунту противъ хана сыномъ его и двоюроднымъ братомъ и испугавшихся слухами о нашествіи Персіянъ (2). „Въ самой Шушѣ, доносилъ Лисаневичъ, исключая хана и его дома всѣ привержены къ персіянамъ и ихъ удерживаетъ только открыто пристать къ персіянамъ нахожденіе тамъ ввѣреннаго мнѣ отряда“ (3).

Извѣстіе о томъ, что персидскія войска подъ начальствомъ Шахъ-Зады прибыли въ карадахъ заставило карабагскаго хана обратиться къ князю Циціанову съ просьбою о помощи и о присылкѣ новыхъ войскъ. Главноуправляющій въ отвѣтъ на это требовалъ, чтобы ханъ прислалъ своего внука въ аманаты, „безъ чего сколько я не увѣренъ въ ва-

---

(1) Рап. Лисаневича кн. Циціанову 12 іюня 1805 г. № 9. Т. А. К. Н. Книга донесеній за августъ № 283.

(2) Донес. кн. Циціанова Г. И. 18 іюня Рап. Лисаневича кн. Циціанову 15 іюня № 10 Т. А. Шт. Отд. Кавк. Корп. Дѣло № 270.

(3) Рап. Лисаневича кн. Циціанову 24 іюня. Т. А. изъ книги № 237.

шей вѣрности писалъ князь Цицiановъ (1) вижу ясно, что многіе въ вашемъ владѣніи преданы Баба-Хану, а вы или не знаете или нехотите знать, какъ видно желая двумъ угодить, не надѣясь на нашу силу„.

Ханъ медлилъ отправкою аманата, но просилъ по прежнему помощи. Онъ ссылался на то, что внукъ его уже выѣхалъ было къ князю Цицiанову, но долженъ былъ возвратиться потому, что всѣ дороги пересѣчены персидскими войсками. Князь Цицiановъ просилъ его позаботиться выполненіемъ даннаго слова и не употреблять персидскихъ отговорокъ.

Главнокомандующій переписывался съ карабагскимъ ханомъ, а Персіяне ворвавшись въ Карабагъ жгли поля засѣянныя хлѣбомъ, истребляли селенія превращая плодоносную провинцію въ пустыню.

Слухъ о томъ, что самъ Баба-Ханъ со всѣми своими войсками идетъ послѣдамъ сына еще болѣе увеличивалъ страхъ жителей. Князь Цицiановъ послалъ повелѣніе къ маіору Лисаневичу идти къ крѣпости Оскарани, гдѣ непріятель расположился лагеремъ, и тамъ соединившись съ выступившимъ изъ Елисаветполя полковникомъ Карягинымъ, препятствовать дальнѣйшему стремленію Пиръ-Кули-хана (2), могшаго теперь прорваться въ самыя границы елисаветпольскаго округа.

Главноуправляющій предлагалъ также и карабагскому хану, оставить въ шушинской крѣпости только 100 человѣкъ нашего войска, а со всѣми остальными войсками отряда Лисаневича и карабагскою конницею двинуться на соединеніе съ отрядомъ полковника Карягина. Ханъ не исполнилъ и этого и даже не приготовилъ провіанта для отряда Карягина. Отговариваясь тѣмъ, что не могъ идти съ отрядомъ Лисаневича, потому что боялся оставить крѣпость, опасаясь возмущенія Армянъ и Татаръ, ханъ ограничивался только тѣмъ, что снова просилъ о помощи.

„Какъ же вы хотите, писалъ князь Цицiановъ (3), чтобы я самъ шелъ съ войсками и дрался бы съ персіянами за васъ, когда вы ни малѣйше съ своей стороны не содѣйст-

(1) Письмо кн. Цицiанова отъ 13-го іюня № 380. Т. А. К. Н.
(2) Предпис. Лисаневичу 19 іюня 1805 г. № 424.
(3) Письмо кн. Цицiанова карабагскому хану отъ 23-го іюня 1805 г.

вуете россійскимъ войскамъ"... „Я же, пославъ войска для защищенія владѣнія вашего, никогда не воображалъ, чтобы по уходѣ оныхъ ваши воины сдѣлались женоподобными и чтобы ваше высокостепенство, сидя спокойно, ни въ чемъ для собственной вашей пользы не содѣйствовали".

„Неужели вы, карабагскіе Армяне, писалъ князь Циціановъ въ прокломаціи къ жителямъ (1), до селѣ славившіеся своею храбростію перемѣнились, когда владѣтельный вашъ ханъ карабагскій вступилъ въ вѣчное подданство россійской Имперіи. Вы нынѣ храбрѣе долженствовали бы быть, надѣясь на могущество императорскихъ силъ, но вы сдѣлались женоподобными и похожими на другихъ Армянъ занимающихся только торговыми промыслами".

Князь Циціановъ хвалилъ ихъ прежнюю храбрость и призывалъ ихъ соединясь съ нашими войсками дѣйствовать противу Персіянъ „посягающихъ на раззореніе карабагскаго владѣнія и на похищеніе личнаго каждаго изъ имущества". „Опомнитесь! воспріймите прежнюю свою храбрость, будьте готовы къ побѣдамъ и покажите, что вы и теперь тѣ же храбрые карабагскіе Армяне, какъ были прежде страхомъ для персидской конницы".

21-го іюня Карягинъ выступилъ въ Оскарани, съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Едва онъ достигъ рѣчки Шахъ-Булахъ, какъ показались непріятельскіе разъѣзды, а потомъ толпа Персіянъ простиравшаяся до 3 т. челов. Карягинъ 14 верстъ мужественно пробивался впередъ, сопровождаемый сильнымъ огнемъ Персіянъ, и вечеромъ прибылъ къ рѣчки Оскорани, гдѣ расположился лагеремъ.

Въ 4-хъ верстахъ отъ него стоялъ Пиръ-Кули-ханъ съ 10 т. войска (2), при р. Ханачинѣ. Въ шесть часовъ вечера Пиръ-Кули-ханъ стремительно атаковалъ Карягина всею своею силою. Каре мужественно встрѣтило атаку и отбросило непріятеля. Въ продолженіи 3-хъ часовъ Персіяне безпрестанно дѣлали отчаянные напоры то пѣхотою то конницею, но русскіе стояли не поколебимо; ночь прекратила свирѣпые удары непріятеля. Пиръ-Кули-ханъ расположась на мѣстѣ сраженія, устроивалъ ночью батареи, съ весьма

(1) Прокломація 19-го іюня 1805 г. Т. А. К. Н.
(2) Рап. Карягина кн. Цицианову 26го іюня 1805 г.

сильными прикрытіями и нанося ими значительный вредъ, отнялъ воду, которую нашему отряду приходилось добывать съ величайшимъ затрудненіемъ.

„Пренебрегая многочисленностію Персіянъ, доносилъ Карягинъ Циціанову, и блокадою ихъ, проложилъ бы я штыками путь къ Шушѣ и соединился бы съ маіоромъ Лисаневичемъ, но великое число раненыхъ людей, коихъ по множеству убитыхъ лошадей, поднять нѣтъ средства, дѣлаетъ сіе невозможнымъ, какъ равно и, движеніе куда либо съ сего мѣста.“ Дѣйствительно половина отряда уничтожилась—33 человѣка было убито и 164 ранено, а лошадей осталось едва достаточно для поднятія одной только артилеріи.

Укрѣпясь сколько возможно въ этомъ мѣстѣ, Карягинъ просилъ Лисаневича соединиться съ нимъ и Ибраимъ хана прислать ему конницу. Карабагскій ханъ не отвѣчалъ и не присылалъ конницы, а послухамъ извѣстно было, что большая часть провинціи ему измѣнила и съ сыномъ его Абдулъ-Фетъ-Агою сражалась, противу русскихъ, въ войскахъ Пиръ-Кули-хана.

Въ туже ночь когда персіяне устраивали батареи чтобъ отнять у русскихъ воду и заключить ихъ въ блокаду, Карягинъ обнесъ свой лагерь четырехфаснымъ вагенбургомъ и обрылъ его глубокимъ рвомъ и валомъ, а маіору Лисаневичу послалъ приказаніе немедленно идти къ нему на выручку.

„Не удивляюсь я тому, писалъ и князь Циціановъ Лисаневичу, что Ибраимъ ханъ Карабагскій не даетъ содѣйствія своею конницею, но весьма странно мнѣ, что вы остаетесь какъ прикованный къ крѣпости, въ то время когда полковникъ Карягинъ находится въ опасности“ (1). Но расположеніе Шушинцевъ къ бунту и на этотъ разъ воспрепятствовало маіору Лисаневичу двинуться на соединеніе съ Карягинымъ, потому что одно лишь присутствіе русскихъ въ крѣпости удерживало шушинцевъ въ повиновеніи и спокойствіи.

Горсть храбрыхъ воиновъ, одушевляемыхъ геройствомъ Карягина и маіора Котляревскаго, съ безпримѣрнымъ мужествомъ выдерживала безпрерывныя нападенія непріятеля и дѣлала частыя и удачныя вылазки. Въ ночь на 27-ое число

(1) Предпис. маіору Лисаневичу 26 іюня № 448. Т. А. Шт. Отд. Кавк. корп.

іюня, когда Пиръ-Кули-ханъ усилилъ батареи по рѣчкѣ Оскорани, для совершеннаго воспрепятствованія осажденнымъ добывать воду, сто сгерей бросились на батареи, и пять изъ нихъ достались во власть русскихъ.

Взятые въ плѣнъ два человѣка персіянъ объявили, что Аббасъ-Мирза прибылъ съ войсками на мѣсто занимаемое прежде Пиръ-Кули-ханомъ и приказалъ поставить на устроенныя персіанами батареи лучшія свои войска и по прибытіи къ нему артиллеріи предполагаетъ атаковать русскихъ.

Перехваченное письмо отъ Баба-Хана убѣждало въ справедливости слуховъ.— Аббасъ-Мирза просилъ у отца присылки еще войска, а главное артиллеріи. Отправивъ то и другое Баба-Ханъ писалъ сыну, что его намѣреніе было взявъ всѣ войска изъ государства, идти на русскихъ и раззорить ихъ гнѣздо. — „Но получа ваше ко мнѣ донесеніе, что вы русскихъ крайне притѣснили и ослабили ихъ силы, теперь вамъ повелѣваю, чтобы сего дня непремѣнно жребій русскихъ вы рѣшили.... атакуйте мѣсто защиты русскихъ и раззорите ихъ въ прахъ моими храбрыми войсками и пушками. Вы пишете, что для того не нападали на русскихъ, что жалѣли тратить моего государственнаго войска, но я вамъ скажу, что кто желаетъ вѣрно служить своему государю и отечеству, тотъ долженъ не щадить своей души и крови. Для пользы нашего государства и цѣлаго свѣта, никогда такого полезнаго и удобнаго случая можетъ не будетъ какъ теперь....“ (1).

Неимѣя у себя достаточно людей для того, чтобы защищать отнятыя батареи, Карягинъ приказалъ тотъ часъ же раззорить ихъ и приготовился къ встрѣчѣ Аббасъ-Мирзы.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Аббасъ-Мирза, присоединившійся къ Пиръ-Кули-хану, атаковалъ конницею укрѣпленный лагерь Карягина, но отраженный велѣлъ производить съ окружныхъ батарей сильную канонаду, наносившую однакоже больше вреда лошадямъ и обозу, чѣмъ людямъ.

Впродолженіе цѣлаго дня Аббасъ-Мирза возобновлялъ приступы, но все напрасно; Русскіе гибли, но мужественно защищали окопъ. Въ четыре часа по полудни, находившійся въ мечети на важнѣйшемъ посту для опоры отряда,— посту, гдѣ только наши могли вредить непріятелю будучи

(1) Переводъ письма. Т. А. Шт. Отд. Кав. корп. дѣло № 261.

сами защищаемы отвсюду, —поручикъ Лисенко, съ 3-мя унтеръ-офицерами и 33-мя егерями передался непріятелю (1). Персіяне, узнавъ отъ дезертировъ о малочисленности отряда Карягина, сдѣлали новое отчаянное нападеніе, но и на этотъ разъ 15-ти тысячное ихъ войско отступило, съ значительнымъ урономъ, отъ горсти русскихъ защитниковъ укрѣпленія.

Въ ночь, послѣ сраженія, бѣжало еще 20-ть человѣкъ къ Персіянамъ. Совершенная безнадежность на помощь, истощеніе силъ отъ четырехъ-дневнаго безпрерывнаго боя,— при чемъ болѣе половины было раненыхъ и убитыхъ, — малое число оставшихся патроновъ и зарядовъ, уныніе отъ побѣговъ, — все грозило отряду неминуемою гибелью. Маіоръ Котляревскій, знаменитый впослѣдствіи герой Кавказа, предложилъ, чтобы въ туже ночь тайно или на проломъ пройти сквозь персидскія войска въ Шахъ-Булахъ. Предложеніе это было принято единодушно. Карягинъ собралъ тяжело раненыхъ, зарядилъ орудія картечью и отрядъ выступилъ въ походъ. Солдаты повезли на себѣ орудія; на оставшихся трехъ лошадяхъ ѣхали раненые: Карягинъ, Котляревскій и одинъ офицеръ; прочихъ раненыхъ несли на рукахъ (2).

Зарывъ въ землю захваченныя непріятельскія орудія и бросивъ на мѣстѣ обозъ „не сожигая его для того, чтобы тѣмъ занять жаднаго къ грабежу непріятеля на безопасность отступленія“, Карягинъ ночью на 28-е іюня отступилъ къ крѣпостцѣ Шахъ-Булаху. Непріятель бросился грабить обозъ и только малая часть его преслѣдовала отступающихъ.

По большой дорогѣ отъ Елисаветполя въ Шушу, при подошвѣ каменистаго пригорка, стоитъ и по сіе время замокъ, обнесенный кругомъ высокою каменною стѣною съ шестью круглыми башнями. Близъ замка находится ключь чистой, но не совсѣмъ здоровой воды; ключь этотъ называется Шахъ-Булахъ (шахскій родникъ), а отъ него и замокъ носитъ тоже названіе. Замокъ построенъ изъ нетесанныхъ камней и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находится дубовый лѣсъ. Преданіе говоритъ, что замокъ по-

(1) Донесеніе Карягина кн. Циціанову 27 іюня № 1. Т. А. К. Н.
(2) Изъ показаній Мелика Вани, бывшаго проводникомъ при отрядѣ.

строенъ Шахомъ Надиромъ, по завоеваніи имъ Карабага; въ послѣдствіи въ немъ жили карабагскіе ханы.

Крѣпостца Шахъ-Булахъ была занята 150-ю Персіянами, а прилегающій къ ней лѣсъ и сады многочисленными ихъ партіями, но, не смотря на сильный огонь непріятеля изъ лѣса и крѣпости, Карягинъ потребовалъ сдачи крѣпости. Персіяне отвергли это предложеніе и Русскіе рѣшились взять ее штурмомъ. Удачный выстрѣлъ ядромъ отворилъ ворота замка. Оробѣвшіе персіяне бросились со стѣнъ и 28-мъ персіянъ съ двумя ханами пали подъ штыками штурмовавшихъ (1).

Съ 24-го по 28-е іюня изъ 400 человѣкъ, составлявшихъ отрядъ, 90 человѣкъ было убито, 54-ре бѣжавшихъ и 167 раненыхъ. Карягинъ получилъ двѣ контузіи и рану въ спину, маіоръ Котляревскій двѣ раны пулею въ ногу и картечью въ руку.

Но и это отступленіе и взятіе шахъ-булахской крѣпостцы не измѣнило участи отряда Карягина, а только перемѣнило мѣсто, поприща его геройскихъ дѣйствій. Аббасъ-Мирза шелъ по его слѣдамъ и окруживъ укрѣпленіе намѣревался принудить къ сдачѣ голодомъ. „Отрядъ нашъ терпѣлъ величайшій недостатокъ въ продовольствіи, ибо, по взятіи замка, съѣстныхъ припасовъ было найдено весьма немного, и солдаты принуждены были питаться мясомъ лошадей, найденныхъ въ крѣпости. Бѣдственное положеніе гарнизона возбудило во мнѣ (2) рѣшимость идти въ селеніе Касанетъ, отстоящее отъ Шахъ-Булаха верстахъ въ 20-ти, гдѣ находился мой домъ и гдѣ я надѣялся найти хлѣба. Ночью, вышедши изъ Шахъ-Булаха, я благополучно прошелъ сквозь персидскія войска и достигъ своего жилища Въ селеніи жителей не было, кромѣ моего отца и брата. Сего послѣдняго я послалъ въ Елисаветполь дать знать князю Циціанову о положеніи нашего отряда, а самъ принялся съ отцемъ молоть пшеницу и къ ночи напекъ 40 большихъ хлѣбовъ, набралъ чесноку и другихъ овощей, и къ разсвѣту все это принесъ въ Шахъ-Булахъ. Карягинъ и Котляревскій раздѣлили этотъ скудный запасъ между

(1) Рапортъ Карягина кн. Циціанову отъ 28 іюня 1805 г. См. также Сѣвер. Пчелу 1845 № 99—101.

(2) Разсказъ Мелика Вани. Тифлис. вѣдомости. См. также подвиги Рус. воиновъ въ стр. Кавк. Зубова. Ч. III, 122. Кавказъ 1852 г. № 62.

солдатами, взявъ для себя порцію ровную съ ними. Удачный опытъ въ доставкѣ мною провіанта побудилъ начальника послать со мною въ слѣдующую ночь одного офицера и 50 человѣкъ солдатъ съ двумя лошадьми, дабы запастись большимъ количествомъ провіанта. Мы вышли изъ крѣпости ночью, прокрались мимо осаждающихъ, не бывъ ими примѣчены, и уже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лагеря персидскаго встрѣтили непріятельскій объѣздъ, который весь истребили, и къ разсвѣту благополучно достигли селенія Касанетъ, гдѣ отецъ мой Меликъ Арютинъ уже смололъ остальную муку, изъ которой напекли хлѣбовъ, накормили солдатъ, а остальное количество положивъ въ мѣшки отправились въ крѣпость Джирмунъ, въ которой скрывались ханскіе Армяне. Въ Джирмунѣ я купилъ у Армянъ, за 60 червонцевъ, 12-ть штукъ рогатаго скота и въ окрестныхъ селеніяхъ отыскалъ нѣсколько вина, фруктовъ, кислаго молока, овощей и два котла; все это навьючивъ на быковъ, прибылъ ночью съ отрядомъ въ крѣпость. Персіяне не прежде насъ примѣтили, какъ тогда, когда мы были уже у воротъ Шахъ-Булаха".

Продовольствія этого было весьма недостаточно, отрядъ терпѣлъ по прежнему значительную нужду и недостатокъ въ хлѣбѣ.

„Если ваше сіятельство, писалъ Карягинъ къ князю Циціанову, не поспѣшите на помощь, то отрядъ погибнетъ, не отъ сдачи, къ коей не приступлю, до послѣдней капли крови, но отъ крайности въ провіантѣ".

Осажденные четыре дня питались травою и лошадинымъ мясомъ.

Послѣ 13-ти дневной осады Аббасъ-Мирза прислалъ предложеніе Русскимъ вступить въ его службу, обѣщая имъ значительныя награды; предложеніе это было отвергнуто, а заключено перемиріе на четыре дня.

Въ это время, какъ бы для большаго къ себѣ расположенія, Аббасъ-Мирза прислалъ Карягину разной провизіи и дичи, застрѣленной его руками, а на третій день перемирія сообщилъ, что Ганжа (Елисаветполь) взята Персіянами и что Русскимъ не остается ничего другаго дѣлать, какъ сдаться. Карягинъ отвѣчалъ, что требованіе Шахъ-Зады будетъ завтра исполнено.

Прошелъ и слѣдующій день, а Карягинъ не сдавался; Аббасъ-Мирза со всею своею силою готовился атаковать отрядъ, изнеможенный голодомъ и отчаянными битвами. Ночью на 8-е іюля Русскіе рѣшились выдти изъ крѣпости. „Оставивъ 30-ть человѣкъ солдатъ, дабы дѣлать оклики и не подать причины думать Персіянамъ о нашемъ выступленіи, мы тихонько вывезли орудія и раненыхъ, и когда они нѣсколько отдалились, я снова приблизился къ замку и далъ знакъ остальнымъ солдатамъ выходить: они исполнили это и весьма скоро присоединились къ первому отряду“ (1).

„На пути намъ встрѣтилась канава, чрезъ которую невозможно было перевести орудій и не было лѣсу, изъ чего бы можно было сдѣлать мостъ. Четыре солдата добровольно согласились лечь въ канаву и чрезъ нихъ перевезли орудія,—двое изъ нихъ умерли, а двое остались живы“.

Къ счастію отступающихъ, безпечный непріятель замѣтилъ ихъ движеніе слишкомъ поздно и догналъ тогда, когда Карягинъ былъ уже въ виду Мухрата. Здѣсь Русскіе, по мѣстоположенію, были совершенно обезпечены отъ полчищъ Аббасъ-Мирзы и съ приходомъ въ эту крѣпостцу онъ уже болѣе не показывался; въ отрядѣ явилось изобиліе и остатки героевъ были спасены.

Дѣйствія отряда Карягина не были безплодны. Задержавъ Пиръ-Кули-хана и Аббасъ-Мирзу при Оскоранѣ и Шахъ-Булахѣ, онъ спасъ страну отъ дальнѣйшаго опустошенія варваровъ и отъ соединенія ихъ съ сосѣдними народами враждебными Россіи, чрезъ что защита края была бы еще затруднительнѣе. По особенному счастію Цицiанова, Карягинъ зедержалъ Аббасъ-мирзу и Пиръ-Кули-хана, до выступленія самого Баба-Хана въ Карабагъ съ 30-ти тысячною арміею и до тѣхъ поръ, пока самъ главнокомандующій успѣлъ собрать столько войска, что могъ двинуться противу Персіянъ.

Князь Цицiановъ хотя и получалъ донесенія Карягина о бѣдственномъ его положеніи, но недождавшись изъ Карталиніи и Тифлиса прихода 6-ти ротъ 9-го егерскаго и одного баталіона севастопольскаго полковъ, могъ ли онъ идти

(1) Разсказъ Мелика Вани. Геройскій его поступокъ обратилъ на себя вниманіе и Карягинъ выдалъ ему свидѣтельство, въ которомъ прописалъ всѣ его подвиги.

противу непріятеля съ двумя малосильными баталіонами? Рекруты, присланные ему на укомплектованіе войскъ, не только не владѣли еще оружіемъ, но даже были не одѣты. „Я бы, конечно, писалъ онъ Карягину, по первымъ извѣстіямъ о вашей опасности, полетѣлъ бы на выручку васъ, но недождавшись изъ Тифлиса, съ чѣмъ идти? вы знаете, а потому подвергнусь съ такимъ же, какъ вашъ отрядомъ, тому же жребію, какому и вы подвержены отъ торопливаго маіора Лисаневича, который въ угодность Ибраимъ-хана, требовалъ помощи. Ожидаемые же войска изъ Тифлиса опять бы подверглись равной участи и тѣмъ раздѣльно всѣ бы пострадали“ (1).

Главнокомандующій нѣсколько разъ писалъ о присылкѣ къ нему войскъ форсированнымъ маршемъ (2), „но едва въ субботу будутъ, писалъ онъ Карягину (3), а въ воскресенье не смотря, что у меня сильная лихорадка, выступлю, чтобы давно сдѣлалъ, ежелибъ ранѣе прибыли оные“.

Въ іюлѣ самъ князь Циціановъ изъ Елисаветполя двинулся противъ 40 т. арміи Баба-Хана. Отрядъ его состоялъ изъ гренадерскаго баталіона тифлисскаго мушкетерскаго полка; двухъ баталіоновъ севастопольскаго полка; 6-ти ротъ 9-го егерскаго полка; 10-ти орудій артиллеріи и 109-ти человѣкъ казаковъ. Всего въ отрядѣ было 2,371 человѣкъ (4). Отрядъ двигался медленно, по причинѣ нестерпимыхъ жаровъ.

Не смотря на то, что во время переходовъ приказано было снимать галстухи, тесаки и пантронташи подпоясывать по рубашкѣ, всякій день занемогало по 5-ти и 6-ти человѣкъ единственно отъ жаровъ (5).

Въ четверо сутокъ отрядъ прошелъ не болѣе 62-хъ верстъ, до рѣки Тертеры, гдѣ на противоположномъ берегу показался непріятель. Казаки ударили на толпы Персіянъ, прогнали ихъ и тѣмъ обезпечили отряду переправу чрезъ рѣку. По утру 16-го числа, въ лагерь при разоренномъ селеніи Мардагити, явился къ Циціанову полковникъ Корягинъ съ

(1) Циціановъ Карягину 1 іюля 1805 г.
(2) Предписаніе Г. М. Портнягину 25 и 27 іюня Т. А. Ш. О. К. К. дѣло № 329.
(3) Отношеніе кн. Циціанова Карягину 6 іюля 1805 г.
(4) Донесеніе Г. И. отъ 11 іюля. Книга донес. за августъ 1805 г. Моск. Ар. Инспек. Деп.
(5) Дневная зап. похода Т. А. Шт. Отд. Кав. Корп.

остаткомъ своего отряда, и того же дня вечеромъ, отправленъ былъ въ Елисаветполь.

Сообщая о семъ Лисаневичу главнокомандующій просилъ неговорить о томъ карабагскому хану „окруженному измѣнниками, которые не преминули бы перенесть то непріятелю и помѣшать ему въ дорогѣ". Отправивъ Корягина, самъ князь Циціановъ думалъ 18-го числа подвинуться къ Оскарани. Для этого движенія необходимо было, чтобы Ибраимъ ханъ заготовилъ достаточное количество провіанту, такъ какъ доставлять его изъ Елисаветполя не было ни какой возможности. Не говоря о затрудненіяхъ происходящихъ отъ характера самой мѣстности, затрудненіе увеличивалось еще потому, что позади отряда прошла непріятельская партія, числомъ до 3 т. человѣкъ, и, переночевавъ на Тертерѣ, двинулась къ Елисаветполю, для раззоренія окружныхъ селеній и перехваченія провіанта. Все это заставляло главнокомандующаго требовать отъ карабагскаго хана заготовить хотя половину обѣщаннаго провіанта и скота для мясныхъ порцій (1). Провіантъ не заготовлялся, а въ замѣнъ его карабагскій ханъ сообщалъ разныя свѣдѣнія ходившія по базару, относительно дѣйствій и движенія Персіанъ. Въ послѣднее время, изъ лагеря Баба-Хана было послано въ Карабагъ множество лицъ, съ цѣлію распускать разныя ложныя слухи относительно русскихъ войскъ и намѣреній главнокомандующаго. Шатаясь по базарамъ, они разсказывали жителямъ о многочисленности персидскихъ войскъ, о мнимыхъ ихъ движеніяхъ, дѣйствіяхъ и успѣхахъ; говорили о томъ, что князь Циціановъ идетъ не напомощь хану, а съ цѣлію забрать всѣхъ жителей и переселить ихъ другіе мѣста.

Извѣстіямъ о дѣйствіи и движеніяхъ Персіянъ вѣрилъ сначала и Лисаневичъ и, считая ихъ достовѣрными, торопился сообщить о томъ князю Циціанову.

„Получа рапортъ вашъ, писалъ главнокомандующій въ одномъ изъ предписаній Лисаневичу (2), незнаю какъ счесть въ русской ли вы службѣ или въ Ибраимъ-хановой, ибо вы мнѣ сообщаете вѣдомости базарные въ угодность его мерзкаго высокостепенства, а о дѣлѣ не рапортуете...."

---

(1) Предпис. маіору Лисаневичу отъ 17-го іюля № 502.
(2) Отъ 18-го іюля № 508. Т. А. К. Н.

„Письмо вашего высокостепенства, писалъ онъ въ тоже время хану карабагскому (1), съ приложеннымъ къ вамъ таковымъ же отъ Абдулъ-Фетъ-Аги, я вчера получилъ и вамъ его возвращая, вопрошаю: зачѣмъ вы его ко мнѣ прислали? ибо отъ этого мерзавца и измѣнника мнѣ переписки не нужны. Оно имъ прислано и не для васъ, а для того, что онъ знаетъ, что всякія письма вами полученныя будутъ на базарѣ публикованы и тѣмъ возмутятъ невѣрныхъ вашихъ поданныхъ. И для того въ послѣдній разъ требую отъ васъ, чтобы всякое письмо, съ непріятельской стороны вами полученное, не распечатывая отдавали бы, для доставленія ко мнѣ, маіору Лисаневичу, а посланнаго, не давая ему по базару ходить, тотчасъ же ему подъ стражу отдавали. Мудрено ли то, что непріятель разсѣеваетъ въ пользу свою непріятныя для насъ слухи, которыхъ вѣрность прилична только легковѣрнымъ Азіятцамъ.... При первомъ началѣ вашего подданства вы твердили во всякомъ письмѣ, чтобы я требовалъ вашихъ услугъ, а провіантъ отказываете. Неужели вы думаете, что услуги состоятъ въ извѣстіяхъ, пустыхъ, лживыхъ и вздорныхъ, такъ какъ третьяго дня вы прислали, что Шахъ-Зада соединился съ Баба-Ханомъ, а теперь, что Шахъ-Зада пошелъ въ Елисаветполь. Я бы могъ имѣть извѣстія вѣрныя отъ Армянина или Татарина за 600 руб. въ годъ; а вамъ бы слѣдовало, если вы не желаете и Россіи и Баба-Хану служить вмѣстѣ, получа извѣстіе отъ мерзскаго вашего сына, послать одного тотчасъ въ самый Баба-Хановъ лагерь, узнать Шахъ-Зада съ нимъ ли, а другаго въ Елисаветполь, вѣрно ли то, что онъ туда прошелъ; тогда бы вы показали прямое усердіе къ Россіи“.

Главнокомандующій съ двумя тысячами пѣхоты и кавалеріи, смѣло шелъ остановить сорока-тысячную армію Баба-Хана. Молва о приближеніи князя Циціанова такъ устрашила владѣтеля Персіи, что онъ не допустивъ его къ себѣ за 15 часовъ, поспѣшно отступилъ за Араксъ. Іюля 20-го отрядъ остановился лагеремъ въ Оскоранѣ, на мѣстѣ гдѣ предъ тѣмъ стоялъ Аббасъ-Мирза, но непріятеля ни гдѣ уже не было видно. Іюля 24-го, Циціановъ слѣдовалъ далѣе къ Араксу, но здѣсь получивъ извѣстіе, что Баба-Ханъ, ушелъ въ Мѣшканъ, въ 24-хъ миляхъ отъ Аракса отстоящій, и

(1) Письмо отъ 20 іюля № 509. Ibid.

потому возвратился въ Оскорани и оттуда поѣхалъ осматривать шушинскую крѣпостъ. Осмотрѣвъ крѣпость, князь Цицiановъ нашелъ ее съ одной стороны, обнесенною по азiятскому обычаю большою каменною стѣною съ башнями, а съ другой отвѣсными скалами въ 15 саж. высотою. Здѣсь же онъ получилъ свѣдѣнiе, что, двоюродный братъ Ибраимъ хана, Мирза-Али-Бекъ и зять его Фасимъ-Бекъ, приглашали Аббасъ-Мирзу въ шушинскую крѣпость, обѣщая отворить ему ворота. Взявъ сыновей этихъ лицъ въ аманаты, князь Цицiановъ обѣщалъ, въ случаѣ какихъ либо волненiй, вывести весь гарнизонъ и предоставить собственной своей защите шушинскую крѣпость.

Между тѣмъ, какъ Персiяне бѣжали предъ Цицiановымъ, а Карягинъ шелъ по направленiю къ прежней Ганжѣ, Аббасъ-Мирза съ 25-тысячною армiею обложилъ, 17-го iюля, крѣпость Елисаветпольскую, отвелъ отъ нея воду и бомбардированiемъ города сталъ тревожить осажденныхъ. Взбунтовавшiеся Шашмадыльцы, предварительно выкравшiе изъ Тифлиса своихъ аманатовъ, присоединились тутъ къ Персiянамъ. Главнокомандующiй послалъ имъ обвѣщенiе, въ которомъ просилъ опомниться и возвратившись въ свои дома взяться за хозяйство. „Если же не хотите, то кто не хочетъ пускай переселится къ Персiянамъ за Араксъ, а по сiю сторону Аракса мѣста не будетъ и я не дамъ жить (1)“.

Шамшадыльскiй Моуравъ кн. Луарсабъ Орбелiановъ просилъ баталiонъ пѣхоты для усмиренiя взбунтовавшихся.

„Требуете баталiона, по грузинскимъ обычаямъ, писалъ на это князь Цицiановъ, какъ будто баталiоновъ много для тѣхъ, кои порятъ то, что я шью (2)“.

Аббасъ-Мирза и царевичь Александръ три раза писали къ Казахцамъ, хвастая побѣдами надъ Карягинымъ, уничтоженiемъ Цицiанова и взятiемъ Елисаветполя; говорили, что идутъ въ Тифлисъ и требовали, чтобы Казахцы къ нимъ присоединились. Но этотъ всегда непостоянный, измѣнчивый народъ, остался на этотъ разъ вѣрнымъ своему долгу и представивъ генералу Портнягину письма и фирманы Аббасъ-Мирзы, заперся въ Синайскiй монастырь и просилъ помощи Русскихъ.

(1) Обвѣщенiе отъ 19-го августа 1805 г. Т. А. К. Н.

(2) Предписанiе отъ 1-го iюля Т. А. К. Н.

Маіоръ Кочневъ, комендантъ Елисаветпольской крѣпости, видя, что Персіяне пришли единственно для захвата жителей въ плѣнъ, сдѣлалъ вылазку и, выгнавъ непріятеля изъ предмѣстій, отбилъ у него нѣсколько десятковъ семей; остальныя увлечены были отступившими хищниками, но большею частію впослѣдствіи отъ нихъ бѣжали.

Іюля 22-го дня, полковникъ Карягинъ привелъ свой отрядъ въ Елисаветполь, и хотя храбрый ветеранъ изнемогалъ отъ претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, раны, полученной подъ Шахъ-Булахомъ и ушиба лошадью въ ногу, такъ что она у него была нѣсколько дней совершенно безъ движенія, но узнавъ, что Пиръ-Кули-ханъ въ соединеніи съ Аббасъ-Мирзою и грузинскими царевичами Александромъ и Теймуразомъ, находятся у Шамхорскаго минарета, съ цѣлію идти на Тифлисъ, забывъ свои страданія, и съ отрядомъ изъ 570-ти человѣкъ поспѣшилъ къ Шамхору для воспрепятствованія ихъ намѣренію. Тѣмъ временемъ слѣдовалъ изъ Тифлиса въ Елисаветполь провіантскій транспортъ съ 1,100 четвертями муки подъ прикрытіемъ двухъ орудій и 300 человѣкъ пѣхоты. Не доходя 5-ти верстъ до рѣчки Загамы и 47-ми верстъ до Елисаветполя, транспортъ былъ атакованъ (23-го іюля) тридцати-тысячною арміею Аббасъ-Мирзы. Командовавшій прикрытіемъ транспорта былъ убитъ, заступившій его мѣсто прапорщикъ Платковскій послалъ въ Елисаветполь двухъ драгунъ, съ извѣщеніемъ о своемъ положеніи. Непріятель на полъ-ружейнаго выстрѣла отъ фаса вагенбурга устроилъ батареи и громилъ осажденныхъ; прикрытіе транспорта четверо сутокъ защищалось съ отчаяніемъ, умирало отъ жажды, почти не имѣло уже патроновъ, но на предложеніе Персіянъ сдаться,—отвѣчало, что будетъ защищаться до послѣдней капли крови (1).

Не получая отвѣта и помощи, а поэтому предполагая, что драгуны попались въ плѣнъ, Платковскій, не найдя никого кто бы отважился пробраться чрезъ непріятеля въ Елисаветполь, рѣшился отправиться лично и былъ захваченъ непріятелемъ. Драгуны между тѣмъ достигли крѣпости. Карягинъ, получивъ увѣдомленіе Платковскаго, 25-го іюля выступилъ изъ Шамхора на выручку транспорта и

(1) Дневная записка похода ин. Цицианова и рапор. полковника Карягина отъ 1 августа 1805 г. Т. А. К. Н.

ночью 27-го былъ встрѣченъ у рѣки Загамы непріятелемъ, препятствовавшимъ его переправѣ, „но сильно отраженнымъ и преслѣдованнымъ болѣе трехъ верстъ“.

Съ разсвѣтомъ, по приближеніи отряда къ транспорту, Персіяне вторично ударили на Карягина, но онъ отбросилъ ихъ до укрѣпленій, облегавшихъ русскій вагенбургъ; штыками вытѣснилъ непріятеля изъ окоповъ и стремительно погналъ всѣ силы Аббасъ-Мирзы. Тридцати-тысячная армія персидская отступила, оставивъ намъ въ добычу лагерь, разнаго рода экипажи, множество хлѣба и награбленныхъ вещей.

Въ числѣ раненыхъ былъ грузинскій царевичъ Теймуразъ (1). Персіяне направили бѣгство къ Эривани, чрезъ делижанское ущелье, но Казахцы засѣли въ его излучинахъ и сильнымъ огнемъ поражали бѣгущихъ (2). Карягинъ съ спасеннымъ имъ транспортомъ, 30-го іюля, возвратился въ Елисаветполь, а 3-го августа явился туда и князь Циціановъ. 6-го августа главнокомандующій выступилъ съ своимъ отрядомъ изъ Елисаветполя и остановился на Шамхорѣ съ тѣмъ, что если извѣстіе объ уходѣ Шахъ-Зады не вѣрно, то, узнавъ о мѣстѣ его пребыванія, идти его преслѣдовать и выгнать изъ елисаветпольскаго округа (3).

Такъ окончилась персидская кампанія 1805 года, ознаменованная примѣрами рѣдкаго мужества и геройскаго самоотверженія.

---

(1) Рапортъ полковника Карягина 1 августа 1805 г. Констант., ч. II, 535.
(2) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 7 августа 1805 г. Т. А. К. Н.
(3) Увѣдомленіе кн. Циціанова Г. М. Портнягину 6 августа 1805 г.

ГЛАВА XXIII.

Дѣйствіе каспійской флотиліи у Гиляни. — Предположеніе и цѣль ея дѣйствій. — Появленіе флотиліи у Зинзилинскихъ береговъ.—Неудачныя дѣйствія ея у Ряшты и Баку.—Возвращеніе ея къ берегамъ ост. Сары для переселенія Джангиръ-хана шагагскаго въ Грузію.—Движеніе Насѣтаева для переселенія въ Грузію хана хойскаго со всѣмъ его народомъ.

Въ одно время съ дѣйствіями русскихъ войскъ на сушѣ, каспійская флотилія и десантныя войска дѣйствовали у Гилляни.

Флотилія, явившаяся въ Зинзили (Энзели) слишкомъ поздно не только не отвлекла силъ Баба-Хана отъ Аракса, но своими дѣйствіями далеко не оправдала предположеній князя Циціанова.

Предположенія главнокомандующаго о цѣли и дѣйствіи каспійской флотиліи заключались въ слѣдующемъ: 1) отвлечь вниманіе Баба-Хана и, остановивъ его наступательные замыслы, заставить выдать намъ царевичей Александра и Теймураза съ плѣмянникомъ ихъ Леваномъ (1) и захваченныхъ имъ въ плѣнъ грузинскихъ князей; заплатить за убытки эриванской компаніи милліонъ руб. и возвратить 12-ть орудій, захваченныхъ Агою Магомедъ-ханомъ при вторженіи его въ Тифлисъ. 2) взять городъ Баку и занять его гарнизономъ.

Для выполненія сего плана главнокомандующій назначилъ генералъ-маіора Завалишина, а для десанта опредѣлилъ 12-ть военныхъ судовъ, вооруженныхъ ста-двадцатью-восемью орудіями. Для перевозки провіанта велѣлъ нанять 11-ть купеческихъ судовъ и взять на суда въ Сладкоеричной пристани 1,345 человѣкъ войска при 4-хъ орудіяхъ. Десантныя войска должны были сѣсть на суда съ обозомъ

(1) Предписаніе Завалишину отъ 17 іюня № 422. Т. А. К. Н.

безъ лошадей и только на каждое артиллерійское орудіе главнокомандующій разрѣшилъ взять по двѣ лошади (1).

Генералу Завалишину предписывалось прибыть къ зензелинскимъ берегамъ при Пери-Базарѣ, завладѣть онымъ, достать лошадей или воловъ подъ тяжести и пушки; взять съ жителей контрибуцію и защитить ихъ отъ грабежа войскъ. Отъ Пери-Базара послать въ Ряштъ, находившійся въ 8-ми верстахъ отъ Пери-Базара, требованіе о сдачѣ города, о заплатѣ контрибуціи и доставкѣ лошадей подъ орудія.

Занятіе городовъ Ряшты и Баку предполагалось сдѣлать для двухъ различныхъ цѣлей. Ряшта занималась только для устрашенія Баба-Хана, тогда какъ Баку должна была поступить во всегдашнее подданство Россіи для сдѣланія изъ нея портоваго города, „могущаго служить убѣжищемъ нашимъ купцамъ, доколѣ устроится при устьѣ рѣки Куры, на удобнѣйшемъ мѣстѣ, укрѣпленіе для покровительства торговли“.

По занятіи Ряшты силою, или добровольною сдачею, Завалишинъ долженъ былъ послать, съ почтеннѣйшимъ гражданиномъ Ряшты, письмо главнокомандующаго Грузіею къ персидскому владѣтелю Баба-Хану, слѣдующаго содержанія (2):

„Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій мой Государь Государей, небесамъ равный и солнцу подобный, Императоръ Всероссійскій, Высочайше ввѣривъ верховному моему начальству край сей, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, и отъ рѣки Волги до рѣкъ Куры и Аракса, повелѣлъ возстановить древнюю Иверію (Грузію) въ прежнее ея цвѣтущее состояніе, покровительствуя покорнымъ и карая мечемъ и пламенемъ дерзавшихъ возстать противу непобѣдимаго и высокославнаго оружія. Вашему же высокостепенству не безъизвѣстно, что гурджистантское валиство (грузинское намѣстничество) простиралось отъ Дербента, что на Каспійскомъ морѣ, до Абхазетіи, что на Черномъ морѣ, и поперегъ отъ Кавказскихъ горъ, до рѣкъ Куры и Аракса. А потому, послѣдуя сей священной волѣ богоподобнаго

(1) Планъ операціи для каспійской флотиліи и десантныхъ войскъ на лѣтнюю и осеннюю компанію 1805 г. Арх. Глав. Шт. въ С.-Петерб.

(2) Письмо кн. Цицianова Баба-Хану 29 марта 1805 г. Т. А. К. Н.

моего Государя Императора, яко послѣдній изъ послѣднихъ его генераловъ, обращаю мечъ мой въ славу имени его. Прошлаго года призванъ будучи, наиковарнѣйшимъ изъ смертныхъ, Магомадъ-ханомъ эриванскимъ на помощь, когда сынъ вашъ показался на Араксѣ, показалъ сыну вашему силу непобѣдимыхъ войскъ и прогналъ его, какъ зайца съ 30-ю тыс. войскъ, взялъ его лагерь, его кровать, его экипажъ и обложилъ городъ Эривань, потому что коварный Магомадъ-ханъ вамъ преданъ. Вашему высокостепенству показалъ силу онаго же, непобѣдимаго, россійскаго войска, вѣдая по печатямъ, взятымъ россійскими воинами отъ убитыхъ, сколько вы изволили потерять хановъ и чиновниковъ на ономъ сраженіи, не считая простыхъ воиновъ. Ваше высокостепенство вѣдаетъ, сколько въ тотъ день съ вами войска было, а я вамъ клянусь Богъ живымъ, въ котораго я вѣрую, что въ тотъ день у меня и 2,000 человѣкъ подъ ружьемъ не было. Каре генералъ-маіора Портнягина, ходившее тревожить лагерь вашего сына, показало еще болѣе превосходство россійскаго непобѣдимаго войска, состоя изъ 600 человѣкъ пѣхоты и окруженной 30-ю тыс. вашего войска, въ вашемъ присутствіи, возвратился ко мнѣ съ двумя убитыми и 16-ю ранеными. Но здѣсь не мѣсто распространяться; вы силу войскъ, мною командуемыхъ, узнали, видѣли и мое небольшое въ военномъ искуствѣ знаніе и распоряженіе, коему не послѣдуя князья и дворяне грузинскіе и прочіе Армяне попали къ вамъ въ плѣнъ. Итакъ, не получая оныхъ по требованію моему назадъ, послалъ я морскую силу къ берегамъ персидскимъ и приказалъ—посреди вашихъ владѣній распространять бѣдствія доколѣ ваше высокостепенство не выполните слѣдующихъ моихъ требованій: 1) Выдать всѣхъ россійскихъ людей попавшихся къ вамъ въ плѣнъ или безъ оружія при фуражированіи, или съ оружіемъ, но ранами ослабѣвшихъ. 2) Выдать всѣхъ грузинскихъ князей, дворянъ и мѣщанъ, какъ выше сказалъ, отъ глупости своей не взявъ россійскаго прикрытія, попавшихся къ вамъ въ плѣнъ по несчастію ихъ. 3) Выдать всѣ пушки взятыя Ага-Магмедъ-ханомъ у царя Ираклія при раззореніи Тифлиса. 4) За убытки понесенные въ прошлую кампанію въ коей ваше высокостепенство были начиньщикомъ, заплатить одинъ милліонъ руб. считая

оное число россійскою монетою. Тогда персидскіе берега останутся въ спокойствіи и тишинѣ, а ваше высокостепенство, не касаясь до владѣній по сю сторону рѣкъ Аракса и Куры лежащихъ, останетесь въ покоѣ и Тегеранъ не будетъ обращенъ въ пепелъ. Если же захотите сверхъ сего, своего счастія и вящшаго благоденствія, то будетѣ искать во мнѣ покровительства моего у престола великаго всесильнаго Всемилостивѣйшаго моего Государя, Государей Императора, который какъ солнце согрѣваетъ всѣхъ кто отъ него нескрывается; а войска его, *какъ буйный вихрь выворачивающій стольтніе дубы, не хотьвшіе преклониться предъ нимъ, оставляютъ безвредно камышъ нагибающійся до лица земли при его приходѣ.* Таковъ мой Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, таковы его и войска, моему начальству ввѣренныя, съ коими не останавливаясь пройду и въ Индію, буде единое слово изрѣщи соизволитъ. Вотъ мои требованія и вотъ совѣты добраго сосѣда, каковымъ я вамъ быть хочу; впрочемъ, воля ваша".

Въ случаѣ если на предложенія изложенныя въ этомъ письмѣ послѣдуетъ отказъ Баба-Хана, то Завалишину приказано было склонить Ряштъ отложиться отъ него: поставить намѣстника, обложить данью, взять въ аманаты сына новопоставленнаго намѣстника и оставить одно судно для покровительства нашей торговли. Если же успѣхъ увѣнчаетъ предпріятіе, и Баба-Ханъ, исполнитъ требованія, то условится о всегдашнемъ пребываніи въ Ряштѣ русскаго консула съ командою, и военнаго судна у береговъ, для покровительства торговлѣ. Оттуда флотиліи идти подъ Баку, блокировать крѣпости и требовать безусловной сдачи, въ наказаніе бакинскаго Гуссейнъ-хана за отрѣченіе его отъ подданства Россіи, котораго самъ онъ искалъ (1). По взятіи города силою или по сдачѣ, занять крѣпкія мѣста десантнымъ войскомъ, а флотиліи возвратиться въ Астрахань, за исключеніемъ одного судна, долженствующаго остаться въ бакинской бухтѣ.

Десантныя войска 9-го іюня сѣли на военныя и купеческія суда въ Сладкоеричной пристани. По невозможности помѣстить на суда обозъ, были взяты только патронные и палаточный ящики; провіантскіе же фуры и лазаретныя кареты оставлены въ Кизлярѣ (1).

(1) См. стр. 112.

(2) Изъ донасенія Завалишина кн. Циціанову.

23-го іюля флотилія явилась въ виду Зинзилинскаго порта.

Зинзили или Энзели расположены на южномъ берегу Каспійскаго моря, ближе къ западному углу и на совершенно низменной мѣстности. Около самого города протекаетъ рѣка Пери-Базаръ довольно глубокая для того, чтобы пароходы могли останавливаться у самаго берега.

Энзели приморскій портъ Решта, главнаго города Гилянской провинціи. Черезъ Энзели пролегаетъ прямой путь отъ береговъ Каспійскаго моря къ Тегерану.

Гилянская провинція отличается „необыкновенною трусливостію своихъ жителей, такъ что оттуда не берутъ во всѣ рекрутъ, для храброй персидской арміи (¹)“.

Персіяне были предъувѣдомлены объ угрожавшей имъ, съ этой стороны, опасности и русскіе нашли берегъ покрытымъ вооруженнымъ народомъ и батареями устроенными въ узкомъ проливѣ, при входѣ въ гавань.

Не смотря на то командиръ эскадры капитанъ-лейтенантъ Веселаго, отрядилъ три галіота для овладѣнія портомъ. Первый изъ нихъ, подъ начальствомъ лейтенанта Пѣвцова, прошелъ узкій проливъ подъ огнемъ непріятеля, другой подъ начальствомъ лейтенанта Чиляева неожиданно перемѣнившимся вѣтромъ и теченіемъ, прижатъ былъ къ отмѣли въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, противъ непріятельскихъ батарей; третій же галіотъ, бывши позади втораго, увидѣвъ его неудачу, возвратился къ эскадрѣ.

При входѣ лейтенанта Пѣвцова въ портъ, устрашенные Персіяне, безъ сопротивленія бросивъ батареи, устроенныя по сторонамъ пролива, бѣжали на мелкихъ судахъ (киржимахъ), оставя ему въ добычу двухъ-мачтовый шкоутъ, два палубные судна и восемь фалконетовъ (²).

Узнавъ объ оставленіи Зинзилей Персіянами, начальникъ десанта отправилъ подполковника Асѣева съ ротою на берегъ, которая и заняла селеніе Зинзили. Въ слѣдъ за тѣмъ и весь десантъ высаженъ былъ на берегъ. Жители бѣжали въ горы, оставя свои жилища и скотъ во власти Русскихъ. Командующій экспедиціею генералъ-маіоръ Завалишинъ вытребовалъ отъ правителя Гилянской области, Мирзы-Мусы-

(¹) Рус. Вѣстн. 1866 г. Августъ, стр. 467.

(²) Изъ рапорта капит.-лейтен. Веселаго кн. Циціанову 12-го авг. 1805 г.

хана, надежнаго чиновника и съ нимъ отослалъ къ Баба-Хану письмо князя Циціанова.

Іюля 1-го дня, 450 егерей подъ командою подполковника Асѣева, войдя въ устье рѣки Пери-Базаръ, на лодкахъ, и миновавъ камыши, высадились на берегъ и подкрѣпляемые 4-мя вооруженными гребными судами, въ продолженіи трехъ часовъ мужественно выбивали штыками засѣвшаго непріятеля за укрѣпленіями и засѣками, на пространствѣ 3-хъ верстъ, до города Пери-Базара которымъ и овладѣли. Здѣсь генералъ-маіоръ Завалишинъ узналъ, что непріятель собирается у Ряшты, и что дорога, идущая отъ Пери-Базара къ Ряштѣ, была укрѣплена засѣками и испорчена поперечными рвами съ уничтоженіемъ мостовъ. По свѣдѣніямъ, Персіяне собирались у Ряшты съ цѣлію одновременнаго нападенія на Пери-Базаръ и Зинзили, чтобы атаковать Завалишина и въ то же время отрѣзать его отрядъ отъ судовъ. Многочисленность непріятеля, густота лѣса и знакомство туземцевъ со всѣми его проходами представляли полную возможность Персіянамъ выполнить свои предположенія.

Не смотря однако же на то, на военномъ совѣтѣ, собранномъ генералъ-маіоромъ Завалишинымъ, положено было атаковать персидскія войска, собранныя у Ряшты въ числѣ 7 т. человѣкъ, и если будетъ возможно, то дойти до самой Ряшты, оставивъ въ Пери-Базарѣ, для прикрытія себя, 150 человѣкъ въ построенномъ для сего редутѣ. Прогнавши непріятеля совѣтъ полагалъ въ тотъ же день возвратиться въ Пери-Базаръ, а оттуда въ Зинзили, гдѣ, укрѣпившись, дѣлать поиски на непріятеля и ожидать отвѣта Баба-Хана на письмо къ нему князя Циціанова.

Устроивъ въ Пери-Базарѣ не большой редутъ, вооруживъ его снятыми съ судовъ морскими пушками, и оставя въ немъ гарнизонъ, Завалишинъ, 5-го іюля, съ отрядомъ изъ 800 человѣкъ при 3-хъ орудіяхъ, двумя каре, двинулся къ Ряшту.— 7 т. Персіянъ засѣло на этой дорогѣ, узкой, не проходимой, за огородами, засѣками и на деревьяхъ. Русскіе пошли неустрашимо; градъ пулъ непріятельскихъ осыпалъ ихъ безпрестанно; лошади подъ орудіями были убиты, солдаты потащили пушки на себѣ по кочкамъ и рвамъ; но вскорѣ ось подъ однимъ изъ орудій сломалась. Сопротивленіе Персіянъ дѣлалось съ каждымъ шагомъ упорнѣе, отрядъ до-

шелъ до широкой канавы, на которой каменный мостъ былъ разрушенъ. Люди изнемогли, патроны были разстрѣлены, а съ восьми часовъ утра до третьяго по полудни отрядъ прошелъ только семъ верстъ; до Ряшты же оставалось еще такое же разстояніе.

Идти далѣе не было возможности. Завалишинъ далъ отряду съ полъ часа отдыху велѣлъ отступать, а непріятель, ободренный шагомъ назадъ, слишкомъ стремительно ударилъ на русскихъ. Картечь остановила его стремленіе, и три раза разсѣевала его толпы. Отрядъ возвратился въ Пери-Базаръ, но какъ этотъ пунктъ не представлялъ никакихъ выгодъ, то на другой день лагерь перенесенъ былъ въ Зинзили и тутъ положено было ожидать отвѣта Баба-Хана. Вскорѣ генералъ-маіоръ Завалишинъ получилъ извѣстіе, что Баба-Ханъ отдѣливъ отъ себя 6 т. войскъ въ Гилянъ, самъ отъ Карабага намѣренъ былъ отступить къ Тегерану. Извѣстно было и то, что отряженныя въ Гилянъ войска шли поспѣшно, и 8-го іюня были уже въ Ряштѣ. Съ 14-го числа начались несносные жары; въ отрядѣ оказались болѣзни и по 18-е іюня заболѣвшихъ было 300 человѣкъ, а къ 21-му числу болѣе 500 человѣкъ. Оставаться долѣе на берегу, значило подвергнуть весь отрядъ уничтоженію, и потому начальникъ экспедиціи перевелъ его на суда. Отвѣта отъ Баба-Хана все еще не было, люди истощались въ безпрерывныхъ и безполезныхъ стычкахъ съ непріятелемъ, а между тѣмъ не предвидѣлось возможности заставить Баба-Хана выполнить хоть одно изъ требованій кн. Циціанова. Эскадра 26-го іюля снялась съ якоря отъ Зинзилинскихъ береговъ, направя путь прежде къ Ленкорани, а потомъ къ Баку; она прибыла на Бакинскій рейдъ 12-го августа (1). „Бака также меня занимаетъ, писалъ князь Циціановъ (2), и весьма нужно, чтобы она наша была безъ хана, *ибо эти твари вѣроломные вообще*“.

Еще за три недѣли до прибытія эскадры на рейдъ, бакинцы вывезли въ горы имущество и семейства; начали вооружать крѣпость, ставить пушки, готовить заряды и запасатся всѣмъ для отчаянной защиты. Оставшись въ стѣнахъ опустѣвшаго города, бакинскій ханъ приготовлялся къ оборонѣ, съ твердою рѣшимостью не прежде оставить го-

(1) Рап. Завалишина кн. Циціанову 7-го августа 1805 г. Т. А. К. Н.

(2) Предпис. Завалишину 5-го августа 1805 г. № 526. Ibid.

родъ, какъ тогда, когда невозможно будетъ болѣе въ немъ защищаться. Гуссейнъ-ханъ рѣшился въ такомъ случаѣ бѣжать въ горы. Заваливъ всѣ городскія ворота каменьями, онъ оставилъ свободными только тѣ, въ которыя предполагалъ скрыться въ случаѣ опасности. На другой день по занятіи русскими порта, Гуссейнъ-Кули-ханъ бакинскій послалъ своего чиновника къ начальнику экспедиціи спросить о причинѣ прихода эскадры. Завалишинъ отвѣчалъ, что пришелъ по Высочайшему повелѣнію взять крѣпость, въ наказаніе за отступничество хана отъ договора, заключеннаго Ала-Верды-Бекомъ съ главнокомандующимъ, и въ тоже время послалъ офицера къ хану съ письмомъ, въ которомъ требовалъ, чтобы онъ немедленно сдалъ городъ и крѣпость, а оружіе выслалъ на суда. На другой день прибыли на эскадру два чиновника ханскіе, объявившіе, что ихъ повелитель и народъ бакинскій признаютъ себя вѣрноподданными Государя и готовы сдать городъ, но просятъ прежде защитить ихъ стада, находящіяся на границахъ кубинскаго и ширванскаго ханствъ, которыя будутъ захвачены, какъ только сосѣди узнаютъ о сдачѣ ими крѣпости. Изъ этого ясно видна была хитрость Гуссейна выиграть только время, а потому для рѣшительнаго отвѣта ему данъ срокъ по 15-е августа (1).

Въ тотъ день когда срокъ кончился, ханъ письмомъ просилъ отсрочки еще на два мѣсяца, обѣщая послѣ того сдать крѣпость безъ-прекословно. Завалишинъ отказалъ въ просьбѣ хана и требовалъ сдачи города до захожденія солнца, а иначе обѣщалъ приступить къ его бомбомбардированію. Солнце погрузилось въ морскія волны, и вмѣсто отвѣта, блокирующіе видѣли приготовленіе бакинцевъ къ оборонѣ. Въ половинѣ 7-го часа, 15-го августа, началась канонада по крѣпости и бомбардированіе; непріятель отвѣчалъ тѣмъ же. На слѣдующіе дни, бомбардированіе продолжалось, но вскорѣ двѣ только бывшіе на эскадрѣ мортиры—разорвало (2). Августа 22-го Завалишинъ и Асѣевъ двумя отрядами сдѣлали высадку на берегъ, вогнали непріятеля въ крѣпость, захватили у него два орудія, три знамя и заняли прибрежныя высоты, необходимыя для снабженія

(1) Рап. Завалишина кн. Циціанову 22 авгус. 1805 г.
(2) Ibid.

эскадры водою (1). Генералъ-маіоръ Завалишинъ, убѣдившись въ томъ, что не въ состояніи дѣйствіями съ моря заставить крѣпость сдаться, рѣшился блокировать ее, и для того 29 августа двумя отрядами пошелъ по окружающимъ Баку горамъ. За неимѣніемъ лошадей артиллерію везли на людяхъ, для чего и было употреблено до 200 человѣкъ нижнихъ чиновъ (2). Едва отряды поровнялись съ крѣпостью, какъ непріятель вышедшій изъ города, началъ кучами подъѣзжать къ нашимъ фланкерамъ, но по всюду былъ прогоняемъ съ урономъ. Подвигаясь далѣе, наши войска сбили вездѣ упорно защищавшагося непріятеля и завладѣли важнѣйшими высотами командовавшими крѣпостью. Стойкость бакинцовъ поддерживалась надеждою близкаго пособія, и, дѣйствительно, вскорѣ узнали, что кубинскій Шихъ-Али-ханъ идетъ въ Баку на помощь.

Не имѣя возможности въ одно время отражать сильнаго непріятеля съ поля, и успѣшно блокировать крѣпость, Завалишинъ 3-го сентября снявъ блокаду, возвратился на суда. Въ самомъ дѣлѣ ханъ кубинскій и хамбутайскій владѣтель, съ многочисленнымъ войскомъ, явились подъ Бакою 5-го сентября и вошли въ городъ (3).

Завалишинъ потерявъ надежду принудить хана къ сдачѣ крѣпости, а на штурмъ ея не рѣшаясь, по малолюдности десанта и силѣ укрѣпленій, созвалъ 8-го сентября военный совѣтъ, который, принявъ въ соображеніе всѣ причины невозможности овладѣть Бакою, опредѣлилъ оставить бакинскій рейдъ и слѣдовать къ острову Сарѣ, для выполненія приказанія главноуправляющаго Грузіею, о покровительствѣ вооруженною рукою шагагскому Джангиръ-хану, къ выводу имъ, изъ Шагага 4000 семействъ, по условію заключенному имъ въ Елисаветполѣ, при поступленіи его въ подданство Россіи. Въ слѣдствіе этого рѣшенія эскадра пошла къ берегамъ Сары, но и тутъ неудача сопровождала генерала Завалишина. Болѣе мѣсяца напрасно ждалъ онъ въ Ленкорани вѣсти о движеніи шагагцовъ, но ни они, ни Джангиръ-ханъ не показывались. Причиною тому было не доброжелательство къ Россіи Миръ-Мустафы-хана талышинскаго, ко-

(1) Рапор. кап.-лейтен. Веселаго кн. Циціанову 23 августа. Рап. Завалишина 28 авгус. 1805 г. Т. А. К. Н.

(2) Рап. Завалишина 13 сентября 1805 г. Ibid.

(3) Ibid.

торый на увѣдомленіе Джангиръ-хана, что онъ прійдетъ съ народомъ своимъ въ талышинское владѣніе, гдѣ будетъ ожидать русскихъ, послалъ ему сказать, что если ханъ явится, то онъ связаннаго его отправитъ къ персидскому Шаху (1).

Такимъ образомъ неудачная экспедиція каспійской флотиліи, не исполнивъ ни одного изъ возложенныхъ на нее порученій, не принесла никакой пользы. Баба-Ханъ, желая вымѣстить на комъ нибудь досаду и неудачи свои противъ русскихъ, думалъ переселить во внутренность Персіи всѣхъ армянъ и татаръ эриванскихъ и бамбакцевъ, выбѣжавшихъ туда въ 1804 году; но такая мѣра взволновала народъ и 230 семей подъ начальствомъ Мелика Ибраима и Габріеля Юсбаши, съ 4-мя стами семействъ бамбакцевъ, со всѣмъ имуществомъ, выбѣжали изъ Эривани подъ защиту русскихъ (2).

Наконецъ Баба-Ханъ отказалъ царевичу Александру во всѣхъ пособіяхъ къ возвращенію грузинскаго престола, и тотъ въ бѣдственномъ положеніи, только со ста человѣками приверженцевъ, укрылся въ Эчміадзинскомъ монастырѣ (3).

Каждая война персидскаго владѣтеля съ русскими, обнаруживая Азіи совершенное его безсиліе, способствовала Циціанову къ скорѣйшему выполненію предположеннаго плана: распространенія владычества Россіи за Кавказомъ. Послѣ каждой войны Баба-Хана кто нибудь изъ хановъ спѣшилъ отдаться въ подданство имперіи. Такъ послѣ кампаніи 1804 года ханы Карабагскій и Шекинскій поступили въ зависимость Россіи, а послѣ кампаніи 1805 г., ширванскій Мустафа-ханъ добровольно и неотступно сталъ искать этой милости, не смотря на то, что Циціановъ, въ бытность свою въ Шушѣ, получивъ отъ Мустафы письмо, не распечатавъ, бросилъ его посланному хана. Причиною тому былъ коварный поступокъ владѣтеля ширванскаго, изъявившаго еще весною того года желаніе быть подъ защитою Россіи, а по приходѣ персіянъ въ карабахское ханство, пославшаго Баба-Хану 500 конно-вооруженныхъ, которые по окончаніи военныхъ дѣйствій были обобраны персіянами до послѣдней нитки и отпущены въ самомъ бѣдственномъ положеніи (4).

(1) Изъ предпис. кн. Циціанова Завалишину 8 октяб. 1805 г.
(2) Донес. кн. Циціанова Г. И. 29 авгус. 1805 г.
(3) Донес. генер. Наспѣтаева кн. Циціанову 19 сентяб. 1805 г.
(4) Кн.Циціановъ кн. Чарторыйскому 13 августа 1805 г. Ар. М. И. Д.

Не смотря на успѣхи нашего оружія за Кавказомъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князь Чарторыйскій сообщилъ Циціанову мнѣніе правительства, что по политическимъ обстоятельствамъ Европы предстоитъ необдимость, не только вмѣсто наступательной, принять оборонительную систему войны, но даже вовсе прекратить враждебныя дѣйствія съ Персіею и стараться внушить Баба-Хану мысль объ искательствѣ мира. Кн. Циціановъ отвѣчалъ, что въ обѣ кампаніи не онъ первый начиналъ войну. Въ первый разъ, спасая Грузію отъ театра разорительной борьбы, встрѣтилъ нашествіе Персіянъ въ эриванскомъ владѣніи; въ другой—защищалъ карабагское ханство, какъ провинцію Россіи; слѣдовательно въ оба раза заботился только объ обезпеченіи предѣловъ отъ покушеній Баба-Хана, и если продолжать исполненіе этихъ непремѣнныхъ обязанностей, то значитъ по прежнему вести съ нимъ войну. Кн. Циціановъ спрашивалъ: неужели ему для веденія оборонительной войны запереться съ гарнизономъ въ Шушѣ, когда Персіяне будутъ уничтожать карабагскія долины? неужели оставаться спокойнымъ и не препятствовать Персіянамъ, когда они потянутся въ Дербентъ; потому что сопротивленіе сему намѣренію будетъ выходить изъ системы оборонительной? или когда Баба-ханъ войдетъ въ эриванское владѣніе, съ намѣреніемъ вторгнуться въ Грузію, то, вслѣдствіе предписываемаго образа дѣйствій, ждать его у 4-хъ входовъ въ предѣлы Грузіи и тѣмъ защиту ихъ сдѣлать слабою и не надежною? Вотъ причины, по которымъ оборонительную войну считалъ онъ невозможною. Что же касается до внушенія Баба-Хану мысли объ искательствѣ имъ мира у Россіи, то полагалъ, что когда онъ теряетъ область за областью, когда владычество наше распространится до Куры и Аракса и можетъ распространиться и на адербиджанскія ханства, по ту сторону этихъ рѣкъ, то въ это время невозможно внушеніями склонить его къ искательству мира; онъ конечно будетъ стараться силою возвратить потерянное и удержать свое владычество въ Адербиджанѣ. Когда же осенью покорена будетъ Бака, когда ширванскій владѣтель вступитъ въ подданство, когда зимою Эривань падетъ предъ оружіемъ русскимъ,—тогда-то можно будетъ объявить Баба-Хану, что Россія даруетъ

ему миръ, поставляя рубежемъ своихъ завоеваній Куру и Араксъ (1). Такъ думалъ кн. Цицiановъ и сообразно тому, съ прежнею твердостію и настойчивостію дѣйствовалъ къ достиженію своей цѣли.

Генералъ Насвѣтаевъ, по приказанію главнокомандующаго, съ отрядомъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты, 180-ти казаковъ, при 5-ти орудіяхъ, 7-го ноября выступилъ изъ Артика, чрезъ Талынь къ Араксу, для вывода изъ Кара-Оглы Джафаръ-Кули-хана хойскаго, съ частію преданнаго ему народа изъ прежде подвластнаго ханства. Насвѣтаевъ безпрерывно сражаясь съ толпами Куртинцевъ и Эриванцевъ, препятствовавшихъ его движенію, переправился чрезъ Араксъ, достигъ Кара-Оглу и послѣ множества затрудненій, причиненныхъ самимъ Джафаромъ, 18-го ноября, вывелъ изъ этой крѣпостцы боязливаго хана съ 4-мя стами семействъ хойскихъ Армянъ и Татаръ. Подданные Джафара не имѣли ни скота, ни хлѣба; зима была жестока, снѣгъ глубокій, и Насвѣтаевъ, спасая несчастныхъ, велѣлъ казакамъ уступить лошадей полунагимъ женщинамъ, а дѣтей ихъ, окоченѣвшихъ отъ холода, солдаты отогрѣвали на рукахъ своихъ. Такъ дотащились они до селенія Талыни, гдѣ и были оставлены для зимовки въ совершенной безопасности (2).

(1) Кн. Цицiановъ кн. Чарторыйскому 19 октября 1805 г.
(2) Рап. Насвѣтаева кн. Цицiанову 30 октября 1805 г. Т. А. К. Н.

ГЛАВА XXIV.

Народное образованіе Грузинъ. — Предположеніе объ учрежденіи въ Тифлисѣ гимназіи и сформированіе коннаго грузинскаго полка. — Устройство сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній въ Закавказьѣ. — Предположеніе о колонизаціи въ Мингреліи. — Запрещеніе вывоза за границу хлѣба изъ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи. — Привозъ соли изъ Россіи. — Заботы кн. Циціанова о развитіи промышленности и хлѣбопашества. — Проектъ аптеки и ботаническаго сада въ Тифлисѣ. — Учрежденіе штурманскаго училища въ Астрахани. Предположенія объ устройствѣ подвижнаго магазина. — Улучшенія быта дворянъ и магометанскаго духовенства. — Перемѣна въ составѣ грузинскаго правительства. — Виды кн. Циціанова и его мнѣнія о способахъ управленія страною.

При самомъ поступленіи Грузіи въ подданство Россіи, страна эта находилась на весьма низкой степени развитія. Просвѣщеніе Грузинъ, въ то время, не простиралось далѣе знанія чтенія и письма на своемъ природномъ языкѣ. Впрочемъ, и этого рода знанія были достояніемъ не многихъ. Именныя печати, скрѣпляя всѣ акты вмѣсто подписи, способствовали, если можно такъ выразиться, всеобщему невѣжеству. Словесное судопроизводство почти безъ письменности въ большей части случаевъ дѣлало то, что грамотность не была необходимостію даже и для первѣйшихъ сановниковъ государства. Въ Имеретіи было еще того хуже. Царь Соломонъ извинялся невозможностію отвѣчать на письмо Циціанова потому, что его писарь отправился въ Тифлисъ, для свиданія съ родственниками, а изъ приближенныхъ его, никого не было грамотнаго.

Во время царствованія въ Грузіи Ираклія и Георгія, хотя многіе изъ тамошнихъ дворянъ, князей и царевичей служили въ русской службѣ, пріобрѣтали просвѣщеніе, но возвратясь въ отечество, рѣдко передавали пріобрѣтенныя познанія своимъ дѣтямъ. Генералъ Кнорринъ, за неимѣніемъ никого другаго, принужденъ былъ взять къ себѣ въ переводчики полковаго священника Алексѣя Петріева, который въ послѣдствіи, по необходимости удержанъ былъ въ этой должности и княземъ Циціановымъ.

При Мингрельскомъ владѣтелѣ въ то время находился венгерскій урожденецъ профессоръ Самуилъ Мартынинъ. Цицiановъ пригласилъ его въ учрежденное въ Тифлисѣ училище, на должность учителя латинскаго и нѣмецкаго языковъ, и Мартынинъ, 31-го мая 1805 г., занялъ свою кафедру, имѣя 18 учениковъ. Ноября 28-го дня 1805 г. князь Цицiановъ представлялъ графу Завадовскому (1), объ открытiи при тифлискомъ училищѣ классовъ для изученiя полнаго гимназическаго курса, потому, что родители воспитанниковъ, ни подъ какимъ видомъ не соглашались на отправленiе дѣтей своихъ въ Россiю, въ университеты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Цицiановъ обратилъ вниманiе на приготовленiе грузинскаго дворянства къ поступленiю въ военную службу. Эта мѣра признана была нашимъ правительствомъ необходимою, еще раньше назначенiя князя Цицiанова главнокомандующимъ въ Грузiю.

При самомъ вступленiи въ Тифлисъ полка генерала Лазарева, Императоръ Павелъ I, для той же цѣли приказалъ принять въ полкъ портупей-юнкерами, и портупей-прапорщиками 10-ть юношей изъ дворянскихъ грузинскихъ фамилiй и одного подпоручикомъ. Мѣра эта неимѣла однако же вліянiя на пріученiе дворянства грузинскаго къ военной службѣ, быть можетъ и потому, что Лазаревъ взялъ тогда молодыхъ людей не изъ первыхъ фамилiй. Князь Цицiановъ просилъ теперь позволенiя принимать молодыхъ людей въ полки на томъ же основанiи. Въ случаѣ же несогласiя ихъ родителей, пологалъ, для примѣра взять силою юношей изъ семи первѣйшихъ княжескихъ фамилiй. „Подобный наборъ юношей, писалъ онъ, обратитъ все здѣшнее дворянство въ военную службу, по склонности ихъ къ оной, отвлечетъ ихъ отъ праздности, источника пороковъ, и нечувствительно введетъ въ просвѣщенiе и научитъ предпочитать славу добычѣ“ (2). Въ слѣдъ за представленiемъ, главнокомандующiй исполнилъ эту мѣру, принудивъ князей Амилахварова и Цицiанова опредѣлить своихъ дѣтей въ военную службу (3).

Марта 21-го дня 1805 года Высочайше даровано грузин-

(1) Бывшему министромъ народнаго просвѣщенiя.

(2) Изъ рапорта кн. Цицiанова Госуд. Имп. 28 фев. 1804 г.

(3) „По праву яко бы свойства моего съ ними, поелику оба они мои внучатые племянники“. Рап. кн. Циц. Гос. Имп. 25 апрѣля 1804 г.

скому дворянству право помѣщать дѣтей своихъ въ кадетскіе корпуса, а Высочайшимъ рескриптомъ отъ 26-го сентября 1802 года, постановлялось Циціанову въ обязанность позаботиться о сформированіи народнаго ополченія въ родѣ милиціи. Главнокомандующій вступивъ въ должность, вникнувъ въ бѣдственное положеніе раззореннаго народа, доносилъ Государю, что милиціи собрать невозможно, по бѣдности обывателей Грузіи и „неблагопріятному расположенію духа, озлобленныхъ безчинствами предшествовавшаго тому правленія". Онъ находилъ, впрочемъ, возможнымъ, по окончаніи народной переписи, набрать съ каждыхъ двадцати домовъ по одному человѣку; снарядить ихъ всемъ казеннымъ и такимъ образомъ составить конный полкъ. На это представленіе разрѣшенія не послѣдовало. До окончанія той же народной переписи, былъ оставленъ и вопросъ о преобразованіи грузинскаго духовенства. Католикосъ Грузіи, на требованіе князя Циціанова, не могъ сообщить ему свѣдѣній о числѣ духовенства и церковныхъ имѣній, по этому главноуправляющій поручилъ капитанъ исправникамъ составить перепись духовенству. Для прекращенія же бывшихъ безпорядковъ онъ ограничился пока запрещеніемъ постриженія въ духовное званіе, до составленія на этотъ предметъ особыхъ правилъ (1).

Въ 1804 году приступлено было и къ разработкѣ дороги съ кавказской линіи въ Грузію.

Селеніе Ларсъ, лежащее въ самомъ узкомъ мѣстѣ дарьяльскаго ущелья и при томъ въ самомъ важномъ его пунктѣ, уступлено было нашему правительству тагаурскимъ старшиною Мамедомъ-Дударовымъ съ тѣмъ, чтобы въ замѣнъ его, дано ему было, на линіи, земли сколько будетъ необходимо для переселяемыхъ изъ Ларса его подданныхъ, и чтобъ производить ему ежегодно пансіонъ въ 350 руб. сер. Императоръ Александръ за эту важную уступку, сверхъ испрашиваемаго, наградилъ Дударова чиномъ капитана (2).

Съ такою же заботливостію попечительность главнокомандующаго обратилась на устройство сухопутныхъ путей сообщенія внутри Грузіи. Онъ испросилъ у Государя повелѣ-

(1) Донес. кн. Циц. Г. И. 23 марта 1804 г. и письмо его къ Католикосу Грузіи 23-го марта 1804 г. Арх. Гл. Шт. въ С.-Петерб.

(2) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 20 янв. 1804.

ніе отпускать ему на этотъ предметъ, изъ суммъ государственнаго казначейства, въ продолженіи пяти лѣтъ по 6-ти тыс. рублей, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была возвращена въ казначейство съ увеличеніемъ грузинскихъ доходовъ.

Послѣ присоединенія къ имперіи княжества мингрельскаго и царства имеретинскаго, предположено было провести военную дорогу, черезъ лѣса и болота этихъ областей, отъ Сурама до Кутаиса. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство желало устроить водяное сообщеніе отъ укрѣпленія Хорги (впослѣдствіи Редутъ-кале), гдѣ была складочная пристань, по рѣкѣ Ріону, судоходной до самаго Кутаиса. Но какъ устье Ріона при крѣпости Поти, было еще во власти Турокъ, то предполагалось эту рѣку соединить каналомъ съ рѣкою Циви, впадающею въ Хони; при устьѣ которой находилось укрѣпленіе Хорги. По осмотрѣ инженерами мѣстности, хотя и признано исполненіе этого плана удобовозможнымъ, но каналъ приходилось вести на большое пространство, что потребовало бы огромныхъ издержекъ; почему проэтъ соединенія Хони съ Ріономъ, оставленъ безъ исполненія.

Рѣки Имеретіи и Мингреліи изобиловали рыбою, но жители не занимались рыбнымъ промысломъ. Циціановъ писалъ къ Астраханскому губернатору и просилъ его предложить тамошнимъ промышленикамъ взять на откупъ рыбные промыслы, на черноморскихъ водахъ этихъ владѣній. Отвѣта на предложеніе при жизни Циціанова не послѣдовало. Точно также не состоялся проэктъ о поселеніи на мингрельскихъ берегахъ Черноморскихъ казаковъ для разныхъ промысловъ.

„Черноморскіе казаки, писалъ Чарторыйскій (1), живущіе на берегахъ одного моря, искусные въ рыбномъ промыслѣ, къ войнѣ способные и пріобыкшіе уже къ полуденному климату, при первомъ взглядѣ обращаютъ на себя вниманіе. Утвердительно сказать можно, что одинъ полкъ Черноморскихъ казаковъ, прежде командированный сюда на службу, и потомъ оставленный для населенія, доставилъ бы тому краю двоякую пользу: воинское обезпеченіе и нужное движеніе первымъ земледѣльческимъ трудамъ, которые современемъ могутъ оставить важную для Россіи отрасль полученной торговли.“

(1) Бывшій министромъ иностр. дѣлъ къ кн. Циціанову.

По обзору мѣстности оказалось, что въ мѣстахъ обильныхъ рыбою и тамъ гдѣ должна была производиться рыбная ловля, не было земли удобной для хлѣбопашества и поселенія. Однако же, хотя и не съ этою цѣлію, но признавалось все таки весьма полезнымъ водворить колонію казаковъ на берегахъ Енгиря, на абхазской границѣ, гдѣ было изобиліе въ плодородной землѣ, оставшейся пустопорожнею отъ постоянныхъ набѣговъ и раззореній жителей Абхазцами. Воинственная колонія служила бы оплотомъ отъ вторженія горскихъ хищниковъ (1). Проэктъ этотъ небылъ приведенъ въ исполненіе единственно по возникшему сомнѣнію, не будутъ ли новые поселенцы, по своей наклонности, сами способствовать торговлѣ плѣнными и тогда зло увеличилось бы еще болѣе (2).

Имеретинцы и Мингрельцы вымѣнивали Туркамъ хлѣбъ на соль, соленую рыбу и желѣзо. Это побуждало послѣднихъ дорожить крѣпостями находящимися въ ихъ власти по берегу Чернаго моря. Чтобы отнять у Порты эту выгоду; пресѣчь торговлю плѣнными; сдѣлать безполезными ея пристани и побудить оставить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить продовольствіемъ расположенныя въ сихъ владѣніяхъ русскія войска, кн. Цицiановъ запретилъ въ Мингреліи и Имеретіи продажу за границу всякаго хлѣба. Но, чтобы не лишить жителей необходимыхъ для нихъ продуктовъ, получаемыхъ прежде отъ Турокъ, испросилъ у Императора Александра повелѣніе, на отпускъ изъ крымскихъ озеръ, безплатно 50 тыс. пудовъ соли и распоряженіе о привозѣ русскими промышленниками желѣза (3). Относительно послѣдняго предполагалось: „склонить торгующихъ въ Таганрогѣ извѣдать сію отрасль торговли на мингрельскихъ берегахъ, гдѣ чаятельно могутъ открыться и другіе источники промышленности доселѣ неизвѣстные“ (4).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1805 года въ Редутъ Кале прибылъ первый транспортъ съ солью. По распоряженію князя Цицiанова, въ Имеретіи и Мингреліи принимали хлѣбъ, въ мѣстахъ расположенія ротъ, по квитанціямъ ротныхъ коман-

(1) Изъ рап. Литвинова кн. Цицiанову 7 мая 1805 г.
(2) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.
(3) Донес. кн. Цицiан. Гос. Имп. 19 ок. 1805 г.
(4) Изъ отношенія товар. Мин. Ин. Д. къ Мин. Комерціи гр. Румянцову.

дировъ; въ замѣнъ его отпускалась соль изъ магазиновъ, устроенныхъ въ Редукъ-Кале. Запрещеніе продажи хлѣба за границу распространялось и на всю Грузію, и кромѣ того, объявлено было всѣмъ жителямъ татарскихъ дистанцій, чтобы они сколько возможно усилили посѣвы пшеницы для продажи избытковъ на продовольствіе войскъ.

Князь Цицiановъ старался дать сбыту мѣстныхъ произведеній сколько можно лучшее направленіе, могущее способствовать къ расширенію промышленности туземцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить выгоды Россіи.

Онъ думалъ устроить въ Грузіи фабрику бумажныхъ издѣлій или по крайней мѣрѣ бумагопрядильную машину и приготовленныя на ней нитки высылать по Черному морю, чрезъ Мингрелію и Таганрогъ, въ Москву. Для этой цѣли онъ послалъ образчики хлопчатой бумаги къ директору Императорскихъ фабрикъ тайному совѣтнику Тейльсу (1 февраля 1804 г.), прося его совѣтовъ и содѣйствія къ осуществленію этого предпріятія. Дальнѣйшихъ результатовъ по этому предмету въ бумагахъ того времени не видно.

Заботливость главноуправляющаго къ доставленію обитателямъ Грузіи выгодъ, отъ употребленія съ пользою тѣхъ продуктовъ, которые даетъ имъ богатая природа, простиралась до того, что онъ, наканунѣ выступленія изъ Елисаветополя въ походъ противъ персіянъ, писалъ къ правителю Грузіи о возбужденіи одной изъ важныхъ отраслей промышленности края, могущей принести важные выгоды.

„Жители Грузіи, засѣвая ленъ, писалъ кн. Цицiановъ (1), срываютъ только верхушки онаго для выдѣлки масла, а стебли оставляютъ безъ употребленія, одѣваясь сами полотномъ изъ хлопчатой бумаги и чужеземной. Дабы оные напрасно не терялись и казна со временемъ, посредствомъ попеченія и заботы здѣшняго правительства, при размноженіи сей промышленности, могла покупать холстъ для войскъ, въ Грузіи находящихся, не теряя на провозъ онаго большихъ суммъ, предписываю вашему высокородію отъ моего имени опубликовать чрезъ комендантовъ и капитанъ исправниковъ, чтобы обыватели, имѣющіе въ семъ году на корню ленъ, объявили каждый изъ нихъ о количествѣ посѣяннаго ими льна,

(1) Къ правит. Грузіи статскому совѣтнику Тарасову отъ 11 іюня 1805 г. № 666. Т А. К. Н.

городскіе жители комендантамъ, а сельскіе капитанъ-исправникамъ; сіи же требовали бы отъ полковъ, въ уѣздахъ ихъ расположенныхъ, людей знающихъ обработываніе льна". Въ подтвержденіе этого онъ 12-го августа предписалъ: „съ полученія сего чтобы капитанъ-исправники взяли казаковъ или солдатъ, умѣющихъ обработывать ленъ, поѣхали съ ними въ тѣ казенныя селенія, гдѣ онъ поспѣлъ, и заставили бы ихъ въ присутствіи поселянъ обработывать оный, принудя грузинъ и армянъ учиться тому же".

Смерть Циціанова пресѣкла всѣ благія его начинанія для благосостоянія Грузіи и всего закавказья. Такой же участи подвергся и проэктъ объ устройствѣ на рѣчкѣ Пушкарѣ, при разоренномъ заводѣ Дашкѣсанѣ, чугуннаго завода для отливанія артиллерійскихъ снарядовъ, съ большимъ затрудненіемъ и огромными издержками привозимыхъ изъ Россіи (1). Циціановъ послалъ адмиралу де-Траверзе 10 мѣдныхъ листовъ, приготовленныхъ на грузинскихъ заводахъ, для испытанія годности ихъ къ обшивкѣ кораблей черноморскаго флота. По отзыву де-Траверзе, мѣдь оказалась годною и по цѣнѣ выгодною для казны, но увѣдомленіе это получено 6-го апрѣля, два мѣсяца спустя послѣ смерти Циціонава. Съ его кончиною, всѣ предположенія и предпріятія его послѣдовали за нимъ въ могилу.

По представленію Циціанова о неудобствѣ перевозить изъ Россіи лекарства и о возможности завести въ Тифлисѣ ботаническій садъ, въ которомъ по климату могутъ быть разведены лекарственныя растенія южныхъ странъ,—императоръ Александръ повелѣлъ отпустить 10,000 руб сер. на устройство въ Тифлисѣ казенной аптеки и ботаническаго сада, употребивъ для этой цѣли садъ принадлежавшій прежде царицѣ Маріи.

Съ пріобрѣтеніемъ ханствъ карабагскаго и ширванскаго, главнокомандующій предполагалъ устроить укрѣпленіе на Сальянскомъ полуостровѣ, при устьѣ Куры, которое бы, владѣя входомъ въ эту рѣку, защищало русскія суда слѣдующія изъ Астрахани въ Джаватъ. Этимъ путемъ предполагалось перевозить всѣ тяжести для войскъ находящихся въ Грузіи и доставить взаимный сбытъ товаровъ и продуктовъ Россіи и закавказья.

(1) Предписаніе кн. Циціанова оберъ-штиенъ-фервалтеру Борсунову 16 мая 1805 г. Т. А. Б. Н.

Россія давно пользовалась исключительнымъ правомъ плаванія по Каспійскому морю, и когда въ 1803 году появились три большія судна: хановъ бакинскаго и талышинскаго, то князь Циціановъ настоятельно потребовалъ ихъ уничтоженія. Для предупрежденія же на будущее время существованія подобныхъ судовъ, по распоряженію главнокомандующаго, запрещено было астраханскимъ купцамъ продавать приморскимъ владѣтелямъ якоря и такелажъ.

Астраханская торговля, съ ханствами лежащими по берегамъ Каспійскаго моря, подвергалась большимъ опасностямъ отъ множества отмелей, подводныхъ камней и неискуства штурмановъ. Суда, брошенные на мель, были всегда ограбляемы прибрежными жителями. Для отвращенія этого зла, посредствомъ обученія штурмановъ для купеческихъ судовъ, по представленію Циціанова, Высочайше учреждено было въ Астрахани штурманское училище.

Такъ среди безпрерывныхъ войнъ князь Павелъ Дмитріевичъ старался употребить всѣ средства къ тому, чтобы развить въ ввѣренномъ ему краѣ промышленность, обезпечить и дать новое направленіе торговли.

Пріискивая способы къ развитію народной промышленности и благосостоянія, онъ старался увеличить классъ производителей и облегчить ихъ въ повинностяхъ. Кромѣ поселенія въ Грузіи нѣсколько тысячь выходцевъ изъ сосѣднихъ владѣній, онъ обратилъ вниманіе на городскія сословія, увеличившіяся безмѣрно отъ накопленія въ городахъ множества поселянъ и землевладѣльцевъ.

До вступленія въ Грузію русскихъ, земледѣльцы укрывались отъ лезгинъ въ города и, будучи удалены отъ земледѣлія, не имѣя у себя ни какой собственности, принимались за мелочную торговлю, до такой степени не значительную, что у большей части изъ нихъ не было товару и на 5 рублей (1). Чтобы обратить этихъ тунеядцевъ къ хлѣбопашеству, усиленіе котораго необходимо было для продовольствія безпрерывно пребывающихъ въ Грузіи войскъ; чтобы обезпечить продовольствіе городовъ и наконецъ привести ихъ въ устройство, князь Циціановъ приказалъ комендантамъ объявить жившимъ въ городахъ крестьянамъ, чтобы они

(1) Предпис. кн. Циціанова исполнительной экспедиціи 1 апрѣля 1804 г. № 285. Т. А. К. Н.

въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ непремѣнно переселились въ тѣ деревни, изъ которыхъ вышли. Капитанъ-исправники должны были объявить помѣщикамъ, чтобы они взяли изъ городовъ своихъ крестьянъ въ продолженіи того же срока; переписать всѣхъ торгующихъ въ городахъ, за исключеніемъ крестьянъ, съ показаніемъ кто на какую сумму торгуетъ. Во всѣхъ городахъ назначить торговые дни два раза въ недѣлю, для привоза съѣстныхъ припасовъ и товаровъ. Наблюдать чтобъ не было перекупщиковъ и комендантамъ безъ личнаго осмотра не позволять исправлять вѣтхія и выводить новыя строенія „и стараться прямить и разширять улицы".

Стараясь усилить и развить въ народѣ хлѣбопашество,— какъ единственное средство продовольствовать войска, потому что привозъ изъ другихъ мѣстъ былъ крайне затруднительнымъ,—князь Циціановъ недостатокъ въ провіантѣ, считалъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. До его вступленія, въ званіе главноуправляющаго, опасались ввести въ Грузію болѣе трехъ полковъ, собственно по недостатку провіанта и по затруднительности продовольствія войскъ. Князь Циціановъ, вступивъ въ управленіе краемъ, различными мѣрами успѣлъ обезпечить мѣстнымъ хлѣбомъ продовольствіе 8-ми полковъ, что составляло ежегоднаго расхода 66,000 четвертей разнаго хлѣба. Не смотря однако же на то, все-таки необходимо было перевозить муку изъ Карталиніи въ Елисаветполь, Тифлисъ и Бамбаки. Для этого приходилось ежегодно употреблять значительное количество аробъ, которымъ хотя и платились прогоны, по 4 коп. за версту, но поселяне съ ропотомъ исполняли эту повинность. Притомъ отъ этого происходило то важное зло, что тысячи рукъ и рабочій скотъ отрывались отъ земледѣлія, когда оно составляло такую важность и было особымъ попеченіемъ главнокомандующаго. Циціановъ, изыскивая способы и средства къ избавленію поселянъ отъ тягостной повинности и казну отъ большихъ расходовъ, представилъ проэктъ объ устройствѣ подвижнаго магазина на слѣдующемъ основаніи.

Казахскіе татары обязаны были ставить для перевозки по 1000 воловъ, а прочихъ дистанцій: Борчалинской, Демурчасальской и Бамбакской по 600, что составляло 400 арбъ для подъема 2000 четвертей муки. Полагали предло-

жить этимъ же татарамъ (на что они уже и были согласны), разъ на всегда, отдать въ казну означенное число скота съ прибавкою ежегодно въ ремонтъ одной десятой части. Затѣмъ построить 400 аробъ и такимъ образомъ составится подвижной магазейнъ безъ чувствительныхъ издержекъ для казны.

При этомъ встрѣчалось только затрудненіе въ отысканіи 400 погонщиковъ, которыхъ ни подъ какимъ видомъ нельзя было набрать изъ туземцевъ, сколько потому чтобъ не отрывать ихъ отъ сохи, столько же и потому что „татары кромѣ какъ на вьюкахъ, не умѣютъ управлять волами; доставленіе ими медлительно, безпорядочно и часто съ ослушаніемъ сопряжено бываетъ“ (1).

Князь Циціановъ полагалъ выслать погонщиковъ въ Грузію изъ Малороссіи, и даже находилъ весьма полезнымъ пересилить вмѣстѣ съ ихъ семействами, чтобы они хозяйствомъ своимъ и гораздо искуснѣйшимъ хлѣбопашествомъ, подали Грузинамъ благой примѣръ и служили бы зародышемъ селвскаго благосостоянія края.

„Къ симъ пользамъ надо прибавить и ту, писалъ главноуправляющій (2), что вьючный быкъ менѣе четверти муки везетъ, и то не во всякое время года, слѣдовательно четыре быка или вола и 4-хъ четвертей не могутъ везти. Тѣ же четыре вола въ арбу запряженныя и пріученныя, могутъ вести пять четвертей муки во всякое время года, слѣдовательно подвозъ провіанта выигрываетъ болѣе 400 четвертей во всякую поѣздку“. Такимъ образомъ съ принятіемъ этой мѣры, выигрывала казна, обыватели и обезпечивалось продовольствіе войскъ (3).

Съ присоединеніемъ Мингреліи Циціановъ принялъ рѣшительныя мѣры, къ уничтоженію тамъ постыднаго измѣнничества вѣрѣ, для удовлетворенія гнуснаго корыстолюбія. Онъ предписалъ тотчасъ отобрать въ пользу Левана всѣ имѣнія тѣхъ мингрельскихъ дворянъ, которые отпавъ отъ христіанства, во время покойнаго Дадіана, переселились въ Поти, дабы удобнѣе красть людей и пользуясь своими имѣніями, пріѣзжали туда подъ видомъ сборовъ съ цѣлію за-

(1) Изъ рапорта кн. Циціанова Г. И. отъ 28-го ноября 1805 г.
(2) Ibid.
(3) Какъ разрѣшенъ былъ этотъ вопросъ, мнѣ неизвѣстно, потому что я нока не нашолъ дальнѣйшей переписки по этому дѣлу.

няться не имѣніями, а покупкою людей. Главноуправляющій приказалъ ихъ задерживать и отсылать въ бѣлевскій полкъ для сужденія „какъ измѣнниковъ противу вѣры и законнаго своего владѣтеля, ибо пользуясь имѣніемъ въ Мингреліи, они суть и подданные сей земли, а не Турціи".

Для прекращенія въ Имеретіи и Мингреліи плѣнопродавства,—зла существовавшаго повсемѣстно въ томъ краѣ,—всенародно объявленно было, что изобличенный въ торговлѣ людьми, не смотря на его званіе, родъ и достоинства, по жестокомъ тѣлесномъ наказаніи, будетъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу.

Попеченіемъ князя Циціанова передѣланъ былъ Сіонскій соборъ и вновь построена при немъ колоконя въ томъ видѣ въ которомъ и нынѣ находится.

Въ Тифлисѣ и Гори, по Высочайшему повелѣнію, отведены были католическому духовенству мѣста и отпущено заимообразно изъ казенныхъ суммъ вспомоществованіе для постройки церквей и домовъ.

Въ 1630 году, двое изъ католическихъ монаховъ, представили царю Теймуразу первому, мощи матери его царицы Кетеваны, „мученически скончавшейся за вѣру Христа Спасителя въ персидскомъ городѣ Терасѣ", и получили отъ него, за это приношеніе, мѣста въ Тифлисѣ и Гори для постройки церквей и домовъ, которыми владѣли до 1755 года. Въ это же время по подозрѣнію, что грузинскій патріахъ Антоній принялъ католическую вѣру, монахи лишены были своихъ имуществъ, церквей, домовъ и принуждены были отправлять богослуженіе въ наемныхъ домахъ. При посредствѣ Князя Циціанова храмы католиковъ снова воздвигались.

Съ присоединеніемъ Ганжинскаго ханства, переименованнаго въ Елисаветопольскій округъ, управленіе а вмѣстѣ съ тѣмъ судъ и расправа поручены были окружному начальнику. Магометанское духовенство имѣвшее до тѣхъ поръ судопроизводство въ своихъ рукахъ, и отъ того важныя выгоды, лишилось способовъ существованія. По представленію Циціанова Высочайше утверждены были: штатъ и правила для магометанскаго духовенства; первый обезпечивалъ ихъ существованіе, а второй указывалъ имъ новыя ихъ обязанности, — которыя заключались въ наблюденіи за магометанами исполненія дагматовъ вѣры, во внушеніи народу вѣр-

ности къ Государю и повиновенія властямъ. Магометанскому духовенству предоставлялось исключительное право разбирать дѣла семейныя и завѣдывать раздѣломъ имѣній между наслѣдниками по существующимъ обычаямъ; также предоставлялось посредничество во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ уголовныхъ, въ случаѣ добровольнаго обращенія къ нимъ тяжущихся, но безъ всякаго за то возмездія, равно какъ и при совершеніи духовныхъ требъ. На поддержаніе мечетей, назначено взымать съ каждаго дома по 50 коп. (1).

Бѣдственное положеніе царевенъ, жившихъ въ Тифлисѣ и оставленныхъ своими мужьями, заставило кн. Циціанова (2) просить Императора Александра, о назначеніи имъ ежегодно опредѣленнаго содержанія, безъ котораго, по словамъ главнокомандующаго, „онѣ должны или съ голода умереть или подаяніемъ жить, влача постыдную для сана ихъ жизнь, закидывая меня письмами своими и отдавая все то мосму якобы къ ихъ фамиліи недоброжелательству (3)“.

Въ сентябрѣ (23-го) 1804 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе, по которому всѣ удѣлы Грузинскаго царскаго дома причислены на всегда къ казеннымъ имѣніямъ, и получаемые съ нихъ доходы обращены въ общій составъ грузинскихъ доходовъ. Мѣра эта распространена и на всѣ имѣнія царевичей бѣжавшихъ изъ Грузіи; царевнамъ же, оставленнымъ мужьями, повелѣно производить каждой по 1200 руб.

Государственный совѣтъ, основываясь на такомъ повелѣніи и признавая существенно неудобнымъ, чтобы кто либо изъ царскаго дома оставался въ Грузіи, находилъ необходимымъ устроить такимъ образомъ ихъ участь, чтобы царевичи и царевны уничтожили разъ на всегда свои замыслы и знали что они не возвратятся въ Грузію никогда.

Для исполненія такого предположенія Государственный совѣтъ положилъ (4) объявить царевичамъ о невозможности

(1) Предп. кн. Циціанова Елисаветпольскому (Ганжинскому) ахунду отъ 14 мая 1805 г. Т. А. К. Н.

(2) Рапортъ кн. Циціанова Гос. Импер. 13 февр. 1804 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣс.

(3) Царевны эти были: 1) Марія Давыдовна супруга царевича Вахтанга. 2) Елена Семеновна супруга царевича Давыда. 3) Кетевана Зурабовна супруга царевича Іоанна, всѣхъ трехъ находившихся въ Россіи и 4) Елена Отаровна супруга царевича Теймураза, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ, скитавшагося въ Персіи. Первыя двѣ царевны были въ ссорѣ съ мужьями и потому не могли ожидать отъ нихъ помощи; третья не хотѣла оставить Грузіи, а послѣдняя имѣла слишкомъ незначительные доходы для того, чтобы безбѣдно существовать ими.

(4) Въ подробностяхъ совѣтъ полагалъ устроить судьбу царевичей слѣдующимъ обра-

имъ возвратиться въ Грузію, пожаловать имъ имѣнія въ Россіи и положить правиломъ, чтобы они устроили ихъ „прочнымъ образомъ“ для чего и продолжить на пять лѣтъ получаемыя царевичами пенсіоны, оставляемыя имъ собственно для устройства вновь пожалованныхъ имѣній (1).

Манифестомъ 12-го сентября 1801 г. грузинское дворянство сравнено въ преимуществахъ съ русскимъ. Тогда же были доставлены и Высочайше утверждены правила для дворянскихъ выборовъ и обязанностей предводителей, на основаніи существовавшихъ русскихъ постановленій, съ весьма малыми измѣненіями, сообразными съ обычаями и духомъ народа.

Князь Циціановъ, долго вникая въ склонность народа къ степени воспріимчивости имъ образа русскаго законодательства, убѣдился, что грузины, привыкшіе къ деспотической власти, не скоро оставятъ тѣ свойства, которыя рождаетъ въ характерѣ народа воля единачальная и безграничная, не обузданная ни справедливостію, ни добродѣтелями.

„Вникая въ нравы грузинскаго народа, писалъ кн. Циціановъ, (2) усматриваю я изъ частныхъ опытовъ, что всякое образованное правленіе до времени останется въ Грузіи безъ дѣйствія.

„Природа опредѣлившая азіятскіе народы къ неограниченной единоначальной власти, оставила на нихъ неизгладимую печать свою. Противъ необузданности и упорства, нужны способы сильные и рѣшительные. Кротость россійскаго правленія почитаютъ они слабостію, и разными пронырствами укрываясь отъ гоненія законовъ, хвастаютъ ненаказанностію порока. Колико и ропотъ въ судопроизводствѣ граж-

---

зомъ: 1) „Царевичу Давыду, яко ближнему къ праву бывшаго грузинскаго наслѣдства, купить и пожаловать въ собственность имѣніе въ 2000 душъ. 2) Царевичамъ Вахтангу, Миріану и Баграту по 1000 душъ каждому. 3) Пяти царевичамъ дѣтямъ царицы Маріи, старшему Михаилу 1000 душъ, а прочимъ по 600 душъ каждому. 4) Царицамъ: Дарьи, коей нынѣ производится на содержаніе 27,375 рублей, опредѣлить вмѣсто того пенсіону до 30,000 руб.; Маріи оставить получаемое ею нынѣ содержаніе 13,790 р. 5) Пребывающимъ въ Грузіи супругамъ царевичей: Вахтанга, Давыда, Іоанна и Теймураза производить изъ казны, независимо отъ доходовъ ихъ мужей по 1200 р. на годъ. 6) Что принадлежитъ до царевичей удалившихся за границу, то участь ихъ опредѣлится по возвращеніи ихъ 7) Затѣмъ всѣ удѣлы царскаго дома въ Грузіи, причислить въ казенное вѣдомство и доходы ихъ обращать на продовольствіе войска и прочіе предметы наравнѣ съ другими частями казенныхъ доходовъ.“

(1) Положеніе Государствен. Совѣта 8-го окт. 1804 г. Государств. Арх.

(2) Имп. Александру отъ 13 фев. 1804 г. Т. А. К. Н.

данскомъ, колико странныхъ распрей между князьями грузинскими и капитанъ-исправниками размѣрять важность начальства, по важности лица ими повелѣвающаго; что слово законъ не имѣетъ для нихъ никакого смысла и что они стыдятся повиноваться капитанъ-исправнику родомъ и чиномъ не знатному.

„Для нихъ все ново, для насъ все странно; недостатокъ переводчиковъ усугубляетъ затрудненіе;— судья и проситель не понимаютъ другъ друга и оба остаются недовольными“.

Главнокомандующій убѣдился, что къ обузданію народа грубаго, мгновенный переходъ власти, отъ мѣръ рѣшительныхъ и жестокихъ къ кроткимъ законамъ, производилъ противное дѣйствіе, какое бы онъ имѣлъ на образованное государство; что кротость принята за слабость, что проныствами стараются укрываться отъ гоненія законовъ и хвастаютъ не ненаказанностію преступленія. Судопроизводство, со всею форменностію русскаго законоположенія, было дико для грузинскаго народа, не вселяло къ себѣ никакой его довѣренности и всѣ обитатели искали суда и расправы у одного только главноуправляющаго, т. е. у верховнаго лица, сообразно прежнему обычаю. Закоренѣлые предразсудки заставляли жителей со всѣхъ мѣстъ Грузіи стекаться въ Тифлисъ и хотя главноуправляющій, резолюціею на прошеніи, отсылалъ просителя въ судъ, но тотъ во все неявляясь туда, вторично обращался къ главнокомандующему съ тою же просьбою и довольствовался его рѣшеніемъ, даже и тогда если бы оно заключалось въ двухъ словахъ: правъ онъ или виновенъ?

Цицiановъ, принявъ все это въ соображеніе, представилъ на утвержденіе Императора краткую записку о перемѣнахъ въ составѣ грузинскаго правительства, „за необходимо нужными мною почитаемыхъ, для доставленія жителямъ скорѣйшаго производства дѣлъ, отъемля отъ нихъ тѣ благотворныя препоны, которыя въ европейскомъ законоположеніи составляютъ цѣлость державъ и охраненіе собственности, а для нихъ представляются загадками, коихъ медленное разрѣшеніе выводитъ ихъ изъ терпѣнія и вмѣсто благодарности производитъ единый ропотъ. Сколь несправедливо и то уваженіе, что нужно когда либо сблизить нравы ихъ съ россійскими узаконеніями, но дабы совершенно успѣть въ

семъ предположеніи, я думаю, что законы долженствуютъ *изгибаться по нравамъ*, ибо сіи послѣдніе едиными вѣками, а не насильственными способами преломляются."

Для возвышенія и приведенія въ уваженіе уѣзднаго начальства, князь Циціановъ предложилъ надъ властями уѣзда, остающимися при прежнихъ правахъ и обязанностяхъ, поставить главнаго начальника подъ названіемъ окружнаго, въ чинѣ 6-го или 7-го класса. Власть окружныхъ начальниковъ въ уѣздѣ, должна была простираться на земскую и городскую полицію, какъ равно и на судопроизводство уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ быть предсѣдателемъ. Уѣздныя мѣста должны выполнять безотлагательно всѣ предложенія окружнаго начальника, но имѣютъ право, въ случаѣ его противузаконныхъ дѣйствій, входить съ представленіями въ верховное правительство, къ правителю Грузіи или главноуправляющему. Также и коменданты городовъ, въ случаяхъ, требующихъ скораго разрѣшенія и особой важности, могутъ относиться прямо къ правителю Грузіи или главноуправляющему. Апеляціи на рѣшеніе окружнаго правленія, по части уголовной и судной, поступаютъ въ экспедицію суда и расправы, по земской и городской полиціи,—въ исполнительную, а по сборамъ доходовъ,—въ казенную экспедиціи. Экспедиціи уголовную и гражданскую, предполагалъ соединить въ одну, подъ названіемъ *суда и расправы*. Къ моуравамъ при иноплеменныхъ народахъ, вмѣсто помощниковъ, опредѣлить по одному переводчику. Вмѣсто полиціймейстеровъ или нацваловъ въ городахъ, назначаемыхъ по выбору дворянства на основаніи штата о Грузіи, предоставить главноуправляющему избирать ихъ по его благоусмотрѣнію. Для облегченія просителей, не знающихъ русскаго судопроизводства и часто ошибками и невѣденіемъ формъ теряющихъ свое право, дозволить подавать прошенія во всѣ присутственныя мѣста не по формѣ а на своемъ природномъ языкѣ. Сборъ за гербовую или, вмѣсто ее за простую бумагу отмѣнить; наконецъ судъ по формѣ, какъ слишкомъ затруднительный для обывателей Грузіи, не знающихъ ни языка, ни законовъ русскихъ (1), подающій пово-

(1) Между прочими неудобствами проситель или его повѣренный, по тогдашней формѣ суда, долженъ былъ проговорить все дѣло на изустъ на русскомъ языкѣ безошибочно, подъ опасеніемъ потерять свое право иска.

ды къ злоупотребленіямъ, до времени отмѣнить, а постановить, вмѣсто того, въ случаѣ, гдѣ надо указать на форму суда, „за непредставленіемъ доказательствъ, возвращать просителю просьбу не исковую, и съ шестью рублями пошлины бывающую, а обыкновенное прошеніе съ надписью: чтобы въ пользу своего дѣла собралъ доказательства или свидѣтелей.“

Далѣе князь Циціановъ во всеподданнѣйшемъ представленіи изъясняетъ: „предметъ предлагаемой мною перемѣны состоитъ въ томъ, чтобы стѣснить всѣ члены правленія и приблизить ихъ къ средоточію власти такимъ образомъ, что по наружности правленіе останется въ томъ же видѣ, а въ самомъ существѣ, получитъ болѣе дѣятельности. Окружные начальники, имѣя надъ уѣздами своими, такъ сказать, власть полномощную, постепенно станутъ внушать дворянству и обывателямъ къ себѣ уваженіе и, когда дѣла потекутъ обыкновеннымъ порядкомъ, тогда удобно будетъ положить имъ извѣстные предѣлы, или вовсе ихъ уничтожить. А между тѣмъ, разширеніе власти, основанной на правосудіи, должно произвесть самыя благотворныя для грузинскаго народа дѣйствія, пріучая оный къ порядку и повиновенію и чтобъ невинный и преступникъ, не укрывались отъ гнѣва сильныхъ, чрезъ постыдныя коварства и подаянія. Хотя сіи частныя перемѣны отвратятъ нѣкоторыя недостатки по правительству грузинскому, придавъ теченію дѣлъ надлежащую дѣятельность, токмо съ нравами азіятскими сообразную, но утвержденіе оныхъ не достаточно будетъ удовлетворять въ полной мѣрѣ желаемой цѣли, доколѣ не распространится также и власть главноуправляющаго Грузіею, который будучи обремененъ управленіемъ трехъ пограничныхъ губерній и нерѣдко воинскими движеніями, можетъ и долженъ дѣлать нужныя по всѣмъ частямъ распоряженія. Онъ никогда не успѣетъ въ отправленіи требуемаго обыкновеннымъ порядкомъ письмоводства; а тѣмъ паче, въ Грузіи, гдѣ случай, обстоятельства и дѣла представляются въ новомъ видѣ и требуютъ неотлагательнаго рѣшенія. Въ слѣдствіе чего, я полагаю мнѣніемъ моимъ увеличить власть главноуправляющаго Грузіею, на такомъ основаніи, чтобы, въ соотношеніи съ нимъ, всѣ присутственныя мѣста были на тѣхъ же правилахъ, на каковыхъ поставлена, Высочайшимъ утвержденіемъ о губерніяхъ, власть губернато-

ровъ относительно губернскаго правленія, то есть всякое повелѣніе выполнять немедленно, а буде оное противно законамъ, то присутственное мѣсто о мнѣніи своемъ доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ".

Въ заключеніе кн. Циціановъ просилъ Государя о назначеніи въ окружные начальники людей службою своею и безкорыстіемъ извѣстныхъ, „дабы разширеніе власти, въ пользу поспѣшнѣйшаго теченія дѣлъ, могло тѣмъ дѣйствительнѣе достигнуть предначертанной цѣли".

Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 13-го мая 1805 г. представленіе Циціанова, о реформѣ правительства грузинскаго, утверждено съ присовокупленіемъ назначенія въ казенную экспедицію еще одного члена по экономической части и того что сроки по судопроизводству остаются сообразно установленному порядку въ русскихъ законоположеніяхъ (1).

По представленію же кн. Циціанова Высочайше повелѣно: преступниковъ, приговоренныхъ сентенціями верховнаго грузинскаго правительства къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь, наказывать шпицрутенами и отсылать на грузинскіе рудные заводы (2).

Еще въ началѣ 1803 г. сдѣлано было Высочайшее распоряженіе, чтобы чиновники, поступающіе на службу въ Грузію, были избираемы сколь можно лучшіе, съ поручительствомъ ихъ главныхъ начальниковъ въ хорошихъ способностяхъ и добромъ поведеніи. Въ случаѣ же, если они впослѣдствіи не оправдывали данныхъ имъ аттестатовъ, то высылались на прежнее мѣсто на счетъ аттестовавшихъ ихъ лицъ.

Для привлеченія хорошихъ чиновниковъ на службу въ Грузію и вознагражденія за жизнь лишенную всѣхъ удобствъ, по ходатайству Циціанова было даровано служащимъ въ Грузіи слѣдующія преимущества: 1) при вступленіи въ службу награждать слѣдующимъ чиномъ, 2) получившіе чины, должны по крайней мѣрѣ прослужить одинъ годъ съ прибытія на мѣсто, 3) въ противномъ случаѣ остаются въ прежнемъ чинѣ, 4) кто прослужитъ 4-ре года и пожелаетъ выдти въ отставку, то, сверхъ узаконеннаго производства въ тече-

(1) См. Пол. Собр. Зак.

(2) Выс. указъ кн. Циціанову отъ 31 марта 1803 г.

ніи сего времени за отличіе и по выслугѣ, давать слѣдующій чинъ, 5) кто прослужа 4 года остается на мѣстѣ, то считать время его будущей службы въ половину положеннаго къ производству, 6) указъ 1801 г. о неопредѣленіи лицъ къ должностямъ выше или ниже одного чина на Грузію не распространялся. Всѣ сіи преимущества простирались только до чина статскаго совѣтника.

Еще важное преобразованіе въ правительствѣ Грузіи произвелъ Циціановъ представленіемъ своимъ Государю отъ 28 февраля 1805 г., которымъ всеподданнѣйше изъяснилъ, что до пріѣзда своего въ Грузію, самъ ходатайствовалъ о соединеніи въ особѣ правителя Грузіи гражданской и военной власти, но теперь временемъ и опытомъ убѣдившись, что устройство царства, введеніе новыхъ постановленій и судопроизводства, вмѣстѣ съ затруднительнымъ изученіемъ обычаевъ народа привыкшаго повиноваться не закону, а власти одной особы, требуютъ неусыпнаго занятія гражданскими дѣлами, безъ отвлеченія къ другимъ; онъ находилъ необходимымъ имѣть въ Грузіи правителя по гражданской части.

Такимъ образомъ князь Циціановъ старался постепенно исправлять управленіе краемъ, болѣе принаравливая его къ обстоятельствамъ, характеру и духу народа. Къ сожалѣнію, Циціановъ, такъ хорошо знавшій духъ и характеръ азіятцевъ, не оставилъ мнѣнія о полной системѣ управленія какое бы должно ввести между сими народами, подобно тому, какое изложилъ для управленія Кабардою (1). Кажется основная мысль его въ этомъ случаѣ была та, чтобы оставлять владѣтелей при мнимомъ ихъ владѣніи, въ совершенномъ подданствѣ Россіи и на выгодныхъ для нея условіяхъ, избавляя тѣмъ имперію отъ издержекъ потребныхъ для введенія русскаго управленія. Этой системѣ онъ слѣдовалъ при всѣхъ присоединеніяхъ ханствъ и княжествъ трактатами поступившихъ въ подданство Россіи (2).

Разсмотримъ основанія этой системы съ той точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ Циціановъ, глубоко изучившій свойства прежняго правленія, нравы и понятія, туземцевъ. Онъ оставлялъ владѣтелей въ прежнемъ ихъ отношеніи къ под-

(1) См. Приложеніе № 30.

(2) Эта система подала нашему правительству мысль спросить кн. Циціанова, не признается ли возможнымъ устроить въ такомъ же родѣ правленіе и въ Грузіи. Что отвѣчалъ и отвѣчалъ ли что нибудь на это кн. Циціановъ, намъ неизвѣстно. См. приложеніе № 31.

даннымъ, но самихъ подчинялъ присмотру начальниковъ русскихъ горнизоновъ, находившихся въ каждомъ владѣніи, будто бы для защиты земли отъ сосѣдей.

Онъ внушалъ владѣтелямъ, что не соблюденіе условій трактатовъ, не минуемо повлечетъ отрѣшеніе ихъ отъ управленія ханствами и для того, что бы они не могли отговариваться незнаніемъ русскихъ законовъ, сдѣлалъ изъ нихъ выписку о наказаніяхъ измѣнниковъ; приспособилъ слогъ къ понятію азіятцевъ и препроводилъ эти выписки къ князю Чарторыйскому съ тѣмъ, что если признаются въ цѣли своей полезными, то чтобы управляющій министерствомъ послалъ каждому изъ владѣтелей по одному экземпляру выписокъ. Впослѣдствіи, по кончинѣ Циціанова, извлеченія сдѣланныя имъ изъ законовъ по сему предмету, были препровождены къ главноуправляющему тогда краемъ, графу Гудовичу, но оставлены безъ употребленія, кажется потому, что владѣтели были уже научены двумя примѣрами какъ наказывается измѣна Россійскому Императору. Ибраимъ-ханъ карабагскій заколотъ штыками маіоромъ Лисаневичемъ и Селимъ-ханъ шекинскій, выгнанъ изъ ханства, оба за измѣну. Циціановъ оставлялъ владѣтелямъ право производить судъ и расправу по обычаямъ страны. По его мнѣнію русское правленіе не могло быть тотчасъ привито къ народу дикому, но должно быть вводимо съ благоразуміемъ постепенно въ продолженіи нѣсколькихъ дѣсятковъ лѣтъ. „Сближеніе ново-покоряющихся народовъ съ нравами россійскими, писалъ князь Циціановъ князю Чарторыйскому (1), не можетъ совершиться отъ позволенія ежегодно возить дань въ С.-Петербургъ, (2), потому, что нравы и обычаи такъ легко не пріобрѣтаются и не перемѣняются, и шести-мѣсячное пребываніе персіянина въ С.-Петербургѣ, недостаточно перемѣнить въ немъ склонность къ неправильному стяжанію имѣнія, не можетъ поселить въ него любовь къ ближнему и истребить въ немъ самолюбія, коему онъ приноситъ въ жертву не токмо пользу общественную, или пользу ближняго, но нерѣдко и самую жизнь сего послѣдняго, буде онъ

(1) Отъ 26-го сентября 1805 г.

(2) Петербургскій кабинетъ полагалъ необходимымъ для большаго къ себѣ расположенія и сближенія съ ханами дозволить посланнымъ ихъ привозить дань въ С.-Петербургъ. Отнош. Чарторыйскаго кн. Циціанову 11-го іюля 1805 г.

его слабѣе, ни о чемъ такъ ни заботясь, какъ о собственной своей пользѣ и прибыткѣ. Разность вѣры много препятствуетъ магометанину подражать нашему обычаю и нраву; и будучи воспитанъ въ правилахъ своей вѣры, онъ пріучается отъ мягкихъ ногтей презирать все то, что идетъ отъ христіанъ, почитая насъ врагами своей религіи; а у врага, не просвѣщенный человѣкъ никогда перенимать не станетъ. Если же Татары края сего, влекомы больше собственными побужденіями къ намъ, нежели къ персидскимъ владѣльцамъ, то не отъ чего инаго, какъ отъ того, что собственность ихъ и личность обезпечена, глаза его, носъ и уши, могутъ оставаться до смерти его при немъ.

„Къ тому же и силу россійскихъ войскъ, видѣли, и сіе послѣднее есть та единственная пружина, которою можно какъ содержать ихъ, въ должныхъ границахъ благопристойности и благоустройства, такъ и быть увѣрену, что здѣшній житель ищетъ и искать всегда будетъ сильнаго себѣ въ покровители. Доказательствомъ сему послужитъ слѣдующее: когда предмѣстникъ мой пріѣхавъ въ городъ Сигнахъ, послалъ къ бѣлоканцамъ съ предложеніемъ, чтобы они намъ покорились тогда они отвѣчали: покажи намъ свою силу, тогда и покоримся. Отвѣтъ извѣстный во всей Грузіи“.

„Въ азіятцѣ ни что такъ не дѣйствуетъ какъ страхъ яко естественное послѣдствіе силы. И такъ по мнѣнію моему, ожидая при помощи Божіей перемѣны нравовъ и обычаевъ азіятскихъ, съ перемѣною цѣлыхъ и нѣсколькихъ поколеній, хоть на 30 лѣтъ, страхъ, строгость, справедливость и безкорыстіе, должны быть свойствами, или правилами здѣшняго народо-правленія. Въ теченіи сего времени, стараться вводить кротчайшія нравы и любовь къ ближнему, а потому и къ общему благу; но не иными какими способами, какъ щедрыми наградами тѣхъ, кои что нибудь сдѣлаютъ къ общей пользѣ. Чиновники магометанской религіи какъ не жадны къ деньгамъ, но и честолюбивы; а потому ихъ можно награждать серебреннымъ, или золотымъ перомъ въ шапку съ надписью по приличію: важныя же ихъ услуги награждать можно освобожденіемъ отъ телѣснаго наказанія, но первоначально надлежитъ обвѣстить съ позволѣнія хана и черезъ него тѣ статьи, кои правленіе желаетъ ввести въ

большее употребленіе, напримѣръ, кто сколько, сдѣлаетъ шелку, или сниметъ пшеницы, тому назначить оное награжденіе".

Изъ права владѣтелей въ своихъ земляхъ дѣлать судъ и расправу, исключено только сужденіе уголовныхъ преступленій, которыя, наказываясь у туземцевъ смертію или лишеніемъ какихъ либо членовъ, не могли быть совмѣсты ни съ духомъ владычества Россіи, ни съ принятою системою, обезпеченіемъ личности каждаго, расположить народъ къ силѣ его ограждающей.

Оставляя владѣнія вступавшія въ зависимость Россіи въ положеніи мало различествовавшемъ отъ прежнихъ ихъ учрежденій, Циціановъ дѣйствительно устранялъ отъ имперіи не только огромныя издержки на содержаніе своего правленія, но и отклонялъ тѣ важныя неудобства, которыя должны были родиться отъ недостатка чиновниковъ, обоюднаго незнанія языковъ, неимѣнія переводчиковъ, а всего болѣе отъ примѣненія образованной администраціи къ духу и характеру дикаго, азіятскаго народа.

Дани наложенныя на владѣнія не могли бы покрыть издержекъ сопряженныхъ съ учрежденіемъ въ нихъ русскаго правленія. Онѣ и налагались не съ цѣлію имѣть изъ того выгоды, но для выраженія тѣмъ, по азіятскому обычаю, знака зависимости. Выгоды пріобрѣтались изъ другихъ послѣдствій подданства земли. Кромѣ цѣли военной и политической разширять предѣлы, опирая ихъ не безопасныя естественныя границы: кавказскій хребетъ, моря—Черное и Каспійское и рѣки—Куру и Араксъ, еще представлялись виды торговые, съ учрежденіемъ между портами двухъ морей, совершенно безопаснаго сообщенія караванами.

Относительно даней Императоръ Александръ выразилъ свое желаніе, чтобы онѣ налагались единственно въ залогъ подданства и убѣдили край, что Россія не нуждается въ нихъ, какъ источникахъ своего обогащенія, и потому предполагалось собирать ихъ деньгами, издѣліями или естественными произведеніями, сообразно тому, чѣмъ богата каждая провинція и какими произведеніями она наиболѣе славилась (1). Съ Карабага напримѣръ брали дань лошадьми, а съ Шеки шелкомъ. „Нѣтъ въ Азіи владѣльца, писалъ князь Циціа-

(1) Отн. кн. Чарторыйскаго кн. Циц. 11 іюля 1805 г. Ар. М. Иност. дѣлъ.

новъ который бы мыслилъ, что Россійская имперія имѣетъ при взиманіи дани въ виду столь малые способы для приращенія своихъ доходовъ и тѣмъ паче, что вообще и единогласно всѣ обитатели края сего, не преставая дивиться богатству, Россіи, говорятъ, что русскіе въ Грузію золото возятъ *арбами и вьюками*, а потому на счетъ сего съ ихъ стороны заключенія, они видя по всюду изобиліе и щедрость ни когда и помыслить того не могутъ."

Въ отношенія количества взиманія дани издѣліями или естественными произведеніями, главноуправляющій сдѣлалъ замѣчаніе: что по быстрой измѣнчивости благосостоянія персидскихъ ханствъ, не возможно принимать положенія ихъ въ прежнія лѣта, за основанія къ опредѣленію богатства настоящаго времени. Послѣ смерти Шаха Надира, преемники его, воцарялись на самое короткое время, потому что богатство каждаго хана, давая ему возможность содержать болѣе или мѣнее войска, давало тѣмъ поверхность надъ другими и Шахское достоинство переходило изъ рукъ въ руки, всегда къ сильнѣйшему.

Россія не могла отдѣлять большаго числа войскъ для постояннаго огражденія кавказской линіи и потому выгоды ея требовали поддерживать безпрестанныя домогательства хановъ шахскаго достоинства, и такимъ образомъ, не давать усиливаться одному лицу, могущему сдѣлаться опаснымъ для русскихъ границъ, слабо защищенныхъ съ той стороны. Этой системой Россія руководствовалась въ дѣлахъ Персіи до Императрицы Екатерины Великой. По причинѣ безпрерывныхъ смутъ и войнъ, ханства не остаются въ одинаковомъ положеніи какъ относительно своего богатства, издѣлій и естественныхъ произведеній, уменьшающихся часто отъ угона непріятелемъ большой части народонаселенія, часто отъ опустошенія цѣлаго края. Такъ напримѣръ, богатство карабага составляло нѣкогда отличная порода лошадей, славившихся во всемъ свѣтѣ и изчезнувшая вмѣстѣ съ губительнымъ нашествіемъ на Карабагъ, Аги-Магометъ хана Астрабадскаго. Шекинское ханство хотя и тогда обильно было шелкомъ и можно бы вмѣсто денегъ обложить его этимъ продуктомъ, но въ исполненіи этого возникло другое затрудненіе: „Кто можетъ исчислить, говоритъ Циціановъ, персидскіе обманы, безстыдство, коварство и самую измѣну съ

грудным молокомъ, въ хановъ здѣшнихъ вливаемое. Требуя шелкомъ приношеніе отъ Селимъ хана, можно навѣрное ежегодно ожидать и слышать отъ него предлогами невзноса, онаго неурожай, дождливое лѣто вредное для червей, стужу повредившую тутовыя деревья и прочее. Какое же изъ сего обмана истекаетъ затруднительное послѣдствіе? Съ одной стороны, изслѣдованіе и изобличеніе хана не совмѣстное съ достоинствомъ имперіи; наказаніе же хотя выговоромъ, еще меньше прилично; съ другой, онъ въ обманѣ укореняется и кичится персидскою хитростію; они симъ называютъ обманъ, почитая, что могутъ всегда обмануть европейца этою неизученою хитростью персидской. Почему я мнѣніемъ полагаю, что устраненіе всякаго повода къ обману служить могущаго, есть самое полезнѣйшее дѣло и съ правилами проницательности нашего министерства согласное. Джарская провинція обложена естественнымъ той земли произведеніемъ и издѣліемъ т. е. шелкомъ; не смотря на сіе, по году въ недоимкѣ бываетъ и неплатитъ иначе, какъ посредствомъ понужденія штыками. Я же потерявъ генерала Гулякова, смѣю сказать, что не имѣю на кого бы могъ съ такою увѣренностію положится въ дѣлѣ понужденія. Симъ же лѣтомъ я отвлеченъ Баба-Ханомъ, а зимою, необходимымъ образованіемъ Грузіи, бѣденъ будучи въ гражданскихъ помощникахъ. Относительно же количества налога, всѣмъ извѣстно здѣсь, что и они сами (Джарцы) ту дань не иначе считаютъ, какъ залогомъ только подданства, хотя всегда отговариваются не возможностію платить ее по бѣдности. Убавить же налога не можно потому, что я зная умонастроеніе, сего народа, могу удостовѣрить въ томъ, что они отъ убавки, ни когда сполна фунта платить не будутъ и выйдутъ совсѣмъ изъ повиновенія и послушанія".

Таковы были мысли Ципіанова о русскомъ правленіи закавказскими владѣніями; таково, было его мнѣніе о духѣ и характерѣ народовъ ихъ населяющихъ.

ГЛАВА XXV.

Распоряженіе о занятіи Баку.—Движеніе къ Баку генерала Завалишина. — Движеніе туда же самаго главнокомандующаго. — Принятіе въ подданство Россіи ширванскаго Мустафу-хана. — Переписка князя Циціанова съ бакинскимъ ханомъ. — Гуссейнъ-Кули-ханъ соглашается сдать крѣпость на дискрецію.—Условія сдачи.—Убійство князя Циціанова. — Краткая характеристика его дѣятельности въ Закавказьи.

Генералъ-маіоръ Завалишинъ, какъ мы видѣли отступилъ отъ Баку не взявъ крѣпости.

„Скажу вашему превосходительству, писалъ князь Циціановъ Завалишину (1), что если бы я не ходилъ по горницѣ на костыляхъ, отъ изнурившей меня болѣзни, и еслибъ четыреста верстъ меня не раздѣляли съ вами,—хотя сія и не велика остановка, а самая важная та, что я не имѣю отъ васъ курьера и не могу знать послѣдней вашей резолюціи объ отступленіи,—то ябы полѣтелъ на выручку славы русской, и скорѣй бы легъ подъ стѣнами Баки, нежели далъ кичиться Гуссейнъ-Кули-хану тѣмъ, что онъ отбилъ русскіе войска, и что они ничего ему не сдѣлали".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій приказалъ Завалишину идти съ эскадрою отъ острова Сары къ Баку и высадя тамъ свой отрядъ, принудить бакинскаго хана сдаться на условіяхъ. Завалишинъ сдѣлалъ высадку въ Абшеронѣ, въ 40-ка верстахъ отъ Баку (2), и послалъ къ Гуссейнъ-Кули-хану предложеніе о вступленіи его въ подданство Россіи, и условія трактата на которыхъ онъ можетъ сдаться. Ханъ отвѣчалъ, что онъ съ полученія присланныхъ генераломъ бумагъ, уже считаетъ себя вѣрноподданымъ Россійскаго Императора, но удивляется отъ чего Завалишинъ, если имѣлъ эти бумаги прежде, не присылалъ ихъ къ нему до начатія бомбардированія города? тогда бы не встрѣтилъ никакаго сопротивленія „а теперь, писалъ онъ, мы уже не

(1) Предпис. кн. Циціанова Завалишину 4-го сентяб. 1805 г. № 681.
(2) Изъ донесенія кн. Циціанова Г. И. 27-го ноября 1805 г.

вѣримъ, что они присланы отъ Его Императорскаго Величества, а полагаемъ, что онѣ составлены вами".

Бакинскій ханъ ссылался на то, что онъ и въ первый приходъ Завалишина не хотѣлъ противиться русскому оружію, и просилъ два мѣсяца сроку собственно только потому, что „наши купцы находились въ разныхъ персидскихъ городахъ, съ товарами, то и надѣялись мы, черезъ оное время, что они могутъ собраться, потому ежелибъ узнали прочіе Персіяне, что мы городъ отдали то перебили бы всѣхъ купцовъ и всѣ товары разграбили" (1).

Завалишинъ доносилъ, что по всѣмъ свѣдѣніямъ ханъ не думаетъ о сдачѣ города; что народъ крайне недоволенъ его поведеніемъ, потому что съ него собрано было подати 150 т. руб., для уплаты Шихъ-Али-хану дербентскому; что вывозъ соли и нефти, которыми Бака снабжала всѣ персидскія владѣнія, съ приходомъ русскихъ также прекратился, и это прекращеніе вывоза еще болѣе раззоряло народъ. Всѣ эти соображенія заставляли Завалишина предполагать, что съ приходомъ самаго князя Циціанова подъ Баку кичливость хана уничтожится и онъ сдастъ городъ (2).

Циціановъ изнеможенный тяжкими болѣзнями, желая загладить неудачныя дѣйствія Завалишина, въ ненастное зимніе время, съ отрядомъ изъ 1,663 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, при 10 орудіяхъ, въ концѣ ноября выступилъ изъ Елисаветполя въ Баку (3). Пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшіеся нѣсколько разъ въ день, ослабляли здоровье князя Циціанова. Во время похода его снимали съ лошади, клали на землю и часто, подъ снѣгомъ и дождемъ, выдерживалъ онъ сильные припадки болѣзни и потомъ догонялъ отрядъ на привалахъ.

Въ необходимости движенія къ Баку главнокомандующаго убѣждали слѣдующія обстоятельства.

1) Походъ весною неудобенъ по разлитію малыхъ рѣкъ и „худобѣ скота", какъ перевозочнаго средства. 2) Выпавшій въ ноябрѣ 1805 г., снѣгъ доходившій въ нѣкоторыхъ

(1) Переводъ письма хана къ Завалишину. Т. А. К. Н.

(2) Рапор. Залалишина кн. Циціанову 23-го октяб. 1805 г. Ibid.

(3) Отрядъ его составляли: 2 баталіона севастопольскаго мушкетерскаго полка въ коихъ было 779 челов.; 6 ротъ 9-го егерскаго полка въ 290 челов.; 128 челов. тифлисскаго мушкет. полк.; 113 ч. донскихъ казаковъ; 74 чел. линейныхъ казаковъ; 151 чел. кизихскихъ Татаръ и 10 орудій съ прислугою. Донес. кн. Циціанова Г. И. 27-го ноября 1805 г.

мѣстахъ глубиною до сажени, на пространствѣ отъ Тавриза до Карадага, отнялъ возможность у Персіянъ дать помощь бакинскому хану и наконецъ 3) завладѣвъ Баною, и приведя въ подданство ширванскаго хана, можно было гораздо успѣшнѣе склонять Баба-Хана къ миру. „Если же бы удалось, писалъ князь Циціановъ (1), зимнею компаніею взять и Эривань, тогда бы можно было послать прямо къ нему (Баба-Хану), съ объявленіемъ, что Россія даетъ ему миръ. Сіи то причины сопряженныя по мнѣнію моему съ достоинствомъ Имперіи, заставили меня предпринять сей походъ".

Ширванскій владѣтель Мустафа-ханъ, о которомъ упомянуто выше, добровольно искавшій подданства и согласившійся на всѣ условія ему предложенныя, по недовѣрчивости и гордости, упорствовалъ явиться, подобно хану карабагскому, на Куракъ, для утвержденія трактата и принятія присяги. Главнокомандующій, не хотѣлъ оказать ему преимущества предъ ханами, карабагскимъ и шекинскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ уступить его настойчивой прихоти, что могло бы имѣть вліяніе на будущія съ нимъ сношенія. Какъ ни какія убѣжденія не могли подѣйствовать на хана, то главнокомандующій рѣшился направить свое движеніе подъ Баку черезъ ширванское владѣніе, и, приближеніемъ войскъ, заставить Мустафу исполнить отъ него требуемое. Циціановъ 30-го ноября переправился чрезъ Куру въ Мингечаурѣ мѣстечкѣ Шекинскаго ханства и оттуда, семью переходами, пришелъ 11-го декабря къ водопроводу Буру-Мархъ, въ 5-ти верстахъ отъ новой Шемахи, города въ ширванскомъ владѣніи. На одномъ изъ ближайшихъ возвышеній показалась толпа ширванцевъ, но казаки, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, заставили ихъ удалиться. Циціановъ просилъ Мустафу „не губить напрасно свой народъ" и ширванскій владѣтель хотя уступалъ всѣмъ требованіямъ главнокомандующаго, но какъ и прежде, по недовѣрчивости, не хотѣлъ послѣдовать примѣру своихъ сосѣдей,— пріѣхать на гранницу елисаветпольскаго округа, для совершенія акта подданства, такъ и теперь, отъ трусости, боялся явиться къ Циціанову для принятія присяги въ вѣрности, предполагая, что будетъ схваченъ и лишенъ сана.

(1) Ibid.

Изъ подъ новой Шемахи отрядъ перешелъ на гору Чартму, а выше ея, на Фиттагѣ (1), Мустафа-ханъ со всѣми своими войсками и шемахинцами заперся въ укрѣпленіяхъ. Увѣренія главнокомандующаго въ безопасности Мустафы, а болѣе близость русскихъ войскъ, заставили трусливаго Мустафу-хана, рѣшиться прибыть въ станъ русскій, для принятія присяги на вѣрноподданство, но только съ тѣмъ, чтобы свиданіе его съ главнокомандующимъ было въ отдаленіи отъ лагеря, съ извѣстнымъ числомъ конвоя съ обѣихъ сторонъ и не въ палаткѣ, а на открытомъ мѣстѣ.

Все было исполнено по желанію хана, и 25-го декабря, „въ день свѣтлый Рождества Христова“, князь Циціановъ присоединилъ къ Россіи обширную и богатую провинцію пріобрѣтенную безъ пролитія крови. Мустафа-ханъ Ширванскій съ своимъ народомъ вступилъ въ подданство Россіи и присягою утвердилъ свою вѣрность. Условія заключеннаго трактата, рознились отъ условій принятыхъ сосѣдними владѣтелями только тѣмъ, что, 6-мъ пунктомъ, ханъ обязался возвратить Ибрагимъ-хану всѣхъ природныхъ карабагскихъ жителей; уступить ему же мѣстечко Джаватъ; отвѣчать въ своемъ владѣніи за безопасность купеческихъ каравановъ; давать рабочихъ, для возведенія укрѣпленій при устьѣ Куры и въ знакъ долга, платить Россіи ежегодно по 8 тыс. червонцевъ.

„Главнѣйшая польза, доносилъ князь Циціановъ (2), могущая истекать отъ присоединенія сего ханства къ Россіи, есть та, что онымъ черезъ Баку, между Грузіею и Астраханью, возстановится торговая связь и изъ сей послѣдней приходящіе товары въ Баку будутъ, на отчетѣ Мустафа-хана ширванскаго, предпровождаемы со всею безопасностію до шекинскаго владѣнія, гдѣ встрѣчать будетъ подобныя караваны отрядъ войскъ въ ономъ квартирующій. Наконецъ о богатствѣ жителей ширванскаго ханства можно судить потому, что въ самыхъ пустыхъ деревняхъ наши фуражиры находили, въ простыхъ мужичьихъ домахъ, англійскую фаянсовую посуду и другіе вещи, доказывающіе о ихъ изобиліи и даже роскоши“.

Съ такимъ успѣхомъ совершались тѣ предпріятія Циціа-

(1) Одной изъ высокихъ горъ Кавказскаго хребта.
(2) Донесеніе кн. Циціанова Г. И. 27 ноября 1805 г.

нова, въ которыхъ исполнителемъ былъ онъ самъ, и планъ военныхъ дѣйствій на 1805 годъ, не смотря на неудачу каспійской флотиліи, не смотря на всѣ усилія Персіи уничтожить замыслы Циціанова, созрѣвалъ въ полномъ своемъ объемѣ, и давалъ именно тѣ результаты, на которые разсчитывалъ главнокомандующій. Со стороны Каспійскаго моря, оставалось покорить только Баку.

Циціановъ писалъ къ бакинскому хану изъ Ширвани: „иду подъ Баку съ тѣмъ, что буде ваше высокостепенство не здадитѣ мнѣ крѣпости Бикинской на тѣ условія, которыя прислалъ вамъ генералъ-маіоръ Завалишинъ, съ острова Сары то, или умереть подъ стѣнами оной крѣпости, или взять такимъ образомъ какъ и Елисаветпольскую, что называлась Ганжею“ (1).

„Принявъ твердое намѣреніе оное исполнить, я не скрываю его отъ вашего высокостепенства, а открываю его во всей наготѣ, прибавя къ тому, что буде допустите вы меня до Баки, тогда уже условіе, генералъ-маіоромъ Завалишинымъ вамъ присланное, не можетъ быть въ дѣйствіи, и тогда иной сдачи крѣпости быть не можетъ, какъ на волѣ побѣдителей и сильныхъ или взятіе штурмомъ. Не подумайте однакожъ, что я говорю сіе, стращая только по персидскому обычаю, напротивъ, я надѣюсь, что въ три года моего здѣсь пребыванія, ваше высокостепенство наслышались, что я всегда слово свое исполнялъ. Такъ я предсказывалъ Джаватъ-хану, что возьму Ганжу и сдѣлалъ то; послѣдуйте моему совѣту, заключите трактатъ съ генералъ-маіоромъ Завалишинымъ, впустите россійскій гарнизонъ въ Баку и вышлите ко мнѣ съ извѣстіемъ на встрѣчу, тогда я васъ увѣряю, что счастіе ваше совершено будетъ. Вы узрите, что я знакомыхъ своихъ не забываю; въ противномъ же случаѣ, увѣряю, что Шихъ-Али-ханъ мерзкій, васъ и ваше семейство вводитъ въ вѣчную пагубу; наконецъ прошу Бога, что бы онъ васъ наставилъ на путь истины“.

„И такъ знакомство мое съ вами, налагаетъ на меня обязанность, предупредить васъ въ пагубѣ, въ которую вы вовлекаете себя, дѣлаясь преслушнымъ священной волѣ Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго моего и великаго Государя Государей Императора, пощадите себя и

(1) Письмо кн. Циціанова Гуссейнъ-Кули-хану 23 нояб. 1805 г. № 855. Т. А. К. Н.

свое семейство, прошу васъ по прежнему знакомству, избѣгайте жребія Джаватъ-хана, а послѣ все дѣло исправиться можетъ и вы усердіемъ, доказаннымъ на дѣлѣ, пріобрѣтетѣ новыя выгоды отъ милосердаго и всемилостивѣйшаго Монарха, лишь не допустя меня до Баку".

Не исполненіе Мустафою-ханомъ ширванскимъ условія, о немедленномъ возвращеніи карабагскихъ семей и позднее доставленіе имъ по обязательству провіанта для отряда, задержало на нѣкоторое время движеніе кн. Циціанона къ Баку Мустафа не исполняя трактата, давалъ совѣты главнокомандующему относительно его поступковъ съ бакинскимъ ханомъ. „Не Мустафѣ хану меня учить ,писалъ кн. Циціановъ хану ширванскому (1), что мнѣ нужно дѣлать и чего не нужно; я знаю самъ что я дѣлаю и то что вамъ кажется не нужнымъ, я считаю за необходимое. Учить вы можете своихъ беговъ, а не меня. Долженъ вамъ также сказать, что и Его Императорское Величество, котораго вы есть подданный, ко мнѣ не пишетъ что мнѣ нужно дѣлать, имѣя полную ко мнѣ довѣренность".

Чрезвычайно трудный переходъ чрезъ шемахинскія горы при безкормицѣ, безпрестанныхъ снѣгахъ смѣняющихся дождемъ, замедлили походъ и отрядъ пришелъ подъ Баку 30-го января, расположившись лагеремъ при урочищѣ Нахаръ-Булахъ. Оттуда Циціановъ послалъ 300 человѣкъ на помощь генералу Завалишину, предписавъ ему укрѣпиться противъ Баки (2).

Явившись подъ стѣнами крѣпости, главнокомандующій снова призывалъ Гуссейнъ-Кули-хана къ раскаянію и требовалъ отъ него безусловной сдачи.

„Письмо вашего высокостепенства я получилъ, и къ сожалѣнію моему вижу, что переписка наша ни къ чему окончательному насъ неведетъ, для того что ваше высокостепенство на главнѣйшее содержаніе моего письма: то есть сдаетѣли вы на мою совѣсть крѣпость или нѣтъ? не отвѣчаетѣ ни слова, а я призванъ за тѣмъ что бы взять городъ. Ничего же незаключающія въ себѣ ваши извиненія. въ письмѣ для меня не нужны, и я въ послѣдній разъ требую отъ вашего высокостепенства, дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ

(1) Письмо хану ширванскому отъ 2 янв. 1806 г. Т А. К. Н.
(2) Предписаніе Завалишину 31 января 1806 г.

на главное мое требованіе: сдаетели вы городъ на совѣсть мою или нѣтъ?"

Хотя главнокомандующій и предоставлялъ хану предложить свои условія, но предупреждалъ его: что Баку какъ портовый городъ, не можетъ быть безъ россійскаго гарнизона; что по тому же самому не возможно оставить въ рукахъ хана тамошній доходъ, въ третьихъ что Россія не можетъ терпѣть притѣсненіе купечества, и наконецъ кн. Циціановъ требовалъ отъ хана, для большей вѣрности, старшаго его сына въ аманаты.

„Вотъ *четыре* главнѣйшія пункта, на кои буде вы согласиться не можете, то лучше всего прекратить переписку и положиться на вашу храбрость и вашихъ подданныхъ при оборонѣ города, а я буду дѣлать что мнѣ должно и тогда увидимъ какъ Богу распоряжать угодно будетъ. Впротчемъ воля ваша; съ симъ письмомъ отправляю къ вашему высокостепенству нарвскаго драгунскаго полка подполковника и перваго грузинскаго князя Элизбара Эристова Ксанскаго, и жду отвѣта завтрешній день по утру."

Послѣ долгихъ переговоровъ, Гуссейнъ-Кули-ханъ написалъ слѣдующее: „Наконецъ по требованію вашего сіятельства я сдаю бакинскую крѣпость на дискрецію (т. е. на совѣсть или волю вашу) и повергаю себя со всѣмъ своимъ владѣніемъ и народомъ въ вѣчное подданство всероссійской имперіи." Далѣе изъявлялъ надежду, что государь принявъ во вниманіе заслуги его, оказанные имъ въ бытность Русскихъ войскъ въ бакѣ 1796-го года, нелишитъ его ханства и оставитъ при прежнихъ его выгодахъ (1). Циціановъ отвѣчалъ, что государь даруетъ ему управленіе бакинскимъ ханствомъ на слѣдующихъ условіяхъ, 1) Отправленіе вѣры во всемъ ханствѣ и для всѣхъ остается совершенно свободнымъ. 2) Управленіе ханствомъ на всегда предоставляется Гуссейну и его роду, съ тѣмъ, чтобы кротость, милосердіе и человѣколюбіе, были основаніями онаго.

3) Судъ и расправа предоставляются владѣтелю, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій, въ сужденіи которыхъ будетъ участвовать комендантъ бакинскаго гарнизона. 4) Доходы съ ханства, за исключеніемъ таможенныхъ сборовъ, предоставляются въ пользу хана. 5) Отпускъ соли и нефти, въ

(1) Письмо Бакинскаго хана 4-го февраля 1806 г. Т. А. К. Н.

количествѣ необходимомъ собственно только для употребленія войскъ въ закавказскомъ краѣ, производить безденежно по билетамъ за подписью главнокомандующихъ Грузіею. Для бакинскаго гарнизона отвести въ окружныхъ деревняхъ удобныя квартиры. 6) По обычаю азіятскому, сверхъ присяги, въ залогъ вѣрности ханъ обязанъ выдать сына своего въ аманаты. 7) Какъ ханъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго краемъ, то безмолвное повиновеніе приказаніямъ его, или кому отъ него поручено будетъ на письмѣ „есть безъ отговорочная должность хана“ и наконецъ 8) измѣна присяги, подвергаетъ его неизбѣжному отрѣшенію отъ ханства (1).

Къ этому Циціановъ присоединилъ письмо слѣдующаго содержанія: „Любезный Гуссейнъ-Кули-ханъ! Написавъ къ вамъ письмо въ лицѣ русскаго генерала, долгомъ считаю по старому знакомству писать сіе какъ брату и другу. Поелику вы мнѣ предаетесь въ мою волю, то увѣряю васъ всемогущимъ Богомъ, въ котораго вѣрую, что не токмо не оставлю васъ, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, но выгоды собственные ваши и вашихъ подданныхъ, буду наблюдать точно какъ мои, зная что милосердіе всемилостивѣйшаго Государя и ангело-подобнаго Императора безпредѣльно. Все старое забудемъ и останемся на вѣчныя времена друзьями съ каковымъ расположеніемъ остаюсь душею и сердцемъ вамъ доброжелательнымъ“ (2).

Гуссейнъ-Кули-ханъ отвѣчалъ: „письмо вашего сіятельства, въ которомъ изволили предложить мнѣ для исполненія нѣкоторые пункты, я получилъ чрезъ почтеннаго князя Элизбара Эристова, и отправляю къ вашему сіятельству почтеннаго чиновника, моего Абдулъ-Гуссейнъ-Бека, который на письмо ваше доложитъ вашему сіятельству мой отвѣтъ и котораго слова, будутъ точныя мои слова“.

Абдулъ-Гуссейнъ-Бекъ объявилъ Циціанову, что ханъ его, съ покорностію, пріемлетъ всѣ милости Государя, и на другой день выдастъ ключи крѣпости чрезъ почтенныхъ обывателей бакинскихъ.

Князь Циціановъ по утру 8-го февраля, въ сопровожденіи караула изъ 200 челов., назначеннаго для занятія Баку,

(1) Сообщеніе кн. Циціанова Бакинскому хану 4 февраля 1806 г. Т. А. К. Н.
(2) Т. А. К. Н.—Кавказъ 1846 г. № 8.

приблизился къ колодцу отстоящему въ полуверстѣ отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Бакинскіе старшины подали ему ключи хлѣбъ—соль и просили главнокомандующаго лично успокоить ихъ хана на счетъ прощенія за оказанное имъ сопротивленіе. Князь Циціановъ принялъ хлѣбъ—соль, согласился видеться съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ и возвратилъ ключи крѣпости съ тѣмъ, чтобы самъ владѣлецъ вручилъ ихъ ему. Немедленно ханъ выѣхалъ изъ крѣпости, въ сопровожденіи Ибрагимъ-Бека, Косимъ-Бека, Ага-Керимъ-Бека, Сеитъ-Бека и Амиръ Гамирзы; Циціановъ пошелъ къ нему на встрѣчу безъ свиты, въ сопровожденіи только подполковника Эристова и одного казака. Едва они сблизились, какъ по знаку данному коварнымъ ханомъ, Ибрагимъ-Бекъ выстрѣлилъ въ Циціанова изъ пистолѣта, Сеитъ-Бекъ и Амиръ-Гамирза въ Эристова, а прочіе довершили убійство. Одинъ казакъ успѣлъ лишь ускакать.

Въ то же мгновеніе бакинцы съ страшнымъ крикомъ сдѣлали залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, по отряду стоявшему у колодца, а убійцы утащили съ собою тѣла погибшихъ и отрѣзавъ голову князю Циціанову, отослали ее съ торжествомъ, въ подарокъ къ Шаху Персидскому. Тѣло Циціанова было зарыто у воротъ крѣпости, гдѣ долгое время видѣлась могила грознаго русскаго главнокомандующаго на Кавказѣ (2). Русскія войска сѣли на суда и отправились въ Астрахань.

Говорить ли о томъ, что потеряло Закавказье со смертью кн. Циціанова, сдѣлавшагося жертвой излишняго довѣрія къ хитрымъ и коварнымъ азіятцамъ? Предлагаемое сочиненіе, краснорѣчивѣе всѣхъ фразъ укажетъ на то, что край терялъ въ немъ дѣятельнаго и умнаго администратора.

Всматриваясь въ характеръ дѣятельности кн. Циціанова, не трудно отличить три главныя цѣли, которыя были имъ преслѣдуемы во все время управленія его краемъ: 1) Создать закавказскія владѣнія Россіи въ томъ объемѣ, въ которомъ они почти находятся и въ настоящее время, съ присоединеніемъ еще Карскаго пашалыка. 2) Сколь возможно

---

(2) Полковникъ Карягинъ Лисаневичу отъ 16 февраля. Показаніе Бакинца Амиръ-Гамирзы 25 нояб. 1806 г. Рап. Завалишина Г. И. 15 фев. 1806 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ

болѣе населить край, хотя бы и выходцами изъ Персіи и Турціи, но христіанскаго исповѣданія и 3) Развить въ краѣ просвѣщеніе, промышленность и торговлю.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если бы смерть не пресѣкла его кипучую дѣятельность, то съ тѣмъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на туземцевъ, съ тою неограниченною и сильною волею, которая была въ его характерѣ, можно было надѣяться, что кн. Циціановъ устроилъ бы край окончательно и тѣмъ избавилъ Россію отъ многихъ кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ въ послѣдствіи, для утвержденія благосостоянія въ закавказскомъ краѣ.

Кноррингъ передалъ кн. Циціанову Грузію въ бѣдственномъ положеніи, колебавшуюся въ зависимости къ Россіи; передалъ народъ недовольный русскимъ правительствомъ. Хищные сосѣди пользуясь волненіями въ царствѣ, ото всюду грозили вторженіемъ и разхищеніемъ достоянія Грузіи. Князь Циціановъ уничтожилъ мятежи и волненія въ странѣ, примирилъ недовольныхъ правительствомъ и пріобрѣлъ довѣріе своихъ соотечественниковъ. Онъ, можно сказать, началъ перевоспитывать народъ пріученный къ обманамъ и пронырству, коварною системою правленія азіятскихъ владѣтелей. Во время управленія краемъ кн. Циціанова Азія слѣпо вѣрила въ могущество Россіи, непобѣдимость ея войскъ и съ изумлѣніемъ смотрѣла на прямоту всѣхъ дѣйствій главноуправляющаго и твердое исполненіе даннаго имъ слова.

Въ три года устроивъ и успокоивъ Грузію, онъ покорилъ Джаро-Бѣлоканскую область и Ганжинское ханство. Переговорами присоединилъ къ Россіи: Имеретію, Мингрелію, султанство Шурагельское, ханства: Карабагское, Шекинское, Ширванское и, наконецъ, подъ Бакою своею смертію закончилъ длинную цѣпь начатыхъ пріобрѣтеній Россіи. Въ три года онъ создалъ великое тѣло,—отъ моря Чернаго до Каспійскаго, отъ хребта кавказскихъ горъ до рѣки Куры и Аракса и нѣтъ сомнѣнія онъ бы далъ ему и великую душу. Недоставало матеріальныхъ средствъ и способовъ къ осуществленію всѣхъ плановъ кн. Циціанова, а не предпріимчивости ума, соображеній и энергіи....

Прошло шесть лѣтъ послѣ смерти кн. Циціанова. Главнокомандующій на Кавказѣ маркизъ Паулуччи, перенесъ тѣло кн. Павла Дмитріевича въ Тифлисъ и положилъ въ

Сіонскомъ соборѣ, гдѣ и воздвигнутъ памятникъ съ надписью на русскомъ и грузинскомъ языкахъ:

„Здѣсь покоится кн. Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ главнокомандовавшій россійскою арміею въ Грузіи, котораго непріятели, бывъ слабы побѣдить, измѣннически умертвили въ ту самую минуту когда онъ принудивъ къ сдачѣ Бакинскую крѣпость приближался къ стѣнамъ оной, для принятія ключей и коего тѣло доселѣ хранилось въ Бакѣ непогребеннымъ.“

„Исполнитель же священной воли Его Величества Императора Александра I маркизъ Филипъ Осиповичъ Паулуччи, главнокомандующій въ Грузіи, подъ симъ монументомъ сокрылъ тлѣнные остатки сего генерала, *коего слава переживетъ прахъ его.* декабрь 1811 года“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

РОДОСЛОВНАЯ
ЛИЦЪ ЦАРСКОЙ ГРУЗИНСКОЙ ФАМИЛІИ
ВО ВРЕМЯ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ГРУЗІИ КЪ РОССІИ

(арх. минист. внут. дѣлъ, письмо кнорринга къ свольяниновy отъ 1-го апрѣля 1801 года № 735 *).

ЦАРЬ ИРАКЛІЙ II-й

супруга его царица Дарья Григорьевна княжна Дадіанова.

Сыновья:

1) Царь Георгій XIII (Отъ перваго брака). Имѣлъ въ супружествѣ 1 Кетеванъ княжну Андроникову 2 Марію Георгіевну княжну Цицишвили.

2) Юлонъ. Супруга его Саломея Ревазовна княжна Амилахварова.
- 1) Леванъ 15 лѣтъ; 2) Ахвердабъ 13 лѣтъ; 3) Тамара 1 лѣтъ.

3) Вахтангъ. Супруга его Марія Давыдовна (Давидъ Андрониковъ) княжна Андроникова. Бездѣтны.

4) Антоній. Католикосъ (патріархъ) Грузинскій.

5) Миріанъ. Ген. лейтен. русской службы.

6) Александръ.

7) Парнаозъ. Супруга Анна Георгіевна кн. Эристова.
- 1) Соломея 5 л.; 2) Елена 2 л.

Дочери:

1) Марія. Замужемъ за кн. Давыдомъ Цициановымъ, Тіанетскимъ Моуравомъ.
- 1) Евстафій 28 л.; 2) Николай 22 л.; 3) Иванъ 17 л.; 4) Дмитрій 11 л.; 5) Анастасія 19 л.; 6) Наталія 5 л.

2) Кетеванъ. Вдова кн. Багратіона Мухранскаго.
- 1) Константинъ 9 л.; 2) Теймуразъ 1 л.; 3) Георгій 8 л.; 4) Давыдъ 6 л.; 5) Ираклій 1 года; 6) Варвара 11 л.

3) Анастасія. Въ супружествѣ за кн. Ревазомъ Эристовымъ.
- 1) Ильяуръ, 2) Бадіина.

4) Екатерина. Замужемъ за кн. Егоромъ Челокаевымъ.
- 1) Иванъ 5 л.; 2) Давыдъ 2 л.; 3) Елизавета 7 л.

5) Ѳекла. Замужемъ за кн. Вахтангомъ Орбеліановымъ, бездѣтна.

6) Елена. Замужемъ за кн. Захаріемъ Андрониковымъ.
- Хорешанъ 3 л. замужемъ за кн. Зурабомъ Орбеліановымъ.

7) Тамара отъ перваго брака Ираклія. Замужемъ за кн. Давыдомъ Орбеліановымъ.
- 1) Иванъ Сардарь 36 лѣтъ; 2) Марія въ супружествѣ за кн. Ростомомъ Эристовымъ; 3) Анна за кн. Авелемъ Андрониковымъ; 4) Варвара за кн. Иваномъ Андрониковымъ; 5) Татіана за кн. Тархановымъ; 6) Екатерина за кн. Егоромъ Амилахваровымъ; Кетеванъ за кн. Цициановымъ.

Дѣти отъ перваго брака.

1) Давыдъ. Супруга Елена Семеновна княжна Абашидзева. Генералъ-Лейтенантъ въ русской службѣ.

2) Іоаннъ. Супруга Кетеванъ княжна Церетелева.
- Григорій 11 лѣтъ.

3) Баграть. Супруга княжна Екатерина Челокаева.
- Спиридонъ 1 года.

4) Теймуразъ. Супруга княжна Елена Амилахварова.

5) Софія замужемъ за кн. Зурабомъ Тархановымъ.
- 1) Евстафій 8 л.; 2) Анна 7 л.; 3) Анастасія 5 л.

6) Нино, за кн. Дадіановымъ.
- 1) Георгій 3 л.; 2) Котева 9 л.; 3) Марія 7 л.; 4) Елена 6 л.; 5) Екатерина 4 л.

7) Рипсимія, замужемъ за княземъ Дмитріемъ Челокаевымъ.
- Захарій 1 года.

8) Гаяна.

9) Варвара замужемъ за кн. Андрониковымъ.
- Томазъ 1 лѣтъ.

Дѣти Георгія отъ втораго брака.

1) Михаилъ 15 л.; 2) Джибраилъ 14 л.; 3) Илья 10 л.; 4) Окропиръ 6 л.; 5) Ираклій 2 л.; 6) Тамара 1 г.; 7) Анна 1.

* Дѣти всѣхъ лицъ обозначены въ которыхъ были въ 1801 году

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

(С.-Петерб. Глав. арх. министр. иностр. дѣлъ 1—10, 1801—3, № 2.).

Во имя всемогущаго господа Бога!

Мы ниже подписавшіеся, уполномоченные и довѣренные: превосходительнаго и высокостепеннаго кубинскаго, владѣющаго нынѣ и Дербентомъ, Шихъ Али хана, чиновникъ его Медетъ Бекъ; сіятельнаго и превосходительнаго Шамхала тарковскаго, владѣтеля бойнацкаго и дагестанскаго Мегдія, чиновникъ его Оразай Бекъ; превосходительнаго и высокостепеннаго талышинскаго Миръ-Мустафы хана, двоюродный братъ его, Мирза-Магометъ Бекъ; превосходительнаго и высокостепеннаго каракайдакской округи владѣтеля, Уцмія Рустомъ хана, чиновникъ его Ахметъ Ага; правителя округи сей высокостепеннаго Рази хана, чиновникъ его Узней Бекъ; превосходительнаго и высокостепеннаго табасаранской округи владѣтеля Кади Рустомъ хана, чиновникъ его Магометъ Бекъ, и высокостепенныхъ сей же табасаранской округи владѣльцевъ: Сохрабъ Бекъ Маасума, чиновникъ его Нуръ Магометъ Ага Мустафаевъ, и Магмута, брата владѣтеля округи табасаранской, Кадыя, чиновникъ его Шихъ Мулла,—внявъ гласу милосердія и благости всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго Александра Павловича, въ лицѣ высокостепенныхъ нашихъ хановъ, сіятельнаго и превосходительнаго Шамхала тарковскаго и горскихъ владѣльцевъ, въ высокомъ подданствѣ и покровительствѣ Его Императорскаго Величества состоящихъ, по предложенію намъ сдѣланному всероссійскихъ войскъ г. генералъ-лейтенантомъ кавказской инспекціи, по инфантеріи инспекторомъ, главноуправляющимъ въ Грузіи, астраханскимъ военнымъ губернаторомъ, начальствующимъ и по гражданской въ губерніи сей части, управляющимъ пограничными кавказскаго края дѣлами и разныхъ орденовъ кавалеромъ, княземъ Павломъ Циціановымъ, что Его Императорское Величество, изъ врожденнаго ко благу человѣчества побужденія, взираетъ съ душевнымъ прискорбіемъ на взаимныя вражды и крамолы между разныхъ народовъ подвластныхъ и подданныхъ нашимъ высокостепеннымъ ханамъ, сіятельному и превосходительному Шамхалу тарковскому и горскимъ владѣльцамъ существующія на раздоры и самовольныя управы, раззорѣніе и опустошеніе, за собою влекущіе частыя вооруженія другъ противъ друга единою корыстію водимыя, на самое низверженіе хановъ или горскихъ владѣльцовъ съ достоинствъ ихъ, не имѣя на то законной власти; однимъ словомъ на пагубныя слѣдствія къ истребленію рода человѣческаго

клонящіеся и что наконецъ намъ уполномоченнымъ и довѣреннымъ, въ лицѣ нашихъ высокостепенныхъ Хановъ, сіятельнаго и превосходительнаго Шамхала тарковскаго и горскихъ владѣтелей, созваннымъ посему предмету всемилостивѣйше указать соизволилъ, предложить постановленія между собою твердаго непоколебимаго и вѣчнаго мирнаго и дружескаго союза, подъ верховнымъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ.

Внявъ гласу сему милосердаго и человѣколюбиваго о благѣ нашемъ и облагѣ общемъ Его Императорскаго Величества попеченія, съ помощію Божіею, въ присутствіи вышеупомянутаго всероссійскихъ войскъ г. генералъ-лейтенанта и разныхъ орденовъ кавалера князя Павла Цицianова, единогласно и единодушно постановили и заключили слѣдующія статьи:

Статья 1. Превосходительный и высокостепенный кубинскій, владѣющій нынѣ и Дербентомъ Шихъ Али ханъ, сіятельный и превосходительный Шамхалъ тарковскій владѣтель бойнацкій и дагестанскій Мегди, превосходительный и высокостепенный каракайдакской округи владѣтель Уцмій Рустомъ ханъ, округи сей правитель высокостепенный Рази ханъ, превосходительный и высокостепенный табасаранской округи владѣтель Кады Рустомъ ханъ и сей же округи высокопочтенные владѣльцы: Сохрабъ Бекъ Маасумъ и Магмудъ, удостоясь всемилостивѣйшаго принятія въ подданство и покровительство Его Императорскаго Величества, по собственнымъ ихъ просьбамъ, принесеннымъ высочайшему престолу его, и получая всегда обильно высокомонаршее Его Императорскаго Величества къ себѣ благоволеніе, и великодушный о благѣ ихъ промыселъ, пребудутъ навсегда непоколебимыми вѣрноподданической преданности и обязанности ихъ Его Императорскому Величеству, и по покровительству и защитѣ всѣхъ ихъ, одною высочайшею державою Его Императорскаго Величества, оставляя отъ нынѣ впредь всѣ бывшіе до сего между ними вражды, несогласія ссоры и непріязненныя поступки, оставаясь всѣ спокойными въ своихъ владѣніяхъ, въ коихъ таковымъ отъ Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго защитника и покровителя ихъ, пожалованными имъ грамотами признаны, всемѣрно удерживать ихъ будутъ за собою и ограждать ихъ отъ непріятеля, принимая всегда заблаговременно надлежащія къ тому мѣры, и для того соединясь всѣ безконечно, на предъидущіе времена, тѣснымъ союзомъ и дружбою хранить будутъ оную свято, не дерзая никогда нападать, на области своихъ союзниковъ и имъ подвластныхъ ничѣмъ не оскорблять; очемъ мы яко уполномоченные и довѣренные отъ нихъ, и обязались вмѣсто ихъ присягою, въ присутствіи выше поименованнаго г. генералъ-лейтенанта.

И хотя превосходительный и высокостепенный Шихъ Али ханъ, остававшійся на послѣдокъ владѣтелемъ одной токмо кубинской области, по разнымъ стекшимся обстоятельствамъ, и по раздѣлу его съ покойнымъ братомъ его Гассанъ

ханомъ, всевысочайше Его Императорскимъ Величествомъ утвержденному, по смерти сего брата его и принявъ во владѣніе свое г. Дербентъ, съ принадлежащими къ нему окрестностями, но въ предупрежденіе всякихъ, иногда случиться могущихъ, постороннихъ на владѣніе дербентское посягательствъ, всѣ, союзомъ симъ и дружбою обязующіеся, рѣшительно и единодушно признаемъ Шихъ Али хана дербентскихъ ханомъ, съ принадлежащими къ городу сему окрестностями по рѣку Самуръ, и съ принадлежащими къ нему деревнями и улусами и другими мѣстами по праву наслѣдства владѣтелемъ, по всемилостивѣйшимъ ему грамотамъ: по первой, блаженной памяти Государя Императора Павла Петровича и по второй, подтвердительной всемилостивѣйшаго нашего Государя и самодержца всероссійскаго Александра Павловича въ подданство, высокое покровительство и защиту принять удостоившаго.

Статья 2. А дабы таковая связь подъ верховнымъ покровительствомъ могла пребыть ненарушима, между всѣми союзниками сими, то, въ отвращеніе въ самомъ началѣ причинъ, неудовольствіе производящихъ, постановляемъ за правило себѣ въ случаѣ какихъ либо споровъ или ссоръ, не поступая между собою непріятельски, разбирать дружески, по общимъ законамъ и обыкновеніямъ той земли, въ которой то будетъ, какъ добрые сосѣди, безъ всякаго пристрастія, черезъ должное одного съ другимъ сношеніе и объясненіе; въ трудныхъ же или сомнительныхъ случаяхъ, разбираться черезъ посредника изъ хановъ сего союза, кого сами за благо къ тому признаютъ пригласить, и чѣмъ оный посредникъ споръ или неудовольствіе рѣшитъ, тѣмъ и удовольствоваться, дѣлая должное по приговору его удовлетвореніе, въ претензіи или ссорѣ. Когда же спорящимся будетъ сіе не угодно, или по разногласію споръ таковой рѣшенъ быть не можетъ, то, о такихъ случаяхъ, относиться имъ на разсмотрѣніе Его Императорскаго Величества, яко защитнику и покровителю своему, и по повелѣніямъ его на то повиноваться въ полной мѣрѣ по вѣрноподданической ихъ обязанности.

Статья 3. Персидскіе ханы и горскіе владѣльцы, союзомъ симъ и дружбою обязующіеся, установляютъ ненарушимо на предбудущіе времена, въ случаѣ непріязненнаго на кого либо изъ нихъ нападенія, отъ присвоящихъ въ Персіи верховную власть, быть всѣмъ къ защитѣ его готовыми, и, яко добрые и искренніе союзники, обязываются давать нужное по состоянію каждаго войско, и ополчаться единодушно всѣмъ къ прогнанію общаго ихъ непріятеля; сверхъ же того обязуются, не только таковымъ дѣйствіемъ другъ друга защищать, но и всякій непріязненный умыселъ, когда о томъ кто узнаетъ союзнику своему, безъ упущенія времени открывать, и такимъ образомъ составляя какъ бы едино тѣло и одинъ народъ, раздѣленный на разныхъ правителей, подъ верховнымъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ и охраненіемъ состоящихъ, и пріемля заблаговременно отъ

замысловъ непріятеля осторожность, всѣми способами стараться оныя отвращать, и взаимно себя подкрѣплять, какъ добрымъ сосѣдамъ пристойно надлежитъ и какъ общая и народовъ ихъ безопасность того потребуетъ; войска же тѣ, кои даваемы будутъ, на вспоможеніе по обычаямъ и нравамъ, въ предѣлахъ Персіи и вообще во всѣхъ горскихъ народахъ, существующимъ, по то время пока они будутъ надобны требующему помощи, должны быть на содержаніи его всѣмъ тѣмъ что по обычаю, на случай таковой сдѣдуетъ. Сверхъ же обычая ничего они требовать не должны и немогутъ, и всѣ таковыя, вспомогательныя войска, должны состоять подъ главнымъ предводительствомъ, того хана или владѣльца, которому они вспомогаютъ противъ непріятеля его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственнаго ихъ яко общихъ союзниковъ. Впрочемъ, вспоможеніе такое, въ случаѣ надобности другъ другу, обязуются дѣлать дѣйствительно тѣмъ числомъ войска, которымъ въ состояніи они будутъ, неуклоняясь отнюдь отъ того, ни подъ какими видами, ни для какихъ постороннихъ собственныхъ ихъ интересовъ, коль скоро получатъ отъ союзника своего увѣдомленіе, постановить войско на вспоможеніе во столько дней, во сколько они до просящаго вспоможенія хана или владѣльца дойтить могутъ, полагая переходы на каждый день по 30-ти верстъ.

Статья 4. Сіятельный и превосходительный Шамхалъ тарковскій, владѣтель бойнатскій и дагестанскій Мегди; превосходительный и высокостепенный каракайдакской округи владѣтель Уцмій Рустомъ ханъ, сей же округи правитель высокостепенный Рази ханъ, табасаранской округи владѣтель, превосходительный и высокостепенный Кади Рустомъ ханъ, и владѣльцы округи сей Сограбъ Бекъ, Маасумъ и Махмудъ, сверхъ сего, вышеписаннаго, общаго постановленія ихъ посему союзу, обязуются, что не токмо подвластнымъ ихъ отъ нынѣ впредь строжайше запретить чинить какіе либо шалости, грабительства и обиды, противу подданныхъ союзныхъ хановъ, но будучи и сами союзниками ихъ, неприступятъ никогда ни на какія имъ непріязненности, въ угожденіе другимъ или изъ лакомства, а всегда и всемѣрно отводить отъ того будутъ и прочихъ сосѣдственныхъ имъ и необуданныхъ Кавказа, Дагестана и прочихъ горскихъ обитателей, преподавая имъ дружескій совѣтъ, отнюдь того не дѣлать, что до селѣ бывало и не жертвовать собою и храбростію своею, изъ найма, въ пользу злонамѣренныхъ. Союзныхъ же хановъ и подвластныхъ имъ, ни въ чемъ не оскорблять и тотъ постыдный свой промыселъ на всегда оставить, ежели хотятъ снискать себѣ какое либо отъ всемилостивѣйшаго покровителя и защитника ихъ благоволеніе.

Статья 5. Союза сего ханы и владѣльцы, владѣнія свои побереrу Каспійскаго моря имѣющіе, постановляютъ и обязуются слѣдующимъ: буде крушеніе или гибель корабля или судна учинится по берегамъ Каспійскаго

моря, то спасенное отъ крушенія или гибели корабля или судна россійскаго или персидскаго, какъ то корабельные или судовые служители, купцы, или иные люди мужескаго или женскаго пола, товаръ или грузъ, судовые снасти и самый корабль или судно или часть онаго, словомъ сказать, все то, что спасено будетъ отъ погибели, да будетъ подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ и защитою, и да не коснутся ни до чего противныя какія либо силы; всякъ же вѣрноподданный, наипаче самъ владѣлецъ и старшины его, должны помогать крушеніе или гибель терпящимъ людямъ и вещамъ, и да приложатъ крайнее стараніе о спасеніи корабля или судна и людей, товара или груза и всего того, что только спасти можно; спасенное же со всякимъ попеченіемъ и тщаніемъ, да сбережется и сохранится въ удобныхъ и безопасныхъ мѣстахъ, дабы, отъ худаго смотрѣнія или небреженія, повреждено или истреблено быть не могло, и да не присвоитъ себѣ никто ни малѣйшей части спасеннаго.

Статья 6. Владѣлецъ долженъ немедленно объявить, консулу, или же ближайшаго военнаго корабля или судна начальнику, обо всемъ подробно, а ежели способнѣе будетъ доставить о несчастіи томъ извѣстіе въ Кизляръ тамошнему правленію, то посылать туда увѣдомленіе непремѣнно и какъ можно скорѣе.

Статья 7. Всякъ ко спасенію корабля или судна и людей, товара или груза и къ сбереженію и сохраненію способствующій, имѣетъ право къ полученію награды, буде не присвоилъ себѣ ни малѣйшей доли спасеннаго и объявилъ о томъ россійскому консулу или военнаго какого либо судна начальнику, въ персидскихъ портахъ или городахъ находящемуся. Награда же за сбереженіе и спасеніе да будетъ (на всѣхъ сколько бы ихъ небыло) четвертая часть спасеннаго, буде кораблю судну или товару или грузу или иной какой бы то нибыло вещи, учинилось на морѣ разстояніемъ отъ берега на версту; буде на самомъ берегу, учинилось несчастіе людямъ или вещамъ, то шестая часть спасеннаго; и сію четвертую или шестую часть раздѣлить на четыре доли, двѣ доли отдать тѣмъ людямъ кои спасли изъ воды спасенное, одну долю отдать людямъ кои сберегли спасенное и одну долю отдать начальнику тому, кто распоряжалъ спасеніе и сбереженіе. Спасеніе же людей да будетъ безденежно изъ одного человѣколюбія.

Статья 8. Купеческій торгъ при персидскихъ портахъ, союзникамъ принадлежащихъ, исключая пошлиннаго товаровъ сбору, остается на прежнемъ положеніи; пошлину же съ товаровъ, по примѣру тому, какъ берется она при портѣ бакинскомъ, отнынѣ впредь опредѣляютъ они слѣдующую, и именно: съ таи или связки шелку, изъ шести пудъ состоящей, 1 р. 70 коп., съ таи сукна 5 р. 22 коп.; съ бочки семени канцелярскаго, до шести пудъ содержащей онаго, также 5 р. 22 коп.; съ бочки олова 2 р. 40 коп.;

съ мѣшка брусковой краски въ шесть пудъ 5 руб. 22 коп.; съ двадцати пудъ желѣза полоснаго 25 коп.; съ таи бумаги писчей 1 р. 5 коп.; съ таи холста 2 р. 89 коп.; съ таи юфты 2 р. 40 коп.; съ мѣшка чернильныхъ орѣховъ и марены въ 8 пуд. 20 коп.; съ таи парчеваго товару, а также и съ таи бурметей или вязи 1 р. 7 коп.; съ сундука съ товарами стальными или желѣзными, или съ чѣмъ бы то нибыло 1 р. 27 коп.; съ ящика свѣчь 60 коп.; да и со всѣхъ прочихъ вещей и товаровъ каковые сверхъ вышеписаннаго означенія въ привозѣ будутъ, собирать пошлину, при всѣхъ портахъ одинаковую безъ малѣйшаго излишества.

Статья 9. Сухопутную, купечествующихъ людей, торговлю обезпечить наилучшимъ образомъ, и для того обязывается, каждый союзный ханъ и владѣлецъ, пещись всемѣрно о безопасномъ проѣздѣ каравановъ и купцовъ, черезъ его владѣніе; и потому каждое селеніе, въ окружности коего случится грабежъ или разбой, отвѣчаетъ за случай таковой полнымъ и немедленнымъ удовлетвореніемъ ограбленныхъ купцовъ или вощиковъ товарныхъ, и наказываютъ грабителей и разбойниковъ по винѣ ихъ, безъ малѣйшаго послабленія или снисхожденія, по установленіямъ, на случай таковой у нихъ существующимъ; въ случаѣ же медленности въ удовлетвореніи таковомъ обиженныхъ, по обстоятельствамъ встрѣтиться могущимъ, самъ ханъ или владѣлецъ въ чьемъ владѣніи грабежъ и разбой случится, собственностію своею удовлетворить обязанъ въ полной мѣрѣ пограбленному или отнятому, себѣ же послѣ получаетъ удовлетвореніе съ виновника, который, по изысканіи его найдется и наказываетъ его за то по винѣ его какъ выше сказано.

Статья 10. Россійскимъ купцамъ, армянамъ, грузинамъ и другихъ сословій людямъ, право купечества имѣющимъ, подданнымъ Его Императорскаго Величества, производящимъ торги свои въ предѣлахъ владѣнія союзниковъ, да ни посягнетъ никто ни на малѣйшую обиду и требованіе отъ него излишняго сверхъ установленній. Купечеству таковому и всякаго званія подданнымъ Россіи, проѣзжающимъ черезъ владѣнія союзныхъ хановъ и владѣльцевъ, обязанъ всякъ союзникъ своею защитою и покровительствомъ. Относительно же купечества союзникамъ симъ принадлежащаго, торги свои въ предѣлахъ Россіи производящаго и подданныхъ и подвластныхъ имъ людей, по надобностямъ въ Россіи пріѣзжающихъ, всѣ вообще союза сего ханы и владѣльцы, яко подданные Его Императорскаго Величества и покровительствуемые имъ всемилостивѣйше, видѣвъ многіе уже опыты, надѣются, что покровительства имъ и защита, всегда въ полной мѣрѣ будетъ, по всевысочайшимъ Его Императорскаго Величества законамъ и для того въ случаѣ надобностей, по дѣламъ купечества ихъ и прочаго подданнаго и подвластнаго имъ народа, остаются они на прежнемъ основаніи въ сношеніяхъ ихъ съ пограничнымъ кавказскаго края начальствомъ.

Статья 11. Постановленіе сіе на дружескій союзъ дѣлается на вѣчныя времена и для того всякій преемникъ владѣнія, въ союзъ сей входящихъ персидскихъ хановъ и горскихъ владѣльцевъ, на что долженъ онъ имѣть всевысочайшее отъ Его Императорскаго Величества утвержденіе, яко отъ всемилостивѣйшаго покровителя и защитника союзу сему, на самой истинѣ обязанъ поступать во всемъ по симъ постановленіямъ.

Статья 12. Нарушитель дружескаго сего на союзъ постановленія, подвергается строжайшему наказанію и для того, прочіе союзники, нарушеніе таковое съ истинными на то доказательствами, должны передать всевысочайшему Его Императорскаго Величества благоусмотрѣнію, черезъ пограничнаго здѣшняго начальника, и всевысочайшую потому волю выполнить въ самой точности; впрочемъ буде въ продолженіи времени, по общимъ ихъ согласіямъ, усмотрено будетъ и еще что либо за лучшее къ безопасности и распространенію торговли, къ пользѣ союзниковъ, къ благосостоянію и спокойствію самихъ ихъ и подданнаго и подвластнаго имъ народа, поднесется всеподданнѣйше, черезъ означеннаго здѣшняго края начальника, на высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

(Переводъ письма царевича Іулона князю Циціанову отъ 16 февраля.)

„Гласъ празднственный, подалъ великое сокрушеннымъ сердцамъ нашимъ утѣшеніе, поелику вы мужъ мудрый, знаменитый и совершенный человѣкъ, присланы въ отечество предковъ вашихъ главноуправляющимъ. — Домъ нашъ царскій и вся кровь царская возсылаетъ благодареніе Богу и государю. Поелику, какъ въ ковчегѣ Ноевомъ, страждущіе отъ волненія приняли отъ голубя, ими выпущеннаго, вѣтвь масляничную, благовѣствующую миръ, такъ и мы на благочестіе ваше уповаемъ, что отеческимъ благопопеченіемъ вашимъ доставите намъ благополучіе, какъ и лестное письмо ваше обѣщаетъ Ея Высочеству родительницѣ нашей. Мое же объясненіе къ вамъ есть слѣдующее:

„Несчастіе наше основано на томъ, что истина наша, совокупная съ намѣреніемъ всея Грузіи, не могла достигнуть до Высоч. двора.

Во первыхъ, въ бытность нашу въ Грузіи отправили мы прошеніе къ Его Величеству Государю, а при ономъ и подписку отъ всея Грузіи на наслѣдство

мое. Но оныя остановлены были господиномъ инспекторомъ Карломъ Ѳедоровичемъ (1), и истина наша недостигла до Высочайшаго двора.

„Потомъ вторично, въ бытность нашу въ Имеретіи, отправилъ царь Соломонъ, съ посланцемъ своимъ княземъ имеретинскимъ, прошеніе наше и подписку просительную всея Имеретіи духовенства и свѣтскихъ людей. Но и тотъ посланецъ возвращенъ былъ съ линіи Карломъ Ѳедоровичемъ, и истинна наша не могла достигнуть къ Высочайшему двору.

„По не истинному же нѣкоторыхъ особо донесеній (поелику единъ Богъ есть вѣдущь сокровенная) повелѣвается изъ устъ Всеавгустѣйшихъ въ манифестѣ, что не для распространенія имперіи, ни для пользы какой либо, но по народному взыванію и по раздору наслѣдниковъ уничтожается царствованіе.

„Умоляемъ васъ, благопопечительный отецъ и господинъ, дабы Вы, яко око государево, изслѣдуете сіе. Не есть воззваніе народное, ниже раздоръ между нами, и всѣ подпискою признаютъ наслѣдство мое. Имѣю я писаніе царей, родителя и брата моихъ, царевича Давыда и всѣхъ братьевъ моихъ, всея Карталиніи и Кахетіи, и всѣ мы вкупѣ въ вѣрности Его Императорскаго Величества имѣемъ принести въ жертву кровь нашу для непоколебанія царскаго дома.

„Признаютъ сіе и днесь, гдѣ нѣтъ боязни пекущихся, о личныхъ своихъ выгодахъ и если истинно донесеніе то, которое изъявляется манифестомъ, то для кого было воззваніе оное и моленіе всея Кахетіи, если не для насъ, кои взываютъ паки, но во упованіи молча ожидаютъ милости государя къ намъ.

„Высокопревосходительный господинъ, право закона государственнаго, есть соблюсти непоколебимость царскаго дома. Чего ради царскій нашъ домъ, процвѣтшій во время великаго Юстиніана, по нынѣ, если соблюденъ правиломъ тирановъ, государей персидскихъ, то паче имѣемъ мы упованіе несомнѣнное, что помилуетъ насъ христіаннѣйшее государство. Но не могла достигнуть истина наша къ Высочайшему двору.

„Сокрушеніе наше не есть отъ высочайшаго двора, но отъ нѣкоторыхъ особъ по несправедливому ихъ донесенію, которое не могли уразумѣть, что начатіе всякаго важнаго и великаго дѣла, есть удобно, но довершеніе его въ пользу, многократно сопротивляется Всемогущему Божеству.

„Для распространенія имперіи и для пользы Россіи, думаемъ мы такъ и на христіанской вѣрности изъявляемъ, дабы всѣ рудники грузинскіе, были подъ вѣденіемъ высочайшаго двора, а царство грузинское оставалось бы неподвижно; самъ же царь обязавшись клятвою до послѣдней капли крови, да всякимъ удостовѣреніемъ служить воинству Россійскому, но не могла истина наша достигнуть къ высочайшему двору.

---

(1) Генераломъ Кнорринговъ.

„Прославте имя ваше, учините празднественнымъ на вѣки; подайте дому моему и царствамъ грузинскому и имеретинскому руку помощи и отеческимъ благопопеченіемъ совершите утѣшеніе наше.“

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

(Письмо кн. Циціанова царевичу Іулону).

„Изъ письма вашей свѣтлости, писалъ кн. Циціановъ, чрезъ князя Абашидзева до рукъ моихъ дошедшаго, я видѣлъ съ прискорбіемъ душевнымъ, что ваша свѣтлость не довѣряете приглашенію Его Императорскаго Величества, изволите толковать въ иную сторону то, что Государь Императоръ васъ изволитъ приглашать на время и что я объявляю о вознагражденіяхъ за ваши здѣсь доходы, наконецъ что ваша свѣтлость изволите строго осуждать мой поступокъ съ ихъ свѣтлостями царевичами Вахтангомъ Ираклиевичемъ и Давыдомъ Георгіевичемъ. — Не входя въ надменность слога того письма, и неправильныхъ сужденій ко мнѣ относящихся, когда и сильнѣйшій Императоръ, всемилостивѣйшій государь мой, изволитъ меня удостоивать уваженія, повторяю, гдѣ пользу вашей свѣтлости я провижу, тамъ забывая личную обиду и съ однимъ изъ святыхъ отцевъ скажу: *ненавидящихъ и обидящихъ мя прости Господи прегрѣшеніе ихъ.* — Обязанностію почитаю объяснить вашей свѣтлости, что свѣтлѣйшій братецъ вашъ и племянникъ вывезены отсель неожиданно, потому, что упорствовали отъѣздомъ несмотря на искреннѣйшее мое о томъ моленіе къ нимъ; а какъ совершали они путь свой, съ какою почестію были приняты во Владикавказской крѣпости и въ Моздокѣ, какое содержаніе тамъ получали и какъ отправились, — можете чрезъ посланнаго отъ васъ вѣрнаго человѣка увѣдать до прама, потому, что сказанное о томъ мною не будетъ имѣть цѣны въ очахъ вашей свѣтлости; впрочемъ какое угодно я готовъ дать заклинаніе, даже и на письмѣ, въ томъ, что буде ваша свѣтлость предпринять изволите путешествіе свое въ Россію, то въ Моздокѣ или Владикавказѣ будете приняты со всею почестію, должною вашему роду; что отъ дня встрѣчи получать будете согласное съ саномъ вашимъ содержаніе, и всѣ выгоды въ путешествіи обрѣсти изволите; также и то и все прошедшее забыто будетъ, буде считать изволите меня добрымъ христіаниномъ, то заклинаясь избавителемъ нашимъ, такъ какъ крестомъ св. Нины, Сіонъ здѣсь озаряющимъ; буде почитать меня изволите честнымъ человѣкомъ, каковымъ имѣю счастіе быть признанъ въ Россіи, заклинаюсь во всемъ вышесказанномъ честію моею, предпочитаемою мною и самой жизни. Я буду благодарностію къ его свѣтлости исполненъ, буде вы изволите на сіе

письмо удостоить отвѣтомъ, прося покорнѣйше привести меня на память Ея свѣтлости супругѣ вашей, а моей драгоцѣнной сестрѣ и свѣтлѣйшему братцу вашему, и вѣрить, что я съ истиннымъ почтеніемъ и всесовершенною преданностію честь имѣю быть".

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

(Арх. Мин. Иност. Дѣлъ 1—7, 1803, № 6)

Бѣдственнѣйшая вдова царица Марія, супруга царя Георгія, всенижайше прошу: призри милостиво и внемли моленію моему, сколь многоразличныя постигли меня несчастную бѣдствія. Апрѣля 18 числа вечера, такъ что уже миновало ночи часа полтора, пришедши ко мнѣ генералъ Лазаревъ съ войскомъ одной роты, взошелъ ко мнѣ въ горницу съ четырмя офицерами, въ каковое время находились со мною матушка моя, зять мой Асланъ Орбеліановъ, фрейлины и служители.—Тутъ велѣлъ онъ всѣмъ бывшимъ выдти вонъ, сказавъ, что онъ имѣетъ порученіе отъ Циціанова сказать мнѣ. При семъ случаѣ я просила его, чтобъ оставить при мнѣ одного только Аслана, на что и далъ онъ мнѣ волю. Между тѣмъ сказывая, что имѣетъ онъ порученіе отъ Циціанова сказать мнѣ, что будто я удалила скрытнымъ образомъ двухъ изъ сыновей моихъ и что для того поставить ему велѣно у меня караулъ.—Асланъ ему отвѣтствуя, что я немогла удалить дѣтей моихъ и что скрыться они нигдѣ не могутъ, отперъ между тѣмъ ему двери отъ другаго покоя, въ которомъ дѣти мои находились, и указывая на нихъ всѣхъ рукою, сказывалъ ему, что они ли самыя, коихъ подозрѣваютъ въ сокрытіи и что имѣю ли я другихъ дѣтей кромѣ ихъ, по извѣстности ему.—Потомъ, призвавъ я всѣхъ ихъ къ себѣ и собравъ въ кучу просила Лазарева, чтобъ онъ о семъ разсказавъ подробно Циціанову, объявилъ бы ему и то, что его тревожатъ напрасно таковыми подложными слухами, и чтобъ онъ увѣрился въ вѣрности моей, что дѣти мои никогда не выступятъ за тѣмъ, что повелѣно Вашимъ Величествомъ. Если же подозрѣваютъ такъ точно они, то пусть становятъ караулъ, послѣ чего сказалъ мнѣ Лазаревъ, чтобъ я послала вмѣстѣ съ нимъ Аслана къ Циціанову, для донесенія вмѣстѣ съ нимъ о всемъ вышеозначенномъ и для увѣдомленія меня чрезъ него, что на все то скажетъ Циціановъ. Взявъ же съ собою Аслана и вышедъ съ нимъ изъ дому, взошелъ опять самъ вскорѣ и ввелъ съ собою вышеупомянутое войско, разстановивъ людей по всѣмъ дверямъ и окошкамъ покоевъ моихъ; такъ же съ той и съ другой стороны площади у дома моего, наполнивъ при томъ войсками-же и людьми

всѣ двери кругомъ у верхнихъ и нижнихъ покоевъ моихъ, не впуская никого изъ хотѣвшихъ войти туда или оттуда выдти. Въ семъ случаѣ, я не совсѣмъ было прежде безпокоилась, по той причинѣ, что и Кнорринъ, поставивъ въ одно время у меня караулъ съ вечера, на другой день въ полудни опять былъ снятъ, и другое, потому, что Асланъ былъ посланъ отъ меня къ Цицiанову, и ожидала отъ него отвѣта. Но сей опоздавъ приходомъ своимъ обратно ко мнѣ, спросила я ужинъ, а для сего самаго и не пустили человѣка. Спустя потомъ нѣсколько времени, вывели одного мальчика Моисея, пославъ его за ужиномъ, и когда сей мальчикъ возвратился съ онымъ ко мнѣ, то его, не пустивъ въ домъ, сказали, что не прежде можетъ онъ взойти ко мнѣ съ ужиномъ, пока онъ самъ не попробуетъ прежде всѣ кушанья, дабы я не могла съ дѣтьми моими отравиться, что и принудили сдѣлать на самомъ дѣлѣ, и потомъ дозволили съ онымъ войдти къ намъ.—Услыша мы сей гласъ, страшными всѣ были объяты ужасомъ, и стало мнѣ становиться отъ неумѣренной при сихъ обстоятельствахъ тоски и горести тошно, размышляя въ себѣ, что бы такое хотѣли съ нами учинить, чтобъ мы могли по тому поводу отравиться и лишить себя жизни.—Тутъ уже издался у насъ ужасный вопль, и просили послать кого либо за уксусомъ, для употребленiя отъ тошноты и обмороку, и едва могши склонить на то, послали за онымъ, и когда принесли въ чашкѣ, то встрѣтивъ у дверей принесшаго, сказали, что должно быть точно въ чашкѣ ядъ, для отравленiя себя, а не уксусъ и потому заставили попробовать, выпить приносителя, слѣдственно сколько должно было прибавиться намъ горести отъ сихъ разговоровъ. Сей же приноситель уксуса разсказалъ намъ, что Асланъ, по выводѣ отъ насъ генераломъ Лазаревымъ, не былъ взятъ къ Цицiанову, для вышеозначеннаго дѣла, но тутъ же былъ заарестованъ и посаженъ подъ караулъ; сей слухъ вящее нанесъ еще огорченiе къ прежней горести и увѣрилъ насъ, что совершенное постигло насъ бѣдствiе. Малолѣтки мои, видя таковое горестное наше положенiе, и караулъ у всѣхъ дверей поставленный, не могли отъ страха и ужаса ни пить ни ѣсть и спать до самаго разсвѣта; проводили всю ночь съ воплемъ; маленькiй же Ираклiй, будучи объятъ ужасомъ и чрезъ то самое нейдя ни къ кому уже спать, положила я съ собою. Въ воскресенье же на разсвѣтѣ, какъ заблаговѣстили въ придворныхъ церквахъ къ утренней, въ то время пришедъ опять Лазаревъ съ офицерами и казаками, и зашедши ко мнѣ съ 4-мя офицерами, выгналъ вонъ всѣхъ бывшихъ тутъ при мнѣ служителей. Между тѣмъ сказалъ мнѣ, что прислалъ его ко мнѣ Цицiановъ сказать, что-бъ я встала и отправилась съ дѣтьми моими, и что уже онъ для того привезъ ко мнѣ и экипажъ, на что я отвѣчала ему, для чего онъ съ вечера предварительно мнѣ то не объявилъ, дабы я могла хотя мало къ тому приготовиться. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что съ вечера не имѣлъ онъ приказанiя объявить мнѣ, и что я должна будто теперь ѣхать.—

Будучи я мѣсяца три или четыре больною, а малолѣтній сынъ мой Окропири, находясь же въ болѣзни, пользовался отъ патера Филиппа и потому убѣдительно просила я Лазарева, чтобъ онъ попросилъ отъ меня Ціціанова, дабы онъ позволилъ оставить больнаго сына моего до выздоровленія на мѣстѣ, и по полученіи здоровья отправилъ бы послѣ ко мнѣ. Лазаревъ мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ не имѣетъ приказанія идти къ нему съ такимъ отвѣтомъ и дать мнѣ болѣе время. Послѣ таковаго его отзыва, сдѣланнаго мнѣ, стала я паки убѣдительнымъ образомъ просить его, чтобы далъ мнѣ время хотя на одинъ только часъ, покуда проснутся перепуганныя малолѣтнія дѣти мои, дабы вмѣстѣ могла я съ ними отправиться. Не пріемля онъ во уваженіе ни какой просьбы моей, отвѣтствовалъ мнѣ паки, что будто я, не желая отправляться, отговариваюсь разными причинами и что онъ скоро мнѣ покажетъ, какъ онъ меня выведетъ вонъ. Сказавъ это, тотчасъ онъ вышелъ и опять тотчасъ вошедъ ко мнѣ, ввелъ съ собою около тринадцати или четырнадцати человѣкъ офицеровъ и казаковъ; подойдя же въ близи ко мнѣ и указывая на меня рукою, гдѣ я лежала на постели съ малолѣтнимъ моимъ Пракліемъ, приказалъ взять меня, а равно и дочь мою Тамару, а самъ оборотился назадъ; тогда прибѣгло ко мнѣ около восьми человѣкъ офицеровъ и казаковъ, схватили меня, а пять человѣкъ захватили дочь мою Тамару. Изъ окружившихъ меня, одинъ схватилъ за правую руку меня, а прочіе семь постелю мою потащили. Сіе видя сынъ мой Джибранлъ обнажилъ кинжалъ свой, сказавъ имъ, что пока онъ живъ, не дастъ мать свою таскать, и чтобъ они выходили вонъ, и за ними послѣдуемъ мы сами добровольно, къ чему же идутъ таскать насъ. При окруженіи же дочери моей Тамары, пятью человѣками, увидя и она въ печуркахъ лежащій кинжалъ, взяла въ руки свои, что самое увидѣвъ окружавшіе насъ люди, бросили насъ и выбѣжали вонъ. Вскорѣ послѣ того взошелъ къ намъ съ обнаженною саблею генералъ, а также офицеры и казаки вбѣжали съ обнаженными саблями. Я сидя тогда и увидѣвъ сіе, усмотрѣла тутъ же въ печуркахъ лежащій кинжалъ и взяла въ руки, а матушка же моя, узрѣвъ ихъ съ обнаженными саблями, встрѣтила и встала передъ ними на колѣни, цѣлуя ноги у нихъ и прося убѣдительнѣйше всѣхъ, чтобъ не заводить ссору; они, напротивъ того, ударя каждый ногами ее, валящуюся у нихъ подъ ними, переходили черезъ нее. Тутъ Лазаревъ, махнулъ саблею назадъ, я удалила голову, почему и попалъ оною мнѣ въ плечо, порѣзалъ тѣло и кость въ глубину и вдоль въ ладонь, къ чему суть очевидные свидѣтели ранъ моихъ: 1-й изъ армянъ лѣкарь Татула, который въ первый разъ перевязалъ рану, 2-й Генерала Тучкова полку лекарь, который мнѣ давалъ лекарства и перевязывалъ раны до самаго Владикавказа; 3-й самовидецъ раны моей генералъ Тучковъ и 4-й лѣкарь Петръ Чароевъ, который и по нынѣ пользуетъ меня. Вышеупомянутые люди, окружив-

шіе и схватившіе меня за руку, о коихъ я выше докладывала Вашему Величеству, видали всѣ пять пальцевъ посинѣвшихъ у меня. При вытаскиваніи меня въ первый разъ, ударилъ меня вторично саблею Качкаевъ; но къ счатію порѣзалъ только платье, не дорѣзавъ до тѣла, по той причинѣ, что рукавъ верхняго платья, будучи у меня растегнутъ, далъ промаху косо; въ третій же разъ я немогла точно примѣтить кто меня ударилъ саблею, Лазаревъ самъ или кто другой, въ которое время подставила я лѣвую руку и попавъ по рукѣ ниже мизинца, ранилъ до самой ладони. Въ сіе же время окружили дѣтей моихъ Тамару и Джибраила, у коихъ тифлисской нацвалъ (полиціймейстеръ) по просилъ кинжалы, въ то же время отдали въ руки; тутъ же нѣкто изъ казаковъ или офицеровъ, махнувъ саблею по Тамарѣ, подставила руку бывшая тутъ нянька ее, у которой отсѣкли при семъ случаѣ руку и которая находится теперь въ Авлабарѣ. Будучи я столь жалостно изувѣчена и ранена и кровью моею бывъ обагренъ малолѣтній мой Ираклій, началъ жалостнымъ голосомъ плакать, гдѣ подхвативъ его, другихъ изъ дѣтей моихъ, по одиначкѣ, безъ разбору здоровыхъ и больныхъ вывели на площадь, гдѣ стояла воинская команда и оставили ихъ въ сію ночь между ними. Малютка же Анна, отнята будучи отъ гдрудей у кормилицы, выведена была также при жалостномъ ея крикѣ, оставивъ на мѣстѣ кормилицу ея. При семъ ужасномъ зрѣлищѣ, бѣдная мать моя, подошедъ ко мнѣ и увидѣвъ меня обагренною кровію въ обморокѣ, и жалостнымъ образомъ растерзанную, оплакивала и приводила въ чувство, съ одною служительницею, къ коимъ, подбѣжавъ изъ окружавшихъ насъ и ударивъ прикладомъ, выглали безчестнымъ образомъ на площадь,—стащена будучи я съ наровъ, половинною частію корпуса моего лежала я на нарахъ же, а другою половиною на землѣ валялась. Сіе бѣдствіе мое случилось на зарѣ, такъ что не совсѣмъ еще разсвѣтало, и свѣчи горѣли въ покояхъ, какъ ввели ко мнѣ солдатъ и окружили нары, на коихъ я лежала. Спустя послѣ того довольное время, какъ при восхожденіи солнца, пришедъ ко мнѣ лежавшей безъ чувства тифлисскій нацвалъ, съ однимъ казакомъ, принесли съ собою воду и стали казакъ изъ рта, а нацвалъ изъ рукъ наливать на меня воду и привели въ чувство; послѣ того пришелъ князь Дмитрій Орбеліановъ и велѣлъ снять меня съ наровъ и положить на одѣяло; и вынесли послѣ на рукахъ положили меня въ ящикъ приготовленный, съ одними дрожками, прежде Лазаревымъ. Потомъ вошедъ въ домъ нацвалъ вынесъ ко мнѣ окровавленную мою подушку и положилъ мнѣ въ головахъ; присемъ случаѣ сбѣжали съ верхнихъ покоевъ дочери мои съ дранісмъ на себѣ волосъ, Рипсима и Гаяна, и съ ними вмѣстѣ фрейлины мои оплакивая судьбу мою, коихъ ударивъ солдаты прикладами, загнали ихъ опять въ домъ. За симъ посадивъ дѣтей моихъ на дрожкахъ повезли, гдѣ плакавъ горько малолѣтокъ мой Ираклій обо мнѣ, принесли его потомъ ко мнѣ и посадили сомною. Въ сіе время приведены были рабочіе изъ имеретин-

цевъ до 40 или 60-ти человѣкъ, кои меня поднявъ понесли и не будучи еще перевязаны у меня тогда раны, текла отъ меня на нихъ кровь при несеніи ими меня. Какое ужасное было по всюду стеченіе народа, по улицамъ и на кровляхъ, какъ изъ иностранцевъ такъ и изъ самыхъ жителей тифлисскихъ и Русскихъ, смотрѣвшихъ на сіе жалостное изъ ранъ моихъ кровотеченіе, плакавшихъ жалостнымъ голосомъ и дравшихъ на себѣ волосы и груди, видя меня и дѣтей моихъ въ такомъ бѣдственномъ состояніи, коихъ хотя и прогоняли солдаты, но они не преставали толпами за нами слѣдовать и съ ними вмѣстѣ духовные на цѣлую версту, потомъ были солдатами возвращены назадъ. Когда же привезли меня на Вѣру (мѣсто такъ называемое, отстоящее на пять верстъ отъ Тифлиса), въ то время пріѣхалъ туда вышеупомянутый лекарь Татула, присланный ко мнѣ отъ Циціанова, для перевязанія мнѣ ранъ съ тифлисскимъ нацваломъ, кои, не найдя чѣмъ перевязать, взяли у одного казака или солдата толстую холщевую тряпку, гдѣ мнѣ и сказалъ сей врачь Татула, что Лазаревъ убитъ. Клянусь во первыхъ именемъ Всемогущаго Бога и потомъ драгоцѣннѣйшею для меня жизнію, Ваше Императорское Величество,—что до того я не знала и неслышала о убійствѣ Лазарева; что я узнала на Вѣрѣ, и что не сыномъ моимъ Джибраиломъ и что не въ домѣ моемъ, но внѣ онаго, не знаю кѣмъ точно изъ Русскихъ или Грузинцевъ, кто его убилъ; можетъ быть по жалости к мое тогдашнее состояніе, или можетъ быть кто нибудь изъ злодѣевъ его сдѣлалъ, такъ какъ онъ имѣлъ ихъ, какъ изъ Русскихъ, такъ и изъ Грузинцевъ весьма довольное число; видя злодѣй, что предстоитъ ему удобное весьма къ тому время, но я незнаю какъ и кѣмъ точно сіе случилось. Я слышала, что Циціановъ рапортомъ донесъ Вашему Величеству, оклеветавъ меня по злодѣйству предъ Вашимъ Величествомъ, присовокупивъ будто къ тому и то, что дочь моя Тамара ранила тифлисскаго полиціймейстера. Сей полиціймейстеръ Сургуновъ, есть тотъ самый нацвалъ, о которомъ я выше упомянула и который удостоенъ будучи въ сіе званіе покойнымъ еще супругомъ моимъ, служилъ намъ весьма усердно; и еслибъ онъ былъ точно раненъ, то какъ бы онъ могъ намъ служить или раны мнѣ перевязать, будучи самъ съ раною, или какъ бы онъ могъ пріѣхать къ намъ на Вѣру, впрочемъ еслибъ онъ раненъ былъ, то утаиться не можетъ, ибо онъ будучи и теперь живъ, можно спросить его самаго и онъ справедливѣе сказать о семъ можетъ, нежели кто другой, да и самый цѣлый народъ тамошній можетъ свидѣтельствовать, что онъ не былъ раненъ. Слѣдственно судя посему случаю, когда успѣлъ оклеветать Циціановъ дочь мою раненіемъ того, который никогда небывалъ раненъ, то не легче ли было для него оклеветать насъ и смертоубійствомъ Лазарева, который убитъ былъ въ окрестностяхъ нашихъ,—но ничто иное тутъ незаключается кромѣ того, какъ было прямое желаніе на потребленіе насъ по злодѣйству его, въ чемъ и успѣлъ. Таковое бѣдствіе и горестный случай я ни когда неожидала имѣя грамоту,

какъ блаженной памяти отъ Императора Павла I, обпадеживающую о безпечномъ сохраненіи меня и дѣтей моихъ, такъ и отъ Вашего Императорскаго Величества, а тѣмъ болѣе когда покойный супругъ мой пожертвовалъ двумя царствами Вашему Императорскому Величеству, препоручивъ жену и дѣтей своихъ сильнѣйшей десницѣ Вашей, письмомъ при послѣдней жизни, писаннымъ имъ. И въ томъ чаяніи, что послѣ столь горестныхъ страданій и бѣдствій, причиненныхъ намъ Циціановымъ, получить отъ Вашего Императорскаго Величества большія одобрительныя милости и утѣшенія, по прибытіи въ Воронежъ, объявилъ намъ губернаторъ, іюня 13 дня, страшное повелѣніе, угрожавшее мнѣ и дѣтямъ моимъ поглощеніемъ и гибелью. Возрите проницательнымъ окомъ Вашего Величества какое должна почувствовать содраганіе та, которая въ чаяніи получить монаршія милости, послѣ толикихъ жестокостей, въ утѣшеніе, повстрѣчалась паки здѣсь съ несчастіемъ, гонящимъ ее по всюду бичемъ несноснаго мученія. Отсѣль то проклинаю миновавшее мое благополучіе, тѣло мое въ нѣгѣ немилосердо посѣчено извѣргами, влечено безчеловѣчными людьми и я лишена собственныхъ своихъ удѣловъ, хотя и не столько великихъ, но украшенныхъ при томъ наилучшими водами, чистѣйшимъ воздухомъ и изобильнымъ плодородіемъ. Лишена также общаго кладбища съ любезнымъ супругомъ моимъ и удалена Мцхетинской соборной церкви, мироточивой одежды Господней и чудотворнаго свѣтлаго столпа, и съ тѣмъ вмѣстѣ согбенныхъ старостію родителей, братьевъ и сестеръ своихъ и наконецъ, переѣхавъ дальность пути съ трудомъ и безчестіемъ прибыла сюда съ дѣтьми моими; но недовольствуясь толикими превратностями суетнаго мира сего предалась паки новому бѣдствію. О несчастіе! Кгда по оклеветанію ищется кровь одного благороднаго тысяченачальника, а объ насъ и не упоминается и будучи царева супруга ранена, изрублена, таскана и съ шестью царевичами обезчестена, должна и опять новому предаться отчаянію! Возрите Ваше Величество на наше состояніе; мы достойны всякаго и всѣхъ сожалѣнія, погибая и подвергаясь бѣдствію и безвинные тутъ же младенцы. Меня предудержала по сіе время отъ принесенія просьбы Вашему Величеству одна только пустая надежда, что удостоюсь быть сама представленною священной Вашей особѣ, но теперь вижу, что пока сіе сбудется—совершится уже мое несчатіе. Для того припадая съ дѣтьми моими предъ Августѣйшими стопами твоими, окровавленными слезами, убѣдительнѣйше прошу повѣли Великій Государь пріѣхать мнѣ туда, и удостойте святѣйшаго Вашего лицезрѣнія, войдя въ мое состояніе, накажите одного виновнаго, кто въ томъ откроется и не попускай мучиться безвинныхъ. Ускори Великій Государь повелѣть взять насъ туда и помилуй. Въ домѣ, въ которомъ находилась я съ дѣтьми моими, и въ который ворвались для истребленія насъ, не было никого кромѣ насъ однихъ; внемли о Государь! и нашему моленію и не уклони ухо твое отъ него; злодѣи наши ни что не могутъ донести Вашему Величеству въ поль-

зу нашу кромѣ во вредъ; призови къ себѣ и услыши моленіе мое, разсмотри самъ причиненное ими мнѣ мученіе и изрубленное тѣло мое и платье собственною кровію моею обагренное. Великій Государь! простите великодушно за мое дерзновеніе, на которое рѣшила меня неумѣренная горесть моя и тоска описаніемъ столь пространно и неразборчиво жалобы моей; не взыщи Великій Государь и внемли прилежно моленію моему. Отъ милости Вашего Императорскаго Величества Августѣйшій монархъ зависимая царица Марія."

Съ подобными же просьбами Царица обратилась и къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ С.-Петербургскому митрополиту.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6-й.

Условія, на которыхъ Джарцы вступили въ подданство и данное ими клятвенное обѣщаніе, были слѣдующаго содержанія:

Во имя Всемогущаго Бога!

„Мы нижепоименованные повѣренные вольныхъ обществъ Чарской провинціи: отъ селенія Чаръ, Магметъ Чемчулеръ-Оглу и Магметъ Вали-Чапаръ-Оглу; отъ селенія Талы, Аджи-Явъ-Ками-Оглу; отъ селенія Мухахи, Магметъ-Молла-Ахметъ-Оглу и Иса-Сулейманъ-Оглу; отъ селенія Чинихи, Айтемуръ-Мамаханъ-Оглу и Шихъ-Ахметъ-Али-Бекъ-Оглу; отъ Эллисуйскаго татарскаго султана Али-султана, Бала-Юзбаши-Шакулы-Юзбаши-Оглу и Мирза-Гусейнъ-Оглу".

„Будучи покорены непобѣдимымъ оружіемъ Его Императорскаго Величества, Великаго Всероссійскаго Государя Императора, и, видя собственное наше благо, въ мирномъ и непоколебимомъ пребываніи нашемъ подъ Всемогущею Всероссійскою Державою, именемъ всего чарской провинціи народа, и каждый повѣренный особенно, за свое селеніе, въ присутствіи его сіятельства генералъ-лейтенанта кавказской инспекціи, по инфантеріи инспектора, астраханскаго и кавказскаго военнаго губернатора, управляющаго и пограничными дѣлами, главноуправляющаго въ Грузіи и разныхъ орденовъ кавалера, князя Павла Циціанова, постановили, утвердили и добровольно подписали слѣдующія статьи повинностей новаго нашего подданства, на вѣчныя времена свято и нерушимо:

1) „Повергаемся мы, весь народъ и всѣ вольныя общества Чарской провинціи въ совершенное подданство Его Императорскому Величеству, Всероссійскому Государю Императору Александру Павловичу и Его Высокимъ наслѣдни-

камъ на вѣчныя времена; просимъ да покровительствуетъ и защищаетъ насъ, отъ враговъ нашихъ, Всемогущая Его десница и въ заключеніе сихъ всеподданнѣйшихъ нашихъ прошеній, утверждаемъ вѣрноподданство наше и всего нашего потомства, клятвеннымъ обѣщаніемъ, по закону нашему, на святомъ Алкоранѣ. А по возвращеніи нашемъ во свояси, такую же присягу на вѣрноподданство учинить должны собранные повѣренные отъ каждаго селенія Чарской провинціи, въ присутствіи генералъ-маіора Гулякова, по формѣ клятвеннаго обѣщанія у сего прилагаемаго."

2) „Въ знакъ достовѣрности подданства нашего и всего народа чарской провинціи Его Императорскому Величеству, налагаемъ на себя дань, которую повинны мы платать ежегодно по 1100 литровъ шелку, на тифлисскій вѣсъ, и каждый годъ въ два срока т. е. 1-го августа и 1-го ноября, безъ отговорочно, доставляя вышеупомянутый шелкъ оптомъ въ г. Тифлисъ, кому отъ главнокомандующаго приказано будетъ."

3) „Войска Его Императорскаго Величества расположатся въ селеніяхъ нашихъ, гдѣ главнокомандующему заблагоразсудится, но мы всеподданнѣйше просимъ, дабы для непремѣннаго пребыванія войскъ избрано было мѣсто при бродѣ Урдо, по каковой просьбѣ нашей главнокомандующій благоволитъ дать намъ обѣщаніе."

4) „Обязываемся изъ каждаго нижепоименованнаго селенія дать по одному аманату, изъ лучшихъ и первѣйшихъ семействъ народа нашего, что по учиненіи на вѣрноподданство присяги должно быть немедленно выполнено; селенія суть слѣдующія: Бѣлоканы, Катехи, Джары, Таилы, Мухахъ и Чинихъ, которые имѣютъ отвѣчать за всѣ прочія приписанныя къ нимъ деревни."

5) „Ставъ вѣрноподданными Его Императорскаго Величества обязываемся не принимать въ общества наши никакихъ непріязненныхъ, не доброжелательныхъ или противныхъ людей пользамъ Всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора, слѣдовательно недолжно терпѣть между нами не только скрытно или явно, но и не допускать къ намъ приближенія грузинскаго царевича Александра и его сообщниковъ; въ противномъ же случаѣ будемъ отвѣчать за сіе яко вѣрноподданные, по силѣ законовъ. Въ такой же силѣ обязываемся равномѣрно и отвѣтствовать имѣемъ предъ высокимъ начальствомъ, отъ Его Императорскаго Величества въ грузіи постановленнымъ, буде наши селенія по прежнимъ обычаямъ будутъ давать убѣжища хищнымъ Дагестанцамъ, Лезгинамъ и прочимъ народамъ, на Грузію покушенія имѣющимъ; но напротивъ того, должны мы и обязываемся, таковыхъ хищниковъ, въ селеніяхъ нашихъ не держать, не скрывать и въ предѣлы грузинскія не пропускать, а обличившихся виновными наказывать по нашимъ обычаямъ, съ вѣдома ближайшаго военнаго Россійскаго начальника, и при свидѣтеляхъ отъ него присланныхъ."

6) „Г. главнокомандующій Грузіею, въ уваженіе усерднаго нашего моленія

и вѣрноподданнической преданности Его Императорскому Величеству, именемъ Всемилостивѣйшаго и Великаго нашего Государя Императора, благоволилъ согласиться на наше прошеніе и дать намъ торжественное обѣщаніе оставить весь народъ чарской провинціи и всѣ наши вольныя общества, на прежнихъ нашихъ правахъ и преимуществахъ, не входя во внутреннее народа нашего управленіе.“

7) „Сосѣдственнаго союзнаго и всегда дружественнаго съ нами эллисуйскаго татарскаго султана Али-Султана и весь подвласный ему народъ, включаемъ не изъемлемо вѣрноподданство наше Его Императорскому Величеству, по всѣмъ статьямъ повинностей нашихъ и Высочайше дарованнымъ намъ преимуществамъ, для утвержденія коихъ, присланные отъ народа и султана эллисуйскаго повѣренные, Болла-Юзбаши, Шакалы-Юзбаши-Оглу и Мирза-Гуссейнъ-Оглу, вообще съ повѣренными чарскаго народа скрѣпили сіе постановленіе своими печатьми и участвовали въ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству“.

8) „Поелику отъ города Бѣлоканъ и селенія Катехи и Мацехи, по причинѣ страха поселянъ и разсѣяніе ихъ въ горахъ, довѣренные особы еще не явились, то мы нижеподписавшіеся Чарской провинціи народа и всѣхъ вольныхъ нашихъ обществъ повѣренные ручаемся и обязываемся за Бѣлоканы, Катехи и Мацехи что они съ приписными къ нимъ селеніями, придутъ въ повиновеніе и вѣрноподданство Его Императорскому Величеству и буде не добровольно, то силою оружія къ тому принуждены будутъ.“

9) „По просьбѣ нашей главнокомандующій благоволилъ дать намъ обѣщаніе, алеабатскія грузинскія деревни, съ давняго времени въ общества наши включенныя, оставить въ управленіи нашемъ на прежнихъ правахъ и обычаяхъ. А мы съ своей стороны обязываемся въ свободномъ отправленіи Христіанской вѣры не чинить имъ ни какого препятствія, равно какъ и по нашему закону, объявляется намъ полная свобода, выполнять по прежнему обрядъ нашего богослуженія безпрепятственно.“

10) „О возвращеніи нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ сраженіи при Бѣлоканахъ, о размѣнѣ оныхъ на россійскихъ и грузинскихъ плѣнныхъ прежде захваченныхъ, заключены особенныя договорныя статьи, которыя, по приведеніи насъ на вѣрноподданство къ присягѣ, письменно намъ объявятся, для надлежащаго по онымъ исполненія.

11) „Во увѣреніе чего утверждаемъ всѣ сіи статьи вѣрноподданическихъ повинностей, по обычаю нашему, приложеніемъ нашихъ печатей и просимъ, отъ имени всего народа, 4-ре таковыхъ экземпляра благоволить дать намъ за подписаніемъ и утвержденіемъ печати г. главнокомандующаго въ Тифлисѣ. Апрѣля 17 дня 1803 года.

„Въ 10 статьѣ обязательствъ и вѣрноподданическихъ повинностей всего народа и вольныхъ обществъ чарской провинціи чрезъ насъ, нижеименованныхъ

къ устроенію надежнаго и долговременнаго пути встрѣчается одно только то затрудненіе, что при разлитіи горныхъ водопадовъ, непостоянное стремленіе Терека, заставляетъ его ежегодно перемѣнять свое теченіе на многія рукава, коихъ слѣды видимы.

(Отъ Владикавказа до Ларса 20 верстъ).

На сей конецъ не предвидится удобнѣйшаго средства, какъ вести каменную плотину отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ вышиною, соображаясь съ образомъ мѣстнаго положенія и въ нужныхъ мѣстахъ дѣлая мосты на сводахъ, для свободнаго пропуска горныхъ протоковъ. Сію сплошную плотину, имѣющую простираться на 20-ть верстъ, кажется полезнѣе строить по какой либо одной сторонѣ рѣки, для избѣжанія частныхъ мостовъ, укрѣпленіе которыхъ прочнымъ образомъ едва ли будетъ возможно или по крайнѣй мѣрѣ сопряжено съ великими неудобствами, заключая по порывистому стремленію Терека.

Начиная отъ Ларса до Степансъ-Цминды, перваго грузинскаго селенія, лежащаго у подошвы снѣговыхъ кавказскихъ горъ, ущелье чувствительно стѣсняется и у Дарьяла, старой раззоренной крѣпости, означающей настоящую границу Грузіи, между неподвластными тагаурскими, кистинскими и дигорскими народами, наконецъ теченіе Терека заключается въ нѣсколькихъ саженяхъ пространства между высокими утесами разнаго рода каменныхъ шиферныхъ, гранитныхъ и известковыхъ горъ.

(Отъ Ларса до Казбека или Степансъ-Цминды 25 верстъ).

Въ семъ же маломъ пространствѣ представляются въ различныхъ видахъ совокупленныя препятствія къ преодоленію; и кажется, что изъ труднѣйшихъ способовъ нѣтъ удобнѣйшаго, какъ избравъ легчайшую сторону горъ, по слоямъ камня ихъ составляющихъ, прорывать оныя посредствомъ пороха и въ бокахъ утесовъ прорѣзывать черту, которая будетъ служить дорогою. Къ симъ немаловажнымъ неудобствамъ присоединяется еще слѣдующее препятствіе, къ совершенному отвращенію котораго, едва ли достаточно будетъ человѣческое искусство. Между Дарьяломъ и Казбекомъ есть одна хрещовая сыпучая гора, съ которой во время оттепели обрушиваются снѣгъ, песокъ и каменья большими глыбами, въ такомъ количествѣ, что отъ оныхъ не рѣдко запруживается теченіе Терека. Слѣдовательно сіе мѣсто требовать будетъ частаго исправленія.

Отъ Казбека или Степансъ-Цминды до Коби (Отъ Казбека до Коби 15 верстъ) постеля Терека опять расширяется и въ устроеніи дороги нѣтъ затрудненія, проводя оную попеременно то плотиною какъ выше сказано, то по косогорамъ, которыя мѣстами надлежитъ сравнивать.

Отъ Коби до Кайшаура, для лѣтняго пути, кромѣ возвышенія Кайшаурской горы, по мягкости землянаго слоя къ воздѣланію удобной, великихъ затрудненій не предвидится.

(Отъ Коби до Кайшаура 16 верстъ).

Но, напротивъ того, отъ половины декабря до половины апрѣля и даже по май мѣсяцъ, глубокіе снѣга, на ней скопляющіеся, и почти безпрерывныя замятели, при малѣйшемъ вѣтрѣ тамъ бывающія, проѣзжающихъ чрезъ оную въ зимнее время подвергаютъ сколько тяжкимъ трудамъ, столько и опасностямъ. Хотя къ отвращенію оныхъ вовсе не предвидится надежнаго средства, по крайней мѣрѣ, для облегченія зимняго пути, кажется можно съ успѣхомъ употреблять протираніе и изглаживаніе снѣговъ по извѣстной чертѣ санями, нагруженными тяжестію, каждую недѣлю одинъ разъ туда и обратно, посредствомъ нарочно приставленныхъ къ сему людей, за опредѣленную плату, или въ очередь земскихъ повинностей тамошними жителями.

Отъ Кайшаура, спустившись по изломаннымъ и быстрымъ крутизнамъ, до самаго гаризонта воды, начинается новое ущелье, внизъ по теченію рѣки Арагвы которая впадаетъ въ Куру при городѣ Мцхетѣ.

(Отъ Кайшаура до Душета 60 верстъ).

Дорога по сему ущелью, сопряженная съ нѣкоторыми трудностями, простирается только до Ананура, разстояніемъ на 45 верстъ.

Послѣ чего, подвигаясь къ Душету и далѣе Мцхету, Арагва остается внизъ по теченію на лѣвой рукѣ, и хотя бываетъ въ виду мѣстами, но дорога проложенная на правомъ берегу оной и прямо чрезъ горы, требуетъ малыхъ трудовъ и издержекъ.

Изъ чего явствуетъ, что, по мѣрѣ препятствій, породится иждивеніе, наиболѣе потребны будудъ на разстояніе 76 верстъ, заключающееся между Владикавказомъ и Кайшауромъ. Нужные матеріалы къ строенію дороги, какъ то: камень, булыжникъ, камень известковый, плитнякъ аспидный, находятся въ изобиліи или подъ ногами, или въ недальнемъ разстояніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 10-й.

Проектъ Александрова пути или дороги ведущей съ кавказской линіи въ Грузію.

Военное обезпеченіе.

1-е.

Въ малой Кабардѣ и деревни того же имени сдѣлать земляное укрѣпленіе, въ коемъ бы помѣститься могли на двѣ роты казармы и два постоялыхъ двора, какъ для проѣзжихъ господъ, такъ и для купцовъ съ товарами.

(Отъ Моздока до малой Кабарды 25 верстъ; двѣ роты казанскаго мушкетерскаго полка).

2-е.

На Кумбулаѣ рѣкѣ возобновить земляное укрѣпленіе, тамъ существующее и построить казармы на двѣ роты, а современемъ или луковскую станицу съ линіи переселить, или убѣдить осетинцевъ переселиться, на что по малоимѣнію у нихъ земли они согласится, но неже они уже и требовали переселиться около владикавказской крѣпости.

(Отъ малой Кабарды до Кумбулая рѣки 25 верстъ; двѣ роты казанскаго мушкетерскаго полка.

3.

Владикавказскую крѣпость, нужную для содержанія Осетинцевъ въ страхѣ, возобновить и построить казармы для одного гарнизоннаго баталіона. Осетинцамъ позволить селиться близь крѣпости, которой ихъ и защищать отъ Чеченцовъ и Ингушевцевъ.

(Отъ Кумбулая до Владикавказской крѣпости 30 вер. Перевесть 6 ротъ гарнизона изъ крѣпости Св. Димитрія, который совсѣмъ тамъ не нуженъ, послѣ пріобрѣтенія Россіею Таврической области и по сосѣдству Азовской и Таганрогской. Гарнизоны будутъ состоять изъ 6 ротныхъ баталіоновъ).

4.

Въ Балтѣ, при началѣ Кавказскаго ущелья, сдѣлать редутъ и казармы на одну роту. Здѣсь имѣть надлежитъ хотя двѣ мортиры разныхъ калибровъ, для удобнѣйшаго дѣйствованія въ ущельѣ, въ случаѣ наказанія Тагаурцовъ, метаніемъ бомбъ въ ихъ селеніи, въ кои весьма трудно всходить войскамъ, безъ наичувствительнѣйшей потери, по крутизнѣ и величинѣ оныхъ.

(Отъ Владикавказской крѣпости до Балты 10 верстъ. Изъ переводнаго гарнизона изъ крѣпости Св. Димитрія).

5.

Въ Ларсѣ, который весьма малъ, содержитъ въ себѣ только 17-ть семей и хозяинъ онаго на предложеніе уступить русскимъ войскамъ, съ тѣмъ, чтобы ему подъ Владикавказскою крѣпостію выстроить селеніе и дать нѣкоторую сумму денегъ, обѣщалъ согласиться; буде сдержитъ слово и такъ какъ самое мѣстоположеніе дѣлаетъ родъ редута, то привесть въ оборонительное состояніе и поставить роту также и двѣ мортиры въ числѣ орудій, на оборону редута назначенныхъ.

(Отъ Балты до Ларса 10 верстъ. Изъ переводнаго гарнизона изъ крѣпости Св. Дмитрія).

6.

Въ Дарьялѣ (т. е. на грузинской границѣ) возобновить замокъ и содер-

жать постъ изъ 40 человѣкъ пѣхоты, смѣняющейся по двѣ недѣльно изъ Владикавказской крѣпости, отстоящей отъ оной въ 28 верстахъ, и 20 казаковъ.

(Отъ Ларса до Даріяла 8 верстъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 11.

Проэктъ о просвѣщеніи грузинскаго дворянства и объ учрежденіи училища въ Тифлисѣ.

Изъ суммы выручаемой за шелкъ съ Чарской области, въ дань Грузіи приносимой, отдѣлить *десять тысячъ* руб.

Для учрежденія училища, въ Тифлисѣ, грузинскаго и россійскаго языковъ 2-хъ классовъ, на первый разъ на 25 питомцевъ, приходящихъ въ училище, а по прошествіи 3-хъ лѣтъ на 50 учениковъ.

			Число денегъ.
Директору съ квартирными			800 р.
Учители	1-го класса	Россійскаго языка	500 —
		Грузинскаго —	400 —
	2-го класса	Россійскаго	250 —
		Грузинскаго —	250 —
Два сторожа по 60 руб. каждому			120 —
На дрова и освѣщеніе			180 —
За наемъ квартиры подъ училище			300 —
		Итого.	2800 р.
На строеніе дома подъ училище въ Тифлисѣ			5000 —

Въ остаткѣ отъ 10.000 руб. 2.200 руб., которые приведя по здѣшнему настоящему курсу въ ассигнаціи составитъ . 3.740 р.

Для слѣдующаго употребленія: За 8 питомцевъ, въ Московскій университетскій пансіонъ, ежегодно имѣющихъ отправляться, за каждаго по 250 руб. . . . . 2.000 р.

За доставленіе ихъ отъ Моздока до Москвы на 8 почтовыхъ лошадей . . . . . 453 р.

Имъ каждому ежегодно на платье по 100 руб. . . 800 р.

Которые имѣютъ отправляться въ Москву прямо.

На книги, бумагу и прочія учебныя потребности, равно какъ и

упомянутые 800 руб. отсылать ежегодно къ одному изъ университетскихъ кураторовъ . . . . . 400 р.

Имъ на харчъ въ дорогѣ . . . . . 87 р.

Итого 3.740 р. 2.200 р.

Всего . . . . 10.000 р.

Примѣчаніе 1. Буде курсъ здѣшній уменьшится, то убыль суммы упасть должна на содержаніе, въ дорогѣ опредѣленное, а въ случаѣ недостатка на сумму и 400 руб. состоящую, на книги и другія учебныя потребности назначенную.

Примѣчаніе 2. Назначенные на построеніе дома подъ училище 5.000 руб. будутъ отпускаемы три года на сіе употребленіе, что составитъ 15.000 руб. По истеченіи 3-хъ лѣтъ, какъ сіи 5.000 р., такъ равно и употребляемые на наемъ дома 300 р. оставаться будутъ за вышесказаннымъ расходомъ.

Въ слѣдствіе чего тогда предполагается на оныя деньги удвоить число учениковъ въ Тифлисскомъ училищѣ и пансіонеровъ въ Московскомъ университетѣ, куда имѣютъ поступить изъ Тифлисскаго училища ученики знающіе уже россійскій языкъ.

Примѣчаніе 3. Между каждымъ отправленіемъ питомцевъ въ Московскій университетъ, назначенные имъ на путевые издержки 453 руб. и харчевые 87 руб., всего же 530 руб. оставаться будутъ въ экономической суммѣ училища для ежегоднаго запасенія книгами, бумагою, аспидными досками и на прочія учебныя и непредвидимыя потребности, въ распоряженіи директора училища завѣдомо главноуправляющаго или правителя Грузіи, коимъ имѣетъ директоръ давать подробный отчетъ ежегодно.

Общій счетъ.

Въ приходѣ . . . . . 10.000 р.

Первые три года.

Въ Тифлисѣ на 25 учениковъ:

На учителей и содержаніе училища . . . . . 2.800 —

Въ Москву.

За 8 питомцевъ на ихъ платье и доставленіе въ Москву . . 2.200 —

На строеніе дома въ Тифлисѣ . . . . . 5.000 —

Итого 10.000 р.

Послѣ трехъ лѣтъ.

Употребляемыя суммы на строеніе дома 5-т. руб. и 300 руб. на наемъ дома, остаются въ приходѣ, изъ оной удвоивается число учениковъ въ Тифлисѣ и пансіонеровъ въ московскомъ университетѣ, т. е. учениковъ будетъ 50, а пенсіонеровъ 16, а 300 руб. обратятся на ежегодную покупку книгъ и составленіе библіотеки при Тифлисскомъ училищѣ. Въ теченіи же перваго года таковая покупка книгъ и другихъ учебныхъ потребностей имѣетъ быть произведена на счетъ 530 руб., въ 3-мъ примѣчаніи упомянутыхъ, изъ 5000 руб., на строеніе отдѣленныхъ, удѣляя изъ оной завѣдомо главноуправляющаго или правителя Грузіи, смотря по прямой нуждѣ, нѣкоторое число денегъ, или всю сумму, которая въ слѣдующіе годы имѣетъ быть пополена.

Главнѣйшій попечитель сего Училища есть главноуправляющій Грузіею, а въ отсутствіи его правитель Грузіи.“

ПРИЛОЖЕНІЕ № 12-й.

Вѣдомость о доходахъ грузинскихъ и внутреннихъ, пошлинныхъ статей собираемыхъ.

№	Званіе статей.	За что въ 1802 году отданы были на откупъ.	Что въ 1803 годъ даютъ.	
1.	Таможенная соляная и карауль-ная подъ названіемъ Чимяка 17,400—на вѣрѣ.			Пошлина съ привозимаго и вывозимаго для продажи въ другія мѣста.
2.	Марены, желѣза и коноплей. .	3500	3320	Пошлина за исключитель ное право торговать сими статьями.
3.	Кахетинская письменная и печатная или штемпельная . . .	2600	2660	Пошлина таможенная за напечатаніе издѣлій, назы-ваемыхъ бзой.
4.	Вѣсовая.	1400	1660	Всякій обязанъ заимство-ваться вѣсами отъ откупщика съ платою.
5.	Тифлиская печатная или штем-пельная	4633 35 к.	4320	Всѣ издѣлія здѣсь дѣлае-мыя и привозимыя изъ дере-вень печатаются здѣсь со взя-тіемъ денегъ.
6.	Рыбная.	1466	1466 65 к.	Пошлина съ привозимой рыбы.
7.	Горійская печатная или штем-пельная, кожевенная и мясная.	1820	1820	Въ городъ на продажу при-

			возимаго берется пошлина.
8. Винная	2500	2660	Пошлина съ приозимаго вина изъ Кахетіи.
9. Чашникъ принадлежащій прежде тифлисскому мураву. . .	»	660	Пошлина съ привозимаго вина натурою.
10. Табашная	5000	4430	Когда на откупъ отдается, то кромѣ его никто въ Грузіи не имѣетъ права табакъ продавать.
11. Лавочнаго мяснаго	220 на вѣрѣ		Съ каждой торговой лавки берется по 5, кромѣ увольненныхъ отъ того привелегіями.
12. Мыльная	60	60	Кромѣ откупщика ни кто не имѣетъ права варить мыла.
13. Мясная.	3400 на вѣрѣ		Пошлина берется со всякаго прогоняемаго скота.
14. Пошлинъ съ откупленныхъ статей въ Тифлисѣ и Улокова Саминбаша .	560	640	Пошлина собираемая на коменданта тифлисской крѣпости.
15. Съ красиленъ въ Мажвржье и Ілокова	490 на вѣрѣ		
	Всего 45,019 р. 35 к.		

ПРИЛОЖЕНІЕ № 13.

Просительные пункты всеподданнѣйше представляемые на Высочайшее утвержденіе.

1) Я нижеподписавшійся князь Григорій Дадіанъ, законный владѣтель одишской, лечгумской, свапетской, абхазской и всѣхъ земель, искони предкамъ моимъ принадлежащихъ, и самодержавный оныхъ повелитель, отъ дня подписки сего акта, по совершеніи клятвеннаго обѣщанія, по обряду, предаю себя, со всѣмъ моимъ законнымъ потомствомъ, и со всѣми моими владѣніями, какъ выше названными, такъ и разными случаями отошедшими, въ вѣчное и вѣрное рабство (1) и подданство Высочайшей Россійской Державѣ, нынѣ счастливо царствующему Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу всея Россіи и Высочайшимъ Его Преемникамъ (владѣтельный князь Григорій Дадіанъ).

(1) Хотя слова *рабъ* и *рабство* запрещены указомъ 1786 г. февраля 11 дня, но какъ въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ слова равносильнаго *вѣрноподданству*, да и всѣ Азіятцы неразумѣютъ иначе подданства, какъ подъ именемъ рабства, то и суждено было оставить оное въ переводѣ.

2) Да благостію Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго моего Государя и Повелителя, предоставлено будетъ мнѣ, дѣтямъ моимъ и всему моему потомству, по старшинству колѣна, пользоваться правами и преимуществами владѣтеля, со всѣми обязанностями вѣрноподданнаго раба Всероссійскаго Государя Императора, яко верховнаго моего, и преемниковъ моихъ, Великаго Государя и Повелителя; на что да буду я осчастливленъ Высочайшею Его Императорскаго Величества грамотою, такъ какъ и преемники мои, при всякомъ новомъ вступленіи во владѣніе кого либо, изъ слѣдующихъ по старшей линіи, да будутъ утверждаемы подобными Высочайшими грамотами.

3) Да милосердіемъ Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя и Повелителя, предоставлены будутъ мнѣ и преемникамъ моимъ судъ и расправа, во владѣніяхъ моихъ, и во всероссійскомъ подданствѣ находящихся. А какъ главноуправляющимъ Грузіею, генералъ лейтенантомъ и кавалеромъ княземъ Циціановымъ, объявлено мнѣ было, что во всероссійскомъ подданствѣ смертная казнь или лишеніе членовъ не могутъ быть терпимы, то да снабженъ я буду, по повелѣнію Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя законами, коими бы указаны были наказанія за человѣкоубійство, за плѣнопродавство, за воровство и разбой; до изданія же сихъ Высочайшихъ законовъ, да позволено будетъ продолжать наказаніе по прежнему, для обузданія злодѣяній, могущихъ умножиться по необычности народной къ кроткому управленію.

4) Да силою высокославнаго оружія Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя ограждены будутъ мои владѣнія, яко во всероссійскомъ подданствѣ находящіяся; да назначены будутъ квартиры нѣкоторой части всероссійскаго войска на вѣчное пребываніе, для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и сопостатовъ и для водворенія спокойствія и тишины посреди самыхъ владѣній.

5) Да отъ щедротъ Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя и попечителя, не оставленъ я буду нѣкоторою частью доходовъ, въ случаѣ отысканія и разработыванія во владѣніяхъ моихъ золотыхъ, серебряныхъ или иныхъ какихъ рудъ.

6) Въ случаѣ возведенія какого либо новаго города во владѣніяхъ моихъ, да воспользуюсь и я, по благости Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя, нѣкоторою частью дохода, съ онаго, буде во Всероссійской Имперіи въ казну поступаетъ какой либо доходъ съ города.

7) Во взаимность вышесказанныхъ моихъ моленій къ Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему моему Государю и повелителю, я нижеподписавшійся съ преемниками моими обязуюсь властямъ отъ Его Император-

скаго Величества постановленнымъ, какъ то главноуправляющему Грузіею, или кто отъ его изъ генераловъ будетъ присланъ, повиноваться во всемъ, яко вѣрноподданный рабъ Всероссійскому Государю Императору.

8) Я съ преемниками моими обязуюсь, высокославнымъ всероссійскимъ войскамъ, назначеннымъ квартировать во владѣніяхъ моихъ, выстроить домы съ отапливаніемъ и свѣтомъ, т. е. доставляя чрезъ моихъ подданыхъ дрова и свѣчи, или сало баранье на свѣтъ.

9) Я съ преемниками моими обязуюсь онымъ войскамъ доставлять пшеницу и гоми или сорочинское пшено, также ячмень и сѣно или мякину за цѣны умѣренныя, стараясь всѣми мѣрами, по всеподданнѣйшему моему усердію, чтобы никогда недостатка ни въ чемъ не было.

10) Я съ преемниками моими обязуюсь, въ случаѣ отысканія и разработыванія рудъ россійскими художниками, доставлять потребное число работниковъ, за цѣну отъ горнаго начальства опредѣляемую.

11) Буде въ лѣсахъ моего владѣнія найденъ будетъ годный на корабельное строеніе, для черноморскаго россійскаго флота лѣсъ, то яко вѣрноподданный Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя, я и преемники мои, за оный лѣсъ ни малѣйшей платы претендовать не можемъ, и да будетъ невозбранно морскимъ россійскимъ офицерамъ ихъ клеймить съ тѣмъ, чтобы ихъ никто изъ подданныхъ владѣнія моего не отваживался рубить. За срубку же оныхъ деревъ и вывозку ихъ къ морской гавани, да повелѣно будетъ, изъ особаго милосердія Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя, платить по умѣренной цѣнѣ.

12) Когда устроенъ будетъ портъ на берегахъ владѣнія моего, то какъ я до сего дня оными морскими берегами не пользуюсь и они отъ меня отошли, силою моихъ сосѣдей, то и по устроеніи россійскаго порта, ни мнѣ, ни преемникамъ моимъ на доходы таможенные не претендовать, развѣ, если благоугодно будетъ Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему моему Государю и повелителю, изъ милосердія, повелѣть удѣлять пятнадцатую часть оныхъ, а я съ преемниками моими обязуюсь съ проѣзжающихъ купцовъ по всѣмъ моимъ владѣніямъ за товары никакихъ пошлинъ не брать.

13) Прибѣгая къ неизреченному милосердію Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя, прошу въ знакъ моего начальства или сардарства во владѣніяхъ моихъ, находящихся въ рабствѣ всей Россійской Имперіи, да удостоенъ буду отличіями, оное означающими по азіятскому обычаю и состоящими въ мечѣ и знамѣ, коихъ всеподданнѣйше осмѣливаюсь испрашивать.

Въ заключеніе всего того, я за свое лицо и за всѣхъ преемниковъ моихъ, утверждаю сіе мое всеподданнѣйшее моленіе къ Его Императорскому Величеству

Всемилостивѣйшему моему Государю и повелителю, собственноручнымъ моимъ подписомъ, съ приложеніемъ имянной моей печати, предая все на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя. Совершено и подписано лѣта отъ воплощенія Христова 1803 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 14.

Высочайшая грамота князю Дадіану 4 іюля 1804 г.

Намъ любезновѣрноподданному *Мингрельской земли Григорію Дадіану* Наша Императорская милость и благоволеніе. Снисходя на прошеніе Ваше о принятіи васъ и подданнаго вамъ народа подъ державу Нашу и въ вѣчное подданство имперіи Нашей, въ чемъ вы уже съ первѣйшими князьями царства *Мингрельскаго, и присягу Намъ учинили*, всемилостивѣйше на то соизволяемъ и подтверждаемъ васъ, любезновѣрноподданный намъ князь мингрельской земли Григорій, въ семъ достоинствѣ вашемъ, которое по силѣ сей Нашей жалованной грамоты и наслѣдники ваши всегда отъ Насъ принимать должны и повелѣнія Наши исполнять. Поручая вамъ же управлять мингрельскимъ народомъ съ крѣпостію и правосудіемъ, и утвердивъ во всей силѣ просительные ваши пункты, чрезъ нашего генерала отъ инфантеріи и главноуправляющаго въ Грузіи князя Циціанова, отъ васъ представленные, у сего въ оригиналѣ пріобщенные, торжественно объявляемъ, и Императорскимъ Нашимъ словомъ обѣщаемъ, васъ и весь народъ *Мингрельскій* яко вѣрноподданныхъ Нашихъ, и всѣхъ будущихъ по васъ преемниковъ, охранять отъ непріятелей. Будучи предувѣрены, что вы и преемники ваши въ преданности вашей, такъ и въ точномъ выполненіи обязанностей вашихъ пребудете непоколебимы, въ семъ надѣяніи и въ залогъ Монаршей Нашей къ вамъ и княжеству мингрельскому милости, сія дана Императорская грамота за собственноручнымъ подписаніемъ и приложеніемъ государственной Нашей печати въ престольномъ Нашемъ градѣ Св. Петра, іюля 4 дня въ лѣто отъ Рожества Христова тысяча восемьсотъ четвертаго года и царствованіе наше четвертое.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 15-й.

(Выписка изъ инструкціи Соколову. — Арх. Мин. иностр. дѣлъ 1—5, 1803 № 1-й отъ 27 мая 1802 г.)

По прибытіи въ Имеретію слѣдуетъ вамъ послать предварительно къ его высочеству царю Соломону опредѣленнаго при васъ колеж. ассес. Яковлева, какъ для извѣщенія о вашемъ пріѣздѣ, такъ и для испрошенія времени—когда царь назначитъ вамъ быть къ себѣ, для полученія отъ васъ высочайшей грамоты. Въ назначенное же вамъ для того время, прибывъ во дворецъ и вошедъ въ покой въ коемъ царь будетъ находиться, сдѣлайте его высочеству привѣтствіе: что всемилостивѣйшій Государь Императоръ отправилъ васъ къ его высочеству съ дружескою и благоволительною Его Императорскою грамотою, которую съ благоговѣніемъ царю тутъ же и вручить. Безъ сомнѣнія царь принявъ грамоту пригласитъ васъ сѣсть; тогда вы, именемъ Государя Императора спросите о здоровьи его высочества, супруги его и всего царскаго дома, а потомъ сдѣлайте ему привѣтствіе и отъ меня.

Спустя нѣсколько минутъ, вставъ онять, изъясните ему съ вѣжливостію: „что Его Императорское Величество, увѣренъ будучи о дружбѣ и всегдашней къ себѣ приверженности его царскаго высочества, по единовѣрію издавна существующему, надѣется на точное выполненіе своего высочайшаго желанія въ грамотѣ предложеннаго. Когда же потомъ вы отъ царя возвращаться будете испросите у его высочества, чтобы вамъ позволено было для засвидѣтельствованія почтенія приходить во дворецъ въ тѣ часы, кои его высочеству угодно будетъ назначить.

По возвращеніи же вашемъ изъ дворца къ себѣ пошлите къ царю съ кол ассес. Яковлевымъ, отправленныя съ вами часы, осыпанные брилліантами въ подарокъ отъ Государя Императора его высочеству назначенныя.

Во второмъ съ царемъ вашемъ свиданіи испросите у его высочества позволеніе быть у царицы его супруги и дѣтей ихъ, а равно и у знатнѣйшихъ его двора. Когда же вамъ будетъ дозволено, то при посѣщеніяхъ вашихъ царицы и дѣтей царскихъ (1) сдѣлайте каждому изъ нихъ приличное привѣтствіе отъ лица Государя Императора и Ея Величества Государыни Императрицы.

Въ первыхъ посѣщеніяхъ вашихъ царя и царицы соблюдите азіятскій этикетъ, т. е. первый поклонъ сдѣлайте въ поясъ, а въ послѣдствіи являйтесь съ обыкновеннымъ почтеніемъ и вѣжливостію.

(1) Министерству нашему не было извѣстно что Соломонъ не имѣлъ дѣтей.

Быть можетъ, что царь, увѣдомившись о вашемъ прибытіи, пришлетъ для приглашенія васъ ко двору какого либо чиновника или кого изъ своихъ приближенныхъ, то вы сего посланнаго примите дружески, постарайтесь его всячески обласкать, дабы въ случаѣ нужды могли вы черезъ его посредство или содѣйствіе, если онъ при царѣ изъ довѣренныхъ, имѣть успѣхъ въ исполненіи возложеннаго на васъ порученія.

Хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что царь охотно исполнитъ желаніе Его Императорскаго Величества, въ высочайшей грамотѣ изъясненное, однакоже не лишнѣе вамъ распознать кто при немъ изъ довѣреннѣйшихъ и наибольшее вліяніе на его и на народъ имѣющій, дабы таковаго могли вы употребить по обстоятельствамъ къ убѣжденію царя на податливость его ко освобожденію царевича Константина.

Когда царевичь Константинъ будетъ вамъ выданъ, то, по увѣренію царя о признательности Его Императорскаго Величества за таковой его подвигъ, въ угодность Государю Императору имъ сдѣланный, не медля поспѣшайте съ царевичемъ изъ Имеретіи въ Тифлисъ. По прибытіи въ сей городъ можете вы въ ономъ на нѣсколько времени взять отдохновеніе, особенно для юнаго царевича, дабы не изнурить его безостановочнымъ путешествіемъ, по тамошнимъ мѣстамъ какъ извѣстно весьма неспокойнымъ.

Въ продолженіи же вашего путешествія по Грузіи посѣтите всѣхъ вдовствующихъ царицъ, царевичей и царевенъ, равно какъ и первѣйшихъ изъ грузинскихъ князей, дворянъ и духовенства тамо живущихъ и отъ имени моего сдѣлайте имъ учтивыя привѣтствія и пожелайте имъ наслажденія вождѣленнымъ здоровьемъ.

Если въ чемъ надобность встрѣтится тамъ для сохраненія царевича, то обо всемъ относитесь къ г. л. Кнорррингу, также и при возвратномъ вашемъ отъѣздѣ изъ Тифлиса, испросите у него нужное количество проводниковъ, для безопаснаго и спокойнаго съ царевичемъ и коллеж. ассес. Яковлевымъ слѣдованія въ г. Моздокъ, гдѣ, пріискавъ для царевича карету или коляску и снабдивъ его одеждою и въ чемъ надобность примѣтите, изъ данныхъ вамъ на то 500 руб. продолжайте вашъ путь сюда и явитесь ко мнѣ.

Въ продолженіи всего вашего пути сюда, вмѣстѣ съ царевичемъ Константиномъ, какъ вамъ такъ и находящемуся при васъ коллеж. ассес. Яковлеву, должно съ нимъ обходиться ласково и не причинять ему никакого огорченія, но изъ уваженія къ юности его стараться въ возможномъ и его успокоивать. На квартирахъ, гдѣ будете съ нимъ останавливаться, избѣгайте всѣхъ опасностей и если гдѣ случится больной, а кольми паче оспою, то какъ можно того удаляйтесь, ибо болѣзнь сія для восточныхъ народовъ слѣдствіями своими весьма бываетъ опасна.

Отправленныя съ вами, кромѣ назначенныхъ отъ высочайшаго имени въ

подарокъ царю имеретинскому, двое золотыхъ и двое серебряныхъ часовъ, употребляйте на подарки, гдѣ по вашему усмотрѣнію будетъ нужно, а по прибытіи сюда вашемъ, обязаны вы дать обстоятельный отчетъ въ употребленіи оныхъ, съ показаніемъ кому что дано и за какую услугу.

Въ заключеніе же сего нужнымъ считаю вамъ примѣтить и то, чтобы вы, сколь возможно, старались поспѣшить все вамъ поручаемое исполнить и сюда возвратиться.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 16-й.

Письмо кн. Циціанова къ царевичу Александру отъ 31 августа 1803 г.

(Тиф. Арх. канц. намѣс.)

„Почтеннѣйшее вашей свѣтлости письмо отъ 19 іюля, писалъ въ отвѣтъ ему князь Циціановъ, имѣлъ я честь получить чрезъ дворянина Захарія Сухарева, въ коемъ жалуетесь съ удивленіемъ, что отъ меня не было къ вашей свѣтлости съ помянутымъ Сухаревымъ письма. Я, привыкши имѣть откровенность ко всѣмъ, паче за обязанность свою поставляю соблюсти оную къ тѣмъ особамъ, коихъ я душевно почитаю, и потому прошу васъ, милостиваго государя, позволить мнѣ чистосердечно объясниться вамъ. Съ самаго прибытія моего на кавказскую линію, не мало я не умедлилъ, по врожденному моему къ высокому дому вашему уваженію и доброжелательству, отправить къ вашей свѣтлости, при письмѣ моемъ, письмо отъ внутреннихъ дѣлъ министра графа Кочубея, писанное къ вамъ по высочайшей Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго государя нашего волѣ, приглашающей васъ въ отеческія милосердныя свои объятія, къ собственному вашему благосостоянію, предавая забвенію всѣ прошедшія ваши дѣянія. Но какъ ваша свѣтлость не токмо не изъявили уваженіе священной Государя Императора нашего волѣ, но и мнѣ изволили сдѣлать отзывъ, ни сану ни званію моему неприличествующій, опасаясь нѣсколько и да правосуднѣйшихъ и милосердныхъ предпріятій ангело-подобнаго монарха нашего, то я принужденнымъ себя почелъ прервать съ вашею свѣтлостію переписку. Вы сами, милостивый государь, изволите признаваться, что причиною удаленія вашего изъ Грузіи было гоненіе отъ братца вашего, покойнаго царя Георгія, но если правленіе его будете сравнивать съ правленіемъ россійской имперіи, которое ищетъ и старается о пользѣ каждаго, то конечно

будете мыслить противно и самому человѣчеству. По власти мнѣ отъ всемилостивѣйшаго государя нашего высочайше дарованной, могу смѣло удостовѣрить вашу свѣтлость, что вы не малѣйшей не имѣете нужды скитаться и проживать въ земляхъ тѣхъ, гдѣ не токмо можете ожидать какого либо благополучія или какихъ либо просто сказать пособій, но даже дѣлаете вредъ и душе вашей, лишась христіанскаго долга и обрядовъ, на коихъ весь законъ нашъ основанъ; что если сжалившись о томъ несчастномъ вашемъ положеніи, и пославъ вашего благословенія, пожелаете возвратясь сюда поѣхать въ Россію, не токмо можете быть въ какой либо опасности, но будете приняты съ благоговѣніемъ высокомонаршимъ, какъ братья ваши и племянники, получивъ какъ достаточнѣйшее вамъ содержаніе, ибо и послѣднѣйшій изъ племянниковъ вашихъ получаетъ въ годъ 10,000 руб., такъ удостоившись и пожалованія ордена; и что съ самаго прибытія вашего въ Грузію, не будете имѣть заботы, ни о содержаніи, ни о путевыхъ издержкахъ въ Россіи. Милостивый государь, вѣрьте чистосердечію моему, яко таковая во мнѣ всѣмъ извѣстна, что нѣтъ иныхъ средствъ къ благополучію вашему, какъ во всемъ предаться священной Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя нашего волѣ, отечески объ васъ пекущейся; не теряйте случая къ благосостоянію васъ ведущаго, дабы потомъ не оставаться вашей свѣтлости въ раскаяніи. При семъ за нужное почитаю обратить мысли мои къ князьямъ, дворянамъ и ко всѣмъ при вашей свѣтлости находящимъ, увѣрить ихъ послѣдній разъ именемъ Государя Императора нашего, что если они возвратятся въ отечество свое, не могутъ имѣть никакой опасности, и во всѣхъ своихъ винахъ прощаются; если же при случаѣ семъ, паче чаянія, сего не выполнятъ, то уже никогда не будутъ сюда допущены и всего своего имѣнія лишатся совершенно. Дворянина Захарія Сухарева, не находя за нужное ни чуть отправить къ Его Императорскому Величеству, посылаю въ другой разъ къ вашей свѣтлости, съ сими моими истиннѣйшими увѣреніями, надѣюся что сіе его отправленіе не будетъ тщетно и ваша свѣтлость не будете убѣгать предлежащаго вамъ благосостоянія. Увѣрившись, что Его Императорское Величество всемилостивѣйшій нашъ государь даровалъ мнѣ такую здѣсь власть, что все мною обѣщанное удостоиваетъ утверждать монаршею милостію, безъ всякой отмѣны, въ доказательство чему служить можетъ, что я царевичамъ Вахтангу Ираклиевичу и Давыду Георгіевичу, обѣщавъ исходотайствовать Александровскія ордена, имѣлъ счастіе получить отъ Его величества рескриптъ, что до пріѣзда ихъ въ Петербургъ, онъ имъ назначить изволилъ, что вашей свѣтлости, какъ думаю подтвердитъ и сей подноситель.

И такъ, объяснивъ вамъ всѣ обстоятельства съ подробностію въ послѣдній разъ, остаюсь въ ожиданіи не отвѣта уже, но прибытія вашей свѣтлости.

11) Буде въ лѣсахъ царства имеретинскаго найденъ будетъ годный на корабельное строеніе, для черноморскаго россійскаго флота лѣсъ, то яко вѣрноподданный Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго моего Государя и Повелителя, я съ преемниками моими за оный лѣсъ ни малѣйшей платы претендовать не можемъ и да будетъ не возбранно морскимъ россійскимъ офицерамъ ихъ клеймить съ тѣмъ, чтобы ихъ никто изъ подданныхъ Имеретіи не отваживался рубить; за срубку же оныхъ деревъ и вывозку ихъ къ морской пристани, да повелѣно будетъ, изъ особаго милосердія Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго моего Государя и повелителя, платить по умѣренной цѣнѣ, дабы оно не послужило народу въ отягощеніе.

12) Всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ изъ владѣнія князя Дадіана, возвратить, такъ какъ и крѣпости взятыя въ Одишійской и Лечгумской провинціяхъ съ ихъ округами очистить и никогда не претендовать на нихъ, однимъ словомъ ни мнѣ, ни пріемникамъ моимъ до владѣнія князя Дадіана никогда притязанія не чинить.

13) Дорогу отъ грузинской границы чрезъ Вахань лежащую къ Кутаису, оттоль въ Одишу и Поти, я съ преемниками обязуюсь расчистить и сдѣлать арбеною (повозочною) дорогою, содержа ее во всей исправности, также отвѣчая за цѣлость и невредимость по оной проѣзжать имѣющихъ транспортовъ и разнаго рода людей, кольми паче военныхъ служителей.

14) Принадлежавшій удѣлъ царевичу Константину Давыдовичу подъ именемъ Сабатопишвило, весь безъ остатка, такъ какъ онъ извѣстенъ всему знатному имеретинскому дворянству, уступаю я въ непосредственное свѣтлѣйшаго царевича Константина управленіе, на содержаніе его изъ оныхъ доходовъ.

15) Въ взаимность сей моей добровольной уступки, царевичъ Константинъ Давыдовичь, для избѣжанія развлеченія власти моей, да пребудетъ въ Грузіи или Россіи до конца дней моихъ, для полученія пристойнаго сану его воспитанія подъ покровомъ и гарантіею Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго моего Государя и Повелителя, и да не возмутится управленіе мое его присутствіемъ, отъ не благомыслящихъ въ Имеретіи находящихся людей.

16) Съ товаровъ провозимыхъ чрезъ Имеретію въ Грузію, отъ морскихъ пристаней, а изъ Грузіи къ онымъ, также во владѣнія князя Дадіана и изъ оныхъ, я съ преемниками моими, къ разширенію торговли, не долженъ брать пошлинъ, а въ замѣнъ того, да опредѣлена мнѣ будетъ отъ щедротъ Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго моего Государя и Повелителя, изъ таможенныхъ россійскихъ доходовъ нѣкоторая часть въ вознагражденіе убытковъ.

17) Грузія и Имеретія, состоя равномѣрно въ подданствѣ всероссійской державы, а потому отъ дня подписки сего акта никто изъ Имеретіи въ Грузію на переселеніе безъ вѣдома и воли моей не воленъ переходить; также никто изъ Грузіи въ Имеретію на переселеніе безъ воли главноуправляющаго Гру-

віею не воленъ переходить; до нынѣ же перешедшіе изъ Грузіи въ Имеретію и изъ Имеретіи въ Грузію, имѣютъ оставаться тамъ, гдѣ они теперь находятся, потому что Имеретія и Грузія, доселѣ имѣя разныя начальства, могли и должны были защищать и покровительствовать вышельцамъ изъ чужой земли, такъ какъ сіе принято во всѣхъ просвѣщенныхъ державахъ.

Въ заключеніе всего того, я за свое лицо и за всѣхъ моихъ пріемниковъ утверждаю сіе мое всеподданнѣйшее моленіе къ Его Императорскому Величеству, всемилостивѣйшему моему Государю и Повелителю, собственноручнымъ моимъ подписомъ съ приложеніемъ подъ всякою статьею имянной моей печати, предая все на высочайшее Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго моего Государя и Повелителя, благоусмотрѣніе и утвержденіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 21-й.

Высочайшая грамота царю Соломону имеретинскому 4-го іюля 1804 г.

Намъ любезновѣрноподданному имеретинскія земли царю Соломону Наша Императорская милость и благоволеніе. Снисходя на прошеніе ваше о принятіи васъ и подданнаго вамъ народа подъ державу Нашу и въ вѣчное подданство Имперіи Нашей, въ чемъ вы съ первѣйшими князьями царства имеретинскаго и присягу уже Намъ и пріемникамъ Нашимъ учинили, всемилостивѣйше на то соизволяемъ и подтверждаемъ васъ, любезновѣрноподданный Нашъ царь имеретинской земли Соломонъ, въ семъ достоинствѣ вашемъ, которое по силѣ сей Нашей жалованной грамотѣ и наслѣдники ваши всегда отъ Насъ принимать должны и повелѣнія Наши исполнять. Поручая вамъ же управлять имеретинскимъ народомъ съ крѣпостію и правосудіемъ и утвердивъ во всей силѣ просительные ваши пункты, чрезъ Нашего генерала отъ инфантеріи и главноуправляющаго въ Грузіи князя Циціанова, отъ васъ представленные, у сего въ оригиналѣ пріобщенные, торжественно объявляемъ и Императорскимъ нашимъ словомъ обѣщаемъ васъ и весь народъ имеретинскій, яко вѣрноподданныхъ Нашихъ и всѣхъ будущихъ по васъ преемниковъ охранять отъ непріятелей. Будучи предувѣрены, что вы и преемники ваши въ преданности вашей, такъ и въ точномъ выполненіи обязанностей вашихъ пребудете непоколебимы, въ семъ надѣяніи и въ залогъ Монаршей Нашей къ вамъ и царству имеретинскому милости сія дана Императорская грамота, за собственноручнымъ подписаніемъ и приложеніемъ государственной Нашей печати, въ престольномъ Нашемъ градѣ Св. Петра іюля 4-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ четвертаго года и царствованіе наше четвертое.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 22-й.

(Арх. Глав. Штаба въ С.-Петерб. Дѣла кавказскія 1804 г. книга № 5.)

Объяснительная просьба Тіулетинцевъ.

1) Никѣмъ въ нетерпимомъ холоду отъ Степансъ-Цминда до Ананура, заставили насъ загребать снѣгъ и расчистить дорогу.

2) На одной же дорогѣ отъ дождя сдѣлалась грязь, почему заставили насъ рубить хворостъ и кинуть туда, гдѣ споткнулась у одного казака лошадь, почему били насъ безщадно и отъ побоя умерли два человѣка, изъ коихъ одинъ гудомакарскій чахели, а другой лагодхевскій джаунарисце.

3) Шелъ снѣгъ и закрылъ оную же дорогу и въ такомъ случаѣ привели насъ для разчищенія дороги, что не пустили насъ оборониться отъ напасти снѣга и удавилъ снѣгъ Тимофея и трехъ человѣкъ нашихъ.

4) Пришли къ намъ 60 солдатъ и 12 конныхъ казаковъ, коимъ отдавали въ день 6-ть штукъ скота, а куриць, сыру и масла нельзя привесть въ счетъ.

5) Отъ своза экипажовъ снялась кожа у лошадей и воловъ, но прогонъ не получали никогда, кромѣ того, что однажды дали по рублю и сіе терпѣли мы.

6) Двухъ женщинъ запрягали въ сани, а солдаты сзади въ плетями били.

7) По приказанію, въ четырехъ мѣстахъ зажгли известку, въ четырехъ горнахъ въ Закадкари, Бурдулискури, въ Надибацискари и въ Амирицискари.

8) Въ случаѣ собранной княземъ Торнике Эристовымъ войскамъ объявили и намъ, и слыхали мы, что яко бы насъ хотѣли послать впередъ, за нами Ксанскихъ, а за ними Русскихъ и хотѣли перевезть насъ въ Россію, а женщинамъ и дѣтямъ нашимъ везти известку; сіе же слыхали отъ нихъ.

9) Съ клятвою положили срокъ на 7-мь лѣтъ освободить отъ повинности, а на одинъ годъ не повременили въ нынѣшнемъ году, на мѣсто барановъ, масла и прочихъ положенныхъ повинностей, взяли у насъ деньги за два гдоа и чего не доставало взяли съ нашихъ церквей, за барана по рублю, за ягненка по восьмидесяти коп., за масло по рублю и за сѣно и за пять литръ ячменя и за одинъ хлѣбъ взяли по рублю.

10) У кого были сѣно и ячмень, безъ спросу нашего начальники отняли безъ заплаты.

11) Приказано было казакамъ по станицамъ покупать ячмень и сѣно съ заплатою и также дать прогонныхъ лошадей, но они безъ заплаты брали у насъ сѣно и ячмень и лошади безъ прогоновъ.

Мы претѣсняемы въ сказанныхъ пунктахъ; всегда желали прибытія въ Грузію непобѣдимаго войска Всемилостивѣйшаго Государя, а теперь желаемъ себѣ гибели, мы не надѣемся на нашу силу и не хвалимъ сражаться съ Русскими, мы такъ положились, если намъ не будетъ какого нибудь утѣшенія, то зажечь наши дома и себя съ своими семействами, лучше сдѣлать сіе, нежели претерпѣть отъ побоя смерть и безчестіе нашихъ женъ, такъ какъ вы посланны главноуправляющимъ Грузіею, то просимъ сіе послать къ его сіятельству отъ всѣхъ Тіулетинцевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 23-й.

(Предписаніе отъ 15 апрѣля за № 258. Тифл. арх. канц. нам.).

Освободивъ изъ рукъ невѣрныхъ владѣтельнаго князя Леваля Мингрельскаго, по волѣ Его Императорскаго Величества, избираю ваше высокоблагородіе къ надзору и воспитанію его и предписываю вамъ слѣдующее:

Жить при матери его свѣтлѣйшей княгинѣ Нинѣ Григорьевнѣ, но такъ какъ въ мѣстѣ ее пребыванія имѣетъ быть всегда неотмѣнно военная команда и подъ начальствомъ вашимъ, то имѣть для охраненія его караулъ не стѣсняя его свободы, лишь бы все дѣлалъ съ вашего позволенія, ибо цѣлость его на вашемъ есть отвѣтѣ, по неблагонамѣренности многихъ князей къ нему и родительницы его, а паче дядей его родныхъ.

2) Буде бы для воздуха сказанный князь Леванъ хотѣлъ выѣхать куда, то имѣть ему конвой.

3) Выбрать вамъ ему по согласію свѣтлѣйшей княгини дядьку, который бы безотлученъ былъ отъ него и въ вашей зависимости, наблюдая за его вѣрностію.

4) Пещись о его воспитаніи и изъ фельдфебелей или унтеръ-офицеровъ, знающихъ хорошо грамотѣ россійской, заставить обучать его россійскому языку, для чего при семъ отправляю къ вамъ по одному экземпляру какъ россійскихъ такъ и грузинскихъ и для послѣдняго сего обученія, т. е. по грузински, заставить учить знающаго хорошо языкъ грузинскій.

5) Учить его ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ ружья, изъ лука и какъ можно болѣе давать ему движенія, а буде бы захотѣлъ учиться экзерциціи наше й то учить его ружьемъ.

6) Вперить въ него благородство души и чувствительность, наблюдая чтобъ

слишкомъ съ большою чувствительностію не получилъ качества женоподобнаго человѣка, примѣчать склонности его къ нему имѣетъ наклонность и буде къ доброму, то ободрить его въ ономъ, обѣщая довести до свѣдѣнія моего и Государя Императора.

7) Непремѣнно смотрѣть чтобы онъ прилеженъ былъ къ церкви, безъ суевѣрія, и былъ христіанинъ не по наружности одной, какъ здѣсь обыкновенно.

8) Когда успѣетъ сказанный князь въ изученіи россійскаго языка, то увѣдомить меня, кто его могъ бы по нѣмецки или по латински учить и математики; буде нѣтъ таковаго, то я буду по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію отыскивать или выписывать.

9) Не пріучая къ пьянству, вперить объ опрятности и буде что потребно увѣдомьте меня.

10) Пріучать къ порядку, вперить, что подданныхъ своихъ считать долженъ за дѣтей своихъ, беречь ихъ, любить и быть справедливу и безпристрастну.

Наконецъ желалъ бы, чтобы ваше высокоблагородіе, нашедъ человѣка достойнаго повѣрить и повѣрия ему надзоръ, со мною бы видѣлись.

Впрочемъ сіе не такъ нужно, увѣрить только могу въ томъ, что по важности порученія и предмета вы всего ожидать къ пользѣ вашей можете, лишь бы успѣхъ соотвѣтствовалъ желанію. Прилагаемый здѣсь переводъ съ ордера сего, имѣете ваше высокоблагородіе вручить свѣтлѣйшей княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ для того, чтобы она не могла счесть надвора вашего за сыномъ ея карауломъ и увидѣла бы сколь много имѣю попеченія о воспитаніи его.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 24-й.

Церемоніалъ взноса грамотъ въ Мингреліи и Имеретіи.

Наканунѣ представленія грамотъ Его Высочеству или временному правительству мингрельскому, имѣетъ быть во всѣхъ церквахъ въ вечеру отправляемо всенощное бдѣніе.

Въ день представленія порядокъ марша:

1) Одинъ почетный князь и за нимъ 50 человѣкъ мингрельскихъ или имеретенскихъ дворянъ, по два въ рядъ.

2) Взводъ гренадеръ съ офицерами, предшествуемый полковой музыкой.

3) За симъ при штабъ-офицерѣ, четыре офицера по два въ рядъ, оставя восемъ шаговъ промежутокъ.

4) За ними статскій совѣтникъ Литвиновъ.

5) Немного отступя справа инспекторскій адъютантъ понесетъ грамоту, освобожденную отъ обёртки, буде будетъ ведро.

6) Идти всему кортежу въ восьми шагахъ другъ за другомъ.

7) По сторонамъ боковые патрули изъ егерей, отъ средины на 20 шаговъ, а другъ за другомъ въ 8 шагахъ.

8) Его высочество изволитъ встрѣтить со своими чиновниками, дворомъ своимъ и большою свитою за 50 шаговъ отъ дома.

9) Статскій совѣтникъ Литвиновъ, представя его высочеству самъ высочайшую грамоту, спроситъ: что прикажетъ?

10) Тогда его высочество объявитъ, что она должна быть прочтена въ храмѣ Божіемъ и благодарственное молебствіе за здравіе Его Императорскаго Величества отправлено быть имѣетъ.

11) Его высочество, точно въ томъ же сопровожденіи, изволитъ идти въ церковь, занявъ мѣсто, гдѣ статскій совѣтникъ шелъ, а сей пойдетъ передъ нимъ, такъ какъ и адъютантъ съ грамотою.

12) По пришествіи въ церковь и по установленію всѣхъ по мѣстамъ, статскій совѣтникъ самъ Высочайшую грамоту, которую развернувъ адъютантъ будетъ держать на рукахъ, имѣетъ прочесть громогласно. За нимъ первый чиновникъ князь имеретинскій (или мингрельскій) прочесть имѣетъ переводъ.

13) За симъ отправиться имѣетъ благодарственное молебствіе за здравіе Его Императорскаго Величества съ колѣнопреклоненіемъ и потомъ черезъ цѣлый день будетъ по церквамъ продолжаться колокольный звонъ, съ коимъ и должно встрѣтить при приходѣ его высочества въ церковь за нѣсколько шаговъ.

14) Его высочество изволитъ возвратиться въ свой дворецъ въ томъ порядкѣ, но уже Высочайшую грамоту понесетъ его первый чиновникъ и первый князь передъ нимъ, буде на сохраненіе въ церкви не будетъ оставлена.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 25-й.

Переводъ съ отвѣта на вопросъ объ обстоятельствѣ касающемся до Анаклiи.

Анаклія выстроена предками Дадіановыми, которые имѣли ее пристанью, какъ видно изъ ихъ грамотъ, но съ нѣкотораго времени, когда осталась оная пустою, то Келишъ-Бекъ, во время возмущенія, бывшаго между Имеретіею и Одиши, принявъ смѣлость, поставилъ тамъ людей и укрѣпилъ ее, но когда Кація Дадіанъ усмирилъ Имеретію, то, собравъ онъ войска изъ Одиши и Лечгума, пошелъ на Анаклію, которую взявъ, поставилъ надъ нею князя Сардаря Дейсма Чичуа охранителемъ, что случилось прежде усмиренія двухъ владѣній. Отъ того времени оставалась оная въ рукахъ Дадіана Григорія, но когда Манучаръ, сынъ Кацій Дадіана, пошелъ въ Абхазію и просилъ Келишъ-Бека, что бы сей сдѣлалъ его владѣтелемъ, обѣщая Келишъ-Беку Анаклію и другія окрестности находящіяся на границѣ Абхазіи, то Келишъ-Бекъ, собравъ абхазское войско, пришелъ на границу Мингреліи и требовалъ уступки Анаклiи. Почему для примиренія Григорій Дадіанъ отдалъ Анаклію Келишъ-Беку 1794 году, съ тѣмъ чтобы не предавали въ Анаклiи съ Мингреліею никакой ссоры, но онъ нарушилъ условіе, умножилъ плѣнно-продавство изъ онаго мѣста и былъ Келишъ-Бекъ, врагъ Григорія Дадіанова равно и царь Соломонъ Имеритинскій и отъ обоихъ имѣлъ Григорій Дадіанъ крайнее притѣсненіе; когда же Келишъ-Бекъ узналъ совершенную непріязнь царя къ нему, то отклонился отъ царя, привязался опять къ Дадіану, но если бъ сіе несчастіе смертельное не приключилось господину и хозяину нашему Дадіану, то имѣлъ желаніе взять опять Анаклію за нарушеніе условія.

Анаклія есть мѣсто принадлежащее Одиши, отъ туда возятъ до Хорги, куда господинъ Григорій Дадіановъ привелъ ваше войско оттоль возятъ до Поти и отъ Поти до рѣки Аджисуй.

Но теперь пристань есть въ Хорги при устьѣ рѣки Хопи, которая принадлежитъ Дадіану и по среди оной ѣздятъ войска ваши между Таврiею и Одиши.

Преосвященный Чкондитскій митрополитъ Виссаріонъ Дадіановъ приложена печать его и Георгій Дадіановъ подписалъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 26-й.

Пункты, поданные княземъ Соломономъ Леонидзе 31-го марта 1805 года, скрѣпленные царскою печатью, для узнанія мыслей главнокомандующаго: можно ли по нихъ просить Его Императорское Величество.	Ответы князя Циціанова.
1.	
Всенижайше и усерднѣйше просимъ чтобы мы не были лишены Лечгума, царству нашему принадлежащаго, съ коимъ вошли мы въ подданство Его Императорскаго Величества.	О семъ много кратъ повторяемо было и теперь тоже т. е. единое Государя Императора опредѣленіе высочайше разрѣшить оное.
2.	
Послѣ генерала отъ инфантеріи (т. е. князя Циціанова) имѣющему быть главноуправляющему Грузіею и прочимъ россійскимъ чиновникомъ имѣть власть объявлять мнѣ о нужныхъ для Россіи дѣлахъ, по службѣ со стороны моей по всей возможности россійскимъ войскамъ, а впрочемъ не имѣть имъ надъ царствомъ моимъ власти и не быть имъ въ силахъ къ понужденію меня въ дѣлѣ клонящемся къ униженію царства моего.	О семъ стыдно просить, ибо къ униженію царства никто не отважится ничего дѣлать, а еще меньше понуждать его высочество къ тому, лишь бы, храни Боже слышать, не открылось къ измѣнѣ относящагося; въ такомъ случаѣ, по обличеніи никакой пощады быть не можетъ.
3.	
Князьямъ дворянамъ и ближнимъ моимъ пользоваться почтеніемъ и буде въ чемъ они преступятъ, яко новые подданные и не испытавшіеся въ законахъ, въ такомъ случаѣ чиновникамъ россійскимъ не имѣть власти наказывать ихъ, или дѣлать имъ безчестія, но вину ихъ объявлять намъ и сужденію ихъ быть производиму отъ насъ.	Кто у нихъ почтеніе отнимать будетъ? Судъ и расправа предоставлены пунктами высочайше утвержденными его высочеству, но въ сіе число не входятъ дѣла относящіеся до плѣнико-продавства, до смертоубійства и до измѣны, которыя по высочайшему Его Императорскому Величеству повелѣнію имѣютъ быть судимы при полку, военнымъ россійскимъ судомъ, не смотря на лицо, чинъ и родъ.
4.	
Когда предстанетъ мнѣ нужда во всенижайшемъ о чемъ либо всемилостивѣйшему	Всегда позволяется посылать письма, но пословъ отъ подданнаго

Монарху донесеніи, не имѣть никому права останавливать въ пути подданическое мое донесеніе и человѣка моего отправленнаго для полученія всемилостивѣйшаго отвѣта.

5.

Ознаменовану быть мнѣ всемилостивѣйше отъ Его Величества всѣми царскими знаками.

6.

Имѣть мнѣ письменное всемилостивѣйшее обѣщаніе на безопасное царствованіе наслѣдственно, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ и за подписомъ Сената.

7.

Поелику во все время царствованія моего имѣлъ я безпрестанную войну противу враговъ и окружныхъ сосѣдей, завладѣвая присвоенными ими силою мѣстами царства моего, да сверхъ сего имѣли мы выгоду, отправляя во всѣ стороны посланниковъ, но нынѣ лишились мы всей сей выгоды и остались только въ подданствѣ Его Императорскаго Величества, чтобы милосердіемъ щедро наполненъ былъ недостатокъ нашъ.

8.

Такъ какъ по Черному морю установленъ путь и войска россійскіе проходы свои имѣть будутъ всегда черезъ царство наше, то просимъ о томъ дабы не требовано было отъ насъ невозможнаго, поелику въ царствѣ имеретинскомъ весьма мало провіанта, а что въ пунктахъ написано о малой части войска, то мы не въ состояніи болѣе отдавать провіанта какъ на 500 человѣкъ, да и то съ трудностію, а фуража на лошадей со всѣмъ не имѣется.

къ государю своему неприлично будетъ посылать. Впрочемъ его высочество можетъ быть увѣренъ, что всякое письмо дойдетъ въ цѣлости до Государя.

Государь Императоръ не отвергая онаго желаетъ видѣть на дѣлѣ оказанное усердіе его высочества къ Россіи.

Когда есть уже грамота подписанная Его Императорскимъ Величествомъ утвержденная государственною печатью, то прилично ли просить о подпискѣ Сената? Кто совѣтъ сей подалъ его высочеству тотъ совершенный врагъ его высочеству, навлекая справедливый гнѣвъ Его Императорскаго Величества оказаніемъ неуваженія къ присланной высочайшей грамотѣ.

Стыдно просить, имѣя всѣ доходы царства въ своемъ распоряженіи

Никогда войско его Его Императорскаго Величества не можетъ быть въ тягость Имеретіи и провіанта на войска никогда требовать не будутъ, да и теперь бы не требовали (кои продаютъ по неслыханной въ Имеретіи цѣнѣ) если бы карабли не въ такое опасное время пришли и не разбило бы суда, ибо на нихъ было 6000 т. четвертей муки, 2000 четвертей ячменя и крупы, слѣдовательно просьбою сею окажетъ только его высочество недовѣріе къ россійскимъ войскамъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 27-й.

(Тифлис. Арх. Канц. Намѣст.)

Письмо царицы Анны къ кн. Циціанову 11-го февраля 1804 года изъ сел. Чаноли.

„Когда ваше сіятельство таковыя оказали мнѣ благодѣянія, коихъ я и недостойна была и не надѣялась когда либо оныя получить, ибо вашимъ благодѣяніемъ вижу я сына моего сироту, коего увидѣть въ жизни моей не чаяла, но какія во взаимность сего могу я вамъ представить услуги? Я и лично вамъ доносила и теперь то же повторяю, что все мое сердце принесено вамъ въ жертву. Совершенная моя къ вамъ преданность и любовь подали мнѣ смѣлость представить сіе письмо; во первыхъ надѣюсь на всевышняго Бога и на Его Императорское Величество, а по нихъ на васъ мой отецъ и благодѣтель, и что вы соизволите мнѣ сдѣлать добра или зла. Слышала, но не вѣрю, будто вамъ донесено изъ Имеретіи, чтобы царство Имеретинское оставалось у Соломона, а по немъ отдано было бы сыну моему и будто бы на сіе ваше сіятельство не согласились. Я сему не вѣрю, для того, что ваше сіятельство сами изволили мнѣ сказать, что вы иначе не согласитесь ни на что, какъ, чтобы по царѣ Соломонѣ царство отдано было Константину.

Сіятельный князь! Ставши на колѣни съ теплѣйшими слезами васъ умоляю да не возненавидите ни меня ниже сына моего вами освобожденнаго плѣнника Константина. Не дѣлайте ему несчастія лишивши его наслѣдія отъ самыхъ предковъ ему принадлежащаго. Если же я имѣю какую передъ вашимъ Сіятельствомъ винность не взирайте на нее милостивый отецъ; прошу васъ и умоляю яко блудный сынъ, сжальтесь надъ бѣдною женщиною столько лѣтъ несчастіями угнетенною и совершенно упадшею. Подайте мнѣ радость и облегченіе въ такомъ горестномъ моемъ положеніи. Константинъ нижайше вамъ кланяется и цѣлуетъ руки, упадши на колѣна умоляетъ васъ, чтобы вы его несчастнаго сироту не оставили въ несчастіи яко его благодѣтель и отецъ“.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 28-й.

1.

Милостивая Государыня моя Госпожа Царица Анна!

Желающій вашего свиданія сынъ вашъ Константинъ, цалуетъ милостивую мнѣ вашу руку. Имѣлъ я честь получить письмо ваше и когда извѣстился о вашемъ благополучіи, благодарю Бога и ни о чемъ не буду печалиться. Моя милостивая матушка! знаю, что вы изволите на меня гнѣваться, но я еще надѣюсь на Бога, что вы меня не возненавидите такъ, чтобы не угодно было вамъ вѣдать обо мнѣ, что мнѣ дѣлать? Страхъ и опасность меня сюда удалили, а то клянусь Богомъ, что тотъ день былъ для меня точно таковой, каковой бывастъ при разлученіи души съ тѣломъ. Теперь если имѣете еще обо мнѣ сожалѣніе, то устройте мое дѣло такъ, чтобы я не лишенъ былъ зрѣнія на мое отечество, со стороны вашей (т. е. Россіи), а съ этой стороны (т. е. Имеретіи) обо мнѣ не печальтесь, да будетъ дѣло мое совершенно по волѣ Божіей. Есть ли вы соизволите, конечно, скоро будетъ сдѣлано мое дѣло, а есть ли не соизволите, то да жертвую я вамъ жизнію своею. Гдѣ бы я ни былъ долженъ жить вашимъ счастіемъ. Я въ томъ передъ вами очень виноватъ, что безъ вашего спросу уѣхалъ, но что мнѣ дѣлать. Зналъ я, что вы меня не отпустили бы, я васъ увѣдомилъ. Весьма крѣпко мнѣ хотѣлоеь къ отцу Алексѣю, но случившееся съ царевичами дѣло заставило меня очень думать, ибо пришли въ Имеретію и отсюда взяли царевича Іулона. Въ скорости я къ вамъ отправлю священника Виссаріона, который всѣ мои слова вамъ донесетъ.

2.

Его высокопреподобію, моему упованію духовному отцу и господину протопопу Алексѣю.

Готовый всегда къ услугамъ вашимъ, царевичь Константинъ, лобзаетъ вашу святую десницу. Въ письмѣ вашемъ мною полученномъ все было писано къ моей пользѣ. Я знаю совершенно, что великую оказалъ милость Государь и Его визирь князь Циціановъ, но, наконецъ, открылось, что онъ по счастію Всемилостивѣйшаго Государя пріобрѣлъ Имеретію, а обо мнѣ ни слова не было сказано, что могъ ли бы я видѣть отечество мое и моихъ сестеръ и мою землю, побужденъ былъ я по младости моей сіе сдѣлать. Но заклинаюсь саномъ твоимъ, что я еще сестеръ моихъ не видалъ, развѣ я того не знаю, что все

поднебесное вошло подъ покровительство Всемилостивѣйшаго Государя, я хотя бы здѣсь, хотя бы въ Грузіи находился. Есть ли кто постарается и исходатайствуетъ у Государя, чтобы я не удаленъ своей земли, тотъ и Богу угодитъ и мнѣ сдѣлаетъ милость, есть ли же нѣтъ, гдѣ бы я не былъ, буди по благости Божіей въ вѣрности всемилостивѣйшаго Государя и Его милостію долженъ имѣть пропитаніе. Я и самъ знаю, что предъ государынею моею матерью царицею, которая меня освободила весьма виноватъ: но зналъ я, что она бы меня не отпустила, есть ли бы я ее увѣдомилъ. Прошу привесть меня ей въ сожалѣніе, чтобы на меня не гнѣвалась. Іюля 29-го дня 1804 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 29-й.

(Арх. Мин. Ин. Дѣлъ 1—5. 1802—1803 № 5).

Высочайшій рескриптъ имеретинской царицѣ Аннѣ.

Вдовствующая царица имеретинская Анна!

„Съ самаго того времени, когда переселеніемъ вашимъ въ Россію возложили вы на насъ пріятное попеченіе о доставленіи вамъ спокойнаго и безнужнаго житія, старались мы всегда изыскивать способы, кои заботливость наша могла бы употребить на пользу вашу. Въ такомъ нашемъ къ вамъ благорасположеніи находимъ мы, что мѣсто настоящаго пребыванія вашего, по отдаленности своей не позволяетъ вамъ, по мѣстнымъ недостаткамъ того края, приличное дать воспитаніе царевичу сыну вашему, а тѣмъ самымъ подвергаетъ васъ чувствительнѣйшему для родительскаго сердца лишенію. Сіе уваженіе побуждаетъ насъ пригласить васъ отправиться съ сыномъ вашимъ на жительство въ Москву. Тѣ выгоды, которыя столица сія представитъ вамъ для пріятнѣйшаго препровожденія времени и способы, которые найдетъ тамъ царевичъ къ пріобрѣтенію всѣхъ познаній ему необходимо нужныхъ по рожденію его, къ чему существующій въ сей древней столицѣ нашей университетъ представитъ довольно средствъ. А потому предлагаемъ мы, на случай согласія вашего на сіе, умножить удвоеніемъ ежегодной пенсіи вашей и опредѣленіемъ сыну вашему равномѣрно по 10 т. руб. на годъ, которое назначеніе будетъ имѣть мѣсто съ пріѣзда вашего въ Москву. Мы надѣемся, что сей новый опытъ особливо нашего благоволенія, вы тѣмъ болѣе почтитесь оправдать готовностію вашею идти на встрѣчу желанію нашему, что оно единственно пользу вашу въ предметѣ имѣетъ. Для чего повелѣли мы командующему въ Грузіи князю Циціанову нужныя распоряженія и пособія оказать для сего вашего переселенія“.

Князь Циціановъ оставилъ этотъ рескриптъ у себя до окончательнаго постановленія съ Имеретіею.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 30-й.

(Тифл. Арх. Канцел. Намѣстн.).

Предписаніе Циціанова генералъ-маіору дель-Поцо отъ 29 января 1805 года.

По высочайшему Его Императорскаго Величества, за собственноручнымъ подписаніемъ, указу въ 29 день мая, на имя мое, состоявшемуся, ваше превосходительство назначены начальникомъ надъ обѣими Кабардами съ произвожденіемъ по чину вашему жалованьемъ, которое имѣетѣ получать, къ прежде назначенному по особому указу, изъ 21 тысячной, въ вѣдѣніи моемъ состоящей, суммы. Сколько извѣстно мнѣ ваше усердіе къ службѣ Его Императорскаго Величества, расторопность и внимательное отправленіе должности на васъ возложенной, ни удостовѣряетъ, что вы почтитесь оправдать выборъ мой васъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ, но долгъ званія моего ставитъ меня въ обязанность указать вамъ главныя черты правилъ и поведенія, коего держаться надлежитъ при управленіи симъ неспокойнымъ и къ хищнической жизни пріобыкшимъ народомъ; и тѣмъ еще необходимѣе, что по представленію моему Высочайше утвержденному, перемѣниться должна отъ сего дня стистема онаго управленія.

До нынѣ система состояла въ обузданіи лютости ихъ: 1) поддерживаніемъ узденей въ неповиновеніи къ ихъ князьямъ. 2) Пенсіономъ явно производимымъ. Разсматривая со вниманіемъ сіи два способа, нашелъ я ихъ болѣе ковреду, нежели къ пользѣ цѣли служащими; ибо первымъ, содержа узденей противъ ихъ князей во враждѣ, не чувствительно Россія вселяла въ нихъ военный духъ, и заставляла ихъ по необходимости сдѣлаться годъ отъ года больше военными людьми, нежели спокойными обывателями. Слѣдовательно, не обѣщающими оставить свои дикія и пагубныя привычки. А второй способъ, производя, въ неполучающимъ къ получающимъ пенсіоны, зависть неминуемо возраждалъ въ первыхъ къ послѣднимъ презрѣніе и неуваженіе, считая ихъ предателями собратій.

И для того предположено, оставя сію систему, основать новую, на трехъ главнѣйшихъ предметахъ, а именно: 1) на перемѣнѣ ихъ воспитанія; 2) на введеніи, въ Кабарду роскоши и 3) на сближеніе оной съ россійскими нравами, покровительствуя наружно ихъ вѣру и умножая случаи къ сообщенію съ россійскими.

По разуму сихъ трехъ номинальныхъ предметовъ, по представленію моему Высочайше утверждено: 1) чтобы въ Георгіевскѣ и Екатериноградѣ заведены были училища, для обученія дѣтей кабардинскихъ владѣльцовъ и узденей, ка-

ковые воспитанники, послѣ перемѣщаемы были бы изъ училищъ въ кадетскіе корпуса; 2) Чтобы учредить безпошлинный впускъ въ тѣ мѣста, куда за нужное признано будетъ, кабардинскихъ домашнихъ произведеній и издѣлій, особливо въ торговые дни; 3) чтобы въ Георгіевскѣ и Константиногорскѣ, построить казеннымъ коштомъ мечети и имѣть горцамъ муллу для отправленія ихъ богослуженія, наконецъ 4) чтобы сформировать кабардинскій гвардейскій эскадронъ.

Изложа всѣ милосердія Его Императорскаго Величества, о благосклонности сего народа, попеченія, и новыя Высочайше дарованныя милости оному, предписываю первоначально вруча имъ мое къ нимъ письмо, здѣсь въ спискѣ прилагаемое, съ объявленіемъ всего-того, внушить всю важность онаго, потомъ приступить къ выполненію всѣхъ вышеписанныхъ статей и именно:

1) Выбрать мѣсто въ Георгіевскѣ за крѣпостію, для построенія мечети, около которой желательно бы было, чтобъ они, особливо мастеровые, поселились подъ именемъ кабардинскаго форштата. Начало сіе можно сдѣлать переводомъ тѣхъ, кои теперь въ Георгіевскѣ находятся; въ Екатериноградѣ, тоже на мѣстахъ выбранныхъ, снесясь съ господиномъ генералъ-маіоромъ Брюзгинымъ, меня увѣдомить.

2) Узнавъ о муллахъ и ахундахъ, или ихъ духовныхъ, кои больше противъ другихъ имѣютъ отъ народа довѣренности и уваженія, стараться ихъ привлечь на нашу сторону, обѣщая ежегодно производить тайно пенсіоны, доколѣ вѣрными пребудутъ, и изъ таковыхъ двухъ выбрать для сихъ двухъ мечетей.

3) Защищать ихъ всѣми образами отъ притѣсненій чинимыхъ имъ нашими воинскими чинами.

4) Когда построены будутъ мечети, и при нихъ школа, то склонять чрезъ муллъ, для пополненія ихъ учениками. Буде же и прежде до построенія школъ набралось до 12 или болѣе охотниковъ отдать своихъ дѣтей, то меня увѣдомить и я временныя школы учредить поспѣшу.

5) Такъ какъ главнѣйшимъ неудовольствіемъ ихъ служитъ введеніе родовыхъ судовъ, то стараться узнать и развѣдать мысли сего народа, будутъ ли они довольны тѣмъ, чтобы первую инстанцію разбирательствъ ихъ, сверхъ и всякаго рода дѣлъ, поручить ихъ муллламъ, кадіямъ и ахундамъ съ тѣмъ, чтобы они представляли ежемѣсячно верховному пограничному суду о числѣ бывшихъ дѣлъ и безъ спора ихъ судомъ кончившихся. Въ важныхъ же случаяхъ, рѣшенія представляли оному жъ верховному пограничному суду, предоставляя сему и аппеляціею на судъ ахундовъ, а чрезъ сіе не развлекая власти, они могутъ быть довольны, ибо ихъ цѣль въ томъ состоитъ; впрочемъ, главнѣйше нужно дознать, не будетъ ли съ такою перемѣною сопряжено что либо противное предполагаемымъ видамъ и не подаетъ ли поводу къ отклоненію ихъ отъ русскихъ.

6) Внушить всѣ тѣ пользы и выгоды, каковыя могутъ пріобрѣсть молодые люди изъ князей и дворянъ, служа въ гвардейскомъ эскадронѣ, долженствующемъ быть сформированнымъ; стараться склонить къ тому столько, чтобы на первый разъ можно было составить одинъ таковой эскадронъ.

7) Сверхъ того, для яснѣйшаго понятія о всѣхъ обязанностяхъ вашихъ при вступленіи въ управленіе кабардинцами, прилагаю при семъ списокъ съ Высочайше утвержденнаго всеподданнѣйшаго моего доклада, относительно перемѣны системы управленія сего народа.

8) Наконецъ, предлагаю вашему превосходительству, какъ сей ордеръ постановленія заключающій, такъ копію со всеподданнѣйшаго моего доклада высочайше утвержденнаго, хранить въ непроницаемой тайнѣ и не ввѣрять ихъ даже при васъ находящемуся писцу. Генералъ-же лейтетанту Глазенапу, можно все оное прочесть на единѣ, въ подкрѣпленіе могущихъ случиться у васъ требованій въ его пособіи, но списковъ съ онаго не давать, дабы не скромностію иногда писца, не открылась сія тайна системы и не разрушила бы тѣмъ сего благораспоряженія.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 31-й.

(Арх. Минист. Внут. Дѣлъ по деп. Общихъ дѣлъ).

Отношеніе князя Кочубея къ кн. Циціанову отъ 8 іюля 1804 года.

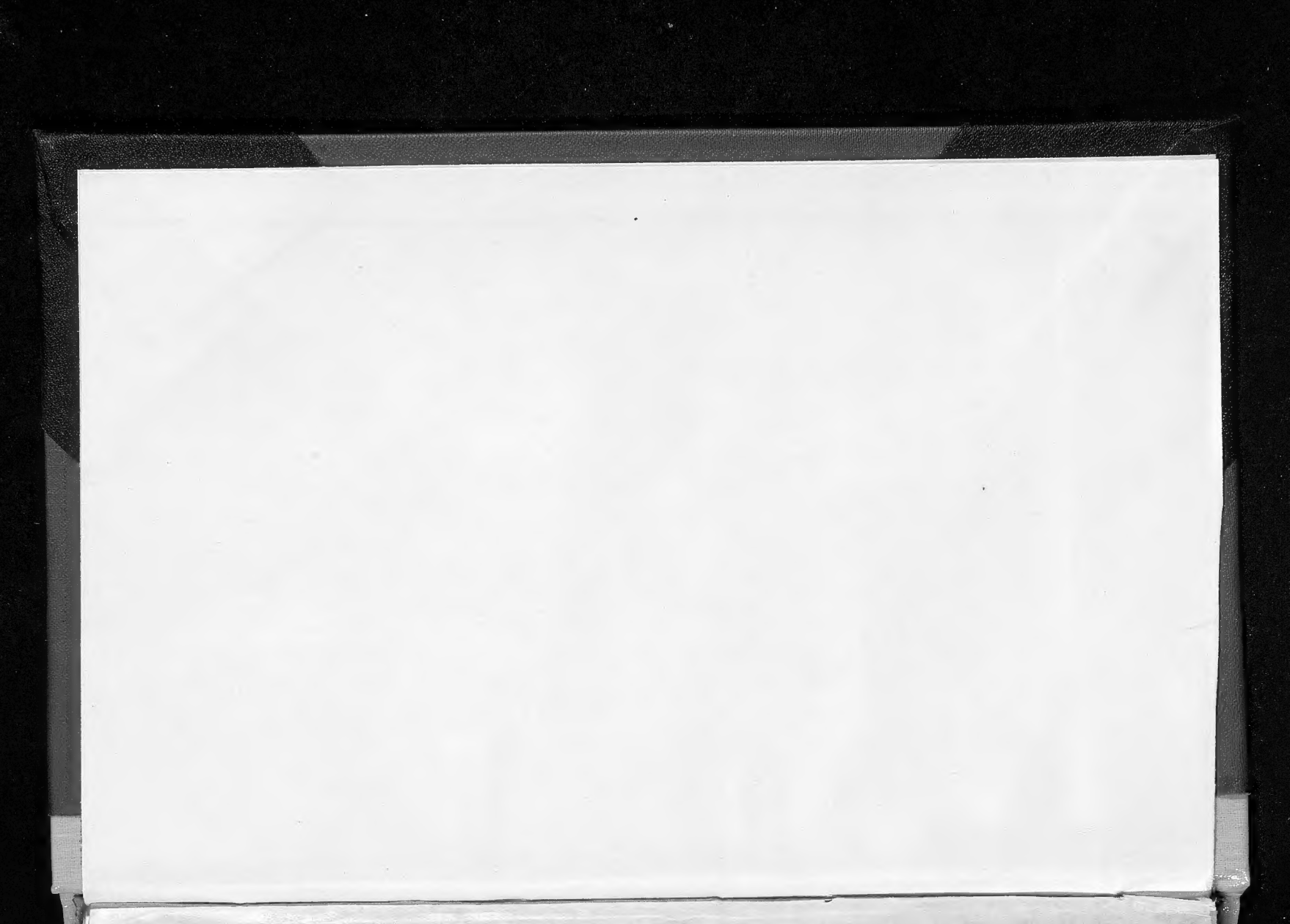
По случаю доставленныхъ вашимъ сіятельствомъ пунктовъ о принятіи царя имеретинскаго въ подданство Его Императорскаго Величества и постановленныхъ вами, милостивый государь мой, предъ симъ таковымъ же для Мингреліи, равно какъ и въ слѣдствіе тѣхъ неудобствъ, которыя найдены вами, милостивый государь мой, въ управленіи Грузіи по обрядамъ нашимъ, и о коихъ столь основательно упомянули вы въ донесніи вашемъ, Государь Императоръ имѣлъ мысль, что можетъ быть и въ Грузіи можно было бы учредить правленіе нѣкоторымъ образомъ. соотвѣтственное тому, которое существуетъ въ Мингреліи и Имеретіи, то есть: что можетъ и тамъ быть установленъ владѣлецъ, вліяніе коего не распространяясь свыше того, которое предоставлено владѣльцамъ другихъ двухъ областей, мы бы не менѣе сохранили всѣ тѣ выгоды, коими нынѣ пользуемся и постановили бы можетъ быть еще болѣе на вѣрную ногу въ семъ новомъ владѣніи, привязавъ Грузинъ, если бы сохранили они нѣкоторую при-

евренность къ царскому дому и уничтоживъ безпокойство владѣльцовъ уже Россіи подвластнымъ, или подчиниться ей могущихъ, отнявъ поводъ къ заключеніямъ, что мы все присвоить къ себѣ желаемъ; но Его Императорское Величество, не останавливаясь отнюдь на мысли сей, высочайше указать мнѣ изволилъ, сообщить оную вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы, сообразивъ ее съ мѣстными обстоятельствами, представили Государю Императору мнѣніе ваше, присоединивъ, въ случаѣ если бы нашли вы дѣйствительно предположенія сіи полезными, планъ, какимъ образомъ правленіе сіе въ Грузіи устроено быть можетъ, и кого изъ членовъ грузинскаго царскаго дома владѣльцамъ или чиноначальникомъ, какое бы имя ни было дано, назначить можно было бы.

Впрочемъ я имѣю обязанностію присовокупить здѣсь, что сіи мысли, никакой зрѣлости здѣсь не пріобрѣвшія, и не могущія получить оныя, до тѣхъ поръ, пока вы, милостивый государь мой, не утвердите ихъ мнѣніемъ вашимъ останутся въ непроницаемой здѣсь тайнѣ и что таковыми сохранить ихъ тѣмъ наипаче нужно, что ваше сіятельство легко судить можете сколько происковъ со стороны членовъ царскаго дома и преверженныхъ къ нимъ людей и малѣйшее оныхъ открытіе возродить можетъ.“

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
5	9 сверху	Персіане.	Персіяне.
5	18 „	продолжалась.	продолжалось.
55	18 „	внѣтними.	внѣшними.
76	14 снизу	обргзомъ.	образомъ.
77	8 „	усмотренію.	усмотрѣнію.
112	10 „	азіатскихъ.	азіятскихъ.
119	11 сверху	патріарха;	патріарха,
126	11 „	азіатскіе.	азіятскіе.
129	8 снизу	отдано было.	отдана была.
132	6 „	азіатское.	азіятское.
143	8 „	жизни.	жизни.
145	5 сверху	ахалцыскаго.	ахалцыхскаго.
146	2 „	переходитъ.	переходилъ.
146	4 „	непоколибимо.	непоколебимо.
152	22 „	азіатскому.	азіятскому.
209	5 „	князя Орбельянова.	князя Орбеліанова.
215	16 снизу	Грузію вкоренившіяся.	Грузіи вкоренившіеся.
217	8 сверху	ахальцыхскихъ	ахалцыхскихъ.
217	2 снизу	Цехановскаго.	Цеханскаго.
218	17 сверху	до Салки.	до Цалки.
218	11 снизу	преслѣвалъ.	преслѣдовалъ.
219	5 сверху	Реджебъ паши.	Реджибъ паши.
223	10 „	недозволить.	дозволить.
223	3 снизу	кн. Андроникову.	Андроникова.
226	16 „	и теперь,	а теперь,
251	10 сверху	Его Высочеству, такъ.	Его Величеству, какъ.
269	19 „	ъ переѣхалъ.	онъ переѣхалъ.
278	16 „	вдревности.	въ древности.
306	12 снизу	поднесено.	поднесенное.
306	10 „	благонравію воспитанію.	благонравію и воспитанію.
322	9 сверху	получивъ.	получилъ.
325	15 снизу	12-ть фунтовой.	12-ти фунтовой.
329	19 сверху	Калъ-Балы-ханъ.	Кіалъ-Балы-ханъ
329	14 снизу	Абасъ-Мирза.	Аббасъ-Мирза.
333	20 „	но положилъ	положилъ.
339	12 сверху	половникомъ.	полковникомъ.
354	3 снизу	Шуму	Шушу.
356	4 „	азіатскихъ.	азіятскихъ.
357	3 и 7 сверху	азіатскихъ.	азіятскихъ.
359	10 сверху	осѣтинскими	осетинскими.
362	17 снизу	Тіулитинцамъ.	Тіулетинцамъ.
365	12 „	прозьбѣ.	просьбѣ.
370	5 „	Портнягихъ.	Портнягинъ.
372	5 сверху	„Послѣ усмиренія.	Послѣ усмиренія.
374	12 снизу	узнавъ.	узналъ.
396	7 „	и отецъ [1]“.	и отецъ [2]“.



ДУБРОВИНА Н